

НЕИЗВЕСТНЫЙ СУЛТАН-ГАЛИЕВ:

**РАСЕКРЕЧЕННЫЕ
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002

УДК 93/99
ББК 63.3
Н 45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Р.Тагиров, академик АН РТ (руководитель)
И.Г.Ахметзянов, кандидат исторических наук
И.Г.Газатуллин, кандидат исторических наук
Л.В.Горохова, директор Национального архива Республики Татарстан
Б.Ф.Султанбеков, кандидат исторических наук, профессор
Д.Р.Шарафутдинов, кандидат исторических наук, профессор КГЭУ
Н.В.Юсупова, директор Центрального государственного архива
историко-политической документации Республики Татарстан

СОСТАВИТЕЛИ:

Б.Ф.Султанбеков
Д.Р.Шарафутдинов

СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

С.С.Елизарова
Г.С.Садретдинова

Султанбеков Б.Ф. Шарафутдинов Д.Р.

Н 45 **Неизвестный Султан-Галиев: Рассекреченные документы и материалы.** — Казань: Татар.кн.изд-во, 2002.—459с.

Книга раскрывает многие ранее неизвестные страницы политической истории страны. Следственное дело М.Х.Султан-Галиева, своеобразная «энциклопедия» политической жизни СССР, в ней отчетливо прослеживаются тенденции, которые привели к образованию тоталитарного государства.

СОДЕРЖАНИЕ

Мирсаид Султан-Галиев: жизнь и судьба.	10
1. Выписки из информационных сводок ГПУ о настроениях, царивших внутри национальных групп (17 октября — 26 ноября 1922 г.).	28
2. Обзор сообщений секретного сотрудника ГПУ о течениях в объединительном движении мусульман и деятельности М.Х.Султан-Галиева (30 ноября 1922 г.).	30
3. Решение Оргбюро ЦК РКП(б) о нецелесообразности дальнейшей работы М.Х.Султан-Галиева в коллегии Наркомнаца (Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 г.).	31
4. Репорты секретного сотрудника ГПУ о М.Х.Султан-Галиеве (30 января — 20 марта 1923 г.).	32
5. Информация секретного сотрудника ГПУ о подготовке М.Х.Султан-Галиевым нелегального съезда коммунистов восточных республик (2 марта 1923 г.).	34
6. Репорт старшего руководителя «№ 13» начальнику агентуры ГПУ об информации агента «Молния» о деятельности М.Х.Султан-Галиева в восточном вопросе (4 марта 1923 г.).	36
7. Служебная записка начальника 3-го отдела ВО ГПУ Н.Л.Волленберга Грабовскому о заведении агентурного дела на М.Х.Султан-Галиева (5 марта 1923 г.).	37
8. Письмо М.Х.Султан-Галиева Таджи-Бахши (6 марта 1923 г.).	37
9. Записка сотрудника Наркомнаца начальнику ВО ГПУ Я.Х.Петерсу о почерке М.Х.Султан-Галиева (7 марта 1923 г.).	38
10. Информация слушателя Военной академии РККА Крымова о проявлениях буржуазного национализма в Киргизии и Татарии (18 марта 1923 г.).	38
11. Информация секретного сотрудника ГПУ о формировании М.Х.Султан-Галиевым оппозиции ЦК РКП(б) по вопросу национальной политики, с изложением содержания письма М.Х.Султан-Галиева башкирским работникам (позднее 20 марта 1923 г.).	41
12. Расшифровка перехваченного 8 апреля 1923 г. Башотделом ГПУ письма М.Х.Султан-Галиева А.К.Адигамову (между 27 — 29 марта 1923 г.).	44
13. Письмо А.К.Адигамова М.Х.Султан-Галиеву (2 апреля 1923 г.).	45
14. Информация секретного сотрудника ГПУ о контактах М.Х.Султан-Галиева с наработчиками перед XII съездом РКП(б) (6—7 апреля 1923 г.).	45
15. Письмо 12 руководящих работников Башкирской АССР секретарю ЦК РКП(б) И.В.Сталину о положении партийной организации республики (ранее 12 апреля 1923 г.).	47
16. Телеграммы начальника Башотдела ГПУ Бедогурова начальнику ВО ГПУ Я.Х.Петерсу о шифрованном письме М.Х.Султан-Галиева А.К.Адигамову (11 апреля 1923 г.).	50
17. Служебная записка начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса Н.Л.Волленбергу об экспертизе почерка М.Х.Султан-Галиева по шифровке (позднее 11 апреля 1923 г.).	52
18. Телеграмма башкомпроса А.К.Адигамова в Москву в Башпредставительство (13 апреля 1923 г.).	52

19. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса начальнику Башотдела ГПУ Белогурову о соблюдении конспирации (11 апреля 1923 г.).	52
20. Информация секретного сотрудника ГПУ «Максимова» о встречах М.Х.Султан-Галиева с делегатами XII съезда РКП(б) от национальных республик и областей (ранее 17 апреля 1923 г.).	53
21. Информация секретного сотрудника ГПУ о планах М.Х.Султан-Галиева по выработке конкретной программы объединения Востока (ранее 17 апреля 1923 г.).	53
22. Служебная записка начальника следотдела при ГПУ Г.Вокля о результатах экспертизы почерка автора письма под псевдонимом «Рустем» (ранее 19 апреля 1923 г.).	54
23. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса Соколовскому о подтверждении сведений о М.Х.Султан-Галиеве (19 апреля 1923 г.).	54
24. Информация секретного сотрудника ВО ГПУ об обсуждении национального вопроса делегатами XII съезда РКП(б) от партийных организаций Грузии, Башкирии, Татарии, Азербайджана и Туркестана (позднее 22 апреля 1923 г.).	54
25. Отношение Башотдела ГПУ оперативному отделу ГПУ о наблюдении за А.И.Бикбавовым (23 апреля 1923 г.).	56
26. Телеграмма начальника Башотдела ГПУ Белогурова в ВО ГПУ о поездке А.К. Адигамова (23 апреля 1923 г.).	56
27. Выписка из информационной сводки № 149 ГПУ (27 апреля 1923 г.).	56
28. Сводки ВО ГПУ по делу «Рябой» (30 апреля — 5 мая 1923 г.).	57
29. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса начальнику Башотдела ГПУ Белогурову (4 мая 1923 г.).	59
30. Выписка из протокола № 6 заседания партколлегии ЦКК РКП(б) (4 мая 1923 г.).	59
31. Выписка из протокола № 3 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) (4 мая 1923 г.).	59
32. Заявление группы руководящих работников ТАССР в ЦК РКП(б), копии: секретарям ЦК И.В.Сталину, В.М.Молотову, Я.Э.Рудзутаку, членам ЦК Г.Е.Зиновьеву, Л.В.Каменеву, Л.Д.Троцкому, Н.И.Бухарину, К.Б.Радеку и В.В.Куйбышеву, — об отмене репрессий по отношению М.Х.Султан-Галиева (8 мая 1923 г.).	60
33. Заявление группы руководящих работников Татарской АССР в ЦК РКП(б), копии: секретарям И.В.Сталину, Я.Э.Рудзутаку, В.М.Молотову, членам ЦК Л.Д.Троцкому, Г.Е.Зиновьеву, Н.И.Бухарину, В.В.Куйбышеву, Л.В.Каменеву, — о реабилитации М.Х.Султан-Галиева (позднее 8 мая 1923 г.).	62
34. Информация секретного сотрудника ГПУ о деятельности национальных работников Туркестана после ареста М.Х.Султан-Галиева (позднее 9 мая 1923 г.).	64
35. Показания заместителя председателя Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири К.К.Тарджиманова об обстоятельствах отправки писем М.Х.Султан-Галиева в Башкирию (9 мая 1923 г.).	66
36. Показания полномочного представителя БАССР при Наркомназе Ш.Д.Тухватуллина об обстоятельствах вызова А.К.Адигамова в Москву (11 мая 1923 г.).	66
37. Показания И.А.Космасова об обстоятельствах передачи писем К.К.Тарджиманова в Уфу Ш.Д.Тухватуллину (15 мая 1923 г.).	67
38. Дополнительные показания И.А.Космасова (позднее 15 мая 1923 г.).	68
39. Объяснительная записка членов ЦКК РКП(б) А.Сольца, М.Шкирятова и Я.Петерса по делу М.Х.Султан-Галиева (позднее 15 мая — ранее 19 мая 1923 г.).	68
40. Письмо секретаря ЦК РКП(б) В.М.Молотова председателю СНК ТАССР К.Г.Мухтарову, копия: секретарю Татарского обкома РКП(б) А.Е.Живову, — о М.Х.Султан-Галиеве (16 мая 1923 г.).	70
41. Выписка из протокола № 6 заседания Политбюро ЦК РКП(б) (19 мая 1923 г.).	70
42. Выписка из протокола № 6 заседания Президиума ЦКК РКП(б) (21 мая 1923 г.).	71

43. Выписка из протокола (19—21 июля 1923 г.) № 7 заседания Политбюро ЦК РКП(б) (21 мая 1923 г.).	71
44. Письмо Ф.Э.Дзержинского в ЦКК РКП(б) о возложении на В.Р.Менжинского ведения следствия по делу М.Х.Султан-Галиева (21 мая 1923 г.).	71
45. Письмо ЦКК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) о мерах пресечения по отношению М.Х. Султан-Галиева (23 мая 1923 г.).	72
46. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК РКП(б) (24 мая 1923 г.).	72
47. Приложение № 1 к пункту 1 протокола № 9 заседания Секретариата ЦК РКП(б) (24 мая 1923 г.).	73
48. Показания М.Х.Султан-Галиева об обстоятельствах отправки письма на имя Таджи-Бахши (29 мая 1923 г.).	74
49. Показания М.Х.Султан-Галиева о расходах на поддержание связи с единомышленниками (3 июня 1923 г.).	75
50. Заключение ГПУ по делу М.Х.Султан-Галиева, направленное в ЦКК РКП(б) (6 июня 1923 г.).	76
51. Революция IVсовещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей по первому пункту порядка дня («Дело Султан-Галиева») (12 июня 1923 г.).	80
52. Из stenографического отчета совещания Татарского обкома РКП(б) и ОКК, ответработников по национальному вопросу (19—21 июля 1923 г.).	81
53. Решение Президиума ЦКК РКП(б) об отклонении заявления М.Х.Султан-Галиева о восстановлении его в партии (5 декабря 1924 г.).	184
54. Обращение группы коммунистов национальных республик секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину с требованием созыва совещания по национальному вопросу (5 января 1925 г.).	184
55. Из меморандума следственных материалов на К.Г.Мухтарова (31 октября 1928 г.).	185
56. Из меморандума следственных материалов на А.М.Енбаева (31 октября 1928 г.).	189
57. Из меморандума следственных материалов на И.К.Фирдеса (31 октября 1928 г.).	192
58. Из меморандума следственных материалов на О.Г.Дерен-Айерлы (1 ноября 1928 г.).	201
59. Показания М.Х.Султан-Галиева об отношении «правых» татарских коммунистов к оппозиции (27 декабря 1928 г.).	206
60. Докладная записка заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды и начальника ВО ОГПУ Я.Х.Петерса в ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК ВКП(б) об антипартийной и антисоветской деятельности К.Г.Мухтарова, А.М.Енбаева, Г.Г.Мансурова, Р.А.Сабирова, И.К.Фирдеса, О.Г.Дерена-Айерлы (29 мая 1929 г.).	210
61. Из меморандума следственных материалов на К.Г.Мухтарова (1 июня 1929 г.).	223
62. Из меморандума следственных материалов на Г.Г.Мансурова (1 июня 1929 г.).	226
63. Из меморандума следственных материалов на А.М.Енбаева (1 июня 1929 г.).	230
64. Из меморандума следственных материалов на Р.А.Сабирова (1 июня 1929 г.).	231
65. Из меморандума следственных материалов на И.К.Фирдеса (1 июня 1929 г.).	234
66. Справка секретаря Партколлегии ЦКК ВКП(б) Е.М.Ярославского об антипартийной и антисоветской деятельности К.Г.Мухтарова, А.М.Енбаева, Г.Г.Мансурова, Р.А.Сабирова, И.К.Фирдеса, О.Г.Дерена-Айерлы (7 июля 1929 г.).	237
67. Опрос Г.Г.Мансурова комиссией ЦКК ВКП(б) (22 июля 1929 г.).	240
68. Заявление К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова и Р.А.Сабирова секретарю ЦК ВКП(б) В.М.Молотову с протестом против предъявленных им обвинений ЦКК ВКП(б) (30 июля 1929 г.).	244

69. Заявление К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова и Р.А.Сабилова членам ЦК ВКП(б) с протестом против предъявленных им обвинений ЦКК ВКП(б) (7 августа 1929 г.).	246
70. Показания И.К.Фирдеса с изложением мнения о вопросе публичного выступления М.Х.Султан-Галиева и группы «правых» татарских коммунистов с признанием своих ошибок	251
71. Показания М.Х.Султан-Галиева об обстоятельствах составления и обсуждения «Тезисов об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы» (13 августа 1929 г.).	252
72. Показания М.Х.Султан-Галиева по поводу показаний О.Г.Дерена-Айерлы о разговорах среди московских «правых» татарских коммунистов в связи с Рыскуловским совещанием (13 августа 1929)г.	254
73. Выписка из протокола № 93 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (15 августа 1929 г.).	255
74. Обращение И.К.Фирдеса в ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б) с признанием своих ошибок (17 августа 1929г.).	256
75. Обращение Р.А.Сабилова к членам ЦК ВКП(б) с отказом от заявления в ЦК ВКП(б) от 7 августа 1929 г. (позднее 20 августа 1929 г.).	259
76. Докладная записка и предложения ЦКК ВКП(б) по делу «правых» татарских коммунистов-султангалиевцев (21 августа 1929 г.).	260
77. Постановление ЦКК ВКП(б) по делу об антисоветской и антипартийной деятельности К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова, А.М.Енбаева, Р.А.Сабилова, И.К.Фирдеса и О.Г.Дерен-Айерлы.	275
78. Из письма И.В.Сталина Л.М.Кагановичу (13 сентября 1929 г.).	277
79. Стенограмма обсуждения революции по делу М.Х.Султан-Галиева на заседании Бюро Татарского обкома ВКП(б) (26 сентября 1929 г.).	277
80. Из протокола заседания Бюро Татарского обкома ВКП(б) 26 сентября 1929 г.	294
81. Резолюция по вопросу о султангалиевщине, рассмотренная на заседании Бюро Татарского обкома ВКП(б) 26 сентября 1929 г. и утвержденная на заседании Бюро 1 октября 1929 г.	294
82. Протокол собрания партактива Верхне-Городского района г.Казани (12 октября 1929 г.).	299
83. Из речи М.П.Разумова на III пленуме Татарского обкома ВКП(б) (3 ноября 1929 г.).	321
84. Из резолюции III пленума Татарского обкома ВКП(б) по докладу Бюро ОК.	329
85. Письмо А.Богданова в ЦКК ВКП(б) о необходимости принятия неотложных мер по борьбе с султангалиевщиной (8 марта 1930 г.).	331
86. Заявление М.Х.Султан-Галиева председателю коллегии ОГПУ В.Р.Менжинскому, копия: секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину — в связи с вынесением приговора коллегией ОГПУ (30 января 1931 г.).	337
87. Справка 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о привлечении к ответственности и аресте М.Х.Султан-Галиева (14 марта 1937 г.).	339
88. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения М.Х.Султан-Галиеву (19 марта 1937 г.).	340
89. Ордер на арест М.Х.Султан-Галиева (19 марта 1937 г.).	340
90. Протокол обыска в доме М.Х.Султан-Галиева (19 марта 1937 г.).	341
91. Протокол обыска рабочего стола М.Х.Султан-Галиева (19 марта 1937 г.).	342
92. Анкета арестованного М.Х.Султан-Галиева (20 марта 1937 г.).	342
93. Протоколы допросов М.Х.Султан-Галиева в УГБ УНКВД по Саратовской области. (20 марта — 21 апреля 1937 г.).	343
94. Постановление 4-го отделения 4-го отдела УГД УНКВД по Саратовской области о продлении срока ведения следствия и содержании под стражей М.Х.Султан-Галиева (8 мая 1937 г.).	352

95. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о возбуждении ходатайства перед Президиумом ЦИК СССР о продолжении срока ведения следствия и содержания под стражей М.Х.Султан-Галиева (29 мая 1937 г.).	353
96. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о выделении материалов по обвинению М.Х.Султан-Галиева по ст.58 п.10 УК РСФСР из общего дела в отдельное (31 мая 1937 г.).	353
97. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о направлении М.Х.Султан-Галиева в распоряжение НКВД ТАССР (1 июня 1937 г.).	354
98. Сопроводительное письмо УГБ УНКВД по Саратовской области в НКВД ТАССР (7 июня 1937 г.).	354
99. Постановление 4-го отдела УГБ НКВД ТАССР о присоединении следственного дела М.Х.Султан-Галиева к делу Ганеева, Магдеева и др. (27 июня 1937 г.).	355
100. Протокол допроса в УГБ НКВД ТАССР М.Х.Султан-Галиева (17 августа 1937 г.).	355
101. Постановление 4-го отдела УГБ НКВД ТАССР о передаче на хранение личных вещей М.Х.Султан-Галиева (29 августа 1937 г.).	363
102. Протокол допроса М.Х.Султан-Галиева в УГБ НКВД ТАССР (27 декабря 1937 г.).	364
103. Постановление 4-го отдела УГБ НКВД ТАССР о направлении следственного дела М.Х.Султан-Галиева в 4-й отдел 1-го Управления НКВД СССР (15 сентября 1938 г.).	364
104. Постановления Главного управления Государственной безопасности о возбуждении ходатайства перед прокурором СССР о продлении срока ведения следствия по делу М.Х.Султан-Галиева (10 декабря 1938 г.; 25 апреля 1939 г.).	365
105. Постановление 4-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД об изменении квалификации состава преступления М.Х.Султан-Галиева (31 мая 1939 г.).	367
106. Обвинительное заключение ГУГБ НКВД СССР по следственному делу по обвинению М.Х.Султан-Галиева (11 июня 1939 г.).	367
107. Протокол 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР об окончании следствия по делу М.Х.Султан-Галиева (16 июня 1939 г.).	371
108. Протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева (20 августа 1939 г.).	372
109. Протокол закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева (8 декабря 1939 г.).	373
110. Приговор закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева (8 декабря 1939 г.).	382
111. Постановление Президиума Верховного Совета СССР по ходатайству М.Х.Султан-Галиева о помиловании (Из протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР № 6/49/сс). (20 января 1940 г.).	384
112. Справка 12-го отделения Спецотдела НКВД СССР о расстреле М.Х.Султан-Галиева (позднее 28 января 1940 г.).	384
113. Заявление зам. председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.Ворисоглебского начальнику Управления милиции УМВД по Саратовской области, начальнику 1 спецотдела МВД СССР, Главному военному прокурору о выдаче свидетельства о смерти М.Х.Султан-Галиева.	384
114. Из запроса Партийного архива Татарского обкома КПСС в КГБ ТАССР о М.Х.Султан-Галиеве [...] (3 мая 1988 г.).	385
115. Запрос Партийного архива Татарского обкома КПСС в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС о работах Центральной мусульманской военной коллегии (27 июля 1988 г.).	385
116. Письмо Партийного архива Татарского обкома КПСС в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС о допуске к документам Центральной мусульманской военной коллегии (6 октября 1988 г.).	385

117. Ходатайство Ученого совета ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, о восстановлении в партии группы партийных и государственных деятелей ТАССР, репрессированных по обвинению в султангалиевщине (15 декабря 1988 г.). 386
118. Ходатайство Ученого совета ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, о реабилитации М.Х.Султан-Галиева (15 декабря 1988 г.). 387
119. Ответ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС на запрос Партийного архива Татарского обкома КПСС о деле М.Х.Султан-Галиева и султангалиевцев (17 февраля 1989 г.). 388
120. Заявление Л.Х.Давыдовой (Шамсировой) в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начало 50-х годов, о реабилитации М.Х.Султан-Галиева (14 марта 1989 г.). 390
121. Справка Партийного архива Татарского ОК КПСС о деле Султан-Галиева (18 мая 1989 г.). 391
122. Письмо Главной военной прокуратуры СССР Следственному отделу КГБ СССР о направлении уголовного дела М.Х.Султан-Галиева на дополнительную проверку (9 июля 1989 г.). 394
123. Из запросов Следственного отдела КГБ СССР и справок на них о группе лиц, отбывших наказание вместе с М.Х.Султан-Галиевым в соловецких лагерях 396
124. Из запросов Следственного отдела КГБ СССР о фактах нарушения социалистической законности со стороны сотрудников НКВД СССР в процессе расследования дела М.Х.Султан-Галиева (15 августа 1989 г.). 398
125. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Следственному отделению КГБ Татарской АССР о Сагидуллине, содержавшемся в 1938 г.в одной камере с М.Х.Султан-Галиевым в Казанской тюрьме (15 августа 1989 г.). 400
126. Из обзорной справки КГБ Татарской АССР на М.С.Сагидуллина и сотрудников УГБ НКВД Татарской АССР, производивших следственные действия и визирование документов по уголовному делу М.Х.Султан-Галиева. (21 августа 1989 г.). 400
127. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Архиву внешней политики СССР Историко-дипломатического управления МИД СССР о приезде в Россию бывшей Германской миссии в Афганистане, граждан Турции и сотрудников посольства Турции в СССР (7 сентября 1989 г.). 402
128. Справка Архива внешней политики СССР Историко-дипломатического управления МИД СССР о членах Германской миссии в Афганистане и гражданах Турции, приезжавших в Россию, и группе сотрудников посольства Турции в СССР (7 сентября 1989 г.). 402
129. Запрос следственного отдела КГБ СССР Центральному государственному особому архиву СССР, Центральному партийному архиву ИМЛ при ЦК КПСС о наличии сведений о проведении М.Х.Султан-Галиевым националистической деятельности (20 сентября 1989 г.). 405
130. Справка Партийного архива Татарского ОК КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС о группе коммунистов татар, обвиненных в национал-уклонизме. (4 октября 1989 г.). 407
131. Справка Центрального государственного особого архива о Султан-Галиеве и Султан-Гали (11 октября 1989 г.). 411
132. Справка Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС о партийном билете и персональном деле М.Х.Султан-Галиева (11 октября 1989 г.). 412

133. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Главному управлению КГБ СССР о принадлежности М.Х.Султан-Галиева и группы проживавших в 1919—1920 гг. в России турецких подданных к спецслужбам иностранных разведок и проведении ими шпионской деятельности (27 октября 1989 г.).	412
134. Справка 4-го отдела Главного управления КГБ СССР Следственному отделу КГБ СССР о результатах проверки причастности М.Х.Султан-Галиева и группы турецких подданных к спецслужбам иностранных разведок и проведении ими шпионской деятельности (9 ноября 1989 г.).	414
135. Из справки Следственного отдела КГБ СССР по архивному уголовному делу ряда сотрудников НКВД Татарской АССР (31 октября 1989 г.).	415
136. Справка Следственного отдела КГБ СССР по архивному уголовному делу на проживающих в Саратовской области лиц, обвиняемых в участии и деятельности контрреволюционной националистической организации, возглавляемой М.Х.Султан-Галиевым (2 декабря 1989 г.).	420
137. Заключение Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, международным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР в отношении М.Х.Султан-Галиева по материалам его уголовного дела (28 февраля 1990 г.).	422
138. Письмо Первого секретаря Татарского обкома КПСС М.Ш.Шайминев председателю Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, А.Н.Яковлеву. (9 апреля 1990 г.).	423
139. Обращение Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина и Партархива Татарского обкома КПСС в Секретариат Татарского обкома КПСС о рассмотрении вопроса о праздновании 100-летия со дня рождения М.Х.Султан-Галиева (6 сентября, 1990 г.).	424
140. Ходатайство Татарского общественного центра, Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина, Татарского общества «Ватай» и Партийного архива Татарского обкома КПСС Исполкому Казанского городского Совета народных депутатов о названии площади именем М.Х.Султан-Галиева (1990 г.).	426
141. Постановление Совета Министров Татарской АССР о присвоении площади г.Казани имени Мирсаида Султан-Галиева (27августа 1990г.).	427
142. Постановление Совета Министров Татарской ССР о 100-лети со дня рождения Мирсаида Султан-Галиева.	428
143. Халкыбызның атаклы улы. Мирсәет Солтангалиевның тууына 100 еллыгына багышланган кичәдә Татарстан Президенты М.Ш.Шәймиев чыгышы	429
144. Постановление главы администрации г.Казани о границах площади перед городским культурным центром, названной в честь М.Х.Султан-Галиева	430
145. Письмо Главного архивного Управления при КМ РТ и Общества историков-архивистов РТ Министерству культуры РТ о выполнении постановления Кабинета Министров РТ об увековечивании памяти М.Х.Султан-Галиева.	431
Приложения.	432
146. Письмо группы руководящих работников ТАССР в Политбюро ЦК РКП(б) о неблагоприятных моментах в проведении национальной политики в республике («Письмо 39-ти») (8 мая 1924 г.).	432
147. Письмо представителей татарской интеллигенции III Пленуму Татарского обкома ВКП(б) («Письмо 82-х») (ранее 3 ноября 1929 г.).	439
148. Из писем родственников М.Х.Султан-Галиева в Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан.	441
Указатель имен	445
Список сокращенных слов	457

110 летью со дня рождения
М.Х.Султан-Галиева посвящается

Мирсаид Султан-Галиев: жизнь и судьба

28 января 1940 года выстрел в затылок в одном из московских подвалов НКВД оборвал жизнь Мирсаида Султан-Галиева — самого известного в истории национально-государственного строительства в СССР политического деятеля мусульманских народов, мыслителя, поэта и любимца Сталина, ставшего затем самым непримиримым и опасным оппонентом в той области, где вождь считал себя особенно большим специалистом.

Его посмертная судьба весьма примечательна и необычна. Он первым из татар стал «знаковой личностью» в истории политической мысли планеты XX века, своеобразным символом крушения колониальной системы — «отцом революции» в третьем мире. За рубежом его называли «мусульманским Троцким или Бухаринным». Он не был ни тем, ни другим, а был Султан-Галиевым, фигурой самодостаточной и самостоятельной. Очевидно, не является преувеличением оценка, данная первым президентом Алжира Бен Беллой, одним из тех, кто стал «могильщиком» колониализма в 60-е годы, сказавшего в дни, когда отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося деятеля национально-освободительного движения народов Востока: «Султан-Галиев — человек, которому многим обязан мир в XX веке»¹. Об этом говорит и тот факт, что в мировой историко-политологической литературе его имя по частоте упоминаний и ссылок в работах по национальным проблемам советского общества идет сразу же после Ленина и Сталина. Взглядам и деятельности Султан-Галиева посвящено огромное число публикаций на многих языках мира: монографии, статьи и сообщения, романы и повести. Арабский поэт Ахмед Тунгур посвятил ему и его соратникам большую поэму. Правда, в татарской поэзии ему пока не везет: кроме глумливого упоминания в одном из «заказных» стихотворений, написанном в 30-е годы, больше ничего нет даже и сейчас. Возможно, потому, что некоторые «ярые» националисты считают Султан-Галиева нераскаявшимся большевиком. Но давно известно, что пророков в первую очередь не жалуют в своем отечестве. Впрочем, Султан-Галиев не является достоянием только одного народа — его деятельность, мысли и мечты были посвящены благоденствию всех народов Земли, и он был предан этой идее до последнего дыхания, до последнего удара сердца.

Учитывая, что имя Султан-Галиева в течение многих лет служило объектом фальсификаций и грязной политической игры в нашей стране, а зарубежные исследователи не имели доступа к объективной информации и были

¹ Телеграмма А.Бен-Беллы. 1990 г. Личный архив В.Ф.Султанбекова.

вынуждены использовать в основном краткие официальные сообщения или лживую пропагандистскую литературу, что также затрудняло выяснение истины, следует познакомить читателя с основными фактами и этапами жизни Султан-Галиева. Зная их, легче будет ориентироваться в хитросплетениях его судьбы.

Первые жизненные шаги Мирсаида Хайдаргалиевича Султан-Галиева, родившегося 12 июля 1892 года в деревне Елембетьево Уфимской губернии, характерны для многих представителей разночинной молодежи национальных окраин России. Увлечение революционными идеями началось еще в Татарской учительской школе в Казани, в стенах которой получили образование многие видные деятели политики и культуры из татар, башкир, казахов и тюркских народов Северного Кавказа. После окончания школы — полуголодная жизнь сельского учителя, библиотекаря, стремление разобраться в причинах социальной несправедливости, и на этой почве конфликты с властями, переезд в Уфу, а затем в Баку¹. В Баку он вошел в круг демократически настроенных журналистов и сотрудничал в ряде газет и журналов. Среди его знакомых и друзей были такие крупные фигуры, как депутат Государственной Думы А.Топчибашев, будущий лидер независимого Азербайджана М.Расул-Заде, ученый и публицист Ахметбек Цаликов (Цаликати), чьи звездные часы настанут после свержения самодержавия, и др. Именно от Расул-Заде он впервые услышал о Кобе, которого тот спас от ареста (а, возможно, и от смерти) в 1907 году. Правда и Коба расплатился с Расул-Заде, вытащив его в 1920 году из застенков бакинской ЧК и увезя в Москву в своем салон-вагоне. Султан-Галиев, конечно же, не знал, что ему предстоит потом судьбоносная встреча со Сталиным и короткий, но яркий путь от близкого соратника вождя до его непримиримого врага.

К этому времени относится и увлечение русской классикой, довольно удачные переводы на татарский язык произведений Толстого, Пушкина, Тургенева, которые публиковались в ряде периодических изданий. Написаны им и несколько рассказов на сюжеты из жизни Востока. Он проявил себя и как незаурядный педагог и методист, чьи статьи по обобщению опыта сельских национальных школ публикуются в журналах, а сам он участвует в ряде педагогических съездов и конференций. Султан-Галиев обладал и незаурядными литературными способностями: его рассказы, стихи и очерки систематически появляются в провинциальных и столичных изданиях. Стихотворение, посвященное уходу из жизни Габдуллы Тукая — великого татарского поэта, и сейчас впечатляет образностью и искренностью чувств, правда, его опубликовали тогда только с цензурными купюрами.

Звездные часы Султан-Галиева связаны с Октябрем в Казани, событиями гражданской войны в Поволжье и Приуралье. После недолгого пребывания в Петербурге в феврале-марте 1917 года (а приехал он туда по приглашению Мусульманской фракции Государственной Думы по рекомендации Заки Ва-

---

¹ Перу Султан-Галиева принадлежат весьма содержательные статьи по злободневным проблемам развития школ в национальных регионах России. В том числе и в центральных газетах и журналах. Так, в опубликованной в журнале «Народный учитель», одном из самых авторитетных педагогических изданий России, в 1913 году, статье, посвященной введению нового закона о высших начальных школах, он подчеркивает необходимость разработки специальной методики изучения русского языка в иноязычных школах.

лиди и Ахметбека Цаликова), весной он переезжает в Казань и сразу же становится заметной фигурой в политических кругах. Вместе с известным общественным деятелем пробольшевистского толка М.Вахитовым, ставшим его политическим наставником, он принимает участие в создании Мусульманского социалистического комитета, который для многих татар стал ступенью на пути в большевистскую партию. В июле 1917 года вступил в нее и Султан-Галиев.

В годы Гражданской войны в первых рядах татарских большевиков он участвует в разгоне правительства республики «Идель-Урал», провозглашенной в Казани, в организации обороны города во время наступления белочехов в августе 1918 года. Особая страница его жизни — активное участие в борьбе с Колчаком, чьи армии весной 1919 года угрожали прорваться на Волгу и соединиться с деникинцами. В качестве члена Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта (командующий В.И.Шорин) Султан-Галиев в боевых порядках 21-й дивизии организует отпор войскам противника, форсировавшим Вятку в районе Малмыжа. Здесь и происходит его первая встреча с Л.Троцким, имевшая затем драматические последствия для его политической биографии. Выполнил он в начале 1919 года и конфиденциальное поручение Сталина и Ленина, вступив в секретные переговоры с лидером башкирского национального правительства Заки Валиди, и во многом способствовал его переходу на сторону советской власти¹. С именем Заки Валиди будет впоследствии связано и официальное начало политической трагедии Султан-Галиева в 1923 году.

Яркая и авторитетная фигура Султан-Галиева притягивала к себе многих лидеров мусульманских регионов, да и зарубежных коммунистов, приезжавших в Москву по линии Коминтерна. Уже тогда видные функционеры большевистской партии Е.Стасова и Н.Крестинский стали сомневаться в его интернационализме, считая, что он проявляет чрезмерную заботу о благоденствии мусульманских народов, вместо того, чтобы думать о мировой революции. В этом духе обрабатывался ими и Сталин, отношение которого к людям, в частности к Султан-Галиеву, было подвержено резким перепадам: высоко оценив роль последнего в переходе башкирских войск на сторону советской власти, он был недоволен его контактами с Троцким по военной линии... Хотя казанские большевистские лидеры в 1919 году просили назначить Султан-Галиева председателем губисполкома, Сталин решил использовать его на работе в центральных органах. Даже простой перечень занимаемых им должностей весьма впечатляет. До рокового мая 1923 года Султан-Галиев занимал посты председателя Федерального земельного комитета при ВЦИК, председателя Мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, начальника Восточного отдела политуправления Красной армии и, наконец, члена коллегии Наркомнаца — пожалуй, одного из самых доверенных лиц Сталина в этом учреждении. Одновременно он читал лекции в Коммунистическом

---

¹ Султан-Галиев предупреждал его о необходимости тщательного выбора места для перехода и рекомендовал сделать это в расположении 5-й армии. Однако переход совершился через расположение 1-й армии, командующий которой Гай не сумел (или не захотел) предотвратить эксцессы, избиения и даже расстрелы личного состава башкирских войск. Это привело к временному уходу к белым наиболее боеспособной части башкирских войск под командованием Муртазина.

университете народов Востока — кузнице кадров, которым предназначалось зажечь пламя мировой революции на территории от Стамбула до Бомбея и Шанхая. Судя по сохранившимся в архивах документам, его лекции пользовались большой популярностью, и на них приходили студенты всех курсов, среди которых были и молодые революционеры, которым предстояло возглавить вскоре освободительные движения марксистского толка на Ближнем Востоке, Индии и странах Юго-Восточной Азии.

В качестве представителя ТАССР при Наркомнаце он умело отстаивал интересы республики, с трудом оправлявшейся от страшного голода 1921 года. Заметим, что в 1920 году при образовании ТАССР Султан-Галиев рассматривался Лениным как основная кандидатура на пост председателя Совнаркома, однако в последний момент Сталин заменил его на Саид-Галиева, человека послушного и не пользовавшегося авторитетом среди других лидеров восточных республик. Правда, его карьера сложилась неудачно, через год он был снят со своего поста местными коммунистами. Но Сталин в награду за «интернационализм» сделал его главой правительства Крымской АССР.

По поручению Сталина Султан-Галиев ведет большую организационную работу по созданию Горской республики, Дагестана и Калмыцкой автономии. Задания выполняются блестяще, но Сталин отверг предложение Султан-Галиева объединить Дагестан и Чечню.

Во время работы в Наркомнаце ему поручалась координация деятельности многих представительств республик. Султан-Галиев хорошо знал историю, обычаи и традиции кавказских народов и особенно — горцев Северного Кавказа. По этому поводу он с грустным юмором писал, что горцу нельзя верить, пока он не поклянется на Коране, но и это еще не гарантия, ибо многое в его поведении определяется доисламскими обычаями. Следует при этом подчеркнуть, что М.Х.Султан-Галиев, будучи профессиональным политиком, являлся также и этнографом, крупнейшим знатоком народных обычаев и традиций тюркских народов и мусульманского мира.

Начиная с 1919 года Сталин поручает ему несколько дел, суть которых можно реконструировать только по косвенным фактам. В 1919 году в Советскую Россию приезжает один из мусульманских лидеров Индии Баракатулла в сопровождении нескольких близких ему лиц, среди которых и Рашид Ибрагимов — известный татарский теолог и общественный деятель, проживавший тогда за рубежом. Оба они в годы войны придерживались «прогерманских» и «антибританских» взглядов. Баракатулла имел и личное поручение по ведению переговоров от своего друга — афганского короля Аммануиллы. Их немедленно принимает Ленин, и в ходе нескольких бесед намечаются совместные акции по подрыву влияния Англии на Востоке. В их числе — созыв антиимпериалистического съезда народов Востока, создание центра по координации антибританских выступлений и некоторые другие. Баракатулла по предложению Ленина выступает с обращением к мусульманским народам России, где призывает их к священной борьбе против английских империалистов. Во время поездки Баракатуллы по городам Поволжья, где проходили встречи с духовенством и интеллигенцией, его неизменно сопровождал Султан-Галиев. Он же был консультантом и переводчиком Сталина во время беседы с самой знаменитой фигурой Ближнего Востока — бывшим правителем Турции — Энвером-пашой, который после встречи с Раде-

ком в Германии по приглашению Ленина и Троцкого приехал в Россию. Речь опять-таки шла об организации антибританского мятежа на севере Индии. Дальнейшее известно: «стороны» не сторговались, Энвер-паша разыграл собственную политическую карту и, возглавив антироссийское восстание в Средней Азии, добился там немалых успехов. В Москву был вынужден бежать глава просоветского правительства Бухары Ф.Ходжаев. Чтобы подготовить ликвидацию Энвера-паши, были брошены огромные силы и средства. Для координации их действий в Ташкент по приказу Сталина выехал Орджоникидзе. Энвер-паша был убит в августе 1922 года, но оба сюжета в следственных делах Султан-Галиева отражения не нашли.

Между тем тучи над головой Султан-Галиева сгущались. Хотя слежка за ним в рамках разработки оперативного дела «2-й парламент», призванного выяснить все его связи с лидерами мусульманских республик, была установлена чекистами, очевидно, с конца 1922 года, признаки опалы наблюдались намного ранее. Вот только один пример — в сентябре 1920 года в Баку проходил съезд народов Востока, грандиозное политическое «шоу» с участием деятелей самого различного толка, в том числе — Энвера-паши и нелегально присутствовавшего там Заки Валиди, несколько ранее в знак протеста против нарушения договора 1919 года покинувшего со своими народными комиссарами Башкирию. Руководители съезда Зиновьев и Радек персонально пригласили на него Султан-Галиева и попросили выступить, Сталин же запретил выезд.

Начиная с 1921 года Султан-Галиев не соглашается с рядом решений Сталина по национальному вопросу. Именно тогда, очевидно, он все больше и больше приходит к мысли о том, что вместо федерации формируется новая империя, на «панрусистской» основе. Его решимость противостоять Сталину подкрепляет информация о том, что действия последнего вызывают недовольство больного Ленина, и в случае выздоровления (а надежды на это появились) политическая карьера Генсека будет идти на убыль... Однако Ленин был блокирован и фактически предан Зиновьевым и Каменевым. Колелблся и Троцкий. Тем временем конфликт между наркомом и членом коллегии нарастал. Реплика в адрес Сталина при обсуждении одного из вопросов: «Перестаньте играть в самостоятельность республик» и выступление на фракции X съезда Советов РСФСР накануне образования СССР с требованием уравнивать права всех республик были признаны политически вредными. Попытка «выслать» Султан-Галиева под предлогом необходимости укрепления местных органов в Закавказье не удалась — с протестом в ЦК обратились представители республик, считавшие, что никто лучше Султан-Галиева их права в Федземкоме не защитит. Чашу терпения Сталина переполнило его поведение перед XII съездом партии и в ходе его — первого съезда без участия Ленина. Делегаты надеялись на его появление хотя бы для открытия первого заседания. Но этого, к сожалению, не произошло. Еще до съезда Султан-Галиев обсуждал с лидерами национальных республик Н.Наримановым, Ф.Махарадзе, П.Мдивани, Т.Рыскуловым и некоторыми другими делегатами общую линию поведения на съезде и особенно — на ожидавшейся дискуссии в национальной секции. В принципе, ничего нарушающего устав партии в этих консультациях не было. Да и сам Султан-Галиев являлся делегатом. Совещания проходили в гостинице «Париж» (на этом месте сей-

час здание, в котором проводят заседания Госдумы) в номере у Нарзманова. Содержание бесед немедленно становилось известным Сталину — агентурная служба, как мы видим из материалов следственного дела, не дремала. Острые дебаты развернулись 25 апреля 1923 года на заседании национальной секции съезда. Уже начало ее работы было полно драматизма — всем бросился в глаза демонстративный отказ Сталина подать руку Султан-Галиеву. Ряд выступавших: М.Фрунзе, Х.Раковский, П.Мдивани критиковали некоторые положения доклада Сталина. Но наиболее острым, как и ожидалось, стало выступление Султан-Галиева, заявившего в конце, что «постановка вопроса Сталиным не решает национального вопроса». Это прозвучало как политическая пощечина. Судьба Султан-Галиева после этого была окончательно предрешена. 4 мая прямо в здании ЦКК он исключается из партии, арестовывается и препровождается на Лубянку. Неизвестно, знал ли Ленин о том, что через десять дней после окончания съезда партии один из его делегатов арестовывается по политическому обвинению? Наверное, если бы даже сообщили, вряд ли что-либо изменилось бы. Одновременно начинается подготовка по срочному созыву совещания по национальному вопросу, а фактически по составу участников — пленума ЦК РКП(б). В нем участвовало девять из одиннадцати членов и кандидатов в члены Политбюро. В телеграмме, отправленной в региональные партийные комитеты, особо отмечалось, что в состав делегации на совещание должны включаться работники, имеющие противоположные взгляды на проблему. Совещание открылось в одном из кремлевских залов 9 июня 1923 года. К этому времени часть наиболее влиятельных членов Политбюро уже прикидывала варианты раздела власти в постленинский период. И можно себе представить, какая тревожная атмосфера царил в высших эшелонах власти. Наиболее влиятельной группой лидеров тогда был «триумvirат» — Зиновьев, Каменев и Сталин — «зикаси», по едкому определению мастера политических афоризмов Троцкого. Тон обсуждению дела Султан-Галиева, а оно было поставлено на обсуждение первым, задали слова Кузьбышева о том, что «данное совещание несет не мир, а меч». Обратили внимание присутствующие и на загадочное заявление Троцкого: «Не скрою, есть еще момент, который побудил меня заняться национальным вопросом, — это было личное письмо ко мне тов. Ленина, который меня к этому приглашал». Теперь-то мы знаем, что Ленин, в обход Сталина и Зиновьева, действительно предлагал Троцкому «поправить» великодержавные замашки Сталина, Каменева и Держинского и обещал ему в этом полное содействие. Но Троцкий уклонился от этого поручения. Заметим, что через пять лет Зиновьев и Каменев сетовали на то, что они в деле Султан-Галиева дали Сталину «лизнуть крови», и это ему понравилось¹. При всей вычурности определения, по сути оно верно — именно на этом деле Сталин отработывал «технология» борьбы с партийным инакомыслием с применением спецслужб. Сожалел о своем нейтралитете и Троцкий. Но это «прозрение» пришло, уже когда меч репрессий навис над ними самими.

Большую активность на совещании проявили Сталин, Троцкий, Зиновьев,

---

¹ Эта фраза Каменева известна нам в передаче Троцкого. Но заметим, что и сам Троцкий на этом совещании придерживался весьма жесткой позиции, и заявил, что оно «поставило столб» с предупреждением — «дальше не ходить», имея в виду требования национальных регионов о большей самостоятельности при решении внутренних вопросов.

Куйбышев и председательствующий Каменев. Сталин и Троцкий более тридцати раз в форме выступлений, замечаний и реплик включались в ход обсуждения. В числе присутствующих, кроме 60 партийных и советских лидеров из 20 республик и областей, находились 28 членов и кандидатов в члены ЦК и 7 членов ЦКК. Среди них такие влиятельные деятели, как Орджоникидзе, Микоян, Фрунзе, Чубарь, Каганович, Киров, Бубнов, Радек, Молотов, Томский, Ярославский и др. Обзорная сейчас почти столетнюю историю большевистской партии: от II съезда и до драматических дней ее развала и распада в начале 90-х — можно утверждать, что это совещание стало первым и последним высшим форумом, на котором всесторонне обсуждался национальный вопрос и были приняты эффективные решения.

Султан-Галиев во время совещания находился на Лубянке в распоряжении Восточного отдела ОГПУ, и уже с 7 мая подвергался интенсивным допросам и психологическому давлению. К физическим методам воздействия к лицам столь высокого ранга в то время еще не прибегали. Первые допросы вели начальник Восточного отдела Я. Петерс и следователь Я. Агранов, с именами которых впоследствии будут связаны многие дела по обвинению в «национал-уклонизме». Кстати скажем, что Султан-Галиев переживет обоих — Петерс и Агранов будут расстреляны в 1937 году. С докладом по делу Султан-Галиева выступил Куйбышев. Сталин неоднократно упоминал о Султан-Галиеве в своем докладе по национальному вопросу, а также в коротких выступлениях и полемических репликах в ходе совещания.

Обвинение основывалось на нескольких письмах Султан-Галиева к местным работникам о политике партии по реализации программных положений в национальном вопросе. В них высказывались критические замечания о действиях некоторых партийных деятелей, в частности Орджоникидзе, Калинина и Сапронова. Самое обширное письмо было доставлено Сталину в изложении секретного осведомителя, причем весьма приблизительном. Кроме того, в записке Султан-Галиева к народному комиссару просвещения Башкирии А. Адигамову содержалось предложение установить связь с З. Валиди, находившемся в Средней Азии, где тот стал одним из лидеров басмаческого движения. Но в начале 1923 года между ним и представителями советской власти, судя по газетным сообщениям, происходил «зондаж» на предмет его легализации и ухода из рядов басмачей. Очевидно, такие переговоры имели место, ибо на совещании было заявлено, что Средазбюро ЦК РКП(б) готово амнистировать З. Валиди при условии публичного признания им ошибок и запрещения ему в дальнейшем работать в восточных районах страны. Прецеденты таких амнистий уже были, так, например, на таких же — приблизительно — условиях амнистировали видных алашордынцев А. Букейханова, В. Таначева, бывшего главу Харби Шура И. Алкина и др. В объяснении, написанном в лубянской камере на имя Сталина и Троцкого, Султан-Галиев указывал, что он хотел воздействовать на Валидова, которого не считал потерянным для советской власти и высоко ценил как выдающегося историка и яркого политического деятеля. Из следственного дела видно, что зампред ОГПУ В. Менжинский доложил Сталину, что ряд сообщений осведомителей в той части, где говорится о его связях с иностранным посольством и басмачами, представляются сомнительными, и он не видит необходимости его содержания под арестом. Очевидно, некоторые члены Политбюро и Оргбюро

тоже начинали понимать неправомочность ареста. Заметим, что Ф. Дзержинский, которому Политбюро первоначально поручило дело Султан-Галиева, отказался вести его и 21 мая сообщил об этом в ЦК¹. Еще до начала совещания, 19 мая, Политбюро предложило ЦКК обсудить вопрос об изменении меры пресечения Султан-Галиеву, то есть о его освобождении. Но на этом заседании Сталин отсутствовал. И тогда произошло неожиданное: Президиум ЦКК, обсудив предложение Политбюро, отказался его выполнять и поручил Ярославскому составить текст объяснения, а Куйбышеву — выступить на совещании с докладом. Видимо, этот «бунт» произошел по указанию Сталина.

Совещание подтвердило исключение Султан-Галиева из партии и снятие его со всех ответственных постов. После 45-дневного пребывания на Лубянке его освобождают. Он был принят Сталиным, обещавшим через год пересмотреть решение об исключении из партии.

Наступил 1924 год. Ушел из жизни Ленин. Выросла личная власть Сталина. Официально утверждается номенклатура ЦК — то есть список должностей, назначение на которые могло быть произведено только после одобрения Секретариата и Оргбюро ЦК. Сталин был единственным партийным лидером, который входил во все три главных органа ЦК: Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Практически ни один из более чем семи тысяч лиц, занимавших ключевые посты во всех сферах страны, не проходил мимо зоркого ока Сталина и его помощников. Все назначения и перемещения, а также нахождение в резерве строго контролировались. В партийной среде тогда получило распространение фраза «ходить под Сталиным», т.е. ожидать назначения или перемещения.

В декабре 1924 года, помня обещание Сталина, Султан-Галиев пишет апелляцию в ЦКК, в которой признает свои ошибки, но категорически отрицает антисоветские планы и действия. Он утверждает, что многое из того, что ему вменялось в вину, содержится в решениях XII съезда партии и последующих документах ЦК, и не скрывает радости по поводу того, что Сталин благожелательно отнесся к его желанию вернуться в партию и даже просит установить ему партийный стаж с учетом революционной работы в Баку. Святая простота! В персональном деле Султан-Галиева имеется записка Ярославского для Шкирятова: «Резолюция на делах т. Сталина. Он, уходя в отпуск, просил решить так: «Президиум партколлегии ЦКК, рассмотрев заявление Султан-Галиева, отклонил его просьбу «о восстановлении в правах члена РКП». Зная о беспрекословном подчинении Ярославского воле Генерального секретаря, можно без особого риска ошибиться предположить характер резолюции Сталина на деле Султан-Галиева.

Недавно в фонде Сталина в РГАСПИ историк М. Леушин выявил несколько записок, которыми обменивались вожди во время обсуждения дела Султан-Галиева. Они еще раз подтверждают, то, что мы давно знали, и главное то, что знал и сам Султан-Галиев — кто был главным двигателем этого политического уничтожения инакомыслящего лидера. В записках, переданных

¹ Ф.Э. Дзержинский по отношению к «мусульманским» делам занимал вообще несколько «особую позицию». Так, на предложение двух видных чекистов Самсонова — зав. Секретным отделом ВЧК, — и Петерса использовать агентурные возможности для «разложения» мусульманского духовенства он ответил: «Опасная вещь, и нам братья за это не надо»/См.: Неизвестная Россия. XX век. — 1992. — № 1. — С. 52.

Сталину сидевшими также в президиуме Зиновьевым и Бухариным, весьма робко, но все же предлагается несколько смягчить формулировки обвинений Султан-Галиева. Зиновьев просит провести все «глаже», Бухарин считает, что не надо делать из Султан-Галиева мученика, это отпугнет националов. Не забудем, что идет 1923 год, жив еще Ленин, но его формула о том, что Сталин сосредоточил необъятную власть, верна. Ответы Сталина прямолинейны, грубоваты и по своему честны. Зиновьеву он пишет — «Слишком уж вы все трусите черт побери. Нельзя так. Ст.». В другой он подчеркивает, что Султан-Галиев — человек Троцкого, и это, наверное, для него главное. А Бухарину Сталин ответил просто и доступно — «Пошел ты к черту...» Полагаем, что комментарии здесь не нужны.

После 1923 года Султан-Галиев жил на положении политического изгоя, работал на мелкой чиновничьей должности в «Охотсоюзе». У него была возможность нелегального ухода за рубеж, где он, конечно же, стал бы видной фигурой. Границы тогда были еще «полупрозрачны». Такой путь выбрали, например, Бари Баттал и Муса Бигеев. Но Султан-Галиев не смог порвать со страной, а главное — с идеологией, в которую он верил, несмотря ни на что. Пытался заняться и литературной деятельностью — редактировал сборник произведений татарских писателей, начал писать роман «Защита старости». Все эти годы он мучительно размышлял о судьбе созданного революцией советского государства (распад которого он пророчески прогнозировал уже в первые годы его существования), процессах, происходящих в мире, роли Востока в широком смысле в судьбе мира. Эти мысли в виде записей и фрагментов будущих книг и статей были отобраны у него во время второго ареста в 1928 году. Они дают представление о глубине и прозорливости политической мысли Султан-Галиева, о пророчествах, к сожалению, оправдавшихся в начале 90-х гг. XX века. Но до ареста произошло событие, которое могло бы изменить его судьбу и, возможно, вернуть утраченные позиции... В 1926 году в партии назревали новые бурные события. Хотя «прозревшие» Зиновьев и Каменев дали Сталину политический бой на XIV съезде партии и даже потребовали выполнить «завещание» Ленина в части перемещения его с поста Генерального Секретаря, время было уже упущено. Попытка опереться на недовольных диктатом Сталина партийных функционеров окончилась неудачей — аппарат жестоко контролировал ситуацию. Очередной съезд должен был окончательно решить судьбу оппозиции. Зная, что оппозиционеры пытаются привлечь на свою сторону партийных лидеров национальных республик, Сталин предпринимает ряд упреждающих шагов. В первой половине 1926 года он проводит беседы со многими видными работниками национальных республик и областей. Эта серия встреч продолжалась до мая¹. В их числе неожиданно оказывается «беспартийный» Султан-Галиев, давно уже, казалось бы, ушедший в политическое небытие.

Они встретились дважды, 22 февраля и 15 марта 1926 года, — что и само по себе было необычным. В следственном деле об этом говорится скупно.

¹ См. Исторический архив. — 1998. — № 4. Всего, по нашим подсчетам, были приняты более 80 местных работников-секретарей обкомов, председателей исполкомов, предсовнаркомов. В их числе были и трое членов бюро Татарского обкома ВКП(б) — участники так называемой «забастовки наркомов», заявившие о своем несогласии с методами работы секретаря обкома Хатаевича.

Судя по рассказу одного из немногих выживших султангалиевцев Махмуда Будаиби, в Соловках Султан-Галиев говорил ему, что в случае успешного выполнения поручения Сталин обещал восстановление в партии и ответственную работу в Коминтерне, возможно, даже с выездом за рубеж. Сталин считал, что блестящий публицист и популярный в прошлом политик Султан-Галиев может дать в «Правде» цикл статей, разоблачающих Зиновьева, Каменева и Троцкого как гонителей национальных кадров и фальсификаторов ленинского наследия по национальному вопросу. Необходимо было самокритично оценить прошлые свои ошибки. Это стало бы своего рода беспрецедентной политической сенсацией, имеющей большой общественно-политический резонанс и в СССР, и за рубежом. Однако «спасательный круг», брошенный Сталиным, Султан-Галиевым не принимается. Статьи не появились в «Правде», хотя какие-то предварительные наброски были сделаны. И тут мы вступаем в область человеческой психологии, не поддающейся точному анализу. Перед человеком, выброшенным из рядов политической элиты (не забудем, что пребывание в ней уже тогда давало немалые привилегии), бедствующим материально, испытавшим унижение и предательство некогда заискивающих перед ним друзей, вдруг открывается широкий путь к возвращению к прежней «комиссарской» жизни, возможно, даже на еще более высоком уровне. И предлагает его лично Сталин, не через помощников, а лично! В следственном деле есть скупые показания Султан-Галиева об этом эпизоде. Но они весьма расплывчаты. Очевидно, во всей этой истории главную роль сыграл комплекс нравственных норм, присущих Султан-Галиеву. Не смог он разоблачать людей, с которыми его связывала Гражданская война и многие яркие эпизоды политической жизни начала двадцатых. Хотя примеров «срочного политического прозрения» по указанию вождя было немало. Калялись печатно и прилюдно и поливали политической грязью бывших соратников люди, занимавшие в советской иерархии немало более заметное место: члены ЦК, наркомы, крупные политики. Карл Радек, человек далеко не лучших моральных качеств (недрузи звали его «крадек»), но потрясающего остроумия и аналитик «от бога», писал тогда одному из своих друзей: «Какое-то страшное нравственное озверение в политической жизни — примета нашего времени». Не смог Султан-Галиев вписаться, на наш взгляд, в эту атмосферу политического «озверения». Возможно, сыграло определенную роль и переданное ему через общего знакомого напоминание Каменева — что в 1923 году он и Зиновьев спасли Султан-Галиева от расстрела или тюрьмы, настояв на рассмотрении его дела на совещании, вопреки возражениям Сталина. Теперь Сталин принял окончательное решение — Султан-Галиев был «списан» и судьба его предрешена. Хотя с исполнением приговора не торопились: он еще понадобится в качестве «фигуранта» ряда акций устрашения, которые Сталиным задумывались загодя. А статьи в «Правде» появились: в двух номерах была нарисована отвратительная картина политического разложения и антипартийной деятельности Зиновьева, Каменева и Троцкого. Особый упор делался в них на то, что они мешали Ленину и Сталину осуществлять правильную национальную политику, затирали национальные кадры... Судя по обилию ранее неизвестных фактов, над статьями работала мощная команда публицистов из ЦК. Подписана она Акмалем Икрамовым — восходящей звездой политической элиты на востоке страны.

Он был замечен Сталиным еще на XIV съезде партии своим наивным, но усердным разоблачением оппозиции, стал вскоре руководителем коммунистов Узбекистана и первым из представителей мусульманских народов был избран на XVII съезде ВКП(б) полноправным членом ЦК¹. Его расстреляют вместе с Бухариным, Рыковым и Ягодой в 1938 году «по миновании надобности». В этой статье, по указанию Сталина, упоминалась и фамилия Султан-Галиева, чтобы не забывали о том, кто был первым национал-уклонистом из мусульман².

После разгрома на XV съезде партии и в ходе послесъездовских карательных акций против главных оппозиционеров: Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников — наступает время крупных политических процессов над инженерно-технической интеллигенцией, остатками меньшевистской и эсеровской партии, духовенством³. Часть из них проходила в виде «открытых» судилищ, где обвиняемые в обмен на сохранение жизни охотно признавались в самых страшных преступлениях. Некоторые обещания тогда еще выполнялись и отдельные из приговоренных к расстрелу решением Президиума ВЦИК получали помилование. Правда, в середине 30-х эти «отложенные» приговоры приводились в исполнение. Пожалуй, единственным исключением стал «глава Промпартии» профессор Рамзин, получивший в годы войны даже Сталинскую премию I степени.

В ряду этих акций, очевидно, задумывалось и широкомасштабное дело «националов», призванное устранив население республик и активизировать интернационализацию их сознания. Предварительно проводятся меры идеологического характера: совещание лидеров республик РСФСР (так называемое «рыскуловское»), ускоренная подготовка замены арабского алфавита, дабы отсечь молодое поколение от «вредоносной» литературы, закрытие религиозных мусульманских журналов и учебных заведений. По решению Политбюро переиздаются на правах секретного документа материалы IV совещания 1923 года, чтобы освежить в памяти партийного актива технологию борьбы с «национал-уклонизмом». В качестве «пробного шара» в 1927 году прошел процесс над Председателем ЦИКа Крымской республики Вели Ибраимовым, одним из первых большевиков из крымских татар, активным

---

¹ Первым политическим деятелем из мусульманских регионов страны, вошедших в состав ЦК, стал Рахимбаев, избранный на XI съезде кандидатом в ЦК. Затем на XII—XVI съездах партии в разное время кандидатами в члены ЦК избирались Нариманов, Рыскулов, Мусабеков (дважды) и Икрамов (дважды). И только на XVII съезде партии в 1934 году впервые полноправным членом ЦК стал мусульманин. Им был А.Икрамов.

² Правда.—1927—6—7 сентября. В статье дается резко отрицательная характеристика татарской партийной организации: она названа родиной всех «левых» и «правых» уклонистов по национальному вопросу. Такая формулировка могла принадлежать только генсеку или, по крайней мере, дана только с его личной санкции.

³ Меры воздействия на обвиняемых для получения «признательных» показаний становятся все жестче. Кроме психологического давления начинают применяться методы физического «воздействия». Хотя в полном объеме они займут ведущее место в следственной практике в середине 30-х годов. В июле 1930 года, когда некоторые видные ученые и инженеры стали отказываться от ранее данных показаний, Сталин, обвиняя чекистов в либерализме, напisał Менжинскому, возглавляющему следствие: «Провести сквозь строй господ Кондратьева, Юровского, Чапнова... Помятнов? Привет. Сталин» Менжинский и особенно его заместитель Ягода оказались «понятливыми». Все обвиняемые подтвердили свои показания о связи с западными спецслужбами. См.: Э.Радзинский. Сталин.— М., 1997.— С.267.

участником Гражданской войны. Его связывали с Султан-Галиевым дружеские отношения. По весьма сомнительным обвинениям Ибраимов и его заместитель были расстреляны. Впервые за десять лет советской власти судили и расстреляли главу национальной республики. Одновременно без особой огласки ОГПУ репрессировало 58 видных крымско-татарских интеллигентов, обвинив их в сотрудничестве с буржуазно-националистической партией «Милли фирка». Правда, большинство активных деятелей этой партии амнистировали еще в начале 20-х.

Судя по некоторым признакам, в 1928 году принимается решение о подготовке большого открытого процесса над «национал-уклонистами», главными действующими лицами должны были стать партийно-советские работники и видные интеллигенты Татарии, Башкирии и татарской диаспоры ряда областей и республик. Подготовку его поручили Генриху Ягоде — практически первому лицу в ОГПУ, ибо большой Менжинский все больше отходил на второй план. Не исключено, что Сталин помнил недостаток рвения Дзержинского и Менжинского в 1923 году. Усердие Петерса, слывшего в ОГПУ и ЦКК самым крупным специалистом по национальным кадрам, получило высокую оценку, он снова, как и в 1923 году, стал одним из главных организаторов второго акта грандиозного политико-чекистского спектакля «султан-галиевщина» и даже опубликовал по этому поводу статью в журнале «Огонек»¹.

В декабре 1928 года Султан-Галиева арестовали в г.Глазове, где он находился в командировке по линии «Охотсоюза». В отличие от 1923 года, «органы» уже не стеснялись в выборе средств для получения «признательных» показаний. В это время шел активный процесс организации компрометирующих акций против Троцкого, Зиновьева и Каменева, поэтому делается попытка приписать «султангалиевцам» участие в создании «национальной части» оппозиционной платформы. В ее разработке обвиняли видных государственных деятелей Татарстана Г.Мансурова и К.Мухтарова. Однако один из видных лидеров оппозиции, Георгий Сафаров, в свое время долгое время работавший в Средней Азии и хорошо понимавший, что «Восток — дело тонкое», взял авторство на себя. Так оно, очевидно, и было, ибо ни по следственным, ни по агентурным делам особо близкие контакты Зиновьева и Каменева с татарскими политическими деятелями не прослеживаются. В 1928 году в руководящих кругах Москвы циркулировали слухи о том, что Зиновьев будет направлен в Казань ректором тамошнего университета, и для этого имелись основания. Очевидно, вряд ли его направили бы в гнездо союзников-националистов. Назначение не состоялось, но по другому поводу.

Основными пунктами обвинений «султангалиевцев» были попытки срыва коллективизации, подготовка вооруженных выступлений и террористических актов, сотрудничество с иностранными разведками. Во время этой кампании арестовываются и исключаются из партии многие видные партийные и советские работники, ученые, литераторы, журналисты. В основном татары и частично башкиры. В газетах с середины 1929 года началось бурное разоблачение националистов, издавались сборники статей, состоялись собра-

---

¹ Кроме Петерса, видную роль во 2-м действии политического спектакля «Султангалиевщина» играли Г.Ягода и партийные деятели Е.Ярославский и Радус-Зенькович.

ния трудовых коллективов и творческой интеллигенции. Все единодушно требовали самого сурового наказания, вплоть до расстрела врагов народа и социализма. Вот только один из штрихов нравственной атмосферы тех лет: на митинге в родной деревне Султан-Галиева с предложением выдвинуть такое предложение работник обкома обратился... к отцу Мирсаида!

Очевидно, окончательное слово о формах и мерах наказания «слушника» и его соратников оставалось лично за Сталиным. Хотя авторами в ряде публикаций приводились тому многочисленные косвенные доказательства, недавно получено уже прямое документальное подтверждение этого тезиса. В журнале № 1-2 «Эхо веков — Гасырлар авазы» 2000 года опубликован интересный документ. Остававшийся на «хозяйстве» Л.Каганович в письме отдохнувшему в Сочи в сентябре 1929 года Сталину предлагал комплекс мер по развертыванию широкомасштабной кампании в печати и других политических акций против «султангалиевцев»... Ответ вождя весьма информативен: «...Насчет Султан-Галиева и прочей банды я не вполне с Вами согласен. Конечно, можно и нужно открыть печатную кампанию против их нового «кredo», не дожидаясь моего приезда. Но я против того, чтобы из-за таких мерзавцев созвать новое национальное совещание...». Употребление на столь малой «площади» двух весьма убойных определений: «мерзавцы» и «бандиты» — выдает крайнюю степень гнева вождя. Ни сам Султан-Галиев, ни его соратники на пощаду рассчитывать не могли. Не было необходимости и в новом совещании. Директивы ЦК исполнялись неукоснительно и без него.

Однако по каким-то причинам открытый процесс не состоялся. В 1930 году Коллегия ОГПУ рассмотрела дело 76 человек, входивших якобы в руководящий центр «султангалиевцев». Из них 21 человек, в основном активные участники Гражданской войны, вступившие в партию в 1918—1920 гг., были приговорены к расстрелу. После нескольких месяцев пребывания в камере смертников всем им в январе 1931 года расстрел заменяется десятью годами лишения свободы. Остальные обвиняемые в этой группе приговариваются к 3—5 годам лагерей¹. Наказание большинство из них отбывали на Соловках. В 1934 году после обращения в ЦК Султан-Галиев был освобожден досрочно. Проживание в Москве и Казани ему было запрещено, и он поселяется в Саратове. В марте 1937 года последовал новый арест и этапирование в Казань. Начались допросы с применением самых жестоких форм «физического воздействия». В одном их следственных дел того периода есть ссылка на то, что крик Султан-Галиева был слышен на весь коридор. Работники НКВД полностью использовали устное указание Сталина, данное в 1937 году, затем подтвержденное 10 января 1939 года шифрограммой, что меры физического воздействия к политическим врагам допустимы. В следственном деле А.Михайлова, возглавлявшего НКВД ТАССР с осени 1937 года, хранящемся в Центральном архиве ФСБ РФ, имеется его письмо, написанное своему заместителю Шелудченко в конце 1937 года: «Возьми дня на 3-4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли». Оба чекиста были расстреляны в феврале 1940 года в Москве в один день с Ежовым, в числе тех лиц, кото-

¹ См. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10. — С.75—88.

рых обвинили в нарушении сталинских указаний о бережном отношении к кадрам и превышении полномочий. В деле Шелудченко тоже всплывает имя Султан-Галиева. Он в своем предсмертном письме на имя Берии и ЦК, жалуясь на несправедливость приговора, указывал на то, что применял разрешенные меры физического воздействия к врагам, в том числе к Султан-Галиеву, лично разоблаченному в свое время тов. Сталиным. Но не помогло — системе периодически нужны были «козлы отпущения». Судьбы Ягоды, Ежова, Абакумова, Меркулова — яркое тому подтверждение.

В декабре 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Султан-Галиева к расстрелу по трем пунктам 58-й статьи УК РСФСР, предусматривавшим наказание за измену родине, подготовку вооруженного восстания и создание контрреволюционной организации. В последнем слове он просил не считать его шпионом и диверсантом, так как «дал такие показания после семидневного конвейера» осенью 1937 года в Казани. Президиум Верховного Совета СССР отклонил просьбу о помиловании. Место захоронения М.Х. Султан-Галиева не известно, но можно предполагать, что это Донское кладбище или полигон в Бутово.

После начала перестройки произошли первые подвижки в оценке Султан-Галиева, предпринятые казанскими историками. В их числе надо назвать выступление И.Р. Тагирова в журнале «Казан утлары». Комиссия, созданная Татарским обкомом КПСС, в которую входили и авторы этого издания, проделала значительную работу по подготовке реабилитационных материалов. Они частично вошли в справку и решение комиссии А.Н. Яковлева о полной реабилитации М.Х. Султан-Галиева и других лиц, осужденных вместе с ним. Все они реабилитированы посмертно¹.

Публикуемые рассекреченные документы имеют, на наш взгляд, большую историческую ценность по ряду причин. Большинство показаний, данных Султан-Галиевым и другими фигурантами до 1937 года, рисуют весьма информативную картину политического «закулисья», сильно отличающуюся от официальных сообщений и написанных на их основе исторических работ². Султан-Галиев дает яркие, образные и в целом достоверные политические портреты многих партийно-государственных деятелей своего времени, раскрывает ранее неизвестные, но важные детали происходивших событий. Хотя круг его интересов как политика в основном сосредоточен на проблемах национально-государственного строительства, но раскрывается ряд сюжетов, связанных с внешней политикой и экономикой страны. Следственные дела приоткрывают и краешек деятельности огромного осведомительного аппарата, созданного спецслужбами внутри страны уже на ранних этапах развития государства. Мы не знаем и не будем знать фамилии многочисленных секретных агентов и добровольных осведомителей, но через их донесения видно, как плетется «паутина», обволакивающая жизнь общества. По некоторым данным, назначенный министром Госбезопасности СССР С.Д. Игнатьев доложил Сталину в 1951 году, что в стране имеется около 10 милли-

¹ Там же.

² При оценке достоверности ряда публикуемых документов конца 30-х гг. следует иметь в виду то, что «корректировались», а нередко и прямо фальсифицировались не только протоколы допросов, некоторые из которых являются плодом фантазии следователей, но даже и отдельные фрагменты судебных заседаний.

онов осведомителей, платных и добровольных¹... Конечно, спецслужбам, как и всем советским органам, присуща генетическая черта — раздувание собственных успехов и преуменьшение недостатков (может быть, спецслужбам даже в меньшей степени), тем более в таком тонком и плохо контролируемом деле, как вербовка агентуры, поэтому десять миллионов — цифра сомнительная. Но то, что счет шел на миллионы агентов различных категорий — это бесспорно. Система и традиции осведомительной работы существуют в любом обществе. Но при тоталитаризме становится опасной для него.

Наибольшую ценность для историков и широкого круга читателей представляют, конечно, размышления Султан-Галиева о судьбе мира и его революционных сил, находящиеся в следственном деле под общим заголовком «Об основах социально-политического, экономического, и культурного развития тюркских народов». Они шире своего заглавия, фактически речь идет о главном вопросе для всех народов мира — путях достижения социальной и национальной справедливости. В них в сжатом виде заключены многие идеи, ставшие известными под другими именами. Проблемы «носились в воздухе», на них надо было отвечать, и многие выдающиеся умы предлагали свои рецепты... А мысли и формулировки «отца революций в третьем мире», как его почтительно именовали в 50-60-е годы на Западе, находились в секретном архиве, в папках с грифом «хранить вечно». Иногда приходит на ум парадоксальная мысль: а ведь архивы спецслужб — как дореволюционных, так и советских — помогли сохранению некоторых «крамольных» работ и идей. В условиях авторитарного государства сколько было сожжено и уничтожено будущих книг и статей самими авторами из-за вполне обоснованной боязни, что они могут стать основой обвинения в случае ареста. А то, что попадало в спецархивы, получало вечную жизнь... и рано или поздно доходило до будущих поколений как свет давно уже погасшей звезды. Так получилось и с работами Султан-Галиева. Хотя дошло далеко не все.

Следует отметить еще одну особенность миропонимания и политологического мышления Султан-Галиева — прагматизм и реализм. Будучи идеологом возрождения восточных народов и убежденным врагом колониализма в любом его облики, от западного до «пролетарского», он понимал необходимость сильной федеральной власти и связывал будущее народов Востока с советской системой в ее умеренно-большевистском варианте. И даже прогнозируя возникновение необходимости государственного объединения тюркских народов (Туран), он допускал это только в случае неблагоприятного развития событий на мировой арене, связанных с поражением советской власти, как своеобразный страховый вариант противодействия новому колониализму. Отсюда его резкое неприятие начавшегося, по его мнению, отхода партийной политики от принципов интернационализма и свободного развития народов, провозглашенных в исторических документах советской власти в 1917—1919 гг.

Читая его показания, а большинству из них можно верить, за исключением «признаний» в шпионаже и диверсиях, воочию видишь, как снижался интеллектуальный уровень общества, в том числе и спецслужб. Если в 1923

¹ Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. — М., 1992. — С. 55.

и 1928 гг. следователи еще вникали в теоретические детали разногласий, то в 1937 году главным стало выбить признания, причем нередко фантастические, о заговорах, терроре и подготовке восстаний¹. Сами следователи называли такие, нередко написанные ими самими показания, романами. А что же делать? План расстрелов и «посадки» спускался с высот политического «Олимпа» и подлежал безусловному выполнению. Вот и Татария в августе 1937 года получила, как и все республики и области, контрольные цифры — расстрелять 500, осудить на сроки заключения не ниже 10 лет — 1500 человек². Они потом неоднократно корректировались в сторону увеличения. Нарком А. Михайлов просил Москву в начале 1938 года добавить еще 5-6 тысяч.

Султан-Галиев не попал в эти контрольные цифры, его увезли в Москву. Что произошло дальше — читатель уже знает.

Сейчас снова одной из самых «горячих точек» при изучении истории XX века в нашей стране стала проблема оценки политических репрессий, достигших своего пика в 30-х гг. Хотя после известных решений XX съезда партии опубликованы многочисленные документы, воспоминания об этой страшной поре, приняты многочисленные законы и подзаконные акты о реабилитации, споры о правомерности репрессий не затухают, а иногда получают новые импульсы. Эти дискуссии захватывают самый широкий круг проблем: от решений высших органов власти и до степени личной вины за них отдельных лиц, в том числе и тех, кто сам потом стал жертвой беззаконий (грань между палачом и жертвой нередко была весьма зыбкой)... Нередко споры ведутся уже детьми и внуками тех, кто играл видную роль в общественно-политической и культурной жизни тех далеких лет. Особенно активно ищут оправдания массовых арестов и расстрелов потомки тех, кто в силу различных причин в эти лихие годы процветал или, как минимум, не пострадал. Приведем только один пример, имеющий прямое отношение к нашей публикации. Мы уже привыкли к образу «либерала» Г. Маленкова, особенно если почитать воспоминания его сына, то непонятно, как Сталин мог терпеть этого борца против беззаконий. Он ведь, кстати, успел вскочить на подножку уже трогавшегося «антибериевского вагона» и даже был благожелательно отмечен народной молвой — «Берия! Берия! Не оправдал доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков!» А вот один из фактов. «Горячий» август 1937 года в Казани. Только недавно подряд сняли, а затем расстреляли в Москве двух наркомов НКВД Татарии, не обеспечивавших должный темп репрессий и бывших к тому же «людьми Ягоды». Новый нарком А. Алемасов прислан из центрального аппарата НКВД и успел заработать там орден. Но, видно, обком плохо помогал местному НКВД, и после приезда в Казань Маленкова секретарем обкома становится Алемасов. На встрече с работниками НКВД Маленков потребовал еще большей жестокости к врагам

---

¹ В Казани от ректора медицинского института С. Еналеева требовали признать, что в случае начала войны он по заданию гестапо должен был «обрызгать микробами город и вызвать эпидемию». Признание получить не успели, следователи «передозировали» меры физического воздействия и профессор умер.

² Б. Ф. Султанбеков, Р. Г. Хакимзянов. Политические репрессии 30-х годов. Законы, исполнители, реабилитация. — Казань: «Хәтер», 1999. — С. 9.

народа, «ломать надо их, вражин» — эти его слова повторялись в узком кругу неоднократно. Именно после отъезда Маленкова был поставлен на семидневный «конвейер» Султан-Галиев и дал «признательные показания» во всем. В эти дни доводится на места самый страшный приказ НКВД № 00448, одобренный Политбюро, о репрессировании жен и детей врагов народа... В нем есть пункт о том, что жена, донесшая на мужа, не подлежит аресту... Так внедрялись в наши гены эти «принципы», которые и сейчас дают себя знать.

А ведь встречаются люди, которые пишут, что жестокости пика репрессий 37—38-х гг. были «обусловлены» объективными причинами, и такие мнения не единичны. Не прекращаются попытки юридической реабилитации Ежова, Берии, Абакумова и других сталинских опричников. И существующие законы оставляют для этого лазейки¹.

Итак, перед читателем следственное дело, а точнее документы из трех дел Мирсаида Султан-Галиева — своего рода «политическая энциклопедия» 20-х и 30-х гг., позволяющая заглянуть в недра политики и сравнить широко декламируемые тогда принципы с реальными делами и событиями. Картина, оставляющая тяжелое впечатление. Выводы сделает сам читатель. Мы полагаем, что после издания в 1998 году избранных трудов Султан-Галиева, вызвавших большой интерес читателей и научной общественности в нашей стране и за рубежом (достаточно сказать, что книгу запросили крупнейшие научные учреждения и библиотеки мира), появление данной книги позволит наконец дать еще более полный объективный политический и личностный портрет выдающегося человека нашего века. Одновременно — это и важная часть политической истории России, показывающая первый опыт и отработку «технологии» широко-масштабного разгрома инакомыслия в мусульманских регионах страны. Без этого нельзя было создать «красную империю». Но все империи завершают свою «биографию» распадом, и об этом тоже предупреждал Султан-Галиев. Однако в своем Отечестве пророков, как правило, не жалуют, впрочем, эта истина не новая. Полагаем, что всем нашим политикам, в первую очередь тем, кто будет решать судьбы России в XXI веке, надо бы очень внимательно вчитываться в эти документы². Правда, еще В.О.Ключевский говорил, что уроки истории человечеством не усваиваются... Но, может быть, он тоже ошибался. Какой предстанет Россия в III тысячелетии — лоскутной империей, цепляющейся за остатки бывшего могущества, или мощным федеративным государством нового типа, дающим всему

¹ См. например, интервью с главным военным прокурором РФ Ю.Деминим. (Общая газета. — 1999. — № 45. — 11—17 ноября).

² В последние годы литература о Султан-Галиеве пополнилась рядом новых публикаций. К сожалению, в некоторых из них имеется ряд неточностей, связанных с недостаточной источниковедческой базой. Не избежал их и автор в целом весьма солидной и информативной статьи в журнале «Вопросы истории» Р.Г.Ланда. См. № 8, 1999. В частности заметим, что известная французская журналистка и автор талантливого бестселлера «Записки принцессы» К.Мурат роман о Султан-Галиеве не писала. Нас давно уже связывают с ней дружеские отношения на основе обоюдного интереса к «мятежному комиссару», но романа пока у нее нет. Возможно, публикация этой книги в какой-то мере поможет ученым и писателям, и образ М.Султан-Галиева найдет более полное и адекватное отражение в их трудах и литературных произведениях.

миру пример бесконфликтного, цивилизованного решения национальных проблем, а они есть не только у нас, в немалой степени зависит от степени усвоения уроков истории. Жизнь и судьба Султан-Галиева — один из них.

Археографическая обработка включенных в сборник документов осуществлена в соответствии с действующими правилами.

Книга снабжена именованным указателем и списком сокращенных слов.

Мы благодарны за существенную помощь в документальном обеспечении данного сборника руководителям и сотрудникам Управления регистрации архивных фондов ФСБ РФ, отдела регистрации архивных фондов ФСБ РФ по РТ, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации.

Благодарим также сотрудников ЦГА ИПД РТ: заслуженного работника культуры Республики Татарстан С.С.Елизарову, А.Ю.Бахтиеву, Г.Г.Бавилову, О.Ю.Лукичеву, Г.Н.Фаезову и А.Р.Шириязданову, а также Н.А.Рефатову и О.В.Фофанову за оказанную помощь в подготовке документов к публикации.

*Б.Ф.Султанбеков
Д.Р.Шарафутдинов*

1. Выписки из информационных сводок ГПУ о настроениях, царивших внутри национальных групп

17 октября — 26 ноября 1922 г.

Национальные группы

17 октября 1922 г.

Наркомзем ТССР Валиев¹, Таначев, Султан-Галиев обсуждали, как осуществить идею пантюркизма и пришли к заключению, что самое лучшее — объединить все восточные республики в экономическом отношении. Для этого они предполагают создать единый центр. Единое административное управление для всех республик Востока. В скором времени по поводу вышесказанного предполагается созвать съезд.

По сведениям, в г. Чите имеется Прибалтийское торговое товарищество, которое является гнездом контрреволюции и имеет связь с гр. Ватталовым, скрывшемся из Казани, в настоящее время находящимся в Финляндии. Служащий товарищества Абдулла часто посылает посылки представителю Наркомнаца в г. Казань Ямбаеву Галифу² (во время Булакского восстания он был председателем трибунала и при переговорах о ликвидации Булакского восстания он был представителем со стороны повстанцев). В данное время Ямбаев член Обкома и зам. наркомзема.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.92.— Ксерокопия.

Из сводки № 1

21 декабря 1922 г.

В последнее время идет большая интрига против администрации КУТВ и Бюро ячейки, так бы казалось, что это поставлено против бездействия администрации и ячейки, но в самом деле кроются более важные вопросы, один из видов которого (я уже добился) носит национальный характер, группы желавших выдвинуть во все работы своих восточных, вплоть до ректора университета и, мне кажется, один из руководящих этого дела, Султан-Галиев, член Наркомнаца, а проводит в жизнь в университет некий Гимадеев (татарин) кружковод и Ибрагимов (перс) студент 2-го курса, студент находящийся под влиянием демагогии этих двух и сопоставленников, в каждом заседании с

¹ Так в документе, следует: Валидов.

² Так в документе, следует: Ембаеву Ариффу.

шумом и криком бросаются демагогическими словами на ячейку и на ректора университета. Я в эту группу вошел в тесную связь и надеюсь в дальнейшем выяснить.

Верно:
Уполномоченный агентуры ВО ГПУ¹

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.2. — Л.93. — Ксерокопия.

Из сводки № 14

23 января 1923 г.

1. ТАТАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

5 декабря 1922 г. тов.Тарпищев вместе с полпредом Султан-Галиевым приехал в Татарскую республику в Казань и в этот же день состоялось торжественное открытие 3-го съезда Советов Татарской республики, и после избрания Президиума съезда и приветственных речей была поставлена пьеса на татарском языке из жизни татарского буржуазного класса, которая носила чисто национальный характер и таким образом доставила большое удовольствие депутатам, конечно, только татарам.

По общему впечатлению секретного сотрудника, Татарская республика существует только на основе национализма, татарские работники относятся почти недоверчиво к русским работникам, и, как говорят сами татарские работники, русских работников нужно держать в руках — если это можно так назвать. Эта национальная вражда существует не только в центре Татарской республики — Казани, но и на окраинах, последний источник исходит от того, что секретному сотруднику пришлось проехать на лошадях по Лаишевскому и Чистопольскому кантонам более 250 верст и ему самому пришлось слышать, как беспартийные крестьяне этих кантонов называли «черными русскими» русских работников.

Конечно, вся эта травля — дело самих татарских работников.

2. БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

В Башкирскую республику — Уфа — сотрудник приехал 13 декабря 1922 г. вечером, почему и на вечернем заседании участвовать не мог. Узнав о приезде Султан-Галиева и Тарпищева, башкирские работники в лице Кушаева, Халикова, Шагимарданова и др. явились в очень плохом настроении, как они выразились, на поклон к их спасителю и последней надежде, опоре, защите их тов.Султан-Галиеву и стали говорить, что на съезде русские работники их окончательно разбили и что Башкирия тоже окончательно без башкир и переходит в руки русских националистов и что они очень завидуют положению Татарской республики и были бы не прочь объединиться в единую Татаро-Башкирскую республику. Говорили также и о том, что Областной Комитет РКП(б) их держит у власти только для отвода глаз, а работать, проявлять свою инициативу в деле улучшения положения угнетенных башкирских

¹ Восточный отдел Главного политического управления.

пролетарских масс не дает, и всю работу в ущерб башкирскому народу ведут русские работники. По мнению сотрудника, все это не что иное, как клевета националистов-карьеристов, в порыве боязни отнятия у них портфелей и, как выражается сотрудник, мнение его оправдывалось тем, что когда при перевыборах все они были вновь выбраны в состав ЦИК и таким образом оставлены на своих прежних местах, как дружелюбно они жали руки всем русским работникам, которых дня два тому назад готовы были изгнать от руля правления.

В качестве представителя из Москвы на этот съезд был делегирован тов.Смидович, и к его присутствию на съезде башкирские работники отнеслись тоже очень недоброжелательно и говорили: «Лучше бы сидел он — этот старик — в Москве и не ездил бы восстанавливать работников друг против друга». Также тов.Смидович им не понравился и за то, что он на ответственные посты выдвигает русских работников, а к башкирцам питает недоверие, называя их националистами.

Вообще, теперь, почувствовав под ногами некоторую почву, татарские работники очень сильно влияют на башкирских и убеждают, что все спасение Башкирии зависит целиком от соединения с Татарией.

Прилагается 6 бюллетеней 3-го съезда.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.94—95.— Ксерокопия.

2. Обзор сообщений секретного сотрудника ГПУ о течениях в объединительном движении мусульман и деятельности М.Х.Султан-Галиева (из дела о Мусульманском духовном собрании помгола)

30 ноября 1922 г.

9 ноября гр.Мускеев, бывший офицер, член Всероссийского мусульманского военного шуро (Совета), принимал активное участие в г.Казани во время восстания мусульман, после уехал во Врангелевскую армию и служил офицером. При занятии Соввластью Крыма остался там, и зам. наркомнаца РСФСР Султан-Галиев, зная его в прошлом, хотел назначить наркомнац в Крым, но Мускеев не пожелал и в данное время продолжает в Ялте школьную работу.

13 ноября Сексот познакомился с гр. Лянишевым, он же на Сухаревке торгует мехами; он говорит, что в данное время не должны быть «пессимистами», хотя коммунисты царствуют, но мы уверены, что эти хулиганы в одно время сами вынуждены будут сдать власть. По его словам, из Харбина приехал человек и рассказывал, где находится Терегулов и Кадыров Закир Элокадырович; первый общественный деятель, бывший член Уфимской земской управы и защитник интересов унитаристов (не проверено), он в данное время является членом Учредительного собрания, читает лекции на тему разложения и дезорганизации Красной Армии.

Второй, Кадыров, издает газеты и редактор «Иран¹ Шарк» ДВ², раньше

¹ Так в документе, следует: Ерак.

² Дальний Восток.

издавал газету в Уфе «Турмуш». Приехавший человек из Харбина, получив документы от зам. наркомнаца Султан-Галиева, уехал обратно.

31 ноября Сексот выяснил, что в данное время в мусульманском мире существуют три течения к объединению мусульман, первое в мировом масштабе, последние два — в российском масштабе.

Инициаторами и руководителями первого течения являются Исхаков и Туктаров, бывший член Учредительного собрания, ныне находящийся в Париже, предполагает переехать в Берлин и руководить всей работой, издавать газеты, журналы на турецком, татарском языках чисто панисламистского характера. Литература будет распространена в России и странах Ближнего Востока, а также в Берлине, объединять всех мусульманских учащихся и вести среди них агитацию, в Москве главным руководителем работы среди мусульман и связью с Берлином служит Таначева, жена полпреда КССР, которая должна руководить также и почтовой операцией с Москвой и Берлином.

Второе течение — пантюркисты, главными руководителями являются 1) Шараф Манатов, 2) Султан-Галиев, член коллегии Наркомнаца, 3) Сибиржан Шамгулов — в Наркомвнешторге, 4) Чанмеев — Полпред КССР, 5) Агиев Джангульислам — сов. народн. меньшинств и бывший журналист и общественный деятель в Казани, 6) Гисмати Абдулла, тоже быв. журналист, ныне в Восточном факультете.

Третье течение Валидова. Руководителями являются Мулдет Илдон-Хан¹ и Шакир Тухвитулловы. Оба служат в Башпредставительстве. Цель данного течения — объединить татар, башкир и взять под свое ведение территорию, лежащую с правой стороны Волги и присоединить к Киргизии Калмыцкую, Азербайджанскую, Дагестанскую и другие республики.

30.11 Сексот сообщает, что в Румынии татарскими эмигрантами издается коммунистическая газета, в действительности же она получает субсидию от Румынского правительства и из Крыма от Азики Башлы² и Чуб-Чукчи³, через несколько времени газета будет конфискована правительством, а сотрудники под маской коммунистов удерут в Россию для антисоветской работы.

Верно: (подпись)

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.11, 12. — Ксерокопия.

3. Решение Оргбюро ЦК РКП(б) о нецелесообразности дальнейшей работы М.Султан-Галиева в коллегии Наркомнаца (Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б))

11 января 1923 г.

Стр. секретно

СЛУШАЛИ: 10. О тов.Султан-Галиеве, /тов.Куйбышев/
ПОСТАНОВИЛИ:

1. ЦК РКП решительно осуждает поведение т.Султан-Галиева, выразившееся в выступлении на заседании Большой коллегии НКНаца предс-

¹ Так в документе, следует: Мутин Ильдархан.

² Так в документе, вероятно: Озенбашлы.

³ Так в документе, вероятно: Чапчакчи.

тавителями мест в присутствии беспартийных с предложениями, идущие в разрезе с постановлением фракции КП X съезда Советов по вопросу о Союзе Республик.

2. Считать нецелесообразным дальнейшую работу т.Султан-Галиева в коллегии НКНаца.

3. Предложить наркомнацу т.Сталину провести это решение через Большую коллегию НКНаца.

Секретарь ЦК: (подпись)

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.15.— Ксерокопия.

4. Рапорты секретного сотрудника ГПУ о М.Х.Султан-Галиеве

30 января — 20 марта 1923 г.

1. О политических взглядах Султан-Галиева

30 января 1923 г.

Зная его с 20-го по работе в Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока, с каждым днем все приходилось побольше сталкиваться и убеждаться в его национализме. В течении трех лет, безусловно, я подошел к нему очень близко. Его идея в общем итоге следующая:

1. Что, если Восток до сих пор был эксплуатирован западной буржуазией, а теперь, при коммунизме, эксплуатируется и будет эксплуатироваться пролетариатом Запада.

2. Восточные коммунисты со всех концов Востока должны постепенно объединяться и создать свои подпольные организации.

3. Восточники при помощи националистов и панисламистов, пантюркистов и прочих, давая им уступки, но несомненно хотят заключить с ними контракт в борьбе с западной буржуазией.

4. Восточные буржуазные националисты и революционеры для нас лучше, чем западные коммунисты.

5. Добиться в России получения полной автономии каждой республике и создать единое правление, т.е. центральное бюро для ведения работы из восточных (постараться выдвинуть в России всюду «своих людей») и беспощадно бороться с противником «восточников» даже до террора. В случае мировой революции поставить контроль над западной промышленностью восточников. Идея в общем такова.

Для ведения такой работы не скажу, что много сделано, но факт в том, что я знаю о его тесной связи с Рыскуловым, Мухтаровым, наркомпросом Крыма с Фирдевсом и прочими лицами. Другой факт, когда я собирался в Туркестан, во время, когда еще были басмачи, он предлагал вести пропаганду за басмачество и поддержать их взять Туркестан в руки. Он говорил, что Энвер-Пашу он уговорил ехать на руководство над басмачами. Он говорил мне, что войти в сношение с персидской буржуазией, поскольку она может оказать в некоторых случаях содействие. Султан-Галиев сам по себе ничего

не представляет, но благодаря занимаемому им хорошему посту и вращению в больших кругах, в глазах восточников выдвинулся на это место, ведь восточнику только сказать, что в Наркоме я сторож, и то почтение. Он не так умен и энергичен, но повторяю, занимаемое место и народная (т.е. национальная) поддержка показывают его авторитет.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.21.— Ксерокопия.

2. О встрече с Султан-Галиевым

1 февраля 1923 г.

При моем появлении там были кроме Султан-Галиева еще три товарища. Один из них Янбаев¹, член партии с 1917 г., заместитель наркомзема Татарстана, член Обкома партии, другой Гисмати Абдулла Эфенди, партийный с 1920 г., бывший ректор Института восточных языков, которого удалили из последнего, и сейчас работает в некоторых комиссиях в Наркомнаце. Третий — Баширов — заведующий или заместитель заведующего хозяйственной частью Института восточных языков, беспартийный.

Разговоры заключали следующее:

1. Янбаев выставлял мысли о том, что в Татарстане до революции земля делилась между татарами, русскими, русскими помещиками и мало других национальностей. Русские помещики, вообще русские занимали плодородные места поблизости от городов и рек. После революции земля помещиков — самые лучшие земли — главным образом попали в руки русских крестьян и поэтому нужно бороться и землю русских помещиков главным образом передать в руки татарских крестьян и для чего он и Наркомзем Татарстана должны вести борьбу, а Султан-Галиеву также в Наркомнаце вести борьбу.

2. Янбаев, указывая на доходы Татарстана, говорил, что мы большие доходы центру не указываем. Например, заготовка леса, эту продельваем мы сами, а отчеты только даем в единичных случаях, когда уже известно окружающим организациям.

3. Янбаев ставит мыслью борьбу отделения Татарстана.

4. Султан-Галиев, указывая на колонизаторскую политику РСФСР, указывал, что согласно ст.141 в Башкирии земли могут продаваться захватчикам, и это постепенно ведет к тому, что Россия опять будет владеть колониями, как и николаевская Россия.

5. По вопросу, что такое Наркомнац и Коминтерн, Гисмати дал такое умозаключение, что посредством Коминтерна последнее золото и богатство России передается заграничным евреям, что Коминтерн — это промоотвод. Наркомнац — это организация колониальной политики и концентрационный лагерь, призванный вызывать идейных работников с мест, держать их в центре или направлять в глухие места, разбить работников Востока.

6. По отношению Коммунистического университета трудящихся Востока Султан-Галиев высказал мысль, что сейчас убрать т.Бройдо нельзя, ибо он, перед тем как уйти, может разрушить аппарат, нужно продолжать проваливать его до тех пор, пока мы будем иметь достойных работников из самих студентов.

¹ Так в документе, следует: Ёнбаев.

7. Вообще, что касается Института Востока, нет сомнения, что имеется тесная связь, ибо всякая мелочь, даже вопрос этого дня уже известны и Султан-Галиеву, и Гисмати, так что существует тесная связь.

8. Татары были культурнее русских, выставляет Султан-Галиев, и последнее доказывается последними открытиями профессора Баллода о Большой и Малой Золотой Орде, и Советская власть окончательно хочет разбить культуру мелких национальностей.

9. Султан-Галиев говорил о том, что т. Бройдо давал заявление в ЦК о нем и, как будто, там было поставлено об удалении его из коллегии Наркомнаца, он говорит: «Я полагаю, что это из-за университетских вопросов и моего выступления против его устава в Наркомнаце», что доказывает, что он в университете ведет определенную работу.

10. Нужно Татарстан, Туркестан, Киргизию, Башкирию и прочих также считать автономными¹ республиками и включить в состав СССР — мысль Султан-Галиева.

11. Нужно созвать подпольный съезд восточных коммунистов в Москве и в Москве лучше всего удастся, ибо все с мест найдут причины для сбора и, в крайнем случае, после съезда Советов или партии, когда большинство будет налицо, и создать национальное бюро восточных коммунистов.

12. Янбаев говорил Султан-Галиеву, что тов. Бройдо, во-первых, большой трус и, во-вторых, не умный. Нужно ему хорошенько показать кулак и пугать его.

13. Выделить достойную группу из студентов Востока и подготовить их для дальнейшей работы.

И много прочих мелких разговоров.

14. Султан-Галиев записал имена нескольких ответственных персон, которых я ему дал и просил их познакомить с ним для переговоров и агитации и подготовки.

(подпись № 6)

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.22, 23. — Ксерокопия.

5. Информация секретного сотрудника ГПУ о подготовке М.Х.Султан-Галиевым нелегального съезда коммунистов восточных республик

2 марта 1923 г.

В прошлом своем рапорте я указывал на то, что предполагается съезд восточных коммунистов подпольно. Безусловно, руководителем этой конференции будет Султан-Галиев, он готовит письма и отправляет в республики, как он говорил в последние дни только курьерам он уплатил 1000 рублей, 200 рублей — в Татарстан, 400 рублей — в Крым, 400 рублей — в Киргизию. Предполагается сперва создать конференцию — человек из 20-ти, и эту конференцию можно будет провести во время партийного съезда, который предполагается через месяц, потом вести организационную работу

¹ Так в документе, следует: «союзными»

и во время конгресса Коминтерна созвать вторую конференцию, а во время съезда Советов создать съезд, где может участвовать человек 50.

Какова же идея и программа Султан-Галиева?

1. Во что бы то ни стало вторую палату в СССР захватить в свои руки и провести выгодные планы для национальной буржуазии республик / Нужно ознакомиться с проектом Сталина/.

2. Во всех республиках создать подпольную крепкую организацию для ведения этой работы.

3. В некоторых республиках подготовить тайные военные силы, главным образом в Киргизии, Башкирии и Туркестане.

4. Поддерживать басмачество и указывать им пути действия.

5. Создать комитет, который свяжет бы восточные республики с восточными государствами, установить тесную связь с правительством Кемал¹, персидского Парламента и Афганского правительства. Поддержать реально национальную буржуазию и создать единое Восточное государство.

6. Связаться с послами Персии, Турции и Афганистана, взять у них сведения о политике России по отношению к ним и раскрыть им все те дела, которые Россия предпринимает по отношению к Востоку. И помочь послам вести свою политику по линии создания единого Восточного правительства.

7. Для связей с послами и отдельными лицами найти квартиру.

8. Ввести в работу не обязательно партийных, можно и беспартийных, и на съезде также беспартийные могут участвовать.

Нет сомнения, что он готовится к более серьезному докладу, но все-таки будет исходить из того, что я уже изложил. В данном рапорте я, конечно, не могу указать на всех тех, которых будут принимать участие в конференции. Но я могу узнать следующее: самое сильное гнездо находится в Татарстане в лице предсовнаркома Мухтарова, Казакова, Брундукова, наркозема², наркомюста³ и заместителя Янбаева⁴, Османа⁵ и проч., вообще он насчитывает до 20-ти человек. В Крыму Фирдевс и К. В Киргизии Саид Бакгасов и два человека беспартийных. В Башкирии и Мурза Бигиев, и наркомпрос⁶ и К. В Туркестане Рыскулов, в Москве он сам, я, Гисмати, Муртазин, уполномоченные Башкирии и проч., пока что неизвестные. Султан-Галиев, говоря о Муртазине, выставляет его крупной фигурой, и если он захочет, так сейчас же человек 20.000 или 30.000 вооруженных придут под его команду и пойдут за ним. Муртазин сейчас учится в Академии Генерального штаба. Нужно иметь в виду еще то обстоятельство, что Султан-Галиев тесно связан с КУТВ, несколько фактов я вам уже писал, но вчера при встрече в настольной книжке записаны точно фамилии и адреса тех 17-ти товарищей, которых откомандировали из университета, а он уже знает, кто куда поедет, и это доказывает, что он уже ждал с ними встречи, в Туркестане у них не имеется сильной почвы, кроме Рыскулова, пока на время других нет, и Султан-Галиев надеется на те 17 человек, которых откомандировали из КУТВ.

¹ Имеется в виду Ататюрк.

² Имеется в виду Валидов Ю.Н.

³ Имеется в виду Богаутдинов Г.В.

⁴ Так в документе, следует: Енбаева.

⁵ Дерен-Айерлы.

⁶ Имеется в виду Адигамаев А.К.

Султан-Галиев мне поручил вести сильную работу в КУТВ, и моя работа должна заключаться в следующем: 1) вести среди персов и азербайджанцев пропаганду об их идеях; 2) познакомить его как можно с большими студентами, не по одиночке, постараться войти в среду узбеков и найти подходящего работника; 3) подготовить доклад о Персии (экономическое и политическое положения), сперва поговорить с ним и потом этот же доклад сделать на конференции для ознакомления членов с Востоком, в частности с Персией.

Насколько я могу узнать, его главная связь и мощь Крым, Татарстан, Башкирия, Киргизия и Туркестан в лице Рыскулова. У него нет никаких связей с Кавказом, и поэтому предполагает познакомиться с кавказцами КУТВ, чтобы посредством их вести в дальнейшем борьбу.

(подпись № 6)

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.96, 97.— Ксерокопия.

6. Рапорт старшего руководителя «№ 13» начальнику агентуры ГПУ об информации агента «Молния» о деятельности М.Х.Султан-Галиева в восточном вопросе

4 марта 1923 г.

При сем препровождаю рапорт сексота «Молния», характеризующий деятельность Султан-Галиева в восточном вопросе. Прошу дать соответствующие директивы сексоту в его участии, в созыве и организации подпольного съезда восточников.

Ст.Руководитель (подпись) № 13

М.Султан-Галиев.

1. Экономическое и политическое положение Персии.
2. Политические партии.
3. Положение эмиграции в Персии и за границей.
4. Положение коммунистической партии /группы/.
5. Работа в Москве.

Схема работы, лично наброшенная Султан-Галиевым.

Поручения, данные Султан-Галиевым для выяснения в Крыму.

1. Какие группировки среди русских.
  2. Какие группировки среди татар и в частности среди татар-коммунистов.
  3. Положение ответственных крымских работников (Фирдевса, Дерена и других).
  4. Положение миссии¹ фирковцев. Отношение к ним Султан-Галиева и наоборот.
  5. Положение Галена.
  6. Общее состояние Крыма.
- Экономическое положение
Политическое
Культурное

¹ В документе опечатка, следует: милли.

7. Настроение населения (рабочих, крестьян по отдельности их национальностей).

Поручения, данные Султан-Галиевым, выяснить в Крыму.

Старший руководитель (подпись)

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.98.— Ксерокопия.

**7. Служебная записка начальника 3-го отдела ВО ГПУ
Н.Л.Волленберга Грабовскому о заведении агентурного дела
на М.Х.Султан-Галиева**

5 марта 1923 г.

Тов.Грабовский.

Заведите агентурное дело, подберите все имеющиеся материалы и дайте их мне для доклада т.Петерсу и получения директив его разработки.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.100.— Ксерокопия.

8. Письмо М.Х.Султан-Галиева Таджи-Бахши

6 марта 1923 г.

Дорогой т.Таджи-Бахши

Когда-нибудь я напишу больше. Сейчас ограничиваюсь лишь несколькими строками, так как имею очень мало времени.

Мы здесь работаем. Работать очень трудно, тем не менее она продвигается у нас вперед. Ведь сразу ничего не дается...

От тов.Гасанова я узнал, что продвинулась вперед и ваша работа. Я этому очень рад. Мы от души хотим этого.

Но успех и вашей и нашей работы зависит от нашей связи между собой и взаимной информации. В этом отношении у нас громадный недостаток: мы не знаем, что делается у нас по отдельным территориям. Кто и чем живет.

Недостаток этот надо устранить. Надо наладить жизнь. В этом отношении, я думаю, мы сговоримся с тов. Гасановым, как действовать в будущем. Это первое.

Второе — нам необходимо точно и ясно выяснить нашу общую платформу и программу действий в отдельных странах. Без этого мы пропадем окончательно. Хорошо было бы, если бы вы как-нибудь приехали в Москву. Самое лучшее было бы, конечно, приурочить ваш приезд ко времени V конгресса Коминтерна. Если же сами не приедете, то пришлите кого-нибудь из своих надежных друзей с наказом, чтобы во время конгресса он связался с нами.

Без этого нельзя.

Третье — о вашей работе в Персии.

Надо ее углубить и расширить. Надо стремиться к тому, чтобы раскинуть свои ячейки по всей стране и иметь своих агентов во всех классах общества. Постарайтесь связаться с афганскими, индийскими и арабскими и турецкими

революционерами. Свяжитесь и с Туркестаном. Не увлекаться слишком этой работой не следует; надо быть чрезвычайно осторожным, чтобы не попасть в руки шпионов и провокаторов разных мастей.

Главное, конечно, это — работа в самой Персии и нужно, чтобы работу эту выполнили твердые и надежные люди.

Иначе придется остановиться на полпути.

Более подробно постараюсь написать в следующей раз.

А пока всего лучшего.

Преданный навеки Рустэм.

P.S. Только в единении революционных восточных стран залог успешности борьбы за освобождение. И только в этом. Никогда не забудьте этого. Не забудьте еще одного: что враги наши сильны лишь нашей слабостью. Надо перестать быть слабым. Тогда мы их победим. Перестать же быть слабым, это значит — надо стать сильным. А это возможно только при единении нашем.

Надо установить крепкий, твердый, нерушимый союз между революционерами Востока. Тогда нам никакой черт не будет страшен. И мы добьемся освобождения.

Рустэм.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.101, 102.— Ксерокопия.

9. Записка сотрудника Наркомнаца начальнику ВО ГПУ Я.Х.Петерсу о почерке М.Х.Султан-Галиева

7 марта 1923 г.

Дорогой Петерс,

Почерк схож, но трудно сказать наверняка. Я постараюсь достать его собственное письмо какое-нибудь и тогда пошлю вам.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.99.— Ксерокопия.

10. Информация слушателя Военной академии РККА Крымова о проявлениях буржуазного национализма в Киргизии и Татарии

18 марта 1923 г.

Представляя при сем сборник стихотворений на киргизском языке (стихотворения Магджана Джумбаева), напечатанный в Казани в 1922 г. в гостипографии «Татарстан» с разрешения РВЦ уполномоченным Комиссариата просвещения Киргизской Республики по издательству Мирниазой Кумовым — книгу явно контрреволюционную, считаю необходимым дать следующее пояснение: может показаться странным, как контрреволюционный сборник:

1) издан Киргизским комиссариатом просвещения с разрешения;

2) в типографии Татарской Советской Республики. Для освещения первого вопроса привожу впечатление, вынесенное мною во время работы по восстановлению советской власти в Акмолинской области в 1920 г. Киргизская интеллигенция, даже наиболее революционная ее часть, не освободилась еще от

националистических тенденций, питает некоторое недоверие к русским революционерам, опирается сплошь и рядом на реакционную часть киргизской интеллигенции. Характерным может послужить следующий случай: в первой половине 1920 г., когда я со штабом укрепленного района приехал в Акмолинск, ко мне начали ходить киргизские интеллигенты — ветеринары, юристы, студенты, и все старались доказать мне, что киргизы все коммунисты. Было даже одно собрание киргизской беспартийной интеллигенции, которая вынесла постановление образовать Киргизскую коммунистическую партию. От национализма еще не совсем освободились и киргизские коммунисты, во всех действиях которых замечается стремление к сближению с киргизской интеллигенцией для того, чтобы иметь возможность обходиться без помощи работников других национальностей. Поэтому в органах власти Киргизской республики много элементов, чуждых советского строя, сторонников буржуазного национализма, этим до некоторой степени можно объяснить, почему контрреволюционный сборник издан Наркомпросом Киргизской республики для широкого распространения (тираж 5.000 экз., почти по одному экземпляру на каждого грамотного киргиза). Почему эта книга напечатана в Казани и, вероятно, с разрешения органов управления Татарской республики, можно объяснить тем, что в правительстве Татарской республики большинство составляют элементы, чуждые пролетарской диктатуре. Во всех центрах — областных, губернских и некоторых уездных — тюрко-татары коммунисты составляют отдельные секции среди коммунистов тюрко-татар (татар, киргиз, башкир). Это течение или, вернее, группа, состоящая из националистических элементов, которая стремится сблизиться с мусульманской буржуазией, мечтает «о самостоятельности», буржуазных сынков командирует на средства государства в заграничные заведения. Во главе этой группы стоит член коллегии Наркомнаца Султан-Галиев — человек без прошлого и настоящего, случайно пристроившийся к революции. Вот его краткая биография: в 1911 г. окончил Татарскую учительскую семинарию в Казани, при поступлении отец его выплянул ему казенную стипендию. По окончании семинарии один или два года учительствовал в Уфимской губернии. Потом поступил на службу к миллионерам Ташевым в Баку, у хозяев был на хорошем счету, сотрудничал в буржуазно-националистических газетах «Каспий» (издавалась в Баку), «Мусульманин» (издавалась в Париже), «В мире мусульманства» (Петроград). После Февральской революции до Октября был секретарем буржуазного Центрального мусульманского национального совета¹. В октябрьские дни очутился в Казани. По настоянию своей жены Розы Султан-Галиевой стал коммунистом, начал работать в советских органах и скоро стал активным работником — председателем Центральной мусульманской военной коллегии и даже членом РВС 2-й армии. Затем развелся со своей женой коммунисткой, женился на дочери крупного московского спекулянта Ерзина и из-за второй жены застрелил одного кавказца². Теперь состоит членом коллегии Наркомнаца, живет в Замоскворечье в доме своего тестя, пользуется большой популярностью среди

¹ Имеется в виду Всероссийский мусульманский совет (Милли шура)

² Факт имел место, но был связан не с Ф. Ерзиной, как пишет Крымов, а с первой женой М. Султан-Галиева. См.: Мирсаит Солтан-Галиев. Сайланма кезмәтләр = Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды /Сост. И.Г. Гиззатуллин, Д.Р. Шарафутдинов. — Казань: «Гасыр», 1998. — С. 483—485.

замоскворецких татар-спекулянтов. Весь Совнарком ТАССР, включая сюда и председателя Мухтарова, состоит из ставленников Султан-Галиева. В настоящее время наиболее деятельным членом Татсовнаркома является наркомпрос Брундуков, хорошо известный уфимцам тем, что в январе—марте [...]¹

2-го мусульманского полка, этот полк с большим трудом в середине марта был ликвидирован. По ликвидации полка Брундукову удалось скрыться из Уфы, попал в Пермь, затем перешел в Центральную мусульманскую военную коллегия, по ликвидации последней некоторое время был военкомом Организационного управления штаба РККА, женился на сестре второй жены Султан-Галиева и таким образом, кроме идеологической связи, Брундуков и Султан-Галиев имеют и родственную.

Здесь я привел характеристику двух деятелей, наиболее ярко выделяющихся, а остальные члены Татправительства держат направление по ним.

Среди них есть так называемые «забулачники» (участники забулачного восстания в Казани в 1918 г., в феврале и марте). О членах Татправительства ценные сведения может дать слушатель Военной академии тов. Мавмотов, работавший с большинством из них в 1918 и 1919 гг.

Башкирская республика, как известно, образовалась на основании договора между Рабоче-крестьянским правительством и известным башкирским контрреволюционером Валидовым, перешедшим в начале 1919 г. в результате достигнутого соглашения на сторону советской власти. В настоящее время Валидов — вдохновитель басмаческого движения Средней Азии. Первый Ревком Башреспублики был составлен из активных контрреволюционеров, и после их авантюры в 1920 г. в Ревком были назначены коммунисты, в настоящее время правительство состоит из коммунистов, но башкиры с сильным уклоном в сторону национализма. Поэтому сильный антагонизм между русскими и башкирами в Совнаркоме БАССР.

Почти то же самое можно сказать и про Туркеспублику. Все тюрко-татарские автономные республики, хотя и не составляют одну тюрко-татарскую федерацию, между ними есть идеологическая связь и есть стремление образовать тюрко-татарскую федерацию и даже мечтают «о независимости» (в этом отношении характерно выступление Султан-Галиева и председателя Татсовнаркома Мухтарова на фракционном собрании последнего съезда Советов, где Султан-Галиев после доклада тов. Сталина о союзном договоре в своей речи сказал: «Пора прекратить игру в независимость». Исключение составляет лишь Крымская республика, здесь сгруппированы наиболее преданные делу пролетарской революции с тов. Саид-Галиевым во главе.

Политику автономных тюрко-татарских республик, суммируя вышеизложенное, можно охарактеризовать:

1. отсутствие твердой коммунистической политики за полным отсутствием испытанных партийных работников;
2. ориентация на мелкобуржуазную интеллигенцию и буржуазную городскую демократию (старьевщики, извозчики, мелкие торговцы), работает при Татсовнаркоме (хотя не проверено) шариатская комиссия для согласования советских законов с учением Магомета, попытка праздновать 1000-летие принятия магометанства, налоги, проводимые мусульманским муфтием для обеспечения духовенства, попытка открыть магометанские учебные заведения и т.д.;

¹ Текст неразборчив.

3. стремление к соглашению с мусульманской буржуазией и буржуазной интеллигенцией под видом использования технических знаний (командировки на государственные средства в заграничные учебные заведения буржуазных студентов);

4. отсутствие связи с пролетарской и сельской беднотой;

5. националистическая политика (в Башкирском правительстве антагонизм между русскими и башкирами (то же самое и в Киргизии));

Указанные особенности настоятельно требуют:

1. иметь не ослабевший надзор за деятельностью правительств этих республик, выделяя в отделы ГПУ наиболее опытных и знакомых с местными условиями работников;

2. всю литературу на тюрко-татарском языке, как издаваемую советскими органами, так и частными издательствами, пропускать через ГПУ.

Переходя к содержанию представляемой книги, наиболее характерными являются стихотворения: «Пророк», «Бог», «Товарищу» (перевод выдержек из этих стихотворений прилагается), «Я заблудился», «Свобода»; краткое содержание последнего: когда лилась кровь, царствовал сатана (время царской реакции), появился белый ангел (свобода), всем стало хорошо, наступил мир и братство, затем началась гражданская борьба, грабежи и пр., и «белый ангел» улетел в небеса.

Слушатель военной академии РККА — *Крымов*

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.27—30. — Ксерокопия.

11. Информация секретного сотрудника ГПУ о формировании М.Х.Султан-Галиевым оппозиции ЦК РКП(б) по вопросу национальной политики с изложением содержания письма М.Х.Султан-Галиева башкирским работникам

позднее 20 марта 1923 г.¹

Во время съезда активное участие принимал на башкирских совещаниях уполномоченный Наркомнаца Султан-Галиев Мирсаид и давал направление. На одном из них сказал огромную речь по адресу ЦК РКП, информируя о состоянии Ближнего Востока, призывал к тесному контакту и солидарности народы Востока. После съезда настроение пало. В центр были написаны два заявления. Одно — в ЦК РКП, копия — в Наркомнац, а другое — во фракции Наркомнаца и копия Султан-Галиеву.

Во время Всероссийского съезда Советов (декабрь 1922 г. — январь 1923 г.) делегаты восточных республик объединились вокруг Султан-Галиева, имея его своим поверенным по вопросу о Союзных Советских республиках.

Во время этого съезда представители восточных республик заключили тесный союз между собою и решили:

1. Москву считать центром Востока, куда стягивать всю информацию;

2. во главе дела поставить Султан-Галиева, от которого получать информацию на места через специальных курьеров;

¹ Дата определена по времени проведения Всебашкирской партконференции, которая проходила 18—20 марта 1923 г.

3. во что бы то ни стало удержат Султан-Галиева в Москве;

4. стремиться к понижению авторитета ЦК РКП на местах и сжать сферу влияния РСФСР и СССР на автономные республики. Во исполнение всего изложенного в марте месяце из Москвы приехал в Уфу специальный курьер, некий гр. Ерзин, выше среднего роста, здоровый, кажется, рябоват, брат жены Султан-Галиева, сотрудник Совнаркома. Пробыл в Уфе 3—4 дня.

Указанный Ерзин привез три деловых письма: 1) председателю ЦИК Кушаеву, ничего особенного не содержит, написано на небольших бланках со штампом членом коллегии Наркомнаца М. Султан-Галиевым; 2) председателю Совнаркома Халикову небольшое письмо. Написано на таких же бланках, содержимое — о вводе в Совроссии двухпалатной системы управления, все изложено вкратце и, наконец, 3) письмо наркомпросу Башкирии Адигамову Габдулле, представлявшему Башкирию на совещании представителей Востока. Последнее письмо не на бланках, а на нескольких больших листах, запечатанное пятью сургучными печатями, по-видимому, турецкими. Вкратце содержание письма приводится ниже.

Все три письма читались ночью на квартире Адигамова в присутствии Кушаева — зав. культ.отделом Башпрофсовета, а потом письмо ходило по рукам. Причем письмо точно не было подписано и писано как бы от третьего лица.

С приезжим курьером Ерзиным послан ответ от Адигамова и небольшое письмо от Халикова. Кушаев же написать что-либо не успел. Содержание ответных писем неизвестно, также неизвестно, были ли даны этому курьеру какие-либо денежные средства, что просилось письмом. Поскольку письмо в своем большинстве касается предполагаемой двухпалатной системы управления Советской Россией, ныне башкирским блоком разрабатывается проект на сей предмет, пока не адресованный куда-либо и не вполне законченный, но основное мнение изложено ясно и точно. В настоящее время прошла Всебашкирская партконференция и ожидается Всероссийский партсъезд, к каковому времени Султан-Галиевым подготавливается нелегальный съезд восточных народов в Москве, где задачей будет разрешение вопроса об управлении Россией и независимости восточных народов мусульман. От РСФСР на указанный съезд от Башкирии вызывается Адигамов Габдулла — наркомпрос, который под тем или иным предлогом должен выехать в г.Москву. В случае невозможности выехать незаконным путем из Москвы должна проследовать провокационная телеграмма с вызовом по делам службы. Таково положение Башреспублики, и лозунгом для башкирских работников остается: неуклонное ослабление власти РСФСР и стремление к полной независимости от таковой в контакте с прочими восточными народами. При сем прилагается смысл письма Султан-Галиева, адресованного Адигамову, и точная копия башкирского проекта об управлении Российской республикой.

Изложение содержания письма М.Х.Султан-Галиева А.К.Адигамову

Дорогой Габдулла,

Всем товарищам привет.

После твоего отъезда обстоятельства переменились. Произошли некоторые перемены. Организационная работа идет. Что мы порешили при тебе — выполняется, отсутствие средств тормозит дело. С Татарстаном, киргизами, Туркестаном и другими, кроме Крыма, связь налажена хорошо. Посылаю людей,

оттуда тоже приезжают, в общем, обмен мнениями производится, контакт налажен. После отъезда всех вас начались гонения на Султан-Галиева за его выступление на съезде от имени восточных республик. Прежде всего, его хотели выбросить из коллегии Наркомнаца и послать для работы в низы, сделав так, как раньше, т.е. послав для ответственной работы, а вслед отправив секретное предписание о назначении на работу не выше уездного масштаба. Этот номер не прошел. Сам же Султан-Галиев, говорят, узнал, что Бройдо подал заявление на него в ЦК РКП и стал добиваться свидания со Сталиным, что ему и удалось, и Сталин его за выступление на съезде назвал идиотом. После чего Султан-Галиев имел беседу с Бройдо, требуя объяснения от него по поводу его выступления, т.е. подачи заявления в ЦК. После крупных разговоров и нажимов Бройдо под большим секретом сказал Султан-Галиеву, что заявление заставил его написать Сталин. Положение Султан-Галиева было шаткое, но момент РСФСР не позволяет что-либо против него предпринять, ибо выступление его имеет и имело крупное значение, и, надо полагать, это выступление заставило многих призадуматься, в том числе и Сталина. Да к тому ваши бомбардировки центра о ненормальностях делают шатким положение РСФСР, в результате чего, как я узнал через одну барышню в ЦК РКП, Сталин внес в ЦК проект о создании двухпалатной системы управления. Указанный проект следующего характера: управление двухпалатное. Первая составляется из союзного ЦК, а вторая — из автономных республик и областей, в том числе и русских, не вошедших в состав РСФСР.

Первая палата выбирается на основе пропорциональности, а вторая — равнства: по 4 от каждой автономной республики и по одному от каждой области, всего 69 человек. Пленум двух палат избирает верховная власть — ВЦИК и Совнарком.

Вот, в сущности, проект Сталина, который вызвал оживленные прения в течение 6-ти часов совершенно секретного заседания ЦИК, где выявились следующие течения: Каменев, Калинин, Зиновьев категорически возражали, опасаясь национальной вражды между двумя палатами и предлагали второй палате придать совещательный характер. Сапронов предлагал вовсе не вводить двухпалатной системы, а организовать только федеральные комитеты при ЦИК СССР [...]¹. Троцкий упорно защищал проект Сталина, мотивируя необходимостью сближения с окраинами на случай возможного выступления РСФСР. Сталин в заключительном слове поддерживал свой проект, на этом настаивал, говоря, что «Будем мы считаться с окраинами или нет. Нужны они нам или нет.

Если считаться будем и они нужны, то проект примите, а если нет, то и я скажу «нет» и подпишу, только тогда всякую ответственность с себя за будущее снимаю».

В результате проект принят за основу и его решено показать Ленину. Боятся, что Ленин пойдет еще на большие уступки. (Вот какие сволочи). Создана особая комиссия для разработки этого вопроса. На места будут рассылать членов ЦК РКП до съезда. Этот проект и сообщение я сообщил всем нашим республикам. (Конечно, своим для ознакомления).

Предстоит крупный шаг, крупная борьба, предстоит возможность выбраться из-под ига, если не совсем, то наполовину. Сообразуясь с этим, готовьте свое

---

¹ Опущено идиоматическое выражение.

мнение, кладя в основу недопустимость сосуществования союзных и автономных республик в России.

Не допустите пропорциональности выбора и стремитесь к даче самостоятельности второй палаты. Это необходимо. Мы его у себя обсудим перед съездом, к каковому времени, наверное, Султан-Галиев возьмется создать съезд восточных наших деятелей. Ты, Габдулла, под тем или иным предлогом, если не будешь избран на Всероссийский съезд, приезжай обязательно дня за три — четыре — пять до этого. Вообще нам между собою нужно разрешить много вопросов, так приезжай обязательно. Сообщаем всем своим.

У вас скоро партконференция. Там не молчите. Выступайте обязательно со своей декларацией, пройдет или не пройдет — не важно. Никогда не молчите. Все до поры до времени. В остальных республиках ничего. Про Грузию писал, наверное, знаете. Да и ЦК разослал, немного переврав по обстановке. Вы не делайте никакого прорыва на общем фронте. Вы отказались от отделения Верхтриба у себя. Это прорыв фронта. Из-за вас не дали и Татарии. За это обижаюсь я и все татары. Средств нет. Вся тяжесть расходов по посылке курьеров и проч. падает на Татарскую республику. Это нехорошо. Нашей организации нужны деньги, особенно в этот период. Вам надлежит изыскать и срочно выслать до триллиона денег, хотя бы по частям. Письмо прочитать кому следует и сжечь.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.40, 41.— Ксерокопия.

12. Расшифровка перехваченного 8 апреля 1923 г. Башотделом ГПУ письма М.Х.Султан-Галиева А.К.Адигамову

между 27—29 марта 1923 г.¹

Читай, только сам сожги. Сталин заявил мне, что будто бы ему передали одно из «конспиративных» моих писем бабработникам, из которого видно, что в Москве существует нелегальная организация типа Заки-Валидова, ведущая борьбу с партией. Делать предложение об аресте меня Сталин отверг. Сейчас усиленно за мной следят.

Немедленно сообщи, уничтожены ли мои письма к тебе и Халикову. Узнай, каким образом письмо это (а может быть, только копия) могло попасть. Я должен знать: подлинник или копия. Если подлинник письма к тебе уничтожено, то немедленно и срочно телеграфируй условно в Татпредставительство: «Переводу Юмагужина Татпредставительство не возражаю». Сталину я указал, что письмо одно я написал Халикову, но что там ничего особенного не было. Узнай, кто там занимается предательством. Будьте осторожны, бдительны и тверды, за вами также будут глядеть. Сталин обещал прислать копию письма в Наркомнад. Прощаясь, сказал, чтобы и впредь был осторожен, обо всем можешь рассказать лишь Мурзабулатову и Бикбавову.

Не халиковское ли это дело.

Мирсаид.

¹ Дата определена по показаниям К.К.Тарджимагова.

Р.С. После съезда Советов у меня были Салимьянов, Тляубердин и Туальбаев и Султанов, Муртазин. Первых трех рекомендовал Тухватуллин. Можно ли этим людям доверять... В Туркестане, Бухаре басмачество усиливается. Есть слухи, что к весне хотят выступить организованнее. В связи с этим центр делает большие уступки в национальном вопросе. Установи связи с Заки Валидовым, только надо чрезвычайно осторожно — живая связь или шифром. За меня не тревожьтесь — буду до конца тверд.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.112.— Ксерокопия.

13. Письмо А.К.Адигамова М.Х.Султан-Галиеву

2 апреля 1923 г.

Мирсаид,

Твои записки или письма получили. Как бы то ни было, постараемся до съезда приехать (особенно я). Еще лучше бы, если бы кто-либо из Москвы меня вызвал по телеграфу. Если нас не будет, от нашего имени Галей¹ сделает. С Галей посылаем Сталину свой взгляд по национальному вопросу. Копию этого взгляда дадите Президиуму съезда, какой-либо секции по своему усмотрению. Насчет Аухадия² тоже написали — очень и очень важный вопрос. Ты и это посмотришь.

Из людей, посылаемых на съезд, заслуживающих доверия нет.

Даже из этого ты заключишь, как прошла конференция, или Галей расскажет. По моему мнению, на этом съезде нужно серьезно заявить и большими подписями и от большого количества наций, необходимо внести именно в категорической форме. Если никто из нас не сможет приехать, Галей поможет (он хороший парень).

Желаю пользы вашему делу, остаюсь, Габдулла.

Письмо изорви.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.103.— Ксерокопия.

14. Информация секретного сотрудника ГПУ о контактах М.Х.Султан-Галиева с нацработниками перед XII съездом РКП(б)

6—7 апреля 1923 г.

6 апреля вечером Султан-Галиева посетили Муртазин и Терегулов. Последний информировал о положении дел в Башкирии и последней партконференции. Заслушав такое, т.Султан-Галиев констатировал ненормальность положения и отсутствие спайки у башработников, которые не только не могут вести работу сами, но даже под руководством свыше разглашают директивы и информацию. Кроме сего подчеркнул усиление в Башкирии влияния татарских работников, бывших эсеров, деятельность которых направлена против нашей платформы.

¹ Гали Терегулов?

² Аухади Ишмурзин?

«Огласив мою информацию, сказал Султан-Галиев, — башкиры сделали ее достоянием ГПУ и ЦК РКП в лице Сталина, который запиской сообщил ему «Мне сегодня сообщили об одном из ваших конспиративных писем башработникам, которое направлено как бы против партии и исходит от организации (здесь и аналогичных — по автономным республикам) по плану Валидовского. Если так, вы совершенно отошли от нашей партии. Так ли это? Сталин».

Такое положение дел роняет ей авторитет и не дает возможности перед съездом широко совещаться, ибо устанавливается надзор. Это нетерпимо, тем более от Азербайджана и Крыма получены ответы на мои аналогичные письма. Из Азербайджана пишет председатель Нариманов, нарком РКИ Кадерли, еще некий Эфендиев и из Крыма, замнаркомпрос, фамилия неизвестна. Во всех письмах говорится о необходимости единого наступления по национальному вопросу и их пожелание: к съезду приехать для личных переговоров. Положение этих республик, по информации, аналогично Башкирии, но только там работники туземцы сильны. Через Крым имеется не регулярная, а случайная, связь с Турцией. Причем существует шифр и устные пропуска-отзывы, без которых переговоры невозможны. В том районе основной задачей ставится заключение Афганистаном союза с Турцией, о чем ведется соответствующая агитация. При связи пользуются, кроме курьеров и верными попутчиками, и привлекаются постоянно главным образом студенты из Университета трудящихся Востока. Один из коих, по фамилии Гасанов, выезжающий в Крым пользуется уже полным доверием. По происхождению, по-видимому, персиянин.

В связи с раскрытием информации Султан-Галиева вопрос о широком совещании остается открытым, тем более еще неизвестно, взят ли подлинник (письма) или копия. Если первое, Султан-Галиев считает положение серьезным, если же второе — то сравнительно ничего.

Сталин обещал копию имеющегося письма дать Султан-Галиеву и Бройдо.

Кроме сего Сталин сообщил, что у него просили разрешения на арест Султан-Галиева по поводу его письма, чего тот им разрешил.

Работа в будущем пока не определена и, нужно полагать, небольшое совещание состоится перед съездом. Все будет производиться с чрезвычайной осторожностью.

7 апреля я встречался с Султан-Галиевым. У него на дому очень мало говорили, потому что был у него кто-то из Башкирии, но разговор следующий:

1. В Башкирии наша группа потерпела поражение во время партийного съезда, туда приезжал Петерс, заведующий Восточным отделом ГПУ и поддерживал русских повстанцев, и русские выиграли;

2. Поручил передать письмо Фирдевсу и самому рассказать обо всем, сказать, что Сталин посылал такую записку: «За нами следят, пусть будет осторожен». Три года, как ни с кем не встречались и он ни разу не информировал о положении. Пусть он напишет;

3. Постараться тайком проехать в Константинополь и оттуда — в Ангору. Там встретиться с Сегаллы Джелал и при встрече с ним следующий пароль (по-татарски): «в руке ключ», ответ будет «море волнуется». С ним стовориться о связи, деньги даст Фирдевс, если он не дает, напиши — я вышлю.

Адрес Джелала: [...];

4. Фирдевс на днях послал Султан-Галиеву телеграмму: «Приехали с докладом обо мне, без моей визы никому не доверяй». Телеграмма была открыта. Султан-Галиев просил передать ему, чтобы он больше таких глупостей не делал.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.104—106.— Ксерокопия.

15. Письмо 12 руководящих работников Башкирской АССР секретарю ЦК РКП(б) И.В.Сталину о положении партийной организации республики

ранее 12 апреля 1923 г.¹

Поскольку успех международной революции зависит от революционного классового движения промышленного Запада и национально-революционного движения феодального и полуфеодального Востока, с замедлением темпа развития первого все большее и большее значение приобретает второе движение.

При наличии же колоссальной ненависти многомиллионных масс Востока к западным и восточным империалистам, обусловленных десятилетиями беспощадной эксплуатации, роль Советской России как реального революционного фактора приобретает первостепенное значение для судьбы революции на Востоке.

Этот фактор способен действовать двумя путями: 1) путем агитации, имеющей целью разъяснения освободительного характера революции для забитых масс Востока и 2) наглядной пропагандой этого освобождения путем практического его проведения на российском Востоке.

Нам не приходится доказывать неизмеримо большего значения этого второго пути перед первым, не говоря уже о том, что этот путь, являясь средством для развития революции в сопредельных с РСФСР странах, должен быть целью РКП (большевик) в пределах СССР и РСФСР.

Тезисы национальной политики, принятые X съездом РКП(б), совершенно правильно учли это явление, но совершенно не проводились в жизнь, а в некоторых случаях даже сыграли отрицательную роль. Так обстоит дело в пределах Башкирской Социалистической Советской республики. Поднятия культурного и экономического уровня отсталой туземной массы в целях приближения ее к уровню пришлого населения и фактического приравнения ее прав с правами пришельцев не случилось. Мало того, даже совершенно не создано предпосылок к этому.

Например, почти совершенно не втянуты в дело советского и партийного строительства представители туземной (башкирской) бедноты.

Нет ни одного органа, который бы действовал на башкирском языке.

Нет совершенно специальных мероприятий, направленных к поднятию культурного и экономического уровня башкир, которые не способны приостановить продолжающееся их вымирание.

Напротив, в условиях нэпа в погоне за производственным эффектом в

¹ Дата определена по содержанию информации секретного сотрудника ГПУ.

области поднятия сельского хозяйства или укрепления промышленности преимущественное внимание оказывается более сильной экономически пришлой части населения.

Причин к этому очень много. Главнейшие из них заключаются в том, что наша парторганизация нездорова. Делится она на очень незначительное количество (стариков) и огромное большинство (молодняка), вступившего в партию после февраля — главным образом, октября 1917 г. Среди первых почти нет, а среди последних — незначительное место занимают коммунисты башкиры.

Вся эта молодая партийная масса весьма мало или почти совсем не воспитана марксистски и подвержена всяким уклонам. Партийное большинство, занимая господствующее положение во всех почти партийных, советских и профессиональных организациях, увлекаясь подобным своим положением, поддаваясь порой сменовеховским и иным настроениям, делает грубейшие уклонки в сторону великодержавности, что в свою очередь вызывает в противовес себе оборонческий башкирский национализм.

Таким образом, партийная организация делится на русское большинство с теми (попутчиками) из среды коммунистов башкир, которые, не обладая никакими талантами, в целях карьеристических примыкают к большинству и являются часто подставными фигурами там, где это нужно, с одной стороны, и оппозиционно настроенное меньшинство коммунистов башкир — с другой.

Мы в данном случае говорим о масти, исключая единичные примеры как с той, так и с другой стороны.

Постановление X съезда РКП(б) по национальному вопросу не принесло улучшения положения, потому что оно осталось чисто декларативным постановлением. Большинство нашей организации это постановление истолковало как стратегический маневр, рассчитанный исключительно на успокоение туземных масс, но не как постановление, обязательное к исполнению.

Формально две партийные конференции Башреспублики декларировали это постановление и тем ограничились.

Каждая попытка со стороны коммунистов башкир реализовать это постановление кончалось ничем. Каждый раз подчеркивалось принципиальное согласие с этим постановлением и фактическая невозможность проведения в данный момент в связи с предстоящими якобы более важными заданиями.

Причем каждый раз на вносящих этот вопрос пристегивался новый «грех» национализма.

С течением времени большинство, постоянно маневрируя, достигли того, что на партконференциях и в составе парткомитетов все меньше и меньше стали появляться коммунисты башкиры, постепенно замещаемые между прочим теми, которые, будучи сами из среды башкир, наживали себе политический капитал «благонадежности» на полном отрицании необходимости проведения национальной политики РКП(б).

Примером подобной тактики большинства является последняя, 7-я, башкирская партконференция, которая прошла под лозунгом решительной борьбы с уклоном в сторону национализма, ни слова не говоря о борьбе с великодержавностью, избрала односторонний областной комитет и послала

на XII съезд РКП(б) делегацию, в составе которой нет ни одного «инакомыслящего».

Не имея возможности таким образом непосредственно осветить вопрос перед съездом партии, мы, нижеподписавшиеся, посылаем настоящее письмо, рисуящее положение с другой точки зрения.

Двухлетний опыт, не давший никаких результатов в деле проведения в жизнь национальной политики, говорит за то, что дело не должно ограничиваться голым принятием тезисов, которые, как бы хороши они не были, впоследствии определенно не сочувственного к ним отношения со стороны большинства русских коммунистов окраин, останутся вновь на бумаге.

Нельзя проведение этого вопроса ставить в зависимость от желания или нежелания тех или иных групп коммунистов на местах, подчас лично далеко не заинтересованных в успехе этого дела. Тотчас за принятием тезисов должен быть принят целый ряд мер, направленных на практическое проведение их в жизнь и клонящихся приблизительно к следующему:

1. Осуществление постановлений должно являться партийным долгом как каждого члена партии в отдельности, так и всех парторганов, ни в коем случае независимо от доброй воли кого бы то ни было.

2. Должна быть выработана приблизительная календарная программа их проведения, обусловленная определенными сроками.

3. Всякое уклонение от проведения должно караться самым суровым образом как штрафбрежнерство и нарушение партдисциплины.

Равным образом все советские органы, каждый в своей области, должны следить за проведением этих постановлений в жизнь, преодолевая всем авторитетом и силой государственной власти все сопротивления, наказывая за невыполнение в судебном и административном порядке.

Напротив, всякое достижение и успех этого дела должны всячески поощряться как заслуга перед революцией.

4. Все члены партии и особенно молодежь должны быть воспитаны в сознании необходимости и колоссальной важности этого мероприятия для успеха мировой революции.

5. Должен быть принят целый ряд мер специального характера, направленных исключительно на поднятие культурного и экономического уровня отсталых народностей до уровня пришлого населения, без чего немислимо фактическое равенство всех национальностей.

Все указанные мероприятия, будучи крайне необходимыми вообще в условиях нашей действительности, принимают особенную необходимость именно теперь, когда в связи с новой экономической политикой все более и более нарастает реакционное сменовеховское настроение.

Одновременно нужно вести суровую борьбу с теми ликвидаторскими по отношению к республикам настроениями, которые растут впоследствии отсуствий строго определенных и вполне законченных форм взаимоотношений всех республик и областей с центром.

В настоящих условиях, когда еще совершенно не изжито национальное неравенство, т.е. почти все нации, населявшие ранее Россию, нуждаются и долго еще будут нуждаться в специфическо национальной работе для поднятия своего экономического и культурного уровня, когда в круговорот пролетарской революции еще не втянуты достаточное для обеспечения бесспорного успеха

революции в мировом масштабе количество других государств и народов, всякое ликвидаторство было бы глубоко реакционным началом.

Росту подобных настроений должен быть положен решительный предел путем окончательного оформления взаимоотношений республик с Центром и создания высшего органа на основах равенства по количеству и равноправности представителей всех без исключения республик Союза и Федерации.

Абд. Адигамов, бил. № 353226 Кушаев, бил. № 350938
(Всего 12 подписей).

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.31—34.— Ксерокопия.

**16. Телеграммы начальника Башотдела ГПУ Белогурова
начальнику ВО ГПУ Я.Х.Петерсу о шифрованном письме
М.Х.Султан-Галиева А.К.Адигамову**

11 апреля 1923 г.

Шифром

О перехвате письма

Нач.ВО Петерс. Перехваченного шифрованного письма Султан-Галиева видно последний имеет информацию вашей работе Москве. Подлинник письма с подробностями высылаю Герасимовым сегодня.

Белогуров

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.113.— Ксерокопия.

***Об обстоятельствах перехвата письма и последующей за
этим реакции части башкирских работников***

В. Срочно
С. секретно
Лично

В дополнение нашей телеграммы № 47/ш от 11.04.23 г., препровождая при сем подлинник шифранта и дешифрант письма Султан-Галиева Мирсаида, информируем: данное письмо подлежало передаче башнаркомпросу Адигамову и случайно вместе с письмом на имя жены Тарджиманова попало в руки одному товарищу, который 10 апреля 1923 г. его представил в ВО ОГПУ, причем этим товарищем было заявлено, что письма он обнаружил у одного своего знакомого, некоего гр. (спекулянта) Космасова Исхака, вернувшегося из гор. Москвы, где ему 1 апреля с.г. гр.Тарджимановым, являющимся представителем Центрального мусульманского духовного управления при ЦК Последгола, были вручены прилагаемые при сем два пакета — один адресованный жене Тарджиманова и другой без адреса, пропечатанный в трех местах сургучом, с шифрантом письма Султан-Галиева. Ввиду того, что вся указанная корреспонденция по сложившимся обстоятельствам, будучи представлена нам в распечатанном виде и с подчеркиваниями переписки Тарджиманова, не могла быть передана по назначению, нами приняты меры законспирирования того, что она доставлена в ВО ОГПУ.

После ряда усилий письмо Султан-Галиева нам удалось своими средствами расшифровать — шифрант и дешифрант коего при сем прилагаются на ваше распоряжение. Кроме того сообщаем, что сего числа из Москвы от Тухватуллина получена телеграмма, в копии при сем прилагаемая, о вызове в Москву Башнаркомпроса Адигамова. Последний в случае его выезда в г.Москву будет сопровожден нашими разведчиками и передан под наблюдение агентуры ВО ГПУ.

Не лишне указать, что в связи с неполучением до сего времени этой телеграммы лица, упоминаемые в докладе за март сего года, сильно волновались и накануне перед получением телеграммы по-видимости (по данным агентуры наружного наблюдения) собирались на обычное частное совещание, за не присутствием на последнем нашего осведомителя вопросы обсуждения пока выявить не удалось. По личному наблюдению нач. ВО ОГПУ 10-го апреля с.г. перед заседанием Совнаркома в кабинете пред совнаркома собирались: Халиков, Адигамов, Бикбавов и другие, где обсуждался какой-то вопрос, особенно взволновавший указанных лиц, что даже было заметно внешне, и так как наступало время открытия заседания, то Бикбавов и другие, как не имеющие отношения к заседанию Совнаркома, быстро удалились. Есть предположение, что в этот день Адигамовым было получено из г.Москвы через кого-либо сообщение от Султан-Галиева, возможно, предупреждающее о посланном им зашифрованном письме, каковое не было вручено по назначению.

Принимая во внимание сущность содержания зашифрованного письма Султан-Галиева, необходимо отметить, что по имеющимся у нас сведениям из личного доклада уполномоченного по Зилаирскому кантону и из почто-телеграммы ПП ГПУ по КССР за № 1401/с от 24 марта 1923 г. видно, что на границе БССР и КССР обнаружена организация по закупке оружия, препровождаемого в г. Актюбинск и другие местности. На этот счет нами работа будет вестись в контакте с ПП ГПУ по КССР, для чего Уполномоченному ВО ОГПУ по Зилаирскому кантону сделано соответствующее распоряжение.

Приложение: упомянутое.

Нач. ВО ОГПУ *Белогуров*
Врид. Нач. СОЧ *Ермолаев*
Нач. СО *Калянский*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.39.— Ксерокопия.

О расшифровке письма

С. секретно
В собственные руки

Данная вам информация в Уфу о работе башкирской группы начинает все более и более оправдываться. Из перехваченного письма, зашифрованного существующим у них шифром, после долгих усилий в продолжении ночи дало блестящий результат — шифр нами открыт и письмо расшифровано. Из письма видно, что полученные вами сведения в Уфе и по ним принятые меры в Москве стали известны Султан-Галиеву. Последний не замедлил поставить своих единомышленников на окраинах в известность. Нужно полагать, что такие же уведомления направлены Татарскому, Крым, Туркестан и т.д. Прошу вашего осведомителя по возможности на долгое время

не задерживать, т.к. сейчас особенно нужен он, и здесь осторожны, и без внутреннего осведомления трудно работать. Завербованные вновь в среду их верховной организации, т.е. руководящей, проникнуть еще не могут.

Абдулла Адигамов вероятно выедет одновременно с И.С.Герасимовым и его необходимо в Москве к Султан-Галиеву не допустить, иначе он будет поставлен в известность последним, чем помешает вашим и нашим разработкам.

Белогуров.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.113.— Ксерокопия.

**17. Служебная записка начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса
Н.Л.Волленбергу об экспертизе почерка М.Х.Султан-Галиева
по шифровке**

позднее 11 апреля¹ 1923 г.

Тов.Волленберг,

1. Назавтра устроить серьезную и авторитетную экспертизу почерка по шифровке Султан-Галиева.

2. Сейчас во что бы то ни стало найти Бикбау² и его арестовать.

3. Немедленно вызвать из Башкирии товарища, который передал письмо-шифровку Обкому.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.114—116.— Ксерокопия.

**18. Телеграмма башкомпроса А.К.Адигамова в Москву в
Башпредставительство**

13 апреля 1923 г.

Выехать не могу.

Башнаркомпрос Адигамов

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.109.— Ксерокопия.

**19. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса начальнику
Башотдела ГПУ Белогурову о соблюдении конспирации**

*13 апреля 1923 г.
шифром*

Соблюдайте строжайшую конспирацию разработкам башкоммунистов. Дабы работа ГПУ не использовалась как поход на башработников.

Нач. ВО ГПУ Петерс

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.113.— Ксерокопия.

¹ Дата определена по телеграммам ВО ГПУ.

² Бикбавов А.И.

**20. Информация секретного сотрудника ГПУ «Максимова»
о встречах М.Х.Султан-Галиева с делегатами XII съезда РКП(б)
от национальных республик и областей**

ранее 17 апреля 1923 г.¹

В Восточный отдел

Был у Султан-Галиева. Он говорил, что из нашей группы уже приехали на съезд из Татарской Республики, из Башкирии, из Туркестана, Азербайджана — Нариманов, Грузии — Мдивани. (Между прочим, он говорил, что Мдивани согласен с нашей национальной политикой, а с нашей Восточной политикой — не согласен). Говорил, что вероятно будет устроено маленькое совещание или во время съезда, или же после съезда. Мне он дал конспект доклада о Персии на совещании.

Говорил, что познакомившись подробнее с зарубежными восточными странами, можно будет выработать конкретный план и программу для работы в них.

Максимов

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.2. — Л.110. — Ксерокопия.

**21. Информация секретного сотрудника ГПУ о планах
М.Х.Султан-Галиева по выработке конкретной программы
объединения Востока**

ранее 17 апреля 1923 г.²

Получив записку от Гасанова, я был у Султан-Галиева. Разговор начался с обсуждения положения университета, и после он начал говорить об идее объединения всего Востока против всякого иностранного гнета. Мельком коснулся неправильности политики России по отношению к восточным республикам, колонизаторстве России и т.д. Он приводил много примеров и лозунгов, как то: господство колоний над метрополиями; единый фронт всего Востока и т.п. Для распространения этих идей среди восточных работников — он говорил, — что на ближайшем съезде выработаем конкретную программу. Далее он говорил, что такие организации существуют в Татарии, Башкирии, Туркестане, и теперь необходимо эти идеи распространять в зарубежный Восток. Для связи нужно использовать съезды Советов, партии и конгрессы Коминтерна; нужно стараться, чтобы на эти съезды приехали делегаты от наших организаций. Потом он сказал, что в предстоящем съезде партии, по всей вероятности, устроим небольшую конференцию, где заслушаем доклады и выработаем что-нибудь сообща. Мне он предложил пока вести работу в Персии, связаться с тамошними работниками, а также на предстоящей конференции сделать доклад о Персии и о методах работы в ней.

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.2. — Л.111. — Ксерокопия.

¹ Дата определена по началу работы XII съезда РКП(б) — 17 апреля 1923 г.

² Дата определена по началу работы XII съезда РКП(б) — 17 апреля 1923 г.

**22. Служебная записка начальника спецотдела при ГПУ Г.Бокия
о результатах экспертизы почерка автора письма
под псевдонимом «Рустем»**

ранее 19 апреля 1923 г.

По изучении тщательно почерков — письма с подписью «Рустем», резолюции на докладе председателя обл. исполкома Чувашской республики и сличив их с почерком зашифрованного текста, начинающегося «31244 15124 и т.д.» установлено, что оба эти почерка принадлежат одному и тому же лицу, как это видно из целого ряда характерных особенностей отдельных букв, совершенно одинаковых и типичных в обеих рукописях и в зашифрованном письме (каковы д, ж, б, у, р, й и др.).

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.47.— Копия.

**23. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса Соколовскому о
подтверждении сведений о М.Х.Султан-Галиеве**

19 апреля 1923 г.

Сведения о Султан-Галиеве подтверждаются материалами Бапюотдела, так как, несомненно, существует секретная связь в работе среди коммунистов, и будет совещание перед съездом. Углубите работу, но чрезвычайно осторожно и секретно. 17 апреля 1923 г. № 37 Нач. ВО ГПУ Белогуров.

Петерс

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.107.— Ксерокопия.

**24. Информация секретного сотрудника ВО ГПУ об обсуждении
национального вопроса делегатами XII съезда РКП(б)
от партийных организаций Грузии, Башкирии, Татарии,
Азербайджана и Туркестана**

позднее 22 апреля 1923 г.¹

10 апреля с.г. отправлено письмо в Уфу с предупреждением, что по данным ГПУ, согласно личным наблюдений т.Петерса во время пребывания в Уфе на партконференции, готовится план снятия председателя ЦИК и Совнаркома, а также ряда ответственных работников, персонально пока неизвестно. Каким образом произойдет это снятие, также неизвестно. Возможно, путем отзыва, а возможно — путем ареста. ЦК РКП об этом пока не уведомлено, и, полагаю, что ЦК на подобные планы не согласится. Сообщая об этом, башработники предупреждаются, чтобы были готовы на всевозможные случаи. Вместе с указанным сообщением писались и деловые сообщения. Письмо отправлено через уфимского торговца 12 апреля, вручено Сталину, копии — Зиновьеву, Троцкому и Каменеву. Заявление башкирских коммунистов по национальному вопросу. 20 числа от делегатов съезда стало известно, что Ленин написал XII

¹ Дата определена по содержанию данного документа.

съезду партии письмо по национальному вопросу, в котором он склонен обвинять в провале национальной политики Сталина, Держинского и Орджоникидзе. Основанием для писем служила ненормальность Грузинской республики, где вопрос принял самый острый характер. Ленин особенно недоволен деятельностью Держинского в Грузии, политику которого он называет политикой Держиморды, и самого называет Держимордой. Настоящее письмо оглашалось делегациям, и их по счету насчитывается три, все посвящены национальному вопросу.

Совещания восточных работников не было, все работники крайне опасаются надзора. Делегации имеют групповые переговоры по надзору, все стягиваются грузинами, которые усиленно готовятся к выступлению на секции и съезде партии. Для указанных выступлений собираются материалы и факты нарушения тезисов по национальному вопросу и проявлению великодержавного шовинизма. Указанные факты собираются у местных работников, в частности, от Башкирии таковые переданы 22 апреля на словах, хотя они уже давно известны во всех деталях. Султан-Галиев подтверждает наличие писем Ленина и говорит, что национальный вопрос для восточных окраин должен решиться в положительном смысле, тем более письмо Ленина сильно повлияло на все делегации. Сам он время проводит в разговорах и переговорах с восточными делегациями, остановившимися в гостинице «Париж», где был 20, 21, 22 апреля. Тяготение имеет, как и другие, к грузинским делегатам.

На секции по сведениям выступают от Грузии Мдивани и еще двое, от Туркестана — Рыскулов, от Татарии — Султан-Галиев, Мухтаров и Мансуров, от Азербайджана — Нариманов. Все эти лица должны выступить на одинаковой платформе. Из фактов, главных от Башкирии, являются вопросы X съезда Советов, VII партконференции, вопрос о реализации языка, которые должны послужить основанием для доказательства великодержавного шовинизма в Башкирии. Входить вплотную со всеми делегациями нет возможности по двум главным причинам:

- во-первых, не являясь делегатом, поэтому нет близкого общения, и,
- во-вторых, делегаты слишком обременены и не могут уделять времени.

В связи с таким положением нельзя быть в курсе всего дела и давать вполне исчерпывающие материалы, каковые, полагаю, в ближайшие дни полностью будут представлены. Ходьба за делегатами и стремление к встрече зачастую не дают возможности своевременно держать с отделом связь в назначенное время.

9 апреля Султан-Галиев был у меня, но только недолго. Дал два письма для передачи в Симферополь. Одно — наркомпросу Фирдеву, а другое — Осману Дерен-Айерлы, секретарю Татбашбюро при Обкоме, и дал ряд письменных вопросов, чего я должен разузнать и кроме того дал 3 фамилии:

Азель Багли¹, Чапчакчи (наркомздрав) и Чобан Заде, которые являются лидерами националистов татар. Меня с ними должен познакомить Осман Дерен-Айерлы.

Он показал секретную переписку из ЦК РКП с подписью секретаря Сталина, что Султан-Галиев получит избирательный голос в партийный съезд и на

¹ Так в тексте, вероятно: Озенбашлы.

все совещания по национальным вопросам. И он находит, что его дело с запиской Сталина ликвидировано.

Султан-Галиев говорит, что нужно было бы разбить в КУТВ национальную татарскую группу, ибо им руководит Татбашбюро при ЦК РКП и они хотят КУТВ взять в свои руки.

Передать Фирдевсу, что надо из Крыма выгнать Саид-Галиева.
Совещание на верное состоится.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.108.— Ксерокопия.

25. Отношение Башотдела ГПУ оперативному отделу ГПУ о наблюдении за А.И.Бикбавовым

23 апреля 1923 г.

С. секретно

Согласно поручения ОО Башотдела ГПУ за № 24 от 23 апреля 1923 г. наружным наблюдением препровождается в г.Москву гр.Бикбавов для передачи в оперативный отдел ГПУ.

Вашкирский особый отдел ГПУ просит выдать литеру на обратный проезд нашим разведчикам.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.109.— Ксерокопия.

26. Телеграмма начальника Башотдела ГПУ Белогурова в ВО ГПУ о поездке А.К.Адигамова

25 апреля 1923 г.

Шифром

Поездку Адигамова Обком задержал. Сегодня поездом № 3 в Москву выехал Бикбавов, сопровождаемый разведчиками для передачи наблюдения оперативному отделу. Передать начальнику ВО ГПУ.

Начальник Башотдела ГПУ *Белогуров*

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.109.— Ксерокопия.

27. Выписка из информационной сводки № 149 ГПУ

27 апреля 1923 г.

26 апреля в 9 часов вечера у Султан-Галиева были Фирдевс и некоторые другие товарищи. Фирдевс — наркомюст Крыма, был вызван Султан-Галиевым по срочному делу. Он говорил, что в связи с болезнью тов. Ленина сейчас между работниками образовалось два лагеря. Один лагерь Троцкого, другой — Каменева, Сталина и др., и последний старается изолировать Троцкого от масс, так что сейчас нужно воспользоваться моментом и усилить нашу работу. Дальше был сделан доклад о положении в Персии. Заслушав доклад, Султан-Галиев сказал, что с Фирдевсом он выработает программу по работе в Персии, а так же напишет

письмо одному персидскому работнику Таджи-Бахши. Затем к нему пришли два лица, один — башработник, военный по фамилии Муртазин (из его группы), а другой — неизвестный. Сидели долго и все обсуждали национальный вопрос и все нападки были на политику России по отношению к восточным странам.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.109.— Ксерокопия.

28. Сводки ВО ОГПУ по делу «Рябой»

30 апреля — 5 мая 1923 г.

С. секретно

1

30 апреля 1923 г.

Наблюдение начато в 8 час. и окончено в 23 час.

«Рябой» вышел из 2-го Дома Советов в 10 ч. 30 мин. с типом. Приметы: среднего роста, лет 23—25, телосложение обыкновенное, лицо продолговатое, нос прямой, несколько горбатый, брови черные, усы и борода бритые. Одет: английское пальто темно-серого цвета, английские брюки такого же цвета, темно-серая кепка, ботинки, кличка «Крот».

«Рябой» и «Крот» как вышли, тут же купили папирос, сели на извозчика (на котором вчера, т.е. 29 апреля ездил «Рябой») и поехали к Никитинским¹ воротам. У Никитинских ворот ввиду дальнего расстояния наблюдаемые «Рябой» и «Крот» скрылись. В 12 час. на ул Герцена был замечен извозчик, на котором ехали «Рябой» и «Крот», но извозчик уже был без «Рябого» и «Крота». Извозчик поехал в Трубинковский² пер д. № 19 у Народного комиссариата национальностей. В 15 час. из Наркомнаца вышел тип, сел на этого же извозчика и поехал, а «Рябой» там замечен не был. После чего пост был переведен ко 2-му дому Советов, откуда до 23 час. выхода «Рябого» замечено не было.

2

1 мая 1923 г.

Наблюдение начато в 8 час. и окончено в 24 час.

«Рябой» был замечен проходящим во 2-й Дом Советов в 11 час. 15 мин. с типом.

Приметы: лет 37, ниже среднего роста, лицо желтое, смуглое, глаза черные, борода и усы бритые (обросший). Одет: табачного цвета фуражка, табачное пальто, брюки черные, в ботинках, кличка «Смуглый», после чего «Рябой» вышел из 2-го Дома Советов в 16 час. 45 мин. с женой, пошли к Красной площади, где их не пропустили. Они вернулись обратно по направлению ко 2-му Дому Советов (в дальнейшем наблюдение вести не представилось возможным ввиду того, что у Третьяковских ворот не были пропущены). После чего «Рябой» был замечен в 18 час. на Красной площади с женой. С Красной площади «Рябой» направились к Большому театру, куда и вошли, в Большом театре «Рябой» с женой не были замечены. По окончании спектакля «Рябой» с женой были замечены выходящими из Большого театра и направились во 2-ой Дом Советов, после чего «Рябой» больше до 1 часа 30 мин. замечен не был.

¹ Так в документе, следует: Никитских.

² Так в документе, следует: Трубинковский.

3 мая 1923 г.

Наблюдение начато в 8 ч. и окончено в 23 ч. «Рябой» вышел из дому в 11 ч. 35 мин. с портфелем в руках и пошел сперва по направлению Лубянской пл., а затем вернулся сел на трамвай 1, не доезжая Ильинских ворот «Рябой» слез на полном ходу с трамвая и пошел на Бурманый пер., где зашел в д.3 ВСНХ Упр. по мост. Через 5 мин. вышел оттуда и пошел на Георгиевский пер., где зашел в д.7, квартиру установить не удалось. Оттуда выхода до 16 час. замечено не было, а в 16 ч. 45 мин. «Рябой» пришел домой с Никольской ул. В 17 ч. 10 мин. «Рябой» вышел из дому с типом.

Приметы: лет 33, среднего роста, волосы темно-русые, бритый, лицо худощавое, нос продолговатый.

Одет: черная фуражка, парусиновый плащ, черные брюки и ботинки с калошами. В руках был у типа парусиновый портфель. Кличка «Быстрый». «Рябой» с «Быстрым» тут же простились, после чего «Быстрый» пошел на Театральную пл., а «Рябой» пошел на Моросейку, где зашел в д.9 /кв. уст.раньше, куда зашел в 17 ч. 35 мин. В 18 час. «Рябой» вышел оттуда и пошел домой и больше до 23 час. «Рябой» замечен не был.

«Рябой» несколько раз дорогой оглядывался.

4

4 мая 1923 г.

Наблюдение начато в 8 час. и окончено в 24 час.

«Рябой» вышел из дому в 9 ч. 50 мин. на Театральной пл. Он сел на трамвай № 4, у Мясницких ворот «Рябой» слез и пошел на Чистопрудный бульвар, где зашел в д.19. Через час «Рябой» вышел оттуда с двумя типами. Один тип тут же ушел в противоположную сторону, а с другим типом «Рябой» зашел в кафе-столовую по ул. Маросейка у Лубянского проезда. И тут же вышли обратно, пошли к Ильинским воротам, оттуда пошли домой, т.е. во 2-ой Дом Советов. В 19 ч. 15 мин. «Рябой» с женой вышли из дому и пошли по направлению Мясницкой, где зашли в Б. Златоустинский пер. В Б. Златоустинском «Кино», где пробыли 1 ч. 50 мин., после чего вышли и пошли домой и больше до окончания наблюдения замечен не был. Приметы типа: с которым «Рябой» ходил: лет 35, среднего роста, полный, борода бритая, светло-русые волосы. Одет: черная фуражка, драповое пальто, черные брюки в серую полоску, в ботинках с галошами, кличка «Дутый».

5

5 мая 1923 г.

Наблюдение начато в 8 час., окончено в 18 часов.

Рябой вышел из дома в 10 час. 30 мин., зашел в Всероссийский текстильный синдикат: Варварка д.9, на 3 этаж, 1-ая дверь направо, где пробыл 30 мин., затем зашел на этой же улице в д.7 в парадное, на которой имеется надпись «ВСБХ Главсырье», откуда сейчас же вышел и пошел в [...] пер. д.6 «Сахартрест», пробыл минут 40, вышел дошел до Ильинки, вернулся обратно в Сахартрест, где пробыл минут 30, вышел и пошел на Тубнинскую

пл.¹, где остановился, что-то записал в записную книжку, затем пошел на Софийку, д.7 в магазин Петротабтрест, пробыл 5 мин., вышел и пошел на Кузнецкий мост, где ходил около часу и смотрел на витрины магазинов, после чего дошел на Кузнецком мосту в д.14 «Госпосредник», откуда вышел и направился домой, где около дома был задержан.

Начактивотделения

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.114—116.— Ксерокопия.

29. Телеграмма начальника ВО ГПУ Я.Х.Петерса начальнику Башотдела ГПУ Белогурову

4 мая 1923 г.
Шифром

Срочно вышлите надежным провожатым в Востотдел товарища, передавшего шифровку Султан-Галиева.

Нач. ВО ГПУ *Петерс*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.114.— Ксерокопия.

30. Выписка из протокола № 6 заседания партколлегии ЦКК РКП(б)

4 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

9. Письма Султан-Галиева, а также и личное объяснение его, свидетельствующее о том, что он пытался связать всех окраинных националов для борьбы с центром, причем в одном из них Султан-Галиев даже напоминает о необходимости связаться с Валидовым, при своей борьбе иметь в виду поднимающиеся на национальной почве массы (басмачество и т.д.) (Прис. Султан-Галиев).

ПОСТАНОВИЛИ:

9. Султан-Галиева из партии исключить как антипартийный и антисоветский элемент. Снять со всех партийных и советских постов. Ввиду того, что часть материала не выяснена, дело доследовать, а в отношении Султан-Галиева передать в ГПУ.

Секретарь партколлегии ЦКК *Шкирятов*.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.50.— Ксерокопия.

31. Выписка из протокола № 3 заседания Оргбюро ЦК РКП(б)

4 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

41. Вопросы ЦКК /т.Шкирятов/

¹ Так в документе, следует: Трубнискую.

ПОСТАНОВИЛИ:

41. Согласиться с постановлением ЦКК по делу Султан-Галиева за № 105 в об исключении его из партии и снятии с ответственной работы. Довести настоящее постановление до сведения Политбюро.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.48.— Ксерокопия.

32. Заявление группы руководящих работников ТАССР в ЦК РКП(б), копия: секретарям ЦК Сталину, Молотову, Рудзутаку, членам ЦК Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Бухарину, Радеку и Куйбышеву, — об отмене репрессий по отношению к М.Х.Султан-Галиеву

8 мая 1923 г.

Нам стало известно, что 4-го мая вечером член коллегии Наркомнаца и представитель АТССР при Наркомнаце т.Султан-Галиев Мирсаид был вызван по телефону в ЦК РКП(б) или в ЦКК и подвергся изоляции.

Не зная причин этой репрессивной меры по отношению т.Султан-Галиева, и поэтому считая невозможным обсуждение данного факта по существу, мы, информировавшись пока лишь в узком кругу ответственных работников АТССР, считаем своим партийным и революционным долгом довести до сведения членов ЦК РКП(б) и его отдельных членов нижеследующее.

Революционная деятельность т.Султан-Галиева, особенно ярко и активно проявившаяся с Февральской революции, протекала все время в весьма заметной и авторитетной форме. И не только нам каждому в отдельности, а и многим старым партийным товарищам, в том числе членам ЦК РКП прошлых и настоящего составов деятельность т.Султан-Галиева хорошо известна. Ввиду этого было бы лишним напоминать подробно всю историю его революционной деятельности и заслуг перед пролетарской революцией. Пользуясь случаем, мы все же считаем нужным подчеркнуть перед ЦК РКП и его членами отдельные моменты в революционной деятельности т.Султан-Галиева.

1. С самого начала Октябрьской революции и до нее борьбу против националистического движения среди татарской буржуазии и интеллигенции (Шуро и Забулачной республики) и организацию пролетариата вообще, в частности татарского, в Поволжье (Казань) нес на себе т.Султан-Галиев вместе с т.Мулламуром Вахитовым.

2. С ним же т.Султан-Галиев в равной доле работал по организации Центрального мусульманского комиссариата, в тот именно момент, когда Цаликовы категорически отказались и ушли в ряды меньшевиков, а затем мусаватистов.

3. В период Гражданской войны т.Султан-Галиев состоял членом Реввоенсовета 2-ой армии, одновременно руководил организацией национальных (главным образом татарских) частей Красной Армии, впоследствии выказавших необычайную храбрость и пользу пролетарской революции, разбивая дутовские банды, Алаш-Орду, войска бухарского эмира и сражаясь под Перекопом.

4. Т. Султан-Галиев сыграл решающую роль в деле перехода на сторону

Советской власти башкирских войск — таким образом повлиял на положительный для Советской власти исход борьбы с юго-восточной контрреволюцией.

5. В начале 1919 г. под его руководством и непосредственным влиянием совершился организованный и групповой переход в РКП(б) членов левосервской организации татар и башкир Поволжья и Урала.

6. Наконец, им была проделана колоссальная работа в отношении организации и дальнейшего развития почти всех восточных автономных республик и областей, почти непрерывная пятилетняя работа в Наркомнаце и в самом ЦК РКП(б), в Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока и т.д.

Учитывая все это и констатируя большое влияние т.Султан-Галиева на коммунистов туземцев восточных республик и областей, а также широкие беспартийные массы рабочих, крестьян и трудовой советской интеллигенции, мы полагаем, что подобный акт физической репрессии по отношению к нему имеет безусловно отрицательное значение.

Мы самым решительным образом отмечаем всякие попятные со стороны отдельных личностей, даже коммунистов, желающих заклеить и очернить личность т.Султан-Галиева, и допускаем, что его изоляция от революционной деятельности есть, в худшем случае, недоразумение, напоминающее досадный случай в истории нашей партии, когда после образования ТССР и до X съезда партии были арестованы до десяти коммунистов татар.

Нам, коммунистам ТССР, неоднократно коллективно апеллировавшим в порядке строгой партдисциплины и в ЦК РКП и его отдельным товарищам по самым различным вопросам (и политическим, и экономическим) и борьбы с голодом, всегда удавалось получать положительные решения.

Обращаясь и на этот раз с коллективной просьбой в ЦК РКП и его отдельным членам, мы не можем скрыть нашего большого огорчения в том, что лишены возможности на этот раз обратиться в числе членов ЦК РКП к Владимиру Ильичу Ленину, всегда принимавшему горячее участие в решениях вопросов, выдвигаемых со стороны коммунистов туземцев.

Мы уверены, что не один десяток коммунистов и беспартийных рабочих, как Татарской Республики, так и других восточных автономных республик и областей, выразят свое неудовольствие на то, что мы, обращаясь в ЦК РКП, не дали им возможности присоединиться к нашей просьбе.

Сообщая о вышеизложенном, мы просим об отмене всякой репрессии по отношению т.Султан-Галиева, и если для этой цели ЦК РКП потребуется наше поручительство, то выражаем на это свое полное желание и готовность.

председатель СНК ТССР и член Бюро ОК РКП Мухтаров
председатель ЦИКа член Бюро ОК и член ВУИК Сабилов
зам.председателя ЦИКа и член Бюро ОК РКП Мансуров
зам.председателя ТЦИКа и член ОК РКП Ганеев
народный комиссар просвещения АТССР, член РКП Брундуков
наркомюст и член ОК РКП Богаутдинов
председатель Академического центра ТССР, член РКП Максудов
кандидат в члены ОК РКП, замнаркомздрава /подпись/

замнаркомпроса ТССР, член РКП /подпись/
редактор газеты и татарского органа ЦИКа, редактор газеты «Безнен
Байрак» органа ОК и член ЦИК ТССР Фатхи Бурнашев
зампред совнаркома и член РКП Казаков
член Коллегии НКЮ Саларов
член ЦИКа ТССР, член РКП Усманов
член ОК РКП и секретарь ТЦИКа /подпись/
член ОК РКП и замнаркомзема Енбаев

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.60—62.— Ксерокопия.

**33. Заявление группы руководящих работников ТАССР в
ЦК РКП(б), копии: секретарям И.В.Сталину, Я.Э.Рудзутaku,
В.М.Молотову, членам ЦК Л.Д.Троцкому, Г.Е.Зиновьеву,
Н.И.Бухарину, В.В.Куйбышеву, Л.Б.Каменеву,— о реабилитации
М.Х.Султан-Галиева**

позднее 8 мая 1923 г.¹

После того, как нам стало известно, что тов.Султан-Галиеву инкриминируется связь с басмачами на основании неизвестной нам переписки, считаем своим долгом сообщить следующее.

На основании того, что вся работа тов. Султан-Галиева в прошлом и настоящем была связана с нами, мы категорически отрицаем возможность связи тов. Султан-Галиева с басмачеством.

Но нам известны отдельные нервные моменты в недалеком прошлом в работе у тов.Султан-Галиева. Причина этому следующая.

XII съезд с очевидностью обнаружил массу противоречий, накопившихся в партии по вопросу о национальных моментах в партийном и советском строительстве.

В продолжении последнего же предсъездовского периода были действительно моменты, когда мы терялись перед вопросом — в чем наша национальная политика.

НЭП, вызвавший к жизни националистически настроенное крестьянство, интеллигенцию и прочие элементы, казалось, окончательно задушит права национальных меньшинств.

Появилась смеюновеховщина, недвусмысленно поддерживаемая не только провинциальной, но и центральной советской печатью; появились колониационные институты (при Наркомземе РСФСР) с выползающим под видом ученых, слепцов и т.д. самым отъявленным черносотенным чиновничеством; появились лозунги (их никто не скрывает и теперь) о единстве и неделимости России в самой вульгарной ее форме.

Все это воспринималось самым неподдельным образом и чистоганом русскими коммунистами: и не только середняком, но частенько и верхушками. Экономические органы с учеными и спецами оказались первыми в роли душителей автономных республик. Каждый чиновник, мало-мальски видный,

¹ Дата определена по дате предыдущего (от 8 мая 1923 г.) заявления группы руководящих работников ТАССР.

считал своим долгом пригрозить кулаком по адресу «всяких эдаких сталинских автономий, нарушающих единство хозяйства великой России». Все подводилось под татарский, башкирский и прочий (только не русский) шовинизм.

Одновременно усилились действия и активность так называемых левых. В Москве «левые» коммунисты, националы и другие связывались с «левыми» группировками Крыма, Башкирии, Киргизии, Татарии и вели самую гнусную работу через печать и непосредственно среди своих членов. В центре обстрела оказался тов. Султан-Галиев. «Левым» элементам вместе с некоторыми «левыми» членами коллегии Наркомнаца, удалось склонить Комиссию ЦК в сторону нажима на тов. Султан-Галиева, и еще в июле 1922 г., несмотря на то, что его присутствие в Москве именно в Наркомнаце было совершенно необходимо, он по постановлению Комиссии попал в мобилизацию «1000» и должен был уехать в распоряжение Юго-Восточного бюро. Спусти лишь некоторое время, под давлением всех представительств Наркомнаца (Совнаца), он был оставлен в Москве.

В период X съезда Советов в Киргизии и Башкирии туземные работники не встретили поддержки со стороны командированных центром товарищей для проведения съездов. Наоборот, в Киргизии были сняты туземные работники и были заменены «левыми», в Башкирии туземные работники, и без того ослабленные, были еще сильнее придавлены. Руководство в экономических комиссариатах по-прежнему осталось в руках европейских коммунистов, а позднее в состав Областкама был проведен кандидат «знаменитый левый» Шамигулов.

Наконец, постановка вопроса о СССР на самом съезде без достаточной предварительной агитационной подготовки, и результате его — резонанс в партийных и беспартийных делегатских массах съезда, воспринятый как единство и неделимость великой России и упразднение автономных республик, — накалили политическую атмосферу. Большинство делегатов съезда, представителей националов, обратились с особым мнением в ЦК по вопросу о СССР. Кроме того, ряд товарищей, в том числе тов. Султан-Галиев, выступили на фракции в оппозиционном духе. Резкое возражение т. Сталина поставило нас, националов, в тупик. Можно было думать, что или мы окончательно разошлись с мнением ЦК, или нас не понимают. После съездовская история — статья тов. Луначарского, возражение тов. Бройдо; исключение тов. Султан-Галиева из состава коллегии Наркомнаца; вслед за этим же пошли в ход проекты о реорганизации Статуправления, по которому автономные республики совершенно игнорировались; затем о так называемом «Урегулировании взаимоотношений между НКЗ и автономными республиками», причем по смыслу проект говорил просто об упразднении автономности, наконец, поправки к Земкодексу, обсуждавшиеся в продолжении 2-х месяцев и категорически грубо — демагогично отвергнутые комиссией ВЦИК — все это делалось под соусом «во исполнение постановления X съезда Советов». Лишь вмешательством Политбюро, там, где это удавалось, отменялись подобные решения и проводились более или менее приемлемо.

Все это, вместе взятое, усложняло работу и создавало нервную обстановку. Т. Султан-Галиев, все время находясь в Москве и оказываясь в центре давления с одной стороны — нервных возбуждающих обращений к нему

националов, с другой — противодействий центральных органов (советских, вплоть до особых комиссий ВЦИК) безусловно был доведен до крайних пределов нервного состояния.

Мы считаем, что XII съезд партии покончил со всем этим настроением. В истории трудящихся малых национальностей не только России, но и всего мира день принятия XII съездом партии резолюции по национальным моментам в государственном и партийном строительстве останется великим днем.

Сообщая вышеизложенное, мы вторично обращаемся в ЦК РКП(б) и отдельным членам его с просьбой об удовлетворении нашего первого обращения об освобождении и реабилитации т. Султан-Галиева.

По поручению подписавших первое заявление ответственных товарищей — работников ТССР К. Мухтаров, А. Енбаев.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.63—66.— Ксерокопия.

34. Информация секретного сотрудника ГПУ о деятельности национальных работников Туркестана после ареста М.Х. Султан-Галиева

позднее 9 мая 1923 г.¹

Кроме выступлений на съезде христианского духовенства и присутствия там, М.Б.² ведет колоссальную работу по объединению и слиянию групп и партий. Через Мухитдинова велись переговоры с Рыскуловым, вначале неудачно, но после ареста Султан-Галиева симпатии Рыскулова несомненно выразились в смысле большого внимания к работе битиевской организации. Восьмого Рыскулов провел весь вечер у Мухитдинова, от 3 1/2 час. дня приходили туда по черной лестнице татары ераинской группы, близкие к Султан-Галиеву и несколько приезжих киргиз и узбеков.

Мухитдинов виделся с Султан-Галиевым (незадолго до) и Убайдуллою (трижды после его возвращения). До Уфимского съезда предполагается устроить ряд совещаний в Петрограде, куда спешно вызван Муса запиской своего имама при мечети.

Необходимо зорко следить за домом просвещения БНСР (на Кремлевской набережной). Заведующий Домом Файзи, играющий в большого коммунистараусофила, дает приют конспиративно приезжающим туркестанцам.

В последние дни участились встречи Рахимбаева, Тюрагулова при посредстве певца Ноги (ярого националиста) с Мухитдиновым, с одной стороны, и совещания на Кремлевской набережной, где Рахимбаев встречается с туркестанцами и семиреченцами.

Убайдулла, ближайший руководитель М. Бигиева, настаивает на необходимости теснейшего контакта его с турками и персами и в течение недели были три ночных свидания в квартире Хасана Ланшева (Клементьевский пер., д.6, кв.82), где восьмого ночью решено, соблюдая напряженную осторожность, в Уфе организовать постоянный подпольный комитет действия, предоставив ему средства, которые к этому времени

¹ Дата определена по содержанию документа.

² Муса Бигиев.

должны быть доставлены из Финляндии, а также от Абдур Рабба, Баракатуллы, и даны Ахмет-Мухтар-Беем, персидским послом и афганским послом.

Арест Султан-Галиева заставил всех насторожиться, глубже уйти в подполье и неожиданно объединил даже такие группы, как рыскудовскую и ирано-персидскую.

Решено обратить особое внимание на организацию киргиз и туркмен.

Со 2-го по 9-ое в Москве был известный туркменский националист Беки Бердиев, вождь закаспийских туркмен, занимавший видное положение в белом Закаспии. Бердиев был несколько раз у Файзуллы Ходжаева, последний раз 6-го мая, а затем у Ильяса Алкина, за последнее время через Маманых и Апанаевых связавшегося снова с Приволжьем и поддерживающего сношения с башкирами. Беки Бердиев 9-го выезжал в Баку для подготовки ожидающихся туда туркмен из Красноводска.

Для связи в Москве Бердиев оставил туркмена Абдула Азизова, который будет жить, вероятно, в Доме просвещения БНСР. Файзулла обещал выдать ему какое-нибудь удостоверение, т.к. Азизов — бывший офицер туркменского полка и офицер белых армий, жил до сего времени по чужим документам и нигде не числился. Его хотят устроить в школу танков. Абдул Азизов имеет большие связи с русскими белогвардейскими организациями и вообще фигура крайне и упорно контрреволюционная. Крайне осторожен и хитер.

Беки Бердиев сообщал об укреплении мусаватистов в Баку и о связи их с грузинскими националистами и о том, что Кавказ готовится «отложиться». Необходимо установить усиленное наблюдение за квартирой Магомбека Джафарова, служащего зав. ком. в эскадроне Академии Главного штаба и квартирующего на Скаковой улице. Он — бывший полковник и командующий войсками Дагестанской области против красных до самого конца. Связи поддерживает с Дагестаном большие. Следя за его квартирой, всегда можно узнать, кто из Дагестана приехал в Москву.

О Магомбеке будет сообщено на днях подробно. Он бывает часто у Подвойских, встречается с м.Подвойской, бывает у Барановского и вообще интересуется военным миром. Большая просьба не дать ему почувствовать, что за ним следят, так как через него можно получить массу ценных сведений.

Необходимо усилить внимание по отношению к представительствам Бухары, Грузии, Башкирии, Киргизии республик. У подпольной организации бигиевцев имеются связи во всех этих представительствах.

Налажены связи с Финляндским представительством и пароходной компанией для проезда за границу.

Работа усиливается. Требуются несколько опытных работников и особенно два — в Финляндии и Петербурге.

Требуется наблюдение за деятельностью бигиевцев: Ахмета Макаева — секретаря Бухарского представительства, и Сабира Юсупова, секретаря Файзуллы Ходжаева. Вести наблюдение за квартирой настоятелей обеих мечетей (М. Татарская и Мещанская), за домом и квартирой Ерзиных, А.Б.Кутцева, Ибрагима Ахтямова (член коллегии Центросоюза), Хасана Ланшева, братьев Азизовых (Цветной бульвар), Алкина, Рахимбаева и за домом Просвещения БНСР.

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.70—71. — Ксерокопия.

35. Показания заместителя председателя Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири К.К.Тарджиманова об обстоятельствах отправки писем М.Х.Султан-Галиева в Башкирию

9 мая 1923 г.

Из Уфы в Москву приехал 27 марта, дня через два, приблизительно 27—29-го, после приезда я был в Наркомнаце. Султан-Галиев меня просил, если знакомый поедет в Уфу, ему об этом сказать, потому что у него есть письмо для Абдуллы Адигамова, наркомпроса Башкирии; хорошо не помню, называл ли он мне тогда фамилию Адигамова. В пятницу 30 марта я был с ахуном Фатахутдиновым, муллой 2-й Московской мечети в Сандуновских банях, там я встретил Исхака Космасова, кажется, сейчас в Уфе занимается торговлей, знаю его по Уфе как порядочного человека. Исхак Космасов сказал мне, что он едет в Уфу в понедельник, и если у меня будет письмо, он его возьмет и указал свою квартиру на Тверской улице. Номера дома и фамилии хозяина квартиры не помню, но могу по памяти найти и указать; я сказал Космасову, что письмо пошло с ним, кому и какое — ничего не говорил. Из бани я пошел к Фатахутдинову. По телефону из его квартиры позвонил Султан-Галиеву, что в понедельник едет в Уфу знакомый человек, если у него есть письмо, пусть он пошлет ко мне на квартиру. В воскресенье утром 1 апреля молодая девушка принесла от Султана-Галиева письмо в запечатанном конверте с тремя печатями, небольшого формата, показываемый мне конверт есть тот самый, который приносила девушка от Султан-Галиева. Кроме конверта была написанная карандашом от Султан-Галиева записка. Содержание записки следующее: «Письмо это передай через своего знакомого Абдулле Адигамову в этом же виде» и не писать адреса, просил также эту записку уничтожить. Я прочитал записку, порвал ее и бросил в корзину. В этот же день вечером пошел в квартиру по тому адресу, который мне передал Космасов в бане. Там не было дома ни Космасова, ни хозяина квартиры, а был маленький мальчик 11—12 лет. Ему я передал письмо, адресованное своей жене, и письмо Султан-Галиева, оставив записку Космасову о том, чтобы одно письмо передать своей жене, а другое письмо — Абдулле Адигамову. От кого письмо Абдулле Адигамову, я не писал потому что об этом просил Султан-Галиев. Содержание письма я не знаю, потому что не интересовался.

Записано с моих слов правильно К.Тарджиманов
Опрос производил Эйтингон

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.68—69. — Ксерокопия.

36. Показания полномочного представителя БАССР при Наркомнаце Ш.Д.Тухватуллина об обстоятельствах вызова А.К.Адигамова в Москву

11 мая 1923 г.

ВОПРОСЫ:

1. Причина и цель подачи телеграммы.
2. Кем и почему было предложено дать телеграмму.

3. Почему телеграмма посылалась от Башпредставительства, а не от Наркомпроса.

4. Какой последовал ответ и кому он был передан.

5. Кто, кроме вас, знает о подаче и цель подачи этой телеграммы.

МОЙ ОТВЕТ:

1. Просьба секретаря Башщика т.Терегулова Али для выяснения вопроса Башнаркомпроса.

2. Тов.Терегулов привез с собой доклад Башнаркомпроса для разрешения в Наркомпросе РСФСР. Вопрос о кинематографах, о чем он имел разговоры с т.Ходоровским (замнаркомпрос). Получил со стороны последнего, что можно вызвать Адигамова, а можно и не вызывать. После этого все же т.А.Терегулов решил вызвать Адигамова, о чем просил меня дать телеграмму, что я и исполнил.

3. Ввиду того, что по докладу Башнаркомпроса ходил лично сам Терегулов и настаивал на необходимости присутствия Адигамова, я большего значения не дал тому, чтобы именно вызывал Наркомпрос.

4. Ответ был получен за подписью Адигамова о невыезде его, и содержание телеграммы было передано Терегулову во время его присутствия в Представительстве.

5. Об этой телеграмме, кроме меня и Терегулова, знает секретарь и машинистка. Последние двое знают как технические исполнители, я знал только то, что, как выше указал, для выяснения возбуждаемых т.Терегуловым вопросов необходимо присутствие т.Адигамова.

Ответ мною написан собственноручно. Ш.Д.Тухватуллин

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.72.— Ксерокопия.

37. Показания И.А.Космасова об обстоятельствах передачи писем К.К.Тарджиманова в Уфу Ш.Д.Тухватуллину

15 мая 1923 г.

Я, нижеподписавшийся, гр.Космасов Исхак Абдулселямович, проживающий в г.Уфе в доме № 23 по Большой Казанской ул., дал настоящее показание в том, что 29-го марта 1923 г. /двадцать девятого марта/ я по своим личным делам приезжал в Москву, где останавливался в комнате моего знакомого гр.Хасанова Закира, в д. № 71 по Тверской улице, и пробыл до 2-го апреля 1923 г. В субботу 31-го марта я был в общем отделении 1-го разряда Сандуновских бань в промежуток времени от 8 до 10 час. вечера. В означенной бане я встретил знакомого по Уфе — члена Мусульманского центрального духовного управления внутренней России и Сибири Тарджиманова Кашафутдина. Тарджиманов спросил меня, не знаю ли я, кто едет на днях в Уфу, на что я ответил, что в понедельник 2-го апреля еду сам. Тогда он обратился ко мне с просьбой отвезти от него в Уфу письмо. Я ответил Тарджиманову согласием и дал ему свой адрес в Москве, куда бы он мог принести письмо. В воскресенье 1-го апреля я вернулся домой поздно и нашел на столе два письма закрытых, из которых одно было адресовано в Уфу, жене Тарджиманова, а второе было без адреса и запечатано

неразборчивой сургучной печатью. Вместе с письмами была записка на маленьком клочке бумаги, в которой по-татарски было написано, чтобы я второе письмо без адреса передал лично народному комиссару просвещения Вапшреспублики т.Адигамову. Записка оканчивалась словами: «Записку эту разорвите» и была без подписи. Записку эту я разорвал. 2-го апреля 1923 г. я выехал из Москвы в Уфу, куда я приехал 5-го апреля. По дороге я заболел малярией и по приезде домой слег в постель. В воскресенье 8-го апреля 1923 г. меня посетил хорошо мне знакомый тов. Богданов Закир, проживающий в г.Уфе по ул. Карла Маркса в доме № 24. Я обратился к тов. Богданову с просьбой, не передаст ли он письма, привезенные мною из Москвы, которые я вследствие болезни не могу сам передать. Тов. Богданов спросил меня, от кого эти письма, и когда я ему рассказал, что письма эти меня просил взять Тарджиманов, то он сказал, что письма эти он возьмет, но по назначению не передаст, так как письма эти являются, возможно, контр-революционным материалом. Тов.Богданов при мне вскрыл оба письма, причем письмо без адреса оказалось шифрованным. Шифр представлял из себя пяти- или шестизначные цифры. Хорошо не помню. После этого я письма передал тов. Богданову, и он унес их с собой. По этому поводу мне больше ничего не известно.

К сему подписываюсь: Исхак Абдуселямович Космасов.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.74.— Ксерокопия.

38. Дополнительные показания И.А.Космасова

позднее 15 мая 1923 г.¹

Представляя при сем потребованные вами показания, считаю нужным добавить, что тов. Богданов через два дня после того, как взял письмо, зашел ко мне и предложил мне поместить в Уфимской газете объявление об утере мною в пути бумажника с документами и письмами, что мною и было сделано. После этого я был вызван тов. Белогуровым, который меня расспрашивал о подробностях получения мною писем и предложил никому не говорить о том, кому я их передал и о том, что он меня вызывал.

И.Космасов

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.73.— Ксерокопия.

39. Объяснительная записка членов ЦКК РКП(б) А.Сольца, М.Шкирятова и Я.Х.Петерса по делу М.Х.Султан-Галиева

позднее 15 мая — ранее 19 мая 1923 г.²

Из писем по делу Султан-Галиева и других материалов, имеющихся в распоряжение ЦКК, видно, что Султан-Галиев имеет вокруг себя секретную

¹ Дата определена по дате предыдущих показаний И.А.Космасова.

² Дата определена по последним показаниям И.А.Космасова и датой заседания № 6 Политбюро ЦК РКП(б).

организацию, связанную со всеми окраинами. Точно определить задачи этой организации пока чрезвычайно трудно, ибо по этому делу не велось разработки, а материалы попадали более или менее случайно.

Первое письмо по памяти заместителем председателя БашЦИКа Терегуловым было передано тов. Петерсу во время Башкирской партконференции. Фактов, имеющих в этом письме, Султан-Галиев не отрицал. Что это письмо было прочитано среди партийных и беспартийных националистов Башкирии, подтвердили целый ряд других товарищей. Второе письмо получено от Гасанова, коммуниста, перса, курсанта Восточного университета, к которому Султан-Галиев обращался со своими предложениями об организации национальных элементов.

Писано оно наркомюсту Крымской Республики Фирдеву. Третье письмо получено от того же Гасанова, писано оно Таджи-Бахши и подписано «Рустэм». Четвертое письмо писано Адигамовым, наркомпросом Башкирии, Султан-Галиеву и передано Терегуловым. Пятое письмо — шифровка доставлена ответственным секретарем Башобкома Нимвицким, членом Обкома Герасимовым и другими делегатами на партсъезд. Это письмо без подписи, шифровка, от которой Султан-Галиев категорически отказывается. Но оно, безусловно, принадлежит ему. Доказательства следующие:

1) экспертиза почерка, установленная через специальный отдел ГПУ, дает определенное заключение, что почерк шифровки принадлежит Султан-Галиеву. Таких экспертиз было несколько и все они пришли к одинаковому заключению;

2) сам Султан-Галиев заявляет, что:

а) он написал Адигамову подобную записку, но только ничего не писал о связи с Валидовым, и предупреждал, чтобы письмо читал только сам Адигамов, а не Бикбау;

б) что это письмо передал мулле Тарджиманову, который со своим знакомым его отправил в Уфу. Вызванный Тарджиманов признает, что Султан-Галиев ему действительно дал письмо к Адигамову и что это письмо было вложено в том конверте, в котором в Башкирии обнаружили шифровку с тремя печатями. Что именно в письме, переданном Султан-Галиевым Тарджиманову, была шифровка, подтверждает факт, что на конверте нет адреса и что Султан-Галиев написал Тарджиманову, чтобы последний на нем имени Адигамова не писал.

Из писем также видно, что для вовлечения в свою организацию туземных коммунистов Султан-Галиев распространял слухи о готовящихся гонениях на того или другого работника и слущал краски о положении на окраинах. Будучи через т.Рахимбаева хорошо осведомлен о том, что происходит на заседаниях ЦК, он широко еще информировал об этом отдельных работников на восточных окраинах и давал им директивы, как действовать. Эти работники по директивам Султан-Галиева создавали группировки и посылали требования в ЦК партии. Султан-Галиев для связи, по собственному признанию, посылал своих курьеров и использовал свое положение как члена коллегии Наркомнаца и представителя Татареспублики. Он обращался за средствами в Башкирию, получал таковые от других.

Однако деятельность Султан-Галиева далеко не выяснена. После задержки его татарские работники спешно очистили его квартиру, его жена заявляет,

что туда приходили с мандатами от Наркомнаца и Наркомпроса, хотя по выяснению, оттуда никто и никого не посылал на квартиру Султан-Галиева. Из квартиры исчезли доклады, о которых говорил сам Султан-Галиев.

*А.Сольц
М.Шкирятов
Петерс*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.82—83.— Ксерокопия.

40. Письмо секретаря ЦК РКП(б) В.М.Молотова председателю СНК ТАССР К.Г.Мухтарову, копия: секретарю Татарского обкома РКП(б) Д.Е.Живову, — о М.Х.Султан-Галиеве

*16 мая 1923 г.
Сов. секретно.*

В ответ на Ваше заявление от 8-го мая с.г. сообщается Вам для сведения:

1) Постановление ЦКК от 4-го мая с.г., с которым ЦК РКП согласился, Султан-Галиев исключен из партии с устранением от всех ответственных советских постов.

2) Дальнейшее расследование по делу Султан-Галиева передано постановлением ЦКК в ГПУ.

Секретарь ЦК В.М.Молотов.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.1.— Д.857а.— Л.141.

41. Выписка из протокола № 6 заседания Политбюро ЦК РКП (б)

19 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

5. О Султан-Галиеве. /т.Куйбышева/

ПОСТАНОВИЛИ:

а) поручить ЦКК и Секретариату ЦК созвать недели через две совещание из националов окраинных областей /по два товарища, по возможности, антипода/, предварительно представив в Политбюро список персонального состава совещания;

б) на этом совещании изложить дело Султан-Галиева и показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы;

в) использовать это совещание для изучения положения коммунистической работы на окраинах, для изучения руководителей работой на окраинах, сплочения и более тесной связи их ЦК и т.д.;

г) после совещания обратиться к партийным организациям на окраинах с письмом от имени ЦК;

д) поручить ЦКК обсудить вопрос о возможности изменения меры пресечения Султан-Галиеву.

Секретарь ЦК И.Сталин.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.75.— Ксерокопия.

42. Выписка из протокола № 6 заседания Президиума ЦКК РКП(б)

21 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

Дело Султан-Галиева /прот. Политбюро № 6 п.5/

ПОСТАНОВИЛИ:

Высказаться против возможности освобождения Султан-Галиева ввиду незаконченности следствия. Поручить тов. Ярославскому составить текст мотивированного объяснения в Политбюро. Заслушав постановление Политбюро о созыве совещания националов окраинных областей, поручить тов. Куйбышеву выступить на этом совещании с докладом о деле Султан-Галиева.

Председатель: *В.Куйбышев*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.78.— Ксерокопия.

43. Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК РКП(б)

21 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

3. Утверждение списка персонального состава совещания в связи с делом Султан-Галиева. /постан. ДВ № 6 п.5 от 19.05.23 г./

ПОСТАНОВИЛИ:

3. Вопрос об освобождении Султан-Галиева отложить до четверга с тем, чтобы следствие к тому времени было закончено.

Секретарь *И.В.Сталин*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.76.— Ксерокопия.

44. Письмо Ф.Э.Дзержинского в ЦКК РКП(б) о возложении на В.Р.Менжинского ведения следствия по делу М.Х.Султан-Галиева

21 мая 1923 г.

Согласно постановления ЦКК от 4 мая сего года о деле Султан-Галиева (полученного мною лишь 19-го мая) я, не будучи из-за крайнего перегруза в состоянии заняться лично этим делом, передаю тов. Менжинскому, который является начальником Секретного оперативного управления, в состав которого входит и Восточный отдел.

Ф.Дзержинский

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.117.— Ксерокопия.

45. Письмо ЦКК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) о мерах пресечения по отношению М.Х.Султан-Галиева

23 мая 1923 г.
С.секретно

Президиум ЦКК, обсудив постановление Политбюро (протокол № 6 п.5) по вопросу возможности изменения меры пресечения по отношению к Султан-Галиеву, единогласно принял следующее решение:

«Высказаться против возможности освобождения Султан-Галиева ввиду незаконченности следствия».

Это решение основано на следующих соображениях.

1. Поведение Султан-Галиева подтверждает худшие подозрения. Сначала он отрицал самый факт посылки конспиративной и антипартийной шифровки, затем он признал, что посылал ее, но не признал ее содержания, затем признал содержание, но заявил, что писал не он сам, а его брат, который будто бы мог и «пересолить». Экспертиза же установила точно, что шифровка писана рукою Султан-Галиева. Султан-Галиев явно пытается и теперь обмануть партию. Освобождение облегчило бы ему эту задачу.

2. Содержание шифровки определенно указывает на связь с Валидовым. Одному товарищу Султан-Галиев дал явки в Турцию. Необходимо эти два факта особенно тщательно расследовать — действительно ли есть связь с коммунистами и далее, быть может, с руководителями басмаческого движения, на что имеются прозрачные намеки в шифровке. Освобождение Султан-Галиева дало бы ему возможность предупредить, скрыть следы преступления.

3. Товарищи, возбуждающие ходатайство об его освобождении, не знали в точности характера выдвигаемого против Султан-Галиева обвинения, иначе они не настаивали бы на освобождении.

Президиум ЦКК постановил подробно информировать созываемое ЦК совещание националов окраинных областей и поручил т.Куйбышеву выступить на этом совещании с докладом о деле Султан-Галиева.

За председателя ЦКК
Е.Ярославский

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.118.— Ксерокопия.

46. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК РКП(б)

24 мая 1923 г.

СЛУШАЛИ:

10. О Султан-Галиеве. (пост. Политбюро № 7 п.3 от 31.05.23 г.) (тт.Ярославский, Менжинский).

ПОСТАНОВИЛИ:

10. Дать ГПУ двухнедельный срок для окончания дела Султан-Галиева, с докладом в Политбюро.

Секретарь ЦК И.Сталин

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.117.— Ксерокопия.

47. Приложение № 1 к пункту 1 протокола № 9 заседания Секретариата ЦК РКП(б)

24 мая 1923 г.
Шифродепеша

ЦК постановил созвать в четверг седьмого июня совещание ответственных работников по национальным областям и республикам по вопросам, связанным с намечением практических мер, необходимых для проведения резолюции съезда по национальному вопросу. Заодно с этим решено представить совещанию доклад председателя ЦКК по делу бывшего члена коллегии Наркома Султан-Галиева, обвиняемого в антипартийной и антисоветской работе и исключенного за это из партии.

ПОРЯДОК ДНЯ СОВЕЩАНИЯ:

1. Доклад ЦКК о Султан-Галиеве.
2. Практические мероприятия по проведению резолюции XII съезда по национальному вопросу с подпунктами:
  - а) вопросы, связанные с учреждением второй палаты ЦИКа Союза и организацией Наркоматов Союза Республик;
  - б) меры вовлечения трудовых элементов местного населения в партийное и советское строительство;
  - в) мероприятия по поднятию культурного состояния местного населения;
  - г) хозяйственное строительство в национальных республиках и областях с точки зрения национально-бытовых особенностей;
  - д) о практических мерах организации национальных войсковых частей;
  - е) постановка партийно-воспитательной работы;
  - ж) подбор партийных и советских работников с точки зрения проведения в жизнь резолюции XII съезда по национальному вопросу.
- Приглашенным товарищам предлагается привезти с собой материалы по следующим вопросам:
  1. Цифровые данные о состоянии школ на местных языках.
  2. Земельные отношения с точки зрения обеспечения местного трудового населения.
  3. Состояние религиозных, судебных и других учреждений, связанных с национальным бытом.
  4. Национальный и социальный состав партийных организаций в целом, а также их высших и низших руководящих органов год назад и теперь.
  5. Национальный состав госучреждений, а также профорганизаций, кооперативов и культурных организаций год назад и теперь.
  6. Наличный резерв местных работников, почему-либо еще не использованных.
  7. Взаимоотношения с центральными учреждениями в Москве и конфликты на этой почве.
  8. Отношение местного населения к Красной Армии.
  9. Местные конфликты по национальной линии в области партийной и советской работы.
  10. Число периодических органов печати на местных языках.

11. На каких языках ведется делопроизводство в партийных и государственных учреждениях.

Просьба прибыть на совещание обязательно к сроку.

Секретарь ЦК *И. Сталин*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.119, 120.— Ксерокопия.

48. Показания М.Х.Султан-Галиева об обстоятельствах отправки письма на имя Таджи-Бахши

29 мая 1923 г.

Допрошенный 29 мая 1923 г., я показал следующее: мое письмо от 06 марта 1923 г., адресованное Таджи-Бахши в Персию, я подписал «Рустэм», заранее условившись об этой подписи с Таджи-Бахши, когда он был в Москве в 1921 г. Псылая ему это письмо, я исходил из желания объединить и координировать работу отдельных коммунистов стран Востока. Это письмо мое является моим частным письмом. С Коминтерном я его не согласовал. Указывая в письме о необходимости приезда кого-либо из Персии к V конгрессу Коминтерна и связи с ними, я подразумевал связь со мной и персидскими коммунистами из КУТВ — Гасановым, Рызаевым. С последними товарищами меня связывала общность взглядов о работе на Востоке. Говоря в письме о необходимости взаимной информации, я исходил из необходимости быть в курсе всего движения на Востоке, и, с другой стороны — давать более подробную информацию персидским товарищам о действительном положении дел у нас на восточных окраинах.

Шифрованное письмо я отправил помимо Башкирии также в Татреспублику. Одно письмо я отправил в Казань тов. Мухтарову в конце 1920 г. после ареста некоторых татарских коммунистов. Другую шифровку я отправил тому же Мухтарову накануне XII партийного съезда (весною 1923 г.). После получения мною записки тов. Сталина по поводу моего письма, переданного т. Сталину, я запросил т. Мухтарова, уничтожили ли они или же сохранили мое письмо к татарским работникам о секретном решении ЦК по национальному вопросу. От тов. Мухтарова, приехавшего затем на съезд партии, я узнал, что мое письмо к нему им было уничтожено. Шифр в 1920 г. и 1923 г. был один и тот же. Он был выработан мною. Шифр моего письма к Адигамову в Башкирию был выработан также мною после X съезда Советов. Установление шифрованной переписки с башкирскими и татарскими работниками имело своей целью самозащиту и самоохранение при возможных преследованиях этих товарищей со стороны местных фракционных группировок. В отношении татарских товарищей такое преследование имело место в 1920 г. Я установил условный пароль с персидским товарищем Таджи-Бахши в бытность его в Москве в 1921 г., а также с турецким коммунистом Сакгалли-Джелал, после IV конгресса Коминтерна. С Таджи-Бахши я должен был держать связь через т. Гасанова. Пароль с тов. Таджи-Бахши я забыл. Пароль для явки к Сакгалли-Джелал следующий — «в руке ключ», отзыв

«море волнуется» (по-турецки). Подтверждаю, для связи с тов.Сакгалли-Джелал нами был установлен следующий.

С тов.Сакгалли-Джелал я говорил о необходимости использования конгрессов Коминтерна для установления связи с коммунистами всех стран, связанных с нами общностью направления по национальному и колониальному вопросам.

Использовать пароль и знак связи с т.Сакгалли-Джелал мне не пришлось, т.к. не было в этом необходимости. Установлен он был на всякий случай, для видимой конкретной надобности.

Изложенное подтверждаю. М.Султан-Галиев
Допросили: В.Менжинский, Я.Агранов.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.20.— Л.103—104.— Копия.

49. Показания М.Х.Султан-Галиева о расходах на поддержание связи с единомышленниками

3 июня 1923 г.

3 июня 1923 г. в своем письме, адресованном Абдулле Адигамову, я писал о средствах, необходимых на организационную работу, понимая под этим средства, необходимые на расходы по связи и взаимной информации нашей группы. Во время X съезда советов (после окончания съезда) мы условились с Адигамовым об установлении связи и взаимной информации. Я в упомянутом письме действительно указал на то, что все расходы посылке курьеров падают на татарское представительство, подпредом которого я состоял. Размеров необходимых сумм я в письме не указал. Ругани по адресу тов. Сапронова в моем письме не было. Я сознаю, что совершил преступление перед партией, посвящая через тов. Адигамова беспартийного Бикбавова в секретное решение ЦК партии и в то обстоятельство, что после провала моего первого письма (упомянутого выше) им следует быть бдительными и осторожными, т.к. за ними будут глядеть.

Нашу группу нельзя было считать строго спаянной и организованной.

Добавляю следующее: посылая Адигамову первое письмо о решении ЦК по вопросу о второй палате, я указывал, что оно строго секретное и просил его не оглашать широко, т.к. с моей стороны не было указаний, чтобы он посвятил в него и Бикбавова. Если я писал о Бикбавове в этом шифрованном письме, то сделал это, потому что мне стало известно, что он также был посвящен бабработниками в содержание первого письма.

Относительно тов.Сапронова я должен добавить еще то, что, очевидно, те товарищи, которые передали копию моего письма, прибавили это от себя. Почему это было сделано, я не знаю.

М.Султан-Галиев.

Допросили: В.Менжинский, Я.Агранов

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.121.— Ксерокопия.

50. Заключение ГПУ по делу М.Х.Султан-Галиева, направленное в ЦКК РКП(б)

6 июня 1923 г.
Сов. секретно

В задачу порученного нам по данному делу следствия входило выяснение сущности преступления Султан-Галиева и степени его виновности. Материалом для расследования явилась перехваченная переписка Султан-Галиева, агентурные донесения и показания его на предварительном допросе в ЦКК.

Следствие было чрезвычайно затруднено следующими обстоятельствами, которые мы считаем необходимым отметить. Прежде всего — преждевременное прекращение агентурной разработки, происшедшее ввиду ареста Султан-Галиева, помешало установлению всех его нелегальных связей и освещению размеров его организации. В течение короткого срока (2 недели), представленного в распоряжение ГПУ для расследования и дачи заключения по делу, невозможно было детальное выяснение всей антипартийной и антигосударственной работы Султан-Галиева в прошлые годы. Эта работа потребовала бы значительного большего времени и привлечения к дознанию ряда лиц, занимающих руководящие посты в автономных восточных республиках, что могло бы привести к политически нежелательным результатам. Вследствие этого мы вынуждены были ограничиться допросами одного лишь Султан-Галиева.

Значительная часть агентурных донесений в процессе следствия подтвердилась. Достоверность же некоторых важных агентурных сообщений одного из агентов — Гасанова вызвала сомнение (например, — сообщение о планах Султан-Галиева по установлению связей с турецким, персидским и афганским посольствами в Москве, поддержке басмачества в борьбе последнего с советской властью и кое-что другое). Проверка этих сообщений требует известного времени и могла бы привести к расконспириванию других наших осведомителей, что не может быть допущено по многим соображениям.

При наличии указанных затруднений следствию все же на основании имеющихся материалов и личных признаний самого Султан-Галиева удалось с несомненностью установить следующее.

6-го марта сего года Госполитуправлением было перехвачено письмо Султан-Галиева в Персию, адресованное персидскому коммунисту Таджи-Бахши и подписанное псевдонимом «Рустем». Это письмо определенно указывало на существование вне РКП какой-то организации или группы, стремящейся к расширению своих связей к выработке общей программы и ставящей себе целью освобождение Востока. В конце марта месяца сего года в ГПУ (через Башотдел ГПУ) поступило дословное изложение письма Султан-Галиева к наркомпросу Башреспублики Адигамову. В этом письме, написанном от имени третьего лица, содержалось сообщение о секретных решениях ЦК по национальному вопросу, указание на успешности организационной работы, необходимость денежных средств для организации и также ряд директивных указаний политического характера. По поводу этого письма т.Сталиным в свое время была послана записка Султан-Галиеву, с указанием на то, что тон его письма к Адигамову носит почти белогвардейский характер и заставляет предполагать о существовании нелегальной организации валидовского типа в Москве и некоторых восточных республиках.

В первых числах апреля сего года ГПУ было перехвачено шифрованное письмо Султан-Галиева тому же Адигамову, свидетельствующее о связи с беспартийными башкирами и предупреждающее башкирскую организацию о провале в связи с запиской, полученной от тов. Сталина.

Несколько позже ГПУ был перехвачено письмо Султан-Галиева, адресованное НКЮсте Крымреспублики Измаилу Фирдевсу, подтверждающее существование нелегальной группы и содержащее информацию о басмаческом движении и положении в автономных республиках. В распоряжение ГПУ поступило несколько других перехваченных писем аналогичного характера.

При допросе в ЦКК Султан-Галиев категорически отрицал существование какой-либо нелегальной организации и свою причастность к предъявленному ему шифрованному письму.

В процессе следствия в ГПУ Султан-Галиев вначале также упорно отрицал свою причастность к антипартийной и антигосударственной работе и лишь постепенно вынужден был сделать определенные признания, сводящиеся к следующему.

Он признался в том, что действительно принимал руководящее участие в нелегальной группе, существующей тайно от партии и совправительства. Основанием для возникновения группы послужило «несогласие с некоторыми крупными, а также и мелкими проявлениями советской политики в отношении восточных республик и государств», что заставляло искать сближения и объединения деятельности коммунистов разных восточных республик и стран, несогласных с этой политикой.

Новую работу Султан-Галиев начал вести с 1920 г. Прежде всего подобная группа возникла в Татарской Республике, где к этой группе до последнего времени примыкали почти все те товарищи, которые ныне входят в правительство Татарской Советской Республики. Султан-Галиев установил в конце 1920 г. шифрованную переписку с татарской группой (в Казани) через тов. Мухтарова.

Одновременно с вышеупомянутым шифрованным письмом к Адигамову, Султан-Галиев накануне XII партсъезда написал аналогичное шифрованное письмо тов. Мухтарову с запросом о том, уничтожено ли последним конспиративное письмо Султан-Галиева, в котором он сообщал о секретных решениях ЦК по национальному вопросу. От приехавшего на XII партсъезд Мухтарова Султан-Галиев узнал, что его письмо в Казань было Мухтаровым уничтожено.

Возникновение группы в Башкирии произошло после X съезда Советов, когда, по словам Султан-Галиева, у него и его единомышленников башкир в связи с подачей ими заявления в ЦК о включении автономных республик и областей непосредственно в СССР появилось опасение преследований. Но хотя они и сознавали, что могут подвергнуться преследованиям за ведение групповой работы, тем не менее желание сохранить себя как группу и побудило их сплотиться. Условный шифр был установлен между Султан-Галиевым и Адигамовым после X съезда Советов. К башкирской группе принадлежали почти все работники (в числе 12-ти человек), подписавшиеся под вышеуказанным заявлением в ЦК. К группе принадлежали также беспартийные (Мурзабулатов, бывший руководитель контрреволюционного восстания башкир в июне 1920 г.) и Бикбавов.

Средства на организационные расходы и оплату курьеров, поддерживавших связь между Москвой и группами в восточных республиках, Султан-Галиев брал из Татарского представительства, полпредом которого он состоял. В уже упоминавшемся

письме к Адигамову Султан-Галиев просил о присылке из Башкирии значительной суммы на организационные расходы, указывая на ненормальность расходов одного лишь Татпредставительства. Шифрованное письмо было отправлено Султан-Галиевым Адигамову через члена Мусульманского духовного управления Тарджиманова и было перехвачено ГПУ.

С туркестанскими работниками Султан-Галиев был связан через т. Рыскулова. Шифрованной переписки между ними не было, но между ними существовала негласная связь: письменная и через курьеров. В своих показаниях Султан-Галиев говорит: «Мы устанавливали связь с крупными местными работниками, рассчитывая, что они уже сами смогут сплотить около себя своих людей». Последнее признание свидетельствует о том, что эта группа, хотя, по словам Султан-Галиева, небольшая по размерам, стремилась к разветвлению своей деятельности во всех востреспубликах и созданию в них сплоченных групп местных недовольных элементов.

С крымской группой связь поддерживалась через И. Фирдеса и Дерен-Айерлы. Здесь считаем необходимым отметить, что, согласно показанию Султан-Галиева, член московской группы, персидский студент Гасанов (член РКП), с которым он состоял в нелегальных сношениях с 1921 г., сообщил Султан-Галиеву в конце апреля сего года о своей связи с ГПУ, о своем желании войти в доверие ГПУ и просил связать его для этой цели с татарскими националистами. Султан-Галиев дал ему связь в Крым к Дерен-Айерлы, вручив Гасанову рекомендательное письмо последнему. Указанное обстоятельство, какое мы еще не можем считать подтвержденным, заставляет предполагать, что Гасанов мог являться агентом Султан-Галиева в ГПУ, действовавшим в каких-то соображениях на два фронта. С другой стороны, это же обстоятельство свидетельствовало бы о том, что Султан-Галиев считал необходимым скрыть свою работу от органа борьбы с контрреволюцией.

По словам Султан-Галиева, он установил нелегальную связь (условный пароль) с персидским коммунистом Таджи-Бахши в 1920 г. Группа их единомышленников в Персии достигает 300 человек. Связь с Таджи-Бахши должна была поддерживаться через Гасанова. Подобную связь Султан-Галиев установил после IV конгресса Коминтерна также с турецким коммунистом Сегалли-Джелал. Между ними был выработан для связи пароль (пароль: «Ключ в руке», отзыв: «Море волнуется»), а также условный знак для явки. Группа стремилась к объединению и координированию работы коммунистов восточных стран, несогласных с конкретно проводившейся национальной политикой Коминтерна и совправительства на Востоке и связанных общностью направления в данном вопросе. В целях усиления взаимной связи группа предполагала использовать конгрессы Коминтерна. В Москве групповая работа велась среди студентов КУТВ. Для расширения и упорочения организации предполагалось использовать всероссийские съезды Советов и партии путем устройства во время этих съездов нелегальных совещаний восточных работников. Ввиду краткости срока и невозможности расширения рамок следствия, мы не успели выяснить достоверную программу этой группы, хотя и по имеющимся уже данным можно судить о том, что группа серьезно расходилась с партией и совправительством по вопросу национальной политики на Востоке, ставила себе целью освобождение восточных республик и стран из-под гнета Запада, образование крупных самостоятельных восточных государств, объединяющих

все ныне существующие восточные государства, как находящиеся на территории СССР, так и сопредельных с нашим союзом восточных стран (см. письмо Таджи-Бахши и заявление Султан-Галиева в ЦКК).

Действительно контрреволюционный смысл деятельности группы, возглавлявшейся Султан-Галиевым, и ее антигосударственные тенденции выясняются из шифрованного письма Султан-Галиева к башкирским работникам. В этом письме Султан-Галиев, рекомендуя башкирам соблюдение бдительности и осторожности ввиду провала и слежки за ними, далее пишет: «В Туркестане, Бухаре басмачество усиливается, есть слухи, что к весне хотят выступить организованнее, в связи с этим центр делает большие уступки в национальном вопросе». Далее Султан-Галиев пишет: «Восстанови связи с Заки Валидовым, только надо чрезвычайно осторожно — живой связью или шифром. За меня не тревожьтесь. Будьте до конца «тверды». Принимая во внимание то обстоятельство, что, по предположениям самого Султан-Галиева, Адигамов уже имел связь с Заки Валидовым, он мог по получении в этом письме директивы Султан-Галиева сообщить Валидову об уступках совправительства, сделанных под прямым воздействием повстанческого движения басмачей, и тем побудить его выступить с усиленной энергией. Допрошенный по этому поводу Султан-Галиев вначале давал запутанные объяснения, пытаясь изобразить попытку связи с Валидовым как дело естественное и законное, преследующее выгоды в будущем для советской власти. Но неправдоподобность этого ответа была слишком очевидна, особенно ввиду того, что директиву об установлении связи с Валидовым Султан-Галиев дает в письме, в котором сам же сообщает о том, что он заподозрен в участии в организации валидовского типа. После долгого заперательства Султан-Галиев вынужден был признать следующее: «Я признаю, что поступил совершенно незаконно, сделав предложение т. Адигамову в зашифрованном письме об установлении шифрованной или живой связи с одним из руководителей басмаческого повстанческого движения (направленного против Советской власти) Заки Валидовым, скрыв этот факт от совправительства, членом которого я являюсь как член коллегии Наркомнаца. В момент составления вышеуказанного письма я этого не осознавал, хотя этому и предшествовало получение мною записки от тов. Сталина, в которой я был заподозрен в участии в организации типа валидовской. Я теперь сознаю, что факт установления нами тайной связи с Заки Валидовым мог в глазах последнего дискредитировать советское правительство и показать Валидову, что в совправительстве не все благополучно. Я не знал наверняка, но лишь предполагал, что у Адигамова уже имеется связь с Валидовым, причем отдаю себе сейчас отчет в том, что в последнем случае Адигамов является прямым или косвенным союзником Валидова». Далее Султан-Галиев в своем показании пишет: «Я сознавал, что действия мои были незаконными и преступны по отношению к партии, к советской власти, глубоко раскаиваюсь во всем мною совершенном. Считаю, что мой арест был совершенно законным. Также будет законно и применение ко мне высшей меры наказания — расстрела. Я это говорю искренне». Султан-Галиев признал, что совершил преступление перед партией, посвящая беспартийных (через Адигамова) в секретные решения ЦК, и в дела своей группы. Султан-Галиев признал незаконность и преступность существования тайной группы, в чем также выразил раскаяние.

Мы считаем все же необходимым указать, что несмотря на ряд при-

нангий (все изложенные данные о деятельности группы сделаны на основании его личных показаний) и выраженное им раскаяние, Султан-Галиев многого еще не раскрыл. Он признался главным образом в том, что нам так или иначе стало известным. Но, считая политически нежелательным расширение этого дела до рамок судебного процесса, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в случае своего освобождения из-под стражи Султан-Галиев был бы в значительной степени политически обезврежен ввиду сделанных им компрометирующих признаний и выдачи ряда своих соучастников по антигосударственной работе, ГПУ отнюдь не усматривает необходимости в продолжении дальнейшего заключения Султан-Галиева под стражей в случае прекращения дела.

Начсекроперупра¹ ГПУ В.Менжинский

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.91—95.— Ксерокопия.

51. Резолюция IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей по первому пункту порядка дня («Дело Султан-Галиева»)

12 июня 1923 г.

Заслушав доклад ЦКК о деле Султан-Галиева, совещание находит:

1. Султан-Галиев, поставленный партией на ответственный пост (член коллегии НКНаца), использовал свое положение и имевшееся у него, благодаря этому, связи с местными работниками с тем, чтобы путем конспиративной работы и рассылки тайной информации с явно извращенным освещением мероприятий партии в области национальной политики, создать среди некоторых неокрепших и невыдержанных работников в республиках и областях (как партийных, так и беспартийных) нелегальную организацию для противодействия мероприятиям центральных партийных органов.

2. Работу создаваемой антипартийной нелегальной организации Султан-Галиев старался направить в сторону подрыва доверия ранее угнетенных национальностей к революционному пролетариату, в сторону подрыва союза между этими силами, представляющего одно из основных условий существования советской власти и освобождения зависимых стран Востока от империализма.

3. Султан-Галиев пытался расширить свою организацию за пределы Союза Советских Республик, стремясь связаться со своими сторонниками в некоторых восточных государствах (Персия, Турция) и сплотить их на платформе, противопоставленной политике советской власти в области национального вопроса.

4. Антипартийные и объективно контрреволюционные задачи, поставленные Султан-Галиевым, и сама логика антипартийной работы привели Султан-Галиева к предательским поискам союза с явно контрреволюционными силами, направленными к свержению советского строя, что выразилось в попытке связаться с поддерживаемым международным империализмом бухарско-туркестанским басмачеством через одного из его вождей — Заки Валидова.

5. Учитывая вышеизложенное, совещание полагает, что преступные действия

¹ Начальник секретного оперативного управления.

Султан-Галиева по отношению к партии и ее единству, а также по отношению к Советской республике, подтвержденные его собственным признанием, ставят его вне рядов коммунистической партии. Совецание отдает себе отчет в том, что уклон к национализму части местных работников республик и областей является реакцией против великорусского шовинизма, который нашел свое выражение в целом ряде ошибок русских товарищей на местах и борьба с которыми представляет одну из важнейших очередных задач партии, и что уродливым выражением этого уклона к национализму можно было бы считать, по крайней мере в начальной ее стадии, деятельность Султан-Галиева. Совецание не может вместе с тем не отметить, что антипартийная и антисоветская работа Султан-Галиева могла бы быть предупреждена или во всяком случае своевременно обезврежена партийным порядком, если бы в восточных республиках, особенно в Татарии и Башкирии, султангалиевщина получила некоторое распространение, велась самими же местными работниками систематическая и решительная борьба с уклоном к национализму.

Совецание поэтому считает, что выращивание подлинно интернационалистических коммунистических кадров из местных людей в республиках и областях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции и достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных националистических веяний и повести решительно как борьбу с уклоном к национализму, так и за уничтожение пережитков национального неравенства, усиливающих этот уклон, является также очередной задачей нашей партии.

Коммунистические организации в республиках и областях должны строжайше следить за тем, чтобы не только организационные, но и идейные границы партии строго ограждались, если партийная организация должна считаться не только с национальными, но даже и с националистическими настроениями, поскольку они захватывают широкие народные круги, то, с другой стороны, она не должна допускать, чтобы какая-либо часть ее растворялась в этих настроениях. Борьба за те или иные изменения национальной политики коммунист может не иначе, как через посредство партийной организации и строго партийным путем.

52. Из стенографического отчета совещания Татарского обкома РКП(б) и ОКК, ответработников по национальному вопросу¹

19—21 июля 1923 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 ИЮЛЯ

Вступительное слово т.Живова.

Товарищи, наше настоящее совещание несколько как бы, необычно, но из дальнейшего хода его вы поймете, что оно является нормальным, тем более что в порядок дня настоящего совещания выдвигаются вопросы, непосредственные связанные с нашей повседневной работой здесь, в Татарии.

Вам известно, что XII съезд нашей партии, который проходил в апреле

¹ Опущены малоинформативные выступления.

сего года, одним из важнейших вопросов имел вопрос национальный. По этому вопросу XII съезд нашей партии принял определенное решение, которое не только до следующего XIII съезда партии, но и на целый ряд лет, очевидно, будет иметь колоссальное значение для Союза Социалистических республик. К этому решению нам сейчас нужно подойти, чтобы более или менее полно реализовать и провести в жизнь, тем более, товарищи, что нашему совещанию предшествовало аналогичное совещание в Москве, которое дало для нашей работы очень богатый материал, который, несомненно, нам поможет разобраться в решениях XII съезда по национальному вопросу.

Порядок дня совещания предлагается следующий:

1. Доклад о 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответработниками национальных республик и областей.

2. Доклад с мест.

3. Разное.

Шварц. Разрешите, товарищи, предложенный т.Живовым порядок дня поставить на голосование. Я голосую. Кто за такой порядок дня, прошу поднять руки (*принят единогласно*). Принимается. Слово доклада предоставляется т.Живову.

Живов. Я, товарищи, на настоящем совещании должен вам дать небольшой отчет о том совещании, которое состоялось в начале июня в Москве — членов ЦК совместно со специально приглашенными ответработниками национальных республик и областей.

Товарищи, которые вместе со мной присутствовали на этом совещании, повятно, здесь дополняют вслед за мной те сообщения, те сведения, о которых я расскажу вам в своем докладе.

Совещание, которое состоялось в начале июня в Москве, является 4-м совещанием ЦК по национальному вопросу, который относится непосредственно к работе национальных республик и областей. В порядок дня совещания было поставлено два вопроса: первый вопрос — доклад ЦКК о Султан-Галиеве, и второй — практические мероприятия по проведению резолюции XII партийного съезда по национальному вопросу с целым рядом подпунктов. Совещание имеет громадное значение для всего Союза Республик и особенно для нашего края, для нашей Татарской Республики.

Прежде всего, большое значение имеет практическая постановка вопроса об осуществлении постановлений XII партийного съезда по национальному вопросу и, с другой стороны, постановка вопроса о Султан-Галиеве.

Всем нам известно, что Султан-Галиев является представителем Татарской республики, что в Москве он имел от нас определенные полномочия, пользовался известным доверием, был тесно связан с нашими работниками, выражал определенные тенденции по целому ряду вопросов, считался своего рода вождем татарских трудящихся масс, хотя, на мой взгляд, трудно утверждать справедливость последнего положения.

Теперь Султан-Галиев всего, или почти всего лишился. Султан-Галиев исключен ЦКК из партии за антипартийную, антигосударственную работу, причем постановление ЦКК было подтверждено Оргбюро и Политбюро и, наконец, нашим совещанием.

На совещании по докладу ЦКК о деле Султан-Галиева была принята следующая резолюция:

1) Султан-Галиев, поставленный партией на ответственный пост (членом коллегии НКНаца), использовал свое положение и имевшееся у него, благодаря этому, связи с местными работниками с тем, чтобы путем конспиративной работы и рассылки тайной информации с явно извращенным освещением мероприятий партии в области национальной политики, создать среди некоторых неокрепших и невыдержанных работников в республиках и областях (как партийных, так и беспартийных) нелегальную организацию для противодействия мероприятиям центральных партийных органов.

2) Работу создаваемой антипартийной нелегальной организации Султан-Галиев старался направить в сторону подрыва доверия ранее угнетенных национальностей к революционному пролетариату, в сторону подрыва союза между этими силами, представляющего одно из основных условий существования советской власти и освобождения зависимых стран Востока от империализма.

3) Султан-Галиев пытался расширить свою организацию за пределы Союза Советских Республик, стремясь связаться со своими сторонниками в некоторых восточных государствах (Персия, Турция) и сплотить их на платформе, противопоставленной политике советской власти в области национального вопроса.

4) Антипартийные и объективно контрреволюционные задачи, поставленные Султан-Галиевым, и сама логика антипартийной работы привели Султан-Галиева к предательским поискам союза с явно контрреволюционными силами, направленными к свержению советского строя, что выразилось в попытке связаться с поддерживаемым международным империализмом бухарско-туркестанским басмачеством через одного из его вождей — Заки Валидова.

5) Учитывая вышеизложенное, совещание полагает, что преступные действия Султан-Галиева по отношению к партии и ее единству, а также по отношению к Советской республике, подтвержденные его собственным признанием, ставят его вне рядов коммунистической партии.

6) Совещание отдает себе отчет в том, что уклон к национализму части местных работников республик и областей является реакцией против великорусского шовинизма, который нашел свое выражение в целом ряде ошибок русских товарищей на местах и борьба с которым представляет одну из важнейших очередных задач партии, и что уродливым выражением этого уклона к национализму можно было бы считать, по крайней мере в начальной ее стадии, деятельность Султан-Галиева. Но совещание не может вместе с тем не отметить, что антипартийная и антисоветская работа Султан-Галиева могла бы быть предупреждена или во всяком случае своевременно обезврежена партийным порядком, если бы в восточных республиках, особенно в Татарии и Башкирии, султангалиевщина получила некоторое распространение, велась самими же местными работниками систематическая и решительная борьба с уклоном к национализму.

7) Совещание поэтому считает, что выращивание подлинно интернационалистических коммунистических кадров из местных людей в республиках и областях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции, и достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных националисти-

ческих веяний и повести решительно как борьбу с уклоном к национализму, так и за уничтожение пережитков национального неравенства, усиливающих этот уклон, является также очередной задачей нашей партии.

8) Коммунистические организации в республиках и областях должны строжайше следить за тем, чтобы не только организационные, но и идейные границы партии строго ограждались. Если партийная организация должна считаться не только с национальными, но даже и с националистическими настроениями, поскольку они захватывают широкие народные круги, то, с другой стороны, она не должна допускать, чтобы какая-либо часть ее растворялась в этих настроениях. Борьба за те или иные изменения национальной политики коммунист может не иначе, как через посредство партийной организации и строго партийным путем.

Конкретно дело Султан-Галиева на совещании т.Куйбышевым от имени ЦКК было освещено, примерно таким образом: 1) Подозрение в антипартийной и антисоветской работе пало на Султан-Галиева по письму, попавшему случайно в распоряжение ГПУ, адресованному одному персидскому деятелю, коммунисту Таджи-Бахши, которое намекало на существование в России какой-то организации, которая старается сплотить вокруг себя часть российских коммунистов мусульман с одной стороны и турецких и персидских политических деятелей, партийных и беспартийных — с другой стороны, для проведения самостоятельной, противопоставленной Коминтерну и советской власти линии в области национального вопроса. 2) Письмо несколько позднее было адресовано в Башкирию (о котором тоже стало известно ГПУ), причем в этом письме уже более определенно говорится о существовании у Султан-Галиева намерений создать организацию из членов партии и беспартийных для противопоставления этой организации советской власти и для противодействия мероприятиям центральных партийных органов в области национального вопроса.

О последнем письме от ГПУ случайно узнал т.Сталин и на одном из заседаний специальной запиской предупредил Султан-Галиева, который сильно встревожился и хотел путем предупреждений и информации местных работников скрыть следы этого письма, так как о нем было тогда известно только из слов одного товарища.

Но последующее его шифрованное письмо наркомпросу Башкирии стало уже основным изобличающим материалом. В этом письме он писал: [...] Расшифровка этого письма из ГПУ попала в ЦКК, где было начато дело. Партколлегия постановила Султан-Галиева исключить из партии как антисоветский, антипартийный элемент и снять со всех ответственных постов. Ввиду того, что часть материалов не выяснена, дело доследовать, а в отношении Султан-Галиева передать в ГПУ. После этого ГПУ его арестовало.

На допросе он давал различные показания, но основных документов не отрицал, и в конце концов сознался, признал свои действия незаконными и преступными, раскаялся и решения, принятые по отношению к нему, признал заслуженными. Вот документы, которые говорят о его признании. [...]²

¹ Далее следует пересказ письма М.Х.Султан-Галиева А.К.Адыгамову. См.: документ №12.

² Далее следует пересказ показаний М.Х.Султан-Галиева от 04 июня 1923г. См.: Мирсаид Солтангалиев. Сайланма хезмәтләр = Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды. — С. 511—512, а также документ №50 настоящего издания.

Из допросов выяснилось, что он поддерживал связь с очень многими работниками областей и республик, согласными с его взглядами по национальному вопросу, в том числе с нашими работниками, особенно с товарищем Мухтаровым.

В частности, Султан-Галиев писал в подробностях об одном секретном заседании ЦК, где обсуждался национальный вопрос, целому ряду работников.

Должен заметить, что наши ответственные работники, как оказалось, были очень заинтересованы в деле Султан-Галиева. Они писали соответствующие заявления на имя ЦК и отдельных его членов, посылали ходячих и т.п., старались выяснить положение дела, причем давали самую лучшую характеристику Султан-Галиеву; абсолютно отрицали возможность контрреволюционных действий с его стороны, объясняли, что виной всему является великодержавный шовинизм, давали поручительства и т.д.

На совещании т.Троцкий более или менее подробно передавал беседу с т.Енбаевым, причем оказалось, что товарищи, обращая внимание на великодержавничество, совершенно упускали из виду вторую опасность — туземный местный национализм.

Как и нужно было ожидать — по докладу т.Куйбышева развернулись широкие прения.

Из наших товарищей в обсуждении вопроса участвовали Мухтаров и Енбаев. Оценка речей Мухтарова и Енбаева, в особенности членами Политбюро и в частности тт.Сталиным и Куйбышевым, на мой взгляд, совершенно правильная, говорит далеко не в их пользу.

В частности, вот что говорил т.Куйбышев о выступлениях тт.Мухтарова и Енбаева: «Тов.Мухтаров в своей речи ставил вопрос приблизительно так же, как Фирдевс. Он говорил, что если Султан-Галиев обвиняется в контрреволюционности, то как будто это обвинение распространяется и на него, Мухтарова. Он прямо сказал, что я в своем докладе пытался своих товарищей, с которыми Султан-Галиев был так или иначе связан, обвинить в контрреволюционности, он не понял того, что падение Султан-Галиева и в моем докладе, и в резолюции, и в выступлениях товарищей, солидаризировавшихся с ЦКК и ЦК, — это падение объяснялось предварительным процессом, который идет внутри нашей партии, является законным с точки зрения его естественности при данных условиях, в которых наша партия работает. У меня не было мысли подводить под одну гребенку т.Мухтарова, Фирдевса, Рыскулова и других, с которыми Султан-Галиев сносился. Смысл сопоставления этих фамилий (еще — Фирдевса, Рыскулова и других. — *Ред.*)¹ заключается в том, чтобы предупредить этих товарищей, что на том пути, по которому они идут, есть опасность совершить тот прыжок в пропасть, который совершил Султан-Галиев. Смысл заключается в том, что направление работы, мысль тов. Фирдевса, Мухтарова и других (относительно их работы и мыслей по нац. вопросу нам известно по другим данным) может при известном своем продолжении привести к тем последствиям, которые уже выходят за пределы партии, пролетарского государства, вообще являются противными интересам и пролетариата и вопросам национального освобождения в целом».

¹ Так в документе, написано карандашом.

Тов.Енбаев заслуживает того упрека, который т.Сталин бросил молчавшему Адигамову. Он не только не отмежевался от Султан-Галиева целиком и полностью, он позволил себе такое сравнение, против которого нужно самым решительным образом протестовать. Он говорит: «Мало ли было ошибок со стороны отдельных членов партии в трудные ответственные минуты».

Становясь на путь этой аналогии, тов. Енбаев фактически защищает Султан-Галиева.

Должен сказать, что и часть других работников высказывалась в том же, примерно, духе, выгораживая себя и т.п.

Другая же часть делегатов высказывалась совершенно в ином направлении, причем особенно отличались выступления так называемых «левых», которые прежде всего оправдывали свою позицию, говорили, что от Султан-Галиева они давно этого ожидали, указывали на необходимость более решительных мер не только в отношении Султан-Галиева, но и в отношении тех, кто был с ним связан, вплоть до привлечения к ответственности, чистке и т.п., особенно в отношении татарских и башкирских работников.

Большинство совещания, однако, не согласилось с их точкой зрения, и в результате обсуждения была принята резолюция ЦКК с некоторыми поправками и дополнениями, внесенными специальной комиссией, которую я уже вам читал, причем т.Куйбышев и Сталин высказывались о возможности освобождения Султан-Галиева от ответственности в общем порядке и допущения его к советской работе. Насколько я знаю, сейчас Султан-Галиев освобожден из-под ареста.

Должен заметить, возвращаясь к делу Султан-Галиева, что большинство прений было посвящено дискуссиям о правом и левом уклоне в национальном вопросе. Уклоны были зафиксированы в речах представителей ЦК и ЦКК, в выступлениях ответственных работников в резолюции. Кроме того, эти уклоны имеются и на местах, в том числе и у нас в Татарии. Если будем искать подтверждений — подтверждений достаточно. Т.Енбаев например, не скрывал в беседе с т.Троцким, что он разделял в общем и в целом взгляды Султан-Галиева в национальном вопросе; говорил он, очевидно, и за многих других, т.к. у Султан-Галиева правый уклон был.

Сущность правого уклона, поскольку имеются материалы, заключаются на мой взгляд в том, что товарищи подходят с некоторым недоверием к российскому пролетариату, к партии и к тем организациям, в которых они работают. Это некоторое недоверие, скептицизм по отношению к партии в деле Султан-Галиева вызвали обход тайную от партии работу, оперирование шифром и т.п., вплоть до противопоставления себя партии.

Уклон вправо является реакцией против великодержавного шовинизма. Это справедливо, но нужно сказать, что в деле Султан-Галиева, как говорил т.Куйбышев, мы не можем не отметить и того обстоятельства, что если бы в наших республиках и областях было проведено решение нашего съезда (еще до XII съезда мы имели аналогичную резолюцию X съезда) — о необходимости самим местным коммунистам внутри себя, внутри своих рядов бороться с проявлением националистических уклонов, если бы эта борьба за оздоровление партии, за предание ей истинного и интернационалистического лица

была в наших окраинных республиках, то дело Султан-Галиева, по всей вероятности, не дошло бы того положения, до которого оно дошло сейчас; это же зафиксировано и в резолюции по делу Султан-Галиева. Совецание отдает себе отчет в том, что уклон национализма среди части местных работников республик и областей является реакцией против великорусского шовинизма, который нашел свое выражение в целом ряде ошибок русских товарищей на местах и борьба с которым составляет одну из важнейших очередных задач партии, и что уродливым выражением этого уклона к национализму можно было бы считать, по крайней мере в начальной ее стадии, деятельность Султан-Галиева. Но совещание не может вместе с тем не отметить, что антипартийная и антисоветская работа Султан-Галиева могла бы быть предупреждена или, во всяком случае, своевременно обезврежена партийным порядком, если бы в восточных республиках, особенно в Татарии и Башкирии, где султангалиевщина получила некоторое распространение, велась самими же местными работниками систематическая и решительная борьба с уклоном к национализму.

В чем состоят грехи «правых»? Они состоят в том, что «правые» не представляют и не могут представлять противоядия, надежного оплота против националистических веяний, развивающихся и усиливающихся в связи с НЭПом. То, что султангалиевщина имела место, то что она создала некоторый круг своих сторонников в восточных республиках, особенно в Татарии и Башкирии, это с несомненностью говорит о том, что правые элементы, которые там, в этих республиках, представляют преобладающее большинство, не являются достаточным оплотом против национализма. Т.Сталин далее говорит, что как раз в борьбе против национализма «правые» слабы, потому что заражены некоторым скептицизмом по отношению к партии и легко поддаются влиянию национализма. «Левые» более или менее свободны от скептического отношения к партии, от податливости к воздействию национализма.

Но зато «левые» упрощенно подходят к национальному вопросу, отрицают его значение, не хотят или, вернее, не умеют маневрировать, переносить формы и методы работы из центра на окраины и не хотят или не умеют понять ту обстановку, в которой они работают, поэтому если правое крыло более способно, как говорил т.Троцкий, выделять из своей среды отдельные элементы, которые забывают, где кончается партия и где начинаются ее враги. Если «правые» могут замедлить или затруднить сближение пролетариата бывшей державной нации с крестьянством ранее угнетенных национальностей, то «левые» своим «нигилизмом» в национальном вопросе могут оторвать от нас крестьянство и тем самым сыграть на руку нашим врагам. Поэтому наша линия должна быть определенной и твердой. Надо, как говорит т.Сталин, подстегнуть «правых» для того, чтобы заставить их научиться бороться с национализмом на предмет выковки настоящих коммунистических кадров из местных идей. Но надо также подхлестнуть и «левых» для того, чтобы научить их гибкости и умелому маневрированию на предмет овладения широкими массами населения.

Необходимо все это проделать, потому что истина лежит посредине между «правыми» и «левыми».

Нашей организации в борьбе с различными течениями и уклонами в на-

циональном вопросе придется много доделать в смысле воспитания истинных, надежных коммунистических кадров. На это особенно указывается в резолюции по делу Султан-Галиева:

«Совещание поэтому считает, что выращивание подлинно интернационалистических коммунистических кадров из местных людей в республиках и областях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции и достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных националистических веяний повести решительно как борьбу к национализму, так и за уничтожение пережитков национального неравенства, усиливающих этот уклон, является также очередной задачей нашей партии».

На это же указывает и первая часть резолюции совещания по второму пункту порядка дня: «Одной из коренных задач партии является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей, всемерное содействие этим организациям стать на ноги, получить действительно коммунистическое воспитание, сплотить, хотя бы немногочисленные вначале, но подлинно интернационалистические коммунистические кадры. Лишь тогда советская власть будет крепка в республиках и областях, когда там упрочатся действительно серьезные коммунистические организации».

«Национализм — основное идейное препятствие по пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах. История нашей партии говорит, что партия большевиков в ее русской части росла и крепла, борясь с меньшевизмом, ибо меньшевизм есть проводник буржуазной идеологии в нашу партию, и без преодоления меньшевизма она не могла стать на ноги.

То же самое нужно сказать о национализме в отношении наших коморганizations на окраинах. Национализм играет для этих организаций ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков. Только через нацио-коммунистическое прикрытие могут примкнуть в наши организации на окраинах буржуазные, в том числе меньшевистские «веяния» — как сказал т. Сталин на совещании.

В борьбе с меньшевизмом складывалось наше марксистское ядро партии. Тогда перед партией не стояла еще, как очередная и животрепущая¹ потребность, задача прокладывания широких связей с миллионными массами рабочего класса и трудового крестьянства, задача овладения этими массами, задача завоевания большинства в стране. «И только на следующей ступени развития нашей партии, только на второй ее стадии, — говорит т. Сталин, — Когда эти кадры выросли, когда они вылились в основное ядро нашей партии, когда симпатии лучших элементов рабочего класса были уже завоеваны или почти завоеваны, только после этого перед партией встала, как очередная и не терпящая отлагательства потребность, задача овладения миллионными массами, задача превращения партийных кадров в действительно массовую рабочую партию. В этот период ядру нашей партии пришлось вести борьбу

¹ Так в документе.

не столько с меньшевизмом, сколько с «левыми» элементами нашей партии, с «отзовистами» всякого рода, пытавшимися революционной фразеологией заменить серьезное изучение особенностей новых условий момента после 1905 года, тормозившими своей упрощенно-«революционной» тактикой дело превращения кадров нашей партии в действительно массовую партию, создавшими своей работой угрозу отрыва партии от широких рабочих масс. Едва ли нужно доказывать, что без решительной борьбы с этой левой опасностью, без ее преодоления партия не смогла бы овладеть миллионами трудящихся масс.

То же самое в основном имели мы и в развитии наших окраинных организаций. Следует, однако, отметить, что, несмотря на аналогию между тем, что пережито партией в прошлом, и между тем, что переживают ныне наши парторганизации на окраинах, существуют все-таки в национальных республиках и областях некоторые существенные особенности развития нашей партии, учесть которые мы должны обязательно, и без тщательного учета которых мы рискуем допустить ряд грубейших ошибок при определении задач выращивания марксистских кадров из местных людей на окраинах. Перейдем к рассмотрению этих особенностей.

Борьба с «правыми» и «левыми» элементами в наших окраинных организациях нужна и обязательно, иначе мы не вырастим марксистских кадров, тесно связанных с массами. Это понятно. Но особенность положения на окраинах и отличие от прошлого в развитии нашей партии состоит в том, что выковка кадров и превращение их в массовую партию происходит на окраинах не при буржуазном строе, как это имело место в истории нашей партии, а при советском строе, при диктатуре пролетариата. Тогда, при буржуазном строе, можно было и нужно было по условиям времени бить сначала меньшевиков (на предмет выработки марксистских кадров), а потом отзовистов (на предмет превращения этих кадров в массовую партию), наполнив борьбу с этими уклонами целых два периода в истории нашей партии. Теперь по условиям времени мы этого никак не можем сделать, ибо теперь партия стоит у власти, а стоящая у власти партия нуждается в том, чтобы иметь на окраинах марксистски надежные кадры из местных людей, связанных вместе с тем с широкими массами населения. Теперь мы не можем сначала добить «правых» при помощи «левых», как это имело место в истории нашей партии, а потом «левых» при помощи «правых», — теперь мы должны вести борьбу на оба фронта одновременно, стараясь побить обе опасности, с тем, чтобы в результате получить на окраинах связанные с массами марксистски подготовленные кадры из местных людей. Отсюда позиция нашей партии в борьбе на два фронта против обоих уклонов.

Мне кажется, что линия (наша), подтвержденная и XII съездом и совещанием, изменений не требует. Нам надо будет лишь усилить нажим по пути воспитания и по пути борьбы с уклонами, по пути требования большего доверия к партии, большей ответственности перед партией, большего равенства на организацию. И «правым», и «левым», на мой взгляд, достаточно материала для размышления в постановлениях XII съезда и совещания. В частности, к «левым» относится следующий пункт резолюции по второму вопросу порядка дня совещания. Но сами коммунисты в республиках и областях должны помнить, что обстановка у них, уже в силу иного социального

состава населения, сильно отличается от обстановки в промышленных центрах Союза Республик, что поэтому на окраинах необходимо зачастую применять иные методы работы.

Слабость или почти отсутствие современной промышленности и неизбежная медленность развития промышленности в ближайший период передвигает по необходимости партийную работу в сторону медленной, систематической, терпеливой идейно-воспитательной работы лучших элементов крестьянства, кустарей и пр. Надо помнить, что в отсталых республиках и областях только наша партийная организация открывает для известных низовых элементов искренне революционных, но недостаточно развитых и закаленных; возможность перенесения сюда того классового революционного критерия, который сложился на основе опыта пролетарских центров, было бы в корне неверно и привело бы к прямо противоположным результатам. Именно то обстоятельство, что ядром РКП в целом являются закаленные рабочие промышленных центров, позволяет партии без опасения за свою классовую сущность применять указанный выше метод терпеливого идейно-воспитательного действия. Относится это, на мой взгляд, и к русским товарищам, и особенно последний пункт первой части резолюции: товарищи из центра, участвующие в партийной работе среди более отсталых народностей, должны строго выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам в их коммунистической и советской работе, ни в коем случае не допуская ни в действиях, ни в речах ничего, что походило бы на присваивание себе права ввязать¹ и решать, допускать или отменять, вообще распоряжаться, формально опираясь на авторитет центра.

В частности, здесь, в республиках и областях, стремясь завоевать поддержку трудящихся масс местного населения, необходимо в большей мере, чем в центральных районах, идти навстречу элементам, являющимся революционно-демократическими или даже просто лояльным в отношении к советской власти. Роль местной интеллигенции в республиках и областях во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции центральных районов Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами.

Коммунист на окраинах должен помнить: я — коммунист, поэтому я должен, действуя применительно к данной среде, идти на уступки тем местным национальным элементам, которые хотят и могут лояльно работать в рамках советской системы. Это не исключает, а предполагает систематическую идейную борьбу за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклона к национализму. Только таким образом можно будет изжить успешно местный национализм и перевести на сторону советской власти широкие слои местного населения.

К сведению тех же товарищей, не бесполезно прочесть одно из обращений т. Саид-Галиева к т. Ленину и ответы последнего, непосредственно затрагивающие национальный вопрос.

«Дорогой Владимир Ильич. Чтобы не отнимать у Вас времени, не буду излагать мотивы обстоятельств и фактов, принудивших меня обратиться к

¹ Так в документе.

Вам (именно к Вам, а не к кому другому) с нижеследующими вопросами, на которые убедительно прошу вас дать мне ответ.

1. Необходимо ли существование мелких автономных республик Российской Советской Федерации вообще и, в частности, существование Татарии.

2. Если «да», то на сколько времени или иначе говоря: до выполнения каких задач и достижения каких целей.

3. Прав ли я, если придерживаюсь такого мнения, что при правильном понимании резолюции X съезда партии по национальному вопросу, в процессе реализации (ее) коммунисты бывшей раньше господствующей нации, как вышестоящие своим уровнем во всех отношениях, должны играть роль педагогов и нянек по отношению коммунистов и всех трудящихся бывших в угнетении национальностей, именем которых называются данная автономная республика (область, коммуна), и по мере роста последних «первые» должны уступать им свои места — своим ученикам и преемникам. По достижении ими в достаточной (для успешного руководства партийной и советской работой) мере опыта и своего количественного роста, инициатива должна перейти в руки этих преемников.

4. Во всех автономных республиках, а в данном случае Татарии, среди туземных коммунистов (татар) существует ярко выделяющиеся друг от друга два течения (группировки), одно из коих стоит на точке зрения классовой борьбы и стремится к дальнейшей классовой дифференциации слоев туземного населения, а другое — с оттенком мелкобуржуазного национализма, — ясно доказанного в процессе классовой борьбы, особенно последних 4-х лет.

Правильно ли, если я утверждаю, что полной всемерной поддержкой всей РКП и ее высших органов должны пользоваться первые, а последние (постольку, поскольку они искренни и горят желанием работать на пользу пролетарской революции, и поскольку они полезны своей работой) должны быть лишь использованы и одновременно воспитываемы в духе чистого интернационализма, но нельзя их предпочитать первым, как это за последнее время имеет место и не в одной только Татарии.»

«Товарищу Саид-Галиеву:

На первый вопрос — да;

На второй — еще долго;

На третий — не педагогов и нянек, а помощников.

На четвертый — прошу точных, кратких, ясных указаний на факты насчет двух течений. Подпись: Ленин.» — вот ответы, которые ясны для всех товарищей, которые работают в Татарской республике и которые должны проводить национальный вопрос. Дальше, товарищи, я зачитаю последние пункты резолюции совещания. Я первую часть читал и на ней останавливаться не буду. Вопрос о 2 палате будет освещен на сессии ТЦИК, начну с 3 пункта.

«Меры вовлечения трудовых элементов местного населения в партийное, профессиональное и советское строительство».

а) Чистка государственных и партийных аппаратов от националистических элементов (имеются в виду, в первую голову, русские, а также антирусские и иные националисты). Чистка должна производиться осторожно на основании проверенных данных под контролем ЦК партии.

б) Систематическая и неуклонная работа по национализации государствен-

ных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков, с обязательством ответственных работников изучить местные языки. Систематическое вовлечение национальных элементов в профессиональное и кооперативное строительство.

в) Подбор и привлечение более или менее лояльных элементов местной интеллигенции в советские учреждения при одновременной работе наших ответственных работников в республиках и областях по выработке кадров советских и партийных работников из числа членов партии.

г) Устройство беспартийных конференций рабочих и крестьян с докладом наркомов и вообще ответственных работников партии в наиболее важных мероприятиях советской власти.

Я, товарищи, в объяснение пунктов резолюции останавливаться не буду, мне кажется, что в этой резолюции сказано все ясно. Из этой резолюции я хотел обратить ваше особенное внимание на молодежь, которой мы с вами не всегда уделяем достаточное внимание и особенно на местах, в кантонах. В общем же мне кажется, что каждому из нас в итоге совещания, организованного ЦК, урок извлечь есть из чего. Наше настоящее совещание является первым, но на мой взгляд, это совещание не может и не должно быть последним, если мы хотим действительной сплоченности нашей организации по национальному вопросу.

В заключение я, товарищи, хотел выразить уверенность: какие бы не были те или иные моменты в жизни нашей организации, мы, при совместной работе русских и татарских коммунистов, работников центра нашего края и мест, мы со стоящими перед нами задачами в области национального вопроса справимся и так же высоко, я подчеркиваю, высоко будем держать авторитет организации нашей Татарской Республики *(аплодисменты)*.

Председатель (Шварц). Есть ли какие-нибудь вопросы докладчику. У меня вопросов не поступило; есть одна записка. Кто желает, товарищи, взять слово.

Фасхутдинов. Товарищи, мне кажется, что каждый из присутствующих здесь слышал впервые доклад т.Живова и не было никакой возможности познакомиться с материалом заранее. Этим вероятно объясняется то, что за время доклада не поступило ни одного вопроса. Поэтому я предложил бы сделать перерыв, чтобы обмозговать доклад, тогда появятся вопросы.

Живов. Товарищи говорили насчет тезисов, я их представить не мог. Но ЦК нам прислало стенографический отчет совещания, причем в очень ограниченном количестве экземпляров. Если товарищи не будут ничего иметь против, мы сделаем перерыв и выдадим на каждую кантонную организацию по одному экземпляру, чтобы ознакомиться с материалом.

(т.Живовым вносится предложение сначала заслушать доклады с мест, а затем открыть прения. Предложение принимается.)

(Заседание прерывается до вечера.)

Председатель т.Шварц. Товарищи, доклад закончен, приступим к прениям. Слово в порядке записи имеет т.Муслимов.

Муслимов. Товарищи, одним из главных вопросов совещания вопрос о Султан-Галиеве и султангалиевщине. Я остановлюсь на том, что такое султангалиевщина. Прежде всего я оговорюсь, что мой русский язык только на 25% хватит и что я отвечаю за каждую мысль, за каждую точку, каждую

запятую. Султан-Галиев был вождем Татарстана на массовой, только узкая группа назвала его вождем, признала его вождем и писала в своей газете вождем и ряд картин его напечатала. Как раз те, которые его считали вождем, ныне господствуют в Татарской Республике, с массами же он ничего не имел. Капитонные товарищи тоже о нем плохо знают, только по разговорам здесь, в кавычках, руководителей. Во время 4-й конференции приехал наш вождем татарский для проведения конференции, а местные газеты засмеялись в заголовке крупным шрифтом, писали — Султан-Галиев — генерал без армии. Он все время проводился почетным членом, почетным представителем, даже на последнем 3-м съезде. Из многих кантонов был избран почетным представителем и на последней конференции молодежи был принят почетным членом РКСМ, когда уже сидел в тюрьме. Но сейчас хотя Султан-Галиев исключен из партии, султангалиевщина у нас была и есть, отсюда появились трения по поводу исключения Султан-Галиева из партии. Некоторые работники называли его жертвой раскола между Россией и Англией, говорили, будто бы коммунистическая партия пожертвовала его за Керзона; некоторые говорили, что он ругался и разругался по национальному вопросу со Сталиным и стал жертвой Сталина. Группа его здесь есть, и она распространяет про него разные слухи. Есть товарищи, которые сознательно идут за ним (*голос с места — ответить придется за эти слова*). Он работал в Центральной Мусульманской военной коллегии вместе с Енбаевым, Шамиль Усмановым. Нам теперь осталась окончательная борьба с султангалиевщиной. Наш лозунг должен быть — общая партийная работа. Заинтересована здесь вся коммунистическая партия, весь класс. Это есть классовый вопрос. Да конечно, тов. Живов в своем докладе рекомендует рецепт, но не удачный, соглашательский, говорит, мы постараемся согласить их. Нет тут с действительной султангалиевщиной этого нельзя сделать, многие тут, которые до сих пор не поняли этого, они не пойдут за ним дальше, что же касается тех, которые пошли сознательно за ним, здесь не может быть никакого разговора о соглашении. Еще раз повторяю, что борьба с этим есть классовая борьба, потому что это есть кемализм, чтобы было понятно каждому — по-европейски просто фашизм. Далее, нельзя спекулировать отсталостью экономического положения татар. Экономическое положение отсталое, но это не дает повода, чтобы не вести классовую борьбу, это не Бухара, не Азербайджан, это Татария, где имеется много заводов и фабрик, это должен был т. Живов сознать в своем докладе. Здесь есть пролетариат, который т. Живов видел (*голос с места: это из трех миллионов*). Не волнуйтесь, гр. Усманов (*Усманов: председатель, обратите внимание, почему допускаете оскорбление. Председатель призывает к порядку*). Мы видим ряд эмигрантов в Париже и др. городах, эмигрантов из татар — это показывает, что у нас классовая борьба существует. Ведь сартов в Париже не встретишь. Это показывает, что классовая борьба есть. Здесь есть старые коммунисты, как т. Вахитов, Гафуров и др. Сафар-Галиев имеет в своей руке мандат, данный Центральной комиссией Истпарта о том, что в 1893 году работал в социал-демократических кружках. Этим я хочу доказать, что здесь можно вести классовую борьбу. Это не значит еще, что мы против республик, но республика должна быть рабоче-крестьянской, т.е. классовой, а не брать всех татар оптом. Из письма Саид-Галиева т. Ленину о республиках тоже нельзя понять, что он против республик, да

он писал не бухарскому эмиру, а вождю, учителю. Потом т.Живов далее указал, что мы держали среднюю линию, которая точь-в-точь подходит к линии ЦК партии. Кто не знает практической работы ОК — на бумаге это выходит так, но в жизни другое. Мы, так называемые интернационалисты, коммунисты, мы, кроме гонений, со стороны ОК ничего не видели, по матушке России гоняют (*голос с места: Татарии*). Потом насчет газет. Должен сказать, что идет не первый раз. Еще на IV конференции толковали, что классовой линии нет в газете. Руководят те, которые ОК известны, руководителем является Рамзи, о котором должен быть материал в ОКК. Антирелигиозная литература отсутствует. Даже зав. агитпропом т.Мансуров чуть ли не называл мулл социалистами, он называл их либералами, красными — вот взгляд члена ОК, зав. агитпропом. Потом должен сказать, что Контрольная комиссия и ОК как следует не следят за теми товарищами, которые дают рекомендации для вступления в партию. Был случай, когда дали белогвардейскому офицеру Тагирову, который на собрании был отвергнут единогласно.

Председатель т.Шварц. Товарищи, внутри партии классовой борьбы нет, и вполне недопустимо такое явление, которое допущено т.Муслимовым по отношению т.Усманова. От имени президиума предлагаю товарищам держаться более тактично.

Негаметзянов. Товарищи, долго высказываться не буду. Я выскажусь о том, как выгнали отсюда Саид-Галиева. До этого я знал Саид-Галиева мало. Приехал я в 1920 году из Москвы; до этого работал среди московского пролетариата. Мне пришлось встретиться с группировками. Я удивился, неужели среди коммунистов есть группы. Потом, когда ближе познакомился, оказалось, что действительно есть, конечно, я сейчас документально не могу доказать, но могу документы представить позднее. Во время III съезда Советов было тайное совещание группы Султан-Галиева. Это факт, товарищи я представляю документы. Такие группировки в нашей партии недопустимы. Вскоре после этого совещания сняли Саид-Галиева. Я тогда в прениях выступал за Саид-Галиева, против т.Мухтарова.

Когда было совещание в номерах «Франции», я тогда плохо познакомился с татарами, тем более, что вырос среди московского пролетариата. После этого появляются гонения. Я, как член партии, не должен скрывать: я провожал Саид-Галиева на станцию. Мне показалось, что исключили его из-за недоразумений, действительно оказалось после, из-за личных счетов. Вопрос обсуждался в ЦК, там знают всех товарищей ответственных работников, они к этому вопросу подходят правильно: разбирают его, так и должно быть. Я слышал прошедшую его работу, как во время Забулачной Республики он сражался. Когда он уезжал отсюда я его провожал. Он приехал с Урала — мне казался, похоже на темного рабочего, и действительно, у него пролетарская идеология. Мы с ним личных счетов не имели, и я считал его коммунистом. Некоторые товарищи утверждали, что нет пролетариата из татар. Правда, ответработники, которые сидят в ОК, в частности т.Мухтаров, говорили, что у нас нет пролетариата и не скоро еще будет, а мы документально утверждаем, что есть. Я могу сказать, что в Москве есть много татарского пролетариата, который никаких связей с крестьянской массой не имеет.

Чанышев. Дело Султан-Галиева для многих из нас явилось случайностью, особенно для работников каптона. Этим можем определить, что Султан-Га-

лиев в Татарской Республике имел не очень большой круг активных выступающих товарищей, по тем или иным вопросам с ним солидарных. Я хочу остановиться на одном эпизоде, как характеристике Султан-Галиева, происшедшем в феврале 19 года в Казани в кругах членов Губкома партии, об этом некоторые товарищи здесь присутствовавшие знают, Рахматуллин и другие. Мне пришлось разбирать дело Ибрагима Галиева и Чанышева Якуба, затеянное Султан-Галиевым. Из Губкома во время наступления Колчака был направлен целый ряд татарских работников в Уфу. В том числе был отправлен один из рабочих Порохового завода Чанышев Якуб. В дороге с ним случилось несчастье — обокрали, остался без всего, и Ибрагим Галиев совместно с Якубом Чанышем экспроприровали одного буржуа на пять тысяч рублей. Сам акт экспроприации мы осудили, но этот буржуа обратился к Султан-Галиеву. Тот активно принялся за дело, заключил в тюрьму Ибрагима Галиева и Чанышева и материал переслал в Казань. Эта короткая история характеризует, как мог Султан-Галиев в тех или иных обстоятельствах попасть под те или иные влияния. У меня по этому делу было заключение такое, что защита буржуа хотя неправильная, но наши товарищи поступили так в критическую минуту, самый факт является недопустимым. Обоих товарищей после рассмотрения материала оправдали: одного послали снова работать в рабочую организацию, а другой организовал военные части. Султан-Галиев не возражал сильно против этого, он дальше этого дела не затягивал. В частности, у меня создалось впечатление, что Султан-Галиев подвержен влияниям. Это приблизительно моя характеристика Султан-Галиева.

Теперь вопрос о деле, которое возникло о Султан-Галиеве. Можно ли назвать его случайным или назвать вытекающим из обстоятельств жизни. Если его толкнуло к тому обстоятельства существующие здесь русский шовинизм, который существовал сильнее всего в Казани, тогда бы не надо начинать сношений с басмачеством; товарищ, сидящий в комитете, мог действовать через партийную организацию. В этом смысле действия Султан-Галиева надо окончательно осудить, надо сказать, что действия его были вполне сознательными, никакие существующие обстоятельства не могли его заставить действовать таким образом. Он действовал сознательно и привлекал тот элемент, который больше мог поддаться.

В Башкирии Султан-Галиев нашел лучшую базу, там и председатель исполкома, и наркомпрос, и целый ряд других товарищей с ним имеют сношения. В Казани меньше было тех товарищей, которые с ним работали. В Крыму он нашел только одного Фирдесва, наркомюста, с которым он работал в Казани и раньше, насколько они были идеологично построены одинаково, но больше всего он мог довериться Фирдесву, насколько левизна была диаметрально противоположна. Поэтому говорить, что авантюры могли быть благодаря создавшимся обстоятельствам, нельзя.

Дальше кочу остановиться на моменте, который мог толкнуть его к такому шагу. Я работаю в Казани два года, и в 19 году работал, и должен сказать, что еще в 19 году мы вели борьбу за то, чтобы в Губкоме могли иметь представительство татары. Все время приходилось вести борьбу за то, чтобы реализовать Татарскую Республику, но здесь в 20—21-е годы мы переживали момент, когда наиболее ответственные товарищи ОК во главе с Карповым, Слудским стремились к тому, чтобы уничтожить Татарскую Республику как таковую в

прямом смысле этого слова; ни на одном из собраний и заседаний не говорили «Татарская Республика», а говорили «Казанская губерния». Это заставило массу татарских работников искать какие-нибудь авантюры, организовываться в басмачество. Татарские работники боялись выйти на трибуну и сказать «Татарская Республика», потому что к нему привешивали вывеску «национальный шовинизм» и т.д. В такое время ясно, что положение вещей было ненормально.

Усманов. Товарищи, впечатление от доклада т.Живова произвело впечатление разорвавшейся бомбы. До сих пор наши работники не кипели в котле национального вопроса, так как мы национальный вопрос все время скрывали, подобно тому, как венерик скрывает свою болезнь, и вот в результате этого лопнувший нарыв выступил среди нас в такой уродливой форме. Тов. Живов в своем докладе указал, что речи т.Енбаева и Мухтарова сводятся почти к оправданию Султан-Галиева, но тот факт, что они голосовали за резолюцию совещания о Султан-Галиеве, показывает, что они отмежевались от последних действий Султан-Галиева и что его поступки, направленные к соединению с басмачеством, не оправдываются.

Теперь одно слово о справке т.Чанышева. И Галиев, и Чанышев Якуб были не экспроприаторами, а мародерами, и лишь приближение Колчака спасло их от заслуженной казни.

Теперь о султангалиевщине. Султангалиевщина, как указано в резолюции совещания, есть реакция великорусского шовинизма. Не одни лишь «правые» подвержены султангалиевщине, например, товарищи Дулат-Али и Рахматуллин Исхак из Башкирии тоже под давлением великорусского шовинизма бежали с Валидовым в горы. Дулат-Али лежит в могиле, расстрелянный Красной Армией, а Рахматуллин покаяться и ныне находится среди нас. Как видите, великорусский шовинизм заставляет и таких «левых» товарищей, каким является т.Рахматуллин, делать ошибочные шаги.

Теперь нам предложен проект резолюции Бюро ОК о борьбе с имеющейся якостью в Татарии султангалиевщиной. Это подольет лишь масла в огонь. Нужно бороться не только с последствиями, но и с причинами. Причиной султангалиевщины является великорусский шовинизм, и об этом нужно ясно подчеркнуть, иначе каждый своего противника будет называть Султан-Галиевым. Теперь подойдем к вопросу о том, какие практические меры хочет принять ОК в борьбе с «правыми» и «левыми» в Татарии. Тов.Живов заговорил об извращении Саид-Галиева, прочитал его письмо к т.Ленину, а не договорил, что Саид-Галиев скрыл это письмо в кармане, следовательно, он три года скрывал ответ т.Ленина, говорящее, что республики должны существовать долго и что русские коммунисты должны быть не няньками, а помощниками местных коммунистов, и не руководствовался им.

А у нас в Татарии три года тому назад татаризация, реализация и т.п. считались большим грехом, а ныне вполне коммунистичны. Но, в общем, сейчас у нас нет «правых», так как лозунги, за которые раньше называли «правым», ныне воплощены в жизнь в виде постановлений XII съезда. Есть только работники, стоящие у власти, и работники, стоящие в оппозиции им и мало заботящиеся о деле. Борясь, согласно резолюции ОК, с султангалиевщиной в Татарии, мы рискуем сделать эту борьбу болезненной, сплошным недоразумением. У нас же ОК борется с «левыми» и «правыми» своеобразно.

разно. «Левых» он жалел как незаслуженно обиженных, беспомощных, а некоторых работников из «правых», более активных работников в национальном вопросе, ОК не допускает к работе, пытаясь их консервировать в резерве чинов политсостава Красной Армии, поэтому я предлагаю внести ясность в вопросе и изменить проект резолюции.

Тов. Ахмадеев. Товарищи, XII съезд партии при разрешении национального вопроса остановился, главным образом, на трех моментах: на моменте борьбы с русским шовинизмом, борьбы с местным шовинизмом и национальным неравенством. Партийное совещание не ограничилось этими моментами, оно почему-то включило в порядок дня вопрос о левизне и о «левых» коммунистах. Я думаю, товарищи, что если бы последний вопрос был массовым явлением, угрожающим коммунистической партии, то XII съезд не мог бы миновать обсуждения этого вопроса, как он не мог миновать вопросов о русском и местном шовинизме. Следовательно, вопрос о левизне для партии не был принципиальным, а вопросом чисто практическим. На это обращаю ваше внимание.

Я думаю, руководящие товарищи коммунисты были напуганы тем весьма быстро растущим шовинизмом в восточных республиках, превращающемся порой в контрреволюционное, антисоветское движение, как это констатировано в партсовещании в связи с разоблачением преступной деятельности Султан-Галиева. Руководящим партией центровикам-коммунистам, которые охватывают руководящую работу в масштабе РСФСР, нужно было найти причины, хотя маленькие, которые могли содействовать развитию и выявлению султангалиевщины. Между тем, для партийного совещания было чрезвычайно трудно определить конкретные моменты вреда и опасности «левых» коммунистов в восточных республиках, потому что трудно было в процессе работы найти материалы, осуждающие их действия и тактику. Нужно сказать определенно, что «левых» коммунистов в восточных республиках, вредных, опасных для компартии, никого нет.

Мы, конечно, больше знаем местных коммунистов, которые прошли все стадии национальной и классовой борьбы, и знаем каждого коммуниста, каждое течение и в чем выражается их деятельность и направление.

Я должен констатировать, что вы не нашли, не находите и не найдете ни одного ответственного коммуниста из туземных, так называемого «левого», который мог бы противодействовать или возражать постановлениям компартии вообще, а постановлению XII съезда и партсовещания по национальному вопросу — в частности, и их можно называть «левыми» только в том смысле, что это коммунисты не имеют националистических уклонов.

Правда, была так называемая шамигуловщина в 1917—1918—1919 гг. в тот момент, когда в восточных республиках контрреволюционное националистическое движение принимало угрожающий характер, когда эти ребята не могли найти гарантии в том, что местный пролетариат может бороться против своей буржуазии, которая была чрезвычайно сильна и вооружена. Теперь, после постановлений VIII, X, XII партсъездов эти товарищи окончательно отказались от своей левизны и теперь не проявляют своей антирес-публиканской политики нигде. Я лично тогда был против этой группы.

Теперь второй момент — о султангалиевщине. Поскольку московское партсовещание определенно признает в связи с преступной деятельностью Сул-

тан-Галиева наличие султангалиевщины в восточных республиках, главным образом в Башкирии и Татарии, постольку мы должны констатировать, в чем выражается султангалиевщина. Я должен сказать теоретически: определение султангалиевщины есть определение физиономии, облика правого крыла существующего, к сожалению, в рядах нашей компартии среди туземцев коммунистов. В чем же она выражается? Она выражается, во-первых, в систематической скрытной борьбе против преимущественного положения рабочего вопроса, т.е. эти коммунисты идут против преимущественного рабочего вопроса по сравнению с национальным вопросом. Они видят в этом вопросе экономическую централизацию, очень опасно и обижены, неосуществление конкретных национальных вопросов.

Во-вторых, боязнь количественного преимущества русского пролетариата, русских коммунистов, основанное на полном недоверии последним в разрешении национального вопроса. Вы знаете, т. Сталин в своих тезисах сказал: «Основной вопрос — это дело укрепления власти рабочих. После этого встает другой вопрос — более важный, подчиненный первому — вопрос национальный. Затем выводы т. Ленина; он говорит: в сравнении с рабочим вопросом подчиненность национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Султангалиевцы не согласятся никогда. Боязнь русского промышленного пролетариата и количества русских коммунистов была массовым явлением во всех восточных окраинах. Когда я, проезжая поездом ВЦИК «Красный Восток», в Самаре встретился с Заки Валидовым, который сначала всю Башкирию воспротивился против советской власти, а затем после переговоров перешел на сторону советской власти, мне говорит (тогда еще не была объявлена Татареспублика): «Боже вас упаси взять Казань в свою Республику, если вы объявите Татареспублику, вы можете обойти Казань, потому что иначе суверенитета татарского населения не будет, русские коммунисты и русский пролетариат будет в большинстве и будут вам диктовать все».

Я знаю туркестанских, киргизских, башкирских, бухарских и татарских коммунистов, и везде боязнь количественного превышения русских коммунистов, имеющая массовый характер. Вы знаете, как возникло Кокандское правительство в Туркестане, валидовское — в Башкирии, Забулачная Республика — Шура в Казани, Алаш-орда — в Киргизии, мусаваты — в Азербайджане. После ликвидации этих контрреволюционных националистических правительств был поставлен вопрос националистами об искусственном усилении и увеличении коммунистических рядов туземными коммунистами в противовес русским в численном отношении. В Туркестане, когда мы приехали поездом «Красный Восток» в 1921 г., количество туземных коммунистов дошло до пятидесяти тысяч человек. Муллы, буржуазия, царские переводчики, бывшие родоначальники, беки — все вошли в партию. Среди киргизских коммунистов были такие, которые имели несколько тысяч голов скота. Ни один коммунист, знающий революционное движение народов Востока, отрицать этого не может. Эти тенденции были и в Татарии.

После ликвидации Забулачной Республики бывшие туристы¹ и прочие всеми силами старались повлиять на компартию через вовлечение в нее националистических элементов.

¹ В документе опечатка, следует: шуристы.

В-третьих, как видите из докладов с мест, органическая связь, яхшание коммунистов правого крыла с туземной беспартийной интеллигенцией, отсутствие граней, которые должны быть между коммунистами татарами и между лицами неопределенной физиономии, как было сказано на московском партсовещании. Это чрезвычайно опасное явление для партии. Мы видели, коммунисты татары в Бугульме помимо Комитета партии сговариваются с черносотенцами, устраивают советы с муллами. Эти явления не частные, а массовые, в этом выражаются более сильные религиозные движения в Казани, чем в отдаленных кантонах.

В-четвертых, бесперывная, систематическая борьба «правых» в лице Султан-Галиева против коммунистов так называемых «левых» и полное недоверие им. Этого отрицать нельзя. Многочисленные приметы налицо.

Мы говорили на VII партконференции о выселении, перемещении, угнетении коммунистов, не сочувствующих действиям правого крыла. Ведь каждый из нас знает ответственных татарских работников (среди них имеются старые подпольщики с 1903-го года), которые безработны, — ясно, что недоверие им было полное, было больше доверия беспартийным, интеллигентам, иногда колчаковцам, чем партийному интернационалисту коммунисту.

В-пятых, блок султангалиевщины с кем угодно: — с беспартийным, с басмачеством, с агентами Турции и Персии, хотя бы с самим чертом — лишь бы осуществить националистические интересы. Это делалось и делается.

В-шестых, одним из основных моментов султангалиевщины можно считать отсутствие веры в долгие существование советской власти. Они не верят в прочность советской власти, стремясь в волнах революции спасти нацию целиком.

Я, как работник восточных республик, должен сказать — это есть, и это явление самое опасное.

Товарищи, я, конечно, не могу перечислить все моменты султангалиевщины, которые у меня имеются, ибо нет для этого времени. Я должен сказать, что преступность Султан-Галиева увеличивается еще тем, что он эту измену сделал в тот момент, когда ЦК принимал все меры для того, чтобы разрешить национальный вопрос мирным путем. Когда после гражданской войны ЦК поставил национальный вопрос во всех республиках во главу угла вопросов в целях правильного и безболезненного его разрешения. Если бы деяние Султан-Галиева было в 1918 году, когда была неразбериха во времени гражданской войны, можно было бы до некоторой степени подходить к нему с другой точки зрения, но теперь подобная измена недопустима. Смягчить ее наличие русского шовинизма не имеет никакого основания.

Товарищи, пару слов относительно борьбы против местного шовинизма. Я не касаюсь отдельных личностей, а только констатирую ту пропасть, которая имеется между националистическими элементами и коммунистами-интернационалистами в нашей партии.

Тов. Сталин на XII съезде говорит: «Татарские, грузинские коммунисты должны бороться против татарского, грузинского шовинизма; русские коммунисты должны бороться против русского шовинизма».

Несомненно, что русские коммунисты с огромным пролетариатом, проверенными старыми коммунистами свободно могут победить русский шовинизм. Я по опыту знаю: тогда ЦК из Туркестана целыми эшелонами высы-

дал царских жандрамов, бывших чиновников, миссионеров и даже тех коммунистов, которые не разделяли точки зрения компартии по национальному вопросу, заменяя их лучшими партсилами. Таким образом русские товарищи изживут отрывки русского шовинизма гораздо легче, чем коммунисты бывших угнетенных национальностей.

Вы знаете, товарищи, татарский пролетариат в ТССР имеется в 10% всего количества рабочих и служащих. По своему количественному соотношению дело обстоит еще хуже. Татарские коммунисты в нашей организации составляют 24%, а по своему качеству в большинстве мелкобуржуазные и интеллигентские элементы. Одними татарскими рабочими, одними татарскими коммунистами очень трудно вести победоносную борьбу против местной буржуазии и местного шовинизма, поэтому борьба против шовинизма должна быть делом всей организации.

Я хочу внести определенные директивы к словам тов. Сталина: «Инициатива в борьбе против местного шовинизма должна исходить со стороны местных коммунистов с серьезной, действительной поддержкой тов. русских коммунистов». С этими поправками можно согласиться.

Теперь в связи с этими событиями мы должны сказать, что действительно русские товарищи на этом вопросе не хотели серьезно ориентироваться. Московское партсовещание сожалело, что султангалиевщина как подпольная организация не была вскрыта местными областными организациями, с которыми она связана.

Так же мы должны сожалеть, что наш ОК остался в неудачном положении той деревни, которая по тем или иным соображениям не ловит своего конокрада, а поймают его в чужой соседней деревне.

Наша просьба к ОК, которая еще продолжает пользоваться авторитетом как высокая парторганизация — линию свою выпрямить и действовать так, как постановил XII съезд партии и как постановило партийное совещание по национальному вопросу.

Тов. Ганеев. Товарищи, из речей некоторых товарищей, особенно из последних слов т. Ахмадеева, создается такое впечатление, как будто ОК Татарстана заражен султангалиевщиной (*голос с места: неправильно*). Я не знаю, товарищи, для тех коммунистов, которые сидят в областной организации, насколько аттестация, которая дается со стороны некоторых товарищей, верна. Нельзя исходить из причин и делать выводы, что-то тут неладно, что там неладно и т.д. Нужно конкретно сказать, какие болезненные явления в организации есть, конкретно на них остановиться. Но если останавливаться так, как останавливались некоторые товарищи, то это будет необоснованная остановка, едва ли будут созданы то равновесие, та договоренность, которая была в организации. В 13 докладах кантонных работников констатировалась договоренность, отсутствие всякого антагонизма в организации, одновременно неправильный анализ некоторых товарищей, не может ли это создать некоторые ненормальные отношения в организации. Нужно глубже подойти, нужно по-марксистски подойти и сделать те или иные выводы. Если речь идет о Султан-Галиеве, то ясно, что решение ЦККА и решение совещания в этом вопросе является решениями достаточно авторитетными, достаточно наказывающими все поступки, которые имелись у Султан-Галиева, но если некоторые товарищи хотят свести вопрос до связи с басмачеством, то если

комитету дать такую аттестацию, тем работникам, которые здесь работают, то это будет обидно сказано. Если имеются такие явления, то во всяком случае, пока существует советская власть, пока существует коммунистическая партия, которая является гегемоном рабоче-крестьянской массы, они найдут место, они должны получить соответствующий отпор и наказание. На этом вопросе я так долго хотел остановиться.

У меня есть несколько практических вопросов для дальнейшей нашей работы. Мало, тт. Муслимов и Ахмадеев, говорить, что XII съезд постановил и что эти постановления нужно приветствовать. Не нужно сводить свою речь к тому, чтобы аннулировать постановления. Т. Муслимов говорит, что есть три тысячи пролетариата, воспитанного марксистски. Вот как раз мы не успели закончить статистику в Объединенно-Слободском районе, но мы знаем, что выше 2—3 разряда рабочих татар нет, иначе говоря, что, кроме чернорабочих, которые мало отличаются от крестьянства, у нас рабочих татар почти нет. По нашим словам что же выходит. Вы говорите, что основываясь на этом пролетариате, надо проводить работу. Будь мы обеспечены квалифицированным пролетариатом, этими тремя тысячами, мы бы могли проводить работу, но до этого далеко. В Туркестанской республике, где отсутствует фабрично-заводской пролетариат, после решения XII съезда партии, в эти районы начинают переносить крупные фабрики и заводы, чтобы создать ядро рабочих. У нас конкретно поставить вопрос переноса в Татарскую республику крупных заводов и фабрик, не знаю теоретически хорошо ли, но практически мы можем наметить линию, которая обеспечивала бы идеологию квалифицированного пролетариата. У нас есть школы фабрично-заводского ученичества. Из статистических данных видно, что в этих школах, где один, где два, где три, максимум 7% татарской молодежи, которая готовится для будущего заводского пролетариата. Что из этого вытекает. Если мы обратим внимание на броню молодежи, то мы здесь имеем три татарина подростка. Здесь придется в будущем заняться рядом практических работ в производстве, осуществление которых в 23 году может быть осуществимо в условиях нашей экономики. Здесь вопрос конкретно будет стоять. У нас есть некоторые постановления Бюро РКСМ и Главпрофобра, чтобы стремиться к тому, чтобы в будущем создать пролетариат, фабрично-заводской пролетариат. А сейчас говорить, что есть три тысячи, это будем заниматься самообманом. Ряду предприятий можно предложить поднять квалификацию существующего пролетариата, ибо имеющееся наличие рабочих 2—3 разряда, т.е. чернорабочих, указывает на их культурную отсталость. В международном дня работниц мы чествовали героев труда работниц, которые по 45 лет (с 15-летнего возраста) работали и продолжают оставаться на самой черной работе. Иначе говоря, старый капиталистический аппарат создавал условия, при которых всеми силами избегались чтобы татарские элементы получили квалификацию, ибо, если получает квалификацию, то его культура продолжает двигаться вперед. Вот ряд таких практических мероприятий можно было бы предложить в резолюции.

Товарищи, очень жаль, что во многих отраслях работы не имеем точной статистики. Недавно состоялся доклад Пороховой заводской культурно-просветительной комиссии, где в течение 6 месяцев израсходовано из сумм, которые отпущены, 35%, а татар там имеется около 30%. Объясняется это

низкой квалификацией труда, рабочие недостаточно обеспечены той работой, тем сдвигом, который для них в будущем обеспечивал бы достаточную работу.

Если такие мероприятия назовутся каким-то недоверием, углублением национализма, то т.глубоко ошибаются, не видят того, что у них под носом творится. Мы видим, что в кантонах деловая постановка работы. Если остановиться на Чистопольском кантоне, где было одностороннее освещение вопроса, то все же нужно сказать, что правильная работа в организации ведется. И моменты левизны и правизны — ясно как дважды два — в нашей организации я не наблюдал, чтобы наши работники не доходили до того, чтобы нарушить партийную этику. Повторяю, если так называемая султангалиевщина есть, то она доходит до рамок партийной этики, партийной дисциплины, ясно, если с ними борьба будет продолжаться беспощадная, то нельзя забывать, что так называемая левизна, доходит до пределов, как это имело место на II съезде, когда был случай с Алидовым и Касимовым, которые делали такие выходы, какие нельзя было назвать иначе, как контрреволюционными. Если они доходят до таких пределов, то отчаянная борьба должна вестись и с этим явлением.

Тов. Рахматуллин. Товарищи, на последние слова т.Ганиева надо сказать, что он рано заявляет об этом. Кто у нас создал революцию? Об этом может говорить человек, который мог оформить мнение нашей организации. Как всегда, инициатива в этом отношении началась из центра. Советание по этому вопросу дало богатейший материал. Теперь мы собрались здесь искренне, откровенно выявить, какие у нас в правых и левых отношениях имеются болезни. Как типичная форма левизны, в постановлениях совета указывается упрощение национального вопроса. Теперь, разбираясь не голословно, а с историческими данными, надо разобраться, какие у нас были течения, кто старался применять центральный метод и кто отвергал национальный вопрос. Мы имеем в прошлом историю официального собрания. Это есть первое Уральское совещание социал-демократов большевиков татар, его возглавлял Султан-Галиев. Там, наряду с другими вопросами, был рассмотрен национальный вопрос. Имея в своих руках отчет, я вам излагаю — это совещание поставило таким образом: «Принимая во внимание отсталость угнетенных национальностей, совещание признает необходимым и правильным предоставление права на автономию, на территориальную республику этим народностям.» Вот в таком виде было первое постановление. С этим постановлением выходит Султан-Галиев на работу среди национальностей. После всего этого Шамигулов оказался на стороне, отвергая всякий национальный вопрос. Султан-Галиев это продолжал. Первое совещание коммунистов татар в Казани было 8 июня 1918 года. Тогда коммунистов было мало. Здесь выявились два течения. Были некоторые малочисленные работники, отвергающие всякий национальный вопрос, выдвигали применение центральных методов работы. Другие признавали национальные особенности, признавали экономическую отсталость. Третьим местом, где разрешался национальный вопрос среди коммунистов мусульман, — это II съезд, где Султан-Галиев был в той же группе, которая защищала республику.

В чем заключается применение центрального метода работы? Надо констатировать, что он в начале был развит среди русских, не потому, что они

были шовинистами, не потому, что они не хотели идти навстречу угнетенным национальностям. Они не могли приспособиться к условиям работы среди отсталых национальностей и отвергли некоторые необходимые методы. Вот в этих трудных условиях первую работу начал Султан-Галиев. Далее, от типичных явлений т.Ахматиев указал. Но я еще скажу. Я имел в руках отчет первого совещания. Сайратдаров — коммунист с 1905 года, тогда не заявил против течения Султан-Галиева, говоря, что сторонники его вошли в партию и котят извращения нас. Там был спор по организационному вопросу. Были люди, более желающие создания отдельных коммунистических организаций: Саид-Галиев, Варден. Были еще течения, были люди из группы Шабибулова. Тов.Яруллин в официальных органах (газета «Красный Север» от 1918 года) констатировал, что на съезде имелись три течения: первое — люди, ориентировавшие на восточную ориентацию — утописты, второе течение — более-менее выдержанные партийцы, и третье — неразбериха, интернациональная каша так называемой группы Шабибуллина. Имеются исторические данные, взгляды на национальный вопрос, и обвинять таким выражением, как имел т.¹ из Мензелинского кантона, не годится. Нужно выявить болезни и потом подумать о мероприятиях, какие можно изживать. О репрессиях в нашей организации мы не думаем, мы думаем о более практических необходимых мерах.

Сагидуллин (Мензелинск). Товарищи, я не сумею дать такого материала, который нужен, так как доклад т.Живова и основные доклады с мест я не слушал. Довожу до сведений, что мензелинская организация приехала только сегодня, потому что вышел курьер — ОК не имел денег выслать телеграмму и мы получили телеграмму только через одного товарища, и подготовить совещание к нам никто не ехал, кажется в Челнах был т.Валидов, в Елабуге — т.Гибайдуллин.

Этим я хотел сказать, что выступаю с кондачка, и поэтому, может, доклад не удовлетворил требованиям, которые были поставлены на совещании. Подготовительная работа к совещанию нас не коснулась, в Мензелинске из ОК ничего не было.

Переходя к существу вопроса, начну с цифр. В Мензелинском кантоне число татарского населения равняется 132.279 чел., коммунистов татар, обслуживающих это население, 105 человек. Число русского населения 29.210, из них коммунистов — 85; у кряшен — 4208, число коммунистов очень мизерное — 3 человека; число мари — 2490, коммунистов — 3, чуваш — 337, коммунистов — 1, прочих — 219, коммунистов — 1. Число ответственных работников в городе по национальности: кряшен 2—3, татары составляют 50% всех ответственных работников городского масштаба. В кантоне всего 80% ответственных работников татар.

Если подойти к комсомольской организации, то скажу: приблизительно 65% в ней татары, дальше, подходя к тем аппаратам, через которых мы ведем работу, должен сказать о составе кантонного комитета партии, из 7 членов большинство — 4 человека — татары. В волости из 16 волостных ячеек 9 ячеек татарских, три смешанные, остальные русские.

Теперь о национальном вопросе. Национальный вопрос в Мензелинском

¹ Так в документе, фамилия не указана.

кантоне не стоял так остро, не доходил до кризисов, как в некоторых кантонах. У нас таких случаев не было. Т.Сабиров, который присутствовал на прошлой конференции, сказал, что работа среди татарского населения поставлена удовлетворительно, и надо перебросить силы на работу среди русских. Мы знаем, что очередной работой в Мензелинском кантоне является обратить внимание на работу среди русского населения, так как товарищи из русских гораздо слабже, чем татары. Если касаться взаимоотношений русских коммунистов-ответственных работников, то за последние годы они вполне нормальны. Если были случаи-вспышки великодержавного национализма, то эти случаи — вспышки своевременно получали отпор; они не вносили той болезненности, которую мы можем наблюдать в ряде других кантонов.

Главным аппаратом работы среди татар у нас является партийная школа и газета «Игенче» на татарском языке, которая хотя с некоторыми перерывами, существует в Мензелинском кантоне шесть лет. Подписчиков из татар имеем около тысячи человек; газета издается в одной тысяче с лишним экземпляров и разбирается нарасхват, крестьяне сами приезжают, сами увозят, даже никогда и почты не используем. Если касаться участия татарского населения в газете, то надо сказать, что в среднем получаем от крестьян около 700 писем ежемесячно. Приезжающие в город крестьяне считают обязанностью заходить в комитет, в редакцию (они вместе помещаются), побеседовать о своих нуждах, дать материалы, которые, по их мнению, необходимо поместить в газете.

Касаясь партийной школы, должен сказать, что партийная школа выпустила семь выпусков и начинаем восьмой набор, второй набор в качестве районной школы, обслуживающей соседние пять кантонов. За время существования уже выпущено около 300 курсантов. Как газета, так и партийная школа поддерживаются большей частью местными силами, местными средствами. Должен сообщить, что газета почти ни одной копейки не получает из ОК, существует на крестьянских спинах, которые вносят плату натурой. Денег не много дали, но с большими оговорками. В качестве оговорки ставилось то, что в 1921 году «Игенче» писала про Султан-Галиева, что он является генералом без армии.

Теперь относительно реализации Татреспублики и относительно реализации татарского языка. Мы реализацию понимаем большей частью так, что для этой работы необходимо подготовить соответствующих работников. Очагом подготовки является партийная школа и ТКУ, куда мы старались посылать больше курсантов, и, мне кажется, мы этого достигаем. Если мы посмотрим на областную партийную школу и на ТКУ, то видим, что мензелинские курсанты преобладают. Здесь также без дефектов дело не обходится. Мы нередко замечаем, что учебные заведения, которые должны служить базисом реализации Татреспублики, заполняются нежелательным элементом даже частью из «пчан базара¹». В дальнейшем придется напомнить некоторым товарищам, что пчан-базаризация не есть еще татаризация.

Теперь относительно антирелигиозной пропаганды. Думают, что антирелигиозная пропаганда среди татар не прививается, но мы на опыте убедимся.

---

¹Пчан базары — Сенной базар. В начале XX в. — с легкой руки классика татарской литературы Г.Тукая стало определяться как нарицательное выражение, означающее мещанство.

лись, что она не такая опасная штука, чтобы с ней нельзя было подходить к крестьянству. Мы опыт делали и порядочно достигли по сравнению с другими кантонами. Как было сказано на прошлой конференции, на местах отсутствует марксистская антирелигиозная литература, мы имеем только сочинение т. Атнагулова «О религии», изданное в Москве, и брошюру т. Сайфи «Об отделении церкви от государства».

Я хорошо помню, на прошлой конференции представитель челнинской организации т. Сагитов отметил, что религиозностью население заражается через Казань. Это можно подтвердить, потому что в Казани большинство религиозной татарской буржуазии. Это на самом деле так. Потом, некоторые наши наркоматы в некотором отношении дают поблажки муллам. Муллы иногда проникают в казанские учреждения и приезжают очень бодрые. Иногда это бывает, это придется сказать. Если нужны факты, я могу привести. Для работы нам мешали постановления Малой коллегии Наркомнаца, к счастью вдохновители этих постановлений Султан-Галиев ликвидировался. Вам понятно впечатление ноябрьского постановления о преподавании религии в мусульманских школах.

На днях вы знаете, был всероссийский мусульманский съезд духовенства в Уфе. Оттуда наши муллы приехали с тем взглядом, что высшие коммунисты верят в бога. Как видите, что солнце есть, так говорят и бог есть. В данном случае они имели в виду Султан-Галиева и Гисматуллина, которого командировал ЦК, которого горячо приветствовал съезд, как человека, указывающего пути работ муллам в Москве, как передал возвратившиеся делегаты.

Дальше, о марксистской литературе. Необходимость марксистской литературы всем понятна, и сейчас можно усилить издательскую деятельность. На прошлой конференции видели, какие календари были напечатаны. Тов. Шварц торжественно обещал, что календари были конфискованы, но я знаю, что на базаре ими бойко торгуют. Я хочу сказать, что Госиздат, Татпечать не должны заниматься такими штуками, а печатать марксистскую литературу.

Дальше относительно национального антагонизма на местах. Некоторые товарищи склонны надугивать, что на местах такой антагонизм, что работать невозможно. Я должен сказать работающим на местах слова, сказанные на партийной конференции — чтобы говорить о национальном антагонизме, надо его создать.

Дальше относительно экономического положения татар в Мензелинском кантоне. Мензелинцы ничем не отличаются от других кантонов. Отсталость, конечно, заметна, как везде, и при ориентировке в политической обстановке мы базируемся на экономических отношениях.

Мы должны видеть две вещи, разделять на две части: отсталость татарской национальности по сравнению с русской и России — по сравнению с западной Европой, и, исходя из этого, определить, какие отступления мы вынуждены делать в силу этой экономической отсталости татар.

Многие занимают¹ дискуссию 1890—1898 гг., когда покойному Плеханову пришлось выступать и доказать, что все-таки в России пролетариат есть, все-таки Россия способна делать революцию. Я говорю, разница между Россией и Европой скорей заметна, чем между русскими и татарами. Мы гово-

¹ В документе опечатка, следует: знают.

рим, что татары способны делать революцию. Пролетариат есть, почвы достаточно и уступок в этом отношении не надо много делать. Словом, нужно не запугивать себя большой отсталостью, хотя у нас не хватает своих плехановых.

Дальше относительно самовоспитания наших коммунистов. В кантонах самовоспитательная работа задерживается тем, что там отсутствуют резервы, товарищи все заняты, но я лично говорю, что если подходить к татарским коммунистам, они по уровню гораздо выше, чем русские в Мензелинском кантоне. Может быть, это исключительный случай.

В конце я должен оговориться, что мензелинцев все готовы обвинить в левизне, но насколько это будет справедливо? Мы левее постолько, насколько некоторые товарищи уклонялись вправо. Мы очутились налево, потому что некоторые товарищи ушли вправо и настолько, насколько мы левее шовинизма национального клерикализма.

Габидуллин. Товарищи, я хочу дать справку т.Сагидуллину, что я не вел никакой подготовительной агитации до созыва совещания. Здесь есть председатель Исполкома и секретарь канткома, которые подтвердят, что я в Елабуге совершенно не был. Я очень внимательно выслушивал всех участвующих в прениях. Товарищи выдвигали различные точки зрения, причем многие из них касаются личности или, вернее, деятельности этих личностей. Разговор идет о Султан-Галиеве и Саид-Галиеве. Кто говорит, что Султан-Галиев плох, а кто говорит, что Саид-Галиев плох. Говорить здесь о Саид-Галиеве, как о плохом члене партии, совершенно не приходится, и это, по моему, излишне.

По существу доклада т.Живова обсуждается вопрос о действиях Султан-Галиева и так называемой султангалиевщины. Я просмотрел предложения, которые единогласно утверждены Бюро ОКК и предлагаются вниманию совещания. В 3-м пункте говорится: целиком присоединиться к постановлениям совещания, обсудить преступную работу Султан-Галиева и призвать всех коммунистов ТССР к изживанию остатков султангалиевщины и к более решительной борьбе с возможными уклонами к национализму. Конечно, говорить о Султан-Галиеве, как о хорошем члене партии, имеющем крупные революционные заслуги, не приходится. Я сталкивался с ним еще в 1918 году, когда существовал Центральный комитет так называемой Мусульманской коммунистической партии. Тогда еще Султан-Галиев говорил, что нам необходимо отмежеваться от русской организации, имеющей тенденцию к русотяпству, и необходимо иметь организацию в лице особой коммунистической партии, причем эта партия должна быть единой Восточной коммунистической партией. Эта тенденция существовала до съезда народов Востока в Баку. Там выдвигалось аналогичное же требование со стороны некоторых товарищей, близко стоящих к Султан-Галиеву, причем доказывалось, что Российская коммунистическая партия не может вести за собой постоянные массы. В этом заключалось, конечно, колоссальная ошибка; в десять минут трудно говорить и разбирать исторические моменты, предшествующие движению, именуемое султангалиевщиной, но в том, что султангалиевщина пустила глубокие корни, в этом нет никакого сомнения. Мне удалось просмотреть отчет Всероссийского московского совещания. Там в своем выступлении т.Куйбышев подробно говорит о выступлении т.Енбаева, причем

указывает, что Енбаев совершенно не отмежевался от Султан-Галиева. После этого совещания я имел частную беседу с т.Мухтаровым. Т.Мухтаров определенно заявил, что делегация Татарской республики и мы в том числе целиком отмежевались. Я бы хотел в заключительном слове докладчика получить исчерпывающий ответ по этому вопросу. Кроме того, в отчете упоминается, что т.Мухтаров имел шифрованную переписку с Султан-Галиевым, я бы хотел знать, как ЦИК и Совещание реагировало на это, и как реагирует областком. Я солидарен с постановлением совещания, что Султан-Галиева можно освободить и использовать на советской работе. Может быть, это с точки зрения ЦИКа. Теперь перейдем к вопросу национальному в нашей организации. Данное совещание авторитетно, потому что здесь собрались самые лучшие ответственные работники, но я опасюсь, что оно не идет по пути устранения ненормальных явлений в организации. Ненормальности эти заключаются в том, что «правые» говорят, что «правых» нет, а есть «левые», которые мешают работать, и наоборот. Те и другие утверждают, что есть только члены партии. Вопрос о правизне и левизне остался в нашей организации до сего времени неразрешенным. Совершенно правильно некоторые товарищи говорят, что ОК недостаточно внимательно изучил национальный вопрос в нашей специфической обстановке. После второго Всетатарского съезда Советов Контрольная комиссия приступила к изучению этого вопроса и начала собирать материал. ОК ставил вопрос таким образом, что есть течения Татреспублики, и их во что бы то ни стало надо изжить. Для этого было предложено обоим сторонам доклады об истории группировок и роли их в революционном движении среди татар. Материалы были переданы и, вероятно, хранятся в секретном ящике ОК, но вопрос группового течения не обсуждался ни в одном, даже узкопартийном, кругу. Если были нетоварищеские отношения со стороны некоторых «правых», то на это Областной комитет в известной степени реагировал. То же явление наблюдалось в то время, когда в организации имели решающие значения «левые» интернационалисты. Тогда был совершен ряд ошибок в виде массовых арестов татарских работников после покушений на т.Саид-Галиева, причем Комиссия ВЦИК под председательством Каменского после тщательного расследования при докладе в президиуме указала на этот факт, как неправильные действия. Нужно сознаться, что групповая борьба сильно подрывала нашу партийную и советскую работу. Такие явления наблюдались и в кантонах, в частности, в Буинском кантоне.

На I съезде РКП обсуждались все выдвинутые платформы по национальным вопросам. С одной стороны, выступали группы националов, а с другой — «левые» интернационалисты, причем характерным для момента являлось положение Грузии. Там групповая борьба была более резко выражена, нежели в Татарии, видимо потому, что Грузия имеет больше особых бытовых условий. В конечном итоге XII съезд национальный вопрос разрешил окончательно.

Авторитетное совещание при ЦИКа определенно решило, что Султан-Галиев является предателем, контрреволюционером и подлежит тяжелой ответственности. Он исключен из партии навсегда, поэтому о нем персональ-

¹ Так в документе, следует: XII.

но разговору быть не может. Что касается остатков султангалиевщины, то она пустила корни не только у нас, но и в других автономных республиках. В своем высказывании т.Сагидуллин и другие критиковали действия Областного комитета, указывая на слабую борьбу с панисламистическим движением, религиозными предрассудками, борьбу с клерикальным духовенством. Это еще было поправимо всегда, так как конференция дала директивы Областному комитету вести решительную борьбу с этими явлениями, и Областной комитет эти указания выполнял. Беда в том, что все разговоры по национальному вопросу ведутся где-то в кулуарах. Вот здесь это авторитетное совещание должно разрешить вопрос, каким образом вести борьбу с султангалиевщиной в пределах Татарской республики. В резолюции говорится, что нужно вести борьбу нормальным путем, как понимать нормальный путь, какие случаи ОК констатировала султангалиевщиной в нашей организации? Этого нет, об этом т.Живов не говорил. Теперь, переходя к некоторым моментам, нужно указать, что говорил т.Чанышев о положении в 1920 году, в первом году объявления Татарской республики, что тогда что-то происходило, что-то неладное с национальными вопросами. Я помню, в 1919 году, далеко до объявления Татарской республики, здесь проходила губернская конференция коммунистов мусульман, откуда мы извлекли сотрудника Чека, посланного узнать, не творят ли чего-либо худого коммунисты мусульмане... Я имел разговор тогда с заведующим секретно-оперативным отделом Губчека Михайловым, ныне исключенным из партии, который меня спрашивал, что там эти татары делают, может быть, республику создать хотят. Аналогичные факты были и на губернских съездах Советов. В ноябре 1919 г. мне пришлось участвовать на II Всероссийском съезде народов Востока в Москве. Там обсуждался татаро-башкирский вопрос. Единичным лицом, который голосовал против каких-то ни было республик, был Саид-Галиев и еще несколько товарищей, а товарищ Яруллин, о котором здесь говорили, как о чересчур «левом», в том числе персонально я, голосовали за республику. Условия Казанской губернии были по отношению к татарской массе настолько тяжелы, что принуждали нас, татарских коммунистов, выдвигать лозунг о провозглашении Татарской республики. И даже факт объявления Татарской республики не разрешал еще национального вопроса для татар.

Здесь на совещании бросали упрек Саид-Галиеву в том, что была проведена чрезмерная продразверстка. Спустя пару лет, когда высчитали, что если бы была нормальная обстановка работ, то с татарского населения продразверстку можно было бы взять гораздо меньше. Этого отрицать никто не может. Саид-Галиева можно было бы оправдать тем, что он это делал по революционному сознанию, но то, что Татарская республика была лишь фикцией, этого ни один работник тоже отрицать не может. В то время мы имели сплоченное гнездо, когда областной комитет занимался разбором всевозможных дел. Я помню, как секретарь областкома Лидэ говорил председателю ЦИКа Мансурову: «Да что вы понимаете в национальном вопросе, я больше вас знаю». Были «знатоки» и не знатоки этого вопроса. Товарищи, и сейчас не будут отрицать, что иногда было чрезвычайно мало обращено внимания на фактическую реализацию татарского языка в Татарской республике. Декрет о реализации татарского языка начинают проводить ныне, но он еще был принят в феврале 1921 года, лишь не проводится в жизнь. Здесь, на этом совещании нам нуж-

но разрешить навсегда вопрос — будет ли продолжаться в нашей организации групповая борьба. Мне кажется, необходимо группировки окончательно изжить. Если есть уклоны к национализму, Центральный Комитет и Всероссийское совещание предлагают с ними вести борьбу, и если начинаются уклоны влево, которые выявляются в форме демагогии, как это имело место на II Всетатарском съезде, это тоже нарушает условия партийной работы, и с этим «левым» явлением надо бороться, и та срединная линия, партийная линия, которая указана центральным совещанием, является наиболее правильной, и надо найти безболезненные пути для ее проведения в условиях Татарии.

Валидов. Товарищи, мое показание, как занимающего семенами и случайными пунктами¹ может быть смешно, что я участвовал на таком авторитетном совещании, чтобы зафиксировались мои слова, чтобы показать, что я жил в это время. Товарищи, последние выступления сегодняшнего дня начинают напоминать игру в «будана»; она заключается в том, что пускают птиц, смотрят, как они дерутся и больше ничего, а потом сами начинают драться. Маленькая опасность может быть и здесь — как бы к драке не подошли. Выступают — были какая-то организация, правизна, левизна, а вы оценку даете тому, что три года существует ТР без Саид-Галиева. Что вы, коммунисты, после Саид-Галиева плачете, умрет другой, третий, а пролетарская революция останется. Надо более спокойным быть, что вы с этим бегаете, пожар что ли случился? Подойдите к вопросу, чем было вызвано то и другое, что есть, что победило, если хотите марксистами быть, встаньте на марксистскую точку зрения. Нечего корчить, что коммунистами стали, ни один малый не поверит, все мы только начинаем учиться. Мы начинаем в восточных республиках пролетарскую идеологию. Наше совещание собралось не для того, чтобы сводить личные счеты, давайте говорить, это опасная штука, партийные съезды говорили, чтобы склок не создавать, т. мензелинцы они всегда выступают здесь, чего они ищут после Саид-Галиева? Разве без вашего участия здесь работа не шла? Разве вы контрреволюцию собирались вскрывать, значит, султангалиевщина есть, якобы выходит так, она была в период после X съезда до XII съезда партия. Причины важны были, и если в резолюции говорится, что здесь с басмачеством хотели связаться, и если вы намекаете, то говорите, и если хотите искренне выступать, то говорите. Если мы заметим султангалиевщину, то мы обеими руками будем бороться, но из этого не надо создавать склоки. Мы работаем и мы знаем, что в аппаратах у нас 45% черносотенцев с монархической идеологией, через которых мы проводим работу, они при наших склоках восторжествуют, нужно вопрос поставить так. В сущности, говоря о султангалиевщине, полагал бы что если в ТР было стремление противосоветское, противокommунистическое, то нужно было его искоренять, раньше и если оно сейчас имеется, с ним нужно энергично бороться. Но только в формулировке 3 пункта как будто говорится, что это обнаружено, что известные элементы султангалиевщину задевают, здесь немного это смешивают. Но если этого нет, а по выступлению т. Живова, ответственного секретаря, что этого нет, этот вопрос надо пересмотреть, а осечки не давать, более осторожно подходить к решению. Соответственно к этому 3 пункт надо перередактировать.

¹ Так в документе.

Тов. Забицкий. Основным вопросом, который был поставлен на национальном совещании в Москве, было дело Султан-Галиева. Это был основной стержень, вокруг которого располагались прения, вокруг которого были попытки выступления тех или иных группировок. То же продолжается и здесь у нас на совещании в Татарской республике. Дело Султан-Галиева, как оно было поставлено докладчиком тов. Живовым, для нас в общих чертах достаточно ясно. То постановление, которое было принято национальным совещанием и ЦК по этому вопросу, оно тоже отвечает по существу этого вопроса. Нужно было бы сейчас, углубляя вопрос, разбирая его в условиях татарской республики, поскольку в последней имеется намек на султангалиевщину, разделить его на две линии.

Первая линия — работа по национальному самоопределению в рамках советской власти. Причастен ли Султан-Галиев как бывший член Коллегии наркомнаца к этой работе — да, причастен и даже очень. Причастны ли товарищи, которые сейчас работают — да, причастны, это единомышленники. Вопрос с национальным самоопределением пошел в глубину масс, является культурно-экономическим вопросом и, следовательно, должен искренне, осторожно, с директивами партии считаясь, проводиться в жизнь.

Вторая линия — это тот криминал, который имеется в деле Султан-Галиева. Это связь с антисоветским элементом, связь с басмачеством, которая как целое законченное дело, может быть, не осуществлена, но определенно выявлены попытки, которые получили полное осуждение со стороны высших партийных органов и со стороны национального совещания.

Таким образом, по первой линии наша работа не расходится с постановлениями 12-го съезда, не расходится с постановлениями национального совещания, которое несколько углубило постановку вопроса на 12-м съезде.

По второй линии наша организация должна категорически отмежеваться от каких бы то ни было искривлений в правильном разрешении национального вопроса, наша организация должна категорически высказаться самым осуждающим образом по адресу Султан-Галиева. Таким образом, товарищи, не нужно смешивать в кучу, не нужно мутить воду, чтобы не видеть источников, откуда это происходит. А такие попытки делались на совещании в Москве так называемыми левыми и правыми, насколько можем судить по материалам, которые давал докладчик. Не удалось познакомиться в достаточной мере, изучить их (материалы), чтобы проникнуть в существо второй линии, так как она неожиданна для Татарской республики, что справедливо подчеркивали товарищи. Что касается остатков султангалиевщины, этот анализ нужно иметь в виду, тем более, что имеется в резолюции относительно борьбы с султангалиевщиной у нас в Татарии. Если говорить о связи с басмачеством, то таких уклонов у нас нет. Если говорить о расширительной, углубительной работе в связи с национальным самоопределением, то это имеется. Поэтому смешивать это в одну кучу не приходится. Поэтому, говоря об остатках султангалиевщины, надо выявить здесь документально и тогда говорить о борьбе с султангалиевщиной.

Другой вопрос об ориентации правых и левых. Тут есть материал, на основании которого можно говорить, материал в виде постановлений совещания в Москве. Он говорит, что партия объявляет решительную борьбу со всякого рода уклонами, правым и левым вокруг национального вопроса.

Вокруг этого вопроса должно быть искреннее проведение всех постановлений 12-го съезда, углубленного совещанием. Эта ориентация на «правых» и «левых» выявилась в речах некоторых выступавших ораторов, причем как те, так и другие стараются откеститься от ориентации, а между прочим она существует, и горе наше в том, что мы припутываем имена, которые играли историческую роль в истории Татарской республики — Саид-Галеев и Султан-Галиев. Припутывая эти имена, наши товарищи пробовали проводить какой-то водораздел, какую-то глубокую линию между одной и другой стороной, углубляющую борьбу, которой быть не должно. Относительно этой ориентации тов. Троцкий в своем слове на национальном совещании говорил, что такая ориентация вредна, она не обязательна, она не нужна, она мутит, затемняет решение вопроса национальной политики, проводимой на окраинах республик, потому что истина посередине.

Доклады с мест. Что мы слушали от докладов с мест. Товарищи выступали совсем неподготовленными, поэтому нельзя было требовать углубления вопроса, но тем не менее мы слышали от товарищей много ценных замечаний. Прежде всего, что можно вывести из докладов. Все в один голос говорили, что линия ОК взята по этому вопросу правильно, особенно углублена и закреплена на 7-ой конференции, которая продолжена 12 партийным съездом. Эта линия проводится так или иначе на местах. Ясно, что недомыслие по национальному вопросу может быть на местах.

Тов. Троцкий и другие правильно ставили вопрос о культурно-просветительской работе на местах, и ясно, что многое придется сделать по национальному вопросу. Второе, что выяснилось из докладов с мест, это полное отсутствие корней султангалиевщины в кантонах, потому что нет товарищей, которые не доверяют партии по национальному вопросу. Есть товарищи, которые более или менее правильно разрешают, другие не так правильно понимают, это есть наш недочет, но чтобы не доверять директивам партии — этого мы, товарищи, не можем констатировать. Тут уже в прениях некоторые товарищи пробовали нажать капиталец, открывая старые раны, старые счета, заявляя, что вот когда-то мы говорили, начинают, как мячиком в футбол, перекидываться этими словами.

Нужно сказать, что вопрос о борьбе сторон для нас очень наболевший, путать, смешивать его никак нельзя, нужно ясно понять, осознать линию ОК и ЦК партии. Тем товарищам, которые уклоняются в излишнюю левизну сказать то, что сказал Коминтерн — что нигилизм в национальном вопросе под прикрытием интернационализма есть проявление меньшевизма, пережиток II интернационала. Это именно то, о чем мы далеко в революции не уйдем, иначе Восток отколет, так как нет средней линии. Встает вопрос о взаимоотношении с крестьянством. Нельзя ОК партии обвинять, что он слабо проводил антирелигиозную пропаганду. Нужно помнить, что вопросы религии в деревне стоят слабо, чем они стоят у городского пролетариата.

Два слова о татарском пролетариате. Этот пролетариат у нас слаб. Это я могу сказать, как товарищ, поставленный партией во главе хозяйственного учреждения. Я подсчитал по ТСНХ, сколько привлечено татар в аппарат. Мы насчитали до 20% татар. В общем числе рабочих и служащих эта цифра ничтожна. В прошлых годах этого не было, цифра доходила вряд ли до 10%.

Промышленность наша не нуждается в переносе крупных фабрик и заводов. Они у нас есть. Нашему ТСНХ придется много поработать по созданию татарского пролетариата.

Фасхутдинов. Направление доклада тов. Живова носит несколько неправильный характер. Постановка самого доклада несколько кривая, если можно так выразиться. Здесь если бы мы в такой плоскости стали обсуждать, как поставлены доклады, то вероятно больших достижений не имели бы, ибо здесь ни одного слова относительно реализации постановлений XII партсъезда, как видно по национальному вопросу, не говорится, но об этом приходится сожалеть. Теперь я хочу сказать несколько слов левизны и правизны. Здесь мне кажется, что в своих рассуждениях некоторые товарищи ошибаются. Они слышали, что в Бухарнии¹, Туркестане водятся «левые» и «правые», но малоизвестно, я бы сказал, кого представляют «правые» и «левые» бухарские. Ни в коем случае нельзя смешивать татарских «правых» и татарских «левых» и бухарских «правых» и «левых». Здесь, товарищи, вопрос всецело зависит от того где есть экономическое развитие, где таковое находится в первобытном состоянии как в Бухаре, но и здесь и там видя и «правых» и «левых». Почему? Да потому, что в ТР имеется экономическое неравенство между населяющими эту территорию. Отсюда всякие трения в Бухаре, остатки малобухарцев-националистов, поэтому там может быть несколько иная подкладка там правда есть новые и старые города, население старых городов — колонизаторская политика новых городов несла экономические тяжести (нужно иметь в виду первое). Товарищи пользуются, когда говорят актом существования бухарских правых и левых, но никакого сходства между правыми и левыми Татари и Бухары быть не может. Правые в Бухаре являются бывшими купцами, ни в коем случае не подходящими в рамки коммунистической партии. Левые — это люди, которые опять-таки не желают считаться с теми условиями, с которыми приходится работать там. Зло вопроса для нас в том, что мы поздно, только тогда когда получили постановления XII партсъезда, заговорили об экономическом неравенстве. Но только заговорили, ибо на деле ничего не сделали.

Если возьмем ТР, то мы говорим, что экономическое неравенство есть. Но кто сделал и что сделал, чтобы устранить неравенство. Возьму профессиональные организации, там товарищи знают, что рабочие татары не являются истинными рабочими-пролетариатами, они в прямом или косвенном отношении связаны с частной собственностью, они связаны с деревней, нет настоящего татарского пролетариата. Это происходит только потому, что рабочие татары являются посыльными, курьерами, но на такой работе где бы могли квалифицироваться, их нет. И наши профсоюзы этим вопросом или не хотят заниматься или такого положения не видят. Здесь вчера выступал товарищ из Объединенно-Слободского района, говорил, что мы проводим татар при выборах в организации, в общем типш да гладь, нет, не так хорошо обстоит дело там. Я помню заявление татарских беспартийных рабочих, которое попало в ОК. В этом заявлении излагалось совершенно противоположное, приведу несколько общих фактов. Часть заводов почти целиком заполнена поденными рабочими татарами. Это своего рода ненормально. Когда мы начи-

¹ Так в документе, следует: в Бухаре.

наем говорить о необходимости создания татарского квалифицированного пролетариата, на это нужно обратить внимание, начать нужно с РКСМ, с брони подростков и фабзавуча. Вопрос обсуждался не раз, чтобы пересмотреть броню подростков. В РКСМ тоже стоял вопрос о том, чтобы броню подростков пересмотреть. Все соглашались, что нужно пересмотреть, но когда натолкнулись на вопрос, как нужно проводить, тут ясно, что проводить пересмотр можно тогда, когда русская молодежь потерпит ущерб, ибо только за счет той молодежи, которая находится на производстве, можно провести в производство татарскую молодежь. С этим не хотят согласиться. И профессиональные союзы не могут натолкнуть соответствующие организации на это, а это самая главная работа.

Тут осуждали «левых» и осуждали «правых». Я бы сказал лично, что можно наравне осуждать и тех, и других. Возьмем «левых». Принимая во внимание то, что мы видим ряд перешедших на сторону басмачей вроде Назира Арифова, которые в тот момент, когда басмачи подошли к воротам Бухары, сумели уйти из наших рядов и продолжают теперь вести активную работу у басмачей. Если взять татарских «левых», за ними есть кое-какие грешки, которые подходят к уклону меньшевизма. Когда они говорят, что существование ТР есть явление ненормальное — это уже есть уклон от общепартийной линии. Вот в этом есть некоторый грех и большой грех тех коммунистов, которые называют себя «левыми». Теперь о «правых» — возможно, что тут некоторые и спасались. Если по косточкам разобрать, то может они и не подходят к коммунистической партии, но неправильно исходить из этого факта, когда осуждают всех коммунистов, которые называют себя правыми. Мне кажется, что это, несомненно, происходит потому, что был чуждый элемент, который присоединился к ним, но есть товарищи, которые безусловно верно понимают все директивы, исходящие из центра, в этом надо разбираться, в особенности после 12-го съезда. Нужно сказать, что есть несколько принципиальных решений партийных съездов, есть материал, который должен неуклонно проводиться в жизнь.

Тут попутно разбирали вопрос, является ли Султан-Галиев вождем татарского пролетариата. Ясно, что нет. Войдите в какой угодно завод, может найдете сознательного рабочего, и он скажет вам нет. Он не был массовым вождем, но если зададимся вопросом, насколько является вождем тов. Саид-Галеев, тоже вам скажут — такого мы не знаем или знаем, потому что он много работал в Казани и о нем кричали.

Нужно заняться теперь укреплением наших партийных рядов, нужно заняться работой среди молодежи, в процессе своей работы, которые будут иметь законное обоснование называться вождями.

Якубов. Кажется все товарищи следят за тем, кто защищает Султан-Галиева, кто его осуждает. Если бы тому назад 2 месяца поставить вопрос об отношении к Султан-Галиеву, тогда можно было бы узнать, кто с ним, кто против него, этого не случилось; узнать теперь очень трудно.

Теперь я хотел сказать несколько слов о левизне и правизне.

Я не знаю, как понимают левизну: так же, как понимал один из товарищей на одном совещании ответственных работников, во время выборов ОК, тогда я высказался против его кандидатуры, он мне рекомендовал прочесть брошюру т. Ленина о левизне в партии и выразился: «дескать», долго будем

терпеть таких людей, как Якубов, если возможно так понимать, что у нас есть такие товарищи, которые не могут доверять по некоторым соображениям массовую партийную работу в Татарии, то, мне кажется, в нашей организации нет левых коммунистов, есть, быть может, только неуважение со стороны некоторых товарищей, неуважение к большим личностям. Если говорить относительно правых, то таковых вернее было бы назвать не членами партии, а просто попутчиками, возможно, что и сейчас есть такие в Казанской организации (*вопрос с места: Скажите, кто сейчас есть*). Я хотел дополнить слова т.Ахмадеева относительно боязни некоторых товарищей большинства русских коммунистов, я это понял с того момента, когда была I конференция коммунистов татар Татреспублики, где, между прочим, по докладу т.Усмано-ва о текущем моменте, была им же предложена резолюция, где говорилось: «требовать от ЦК РКП(б) отсрочки учредительного съезда на месте, и объявление партийной недели исключительно для татар». Была на другой день ли эта резолюция проголосована, не помню (*голос с мест: Была*), но помню после этого (т.к. было перенесено принятие резолюции на другой день) было созвано кооперативное совещание на квартире т.Усмано-ва, а другой группы в I Доме советов, где очень усиленно агитировали за эту резолюцию, конечно, делегаты Мензелинского кантона и некоторые другие протестовали против такой резолюции.

На этой конференции было много характерных моментов. Члены президиума той конференции и сейчас являются членами ОК. Там были, например, такие возгласы: «Надо нам организовать крестьянскую коммунистическую партию, а нам президиум на это никаких замечаний не делал. Тут же был и т.Фирдевс, Султан-Галиев. Характерно было и то, когда наше избранное на этой конференции, так называемое мусульманское бюро занялось утверждением постановлений съезда мулл Камского края. Товарищи, эта конференция была подготовлена. У нас был некто тов.Халитов, который был командирован из Мусульманской военной коллегии представителем Татреспублики; ему очень хотелось, когда выбирали на I областную конференцию коммунистов татар, чтобы были посланы главным образом коммунисты из деревень, но это ему не удалось. Мы послали со стажем не менее одного года. До сих пор так открыто не мог выступать, а теперь, когда созвано в связи с предательством Султан-Галиева авторитетнейшее совещание, можно громко заявить, что продолжавшееся до сих пор некоторое недоверие оказалось верным. Хотя после татарской конференции, когда я еще был в Мензелинске, были у нас очень резкие постановления, требующие партийного суда по отношению к некоторым товарищам, но все же я бы лично этого сейчас не говорил, быть может кое-кто думает об этом, я не хочу подвести под рубрику Султан-Галиева всех тех, кто были с ним каким-нибудь образом связан. Поскольку эти товарищи будут работать под руководством ОК, который будет следить за каждым шагом и не будут уклоняться и делать ошибки, постольку они могут работать в Татарии и на советских работах, и к ним нужно подойти осторожно.

Потом хотел сказать о том, что некоторые товарищи стараются убеждать везде и всюду, что татарского пролетариата рабочих нет (по какому соображению, не знаю). Мне кажется, такое доказательство совершенно не верно. Я полагаю, самой верной справкой является справка т.Кабичко-го, предсе-

дателя¹ ВСНХ; он говорит: «в Татарии рабочих татар 20%, следовательно, нечего голову ломать и доказывать, что нет рабочих татар, а есть только татары».

Потом упреки о реализации татарского языка. Мне кажется никто не возражает против реализации. Я не слышал ни от кого. Потом об экономическом положении татар тоже никто не говорит, что татары одинаковы с русскими крестьянами, только не так уж страшно, как о нем говорят некоторые товарищи».

Павлов. Товарищи, разбираемый здесь вопрос касается и РКСМ и ТР. Здесь надо остановиться на вопросе о вождях. Как это может отразиться на союзе. Как нужно относиться к товарищам, которые работали в союзе. Разбирая национальный вопрос, нельзя говорить о работе только среди взрослого населения, надо остановить внимание на молодежи, которая занимает в сущности одну третью часть всей Татарии. Она руководится довольно большой организацией комсомола и маленьким ядром членов партии — активом нашего союза. Вопрос о воспитании в коммунистическо-интернациональном духе должен стоять в организации серьезно, самые практические мероприятия его должны проводиться в двух направлениях, о которых говорили еще вчера, которые подтверждаются нашими вождями Троцким и Зиновьевым; они заключаются:

1) в вовлечении молодежи в комсомол, правильном воспитании. Я, останавливаясь на тех вариантах, которые делают некоторые зарождения в организации, хотя бы со стороны некоторых партийных организаций. Вчера я не мог дать цифры о состоянии областной организации РКСМ, сегодня это дать сумею. Татарская организация Союза молодежи год тому назад состояла из 740 человек той молодежи. Теперь имеет 1777. Прирост больше чем на 1000 человек. Актив в прошлом году состоял из 16 человек татар, а теперь 51. Прирост актива происходил не за счет интеллигентной молодежи, а за счет рабочей молодежи, которая гораздо плодотворнее ведет работу. Некоторые товарищи затрагивали вопрос о броне в школах завуча. Приблизительно цифры говорят, что в промышленности занято 4150, из них 519 человек молодежи татар от 14 до 26 лет, т.е. союзный возраст, который должен охватиться нашим Союзом. Исходя из этих цифр, можно судить, что нужно сделать практически. Надо сказать, что проведение практической работы зависит от того, насколько поможет партийная организация, насколько уделяет внимания и насколько близко подходит к решению этого вопроса. В практике бывают и такие ненормальности, когда члены партии, работающие в союзе, не чувствуют себя членами партии, не чувствуют ответственности в той или иной линии, в той или иной работе. Это чувство не ответственности приводит подчас к тому, о чем говорили, т.е. к заражению активного ядра. Отклонением вправо и влево совершенно недопустимая вещь. Иметь такие группировки в источнике новых кадров туземных работников. Когда работники союза встают на ту или иную платформу, получают трения, групповая борьба в результате опасность отражения этой борьбы на массу.

Здесь товарищи задавали вопрос насчет почетных комсомольских вождей, вроде Султан-Галиева, которые как будто проникли в Союз. Относительно

¹ Так в документе, следует: представителя.

вождизма надо сказать, что татарская организация занималась этим вопросом, что у организации должны быть местные вожди. Но когда этот первый урок ставится в таком расшифрованном виде, мы сможем дальше этого не допускать.

Останавливаюсь на отдельных моментах относительно почетных комсомольцев. Выделение вождем Султан-Галиева показывает, что комсомол довольно оторван и попал в курьезное положение, что выделяет вождем, кого на другой день арестовывают, отсюда вывод — руководящее ядро союза должно быть всегда в курсе всей внутрипартийной жизни. Наша организация в практической работе пошла дальше некоторых единичных организаций. Взять хотя бы Бугульминскую организацию. Партийная организация имеет меньший процент татар, чем комсомольская. В Чистопольской и Елабужской организации то же самое. Это говорит за то, что при тех или иных направлениях в центре союза практическая работа велась, это сказывалось в том, что мы шире охватывали татарские массы. Я хочу перейти на практические вопросы — первый то, что в наших организациях союза могут получиться неблагоприятные явления, когда комсомольская организация может разойтись с партийной. Эти случаи могут быть. Расхождения были, в 2—3 кантонах может получиться и в некотором активном ядре — это потому, что партийная организация мало занимается изучением жизни и работы комсомольской организации. Надо усиленно обращать внимание на разрешение тех вопросов, которые стоят в нашем союзе. И наше представительство не должно носить официальный характер, который был до сего времени, а полным посредником между партией и комсомольской организацией. Относительно материальной поддержки и говорить нечего. Всероссийская конференция союза столкнулась с вопросом о работе среди молодежи. Она поставила вопрос работы союза молодежи на национальных окраинах. Там пришлось молодым членам партии разбираться в этом вопросе и наметать практические мероприятия, в осуществлении коих партии придется оказать существенную поддержку, хотя бы в вопросе воспитания молодых кадров.

Ведь основной источник — это союз молодежи. Следовательно, поддержка союза партсилами, вообще моральная и материальная поддержка должна на деле осуществляться.

Иногда наши организации выносят неправильные решения, но партия не учитывает это вовремя, морально не поддерживает. Это не укрепляет организацию. Иногда бывали случаи, когда комсомол в результате не сговаривается с партией.

В дальнейшем союз имеет вопрос, который необходимо решить при помощи партии, это вопрос о народном образовании. Вторая часть национального вопроса в смысле воспитания и обучения нашей местной молодежи и вопрос вовлечения татарской молодежи в производство. Комсомольская организация ставит его очень серьезно, этот вопрос нужно согласовать с интересами пролетариата и интересом промышленности, который проходит через хозяйственные органы. Партия в этом серьезно должна заняться. Остановлюсь, что взгляд Свияжской организации о том, что партийная организация не доверяет комсомолу — не верен. Партийная организация должна смотреть, чтобы молодые члены партии не свернулись, но они должны доверять. В заключение я говорю о том, что самое главное, которое будет устраивать по-

ложение, это совместная работа, органически связаться с партийной организацией через руководящее ядро, которое бы знало все маневры, которые делает наша партия. Если она их не знает, то может уклоняться в неправильную сторону. Вот те вопросы, которые стоят перед Вами.

Мансуров. Товарищи, здесь, на совещании, национальный вопрос получает такое освещение, когда он подвергается освещению под призмю личности, здесь мы на каждом шагу говорим о Саид-Галиеве и Султан-Галиеве. Такая постановка, мне думается, не удовлетворяет совещание, тем более это совещание должно дать такие мероприятия, которые мы еще не имели под руками в развитие тех постановлений, которые мы имеем. Что мы имеем? Постановления VIII, X, XII съездов партии, имеем постановления V и VII областной конференции и пленума ОК. В развитие этих постановлений это совещание должно было изменить линию, которой мы должны придерживаться в повседневной работе. Товарищи, здесь говорят о вождах. Некоторые товарищи очень убедительно выступали, ругаясь за все запятые и за все точки. Говорят, что Султан-Галиев считался вождем, что его считали вождем татарского пролетариата. Я охотно писал статьи о различных праздниках, как о годовщине ГПУ и его съездах, и когда писал статьи в «Коммунистическом пути» — в татарском журнале, который я редактировал, там не писалось ни одной статьи, которая бы считала Султан-Галиева вождем. Если этого нет, то можно ли говорить о такой линии? Вопрос о вождах исчерпывается очень просто. Исчерпывается пулей красноармейца. Я могу привести массу примеров, которые говорят за «правых» и «левых», и думаю, что вопрос о Султан-Галиеве должен стоять в такой плоскости, — теперь его нет, раз он похоронен, о нем речи быть не может, а надо говорить о султангалиевщине. Если есть поклонники, то о них нужно говорить персонально. Тов.Павлов старался искать какую-то срединную линию. Как он выражался сам, союзные ряды молоды, и он старался искать на совещании срединную линию, следовательно, выходит так, что мы несколько лет будем заниматься исканием среднего пути, будем заниматься исканием линии по национальному вопросу. Может, меня обвинят, что являюсь оптимистом, все же я должен сказать, что все результаты есть. Товарищи, которые считали себя интернационалистами, а других, которые не разделяли их точку зрения — националистами, теперь такого положения у нас нет. В пункте 8 это проведено. У нас нет ни националистов, ни интернационалистов, такого деления нет. Есть другое название. Теперь называют «левыми». Раз называют «левыми» — тогда надо написать другие тезисы. Очевидно, придется путем воспитательных мер, как раньше говорили в 1922 году, будем бороться с проявлением национализма и обструкцией как среди русских, так и среди татарских работников.

Это совещание мало говорило по национальному вопросу относительно практических мероприятий. Очень понятно: головы местных товарищей забивать такой высокой политикой не следует. Я думаю, что политика нашего центра, ОК не должна быть головоломкой. Она должна быть ясной. Нечего приводить местным работникам дискуссионные цитаты.

На дискуссиях линия не строится, линия строится на постановлениях съезда. Я думаю, все товарищи, которые выступали, строили линию на дискуссиях. Возьмем газету «Правду» — сколько там дискуссионных статей, и если будем строить на всех этих статьях свою политику, эта политика будет

верна. Поэтому я взял слово для того, чтобы сказать, товарищи, местным работникам — в прениях пусть скажут, что они не любят заниматься головоломной политикой, они могут правильно сказать, что на местах нет болезненного преломления национального вопроса. Они утверждали, что нет болезненных случаев. Товарищи, этого нет, я вполне им верю, т.к. по национальному вопросу в кантонах нет головоломной политики, там есть свой позвонок и здесь нужно иметь позвонок, линию надо иметь твердую. В чем выражается линия? Мы имеем массу постановлений, например — постановление после V конференции, когда мы имели борьбу между русскими и татарскими коммунистами. Там мы имели определенные конкретные меры, которые выражались в 7 пункте. Я по протоколам следил, что было сделано, и из них треть еще не проведена. Далее мы и на 7 конференции постановления выносили. Я думаю, сегодня на этом совещании мы должны сказать, — та линия, которая взята — верна, она определяет ту линию, ту серединную линию, которую т.Павлов хочет найти. Она заключается в той платформе, которую вы имеете под руками. Поэтому давайте говорить конкретно о реализации татарского языка. С реализацией татарского языка дело обстоит плохо. Этот вопрос не совсем понят, и, кроме того, реализация татарского языка очень трудна по этнографическим условиям. Мы знаем, что татарское население не во всех кантонах в большинстве.

Другой есть большой вопрос — крышенинский вопрос. В чем он заключается? 300 лет угнетали, 300 лет насильно крестили, вываривали в другом котле, когда они имеют ненависть к русским и к крещеным татарам. Некоторые работники очень усиленно спорили, что крышены являются нацией. Мы этот вопрос решили, но какое преломление он получил на местах, никто здесь не сказал. Далее о национальных меньшинствах: мари, чуваш, еврей,) — никто не сказал, а сказать бы надо, ибо национальный вопрос является тем вопросом, который решает взаимоотношения всех национальностей, населяющих ТР.

Дальше несколько слов о наших организациях, которые, по моему мнению, являются *настоящими* в проведении национального вопроса. Насчет этого говорили, что там ничего не делается, линия плохо усвоена. О чисто-польской и городской организациях, — многие говорили — товарищ Соловьев встал с трибуны и сказал, что у них дело плохо обстоит.

Я хочу сформулировать свое предложение в следующем: Я думаю на этом совещании нам необходимо вынести постановление, которое бы не искало линии... пусть совещание скажет, что старая линия верна. Я думаю, что совещание скажет, что эта линия правильна и в развитие постановлений нужны конкретные мероприятия, выработку коих совещание поручит Бюро или ОК.

Вот в какой форме надо разрешать вопрос.

С точки зрения деловой, а не с точки зрения «левых», «правых» и центровиков.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 20-ГО ИЮЛЯ 1923 ГОДА

Башкиров (Буинск). Товарищи, многим здесь из присутствующих известно, что Буинская организация еще недавно, т.е. в конце 20 и в период 21 годов была одной из организаций, где склока, главным образом на почве национальной, была весьма развита. Такое положение вещей в нашей партии,

партии единой, не могло быть допустимо. Эта склочная деятельность организации безусловно отразилась бы, если ее оставить в дальнейшем на деле укрепления завоеваний Октябрьской революции, в частности в Буинском кантоне. ОК, видя такое положение не мог не обратить внимание. ОК принял меры к тому, чтобы изжить эти явления по возможности навсегда. Принятые ОК меры были настолько положительны, что в данное время в нашей организации склоки на почве национальной розни и на почве других явлений совершенно отсутствуют. В настоящее время мы видим в нашей организации сплоченность среди работников татар, русских и других национальностей. Нет национальной вражды между членами. Безусловно, может быть в скрытом виде то или иное непонимание имеется, но оно постепенным воспитанием, постепенным влиянием более подготовленных работников изживается. Если подойти к вопросу, существует ли так сказать белизна¹ и правизна среди самих работников татар. Товарищи, эти слова для меня в частности, как работника с мест, почти что новые, только потому что кантонные организации в большинстве случаев левизны и правизны, не знают. Они знают только, что намечает ЦК партии и Съезд партии. Поэтому, говорить долго об этом я не хочу. Если касаться левизны и правизны, как в данном случае смотрит наша организация на это явление, какие могут быть разные взгляды в вопросах в частности по национальному вопросу, партия едина и должен быть одинаковый взгляд. Постановления съезда должны быть для всех правильно условлены и твердо проводимы. Поэтому, безусловно, приходится критиковать от имени организации и тот, и другой уклон и сказать. Необходимо принять меры, чтобы этих уклонов в будущем совершенно не было, так как они вредны.

Существование левизны и правизны в нашей партии хотя бы среди работников татар недопустимо.

Если здесь касаться того, насколько ОК взял линию правильно по проведению в жизнь постановлений Съезда по национальному вопросу, то в этом отношении приходится сказать, что ОК в этом отношении взял линию правильно. Если на последней конференции при упреке ОК, в частности даже ответственному секретарю тов. Живову, что ОК до созыва 7 конференции слабовато вел работу среди национальных меньшинств, в частности татар, относительно уменьшения развития религиозных предрассудков, в частности, преподавания религиозных учений в школах. В этом отношении я хотел тогда высказаться, но не получил слова, ввиду того, что слова прекращались. Я должен отметить противоположное, именно в таком смысле, что в этом последнем периоде в школах преподавание религии, как среди татар, так и среди крестьянского населения изжито совсем. Были приняты меры решительные, но в то же время тактичным и умелым подходом достигнуты колоссальные результаты. Мы имеем официальные документы на то, что до зимнего периода 22—23 годов в кантоне религиозное учение процветало. Решительные меры, принятые [в] последнюю зиму, безусловно несколько вызвали ходяков в центр с ходатайством о разрешении преподавания религиозного учения, но принятыми мерами последнее явление тоже изживается.

Эти факты говорят за то, что упрек, брошенный прежнему составу ОК

¹ Так в документе: следует, левизна.

был неуместен, был неправилен. Можно указать много фактов, всех их приводить невозможно и не буду. Они говорят за то, что линия ОК в проведении в жизнь директив центра по национальному вопросу правильна. Но работу по проведению постановлений XII съезда партии, в частности по национальному вопросу, необходимо углубить.

Теперь перейду к вопросу, что нашей организацией достигнуто в такой сплоченной работе. Товарищи, я осмелюсь сказать, что наша организация достигла большего, чем во многих других организациях, несмотря на это, никаких болезненных явлений мы до настоящего времени не наблюдали. Достигнуто то, что в наших руководящих органах, как в партийных, так и в советских, в кантоне, ЦИКе, большинство составляют работники татары. Этим хочу сказать, что большинство советских учреждений возглавляются работниками, знающими язык, быт и условия местной жизни. Но все-таки считаю необходимым подчеркнуть, что в техническом аппарате кантона — агитпропорготделе, работники с местным языком отсутствуют. Неоднократные обращения в ОК за работниками татарами для работы среди масс татар не увенчались успехом. Это, наверное, объясняется их отсутствием в распоряжении ОК.

Из кратких моих слов вы, наверное, поняли, что наша организация работников для советской работы, знающих язык, быт, прочие особенности местного населения Татарии сумела найти, и уверен, что работа в этом отношении пойдет более менее нормально, а что же касается работников для партийной работы, то больше приходится надеяться на ОК, но в то же время не сидеть сложа руки по местам.

В организации 140 коммунистов и кандидатов, из них приблизительно 42% составляют татары, остальные чуваша и русские. Эти цифровые данные говорят за то, что работа среди татар и среди национальных меньшинств была и ведется. Если касаться достижений организации по другим отраслям работы, хотя бы например по народному просвещению, то здесь достигнуты некоторые результаты. Буинский кантон более отсталый, потому что большинство в нем татарское население, на которое при монархическом строе не было обращено внимания в культурном отношении. В этом кантоне до прошлого года не было татарской школы второй ступени. В прошлом году была организована татарская школа второй ступени, которая функционировала весьма нормально. Комитет думает, что школа будет функционировать и далее. В то же время кантонная организация не забыла и других национальных меньшинств. Например в нашем кантоне большинство за татарами составляют чуваша, для чуваш мы открываем осенью текущего года школу второй ступени в туце населения указанной национальности. В то же время не забываем и русского населения. В нынешнем году нами открыты подготовительные курсы для подготовки татар на рабфак и в профтехнические школы. Этим мы думаем подготовить учеников для рабфаков и в будущем подготовить работников для партийных и советских отраслей. Если взять другую отрасль работы, относительно реализации татарского языка, то в этом отношении нашей организацией достигнуты следующие результаты. Было волостей 16, на днях приняли одну волость из Симбирского уезда. Реализация проведена в 9 волостях. В начале проведения этого мероприятия со стороны некоторых товарищей были опасения, что работа встанет и затормозится. Я, товарищи, должен доложить настоящему совещанию, что работа от реализации татарского язы-

ка не страдает по той простой причине, что когда татарские массы получают распоряжения правительства на родном языке, они лучше понимают их, стало быть, лучше проводят их в жизнь. Этим лучше достигается проведение распоряжений центрального правительства, улучшение советского аппарата, сближение отсталых масс трудящихся татар с советской властью и нашей коммунистической партией. Я должен довести до сведения авторитетного совещания, что здесь необходимо принять некоторые особые меры, а особыми мерами называют то, что необходимо на основании декрета, изданного ТЦИК, относительно увеличения ставок работникам, знающим татарский и русский язык. Это весьма необходимо по той простой причине, что здесь выступающие товарищи сказали, что реализации татарского языка не было, так как не было работников. Здесь сообщу несколько обратное. Работа страдает не потому, что нет работников, а потому, что мы их плохо оплачиваем. Вообще уездные работники плохо оплачиваются, и подыскать работников, знающих два-три языка, безусловно, трудно и работников на такие мизерные ставки найти слишком трудно. В особенности волостные работники получают весьма низкие ставки и с большим опозданием. Это, товарищи, суцная правда. Кантонные работники об этом хорошо знают. Возьмем кантонный аппарат. Здесь сделаны такие мероприятия. В отделе управления введена пассивная реализация, сношения с татарскими волостями проводятся на татарском языке. Это мероприятие введено и в отделе наробраза. На днях организован судебно-следственный участок на татарском языке. Этим мы поможем татарскому населению понимать наши законы. Кантон предлагаем разбить на 4 участка, из них два участка на татарском и два на русском языке. Имеется мысль, ввиду того, что чувашское население составляет большой процент, третий участок организовать на чувашском языке.

Подводя небольшие итоги, я должен сказать, что шутить с национальным вопросом не следует. Нам намечены пути постановления съездов нашей партии и директивы ЦК должны быть святы. Я просил бы ОК от имени нашей организации принять такие меры, чтобы в будущем об уклонах мы совсем бы не говорили и просить, чтобы работу по проведению национального вопроса углубить. Это в интересах нашего пролетариата, это в интересах нашей мировой революции, так как российская коммунистическая революция и советская власть России есть показательное поле, где мы воспитываем, где примерно доказываем народам, как создать власть в стране, где сам пролетариат управляет, где есть свобода. Поэтому, для того, чтобы скорее достичь всемирной победы пролетариата, необходимо все заветы Октябрьской революции точно проводить в жизнь и таким образом вовлечь во всемирную революцию трудящихся всех народов, находящихся в колониальном угнетении, и весь рабочий класс трудящихся всех стран, еще ныне находящихся под гнетом капитала и угнетении отечественной буржуазии, и тем создать всемирную республику советов.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 20 ИЮЛЯ 1923 ГОДА

Соловьев. Я хотел коснуться тех вопросов, которые выдвинул тов. Мансуров, это национальный вопрос по линии национальных меньшинств ТР и отчасти так называемый крышпенский вопрос. Я очень внимательно слушал

доклады с мест и докладчики с мест говорили нам о ряде практических работ в национальном вопросе, но в области национальных меньшинств отговаривались словами «другие национальности» или чуваши, мордва и больше ничего. Вопрос о национальном меньшинстве в автономных республиках и автономных губерниях РСФСР довольно хорошо нам известен по тем материалам, которые поднесены VII конференцией и XII съездом партии, но несмотря на это, эти постановления еще не доходят до мест. Национальные меньшинства у нас в ТР находятся в забвении. Как же относятся к национальным меньшинствам наши работники ТР. Если тов. Мансуров подчеркнул важность этого вопроса как работник областного масштаба и если ряд работников понимают важное значение этого вопроса, то далеко не так обстоит дело на местах. Это видно хотя бы из того, как докладчики с мест говорили о работе среди нацменьшинства. Так, например, наши ответственные товарищи на местах не знают, какие национальные меньшинства существуют на местах. Так, представитель Мамадышского кантона говорил, что у них существуют чуваша, так как в Мамадышском кантоне ни одного чуваша нет, там есть вотяки, мари и больше ничего. Точно так же некоторые другие товарищи передергивали цифры, говорили, что у нас есть кряшены, мордва и другие национальности, 1% (в Челнинском кантоне), когда кряшен мы не причисляем к национальным меньшинствам. Их досчитывается до 30 тысяч, больше 10%. Вот это показывает, насколько серьезно относятся работники к вопросу национальных меньшинств. Когда касаются практической работы среди национальных меньшинств, то говорят, что когда взять работников из национального меньшинства, товарищ из Чистопольского кантона утверждал, что нет работников из чуваш, нашли только одного товарища, которого поставили председателем исполкома.

Но не так думают наши враги. Вы знаете, что группа профессоров типа Милюкова организует общество по работе среди финских народностей РСФСР. При существовании ГПУ, при наличии тов. Шварца в ТР они думают работать среди наших вотяков, мари. Что же мы должны делать. У нас в каждом кантоне имеются уполномоченные по работе среди национального меньшинства. Но как работают эти уполномоченные. Пробовали ли канткомы потребовать отчет от уполномоченных. Вопрос спорный. Я знаю, что ряд канткомов не заслушивает доклады уполномоченных, что он не знает, как они работают среди национального меньшинства. Из отчетов агитпропов мы ничего не видим о работе национального меньшинства, несмотря на ряд указаний и т.д. Даже не пишется, что работы среди национальных меньшинств не ведется, даже и этого не говорится, просто умалчивают. Вот такое положение в работе среди национальных меньшинств может привести к нежелательным результатам. В настоящее время мы видим, что ходоки из национальных меньшинств вотяков, когда приходят сюда в Казань, они считают своим долгом посоветоваться с известным черносотенцем в прошлом Михеевым из вотяков, точно так же и чуваша имеют тесную связь с профессором богословия Никольским. Тогда как наше влияние на эти массы весьма мизерное. Такое явление, хотя не может в конце концов вылиться в так называемую султангалеевщину, но в маленьких хотя рамках это может получиться, ибо некоторые партийные товарищи якшаются с тем же Михеевым и Никольским. Так, Правление вотского студенческого землячества в лице коммунист-

тической части хотело обратиться за содействием к Михееву, даже за экономическим содействием, т.к. Михеев, обладающий материальными ресурсами, мог бы помочь Вотскому землячеству. Если в дальнейшей работе не обращать внимание на работу национального меньшинства, то выйдет ерунда. Еще несколько слов о так называемом крышенском вопросе. Крышен в ТР насчитывается около 100 тысяч. Это, товарищи, говорит за то, что в ТР имеем единого, спаянного национального татарского ядра, оно разбито на две части, одна меньшая православная, другая большая мусульманская. Тов. Мансуров указал, в силу каких событий это произошло, и опять приходится сказать, что это язва, вытравленная старым правительством, чтобы через православие среди татар в дальнейшем развить свою колонизаторскую политику. Но что же мы видим в конце концов. Крещенные татары совершенно оторваны в части культурной от общей татарской массы, искусственно оторваны от своей письменности, они представляют из себя определенную группу населения, упершуюся в тупик, дальше идти так нельзя. На эту группу населения необходимо обратить достаточное внимание. Последняя конференция работников коммунистов крышен подчеркнула важность этой работы и указала те методы, которые должны быть применимы в этой работе, но делегатами с мест подчеркивалось, какое отношение местных партийных организаций в какой работе. Говорят из-за невнимательного отношения канткома, из того, что они не понимают крышенского вопроса, в кантонах нельзя работать. Группа в 4 человека из Челнинского кантона определенно говорила, что у них великорусский шовинизм, тот же уполномоченный по работе среди национальных меньшинств тов. Семенов определенно говорил, что в Челнинском кантоне нельзя работать из-за невнимательного отношения канткома. Можно привести пример. Когда приехал в Чистопольский кантон член Бюро крышенской секции, ему говорят — некогда нам заниматься мелочами. Вот такое отношение к крышенскому вопросу еще больше растрывает рану и нам придется приложить больше энергии, чтобы залечить ее.

Еще пару слов о реализации татарского языка. Из докладов с мест видно было, что некоторые работники на местах поняли реализацию языка как обучение татарскому языку русских товарищей. И из Мамадышского кантона сказал, что они пропустили 40 товарищей ответственных работников русских, которые обучились татарскому языку. Позвольте мне, как работнику знакомому с практической работой в этой области, не поверить, ибо здесь при центральных курсах реализации татарского языка мы пробовали обучать товарищей, более или менее знакомыми с татарским языком, чтобы они могли хотя бы делопроизводителем, но мы нашли в конце концов, что они все-таки к практической работе на местах не годятся, даже после прохождения 6-месячных курсов, поэтому главное внимание в реализации татарского языка должно быть обращено на вовлечение работников из татар, подготовленных для этой работы. Здесь при курсах есть известные циклы, мы выпустили до 100 человек к 3-й годовщине ТР, но следующий набор показал, что места прислали почти никуда не годных, очень слабых и очень мало, это я говорю потому, что в скором будущем в сентябре у нас состоится дополнительный набор. Местным работникам нужно позаботиться, чтобы выслали людей, которые могли бы подучиться той или иной специальности и приехать в кантон работать.

Нельзя так поступать, как идет дело в кантонах, например, Челнинском, что председатель волисполкома не хотел проводить реализацию татарского языка, но пришлось настаивать и проводить. (*Время оратора истекло.*)

Енбаев. Товарищи, прошу вашего разрешения, чтобы мне дали говорить больше, как участнику совещания в Москве.

Товарищи, совещание в Москве носило необычайный характер и не только по своей неожиданности, не только по своей внешней форме, как это было говорено здесь и как это отмечал тов. Каменев, но и по своему содержанию и процессу деятельности. Нельзя сказать, чтобы сразу на совещании удалось напасть на правильный след разрешения этого вопроса. Последнее отражается и на нашем совещании. На совещании в Москве доклад делался не членом ЦК, доклад был ЦКК и, по выражению некоторых тт., это внесло некоторую незаключенность в постановке вопроса. Доклад начался с хронологического перечисления документов Султан-Галиева и тем же почти кончился. До тех пор, пока совещание напало на след правильного подхода к вопросу, вопрос преломлялся весьма разнovidно, и многие, что называется, не попадали в точку. Было направление — когда вопросу давался характер чисто следственный. Вопрос был перенесен в область чистой криминалистики Султан-Галиева и лиц, работавших когда-то с ним. Началось с того, что в выступлениях Шамигулова, Ибрагимова, Саид-Галиева предлагалось, что вот где момент к тому, чтобы проверить документы и других товарищей, чтобы попросить ГПУ поработать над этим вопросом. Вот одна постановка вопроса. Другая постановка вопроса — попытка со стороны некоторых товарищей воспользоваться совещанием и пропустить кое-что, что не удалось им пропустить на XII Съезде партии. Представителем такого направления явился Мануильский. Он поставил вопрос по истине верх дном и в своем выступлении дал такой тон: мы говорили, что XII Съезд своим решением может разнести националистическую заразу: крестьянская стихия и здесь среди ответственных коммунистов чувствуется, и здесь есть давление крестьянской стихии. Совершенно характерно и близко к такому выступлению было выступление тов. Ахмадеева здесь, который также рекомендует особые способы для борьбы с националистическими русскими, татарскими и т.д. уклонами. Такие товарищи в то же время имеют нахальство заявлять, что они не против решений XII Съезда партии. Но мы требуем, товарищи, не декларативного признания, а фактического проведения в жизнь этих решений и не выдвижения каких-либо новых платформ. Эта тенденция тоже отпала. Осталась часть партийно-политического направления. Нам удалось проанализировать вопрос, потому что он был поставлен широко и партийным порядком, он был разрешен не так, как здесь некоторые товарищи толкуют и критикуют, не в плоскости следственной. Он был разрешен как к личности, резко и определенно. Как анализ причин, выявивших этот факт, он был ясно и глубоко продуман.

Вопрос левизны и правизны имел местное преломление, он не так глубоко в этом случае, я об этом скажу позднее. Там вопрос ставился о политических течениях среди коммунистов, восточных окраин главным образом. Вот острота вопроса где была. В продолжении 5—6 лет ряд недоуменных вопросов вроде того в Туркестане имели в период «рыскуловщины», затем имели «Терегуловскую¹ линию», совершенно характерны были грузинские собы-

¹ Терегуловскую?

тия, где члены ЦК грузинской партии в составе 7 человек были как будто деликом оторваны от партии. Хотя они старейшие коммунисты. Аналогические недоумения были в Азербайджане, Башкирии и Татарской республике и т.д. и т.д. Вопрос ставился в такую плоскость. Требовался анализ — таким образом может быть так, что в восточных коммунистических организациях мы встречаем с одной стороны тесное соприкосновение с партийной работой, а с другой стороны — видим искажение линии, и по определенному направлению — разрешения национального вопроса. Вопрос был в том, чтобы не свести состояния коммунистической партии и ее диффулициации¹ по национальному признаку. Когда пришлось мне говорить с тов. Каменевым, вопрос ставился так, что Судтан-Галиев как индивидуум не заслуживает такого абсолютного внимания с точки зрения партийной политики — не в этом корень дела. Поскольку имеется криминал, он может быть разрешен автоматически. Но анализ того, что было в прошлом и что сейчас имеется, откуда и где проявляются большие нарывы, — вот что нужно было проделать, и на это в конце концов совещание напало. Оно в оценке партийной политики восточной коммунистической организации установило наличие левого и правого направления, и в этом направлении шла первая часть работы совещания. Левое направление тогда, когда оно имеет место в наших условиях, фактом сравнительно незначительным. По количеству и качеству оно, безусловно, различно и из общего масштаба левизны оно имеет отражение в одном случае более скверное, в другом более мягкое.

Левизна, в частности, и в национальном вопросе, — это не только подход к вопросу с игнорированием местных особенностей, ничего подобного. Левизна — это нигилизм. Нигилизм это есть неверие. Нигилизм — это есть критика во имя критики, это есть критика напа, критика линии Коминтерна. Нигилизм — это есть неверие в устойчивость советского режима, коммунистической партии — вот что значит нигилизм. Тов. Зиновьев, подходя к этому вопросу, указывал, что левое направление в общих революционных условиях абсолютно вредно компартии и оно контрреволюционно по существу. Эта левизна в целом в партии особенно ярко проявлялась в российской действительности в момент Брейского² мира, об этом писал тов. Ленин. Книгу тов. Ленина большинство из нас, пожалуй, читали. Тов. Зиновьев неоднократно говорил, что левизна толковала политику Коминтерна по-своему и оно совпадало с критикой некоторых товарищей левого крыла Коминтерна, которые впоследствии откололись от Коминтерна. Это левое крыло в Германской партии вылилось в 4-й Интернационал и в конце концов слилось с линией Носке. Вот к чему эта линия ведет.

В условиях восточных окраин такой нигилизм тоже существует, но левизна здесь существует именно как этот нигилизм, как неверие ни во что. Тов. Ахмадеев, говоря здесь в одном случае о правизне, привел с обратной стороны слова тов. Зиновьева в отношении левизны. Я хочу подчеркнуть оценку левизны теми словами, которые были сказаны Троцким, Зиновьевым, наконец, тов. Сталиным. Тов. Троцкий говорит: «Значит ли все это, что так называемые «левые» товарищи правы. Вот вопрос, который тут был поднят сами-

¹ Так в документе, вероятно: дифференциации.

² Так в документе, следует: Брестского.

ми «левыми». Я думаю, что то обстоятельство, что некоторые из наших многоуважаемых «левых» пытались здесь все это дело истолковать, будто бы это некоторый капитал в пользу «левого» непримиримого крыла, это обстоятельство показывает, что именно в левую сторону нужно бить и бить серьезно. Ибо эта опасность очень великая.

Тут пытались парализовать это изображение тем, что «левые» не изменяют. Говорят, «левые» свои. Согласен. Но если свои помогают своим поведением правому крылу, то как тут быть? Есть французская пословица о том, что никто лучше не нагадит, как свои, никто лучше своих не предаст, — не в том смысле, как собирався предать Султан-Галиев — а в том, что устроят — из величайшего эгоизма и добросовестности — такую историю, что потом ее будешь расклебывать много лет. Несомненно, что к своим принадлежит тов. Шамигулов.

Я был чрезвычайно встревожен той опасностью, которая, как я убедился, грозит нам от шамигуловщины. Как я ее формулировал: это своя внутренняя опасность. Они, «левые», не предадут, они не пойдут к врагу — ни в коем случае, — но они оттолкнут от нас целый ряд элементов, слоев и групп, которые мы должны и можем завоевать, но которые вследствие левых ошибок могут быть завоеваны нашим врагом. Не всегда и не все друзья лучше врагов.

Вот та оценка, которая была дана тов.Троцким. Читаю из речи тов. Сталина: «Какая из этих опасностей наиболее опасна? Если товарищи, уклоняющиеся влево, думают и впредь практиковать на местах политику искусственного расслаивания населения, а эта политика практиковалась не только в Чечне и Якутской области, не только в Туркестане. Если, я говорю, они думают и впредь практиковать политику расслаивания сверху; если они думают, что можно русские образцы пересаживать в специфическую национальную обстановку, не считаясь с бытом и конкретными условиями; если они думают, что, борясь с национализмом, надо вместе с тем выкинуть за борт все национальное; словом, если «левые» коммунисты на окраинах думают остаться неисправимыми, — то я должен сказать, что из двух опасностей левая опасность может оказаться наиболее опасной опасностью». Читаю из речи тов. Зиновьева: «Теперь позвольте сказать несколько слов относительно «левых». Тов.Саид-Галиев в своей речи сказал, что левые не левее наших съездов и ЦК. Это, может быть, так. Но левые (как бы повежливее сказать) они... наивнее наших съездов и наших ЦК. Это уже хуже. Мы имеем некоторый интернациональный опыт на этот счет. Левизна в национальном вопросе — это упрощительство, нигилизм. Я не говорю, что люди, которые выступают под знаком левизны, субъективно не революционеры. Они субъективно революционеры, но объективно они приносят существенный вред.

Лучше всего социал-демократы умеют надувать рабочих и крестьян на национальном вопросе. А «левые» очень часто, сами того не желая, помогают социал-демократам».

На вопросе о «правых» тов.Живов останавливался, он давал оценку, что правизна в революционной действительности опасна тем, что она недостаточно активно, недостаточно живо реагирует на национальные предрассудки, на националистические уклоны. Беря вопрос правизны в целом, мы говорим, что правизна, если она истолковывается в областной критике самой серьез-

ной, то мы должны указать, что правизна бухарская, которой касался тов. Сталин, это одно дело, правизна в условиях тех, как она развивалась в окраинах, восточных республиках, — вопрос другого рода. Вообще правизна, как активное реагирование на выявление великодержавного шовинизма она опасна тем, что она имеет тенденцию выявлять¹ в болезненные формы обороченского национализма, о котором XII съезд партии говорит. Она способна выражаться в болезненные уклоны, получать уродливые формы, переходить грани, попадает в положение Султан-Галиева, обрывается, прорывается, получает преступные формы. Когда же мы берем правизну только как известную реакцию на проявления великодержавного шовинизма в условиях российской действительности, то мы констатируем и полезные его стороны. Тов. Зиновьев вот как об этом говорит: «О правом течении. Тут, мне кажется, часто смешивают две разные вещи. «Правым» иногда называют людей, которые просто не являются коммунистами. А так сказать, коммунисты по принуждению, замаскированные противники коммунизма, которые не хотят подпустить на пушечный выстрел крестьян к власти в Туркестане и т.п. Такие люди действительно «правые». Но часто этим же именем называют таких людей, которые повинны только в том, что хотят больше считаться с окружающей обстановкой, предлагают нам несколько умерить шаг просто потому, что знают лучше обстановку своего места работы. Против такой «правизны» решительно ничего нельзя иметь. Те, которые являются лучшими знатоками своих областей и республик, и которые выступают среди нас как бы куклеторами — такие «правые» голоса должны выслушиваться более внимательно, чем это было до сих пор. И их не следует смешивать с теми, которые не хотят быть коммунистами, которые по целому ряду коренных вопросов не сходятся с нами и являются только временными попутчиками», — т.е. тов. Зиновьев говорит: есть правизна и т.п. «правизна».

На этом я заканчиваю свое сообщение о первой части работы Совещания в Москве.

Остановлюсь на вопросе докладов с мест. По вопросу местных условий. Мы должны констатировать, что в разрешении национальных вопросов особенно сильно ушли вперед Грузия и Армения. Мы имеем другую категорию национальных республик — Киргизию и Туркестан. Мы имеем третью категорию (я беру типичные) — Бурят-Монголия, Дагестан; четвертая категория — Татарская республика, по своим формам и положениям напоминающая украинскую действительность. В первом случае мы выявили положительные явления. Разрешение национального вопроса в Грузии и Армении достигло размеров, которые могли удовлетворить партию в данный момент. По вопросу Туркестана и Киргизии мы обнаружили, что там условия проведения в жизнь практических мероприятий тяжелей. На это совещание обратило особое внимание и постановило, что в вопросе Туркестана партия должна усилить свое внимание и работу. В туркестанской действительности условие работы осложняется тем, что Туркестан не вышел из состояния колонии. В условиях Ходжанова говорилось, что экономическая основа Туркестана намного отстала от революции — это является фактом отрицательным. Если по отношению Туркестана, Киргизии и Дагестана в особенности не констати-

¹ Так в документе, вероятно, следует: выливаться.

ровали, что национальный вопрос как вопрос политической не имеет той актуальности, то это потому, что общественная жизнь Туркестана и других местами абсолютно первобытны. Почти обратное мы имеем для ТР и Украины, где национальный вопрос чрезмерно актуально именно как общественно-политический момент.

Мы знаем, что национальный вопрос имеет особенную актуальность в тех случаях, когда экономика края пережила хотя бы начальный, капиталистический период.

Ведь о национальном вопросе мы говорим как о пережитке, об остатке, детеныше капиталистического строя. Он родил национальный вопрос, он оставил это наследство, и мы этот вопрос должны разрешить и т.д. Я не могу более подробно останавливаться, так как нет времени.

Не могу умолчать по выступлению тов. Живова, когда он несколько ударно остановился на мне. Я не думаю, чтобы здесь была преднамеренная мысль, но на ответ меня толкает то обстоятельство, что мне пришлось слушать в кулуарах разговоры некоторых товарищей, вроде того, что надо мной висит дамоклов меч в виде следственного аппарата, и эти слова подкреплялись ссылками тов. Живова в части, касающейся меня. Считаю нужным сказать, я говорил с тов. Троцким, Каменевым, беседовал с Бухариным и Зиновьевым и по несколько раз, но мое поведение в связи с этим не было облечено в форму того ходячества¹, как это выразился тов. Живов. Выдержки из речи тов. Троцкого, которые были приведены тов. Живовым, говорят не в мою пользу, но они не дают криминального содержания, что все же сквозило в словах тов. Живова.

Если умолчать о второй части речи тов. Троцкого, очевидно, такой вывод оправдывался бы — потому я считаю, что здесь требуется некоторая ясность, я ограничусь тем, что прочту вторую часть мыслей тов. Троцкого. (*Струпе: Прочтите то, что нравится*)

Тов. Живов прочел часть, которую хотел, я прочту часть, которую мне хочется: «Хочу я сказать, хотя бы в далекой степени, или хочу ли я кому-нибудь позволить — на основании моих слов — заключить, что я отождествляю в какой бы то ни было степени политическую линию тов. Енбаева с султангалиевщиной. Ни в коем случае. Что я хочу сказать. Я хочу сказать, что на этом фланге, на фланге национализма, у т. Енбаева и других не было достаточно бдительности и достаточной чуткости — вот что я хочу сказать. Они больше реагировали на одну беду, которая есть, несомненно, подавляющая, преобладающая и основная — великодержавничество, — но не развили в себе чуткости по отношению к той опасности, которая, с другой стороны, может подорвать работу, т.е. туземного национализма».

Я прочел выдержку полностью с тем, чтобы здесь было больше объективности, чтобы не было тех возражений, которые можно было сделать тов. Живову.

Теперь, товарищи, по вопросу о Султан-Галиеве. На этом вопросе я не останавливаюсь, так как мне кажется, что вопрос о Султан-Галиеве здесь решать в следственной форме не придется, и на этом сводить счета, с тем, чтобы кому-нибудь дали каку-нибудь компенсацию за счет этого факта, тоже не годится.

В проекте резолюции ясно указано на то, что султангалиевщина в своей

¹ Так в документе.

начальной стадии развивалась как реакция на великодержавную тенденцию и приобрело то свойство, что она вылилась в уродливые формы.

Мы говорим, что в этом случае должен быть предел, тот столб, который поставлен тов.Троцким и принят совещанием. Мы говорим, что дальше этого предела идет обрыв, и те, кто попадает в обрыв, судьба их определена. Она резко осудима и влечет за собой исключение из партии. Этот вопрос может быть истолкован только так. В проекте нашей резолюции, предлагаемой со стороны Бюро ОК, есть место, где говорится, что остатки султангалиевщины имеются здесь. Скажите, что подразумевать под этим (Я эту резолюцию прочел только сегодня утром.) Что тут говорится, говорится ли, что султангалиевщина имеется в форме закивалидовщины здесь? Я думаю, что если в резолюции писать об этом, то это было бы полнейшим абсурдом. Султангалиевщина в форме закивалидовщины она пресекается, как это было сказано на совещании. Она пресекается быстро. Вопрос ставить в такой плоскости не приходится. Но вопрос ставить в такой плоскости, что имеются те пределы, те столбы, куда может привести направление Султан-Галиева, хотя бы в печальной его стадии, с этой стороны султангалиевщина в резолюции не только может быть поставлена, она должна быть поставлена. Вопрос требует изучения. В этом случае мы, безусловно, должны констатировать, что вопрос этот должен быть изжит, он не абстрактен, он не может быть разрешаем поверху и — конец, он требует изучения. Резолюция не требует административных мер, ибо вопрос в партийно-политическом духе разрешается. На совещании этот вопрос не ставился только в форме криминальной султангалиевщины, в Москве он ставился как выявление причин, побуждающих его. Мы брали критерии, мы брали моменты, к которым опасно приближаться, т.к. вслед за этим идет обрыв. Мы говорим: поскольку явление требует такого подхода, организация должна это изучить. Мы говорим что у нас национальный вопрос ставился и разрешался. Не было такой конференции, где бы национальный вопрос не рассматривался. Мы часто устраивали совещания, и нельзя сказать, что организация ТР слабо разрешала вопрос, но сейчас вопрос не снова разрешается, а углубляется по линии политико-партийной и по линии осуществления мероприятий, вытекающих из решений XII съезда в жизнь. Это углубление нормально. Мы должны также указать в резолюции те места, которые были выдвинуты XII съездом партии. Я это говорю затем, что у меня есть опасения, что решения XII съезда могут остаться декларативным признанием. Мы должны запомнить, что в решениях XII съезда были проанализированы моменты, которые противодействуют благополучному разрешению национального вопроса. Надо кончить с этим вопросом и их изжить. Давайте так и сделаем по всем фронтам и глубокою работу пределаем. Это будет продолжением нашей работы, углублением нашей работы. Мне кажется, если мы до сих пор в национальном вопросе могли дойти до 75% достижений, то от этого углубления вопроса выиграем и получим такое положение, когда мы с уверенностью сможем сказать, что организация ТР, которая претендует на некоторые преимущества перед другими восточными республиками, что она имеет коэффициент полезного действия в своей работе в этой области, превышающий нежели в других организациях, есть такая организация в действительности, а не только на бумаге.

Струппе (Появление т.Струппе встречено аплодисментами). Я начну

здесь сперва с отдельных выступлений товарищей, чтобы потом перейти к основному вопросу. Я начну с т. Забицкого. Тут меня в его речи два момента немножко смущают. Один момент о том, как он выразился, что связь с басмачеством со стороны Султан-Галиева недостаточно выявлена, потом еще один товарищ, который здесь выступал, сказал то же самое, что недостаточно там все выявлено. На этом я должен ответить определенно, что такими мыслями здесь задаваться не следует. Вопрос достаточно выявлен в шифрованных письмах, которые были написаны Султан-Галиевым, если нужно вы можете их прочесть в розданных вам книгах. Там определенно говорится о связи с Заки Валидовым, так же нами очень выявлено, что закивалидовщина поддерживается Англией. В этом отношении в документах сомневаться не следует, и такие речи никуда не годятся.

Потом о самоопределении. Говорили является ли Султан-Галиев вождем Татарской республики, выступавшие товарищи говорили, что Султан-Галиев не является вождем, но не отрицали революционных заслуг Султан-Галиева. Тов. Забицкий говорил, что ведь Султан-Галиев особенно с энергией боролся за самоопределение, против великодержавного шовинизма, который здесь имеется. Я хочу развить мысли т. Забицкого дальше о самоопределении. Султан-Галиев боролся за самоопределение угнетенных народностей. Правда, но в этой борьбе он самоопределялся в конце концов не в Союз Советских Социалистических Республик, а самоопределялся в союз национального буржуазного движения, каким является кемалитское самоопределение. Здесь, говорят, находится в Казани Сенной базар, там при нэпе развивается великодержавный шовинизм, также с развитием татарских напманов может развиваться также и туземный национализм, который гонит в смысле самоопределения не в сторону СССР, а в сторону, враждебную нам.

Теперь я хочу перейти к основным вопросам. Сначала, когда были заслушаны доклады с мест, у меня составилось впечатление, что с национальным вопросом дело обстоит хорошо, столько-то привлекается, выдвигается и т. д., другими словами, что линия XII съезда проводится. Но дальше в прениях прошло очень много товарищей и пришлось убедиться в том, что линия XII съезда партии в национальном вопросе недостаточно понятная, пришлось убедиться в том, что многие из товарищей, например, совершенно не могли определить, что такое султангалиевщина, левизна и правизна. Их выступления я бы назвал сплошными истпартовскими выступлениями, потому что они начались перечислением уклонений с начала и заканчивались на том моменте, который наиболее сейчас нас интересует, а именно проведение постановлений XII съезда. Такие исторические речи, в которых занимаются мытьем грязного белья, заполняют большую часть стенограмм и по существу ничего не дают. Я должен перейти к тем жецитатам. Надо определить, что такое из себя представляет султангалиевщина, ибо определить нам необходимо, потому что 6-ой пункт резолюции национального совещания выясняет причины султангалиевщины, указывает на необходимость борьбы с султангалиевщиной, указывает, что султангалиевщина имела влияние на окраинах и поэтому с ней надо больше всего бороться в Татарии и Башкирии. Нам приходится более тщательно остановиться на этом. Наши представители голосовали единогласно за эту резолюцию, но она приперла организацию к стене, она ставит определенную задачу перед нашим совещанием.

Я позволю себе здесь в кратких словах остановиться как определяют султангалиевщину. По этому вопросу говорил т.Енбаев, и нужно сказать, что его речь в этом отношении была более правильная, чем в Москве. Т.Сталин в своей речи султангалиевщину определяет следующим образом. В чем состоят грехи «правых». Они состоят в том, что «правые» не представляют и не могут представлять противоядия, надежного оплота против националистических веяний, развивающихся и усиливающихся в связи с НЭПом. То, что султангалиевщина имела место, то, что она создала некоторый круг своих сторонников в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии, это с несомненностью говорит о том, что правые элементы, которые там, в этих республиках, представляют преобладающее большинство, не являются достаточным оплотом против национализма.

Султангалиевщина заключается, как говорил т.Енбаев, в недостаточной чуткости, в том, что уклоняясь в сторону переоценки моментов великодержавного шовинизма, не видят ту нарождающуюся опасность, которая бывает при НЭПе со стороны национализма. Дальше, вопрос о выращивании интернационалистических коммунистических кадров движется черепащим шагом, который переходит иногда в хождение раком. Вот какие грехи есть.

Сейчас мы переходим к «левым». В чем заключаются грехи левых. Тут то же самое дается определение. Но не менее, если не более, грешны на окраинах. Если коморганизации на окраинах не могут окрепнуть и развиваться в подлинные марксистские кадры, не преодолев национализма, то сами эти кадры могут стать массовыми организациями, могут сплотить вокруг себя большинство трудящихся масс лишь в том случае, если научатся быть достаточно гибкими для того, чтобы привлекать в наши государственные учреждения все сколько-нибудь лояльные национальные элементы, идя на уступки с ними, если они научатся маневрировать между решительной борьбой с национализмом в партии и столь же решительной борьбой за привлечение к советской работе всех более или менее лояльных элементов из местных людей, интеллигенции и прочих. «Левые» на окраинах свободны более или менее от скептического отношения к партии, от податливости к воздействию национализма. Но грехи «левых» состоят в том, что они не могут быть гибкими в отношении буржуазно-демократических и просто лояльных элементов населения, они не умеют и не хотят маневрировать в деле привлечения этих элементов, они искажают линию партии по овладению большинством трудящегося населения в стране. А между тем эту гибкость и эту способность маневрировать между борьбой с национализмом и между привлечением сколько-нибудь лояльных элементов в ряды наших государственных учреждений необходимо создать и выработать во что бы то ни стало. Вот те требования, которые должны научиться «левые». Они должны научиться привлекать к советской работе более или менее лояльные слои интеллигенции и не должны ударяться в замкнутость в самих себя. После этого определения я хочу остановиться на речи некоторых товарищей. Т.Муслимов забывает крестьянскую массу, забывает основной вопрос — смычки с крестьянством и переносит тот упрощенный метод национального вопроса, о котором говорилось в моей цитате. Нет объективности, нет гибкости. Этот грешок проявился в речах некоторых товарищей. Сейчас я хочу остановиться еще на речи т.Ахмадеева. Тут тоже были сказаны слишком громкие слова о том, что

Москва напугана нарастающим националистическим шовинизмом, и посему ОК и партия идут на крупнейшие уступки националистам. На эти слова я должен ответить резолюцией, которая вынесена в Москве, там мы могли прочесть про так называемый громаднейший испуг, который имеется в ЦК. В резолюции, там, где сказано, что нам нужно привлечь все более или менее лояльные элементы в советскую работу, там сказано следующее: «Советские поэтому считает, что выращивание подлинно интернационалистических коммунистических кадров из местных людей в республиках и областях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции и достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных националистических веяний и повести решительно как борьбу с уклоном к национализму, так и за уничтожение пережитков национального неравенства, усиливающих этот уклон, является также очередной задачей нашей партии». И действительно, товарищи, начиная после XI съезда и сейчас после XII съезда вы наблюдали все время, как мы выравниваем нашу партию, подбирая классовый состав таким образом, чтобы была пролетарской партией. Это обстоятельство нам дает полнейшую гарантию, что мы можем заниматься без всяких опасений этой систематической идейной воспитательной работой. Здесь со стороны т.Усманова была допущена ошибка, которая была допущена отдельными товарищами на Московском совещании, он говорил о Султан-Галиеве, и в конечном итоге я не мог понять его оценки по этому вопросу. Он настолько перегибал палку без той чуткости, которая здесь была указана, что Султан-Галиев ускользнул после этого. Тут заключается в данном случае ошибка Усманова. Может быть, времени было недостаточно, чтобы прямо сказать открыто по-коммунистически, что был товарищ революционер, который боролся за самоопределение, но определился в лагерь врагов. Это есть преступление. От него надо отмежеваться. Мы определенно заклеямили это преступление. Вот как надо было поставить вопрос, а то создалось совершенно противоположное впечатление. Стараясь подойти к делу так, чтобы Султан-Галиев вышел невинным. Всем товарищам ясно о тех действительно определенных намерениях партии в национальном вопросе, и после XIII съезда это не должно продолжаться. Вопрос поставить только о великодержавном шовинизме будет не чутко, о чем говорится в резолюции. Здесь некоторые товарищи задавали каверзные вопросы. Т.Енбаев был прав, что чувствовал, что на этом деле хотят спекулировать, на национальном совещании это тоже было и здесь повторяется, ибо тут раздавались слова о преступлениях, которые якобы находятся здесь. Раздавались слова о неправильной линии ОК. На это ответ имеется в этой книжке. За ответом придется обратиться к речи т.Троцкого. Я думаю, что некоторым из товарищей, я говорю это так обще просто потому, что не знаю персонального состава достаточно близко, не мог по своей работе в других учреждениях за этим следить, некоторым товарищам, говорю, нужно бы себя спросить: вот, после опыта, который дало дело Султан-Галиева, после тех связей, которые вокруг него обнаружились, в той обстановке, которая их самих, этих товарищей, окружает, целесообразно ли тем или другим товарищем на той работе, которую они сейчас выполняют. И не лучше было ли им (я говорю не о том, целесообразно ли тем или дру-

гим товарищам оставаться на той работе, которую они сейчас выполняют) и не лучше ли было бы им (я говорю не об исключении из партии, нет) не лучше ли им самим сказать себе: да, я этой опасности не видел, я до известного периода поддерживал связи, которые заключают в себе большую опасность. Может быть, им лучше вырвать себя временно из этой среды, перейдя в другие районы, ближе к партии.

Вот в чем вопрос заключается, чисто искренне коммунистически признаться в ошибках, а ошибки были. В речи т.Енбаева мне особенно понравилась последняя его часть, которая зафиксирована. Он говорит, что не было достаточной чуткости в разрешении данного вопроса. Все национальное совещание пришло к единогласному мнению и вынесло соответствующую резолюцию, постольку, поскольку вопрос поставлен и будет поставлен искренне без нанизывания словес на дипломатическую ниточку, поскольку дается ответ на тот вопрос, который был поставлен т.Троцким. Я говорю, что после прений, истпартовских прений, мытья грязного белья, которые имелись по национальному вопросу, я вынес впечатление, что дело обстоит скверно, ибо далеко еще до твердой коммунистической линии по этому вопросу. В то же самое время я должен отметить, что грешат и грешили в этом все товарищи, которые здесь выступали. Что касается кантонных товарищей, тут выступал т.Башкиров, его выступление может быть оценено как выступление здорового товарища с центральной политикой нашей партии без уклонов куда бы то ни было. Со стороны кантонных работников более благоприятное впечатление от их выступлений. Совещание было создано для того, чтобы мы пришли к определенной единой строго выдержанной коммунистической линии, чтобы мы не с усмешкой, а усмешка была на лице некоторых товарищей, могли бы сказать, нет правых и левых, но есть коммунисты, которые проводят строго и неуклонно партийную линию. Вот к этому должно прийти и настоящее совещание. *(Аплодисменты.)*

Николаев. Товарищи, нам, военным, всего труднее уловить моменты национальной политики, моменты практического проведения ее, поскольку мы стоим в стороне и не принимаем участия в советском строительстве в самом широком смысле слова. Я вполне согласен с т.Струппе в отношении оценки прошлых прений. Прения носили характер именно исторических справок, а нам справки достаточно надоели. Надо поставить вопрос как быть с сегодняшнего дня, чтобы изжить эти ненормальности. Сколько бы мы не выражали протеста против левизны и правизны, факт, что это существует, вот уже на протяжении двух лет, пока я имею возможность наблюдать жизнь ТР. После XII съезда, после национального совещания, которое приперло нас к стене, как говорил т.Струппе, нашей организации нужно найти какую-то местную линию, взять курс и приступить к изживанию этих национальных прений. Здесь т.Енбаев очень искусно построил свою речь, подобрав ряд интересных для него цитат из речи т.Троцкого. Можно было бы с не менее совершенным искусством подобрать цитаты из речей тт.Куйбышева и Фрунзе и таким образом спорить с т.Енбаевым. Мне думается, что такой спор¹ по меньшей мере бесполезен, а то и вреден. Здесь очевидно, что постановления XII съезда и партсовещания являются для нас бесспорной платформой. На

¹ Так в документе, вероятно: спор.

основе этих постановлений нам надо найти практическую линию решения вопроса существующих разногласий. Но прежде чем приступить к изживанию этих остатков, прежде чем вступить на путь искоренения уклонов, нам нужно ответить и разобрать вопрос, что такое султангалиевщина и имеет ли она здесь корни. Если мы в этом вопросе не разберемся, то будем продолжать блуждать и правильного подхода не найдем. К сожалению, я не знаю истории революционного движения Татарии, не знаю всех группировок, которые существуют среди работников восточных окраин. Мы этим занимались мало, и не было времени заниматься этим вопросом. Я не знаю, что представляют из себя так называемые «левые», может быть, они действительно страдают, как говорил т. Зиновьев на заседании Конгресса Коминтерна, идеологией «дубового» марксизма, может, они делают ошибки в крестьянском вопросе. Все это может быть, и я судить не берусь, поскольку не знаю действительности этого уклона. Она протекала до меня, я прибыл в Казань после Саид-Галиева. Но что касается так называемого правого крыла, то я имел возможность наблюдать его политику в течение этих 2 лет. Я пришел к убеждению, как пришел к такому же убеждению т. Фрунзе, что в области практического проведения это так называемое крыло в общем и целом проводит директивы нашей партии, но по самому своему существу оно стоит дальше, дальше от коммунистической партии, от нашего пути, чем левое. Вот какую оценку дал т. Фрунзе на национальном совещании правому крылу. С этой оценкой я вполне согласен. Эту сущность, о которой говорил т. Фрунзе, сущность правого крыла, которое стоит дальше, чем левое от нас, можно было наблюдать на протяжении моей работы здесь. Она всплывала на всех конференциях и больших партийных собраниях в различных формах и, главным образом, в форме так называемой нетвердости на идеологическом фронте. И, очевидно, что здесь что-то есть. Есть уклон или недостаточная чуткость, как говорил т. Троцкий, которая уже нащупана практикой последних лет и с ней нужно вести с настоящего момента борьбу.

Товарищи, этот уклон-то на чуткость не есть ли эмбриональное состояние султангалиевщины? Я отвечаю утвердительно. С этим зародышем, поскольку нас настоящее совещание поставило к стене, необходимо найти правильный путь борьбы. Борьба будет тем более успешной, если здесь будет участвовать вся партия, а то до сих пор русская часть как будто бы стояла в стороне боясь выступления по национальному вопросу и «судьбы» национального вопроса, в наполозиривании¹ в своих руках татары. Этому нужно положить конец, нужно поставить так дело, чтобы каждый сумел активно в этом себя проявить и выявить свое отношение. Принципиальную линию ломать никто не думает, она, бесспорно, определена XII съездом и совещанием. Нам необходимо говорить о местном пути изживая указанных ненормальностей. И здесь прежде всего мы должны будем отказать от всяких ориентаций. И взять правильный курс на основе постановления XII съезда. В этом вопросе курса, мне думается грешит ОК, он накрепко на правую сторону, у него получались выступления и главы в отдельных моментах деятельности, горбы в правости, выступления и искривления мы должны будем устранить в первую очередь (*голос с места: Укажите конкретно*) (*голос с места:*

¹ Так в документе, следует: «моноползиривании».

Правильно) (голос с места: О Красной Армии прочтите). Если подойти конкретно к Султан-Галиеву, то мне думается, что он появился, разумеется, не случайно именно в правом крыле. Я думаю, что если партия не обратит внимание на этот уклон, и не примет мер, то и в дальнейшем будут появляться подобные экземпляры как вполне естественный процесс. Султан-Галиев это не взорвавшаяся бомба, это скорее химический закон, что именно правая группа выдвинула подобный экземпляр *(голос с места: Кто Арифова выделит).* Товарищи, в заключение хочу сказать, что мы должны делать сию минуту после совещания. Я думаю, что изживать эти явления можно только тогда, когда мы согласимся с тем, что все широкие слои татарских работников необходимо вовлекать в партийную и советскую работы без относительно контактом. В этом суть борьбы. В огне работы мы будем изживать и существующее разногласие. К этому вопросу ОК еще не подошел вплотную, мало вник в него. Правильно кто-то говорил, что ОК как будто бы обходило этот вопрос. Единственный выход из положения именно таков. Массовое вовлечение татарских работников в советскую партийную работу, процесс с практикой работы выявления в этом процессе конкретных фактов столкновений, несогласия и конкретные разборы между отдельными членами. Этим должны заняться и контрольная Комиссия и ОК, и все наши партийные организации.

Шаймарданов. Товарищи, к сожалению я не слушал основного доклада и докладов с мест, но все же вопрос не является неожиданным, он является известным. Я должен оговориться, что мое выступление будет излишним, то что султангалиевщина имеет корни в ТР, отрицать нельзя, это было подчеркнуто товарищами здесь, а также и в Москве в решении совещания по национальному вопросу. Тут многие товарищи хотели утверждать противное, но утверждения излишни, так как мы знаем на практике, из прошлых работ, что так или иначе Султан-Галиев имел соответствующее влияние в ТР. Многие товарищи говорили, что здесь безусловно существует такое разногласие о султангалиевщине. Инструктор ЦК т. Струппе призывал изменить атмосферу для выступления. По-моему, не стоит утверждать того, что было. Нужно говорить, как избежать ошибок, которые были допущены Султан-Галиевым; вот суть дела, которое мы должны обсуждать совещанием. Безусловно, напрасно товарищи отказываются от того, что было. Т. Ганеев особенно хотел убедить, что есть единство и больше ничего. Товарищи, если мы обратим внимание на VII конференцию, то мы увидим, было ли единство при обсуждении этого вопроса. Мы знаем, что при обсуждении доклада Областного Комитета по пункту национального вопроса, мне помнится, принято было мнение голосования 30 голосов против, следовательно, такое решение вопроса не может являться единым. Следовательно, 6 пункт резолюции совещания в Москве, где говорится, что партийные работники национальных окраин республик могли предотвратить явление независимо от предупреждения, говорит, что все это раньше предвидели и предупреждали, поэтому тем товарищам, которые допустили ошибки, приходится сказать: «Было время, теперь эти ошибки нужно исправить». Товарищи, молчанием обойти этот вопрос нельзя.

И если об этом раньше не говорили, то следует говорить в настоящее время. Многие товарищи говорили, что нет влияния Султан-Галиева в ТР.

Но мы имеем письмо, шифрованное письмо, получено т. Мухтаровым. Я не помню, где это говорили, поскольку это существует, поскольку т. Мухтаров сказал на совещании, что ни в каком письме не было сказано о басмачестве, следовательно, это письмо не первое, такая связь лишней раз подтверждается. Кто-то хотел сказать, до сих пор почему-то скрывали, вернее старались скрывать, о чем говорил т. Муслимов. Он говорил о всевозможных террорах. Разве это не говорит за то, что султангалиевщина имела место, за это говорит телеграмма, полученная наркомпросом в Башкирии о преподавании религии в татарских школах (*Брундуков: Врешь*). Т. Енбаев сказал, что решение по вопросу Султан-Галиева было только относительно Султан-Галиева, но поскольку я читал эту резолюцию и некоторые слова товарищей, выступавших в Москве, надо было подразумевать, что вопрос шел от тех, кто разделял мнение Султан-Галиева. Несколько слов скажу относительно т. Струппе. Тут говорилось о том, что ошибки и грешки так называемых «левых» в том, что они не могут держать себя гибкими, не могут понимать вопроса смычки с крестьянством. Мы имеем в Мензелинске такое явление, что 300 писем в месяц посылаются в редакцию газеты «Игенче», и до 300 человек приходит в партию за всевозможными вопросами и разрешениями. Если Мензелинский кантком считает себя до сих пор «левым», то в Мензелинске смычка с крестьянством во всяком случае в большей мере осуществляется, чем в других кантонах. Таким образом, опасения с этой стороны излишни.

Теперь вопрос относительно спекуляции. Если товарищи выступали о султангалиевщине, говоря, что она имеет корни, это не есть спекуляция. Если она была в Москве, может быть, но здесь этого не наблюдается. Надо одно — изыскание мер в подтверждение того, что было раньше, для дальнейшей успешной борьбы с этим явлением. Тут было сказано, что т. Башкиров разделял мнение ЦК партии. Мы говорим все в один голос: «Мы должны бросить все шутки, внутренние дразги относительно неправильных уклонов в стороны», но, товарищи, говорить мало, надо делать. Если говорили об этом в течение двух лет, но не приступали к работе, может, к этому были обстоятельства, поэтому сегодняшний день является не спекуляцией, он является изысканием форм для дальнейшей работы.

Галл. Товарищи, я должен в самом начале своего выступления сказать следующее. Я категорически против того мнения, которые высказал т. Шамиль Усманов, что ОК национальный вопрос ставит вдруг и в извращенном виде, и приравнивал постановку к тому, как ставит вопрос венерик, скрывающий свою болезнь. Я категорически против этого, ибо работа всех конференций, всех совещаний была работой по внедрению понимания национального вопроса. Я хочу перейти к существу разбираемых двух вопросов: к вопросу Султан-Галиева и султангалиевщины и к вопросу о работе. Я лично склонен разделить мнение товарищей, которые делили вопрос на две части: Султан-Галиев как лицо физическое и как лицо, идейно влиявшее на некоторых товарищей. Как с физическим лицом, с Султан-Галиевым вопрос покончен. Человек шел, по выражению т. Троцкого, не увидел столба, провалился. Партия ставит столб на месте провала и говорит, что всякий, кто перейдет это место, провалится. Тут двусмысленностей нет. Что же касается вопроса о султангалиевщине как об идейном течении, то об этом вопросе надо говорить конкретно.

На съезде были наши представители, были тт. Мухтаров, Енбаев, Сабиров, Живов, которым была дана возможность доказать отсутствие султангалиевщины в Татарии. Совещание в Москве установило наличие султангалиевщины у нас. Стало быть, в наличии у нас султангалиевщины повинны, конечно, мы, вся организация ТССР в целом. Однако нельзя скрывать и то, что и центр отчасти повинен в этом. В самом деле, как же не верить, что товарищ дает правильное направление в вопросах. Во-первых, он близко к ЦК, имеет влияние. Не место здесь цитировать Маркса. Я не склонен преувеличивать наших познаний в Марксе. Но одно дело Маркс, а другое дело влияние. Влияние на отдельных товарищей у Султан-Галиева имелось, от него отмежеваться нельзя и с этим влиянием и его остатками надо покончить. Была ли парторганизация Татарии подвержена влиянию Султан-Галиева? Был ли Султан-Галиев вождем для ЦК РКП(б) Татарии? Я склонен утверждать, что нет. Я не назвал бы его вождем. У нас есть вожди покрупнее. Однако вождем для партии мы считаем наш ЦК РКП и только ЧК¹. Когда товарищи связывают вопрос Султан-Галиева с деятельностью Бюро ОК, то я считаю это неверным. Может, некоторые товарищи сталкивались в процессе работы с Султан-Галиевым, с ним работали как с нашим представителем, он имел на них влияние, это может быть. Но на Бюро ОК он не влиял и влиять не мог. Мы пороку не выдумывали и трудно выдумать его, когда он уже выдуман. Мы исполняли директивы ЦК. Для нас Султан-Галиева, как вождя, нет. Говорилось, что есть султангалиевщина. Раз она есть, борьба должна быть с ней беспощадная, тогда, когда мы имеем дело с лицами, своими действиями идущими по дорожке Султан-Галиева, и должна вестись воспитательно партийным путем в другом смысле, если это влияние можно изжить и товарищей можно ввести в общепартийное русло, как сказал т. Троцкий.

Я хочу перейти к двум моментам речи т. Живова. Некоторые говорили, что доклад односторонен. Нет, т. Живов не историк, а политическая фигура; он не мог и не должен был рассказать содержание книжки, он должен был искать сущность. Может, некоторые скажут более красиво, но он должен был взять существо вопроса и, я полагаю, что доклад был ценен.

По вопросу о месте национального вопроса мне думается, что тут основа вопроса — классовая борьба, а один из подвопросов этой борьбы — это национальный вопрос. Говорить о самостоятельности национального вопроса вне понимания его сквозь призму классовую, было бы по меньшей мере не по-марксистски. Поскольку мы понимаем гегемонию пролетариата, смычку его с крестьянством, постольку мы должны понимать подсоюзную роль национального вопроса в классовой борьбе за социализм. На меня лично выступления товарищей, хотя они говорили все то, что накипело у них на душе, произвели тяжелое впечатление. Тут товарищи, вместо того, чтобы реально ставить вопрос, вместо того, чтобы поставить вопрос так, что речь идет о работе, а не о вождях, вместо категорического отмежевания от Султан-Галиева, с одной стороны, и серьезного продумывания вопроса о вовлечении крестьянства Татарии в орбиту нашего влияния — с другой, товарищи, начинают излагать лирически, как провожали одного вождя на вокзал, как другого вождя скатили. Один не настоящий вождь, его выгнали. Другой лучше —

¹ Так в документе, вероятно «ЦК».

давайте его рекламировать. Товарищи, вождей областного масштаба нет, мы все вместе работаем, надо ставить вопросы на деловой почве. Была констатирована контрреволюция. Давайте думать о том, как сделать, чтобы работа шла в рамках единой партии. Теперь о «левых» и «правых». Я лично думаю, что «левой» коммунистической партии нет, одно дело «левая» фразеология, другое дело — делом заниматься. Если товарищ левее партии, ему место не в партии. Если правее, то тоже место не в партии. Дело в том, что мы имеем партию не с тупым казенным мышлением, а имеем некоторое пространство для мысли, где имеются известные варианты, но они переходить известную грань не могут, и поскольку вариант уместается в рамках партии, постольку речь может идти о внутрипартийной советской работе. Я думаю, что нам надо принять к сведению и руководству, что эти два течения допускаются только в рамках партии, и кто переступит грань партии, будет вне партии. О преданности партии мы можем судить по выполнению партийных директив в работе. Тов. Сагидуллин заявил о том, что они, т.е. «левые», ушли налево постольку и потому, что другие ушли направо. «Мы, мол, стоим на месте и ушедшим направо кажется, что мы склонились налево». Это все разговоры, сводящиеся к непродуманной болтовне, которую мы слышали также от Сагидуллина на партконференции, когда комитету было предъявлено следующее. ОК вместо того, чтобы сидеть в курьерском поезде, сидел в шарабане. Выходило, что в ОК дураки сидят, идиоты, не понимающие прелести курьерского поезда. Нам оставалось сказать тогда, что рельсы надо раньше положить, а потом думать вообще о поезде. Сейчас надо сказать, что с «правыми» и «левыми», работающими вне партии и приносящими вред партии, должна быть беспощадная борьба. Поэтому заявление товарищей меньше всего допустимо, это надо отбросить. Товарищ секретарь Мензелинского канткома высказывает такое положение: у нас в Мензелинке татары выше русских, а вот бюро ОК ничего не понимает, у нас есть достаточно данных, чтобы доказать, что это не серьезно. Всякие выступления, которые касались того, что надо менять направление, что надо из положения вора, в котором оказалась наша организация, которого в чужой деревне поймали, выпутываться, всякие такие положения надо отбросить. ОК держал и держит ориентацию на коммунистов. Я не имею чести говорить за весь комитет, я только 23-я часть комитета, но я знаю, что при всех действиях мы держим ориентацию на коммунистов. Не надо иметь неправильного понятия об ОК, что комитетом кто-то играет, я думаю, что вы не столь плохого мнения о товарищах, работающих в ОК. Я заявляю, что комитет держит линию не на «правых» и «левых», а на партию, и всякий, кто отклоняется в ту или иную сторону, он должен быть поставлен на соответствующее место. Вот что я хочу сказать всем искателям новой линии для ОК, всем, кто в этой линии хотел искать направленность. ОК своего направления не выдумывал. ОК держался линии общепартийной и советской линии нашего ЦК и проводил ее как можно лучше на месте, и новых платформ, новых линий искать не приходится. В практической жизни могут быть те или иные ошибки, но бравировать левизной, это история не проходящая. С левизной и правизной, разлагающей партию, надо бороться, и линию партии надо вести тверже и неуклонно дальше, согласно директивам нашего ЦК.

Ибрагимов. Товарищи, все ораторы начинали и кончали свои речи об

отвратительном предателе, т.е. Султан-Галиеве. И мне тоже, к сожалению, приходится начать этим именно. Я хочу остановиться на трех моментах: 1 — что такое султангалиевщина, 2 — о методах работы в восточных республиках, вообще в Татарской Республике в частности, и 3 — в борьбе с остатками султангалиевщины. Товарищи, нам, марксистам — коммунистам, особенно долго не придется останавливаться, что такое султангалиевщина. По своему классовому положению — это мелкая буржуазия, которая так или иначе, по тем или иным причинам проникает в пролетарскую среду, это называется на Западе социал-соглашательством, а в России — меньшевизмом. Эти группы на словах также боролись за идею пролетариата, также казались борцами против буржуазии. Но после Февральской, Октябрьской революций эти элементы раскрыли свои сущности и очутились на противоположном лагере. Затем, когда не стало возможности выступать против коммунистической партии, те элементы вынуждены были принять коммунистическую массу¹. Т.Сталин в своем докладе говорил, что правый уклон тоже маска — как меньшевизма. Султангалиевщину можно также назвать меньшевизмом среди восточных народностей. Русский меньшевизм нашел свой конец в колчаковщине, а наш восточный меньшевизм — в султангалиевщине. Кончил тем, что имел связь с басмачеством. Поэтому нам долго говорить об этом не приходится. Т.Ленин в одной из своих речей говорил, что меньшевизм есть разврат, внесенный буржуазией в ряды пролетариата. Султангалиевщина тоже развратила, безусловно, многих честных молодых товарищей и крестьян. С этим развратом нам придется вести борьбу. Одним словом, нужно иметь в виду ясно и определенно, что мы имели дело с меньшевизмом. Второй момент — о методах работы. Товарищи, еще и в других случаях много придется говорить. Т.Струппе бросил упрек, что тут было много истпартовских речей. Да, это было. Но это вина нашего Истпарта и ОК, которые не могли издать книги по революционному движению среди татар и благодаря чему в одном совещании некоторые товарищи вынуждены были делать справки, и поэтому некоторые товарищи занимались истпартовской работой. Мне приходится тоже несколько начать с истпартовской работы. Товарищи, как я уже сказал, второй важный момент — это о методах работы среди восточных национальностей вообще, среди татар — в частности. Чтобы определить эти методы работы среди той и другой народностей, нам необходимо первым делом определить, в какой среде будем работать? А в какой среде приходится работать нам, коммунистам-татарам? В такой ли, как в Киргизии, Бухаре, Турции? Нет, у нас среда немного другая. Вам, товарищи, особенно тем, кто знаком с историей различных народностей в России, это не представляет затруднение.

Как известно, со второй половины 19 века в связи с общим развитием хозяйства экон. России, у нас среди татар выступает на арену истории новый класс — татарская буржуазия, кроме того, у нас торговый капитал начал переходить в промышленный капитал. Тут у нас, с одной стороны, создается пролетариат, а с другой стороны — и в деревне среди татар проникает влияние капитализма: выделяются бедняки и кулаки. Это классовая дифференциация. С одной стороны, развилось кулачество, с другой — крестьянская беднота. Во время империалистической войны и классовые взаимоотно-

¹ Так в документе, следует, вероятно: маску.

ношения обострились, и мы вошли в Февральскую революцию в таком положении, что два класса друг друга брали за горло. Повсюду среди татар создавались классовые организации и т.д. Таким образом, мы при определении методов должны принять все это во внимание, когда примем во внимание, тогда будут методы другие, чем в Киргизии или Дагестане. Т.Муслимов проговорился, что у нас имеется 3 тыс. татарских пролетариев. Нужно дать справку: он сказал, что 3 тыс. рабочих только в одном Пороховом заводе. Рост пролетариата, как уже сказано, среди татар начинается с 19 века. Нам приходится констатировать при определении метода следующие силы: с одной стороны — буржуазия, к которому примыкает кулачество, с другой стороны — хотя малочисленный, но довольно мощный татарско-русский пролетариат. Тут товарищи забывают о русском пролетариате. Такой односторонний подход к учету социальных сил нашей республики совершенно не годится. Наше самоопределение не есть экстерриториальная культурная автономия (при которой можно было рассчитывать только на татарскую часть населения), но при советских территориально-областных автономиях необходимо иметь в виду всю совокупность классовых сил, среди которых русский пролетариат занимает довольно крупное место и на который наша власть, наша партия так же опирается, как на татарский пролетариат и крестьянство. Теперь вопрос о борьбе с остатками султангалиевщины. На самом деле, есть ли эти остатки? Но прежде всего пару слов о левизне и правизне.

Когда тт. Ганеев, Усманов и Валидов говорили, что «Вы отрицаете республику», вышло очень странно, товарищи, как вам не стыдно, вы знаете, как они, так называемые «левые», боролись за самоопределение, вы знаете что тт. Ахмадеев, Рахматуллин, Муслимов и другие всегда голосовали за республику. И, зная все это, в данном совещании заявили, что они против Татреспублики, — это, товарищи, бессовестно. Что касается вопроса о борьбе с остатками султангалиевщины и разногласий между «правыми» и «левыми», то здесь уже объяснили, что корень разногласий заключается в том, что одно течение за основу берет интересы пролетарской революции, другое — национальный интерес. Поясним далеким примером. Т.Павлов как-то отметил в своей одной статье, что в Турции одна организация, она называется коммунистическая. Один представитель этой Турецкой коммунистической организации писал, что их основная цель — национализм, а пролетарская революция и коммунизм для них является только средством для достижения этой национальной цели.

В идеологии «правых» товарищей есть много тех элементов, которые напоминают турецких коммунистов. У них блок с буржуазией и тесная связь с национальным элементом, как указал тов. Лазарев. Этот маленький штрих из жизни Бутульминской организации показывает, что они находились идеологически под влиянием буржуазных элементов.

Когда тут критиковали коммунистов-интернационалистов, их обвиняли в том, что они не могут провести в жизнь смычку с крестьянством. Товарищи, после доклада представителей Мензелинской организации такое обвинение, безусловно, не имеет никакого основания: ибо нам ясно, что полная смычка с крестьянством достигнута именно и прежде всего в Мензелинском кантоне, а именно там, как Вам известно, работают только РКСМ интернационалисты.

Несколько слов о борьбе с остатками султангалиевщины. Какие методы.

Есть ли на самом деле эти остатки. К сожалению, приходится сказать, что кое-где и кое у кого даже в данном совещании эти остатки ясно чувствовались. Когда говорили гг. Усманов, Ганиев, Валидов, мне стало жутко, я чувствовал, что хотя Султан-Галиев лично ликвидирован — исключен из партии, но когда слышишь некоторые речи, чувствуешь, что тень Султан-Галиева как будто пролетала над этим залом, потому что эти речи повторяли его мысли, его слова, его мотивы, только в более бледной форме.

Как бороться. Какой метод. Это, я думаю, всем ясно. Методы нашей коммунистической партии известны, в числе этих методов есть и партийное воспитание и убеждение, и принуждение, смотря по каждому конкретному случаю могут и должны быть применены эти различные методы.

Шварц. Раньше, чем приступить к основным вопросам, мне хотелось бы дать справку тов. Якубову, который думает, что данное совещание создано исключительно для того, чтобы разбирать вопрос о Султан-Галиеве и султан-галиевщине; он несколько ошибается. Совещание создано для того, чтобы, разобрав вопрос об изжитии остатков султангалиевщины в Татарской республике, выработать пути, мероприятия для практического проведения в жизнь постановлений XII съезда партии. Тов. Ибрагимов остановился на трех вопросах: что такое султангалиевщина, каковы условия работы в Татарской республике и как бороться с султангалиевщиной, а основного, т.е. как проводить дальше работу, чтобы осуществить целиком и полностью постановление XII съезда, он не коснулся. Мне кажется, что прения необходимо вести по двум направлениям: о борьбе с султангалиевщиной, получившей некоторое распространение в нашей республике, и о практических мероприятиях по проведению в жизнь резолюций партсъезда по национальному вопросу.

Султан-Галиев из партии исключен, таким образом, как политическая единица он умер, и о нем говорить не приходится, что же касается султангалиевщины, то для изжития этого явления придется немало поработать. В этом отношении московское совещание в достаточной мере нам помогло. Наметив определенные вехи для борьбы с этим злом, все ораторы, выступавшие до меня, касались исключительно вопроса о «левых» и «правых» коммунистах; почти все старались знакомить совещание с материалами, добытыми из архива, относящиеся к периоду 18—19 гг. и объявления Татарской республики, а о настоящем, т.е. что необходимо предпринять нашему столь авторитетному совещанию для прекращения грызни, ничего не говорилось. По адресу ОК было пущено много упреков и, главным образом, со стороны товарищей, именующих себя «левыми». Говорят, что ОК недостаточно сделал в смысле проведения национальной политики в Татарской республике. Вы помните, товарищи, что нередко бросали подобные упреки и на предыдущих конференциях, и если мы обернемся назад, то увидим, что Областной комитет в этом вопросе сделал чрезвычайно много.

Кто ставил вопрос о национальной политике на 7-ой партийной конференции, кто привлекал татарских работников в партийное, советское и профессиональное строительство?

Кто созвал совещание и поставил вопросы, какие мы обсуждаем сейчас и чья линия и деятельность последней конференцией одобрено?¹ Каж-

¹ Так в документе.

дый из вас беспристрастно должен ответить, что вся эта работа проделана Областным комитетом, а линия последнего и деятельность конференцией признана вполне удовлетворительной. Мне кажется, что выступать с критикой исключительно для критики, но не для анализа работы Областного комитета не следовало бы. Перевернем страницы истории нашей организации на год назад, и «левые» товарищи должны сознать, что правильного разрешения национальной политики в нашей организации тогда не было. Мы должны беспристрастно констатировать, что напор великодержавного шовинизма был особенно силен. Областной комитет нанес этому течению довольно сильный удар, и линия организации была выравнена, но это лишний раз подчеркивает, что если придется нанести такой же удар по правому крылу, то Областной комитет и с этой задачей справится, и линия партии не будет нарушена. Некоторые товарищи касались отдельных руководителей татарской организации, отождествляя их линию поведения с Султан-Галиевской. Этот вопрос обойти молчанием не придется, придется поставить точку над «и» и вещи называть своими именами, но об этом позже. В выступлениях товарищей необходимо внести определенную ясность, ибо, к сожалению, объективного подхода не было: тов. Енбаев цитировал из речи Троцкого несколько строк, которые он считал выгоднее для себя, не оглашая значительную часть речи последнего, и, таким образом, мысль тов. Троцкого целиком на нашем совещании не была освещена. Тов. Николаев цитировал речь тов. Фрунзе и останавливался на моментах, казавшиеся, с его точки зрения, правильными. Чтобы быть объективными и иметь полное представление о работе московского совещания, необходимо прочесть как речи докладчиков, так и прения по ним, заключительные слова, которые искажают весь смысл речей членов Центрального Комитета нашей партии. Поскольку трудно за такой короткий срок ознакомиться со всеми этими речами, нам придется, по моему мнению, главным образом базироваться на постановлениях, принятых московским совещанием.

Дальше. Виноваты ли те товарищи, которые были связаны с Султан-Галиевым и иные стоят у власти? Мы не можем сказать, что они не виноваты. Ясно и определенно мы должны заявить, что они виноваты; но можем ли мы постановить их на одну доску с Султан-Галиевым? Конечно, нет. Султан-Галиев — изменник, предатель рабочего класса, связал себя с басмачами и т. д. Наши ответственные руководители — татарские коммунисты виноваты в том, что они недостаточно следили за Султан-Галиевым (у меня нет оснований говорить, что они были в курсе его планов до мельчайших подробностей), но они ему чересчур доверяли.

(Голос с места: Мы люди маленькие, ЦК ему больше доверяло...¹ где необходимо было одергивать, этого со стороны наших товарищей сделано не было.)

(Голос с места: Султан-Галиев выдвигался руководителем...²) Третий пункт постановления, предлагаемый вашему вниманию Бюро ОК, гласит, что мы в короткий срок должны изжить султангалиевщину определенной, систематической и упорной работой, чрезвычайно умелым подходом, не рубя

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

топором, и Областной Комитет, проводивший до сих пор определенную партийную линию, державший путь не вправо и не влево, а прямо, справится и с этой задачей, и султангалиевщина будет изжита. Кто-то из тозарищей интересовался, какое течение для партии труднее — «правое» или «левое». По этому поводу можно спорить, но, наученные горьким опытом работы в Татарской республике, мы должны констатировать, что как одно, так и другое течение вредно. Если «правые» не могут представлять противоядия националистических веяний, усиливающихся в связи с нэпом, и, постепенно уклоняясь от правильной линии партии, докатываются до той стороны баррикад, они становятся нашими врагами и предателями рабочего класса. Левая, перегибая в другую сторону, не умеет быть гибким в отношении буржуазно-демократических и лояльных элементов населения и не умеет маневрировать для овладения большинством населения и своим уклоном могут повредить нашей смычке с крестьянством.

Итак, мы должны констатировать, что как «правое», так и «левое» течение для партии вредны. Хотелось бы, говоря о таких серьезных вопросах, какие стоят на повестке для нашего совещания, чтобы личные моменты были избегнуты.

Тов.Негомезьянов¹ влюбился в тов.Саид-Галиева только потому, что он приехал в Казань в рабочей блузе; другому товарищу будет нравиться слишком тов.Муктаров; и ни тот, и ни другой не замечают и не хотят замечать минусов. А видят исключительно плюсы. Такие выступления несерьезны. Если мы спросим, кто дельнее и лучше справляется с советской работой, точка зрения «правых» и «левых» (если оценка будет объективна) сходятся, и против этого никто возражать не будет. Дальше старая песня на тот же лад — гонения со стороны ОК на «левых» коммунистов. Во избежание повторения подобных упреков в будущем необходимо раз и навсегда запомнить справку, что ОК, выделяя того или иного татарского работника для той или иной работы, никогда не наводил справки о принадлежности его к той или иной группировке, а исходил исключительно с точки зрения работоспособности. Если плох работник — необходимо снять; хорош работник, подает надежды — нужно выдвигать независимо от того, «левый» он или «правый». Такую линию ОК проводил, и думаю, что будет проводить.

Несколько слов об идеологическом фронте. Борьба нужна, но нельзя останавливаться на мелочах, забыв основное. Тов.Сагидуллин вспомнил историю о давно похороненном календаре, коснулся вопроса привлечения интеллигенции, особенно отмечая вред для нашей партии и советской власти использование татарских националистов. Я полагаю, что удар необходимо наносить по обоим направлениям: члены Союза русского народа, кадетские элементы, засевающие в наших учреждениях, нам вредны. Еще более вредны при нэпе меньшевик, а в условиях Татарской республики — панисламисты и с ними. Распространяться по вопросу о привлечении интеллигенции незачем, ибо в нашем распоряжении имеется пункт резолюции московского совещания, где ясная директива нам дана, в частности, здесь: «в республиках и областях, стремясь завоевать поддержку трудящихся масс, местного населения, необходимо в большей мере, чем в

¹ Так в документе, следует: Негметзянов.

центральных районах, идти навстречу элементам, являющимся революционно-демократическими или даже просто лояльными в отношении советской власти. Роль местной интеллигенции во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции центральных районов Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами. Коммунист на окраинах должен помнить: я — коммунист, поэтому я должен, действуя применительно к данной среде, идти на уступки тем местным национальным элементам, которые хотят и могут лояльно работать в рамках советской системы. Это не исключает, а предлагает систематическую, идейную борьбу за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклонов к национализму. Только таким образом можно будет изживать успешно местный национализм и перевести на сторону советской власти широкие слои местного населения». Это ясная директива, которой нам надо будет руководствоваться. Бояться нам нечего, тов. Сагидуллин. В распоряжении партии пролетариата имеются аппараты, которые должны следить, следят и будут следить за всеми теми, кто может принести вред власти пролетариата. Из выступлений остальных товарищей необходимо отметить тов. Забицкого. Последний слишком много останавливался на «левом» течении, называя его нигилизмом, а о грехах «правых» ни одним словом не обмолвился. Но больше всего поражает выступление членов ОК тт. Николаева и Габидуллина. И тот, и другой чуть ли не все время принимали активнейшее участие в работах ОК (участие их в работе я считаю присутствием их на всех заседаниях ОК), и я не помню случая за период советской работы, чтобы кто-нибудь из них в ОК поднимал вопрос о недостаточном обсуждении национальной политики. Тов. Николаеву и Габидуллину рекомендуется прежде чем выступать, обдумать то, о чем они хотят говорить.

Товарищи, вы сегодня здесь констатировали, что отдельные товарищи нашей организации виновны в том, что недостаточно следили и одергивали Султан-Галиева. Это не значит, что на этом можно спекулировать и получать известные козыри для фракционной грызни.

Те товарищи, которые были связаны с Султан-Галиевым, на московском совещании голосовали за его исключение, и организация будет поддерживать этих товарищей до тех пор, пока они не перешагнут известные границы и не станут по ту сторону баррикад. Пора покончить и с «левыми», и с «правыми». Наша партия должна быть единой. Тов. Фаскутдинов, желая оправдать, точнее, умалить уклон «правых», заявил, что сравнительно недавно Назир Усманов, называвший себя «левым», перекочевал к басмачам. Это старо, ни для кого не секрет, что в 18—19 гг. в Забулачной республике в качестве заправил мы видели и тех, которые называют себя «правыми», и тех, которые именуют себя «левыми», на этом нужно поставить крест.

Уходя с этого совещания, мы должны покончить со всеми течениями и группировками, которые идут во вред нашей партии. Наша организация с корнем вырвет султангалиевщину и в то же время устранил и «левые» болезни, еще не изжитые нашей организацией. (Аплодисменты.)

Блудай. Товарищи, несколько слов по вопросу о том злополучном татарском пролетариате, который здесь упоминается. Мне кажется, здесь существует некоторая путаница. Рабочие татары есть, этого никто отрицать не будет, но существует ли квалифицированный пролетариат. С этой стороны нужно сказать что в промышленности ТР в Донбассе на Урале и всюду труд татар применяется как подсобные рабочие силы, и в силу такого положения татарских рабочих сознательность ниже, чем русских. С этой стороны существует некоторая недоговоренность, туманность, неясность и ломать копыя на этом простом вопросе не следует. Тов. Ганеев касался вопроса фабрично-заводского ученичества. Я лично уделяю вопросу не меньше внимания и полагаю, что здесь в ТР в Казани, вопрос о создании кадра туземного пролетариата стоит остро. Да простит мне тов. Ендаков, но я не соглашусь с ним, что профсоюзы проделали особенно большую работу в деле урегулирования вопроса промышленного рабочего татарского пролетариата (*Ендаков председателю: Запиши меня 2-й раз*). Основной кардинальный вопрос, который надо было разрешить — это вопрос применения труда рабочих татар. Нельзя допускать, чтобы применение труда сохранило хищнический порядок, который был наследован от капиталистического строя. Когда потребляется труд татар, например на Бондюжском заводе на самых тяжелых и вредных работах. С этой части надо было начать работу. Вот та печка, от которой надо было танцевать. По этому вопросу — о подготовке квалифицированного кадра, является основным вопросом.

Сейчас имеем самое отчаянное положение, когда подростки, находящиеся в производстве, бронированные в производстве, имеют в своем составе только 4—5% рабочих татар. Я докажу это не только на цифрах, но и на примере. Предприятия порохового завода имеют 3% подростков татар. Здесь говорить о подготовке кадра квалифицированных рабочих нельзя. В Бондюжском заводе татар рабочих нет, их труд употребляется только как подсобный. Такого разделения труда по национальному признаку нельзя.

Это первый вопрос.

Второй вопрос — не буду касаться султангалиевщины, а дам только справку. Казанское городское собрание в день 4-летия организации РКСМ приняло почетным комсомольцем члена партии Султан-Галиева (*голос с места: Какого числа*). В апреле месяце. Что будет делать казанская организация с исключением из партии, с вошедшим в связь с басмачеством. Если это говорить, то организация является коммунистической и бросаться делать не стоит, тов. Ибрагимов. У нас не было информационных средств, мы не знали, что Султан-Галиев исключен. Мы знали его как коммуниста и наряду с другими включили в список почетных комсомольцев. Далее остановлюсь на вопросе о воспитании подрастающих кадров. И если будут сглажены отдельные трения группировки, то все же наиболее стойкий марксистский кадр будет подготовлен только из молодежи, на это надо обратить внимание совещания, не только на молодежь в РКСМ, но и на ту, которая находится в рядах партии, к ее воспитанию надо установить самое бдительное отношение.

Тов. Павлов говорил об отрыве комсомола от партийной организации. Отрыва не было. И партийная организация и комсомол должны быть тесно

связаны, я в этом вполне согласен с тов. Павловым. Но самое основное, что должно быть принято во внимание, это перевоспитание подрастающих коммунистических кадров, что до сего времени в ТР уже сделано. На это дело необходимо выделить выдержанных устойчивых коммунистов, иначе дело все равно не пойдет. Доверять перевоспитание молодым членам партии этого никак нельзя, ибо они могут свихнуться. Нужно обязательно выделить специально ряд партийцев и к этому подбору относиться особо осторожно. Лично приведу маленький пример. Не буду называть имен. Скажу, какие мнения могут вызывать слова старых партийных работников в молодежи. Был случай, когда мне самым авторитетным тоном стали заявлять о ТР, дело будет обстоять так: с туземным национализмом будут бороться татары, с великодержавным шовинизмом будут бороться русские. Это говорил старый выдержанный коммунист. Здесь вопрос обстоит в том, что нельзя всех старых партийцев прикреплять к работе среди молодежи. Нужен тщательный подбор. Несколько штрихов по поводу «правых» и «левых» среди молодежи. Тов. Павлов по поводу молодежи говорит: Я лично знаком с группировками среди татар, беру смелость утверждать, что большой грех в деле разложения рядов работников комсомола несут так называемые «левые» больше, чем «правые», потому что последние этим не занимаются и травля эта велась по поводу Татарии и ТР. Я за это их осуждаю. И в ТКУ, пусть простит мне тов. Бронштейн, он со мной не согласился, известное воспитание в кавычках проделывается, там, говорят, молодых партийцев с определенным уклоном влево (*голос с места: Факты*). По вопросу создания молодых кадров нужна специальная резолюция, в ней черным по белому должно быть врублено в голову всех, что наша партийная школа не должна разделяться на «правых» и «левых». Мы не хотим создавать Султан-Галиева, надо создавать пластичных коммунистов, которые могли бы приспособиться к условиям работы на Востоке, и здесь разложение партийной молодежи и вовлечение ее в групповые дрязги, это более серьезное преступление, чем преступление, которое совершил Султан-Галиев. Это определенная контрреволюция, и с этой стороны нужно особо тщательную работу вести, это слишком большое серьезное отражение.

Потом приведу несколько примеров. Мне приходилось сталкиваться со студентами ТКУ. Какое кривое отображение мы видим среди этой партийной молодежи. Идет вопрос о пролетариате. Когда устанавливается с цифрами, что татарского пролетариата нет, вопрос находится в тяжелом положении, ребята лезут просто из принципа на стену и говорят, что ничего плохого нет, начинается определенная демагогия. Когда началась кампания уразабайрам, студенты устраивали спектакль в татарском театре — народ не пришел. И надо было утверждать, что Областной комитет молодежи сорвал спектакль. Я говорю самые кривые демагогические примеры. Несколько слов можно говорить о мензелинцах. Я не раз об этом говорил, где определенная линия проводится канткомом по национальному вопросу, где есть определенное внедрение в работу молодежи. Это достаточно яркий штрих. Еще на одном серьезном вопросе надо остановиться. Это заявление тов. Смолова, что между русскими и татарскими массами все-таки некоторое недоверие существует. Мне кажется, что с этой стороны опасность представляется гораздо большая, чем мы видим. Здесь есть несколько личных моментов, которые

выражают выделение, нужно эту опасность изжить. Наряду с этим мы мало уделяли внимания, я считаю, что наш партийный комитет успокоился слишком рано, слишком мало борется с отцом всех уклонов — великодержавным шовинизмом, его надо изжить. Раз мне пришлось говорить с одним работником аппарат одного из канткомов. Он заявил, что у него старые убеждения, что он не признает ТР. Тогда я его спросил, как мыслит он сейчас. Он говорит: ОКК приказала, я так и думаю, но я свои взгляды не изменил. Мне кажется, что таких товарищей надо отправлять на курсы, и ОК мало обращал внимание на обработку русских товарищей. Еще один момент, когда тов. Мансуров на мой вопрос о достаточности внедрения в психологию русских решения съездов по национальному вопросу заявил, что этого недостаточно. Я буду утверждать, что эта глубокая работа не проделана, и потому мы встречаем большие уклоны.

С ним в первую очередь мы должны бороться воспитанием, внедрением в психологию партийных масс, решения партийного съезда и партийных конференций.

Лазарев. Товарищи, второй день мы заслушиваем здесь прения, но установить то, чего хотят товарищи, очень трудно, потому что здесь большинство выступают дипломатически, может мы, как рабочие, не можем в этом разобратся. Если в дипломатии применять старый метод, то дипломату дан язык для того, чтобы скрывать мысли. Вопрос нам ясен. Что нам спорить о том, какую взять линию. Линия определенная есть — постановление XII съезда. Нам нужно глубже продумать и применительно к местным условиям проводить в жизнь. Вот здесь есть загвоздка. Не все достаточно поняли постановление XII съезда и поему у нас есть некоторые прения. Чтобы обеспечить проведение постановления XII съезда, нам здесь необходимо согласовать его выводы, выяснить мнение товарищей, которые не вполне согласны. Но товарищи прямо не высказываются, а выжидают дальнейшего. Тов. Забицкий здесь говорил, что препятствия к проведению есть, ибо некоторые товарищи скрывали свои мысли, не высказывали их откровенно. Т. Забицкий хотя доказывал, что по словам докладчиков можно установить, что султангалиевщины нет, то мы видим, что в проекте резолюции ОК сказано, что нужно вести борьбу с султангалиевщиной, следовательно ОК думает, что она есть. Все примеры, работа на местах говорят, что она есть, она сходит главным образом из центра. Я не хочу сказать, что это исходит из ОК. ОК далек от этих мыслей, он присылает циркуляры, вполне согласованные с постановлениями XII съезда и лишь только измененные применительно к местным условиям, но все же нужно сказать, что некоторые товарищи здесь есть (*голос с места: Кто?*). Я потом скажу (*голос с места: Сейчас скажите*). Я потом скажу. Например существуют такие вещи: ОК распределяет партийные силы по их знаниям, специальности, выдержке, но помимо ОК у нас есть другое перераспределение. Некоторые комиссариаты, не согласуя вопрос с ОК, заменяют одних работников другими. И когда вступишь, то увидишь, что они все одной марки, одного течения. Это не нормально, так как это безусловно тормозит работу. На нашем посту все благополучно, говорят иные товарищи, они попросту дипломатничают, например, т. Синюшин вчера говорил, что все благополучно, а сегодня ночью он мне сказал, не все благополучно. Дальше т. Мансуров пытается определить, кто именно от-

сюда руководит. Я человек откровенный. Вчера, беседуя с Хайруллинским, с нами присутствовали еще некоторые товарищи, он говорил, что здесь недавно после исключения из партии Султан-Галиева было совещание татар. Это что значит? Давайте протокол этого совещания, мы убедимся, какие вопросы разрешали, если это скрывают, то разрешите думать, что все эти товарищи работали с Султан-Галиевым. Но такие явления сильно тормозят работу. Я говорю, что на местах все эти недоговоры, неясности и дипломатничания создают тормоз для общей работы. Я имею записку от т.Исхакова, он пишет, что твой пример неудачен об уполномоченном РКП. Нет, совершенно удачен, таких примеров приведу много. Если бы сказать все, то вы бы убедились, что помимо ОК идут назначения и переназначения — это явление не нормальное. Те товарищи, которые назначаются помимо ОК, они все одного взгляда. Из этого разрешите установить, что здесь что-то есть. В этой плоскости нужно решить вопрос. С рабочими головами не можем разрешить.

Если вопрос оформился на XII съезде, то мы должны подчиниться этому решению, но не все товарищи думают так, как лучше провести постановление XII съезда, а стараются проектировать, переумничать постановления XII съезда и искать другие пути. Я с этим не согласен, так работать очень и очень трудно, этим я закончу.

Брундуков. Товарищи, основная мысль т.Лазарева мне нравится, то же самое хотел сказать и я. Но мне кажется, тов. Лазарева надо призвать к порядку, чтобы он в будущем хорошие мысли не затемнял ничего не стоящими мелочами. Вопрос о замене уполномоченного РКП настолько его задел, что об этом говорит целых полтора года, да притом видит в этом султангалиевщину. Ведь этот уполномоченный был русским, а тов.Исхакова, наркома РКП, как хотите, никак не могут причислить к «правым» — так что т.Лазарев не в тот огород попадает (*смех*).

Я предварительно хочу остановиться не на личностях, а на выступлениях некоторых личностей, для того, чтобы затем правильнее подойти к оценке момента, так как многие товарищи искажали исторические (зафиксированные) факты. Начну с тов.Ахмадеева. Он говорил: «В ТССР как будто дело обстоит ничего, но что-то есть». Когда с места ему задали вопрос, что есть. Он ответил: «В ТССР привилегии даются национальному вопросу в ущерб классовому».

Товарищи. Татарская республика блестящим образом (в образец другим окраинам) существует 3 года, ею руководит Областной комитет РКП по указаниям и директивам ЦК, притом ТССР имеет известные организованные кадры пролетариата (я говорю, главным образом, о русском пролетариате). Если бы руководителями Татарской республики игнорировались интересы пролетариата, то, я вас уверяю, не было бы той организованности, которую мы имеем в течение последних двух лет (*голос с места: Неправда*), да и ЦК нашей партии давно указал бы этим руководителям надлежащее место. Этого не случилось, следовательно, того, о чем говорит Ахмадеев — нет. Ахмадеев, чуть ли не всех работников татар ТССР причислил к лику султангалиевщины, выставляя основным аргументом обвинения вопрос о создании Восточной коммунистической партии. Позвольте, товарищи, это неправильно. Ведь это было как раз тогда, когда Ахмадеев и Галимзян Ибрагимов были друзья-

ми Султан-Галиева и когда мы работали против этой компании (*голос с места: Правильно*), когда на страницах уральских газет мы критиковали их и когда за это мы терпели гонение. Затем на конференции коммунистов татар в Казани перед созданием Татарской Республики мы все восстали против создания Восточной коммунистической партии и высказались за сохранение единства РКП, и только тов. Баимбетов и Баимбетова (Ваши приятели, т. Ахмадеев) настаивали на создании Восточной партии во главе с Султан-Галиевым (*голос с места: Неправильно*).

Нет, правильно, имеется стенографический отчет, отпечатанный в виде отдельной книги.

Вторым аргументом обвинения т. Ахмадеев выставляет тот факт (я не отрицаю, грешен в этом), что мы, как работники из других окраин, стремились к привлечению в партию максимум татар. Еще в Перми я вел эту работу, потому что было время после отъезда Саид-Галиева, когда на весь Урал нас осталось три человека коммунистов татар (Мухтаров, Мавлюдов). Мы эту работу вели. Эту работу я в 1919 и 1920 годах продолжал и в Казани. Тов. Ахмадеев тогда был редактором татарской газеты «Красная Армия», и сам писал статьи и агитировал за это, потому что момент был такой.

Московское совещание говорит, что эту работу нужно продолжать и сейчас, делая те или иные уступки (*голос с места: Какие элементы привлекать в партию — вот вопрос.*) Я говорю о трудящихся.

Одно замечание по поводу выступления т. Нигамедзянова¹.

Его грешок заключается в том, что он совершенно не знаком с революционным движением среди татар, а выставляет серьезные вопросы. Он выставил вопрос, есть ли у татар пролетариат или нет, обвиняя руководителей Татарской Республики в том, что одни же отрицают наличие татарского пролетариата. Вопрос когда-то обстоял как раз наоборот.

В прошлом году на конференции коммунистов татар-башкир в Москве устами Шаг. Ибрагимова именно так называемые «левые» отрицали наличие татарского пролетариата. Мы говорили обратное и сейчас говорим: «Понятно, у татар есть пролетариат, но он не такой, как русский, он малочислен, он не квалифицирован, не закален в боях...»

Теперь разрешите перейти к вопросу о Султан-Галиеве и султангалиевщине. Из приведенных мною выше справок видно, что такой спайки между Султан-Галиевым и коммунистами татарами, о какой говорили здесь некоторые товарищи из «левых», разделения всех точек зрения Султан-Галиева вовсе не существовало. Сваливать всех в одну кучу только за то, что они когда-то здоровались с Султан-Галиевым за руку, нельзя. Тогда в ту же кучу нужно свалить и Ахмадеевых, Ибрагимовых и Баимбетовых, потому что они больше дружили с Султан-Галиевым, они были за него, когда мы были против (*голос с места: Правильно*).

Ведь Султан-Галиев был лицом официальным, ему доверял ЦК (может быть, ему не доверяли, за ним следили, но нам об этом никто из ЦК не говорил). Как же я не мог доверять Султан-Галиеву, когда я воочию убедился на неоднократных важных совещаниях по национальному вопросу, что его мнения одобряются и Лениным и Сталиным, Троцким и остальными

¹ Так в тексте, следует: Негметзянова.

руководителями в то время, когда линия Саид-Галиева по национальному вопросу подвергалась осуждению.

Теперь, когда Султан-Галиев официально дошел до точек контрреволюции, мы его осуждаем, клеймим позором и говорим, что ничего общего у нас с таким элементом не имеется. Мы будем бороться с султангалиевщиной, как боролись своевременно с лево-эсеровщиной, рахматуллинщиной, будем твердо искоренять ее. Так надо поставить вопрос. А так называемые «левые» хотят на этом вопросе перепутать все карты, и в мутной воде рыбку половить, капиталчик нажить. Этого товарищи, им не удастся.

Здесь все товарищи ставили вопрос, что нам нужно делать дальше. Предлагалось много рецептов. В этой части мне понравилось выступление т.Лазарева. Конечно, можно было бы массу практических предложений выставить, но эти предложения будут лишь вытекать из постановлений XII съезда. Пока что постановления XII съезда является всеобъемлющими, нужно только их проводить полностью. Если же эти постановления устареют, в известный момент окажутся нежизненными, мне кажется, Областной комитет наш будет иметь мужество заявить об этом ЦК. В этом — залог организованности. Так поступали мы всегда и тем избегали тех склок, которые имели место в Башкирии, Туркестане.

С Султан-Галиевым нужно покончить. Был Султан-Галиев коммунист, стал контрреволюционером, следовательно, его для нас не стало.

Шингарев. Товарищи, я хочу ответить на тот вопрос, который был выдвинут относительно договоренности, которая замечалась в докладах с мест. Сабиров уделил этому вниманию и поинтересовался этим вопросом. Веру примеры из Вугульмы, вы слышали доклады относительно татарского языка, какой-то товарищ беседовал с черносотенцем, его поймали на месте преступления. Он советовался с ним относительно реализации татарского языка. Я являюсь членом канткома и заявляю, что этот вопрос не обсуждался на заседании канткома, и я его считаю одной из недоговоренностей. Я думаю, что куда лучше было бы представить канткому право разобраться на месте, не доводя до Казани для обсуждения на совещании.

Следующий вопрос по перевыборам кооператива, который я считаю осветить здесь. Что сделано было товарищами? Дело кооператива — дело грязное, и с этим вопросом выступать на таком совещании не следовало бы. Грязь исходит по покупке лошадей, которая происходила в Сибири. Если будем говорить, выйдет нехорошо, и в противном случае останется ряд не выясненных вопросов.

Третий вопрос, который хотел оставить — это о муллах. Эта неприятность произошла у нас ввиду неопытности агитпропа, который выпустил детский циркуляр в августе о запрещении преподавания вероучения. Осуждать в этом исполком не было никакого основания. Приходил один ходок, мы знаем, почему он ходит, и мер не принимали. Если будем говорить относительно курсов, организованных муллами, которые были затронуты т.Сагидуллиным (*Сагидуллин: Я этого не сказал*), приходится принять во внимание слова т.Лазарева, который сказал, что один товарищ дал духовенству совет устраивать такие курсы подальше от коммунистов. Оказывается, не так выходит, как было по совету коммуниста.

Говорить о том, что дело обстоит неблагоприятно в кантонах, слишком

огульно. Я считаю необходимым остановиться на деле уполномоченного РКИ, который был смещен после 3—4 телеграмм РКИ. На этот счет правильно или неправильно поступило РКИ, придется говорить с ОК.

Теперь будем говорить о состоянии просвещения. Мы не можем говорить, что есть политически выдержанные работники просвещения.

Факт такой: в Бугульминском кантоне татарские работники работают хорошо, тогда как русские объявляют саботаж, не знаю почему, но приходится такие факты со стороны интеллигенции наблюдать, не только со стороны учительства, но и со стороны агрономического персонала. Можно сказать в общем и целом, что в Бугульминском кантоне никаких трений не существует. В любви к Султан-Галиеву татарские работники не объяснялись и, видимо, не будут, потому что считают вполне достаточными директивы, данные ОК. Мы их считаем правильными и проводим в жизнь, как и постановление XII съезда и ЦК.

Сабиров. Товарищи, я как один из участников совещания претендую на некоторое продление времени с условием, что речь моя будет интересна (*зодос с места: Можно предоставить т.Сабирову слово, если он не будет говорить о левизне*). Прежде всего я хочу сказать, что московское совещание было созвано именно не для того, чтобы было разобрано дело т.Султан-Галиева. Перед совещанием я был у т.Каменева, и он сказал, что если бы даже не было дела Султан-Галиева, все равно ЦК созвал бы совещание. Это совещание было 4-е по счету и нужно было бы его созвать, если не теперь, то после. Первым был поставлен султангалиевский вопрос. Некоторые хотели его отвести, но т.Троцкий сказал, что нам на этом совещании трижды нужно рассмотреть Султан-Галиева не как лично, а как дело человека, который возглавлял группу, называемую «правыми». В связи с этим нужно коснуться течений правизны и левизны. Т.Троцкий в своей речи говорил о том столбе, о котором после почти ничего не говорили. Он мотивировал, что этот столб необходим для «правых», для того, чтобы они не только днем, но и ночью толкнулись к этому столбу и знали, что дальше этого шага идти нельзя. Это необходимо для «левых», чтобы они не скопили себе на этом деле материалы и не спекулировали. Для этой цели необходимо было поставить столб. Конечно, главная цель совещания была дать хотя бы первый шаг, чтобы изжить уже несколько лет существующие течения, как с правой, так и левой стороны. Но все же, хотя т.Ахмадеев предупрежден, чтобы 90% своих слов не употребляли для критики «левых», все-таки в двух словах необходимо поговорить о «правых» и «левых», постольку, поскольку совещание в Москве говорило все время только о «правых» и «левых». Прежде всего самое конкретное указание прочитал из речей тов.Сталина т.Струппе, но только не дочитал инструкцию до конца там, где т.Сталин дал анализ «правых» и «левых», что оба опасны, говорится: если «правые» грозят тем, что они своей податливостью к национальному вопросу могут затруднять рост наших коммунистических кадров на окраинах, то «левые» грозят тем, что они в увеличении своим упрощенном и скоропалительном «коммунизмом» могут оторвать нашу партию от крестьянства и широких слоев местного населения. Какая из этих опасностей наиболее опасна. Если товарищи, уклоняющиеся влево, думают и впредь практиковать на местах искусственное расслоение населения, если они думают, что можно русские образцы пересаживать в

специфическую национальную обстановку, не считаясь с бытом и конкретными условиями; если они думают, что борясь с национализмом, надо вместе с тем выкинуть все национальное за борт; словом если «левые» коммунисты на окраинах думают остаться не использованными, то я должен сказать, что из двух опасностей левая опасность может оказаться наиболее опасной опасностью.

Таким образом опасность и справа, и слева, зафиксирована. На этом я кончаю, о «правых» и «левых» больше говорить не буду. Вопрос для нас совершенно ясен, здесь в татарском совещании мы собрались не только для того, чтобы прочесть книги, сделать выдержки и потом открыть старые ошибки, истпартовские архивы (*голос с места: Или чтобы оправдать «правых» и «левых»*) и после 3—4 дней разъехаться, не договорившись. После московского совещания не могу сказать, чтобы окончательно договорились, чтобы сделать вывод, что все спокойно, этого нельзя сказать. После татарского совещания так же нельзя успокоиться, сказать, что «правых» и «левых» в ТР не будет, но мы сделали первый шаг, первый опыт. Я внимательно слушал речи и справа и слева, и все же в конце концов они обе признались, что ошибки были и с правой, и левой стороны. И все высказывающиеся ораторы говорили о том, что нужно вести борьбу с левизной и правизной. Но когда говорят эти слова товарищи, которые никогда не стояли ни в каком крыле, им конечно подобает так выступать, но когда товарищи, которые сами недавно работали или в правом или в левом крыле, начинают критиковать (*голос с места: Тогда еще приятнее слушать*), как бы не старались они выступать односторонне или гнуть вправо или гнуть влево. Это совещание пока не дает возможности удержаться от идеи, которая до сего времени существовала. Мне кажется, султангалиевский вопрос на настоящем совещании должен интересовать постольку, поскольку этот вопрос был поставлен в интересной форме в московском совещании, но когда мы уже имеем постановление, утвержденное ЦК партией и Политбюро, еще раз останавливаться трудно. Мы предлагаем резолюцию от нашего бюро и повторяем еще раз, чтобы в нашей организации поняли, что эта опасность есть, великая опасность, и с ней нужно бороться. Однако нужно сказать, что мы не будем вносить в резолюцию вопроса о течениях, но нужно знать, что с левизной тоже нужно вести борьбу. Развивая вопрос о Султан-Галиеве, Саид-Галиев проговорился, что кроме учраспреда ЦК партии, существовал учраспред Султан-Галиева, еще был 3-й учраспред Саид-Галиева тоже.

Тт.Троцкий и Зиновьев останавливались на этом вопросе, указывали, какая существует опасность. Если существовал один учраспред Султан-Галиева, то существовал и 2-й учраспред Саид-Галиева, который если не сегодня, то завтра мог дойти до того предела, до которого дошел Султан-Галиев. Поэтому не надо умалять значение вопроса о «левых» и об опасностях слева (*голос с места: 3-го не было*) (*голос с места: Ты, что ли, был секретарем?*). Очень хорошо, если в 3-ем не участвовал т.Ахмадеев, это очень отрадно для нас. Может, многие товарищи также не имели участия в султангалиевском распреде, но надо собирать те силы, которые подчинялись учраспреду ЦК. Здесь отрывка по национальному вопросу бывала, я не хочу шиковать материалами, хотя они у меня имеются, но должен сказать, когда ругали «правых», к религиозному вопросу должны относиться с осторожностью, но с не-

которыми товарищами расходишься. Бывают вопросы, которые особого идеологического характера не представляют, их можно устроить мирным путем и в конце концов можно открыть дискуссию, договориться. Но в дальнейшем особенно ясно бывают такие вопросы. Возьмем мензелинцев, как относились там к религиозному вопросу. Мне т.Сагитов недавно рассказывал (он не принадлежит ни «правым», ни «левым», он честный крестьянский коммунист), он говорил как они, мензелинцы, устроили антирелигиозную пропаганду во время татарского праздника во главе с исполкомом и комитетом во время молитвы «такбир» играли «антитакбир», такие действия против религии нам, конечно, кроме вреда, ничего не принесут. Может Сагитов мне неправильно сказал. Чтобы не быть голословным, я указал два места, в таком случае мензелинцы дадут справку, но таких явлений можно найти и в некоторых других кантонах. Это я называю не левизной, это не отрыв от партии в целом, но это уклон влево и уклон от директив центра, но все же, как говорил т.Зиновьев, это похоже на нигилизм. Таких материалов можно привести и дальше.

Некоторые товарищи, выступая, говорили, где будет контрреволюция, они указали, что, когда «правые» или «левые» дойдут до того момента, когда окажутся за столбом, и тогда надо будет ловить каждого по отдельности. Этот взгляд неправилен, нужно довести дело до конца, не нужно в одиночку ловить преступников контрреволюционеров, националистов, которые прошли столб, прошли партийную границу. Советание должно указать меры предупреждения таких явлений в партийно-воспитательном порядке. Мы должны взяться несколько заранее, чтобы ни один из националистов из «правых» и «левых» не дошел до определенных пределов по партийной границе, чтобы они не погибли, а наоборот, чтобы они остались в рядах нашей партии и из них можно было бы выковывать не сразу, а путем длительной партийной работы, выковывать хороших идейных коммунистов.

Затем нечего пугать призраком султангалиевщины.

Если мы все за резолюцию подняли руки в Москве, мы заявляем, что остатки здесь были, теперь в основном нужно бороться, но султангалиевщина как таковая, как контрреволюционное движение не была и не должна быть (*голос с места: А с какой султангалиевщиной хотите бороться?*) (*голос с места: Укажите формы*). Остатки имелись. Султан-Галиев является нашим представителем. Я получал от него еженедельно письма, что такого-то числа в ЦИКе состоится заседание по распределению семян, надо сделать то-то и то-то. Другого характера письма не получал. Я был связан с Султан-Галиевым, поскольку Султан-Галиев возглавлял представительно ТР, что указано той резолюцией, которая принята на совещании.

Что касается докладов с мест, они меня не удовлетворяют. Конечно, было мало времени, они не могли подготовиться, но все же во многих кантонах работа ведется не так, как должна по национальному вопросу. Исключая 2—3 кантона, реализация татарского языка ведется слабо, но потому, что не желают товарищи или есть тормоз, но главным образом отсутствуют силы, и товарищи не желают, чтобы у них были работники, чтобы взять из волостей и каким-нибудь путем это дело поставить. Здесь, может быть, в конце, когда будут практические предложения, по вопросам нужно отметить, что в этом вопросе многие кантоны отстают от тех результатов, которые необходимо высказать.

Председатель. Поступила записка за подписью нескольких товарищей с просьбой о прекращении прений (*голос с места: Огласите фамилии подписавшихся*). Это безразлично. Я думаю, товарищи, что основные уже выявлены, можно перейти к конкретным предложениям и прения прекратить. Я ставлю на голосование. Кто за прекращение прений, прошу поднять руку (32 голоса за продолжение и 23 против). Прения продолжают.

Живов. Вношу предложение — может, поручили бы президиуму наметить 4—5 товарищей и дать им высказаться, понятно, из тех, которые не высказывались, главным образом из местных работников, это можно было бы признать желательным (*большинство голосов предложение принимают*).
(*Записано 15 ораторов*).

Палютин: Товарищи, настоящее совещание является первым, но оно не будет последним, как сказал тов. Живов в своем докладе, это является первым шагом, который будет руководить в процессе работы в ТР. На 8-ой Областной конференции выступали в защиту Султан-Галиева, это меня побудило к выступлению. Здесь многие товарищи говорили о левизне и правизне, не буду на этом останавливаться, ибо этот вопрос мне хорошо известен, как работу¹, работавшему в Москве с Султан-Галиевым в 1919 году и для меня хорошо известны взгляды ответственных работников, работающих в ТР, то, как на III конференции получилось преломление. Какие были причины преломления? Первая причина — голодовка, вторая — новая экономическая политика, как уступка мелкой буржуазии, крестьянству. Это диктовалось историческими фактами. Это преломление было необходимо. Третье — это то, что товарищи русские не были знакомы с национальным вопросом среди татарских работников. Вот почему это говорю: во время конференции было заседание фракции исключительно татар, где участвовало до 35 товарищей; совещание высказывалось несколько часов и несколько раз — каждый. И что же мы видели? Там, на этом совещании, в процессе работы конференции, на последнем голосовании осталось 27 человек татар и голосование за Саид-Галиева получило 22—23 голоса. Остальные были против. Это, с одной стороны, побудило защищать линию Султан-Галиева. После того, как III конференция была во время голодовки, те товарищи активные работники, которые не согласились, подали заявление конференции и большинство уехало. Остались товарищи, которые подчинением воле большинства остались работать, имея в виду общие интересы нашей партии и Октябрьской революции. Но в процессе работы ТР, каким образом, этот вопрос разрешался. Были ли некоторые недомолвки? Нужно сказать, что были. На 4-ой конференции в докладах ОК также ответственными работниками говорилось, что группировки не существуют, что они исчезли с выездом Саид-Галиева. И я имею в виду, что бороться было невозможно, но здесь нужно было ОК этот взгляд открыто выявлять. Нужно было относиться к «левым» товарищам со стороны делового характера, а не со стороны политического характера. На V—VI конференции тов. Живов говорил, что левого течения не существует. Приходилось подчиняться большинству, не возмущаться, работать. Мы говорим, ходу из добра не бывает. И если случились события Султан-Галиева, то эти ошибки нужно исправить. Я остановлюсь на речи

¹ Так в документе.

тов. Галла. Он заявил, что мы всегда обсуждали ОК с деловой, а не с политической, точки зрения. Я согласен. Вы, большинство работников, знаете (*голос с места: Лучше, чем другие знают*), в этом отношении товарищи ошибались — здесь, может быть, эта линия существовала, потому что связана была линия с Султан-Галиевым. Но обвинять ли тех товарищей, которые здесь работают? Я присоединяюсь, что обвинять нельзя, лишь благодаря тому, что Султан-Галиев не работал здесь — с одной стороны, с другой стороны — был в чисто деловой связи. Он не старался свою линию провести здесь, потому что здешние организации в большинстве русские, а с другой стороны татары — вполне грамотны марксистски. Здесь условия для работы Султан-Галиева были плохи. Главным образом он был связан с окраинами и, я полагаю, что с этим необходимо совещание закончить. Я на себе испытал, и другие говорили, что в дальнейшем так продолжать работу невозможно, благодаря тому, что здесь на местах получается недоверие. Тов. Бикчантаев пытался вопрос разрешить, но его выступление ничего не разрешило, ибо он был объективен, а останавливался на «левых» это вина Бикчантаева. Здесь, в условиях ТР, мы должны работать как марксисты за интересы Октябрьской революции, чтобы не было ни «левых» ни «правых». На этом совещании необходимо с вопросом покончить.

Кальченко. Товарищи, если вести статистику, сколько раз Султан-Галиев здесь упоминался, наверное, можно насчитать сотню раз или больше с украинским хаком. Из одного выступления Палютина можно было подсчитать — он 20 раз Султан-Галиева упомянул (*голос с места: Даже больше*). Вопрос идет не о Султан-Галиеве, вопрос надо поставить иначе. Я ни в коем случае не хочу согласиться с Муслимовым, что тов. Живов, делая свой доклад, употреблял термины, чтобы запугать. Я думаю, что основой постановки доклада является не запугивание, а урегулирование работы. Тоже сказал и XII съезд и последнее совещание. Здесь, когда ставятся вопросы о работе среди татар, выступают ответственные работники и говорят, что ОК ничего не работал. Я работал в Заб[улачно-]Плетеневском районе, который был контрреволюционным гнездом, и должен сказать, что «правых» и «левых» не замечается. Должна быть единая коммунистическая партия и никаких уклонов не должно быть. Прав был тов. Струппе, когда говорил, что хотя в докладах с мест указывалось, что все хорошо, но я думаю, что там есть недоразумения, на это мы должны обратить внимание, по этому вопросу надо говорить и впредь этот вопрос надо поставить более серьезно. Но если говорили, что Областной комитет не работал, то нужно спросить, кто же работал, кто проводил линию, которая до сего времени считается проведенной. Нельзя так ставить вопрос, как ставят некоторые товарищи. ЦК не уладил еще вопрос, потому что это зависит не только от ЦК и ОК, а от всех нас. Поэтому говорить о том, что ОК не работал и вообще ничего не делал — нельзя. Работа проводилась и были результаты. Но нужно сказать, что некоторые товарищи, особенно из активных татар, сами себя не проявляли по тем вопросам, которые бы нужно исправлять работой. Надо сказать, что есть порядочное количество работников, которые не считают нужным пойти туда, куда их посылают, что является, по моему мнению, неправильным, ибо работал на Украине в 19 годы какие-нибудь 6 месяцев, я учел очень хорошо психологию массы, как она относится к своему родному языку.

Поэтому необходимо нашим товарищам ответственным работникам больше вращаться среди татар, тогда будет областному легче проводить работу.

Тов.Валидов, выступая, указывал, что хотят создать склоку. Кому склока нужна, мне или кому-нибудь другому? Это тоже неправильно. Никакой склоки никто заводить не желает. Я думаю, что совещание создано не для склок, а для того, чтобы разрядить атмосферу, чтобы впредь не было на ОК нареканий. Я думаю, что здесь нужно сказать о том, как поступать с отдельными членами, которые будут нарушать постановления XII съезда. С теми, кто нарушает линию, необходимо их призвать к порядку. Если будем так поступать, то не будет ни «правых» и ни «левых», а будет единая коммунистическая партия, ибо мы коммунисты.

Башкиров (Буинск). Вопрос здесь, как видно из слов выступающих ораторов, главным образом останавливается на гражданине Султан-Галиеве. В частности, и в своей речи хочу на этом остановиться. Товарищи, в данном случае мы на гражданина Султан-Галиева должны реагировать следующим образом: поскольку Султан-Галиев находился в рядах нашей партии, постольку ему было доверие со стороны ЦК и, безусловно, со стороны отдельных коммунистов. Этого отрицать никто не будет и, наверное, никто не отрицает. Если гражданин Султан-Галиев оказался по ту сторону баррикад, как здесь говорили, если Султан-Галиев изменил партии, то здесь разговор должен быть определенный. Мы должны его считать врагом пролетариата. Если будут остатки султангалиевщины. Мы понимаем это слово так. Если есть лица, которые могут идти до связи с басмачеством, с контрреволюцией, без всяких разговоров выгнать их из партии и если необходимо, то вешать, об этом коммунисты не должны много говорить. Всякая контрреволюция, откуда бы она не вышла, хоть из нашей среды, бывают случаи, когда попадают в партию волки в овечьей шкуре, с ними мы считаться не должны. Должны поступать в тысячу раз строже, чем с обыкновенными контрреволюционерами.

В частности, говоря о нашей Буинской организации, было ли влияние султангалиевщины, я должен сказать, что влияния султангалиевщины, как я в докладе указал, не было. На вопрос, было ли влияние или было ли намерение влиять султангалиевщиной со стороны нашей организации в советском смысле, т.е. через руководителей советского аппарата, в данном случае со стороны тт.Мухтарова, Сабирова, Ембаева, на это я должен сказать, что такого намерения, такой попытки с их стороны, по крайней мере по моему мнению, не было. В одном я должен упрекнуть тт.Мухтарова и Сабирова, что они мало уделяли времени, чтобы поделиться тем опытом, который они имеют с местными работниками. Я работаю полтора года председателем ЦИК и в настоящее время временно руковожу партийной организацией, и т.Мухтаров в течение выше указанного периода не уделял мне ни 15 минут времени. Это явление нездоровое. В этом т.Мухтарова упрекнуть считаю необходимым, не было влияния и не было надлежащего идейного руководителя. Может быть это объясняется тем, что т.Мухтаров перегружен, также в частности и т.Сабиров, но тем, кто руководит целой организацией, нужно уделять побольше времени, необходимо побольше делиться практическим опытом и воодушевлять их в их упорной тяжелой работе.

Если касаться интернационализма в кавычках, я говорю в кавычках, потому что мы, коммунисты, все являемся интернационалистами, не должно

быть националистов в наших рядах, а интернационализм в узком смысле слова, т.е. одна фракция придерживается интернациональной идеи и другая проводит противоположную — это неправильно. Поскольку мы коммунисты, мы стараемся все водрузить знамя коммунистического общества, коммунистической жизни во всем мире. Постольку, поскольку они называют себя интернационалистами в узком смысле, я их называю в кавычках. Они своим нетактичным подходом, неправильным проведением, неправильным пониманием заданий центра, постановлений партийных съездов могут создать контрреволюцию. Т.Сабилов в частности касался антирелигиозной пропаганды, которая проводилась в Мензелинском кантоне. Товарищи, антирелигиозная пропаганда необходима, но так, как нам диктует ЦК партии, но не так, как проводили это, по словам т.Сабилова, мензелинцы. Они во время праздника «байрам», во время молитвы такбир публично в глазах темной беспартийной крестьянской массы пели антитакбир. Если это так, то такой работой, безусловно, можно создать лишь контрреволюцию. Я должен привести еще небольшой пример. В некоторых волостях нашего кантона наблюдаются такие явления. Деревенские коммунисты думая, что этим они ведут антирелигиозную пропаганду на сельских собраниях, в других местах публично ругались всевозможными скверными словами над Аллахом, Кораном, Магомедом и другими святыми, делая всевозможные насмешки. Так вести антирелигиозную пропаганду среди мусульман, в частности среди мусульманских татар, нельзя. Это создает одно лишь недоверие и негодование в нашей партии. В то же время не думайте, что они связаны с Саид-Галиевым. Они не связаны ни с Саид-Галиевым, ни с Султан-Галиевым. Объясняется это лишь их невоспитанностью в коммунистическом духе, непониманием коммунистической этики, неусвоением постановлений XII съезда.

Вот интернационалистов в кавычках я отношу к категории таких же или к категории неправильно усвоивших их. Разница и беда в том, что они работу ведут в более крупном масштабе, чем вышеуказанные, т.е. деревенские коммунисты в кантонном, областном масштабе, и своим непониманием часто неправильным усвоением, толкованием постановлений, лозунгов нашей партии, своей нетактичностью и т.д. могут больше вредить работе партии. *(Председатель останавливается.)* Я прошу еще пять минут, чтобы остановиться на местном и русском великодержавном шовинизме, о идейности и необходимости борьбы с ним, и делая вывод, дать свои соображения по борьбе с этими вредными явлениями и по проведению постановлений XII съезда нашей партии *(Председатель ввиду истечения времени, слова не дал.)*

Новиков. Товарищи, на всех предыдущих конференциях чувствовалось, что что-то нездоровое кроется в наших рядах, но выпукло нам, работникам кантонов, это не пришлось увидеть. Запах чувствовался, что стряпается на кухне — не известно, и кто стряпает — не знаем. Задаемся вопросом: с каким впечатлением мы должны будем приехать на места. И сказать, что мы правильно усвоили постановления XII съезда, или должны будем приехать на места и, уподобившись осликам, хлопать ушами после такого совещания. Этот вопрос меня интересует, как работника с места. Мы заняты проведением постановлений XII партсъезда, я укажу на то, что, если т.Галл обвиняет кантонных работников в их неумении, может быть, работать, то, во всяком случае, нам высокой политикой никогда не приходится заниматься. Мы

проводим в жизнь практические мероприятия, которые нам диктует XII съезд и в частности ОК. Мне не особенно давно приходилось разговаривать с одним мужиком, который утверждал, что вы хотите русское население покорить под ноги татар, и пришлось 3 часа употребить на то, чтобы разбить его сомнения, доказать, что этого ничего нет. На этот счет будем разбирать по пунктам постановления XII партсъезда, чтобы мы ясно осмыслили линию, которую необходимо проводить. Спасибо придется сказать т.Шварцу, который один из всех выступавших работников сказал, что может быть неосмотрительность высокопоставленных работников по отношению к Султан-Галиеву и к его истории. Это достаточно для того, чтобы уяснить положение вещей. Мы должны сказать, есть султангалиевщина или нет. Если нет, достаточно, будем разбирать постановление XII съезда. Это будет гораздо лучше, чем перемывать старые тряпки, которые остаются позади. «Правых» и «левых» не должно быть. Видно, выступление побуждает меня сказать несколько слов, это слова т.Соловьева. Совершенно верно, товарищи, чуваша имеют право претендовать на то, чтобы иметь право работать среди национальных меньшинств. Нельзя сказать, что чуваш у нас нет: давно ли не стало. На последнем совещании было сказано, что чуваш, как особой касты, не существует, и среди них нужно вести работу, как среди кряшен. В этом случае соответствующий работник среди кряшен был выдвинут. Что еще хотят требовать от нас, я не понимаю.

Относительно молодежи. Действительно справедливо обвинение, брошенное на Мензелинский кантон. Представьте себе такую картину: собрались комсомольцы, которым в первый раз, как народились, вступили в здание комсомола и сладко или горько оно, с чем его кушать, не знают. Тут старые комсомольцы начинают им говорить относительно высокой материи, мировых кризисов, синдикалистов, трестов, молодежь слушает и ничего не понимает. Я должен был сказать, что не с этого нужно было начинать, а с чего-то другого. В данном случае нельзя обвинять, что комитет затирает дух комсомола, не дает работать *(голос с места: Что вы сделали?)*, что сделали — мы отчитаемся, об этом вы узнаете. Мне хотелось бы высказать в конце концов, с каким впечатлением мы должны уехать, или оставаться в недоумении, думая, что вопрос остался неразрешенным и будет выплывать окольным путем или продолжать взятую твердую линию, как указал XII партсъезд. Если мы на этом остановимся, а на этом основном мы должны остановиться, иначе мы правильную линию не возьмем, тогда мы со спокойной совестью поедem на места. Если нельзя сказать, что все благополучно, то надо отметить, что массовых членей¹ нет, и пусть ОК скажет нам по чистой совести, чтобы потом в дипломатию не играть. Если султангалиевщины нет, то давайте возьмем правильную линию, указанную XII съездом и поддержим XII съезд проведением линии, и, несомненно, плодотворная работа будет доказана.

Камалетдинов. Товарищи, здесь много говорилось о Султан-Галиеве и о султангалиевщине. Много спекулировали на этом вопросе, но очень мало было — особенно казанскими работниками, о которых можно было бы ожидать большего, сказано практическом разрешении национального вопроса.

¹ Так в тексте.

Что значит Султан-Галиев? Он перешагнул, пусть перешагнул в обрыв, ну и черт с ним, пускай валется, может и еще несколько человек свалятся, туда им и дорога. Если среди нашей организации, в особенности среди казанцев, есть такие элементы, которые способны перешагнуть, то их нужно беспощадно гнать из нашей организации. Достаточно было сказать несколько слов по этому поводу и прийти к обсуждению практического разрешения национального вопроса, как провести в жизнь постановления XII-го съезда, как бороться с великодержавным шовинизмом, который имеет место, если не во всех организациях, то по крайней мере в некоторых. Если великодержавный шовинизм есть, как с ним бороться, как нам бороться с местным национализмом, как практически проводить те постановления XII-го съезда, об этом говорили очень мало. Говорили только несколько товарищей. У нас в Чистопольской организации так же, как и в других организациях, представители коих высказывались здесь, никаких: султангалиевщины, сайдгалиевщины, памигуловщины, рахматулловщины и еще многих «щип» нет, у нас есть линия ОК и ЦК, линия всей партии, и мы их практически на местах проводим, как можем, как умеем провести, насколько хватает наших сил, нашей подготовки. Если в Казани есть такие «щипы», то пусть казанцы изживут, и на следующем совещании не должно быть этих «щипов». Товарищи, султангалиевщина болезненное явление, но оно не очень нам страшно, ибо причины нам ясны, о причинах говорится в резолюции совещания, в резолюции партийного съезда. Что является причиной всех этих местных национализмов. Там определенно, черным по белому написано, что основной причиной является наличие великодержавного шовинизма. Товарищи, если в одной части организации это дело обстоит лучше, то в другой части, как например в Чистопольской, Челнинской и других, есть наличие великодержавного шовинизма. Нам нужно этот вопрос обмозговать как следует и выработать правильное решение. В чем выражается великодержавный шовинизм. Об этом я скажу дальше, но многие товарищи обвиняли, что есть султангалиевщина, хотя бы и в скрытом виде, может быть, есть; кроме этого есть еще опасность, что султангалиевщина может развиваться, если своевременно не примут меры к искоренению этого явления. Какие меры нужно принять. Нужно искоренить великодержавный шовинизм. Во вторую очередь нужно серьезно заняться марксистской подготовкой коммунистов национальных меньшинств, вышедших из национальных меньшинств. У нас коммунисты татары, мордва, коммунисты из крашен, имеют очень маленькую марксистскую подготовку, но зато у нас имеют русские товарищи подготовку. Если взять Чистопольскую организацию, то там есть такие товарищи, которые понимают кое-что в этом вопросе, но я лично сам должен сказать, что живу в Чистополе с первых дней революции, со мной живет несколько человек татар, и я определенно должен здесь заявить, что очень мало было уделено на нашу подготовку, на наше воспитание со стороны русских товарищей.

С этим нужно покончить. После этого совещания мы должны начать в этом направлении глубокую и серьезную подготовку, иначе у нас всегда будет султангалиевщина и другие «щипы», если ОК, если местные русские товарищи, имеющие достаточную подготовку, не возьмутся за это дело. В резолюции это обстоятельство необходимо подчеркнуть, чтобы дать задания всем русским товарищам, чтобы они приняли меры к тому, чтобы не было великодержавного шовинизма.

Здесь многие кантоны обрисовали положение так, в особенности вначале, когда делали первые доклады, что везде все хорошо, что даже получалось такое впечатление, что не следовало созывать это совещание, ибо и так все хорошо поняли национальный вопрос и постановление XII съезда, что все проводится как следует и беспокоиться нечего. Но в дальнейшем некоторые товарищи после доклада Соловьева, который первый заявил, что есть что-то неладное, стали говорить, что действительно есть недоговоренность, что есть недоверие. Да, действительно, все есть, и на все надо обратить серьезное внимание. В чем выражается великодержавный шовинизм на местах. Там на местах дипломатии нет, все скрывать не умеют. Если что не выходит, начинают ругаться, недоверие, недоговоренность, что выражается в том, что одни работники, хотя бы русские, исходя из постановлений съездов, начинают подходить к разрешению национального вопроса практически, выносят предложения на заседание кантком, на фракционных съездах, выдвигают на те или иные посты людей из своей среды, по их мнению достаточно подготовленных культурных работников, говоря: «товарищи, вы подходите к этому вопросу не с деловой точки зрения». Когда мы заявляем, что нужно все-таки как-нибудь дать место хотя бы в качестве заместителя говорят: «пока еще не до учебы, не такое время, чтобы учебой заниматься». Вот какие ответы мы получаем. Вот где выражается великодержавный шовинизм, мы так думаем, а русские может могут думать, что здесь национализм проявляется или, может быть, думают, что татары мало подготовки имеют. Между нами получается недоверие, недоговоренность. Потом, интересное явление. Русские коммунисты вообще, если взять кантком в целом, очень мало уделяли внимание вообще национальному вопросу. Может действительно кантком был перегружен другой работой, но в тоже время нужно было уделить внимание национальному вопросу, т.к. мы живем в Татарии. И еще одно обстоятельство. Русские товарищи очень мало вообще знают о революционном национальном движении среди татар. По этому пункту нет никаких материалов на русском языке, поэтому их нужно обвинять столько, сколько нас самих, которые мало осветили вопрос в прессе. Все, что я говорил о слабости работы в национальном вопросе, касается не только вопроса о татарах. Все целиком, если не в большей мере, то в меньшей мере, относится и к чувашам, мордве и т.д.

Семенов. Товарищи, я скажу несколько слов по докладам с мест. Они некоторым работникам нашей области, в частности инструктору ЦК, не показались деловыми, не показались попадающими в цель при разрешении такого важного вопроса, для которого было создано настоящее совещание. Я хочу сказать, что работники кантком не были подготовлены к такому сюрпризу, который вылился в виде султангалиевщины, который разбирался здесь. На местах в кантонах работа проводилась бы на основе постановлений XII съезда партии, если бы инцидент не выплыл сам собой. Поэтому я думаю, что доклады с мест могли бы, как т.Мухтаров заметил правильно, иллюстрировать на месте, как проводятся соответствующие директивы постановления и инструкции ОК, татаризация, как мы понимаем постановления XII съезда и как проводим. Я думаю, работники кантонов отделили важные моменты по части нашей работы, поэтому говорить нам о том, замечались ли оттенки этих двух течений — «левого» и «правого» — мы не находили возможным т.к. в наших руках не было данных говорить, что эти два течения существу-

ют. Это первое, национальный вопрос и наша практическая работа, как членов партии в условиях ТР, это две вещи разные. Решать национальный вопрос теоретически и решать вопрос, основываясь на практическом проведении работы в условиях ТР, это две вещи разные, и т. Камалетдинов правильно это заметил. Мне кажется, что решать вопрос о правильной постановке его вообще, вопрос национальной проблемы — это одна сторона. Другое дело — наша деятельность по нашим инструкциям, постановлениям съездов. О том, что дело шло о двух определенных течениях, которые возглавлялись или будут возглавляться только временно ответственными работниками татарами, в этом сомнения ни в ком не осталось, но мы определенно обсуждаем вопрос о так называемом «правом» и «левом» течении, созданным известными крупными работниками татарами коммунистами. Здесь говорилось о султангалиевщине, о левых и правых. Нам решительно эти термины ничего не говорят. Об обоих течениях говорилось отвлеченно, решительно не было выявлено, хотя в резолюции говорится, что мы коренным образом боремся против этого течения, но это отвлеченная очень формула. Я следил за выступлениями, и насчитывал..¹ были представлены определенными лицами, они высказывались за левых, другие говорили о султангалиевщине как о нежелательном явлении, о явлении, получившем известный отпор от нашей партии. Я насчитывал 10 человек, которых можно определенно безошибочно разделить — это представители такого-то течения, это представители такого-то (*голос с мест: Правильно*).

Все это нас в достаточной мере не удовлетворяет. А если резко поступать, как поступает резко партия, то ОК нужно дать список представителей этих течений, этих групп и поступить с ними так, как поступили с возглавляющими это течение лицами. Иного быть не может. Надо знать, что чем дальше на восток, тем условия нашей партии глубже. В дальнейшем организация должна решить вопрос ясно. Для нас очень важно, чтобы авторитетное собрание работников дало директивы, как поступать с теми лицами, которые так или иначе имеют тенденцию уклоняться в сторону того или другого течения. Здесь имел место несколько ответственных выступлений, членов ОК: выступал тов. Шварц, выступал т. Галл (очень академически, ничего не сказал), впечатление получилось скомканное, не беру ответственность такую скомканную речь распутывать.

Т. Лазарев возмущился на правильной основе, на основе таких выступлений, которые маскируют истины, не желают сказать то, что нужно сказать на таком авторитетном собрании. Теперь выходит такая комбинация: у нас имеются определенные течения, но никто не выявил, особенно ответственные работники татары, как, в какой степени, каким образом они будут реагировать, бороться на основе XII партсъезда со своим татарским шовинизмом. Поэтому одно остается впечатление, что мы из роли помощников, как говорилось в Москве, мы перейдем в роль наблюдателей того, каким образом ведется борьба двух течений и вынуждены будем держать известный начальнический тон.

Надо нездоровую часть отсечь, здоровую часть сохранить, вымуштровать из себя достаточное крепкое единение со здоровой частью работников, кото-

¹ Так в документе.

рые могли бы продолжать работу на основе постановлений XI и XII съездов партии. О великодержавном и национальном шовинизме беспокоиться нечего, с ними мы бороться будем на каждом шагу. Работать мы будем, но необходимо подумать, какими силами, какой группой, фалангой татарских работников будем бороться.

Я, товарищи, хочу сказать, что выступление ответственных русских работников достаточной искренностью не блещут. Я слышал выступления секретаря Забулачно-Плетеневского райкома и с сомнением отношусь, что все благополучно. Этим убеждением авторитетное собрание можно обмануть. В проекте резолюции не ясно, каким путем изживать болезненные явления, каким действительно коммунистическим путем идти. Поэтому, я думаю, необходимо внести пункт в резолюцию.

Для того, чтобы коммунистические кадры подобрать, необходимо такие меры воспитательного характера. Не надо говорить о том, что мы, татары, не подготовлены, как русские коммунисты, нужно просто помогать такому центру, как областной. Нужно заняться широким изданием, широкой марксистской литературой на татарском языке в первую голову. Потому что татарские работники не имеют руководства. Из докладов с мест видно, что до нас не доходят газеты. Как бы не плоха была газета, но все же она необходима. Ибо татарские работники не имеют такого количества газет и журналов, как русская литература. Поэтому я думаю, что есть много мест, которые можно заполнить практическим предложением.

Заключительное слово т.Живова. Товарищи, я в заключительном слове хочу остановиться на докладах, которые здесь делались с мест, на сумме прений, которые здесь были, и на тех выводах, которые из настоящего совещания нам всем надлежит сделать.

На мой взгляд, доклады с мест, несомненно, носили некоторую спешность, но тем не менее эти доклады нам дали чрезвычайно богатый, чрезвычайно большой материал, который использовать не только Областному комитету, но и каждой местной организации нужно будет как можно шире. Я хочу обратить ваше внимание прежде всего на три организации и показать вам пример, хотя бы в самых общих чертах, о том, как не нужно работать если мы желаем действительно нормально, действительно без перебоев, действительно без шероховатостей проводить решения партии по национальному вопросу.

Товарищи мензелинцы, они много говорили о своих добродетелях и частью эти добродетели мы, как Областной комитет, за мензелинской организацией отрицать не будем, но я, товарищи, должен сказать, что у мензелинской организации целый ряд дефектов по линии национального вопроса, которые в конечном счете, я подчеркиваю — в конечном счете — мешают более широкому, более полному осуществлению решений партии по национальному вопросу, целый ряд таких явлений в работе мензелинской организации был.

Если возьмем антирелигиозную кампанию, возьмем простой пример: т.Смелов говорил, что они хорошо проводили антирелигиозную кампанию и результаты очень хорошие. Товарищи мензелинцы почти все время говорили о достижениях организации в этом именно вопросе.

Я должен сказать на основе опыта, на основе материалов совещания и XII

съезда РКП, наконец, исходя из решений последнего расширенного пленума Исполкома Коминтерна, должен сказать, товарищи, что в первую очередь нужно выставлять вопросы, которые имеют значение побольше, чем наша антирелигиозная пропаганда. Вот как надо ставить вопрос. Мы сейчас говорим о крестьянстве, мы сейчас говорим о том, чтобы укрепить смычку с теми крупнейшими массами (голос с мест: Где она больше смычка?) крестьянства, которые имеются в нашей стране. Если мы об этом говорим, то в данный момент нам не нужно спешить с антирелигиозной пропагандой. Товарищи, говорят, где она больше смычка, — в конечном счете смычка больше не у вас (голос с мест: Не уверяйте). Я так ставлю вопрос. Мы посмотрим, где будет больше смычки — у мензелинцев или где в другом месте.

Я остановлюсь на Бугульминской организации. Т.Шингарев старался на мелких вопросах дать оправдание тому, что делают татарские работники в Бугульминской организации. Я должен сказать, что если мы действительно хотим великодержавный шовинизм бить обеими руками, если мы хотим и делаем это, то мы будем указывать и указываем бугульминцам и, в частности, т.Шингареву, чтобы они в дальнейшей работе постарались как можно лучше и как можно скорее устранить те дефекты, которые в их работе имеются. Нечего перед таким совещанием скрывать ряд дефектов. У нас есть документы, т.Шингарев, которые мы проверяем, постараемся проверить еще и еще раз и еще более решительно указать, как нельзя проводить национальный вопрос.

Товарищи чистопольцы. У чистопольцев мне самому с гг. Недачиним и Богаутдиновым недавно удалось побывать. Я должен сказать, что так, как проводится национальный вопрос в Чистополе, тоже далеко уехать нельзя. Товарищам чистопольцам русским, которым мы указывали на отдельные дефекты, нужно было бы не выступать на таком собрании против таких указаний, как они делали, а нужно эти указания принять к сведению и их выполнять. Мы, как Областной комитет, с указаниями шутить не будем и мы заставим, теми или иными путями, которые в нашем распоряжении имеются, наших указаний слушаться: плохо ли, хорошо ли сделали, что Макарова отозвали, но это решение Комитета, который спутался в вопросе. Мы указали ему правильный путь, по которому Чистопольский комитет пошел, как нам кажется, вполне искренне. Тов.Соловьеву надо это запомнить. Татарские работники, когда мы с ними беседовали в Чистополе, говорили: отзывать тех-то, тех-то русских работников, потому что они мешают проводить национальный вопрос. Мы говорим хорошо, отзовем, согласны, а дальше что? А дальше — вы нам прищлите людей беспристрастных, которые в случае чего могли бы нас и за волосы потрепать, одним словом — мы бы стали этому довольны. Конечно, лично я усомнился, чтобы люди, которых будут за волосы таскать, были этим довольны. Я сказал, что нет беспристрастных людей. Есть коммунисты, которые относятся пристрастно ко многим вопросам и, в частности, к своей работе.

Я говорю прямо, каких вы хотите получить работников. Нам отвечают — нужны работники такие, которые бы проводили безоговорочно то, что мы желаем — группа в 4—5 человек. Потом товарищи стали немного пояснять эти мысли, но в основном положение, высказанное ими, было неправильно. Роль помощников мы представляем несколько иначе, об этой роли я в конце скажу.

Товарищам чистопольцам татарским работникам, я советую здесь придерживаться того указания, которое я дал в своем докладе. Товарищи, равняйтесь по партийной организации, побольше доверия партийной организации, побольше стараться проводить все через местную партийную организацию.

Здесь мне чрезвычайно понравились, на мой взгляд, это необходимо отметить, доклады от Арской, Тетюшской, Буинской и Мамадышской организаций. Я не склонен думать, что там все обстоит благополучно. И там есть дефекты. Но в общем и целом, по линии национальной, в смысле сработанности, в смысле теснейшей работы русских и татарских работников, более нормально работа протекает в этих организациях. Я думаю, что эти организации с теми задачами, которые в дальнейшем будут перед ними стоять, будут справляться нормально.

Если говорить об остальных кантонах, то и остальные кантоны, на мой взгляд, определенных результатов в проведении национального вопроса добились в общем, но и в целом стоят на правильном пути, и что, несомненно, их задачей является то, чтобы те организации, на которые я указал, в смысле национальном, догнать, может, немножко усилить работу, так сказать побыстрее, принять целый ряд мер, чтобы по этим организациям выровняться.

Теперь прения. На мой взгляд, на 40%, 30%, во всяком случае, около половины, эти прения дали очень много ценного, но больше чем наполовину нам такого материала, который никуда не годится, дали нам такой материал, от которого приходится отворачиваться, дали нам такой материал, на основе которого придется целый ряд замечаний очень недвусмысленных, очень определенных — сделать о том, как товарищи, будучи членами партии, должны вести себя в партии.

Первый момент. Я делал здесь доклад о совещании, на мой взгляд, достаточно объективно, доклад, который определенную ясность в разрешении национального вопроса, определенную ясность в практическом подходе давал. Но товарищи старались обходить этот доклад, не вникать в смысл, старались игнорировать смысл доклада.

Второе положение — предложение бюро ОК, принятое единогласно нами, — это предложение известным тоже образом обходилось. Основное, что мы в этом предложении выдвигали (Муслимов говорит, что мы действовали соглашательски), основной вопрос, который мы выдвигаем, который мы ставим, о котором я говорил в своем докладе, — это вопрос о том, чтобы сохранить, чтобы укрепить единство нашей организации. От этой печки надо танцевать и к этой печке надо танцевать, потому что игнорировать этот основной момент в ущерб какой-нибудь группировки, в ущерб какого-нибудь вождя — это значит приносить вред партии. Нужно прежде всего и раньше все поставить единство организации, единство партии.

Что говорили здесь «левые» товарищи и чего хотят, так называемые, «левые». У меня имеется записка т.Ахмадеева, который наводящими вопросами хочет вытянуть у меня определенные ответы, но я должен сказать т.Ахмадееву, что тех ответов, которые он желает, я ему не дам. Он говорит: «Будут ли изменения в работе ОК в связи с делом Султан-Галиева? На кого Областной комитет будет опираться в своей работе?» Я должен сказать т.Ахмадееву, что изменений в линии Областного комитета, в линии организации в национальном вопросе мы вносить не намерены. «На кого будем опираться»

ся?» Будем опираться на организацию, будем опираться во всяком случае на членов партии.

Тов. Ахмадеев, на мой взгляд, хотел получить такой ответ: «будем опираться на левых» (*голос с мест: Неправильно*) Мы на «левых» не будем опираться. Если т. Ахмадеев слушал мой доклад, он должен был понять, что читая, приведенная из речи т. Сталина, дает указания ясные, что на «левых» в борьбе с «правыми» опираться нельзя. «Левые» представляют определенную опасность и что против этой опасности надо вести борьбу. Есть ли «левая» опасность? Есть, этого отрицать нельзя.

Тут говорил товарищ, кажется Ибрагимов. «Беда, — говорит, — основная ошибка, заключается в том, что «товарищи ставят национальный вопрос выше рабочего вопроса». Ставить рабочий вопрос без учета всего прочего тоже нельзя.

Как мы можем укрепить власть, диктатуру пролетариата в нашей стране, в нашем Советском союзе? Мы можем укрепить при условии, если советский аппарат, если партия будут разрешать правильно национальный вопрос. Вот основное положение и именно умение партии должно заключаться в том, чтобы эти два момента правильно сочетать — вопрос пролетарской диктатуры, вопрос о пролетарской власти и вопрос национальный. Вот основной момент.

Тут необходимо остановиться на вопросах, которых товарищи здесь касались: вопрос о крестьянстве, вопрос о правом уклоне, о пролетариате, левизне и проч.

Что значит обвинять в слабом внимании к пролетариату, что значит обвинять в уклоне в сторону крестьянства? Правильно ли это обвинение? Если говорить абстрактно, если находиться под небесами, то, конечно, будет правильно, но если находиться на земле, в нашей российской действительности, то нужно будет сказать, что это обвинение будет неправильно.

Что сейчас для пролетариата нужно. Сейчас для пролетариата нужно заключить союз с крестьянством, сейчас пролетариат должен наладить смычку с крестьянством. Для пролетариата, именно для пролетариата, выгодно, в его интересах, иметь некоторый уклон к крестьянству. Если мы возьмем Союз республик и пропорцию, которая имеется в численных взаимоотношениях у русского пролетариата и у русского крестьянства, и возьмем нашу Татарскую республику, то, на мой взгляд, тут картина иная. Здесь, в Татарской республике, нужно быть еще более внимательным к крестьянству. Это вовсе не значит, что мы интересы пролетариата должны забывать. Именно в интересах пролетариата мы должны еще более уделять внимание крестьянству и плохо, когда мы констатируем, что в целом ряде волостей и сел не всегда этот вопрос учитывается.

Есть у нас пролетариат, элементы пролетарские есть, но для того, чтобы в Татарской республике можно было, опираясь на пролетариат целиком и полностью, иначе ставить вопрос о крестьянстве, для этого нужно иметь очень и очень большой срок. Прежде всего, тот пролетариат, который у нас имеется, он очень слаб, пролетариат, который недавно пришел из деревни, который можно длительным систематическим путем, путем кропотливой работы, как указывает совещание, и нужно действительно поднимать выше и выше. И те товарищи, которые здесь хотят ставить вопрос о пролетариате именно так, как они ставят, они впадают в ошибку, они впадают в «левый» уклон, не только в кавычках, а действительно, который может оторвать от

нас крестьянство, крестьянскую массу. Вот как ставится основной вопрос. А мы ищем с этой массой союза и против тех, кто хочет мешать этому, кто хочет идти против этих стремлений, мы будем, несомненно, бороться.

Товарищи, здесь очень много жалоб приносили по отношению ОК. Из этих жалоб у меня сложилось такое мнение, что товарищам «левым», что так называемым «левым», чтобы жалоб не было, надо дать определенный совет. Совет этот заключается вот в чем. Совет товарищам «левым», о котором я говорил и еще буду говорить. Если они этому совету, который мы им давали на VII областной партийной конференции (совет может очень решительный), если они этому совету последуют, то тем самым создадут предпосылку для настоящей совместной работы. А если они этому совету не последуют — извините — мы будем вести борьбу. Вот как ставится вопрос.

Тут говорили о том, кто будет бороться с султангалиевщиной, кто хочет бороться с султангалиевщиной. Если ставить так вопрос, то мы должны сказать, что ОК, который XII конференцией избран, из каких бы составных элементов не состоял, несомненно, он является лучшей гарантией этого, что с султангалиевщиной необходимая борьба будет проведена.

Но я, товарищи, должен сказать здесь, что «левые» в этом вопросе могут принести организации большую пользу, но при условии, если они не будут мешать, не будут затруднять борьбу с этой султангалиевщиной. Вот как мы ставим вопрос.

Нам не нужно фразеологии, нам, коммунистам, не нужно фразеологии, нам нужна деловая работа, действительная работа не на словах, а на деле, которая помогла бы султангалиевщину изжить. Но товарищи, я должен заявить — раньше и впредь тому, кто мешал или кто будет мешать нам, т.е. организации, партийной организации в этой работе, мы будем безо всяких разговоров давать по рукам определенным образом. Тут шуток никаких нельзя допускать. Никакого гонения из этого на «левых» не вытекает. Перестань быть «левым», стань на позицию партии, не мешай.

Я приводил здесь ответы т.Ленина. Эти ответы запугали т.Муслимова, запугали и должны были запугать. В резолюциях партийного совещания еще лучше сказано. Там говорится: «Я коммунист и поэтому я должен идти на уступки». Никакого гонения в этом вопросе нет.

Кто боится — дело другое. Я думаю, что коммунисты не должны этого бояться, а указаний, которые делал т.Ленин, должны слушаться.

Тов.Муслимов предлагал здесь ОК принять самые решительные меры. ОК не должен становиться на путь соглашательства. Что вы хотите, т.Муслимов? Хотите разрыва организации, хотите образования фракции русской и татарской, хотите вы разрушить работу, которую мы с таким трудом вели и ведем в течение двух лет? Если да, то другое дело. Если нет, то мы вам предложим отказаться и идти по пути соглашения и уступок с тем элементом, не только партийным, но и беспартийным, который может лояльно работать в рамках советского строя.

Мы допускаем, что т.Муслимов против нашей линии, но чтобы быть против нашей линии, для этого нужно нашей линии противопоставить более правильную линию. Этой политической линии т.Муслимов нам не предлагает. Мы считаем и будем считать, что в национальном вопросе наша линия была и будет правильна.

Тут выступил т.Габидуллин и старался занять среднюю линию. Должен откровенно сказать, что т.Габидуллин все время эту правильную линию ищет, но найти ее не может. И до тех пор не найдет, пока не перестанет искать линию в своей собственной голове, в своем индивидууме, и не пойдет не поищет линию у партийной организации.

В чем сущность нашей линии в прошлом. Тут нужно, товарищи, ясно и определенно ответить. Мы понимали и понимаем, что до сих пор основная опасность в разрешении национального вопроса была нами видна как великодержавный шовинизм. Основная опасность — великодержавный шовинизм. Это проводится во всех постановлениях XII съезда РКП(б) и партийного совещания при ЦК.

Какую задачу мы ставили. Мы ОК, областная организация, мы ставили в первую очередь борьбу с этой опасностью, потому что без борьбы против этой основной опасности нельзя ставить другие вопросы. Т.Ленин нас учит — взять основное и по этому основному бить, и только при условии преодоления основного препятствия можно браться за дело другое, за дело иного порядка. Это нужно понимать. Мы считали, что нам в организации, если мы хотим нормальной деловой работы, нужно найти контакт, нужно найти смычку с националами. Мы эту задачу ставили и мы этой смычки достигли. Тут никто из товарищей не может сказать, что мы с националами здесь, в татарской организации, этой смычки не достигли. Мы ее достигли, а смычка есть условие нормальной жизни.

Третьим моментом мы ставили укрепление партийной организации. Была ли татарская организация два года тому назад той, что сейчас. Кто это скажет. Этого не было. Она была совершенно иной. Наша организация за эти два года значительно выросла, укрепилась. Не скажем, что все гладко, мы никогда об этом не говорим, но она росла, укрепилась и ту задачу, которую мы ставили, разрешения ее мы достигли.

Четвертой задачей мы ставили борьбу со всеми теми, кто нам мешал в разрешении основных задач, тут и «левым» попадало. Правильно мы вели эту линию? Правильно. Решительно мы вели эту линию? Решительно. Справдились ли? Надеюсь, что справились. Но, товарищи, мы, ОК, не считали для себя обязательным по всякому поводу разъяснять эту линию. Мы всегда думали, что именно по этому вопросу ответственным работникам с ложки в рот давать не следует и с ложки в рот мы не давали. Мы считали, что тот, кто не первый год состоит в партии, на ответственной работе, должен эту линию понимать. Я должен сказать, что крупнейшее большинство наших ответственных работников эту линию понимало. Правда, мы об этом не говорили, не дотолковывались, но товарищи понимали и правильно проводили. У нас есть соответствующие решения и на этот счет.

Я сказал, что мы четвертой задачей ставили борьбу с теми, кто мешал работать. Я должен сказать, что многие мешали работать, в том числе нам и «левые» мешали. Они оправдываются здесь — это их законное право. Они стараются часть вины свалить на нас, на ОК. Но, товарищи, мы говорим вполне искренне, по-коммунистически, товарищи, вы нам мешали.

Вот про т.Николаева. Хороший, надежный коммунист, член ОК, но выступлением своим он нам оказал услугу очень малую, если не сказать больше. В таких услугах мы меньше всего нуждаемся.

Вопрос о национализме. Тут ставили упрек — мы не боролись с национализмом. Это может быть. Но я должен сказать из опыта нашей организации, мне лучше всех других наблюдать за жизнью нашей организации и можно сказать, что «левые» с национализмом не боролись, что постоянно, систематически, как этого хочет партия, они с национализмом не боролись. Они несколько иначе боролись с национализмом (*голос с мест: Борьба шла с перерывами*) (*голос с мест: Неправильно*), они способствовали развитию национализма. Этого вы отрицать не будете. Конечно, ваше право, вполне законное право, оправдывать себя, но объективно вы способствовали росту национализма. Мы думаем, что мы делали вполне правильно, когда боролись с великорусским шовинизмом и думаем, что в дальнейшем будем бороться с этими моментами.

Т. Ибрагимов развивал определенную платформу, но эта платформа со стороны партии заслуживает осуждения. Против этой платформы мы будем бороться и стремиться к тому, чтобы исправить «левых» и посодействовать им с этой платформы сойти.

Мне пришлось сделать такой вывод, что «левым» здесь надо дать такой совет, который они должны понять. Товарищи, перед нами огромнейшие задачи, намеченные XII партийным съездом и совещанием, мы говорим — не мешайте нам, не мешайте, а помогите. Вот как мы ставим вопрос. Мы говорим «левым», товарищи, если вы нам хотите помочь, откажитесь от особой роли в партии и равняйтесь по организации. Мы говорим «левым», бросьте свою левизну, научитесь быть гибкими, научитесь маневрировать. Вот как ставится вопрос. Говорить о невинности — вещь не всегда бывает хорошая. Невинность не везде и не всегда считается добродетелью, и «левым», если они хотят реального, нужно от этой невинности отказаться (*голос с места: Как понять слово «невинность»?*). Нужно, товарищи, раз навсегда стать на правильный путь и помогать вести нормальную деловую работу в рамках партийной организации. Можно было бы сказать многое, но я думаю, что XII съезд и совещание при ЦК достаточно ясно осветили тот путь, по которому организации должны идти. Этот путь я в своем докладе отмечал.

В чем основная сущность нашей линии? Сущность нашей линии определяется ответом т. Ленина т. Саид-Галиеву. Там определенно указывается, что русские коммунисты, которые работают в национальных областях, должны быть не педагогами, а помощниками. Выполнили ли русские эту роль, действительно ли они являлись помощниками? Правда, были отклонения в ту или иную сторону, но в основном они свою роль выполнили.

Мы ставим в своей резолюции вопрос о воспитательной работе. Мы говорим, говорили и будем говорить о том, что необходимо воспитать надежное, спаянное коммунистическое ядро. Мы должны сейчас задать вопрос, добились ли мы кое-чего до постановления партийного совещания. В этом отношении я должен беспристрастно сказать без хвастовства, что определенных результатов в этом направлении мы добились. Возьмите целый ряд кантонных организаций: Арскую, Тетюшскую, Буинскую и т.д., целый ряд работников в кантонах и в Казани. Добились ли? Да, добились. Мы определенные кадры, которые не допустят уклонов ни вправо, ни влево, мы эти кадры сейчас имеем, может, раньше не имели, а теперь имеем. Правда, над ними много

еще нужно работать: век учись, а дураком умрешь,— много нужно работать, но определенные кадры мы имеем.

Если возьмем другие кантоны, то они тоже стоят на правильном пути.

Как будем подходить к помощи Мензелинской, Бугульминской и Чистопольской организации? Мы будем подходить к организации по-разному. Товарищи, которые здесь слушали все выступления, поймут, как нужно, будучи помощником, в Мензелинском подходить к вопросу национальной политики, и как нужно подходить к Бугульме. (*Голос с места: Выезжать надо побольше.*) Тов. Забицкий выступал, он хотел быть помощником, но по его выступлению он оказался плохим помощником. Не буду рассказывать про крыловскую басню про медведя, который камнем стонял мух со лба спящего человека. Тут надо проводить определенную грань. Есть помощники и помощники. Наша помощь несколько иная, чем та, которую сказал т. Забицкий. Мы подходим с классовой точки зрения. В чем состоит классовая сущность национального вопроса? Она состоит — об этом ясно говорили т. Сталин, постановления XII съезда и партийного совещания — в том, чтобы идти по пути сближения, по пути установления правильных, нормальных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством угнетенных национальностей. По этой линии мы будем помощь оказывать направо и налево.

Но тому, кто уклоняется от этой линии, мы помощь оказывать не будем. Тому, кто идет по пути другому, по пути разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством ранее угнетенных национальностей, мы будем помощь оказывать другую.

Нам надо изжить правый уклон. Мы это ставим как одну из очередных задач, но чтобы изжить этот правый уклон, надо его признать, а не отмахиваться. Тут один товарищ бросил фразу: «Мы люди маленькие, ЦК доверяло». Это очень худо, худо прежде всего потому, что прежде всего маленькие люди лезут в большое дело. У нас есть документы, когда маленькие люди лезли в большое дело. Этого на совещании замазывать нельзя.

Мы признаем существование султангалиевщины. Тут, товарищи, ясное толкование давали султангалиевщине, и все-таки многие стараются искать новой сущности султангалиевщины. Вот тут есть у т. Сталина, я не дочитал, когда читал про национализм: «То же самое нужно сказать о национализме в отношении наших коморганizations на окраинах. Национализм играет для этих организаций ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков. Только через националистическое прикрытие могут проникнуть в наши организации на окраинах всякие буржуазные, в том числе и меньшевистские, влияния. Наши организации в республиках могут стать марксистскими кадрами лишь в том случае, если они сумеют устоять против того националистического влияния, которое прет в нашу партию на окраинах, прет, потому что возрождается буржуазия, растет национализм, есть пережитки великорусского шовинизма, которые также толкают вперед национализм местный, существует влияние заграничных государств: Турции, Афганистана, Антанты, — поддерживающих всячески национализм. Борьба с этим врагом в республиках и областях представляет ту стадию, которую должны пройти наши национальные коморганizations, если они хотят окрепнуть как действительно марксистские организации. Другого пути нет. И в этой борьбе «правые» слабы. Слабы, так как заражены скептицизмом в от-

пошении партии и легко поддаются влиянию национализма. Вот в чем грех правого крыла коморганизаций в республиках и областях». Мы, товарищи, предлагаем против султангалиевщины, против остатков султангалиевщины, против уклона к национализму рецепт, правда, может, недостаточно ясный, но расшифровку из этого можно сделать правильную и ошибиться можно меньше. Наш рецепт, который мы предлагаем, как выяснилось из прений, не нравится т.Усманову. Я должен сказать, что он более чем кто-нибудь другой имеет право говорить, нравится рецепт или нет. Я должен сказать т.Усманову, что он забыл, что больные не очень спорят о рецептах, а больше рассказывают и должны рассказывать прежде всего и раньше всего о своей болезни. Речь т.Усманова, если говорить прямо, без экивоков, речь действительно верника, который старается скрыть свою болезнь, тогда как нашей задачей является эту болезнь найти, чтобы эту болезнь вылечить и, по моему мнению, т.Усманову лучше было бы в интересах того, чтобы болезнь лучше излечь, искренне, по-коммунистически отмежеваться от султангалиевщины, поменьше говорить о «левых», потому что о «левых» много говорили (*Усманов: Каким образом?*). Каким образом — это надо было знать. Тов.Усманов — человек взрослый и знает, как отмахнуться от плохого, во всяком случае, он от огня отходит. Я ему говорю: если о болезни говорят, он должен от этой болезни отмежеваться. (*Усманов: Я заявил об этом*) А речь т.Усманова, на мой взгляд, бросает некоторый свет на то место, о котором говорили и что называли султангалиевщиной, которую надо учитывать, которая у нас есть и с которой мы желаем и с которой мы должны бороться. Так мы ставим вопрос. Не надо скрывать эти болезни. Надо, я повторяю еще раз, надо заявить искренне, по-большевицки сказать, чтобы облегчить организации излечение этой болезни.

Я говорил, что мой доклад был достаточно объективен. Тов.Енбаев хотел внести в те положения, какие я развивал, некоторые коррективы. Но я должен сказать, что т.Енбаев эти коррективы не внес. Наоборот, он больше всего подтвердил то, что говорил я, приводя выдержки из речи Троцкого.

Тов.Фасхутдинов. Его выступление было характерно и, на мой взгляд, уподобилось звонарю или человеку, который ударил в колокол, игнорируя святцы, тогда как я читал эти святцы достаточно внятно, чтобы слышать достаточно ясно, чтобы разобрать эти святцы и ударить в колокол именно правильно. Конечно, т.Фасхутдинов многого не знает, но незнающим нужно узнать, в чем дело, а узнанное надо запоминать. Вот рецепт, следуя которому никогда не будешь ошибаться и языком в колокол будешь ударять правильно.

Тов.Енбаев в своем выступлении приводил целый ряд моментов совещания. Мне показалось, что т.Енбаев действительно много запомнил из того, что было на совещании. На мой взгляд, запомнил он не все. Может быть, не вина т.Енбаева, может, времени не хватило сказать обо всем, но так получилось. (*Голос с места: Больно простая дипломатия*¹) Прежде всего тут говорилось о речи т.Троцкого. Тов.Енбаев мог прочесть целую страницу, но я скажу, что т.Струппе читал этот момент, но не дочитал. Текст (цитирует — *сост.*): «Я думаю, что некоторым из товарищей ...² с помощью ЦК». Затем в отношении

¹ Так в документе.

² Так в документе.

«левых» и «правых». Тов.Енбаев достаточно, на мой взгляд, правильно говорил о «левых», приводя выдержки из речи т.Зиновьева. Но т.Зиновьев говорил: «Мое выступление против «левых» не дает козыря «правым». И таким образом ставится вопрос. Одно дело — «левые», другое дело — «правые».

Тов.Мансуров обвинил меня в дипломатии. Кто знает меня, тот не может обвинить меня в дипломатии (*голос с места: Правильно.*) Но я скажу, что все решения, какие партия, рабочие организации выносят, — все они являются результатом определенной дискуссии. Раз мы дискуссии вели, раз мы дискуссию вели не для того, чтобы вывести правильные решения, которые бы нас удовлетворили, именно для этого, то тут намекать на неправильность тех или иных моментов, положений, которые были в докладе освещены, на мой взгляд, нельзя.

Есть определенное решение о султангалиевщине, и нужно было бы по этому поводу говорить, много бы следовало говорить и более решительно, более определено.

Султангалиевщина есть правый уклон. Если об этом мы говорили и говорим, то это зафиксировано в резолюции. В чем состоят грехи «правых» — об этом я говорил и т.Струппе говорил, и говорил целый ряд других работников, останавливаться на этом не буду. Что требуется от «правых» — я об этом говорил. Требуется равнение на организацию, большего доверия к партии. Вот основное положение. Почему Султан-Галиев скатился в пропасть? Потому что старался делать свои дела тайно от партии, тайно от партийных организаций. Об этих тайнах мы должны определенно сказать. Я думаю, товарищи, что мы в третьем пункте очень ясно, очень недвусмысленно поставили вопрос о султангалиевщине, мы, члены Бюро ОК, ответственные работники. Нужно на этом пункте остановиться и «левым». Высказываются ли они против пункта? (*голос с места: Нет.*) На мой взгляд, можно тут большую ясность внести, мы об этом поговорим, но я должен сказать, что нормальным партийным путем, путем воспитания, подбором действительно коммунистических кадров, — именно этим путем мы легче всего безболезненнее всего можем изжить правый уклон, изжить остатки у нас в организации и что называется султангалиевщиной. Тов.Семенов говорил, мне кажется, не только для себя, но и для других. Он великолепно понимает, что такое нормальный партийный путь. Это та сумма мер, которая применяется к членам партии. Может, об этих мерах придется сказать подробнее. Мы скажем. Тут вопрос, кто нам поможет. В частной беседе татарские работники спрашивали, с кем будем проводить работу мы, русские. Мы, товарищи, на этот вопрос можем дать такой ответ, что, очевидно, нам нужно будет прежде всего держаться, как держимся, в средней линии, но, действительно, т.Мухтаров был прав в том отношении, что средняя линия понимается не буквально, нет, понимается в известной пропорции, она может уклоняться в ту или иную сторону, но в неизвестной пропорции. Я думаю, что и «левые», и «правые» могут и должны помочь организации, но они могут помочь при условии, если постепенно, может быть, не раз будут становиться на правильный партийный коммунистический путь, если они сойдут с той платформы, которую занимают в национальном вопросе. Тут, товарищи, я думаю, не может идти разговора о пересмотре, или высоким слогом выражаясь, о ревизии нашей линии в национальном вопросе, и, действительно, как сказал т.Зиновьев,

тем, кто остается, пользуясь случаем, развивать линию, мы будем давать по рукам. Какова может быть борьба с султангалиевщиной? Тут многие борьбу с султангалиевщиной понимали как новый, особый путь татарской организации. Нет, товарищи глубоко заблуждаются. Они думают, что ОК должен стать на позицию «левых». Нет. Борьба с султангалиевщиной не намечает новый путь, борьба есть продолжение старого пути. Вот так ставим вопрос. Вот какой ответ имеем сделать.

Мы боролись с великодержавным шовинизмом и со всеми теми, кто мешал наладить правильную работу, мы боролись с основными опасностями, и только теперь начинает выявляться вторая опасность — второе крыло. Не могли же мы в 1920 году ставить вопрос о борьбе с местным национализмом. Его только теперь мы ставим и должны будем ставить. И без дела Султан-Галиева линия именно пошла бы так. Может быть, кто-нибудь думает, что пойдет иначе. Нет, борьба с султангалиевщиной не новый путь, она есть продолжение того пути, которого организация держалась.

В дальнейшем момент, который ставим, важнейший момент — сплочение организации. Все остальное должно быть подчинено максимальной сплоченности организации, потому что без этого, безусловно, никакой борьбы с султангалиевщиной вести невозможно.

Одно из условий нормальной работы — побольше веры в партию, побольше веры в организацию. Тут товарищи требовали уважения к себе. Я должен сказать, что если мы в эту плоскость ставим вопрос, то я должен сказать, что уважать того, кто нас не уважает, мы не могли. Мы не идем путем, как говорил Христос. Товарищи, уважайте организацию, и организация будет вас уважать.

На мой взгляд, «правым» и «левым» совет такой можно дать. Нужно и тем, и другим отказаться от группировок самым решительным образом, самым честным, искренним, большевистским образом отказаться от группировок. Группировки сама жизнь решительным образом осуждает. Нужно равняться по партии, нужно бросить тайную работу, всякую переписку, учраспреды, которую вели и «правые», и «левые» (*голос с места: «Левые» — нет*). На это есть документы — сам Султан-Галиев сознался. Товарищи, я не выдумываю из своей головы, выдумывать может ваша, может, большая, может, маленькая, голова, но я беру не из своей головы. Саид-Галиев говорил: «Был учраспред ЦК, был учраспред Султан-Галиева, который имел деньги и связи, и был третий учраспред (*голос с места: Не мог быть*). Может, вы через этот учраспред не проходили (*аплодисменты*). Здесь присутствует ответственный инструктор ЦК т.Струппе, который подтверждает правильность этого. Может, вы не проходили этого учраспреда. Когда я не проходил учраспреда ЦК, работая в губернии, я его не знал, но когда я попал в ЦК, мне дали бумажку, и тогда я понял, что такое учраспред.

Я говорю вполне искренне, что если эта тайная работа и «правых», и «левых» (все — товарищи хорошие), если эта работа не будет прекращена, то мы, организация, будем против этого самым решительным образом бороться, потому что она выводит товарищей за столб, который поставлен совещанием. Вот как мы ставим вопрос. Пользуясь тем, что присутствует ответственный инструктор ЦК т.Струппе, я говорю: мы, татарская организация, должны доказать нашей партии (именно в этом должны сказаться результа-

ты совещания), мы должны показать, что, побивая одну и самую главную опасность, побивая великодержавничество, сумеем побить нормально, безболезненно, не более, но и не менее решительно и вторую опасность — туземный местный национализм.

Я остановлюсь на некоторых практических вопросах. Доклады с мест говорят о многом сделанном, но они говорят и о том, какое широкое поле деятельности впереди для организации. Первый вопрос, который может и должны поставить — углубить работу в двух направлениях: в области хозяйственной и в области воспитательной. Одной из причин местного национализма является экономическое неравенство, поэтому мы должны как можно больше внимания уделять хозяйственным вопросам.

Культурно-воспитательная работа — школа и все прочее. Товарищи, лучше из ста антирелигиозных лекций вы оставьте одну, а в это время 99 лекций употребите на то, чтобы хотя бы в одной школе дело было поставлено как следует. Вот как мы ставим вопрос. Я уверяю, что даже отсталые крестьяне татары, когда увидят реальное существование этого вопроса, пойдут не за «сенным базаром», не за муллами, а пойдут за партийной организацией. Я согласен, что ОК, может быть, недостаточно изучил местные особенности. Я думаю, что ОК и местные организации должны особенное внимание обратить на изучение этих особенностей. Но недостаточно изучения. Многие знают эти особенности. Надо не только изучать, но надо изучаемое запоминать. (*Голос: В жизнь проводить — не забывают.*) Правильно т.Валидов говорит, хотя т.Валидов тоже грешил в своем выступлении. Нам надо особенное внимание обратить на молодежь. Я согласен, что в работе с молодежью у партийной организации и у комсомола имеется целый ряд дефектов. Мне кажется, что именно в области работы среди молодежи у нас дела — непочатый край. Мы как следует, вплотную, что называется, на 100% в это дело не внедрили. Необходимо партийной организации, поскольку конкретно ставятся определенные требования, поскольку надо их выполнять, необходимо комсомолу уделять в будущем гораздо больше внимания, чем мы уделяли до сих пор. У нас были некоторые случаи, я думаю, имею право об этом сказать, были случаи, правда, не зафиксированные, товарищи, когда комсомольцы хотели перенести в комсомол групповую грызню. Это именно медвежья услуга. Мы должны будем бороться с этой грызней, с этой борьбой, особенно — среди молодежи.

Нам надо, товарищи, еще ближе подойти к крестьянству, о нем нам нужно как следует говорить. Мне приходилось быть в целом ряде организаций, и я пришел к выводу, что мне нужно в 10 раз, при наличии тех сил и возможностей, которые имеются, работу среди крестьянства усилить. Давайте, товарищи, на этом месте немножко остановимся.

Если мы, я повторяю для «левых», если мы желаем помощь пролетариату, если желаем мы действительно укрепить диктатуру пролетариата, то мы должны прежде всего обратить внимание на положение крестьянства и весь XII съезд, как говорил т.Троцкий, подвинуть партию к крестьянству. Она подвинулась ближе к крестьянству, чтобы лучше, чтобы полнее сохранить и удерживать интересы пролетарского государства.

В заключение я должен сказать, что крепкая партийная организация, сплоченная является первым условием; понимание особенностей, которые у нас

имеются — является вторым условием; искренность, прямота партийных товарищей — третье условие; равенство на организацию, больше доверия организации и, таким образом, отмежевание более искреннее от всего того, что осуждено нашей партией (что суждено — это достаточно ясно для каждого) — четвертое условие нормальной деловой работы партийной организации, идущей по пути укрепления завоеваний Октябрьской революции.

Результаты совещания скажутся в том повороте, которые товарищи должны немедленно произвести. «Правые» и «левые», равняйтесь по линии партии — вот основное условие. И в этом именно смысле мы должны определенно, недвусмысленно сказать, чтобы мы, уйдя с этого совещания едиными, сплоченными, чтобы основное понесли в массы, чтобы там еще больше внести элементов, которые бы сплачивали организацию. Тов. Струппе сказал, что у нас целый ряд недоразумений, много ненормального, нехорошего. Я должен сказать, что т. Струппе должен такое заключение вынести, когда он обследует организацию до корня, что мы являемся организацией единой (правда, некоторым отдельным товарищам попадает и будет попадать), мы являемся организацией единой, которая работает, работает нормально, которая упущения будет исправлять, и силы, для того, чтобы эти недостатки исправлять, — эти кадры у нас имеются.

Здесь, товарищи, предложен проект резолюции по этому докладу. Этот проект писался как проект предварительный, так как мы понимали свою задачу, потому что нельзя было предусмотреть всего, что говорилось на совещании. И лишь после того, как прения были довольно широкие, можно сказать, что определенные элементы в развитие этой резолюции необходимо внести. В частности, третий пункт, его необходимо развить, чтобы дать возможность комиссии в дальнейшем практические предложения разработать. На совещании секретарей, которое назначено на 15 августа, — там еще раз обсуждается, затем провести как директиву ОК.

Сейчас единственное предложение было бы — резолюцию принять за основу, затем поручить президиуму совещания внести дополнения, дополнить резолюцию с учетом всего того, что было сказано, затем наметить персональный состав комиссии и внести на окончательное утверждение совещания, а до выработки сделать перерыв. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Живов. Товарищи, Бюро вынесло следующие дополнения к резолюции. Тут были некоторые дополнения к резолюции, которые мы не приняли на Бюро, потому что наши дополнения исчерпывают предложения. Эти дополнения были приняты единогласно резолюцией по докладу о 4 совещании ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей.

1) Доклад принять к сведению.

2) Отметить особую ценность материалов совещания ЦК РКП(б), в частности для нашей организации, и считать необходимым, чтобы ОК принял меры к ознакомлению тем или иным путем, всех ответственных работников организаций с означенными материалами с одновременной широкой популярностью постановления XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.

3) Целиком присоединиться к постановлениям совещания, осудить преступную работу Султан-Галиева и призвать всех коммунистов ТССР к изживанию остатков султангалевщины и к более решительной борьбе с возможными уклонами к национализму.

4) Обратить особое внимание на выращивание подлинно интернациональных коммунистических кадров из пролетарских и политпролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции, завоевать поддержку трудящихся масс местного населения, учитывать социально-экономические особенности населения и применять к этим особенностям соответствующие методы работы, а также достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных национальных влияний и повести решительную борьбу с уклоном национализма и за уничтожение пережитков национального неравенства.

5) При осуществлении этой задачи поручить ОК принять все меры к усилению партийно-воспитательной работы, укреплению РКСМ выдержанными партработниками, борясь против перенесения групповой грызни внутри союза в ущерб коммунистического воспитания и обратить внимание и на систематическое поднятие квалификации татарских рабочих путем втягивания их в фабзавучи и профтехнические школы.

6) Принимая во внимание важность практического твердого осуществления постановлений совещания и XII съезда, считать необходимой немедленную разработку их применительно к организации, для чего создать специальную комиссию в составе тт.Шварца, Мухтарова, Ахмадеева, Брундукова, Сагидулли и Ахметшина под председательством т.Шварца с предварительным рассмотрением результатов работы этой комиссии очередным совещанием секретарей кантокомов и райкомов и с последующим утверждением ОК.

Председатель т.Шварц. Товарищи, я проголосую резолюцию за основу. Кто за то, чтобы принять резолюцию, как основу, прошу поднять руки (*принимается единогласно*). Какие имеются поправки?

Ибрагимов. Я думаю, резолюция всех удовлетворит. Я предлагаю принять без дальнейших поправок и дополнений.

Председатель. Голосую за предложение т.Ибрагимова (*Усманов: Нельзя так утвердить резолюцию целиком*). Кто, товарищи, за принятие резолюции, прошу поднять руки. Принимается единогласно при одном воздержавшемся — т.Фасхутдинове.

Живов. Я полагаю, что надо дать высказаться.

Блудау. Я полагаю, что вопрос относительно воспитания среди молодежи освещен односторонне в смысле укрепления кадров. Нужно дать еще директивы ОК от имени совещания, чтобы была в кратчайший срок выработана инструкция или положение, как хотите, которая предусматривала бы работу молодежи в условиях национальных республик, это необходимо, ибо это вызывает целый ряд недоговоренностей.

Живов. Дополнения т.Блудау не принципиального, а практического свойства, его надо внести в комиссию. У нас принципиальные вопросы отмечены.

Председатель. Товарищи, я голосую. Кто за предложение т.Живова, прошу поднять руки (*принимается*). Абсолютное большинство. Теперь о составе комиссии. (*Оглашается состав комиссии, в составе председателя т.Шварца и членов*).

Сагидуллин. Разрешите мне свою кандидатуру снять, так как я по болезни нахожусь в отпуске. Кроме того, нужно внести кандидатов. Необходимо ввести т.Якубова.

Живов. Я тоже нахожусь в отпуске. Думаю, что и т.Сагидуллин может поработать, а потом может отпуск использовать.

Председатель. Товарищи, поступило предложение — список утвердить в целом с отклонением заявления т.Сагидуллина (*принимается*).

Шварц (*председательствующий*). Заключительная речь.

Товарищи, прежде чем закрыть наше совещание, хотелось бы сказать несколько слов. Мы просидели здесь три дня и после того, как заслушали доклад тов.Живова, целый ряд выступавших по докладу товарищей с мест, после блестящего заключительного слова тов.Живова и ценных указаний ответственного инструктора ЦК тов.Струппе, должны констатировать, что это время провели не даром. Работа проделана большая и намечены контуры дальнейшего пути. Отдельные товарищи могут быть другого мнения, некоторые пессимистически настроенные могут полагать, что нам не удастся провести в жизнь все мероприятия, намеченные и принятые нашим совещанием. Но все же принятые постановления будут внесены яркими словами на страницы истории нашей молодой, но сплоченной (несмотря на возражения отдельных товарищей) татарской организации. Областной комитет и большинство совещания, принявшие резолюцию, приложат все усилия к тому, чтобы она не осталась на бумаге, а в кратчайший срок была проведена в жизнь. Теперь необходимо остановиться на некоторых отдельных моментах. Сегодня во время речи тов.Мухтарова, один из ответственных, квалифицированных, культурнейших местных коммунистов, желая упрекнуть одно из выступавших ранее товарищей недостаточно глубоким пониманием и сущности национальной политики советской власти, бросил выражение — «упрощенное понимание». Мы слышали речи местных товарищей, искавших простоту в наших выступлениях, жаловались на непонимание дипломатических выступлений и т.д. Мы добиваемся и надеюсь добьемся, чтобы все наши решения и постановления были бы просты без излишней дипломатии. Для товарищей, работающих в кантонах и волостях, должны быть ясны мероприятия, принимаемые и проводимые нашей партией. Великие открытия считались великими именно потому, что они были просты, и искать здесь особых ухищрений «дипломатических способов для затуманивания мозгов» не следует. Незачем запутывать моменты, которые для нас достаточно ясны. Все кантонные организации должны знать, что после этого совещания им предстоит еще гораздо большая работа. На прошлой конференции говорили, и теперь касаются вопроса о борьбе с религиозной стихией. Этот вопрос чрезвычайно важный. Это один из вопросов, которым особенно интересуются наши классовые враги и стараются использовать это орудие в своих целях. Поскольку врагам это выгодно, постольку нам необходимо противопоставить нашу организационную, широкую, глубоко продуманную агитацию, отнюдь не прибегая к карнавалам и к детским маскарадам, которые кроме вреда ничего нам не причинили. Работа эта кропотливая и длительная, но нам необходимо, начав с деревенской ячейки, поведя эту работу шире, окончательно выбить **единственный козырь, оставшийся в руках мулл и мусульманской буржуазии.**

Другая задача, предстоящая в дальнейшем — очищение нашего государственного аппарата от националистических элементов, но наряду с этим мы должны стремиться к тому, чтобы вовлечь беспартийную интеллигенцию,

местную трудовую интеллигенцию, которая более или менее лояльная к советской власти во всех отраслях советского строительства. Не менее важная задача — поднятие культурного уровня в создание местного населения. Нам известно, что в этом отношении сделано чрезвычайно мало. Недостаток школ, недостаток культурно-просветительской работы на местах сыграли в этом свою отрицательную роль.

Что касается привлечения к работе так называемых «левых» товарищей, необходимо раз и навсегда их успокоить. Те товарищи, которые именуют себя «левыми», как раньше привлекались, так и теперь будут привлекаться к работе, но ОК и впредь будет исходить исключительно с точки зрения целесообразности и работоспособности. ОК не смотрел на одних как на сынков, на других как на пасынков; если товарищи будут вредить, мешать проводить линию партии, заниматься склоками, областной комитет не только одернет, но и нанесет соответствующий удар, от которого нелегко будет оправиться. Все должны помнить, что мы являемся не только партией рабочего класса, но и партией, которая руководит государственным аппаратом.

И для того, чтобы этот аппарат не хромал, чтобы он справлялся с государственными задачами, предъявленными ему, необходимо подбирать работников, которые смогут работать на укрепление его и вполне естественно, что недопустимо подбирать работников с точки зрения группировочной принадлежности.

Хочется думать, что поговорив так много о «левых» и «правых», в достаточной мере разобрав грехи одних и других, что больше к этому возвращаться не придется и что уйдя отсюда, мы сможем сказать, что татарская организация является спаянной частицей нашей единой, славной коммунистической партии. Вы помните период кануна 10 съезда нашей партии. В дискуссии о профсоюзах принимали участие отдельные группы: ленинцы, троцкисты, пляшниковцы и т.д. Заграничная эмигрантская пресса тогдашнего периода ликовала, с радостью ожидая грядущего раскола нашей партии, но наша партия на этом съезде властно заявила, что нет ленинцев, троцкистов и других, а есть сильная непобедимая, единая партия коммунистов-большевиков. И если постановлением 10-го съезда были похоронены все течения по вопросу о профсоюзах, то нашим постановлением мы должны также покончить с левыми, правыми течениями. Наши классовые враги не дремлют и радостно потирают руки, и я уверен, что завтра пойдут письма во все концы мусульманского Востока, что Ибрагимов и Сагидуллин выступали резко против Енбаева и Валидова и наоборот. Это на руку нашей буржуазии. Мы должны отбросить и осудить фракционную грызню, не давая козыря нашей буржуазии. Алкины, Таржимановы, Туктаровы зорко следят за всем происходящим в нашем коммунистическом лагере и зачастую не только группировочную борьбу, но иногда и недостаточное понимание друг друга используют в своих целях. Обстановка чрезвычайно сложная. Новая экономическая политика вообще дала возможность нашим врагам использовать легальные возможности. Это — опасность, с которой приходится бороться. Но новая экономическая политика плюс условия работы в национальных республиках при слабости коммунистического влияния гораздо большая опасность. Нам известно, что во всероссийском масштабе сейчас же после перехода к новой экономической политике все наши враги зашевелились. Ти-

раж изданий, выпускаемых нашими противниками, превышает существующий тираж коммунистических изданий. Это ни один коммунист забывать не должен и учитывать при повседневной работе.

Наша партия, партия коммунистов и большевиков, всегда была ударной и будучи таковой с честью выполнила много ударных кампаний. Проведение постановления XII съезда партии в жизнь должно быть для нас задачей ударной. И в тех кантонах, где национальный вопрос недостаточно изучен и усвоен, необходим коренной перелом, чтобы осмыслить работу, охватить ее и не давать возможности отдельным элементам спекулировать, что постановление XII съезда является декларацией, но наряду со сказанными должны помнить, что наша партия должна быть также гибкой для приспособления к местным условиям и удержания влияния на крестьянство. Я выражаю уверенность от Бюро ОК и ОК в целом, что мы с честью выполним все задачи, поставленные перед нами партией и что впредь не будет группированной борьбы, и что мы сохраним единство организации на страх врагам пролетариата и на благо трудящихся Татарии и всего Востока (*аплодисменты*).

В заключение вношу следующее предложение: от имени совещания поручить Бюро областного комитета послать приветственную телеграмму нашему учителю и вождю, теоретику марксизма по национальному вопросу товарищу Владимиру Ильичу Ленину и его главному помощнику товарищу Сталину.

В этих телеграммах Бюро ОК заверит от имени всех присутствующих здесь, что с сегодняшнего дня не будет ни «правых», ни «левых» (*аплодисменты*), а будут единые члены, единой сплоченной, сильной большевистской партии. Разрешите считать совещание закрытым (*аплодисменты*).

(Совещание закрывается с пенем Интернационала).

СПРАВКА

б/д.

Тов. Сабилов в своей речи заявил, что работники Мензелинского кантона неправильно подходят к вопросу антирелигиозной пропаганды и что в день Ураза-байрам с представителем кантисполкома и ответственным секретарем канткома во главе устроили манифестацию, особо останавливаясь против мечети.

Мы, работники Мензелинского кантона, должны заявить следующее: во-первых, т. Сабилов пользуется слухами если не мулл, то во всяком случае лиц, враждебно относящихся к антирелигиозной пропаганде. Во-вторых, совершенно не учитывают особенности обстановки Мензелинского кантона и смешивают ее с атмосферой пчан-базара, где нельзя было проходить с папирской во рту во время ураза.

Мы с полным сознанием и гордостью заявляем, что Мензелинский кантон является опытным полем глубокой антирелигиозной пропаганды против ислама, если не для всей России, то во всяком случае для Татарии. В течение нескольких лет неустанно велась антирелигиозная работа, почва вполне разрыхлена и подготовлена не только для манифестации, но в иных мес-

тах для закрытия мечетей. Что касается смычки с крестьянством, то она у нас настолько крепка благодаря неустанной работе, что ее никакая манифестация не поколеблет, разве только умышленно вверх.

В сущности говоря, никакой манифестации не устраивалось. Антибайрамский праздник был устроен и отмечен вечером-концертом и утренним спектаклем, местом для вечера был избран клуб, устроенный еще купечеством города почему-то против мечети. Вечер прошел очень хорошо, народу было очень много, утром направились в народом для постановки спектакля к несчастью не на облаках, а на улице.

Мы не могли во имя смычки с крестьянством последовать примеру областного работника, руководителя партпечатью, члена ОК т.Рамзи, который марта 15 дня сего года приехал в наш кантон в родную деревню, отметил 25-летие нашей партии посещением мечети, устройством годовой поминки усопшему отцу, приглашая мулл и кулаков, раздавая как полагается благоверному зажиточному мусульманину «садака» — милостыню муллам.

Таких примеров — примеров смычки с муллами можно привести десятки, но мы в маленькой справке готовы ограничиться этим.

Итак, у нас смычка с крестьянством крепка, антирелигиозная пропаганда ее не пошатнет, а с муллами смычку устраивать не собираемся.

Пред. Кантисполкома *Шамарданов*
Отв. секретарь канткома *Сагидуллин*
Зав. агит. проп. отделом *Вахитов*

СПРАВКА

21 июля 1923 г.

Секретарь Бугульминского канткома РКП(б) т.Лазарев в своем выступлении (на прениях) заявил, что «мною, Хайруллиным, 8-часовой беседы ему было сказано, что когда было известно областному об исключении из рядов нашей партии Султан-Галиева, здесь в Казани устроили секретное совещание ответственных работников татар», что ввело многих участников совещания по национальному вопросу в заблуждение, а потому считаю необходимым разъяснить:

Вчера 20-го июля, когда я сидел в фойе Ком. клуба с заместителем директора Татторга т.Вахитовым, к нам присел т.Лазарев, и мы начали рассуждать о постановке партийных работ в Бугульме, тогда тов.Лазарев изволил заявить, что в Бугульме все ответственные работники из татар, прежде чем начать какое-либо дело, всегда совещаются с известным белогвардейцем неким Х.Атласовым и т.д. Дальше он говорил, по имеющимся слухам и здесь в Казани вроде этого бывают такие закрытые совещания. Вот, например, до настоящего совещания здесь у вас было же совещание ответственных работников из татар, чего же тут скрывать (подлинные слова тов.Лазарева). Мой ответ?

Да, я тоже слышал от кое-кого об этом, говорят, что было, но я лично участия не принимал и приглашен на это совещание не был.

Больше я, конечно, не говорил и ушел, оставив т.Лазарева с тов.Вахитовым (слова мои, изложенные здесь не переделанные, не перефразированы, могу подтвердить когда угодно и где угодно).

Член РКП(б) *С.Хайруллин*

Выступление т.Блудау является для меня равносильно, как надломить шею и пустить инвалидом, и как прокурора, который базируется на всякой мелочи, предавая ей серьезное значение. Т. Блудау выразился, что в Арской организации понимание о Татреспублике не имеют, что Татреспублика есть «фикция» и т.д. Я говорю, что это — ложь именно потому, что тов.Блудау основываясь на агентурных сведениях, которые были направлены с целью выразить недоверие ко мне как [...] ¹ Плюс к русскому и установить это недоверие для того, чтобы овладеть известным положением, в котором я в данное время нахожусь. Я не имею близких связей (вне обязанностей), ни склон абсолютно. Поэтому кажется, именно кажется, что я занимаюсь какими-то каверзами шовинистического характера, «делишками». Не две головы у меня и не настолько уже глуп, как считает т.Будлау², очевидно он слишком много знает и годится для меня учителем, которого я слушать не буду. Извините. Прежде чем стерилизовать мыльный пузырь, нужно справиться у специалистов, может ли он долго терпеть. Точно так ж и о фикции, т.е. правда это или нет. Так ли воспитываются члены Арской организации и т.д. За все время работы и в моментах выступления можно было видеть от т.Будлау недоверчивое ироническое отношение ко мне. Да и к тому же ему еще напештали вот что: В марте сего года мною было послано отношение в Мульминскую волячку, чтобы последняя представила биографию на одного из вступающих в ячейку (татарина) на русском языке (на татарском была представлена, но за отсутствием переводчика не имел возможности ознакомиться и подготовить вопрос к заседанию). И вот когда некоторые товарищи заехали в ячейку и начали проверять, а как выполняются циркуляры, то увидели отношение, о котором я выше сказал, и заключили, что подобного рода циркуляры есть всюду. Не узнав броду, полезли в брод, что способствовало осуществлению «цели», указанной мной в первой части. Т.Лазарев совсем хлопнул [...] в воробья говорит, что мол все спокойно, но Синюпин заявляет, что мол и у меня был скандал, что у меня был скандал, но не личность с [...], а я ставил этот вопрос на заседании комитета [...] вербовки группы, т.е. этот скандал был по [...] отношения, где инициатором, полагаю, был брат [...] — Галимжан, т.к. тенденция к обвинению меня в [...] была проявлена с его стороны на том же заседании, когда я прочел отчет московского совещания, где обвиненный Султан-Галиев показал, что письмо писал не я, а мой. В силу чего у меня и создалось впечатление, [...] ли брат, который находится у меня. Вот из чего [...] т.Лазарев ОК сказал, что у нас в Арске не спокойно. Я заверяю, что к сегодняшнему дню организация крепче чем, когда-либо; лично мной ничего вредного в ней не обнаружено, но могут быть явления, печальные несомненно, если в дальнейшем будет продолжаться агентурная работа и не проверяя ее, компрометировать организацию по примеру т.Будлау. Нужно дать оценку фактически деятельности и не в порядке писем, слов отдельных товарищей, а ближе подойти к кантонным организациям, в час-

¹ Здесь и далее в документе неразборчиво.

² Так в документе, следует: Будлау.

тности к Арской, которую считают большой, но в течение близко к году не посетили и не заинтересовались. Хотя бы тот же Буддау с фактическими достижениями Арской организации. Человек молчалив. Это правда и молчалив потому, что прежде чем говорить, надо сделать, а потом говорить. Товарищи, условия работы слишком трудны и трудны они именно потому, что все же недоверие между нами не изжито.

Давайте бросим и не будем субъективны, а будем объективно смотреть на те задачи, которые возложены на нас революцией.

Резолюция по докладу о IV совещании ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей

1. Доклад принять к сведению.
2. Отметить особую ценность материалов совещания ЦК РКП(б), в частности, для нашей организации, и считать необходимым, чтобы ОК принял меры к ознакомлению тем или иным путем всех ответственных организаций с означенными материалами с одновременной широкой популяризацией постановления XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.
3. Целиком присоединиться к постановлениям совещания, осудить преступную работу Султан-Галиева и призвать всех коммунистов ТССР к изживанию остатков султангалиевщины и к более решительной борьбе с возможными уклонами к национализму.
4. Обратить особое внимание на выращивание подлинно интернациональных коммунистических кадров из пролетарских и полупролетарских элементов, достаточно гибких для того, чтобы привлекать к советской работе все сколько-нибудь лояльные элементы местной интеллигенции, завоевать поддержку трудящихся масс местного населения, учитывать социально-экономические особенности населения и применять к этим особенностям соответствующие методы работы, а также достаточно стойких для того, чтобы устоять против меньшевистско-буржуазных национальных влияний и повести решительную борьбу с уклонами национализма и за уничтожение пережитков национального неравенства.
5. При осуществлении этой задачи поручить ОК принять все меры к усилению партийно-воспитательной работы, укреплению РКСМ выдержанными партработниками, борясь против перенесения групповой гзызни внутри союза в ущерб коммунистическому воспитанию, и обратить внимание на систематическое поднятие квалификации татарских рабочих путем втягивания их в фабзавучи и профтехнические школы.
6. Принимая во внимание важность практического твердого осуществления постановлений совещания и XII съезда, считать необходимой немедленную разработку их применительно к организации, для чего создать специальную комиссию в составе тт.Шварца, Мухтарова, Ахмадеева, Брундукова, Сагидуллина, Павлова и Ахметпина под председательством т.Шварца с предварительным рассмотрением результатов работы этой комиссии очередным совещанием секретарей канткомов и райкомов и с последующим утверждением ОК.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ДОКЛАДУ

1. Доклад принять к сведению.
2. Отметить особую ценность материалов совещания ЦК РКП, в частности для нашей организации, и считать необходимым, чтобы ОК принял меры к ознакомлению тем или иным путем, всех ответственных работников организаций с означенными материалами с одновременной широкой популяризацией постановления XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.

3. Целиком присоединиться к постановлениям совещания, осудить преступную работу Султан-Галиева и принять все меры к тому, чтобы в татарской организации, в самом непродолжительном времени остатки султангалиевщины были изжиты, преимущественно нормальным партийным путем, усилением партвоспитания подбора действительных коммунистических кадров и т.п.

4. Принимая во внимание важность практического осуществления постановлений совещания, считать необходимой немедленную разработку их применительно к организации, для чего создать специальную комиссию в составе т...¹ с предварительным рассмотрением результатов работы этой комиссии очередным совещанием секретарей канткомов и райкомов и с последующим утверждением ОК.

Принято Бюро ОК 19/VII-23 г.

Резолюция по докладу ответственного инструктора ЦК тов.Струппе, принятая Бюро ОК от 30-го июля 1923 года

I. Подтверждая принятую резолюцию по национальному вопросу на национальном совещании ТССР 19—20-го июля, предложить избранной комиссии по практической разработке резолюции XII-го съезда партии и московского национального совещания применительно к условиям...², обратить внимание на следующие вопросы:

1. В борьбе с захватывающим татарские массы религиозным влиянием нужно отказаться от показательных грубых агитационных кампаний без достаточно научно-пропагандистской подготовки, вызывающих только раздражение среди масс. Признавая необходимость усиления антирелигиозной пропаганды, необходимо создать антирелигиозные кружки для научной подготовки пропагандистов и агитаторов, улучшить работу и увеличить количество клубов, изб-читален, культурно-просветительных кружков, принять меры издания на татарском языке выдержанных с научной и политической стороны популярных книг по религиозному вопросу.

2. Особое внимание обратить на систематическое улучшение постановки школ 1-й ступени на татарском языке и на политическую подготовку учителей. Эта мера является одной из основных средств борьбы против создания со стороны мулл домашних религиозных школ.

3. Принимая все меры к улучшению социального состава слушателей

¹ Так в документе.

² Так в документе.

ВУЗов, стремиться к увеличению слушателей татар в ВУЗах и профтехнических школах.

4. Продолжая кампанию по реализации татарского языка, необходимо разъяснить населению важность этого мероприятия, как приближающего наши учреждения к массам, седлающего¹ их понятными для масс и обеспечивающего ускорение и правильность проведения политики и мероприятий советской власти.

5. Обратит внимание на недостаточность литературы на татарском языке по принципиально-марксистским и общеполитическим вопросам, особенно популярных пособий для руководства при ликвидации политической неграмотности среди коммунистов татар.

6. Усилить работу по вовлечению татарских работников в профессиональные организации.

7. Обеспечить более выдержанную коммунистическую линию периодических и отдельных неперидических изданий и принять решительные меры к прекращению групповой грызни на страницах печати.

II. Признавая постановку работы по ликвидации политической неграмотности слабой, предложить агитпропу усилить эту работу, упразднить кустарнический способ ликвидации политической неграмотности, практикующийся в отдельных местах посредством домашних кружков, и приступить к развитию работы в школах политической грамоты нормального типа, особенно в промышленных районах городов, и к организации школ — передвижек для деревенских местностей. Обратит также внимание на почти полное отсутствие популярных пособий для деревенских коммунистов.

III. Теснее связаться с ячейками крупных заводов, применяя все методы работы, предусмотренные ЦК для характерных ячеек, усилив там партработу во всех ее отраслях. В срочном порядке подыскать подходящих секретарей для ячеек Порохового и Кокшанского заводов. Дать задания Елабужскому канткому для избежания недоразумений между канткомом и Бондюжским райкомом, привлечь рабочих в кантонные руководящие партийные и советские аппараты.

IV. Принимая во внимание тяжелые жилищные условия рабочих промышленных районов, поручить комиссии, выделенной по улучшению жилищного вопроса для рабочих, принять действительные конкретные меры по этому вопросу, категорически предложить всем учреждениям оказать работе комиссии всемерное содействие.

V. Для изучения вопроса о нормализации партработы выделить тов. Иванову, поручив ей процесс работы связаться с п/отделом учета местного опыта ЦК и придерживаться выработанных им тезисов по данному вопросу.

VI. Поручить орготделу развить и уточнить работу культурного шефства над деревней и воинскими частями, взяв организационную часть работы в свои руки.

VII. Предложить орготделу дополнить штат инструкторов ОК и состав инструкторов канткомов, строго придерживаясь директивам ЦК по этому вопросу. Поручить также орготделу улучшить постановку качественного учета

¹ Так в документе, следует, вероятно: делающего.

членов партии и приступить к пересмотру и подбору волорганизаторов (секретарей).

VIII. Констатировать слабое состояние работы сельскохозяйственной кооперации, принять все меры к усилению работы и включению членами сельскохозяйственной кооперации артелей и коммун. Усилить деятельность кооперативного совещания, призвать его членов к более внимательному и аккуратному отношению к своим обязанностям. Впредь до приезда тов. Бажанова председателем кооперативного совещания назначить тов. Иванову.

IX. Предложить всем канткамам и фракциям Татпрофсовета обратить серьезное внимание на работу Всеработземлеса, принимая меры к вовлечению в Союз батрацких элементов и к усилению внутри союза коммунистического влияния.

X. Принимая во внимание, что целый ряд предложений при своем проведении требуют кредитов, особенно на издательское дело, еще раз поставить перед ЦК вопрос о расширении кредитов для организации.

С подлинным верно секретарь Бюро ОК

ЦГА ИПД РТ — Ф.15 — Оп.1 — Д.857. — Л.1—249.

53. Решение Президиума ЦКК РКП(б) об отклонении заявления М.Х.Султан-Галиева о восстановлении его в партии (Из протокола заседания Президиума ЦКК РКП(б))

5 декабря 1924 г.

СЛУШАЛИ: Заявление Султан-Галиева. /т.Петерс./ /прис. Султан-Галиев/.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ввиду того, что Султан-Галиев за время своего пребывания вне партии ничем не доказал, что он действительно признал свою ошибку, и не сделал никаких попыток к тому, чтобы эту ошибку публично, перед лицом всей партии, опровергнуть, отклонить его просьбу о восстановлении его в правах члена РКП(б).

Секретарь ЦКК

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.2.— Л.122.— Ксерокопия.

54. Обращение группы коммунистов национальных республик секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину с требованием созыва совещания по национальному вопросу

5 января 1925 г.

Секретно

С того времени, когда наша партия специальными решениями своих съездов и совещаний концентрировала внимание всей страны на национальных моментах в партийном и советском строительстве, прошел значительный срок, в период которого эти решения в различных местах были проведены в жизнь в разной степени. Наряду с широкой национализацией по всем от-

раслям государственной и партийной жизни в одних районах, есть районы, где только начинают теплиться самые элементарные мероприятия по реализации национального вопроса.

Немалой причиной такой медленной поступи в реализации национального вопроса в этих последних является замкнутость и отсутствие возможности обмена между национальными объединениями опытом и достижениями их в деле реализации вышеуказанных решений партии.

Кроме того, наша страна живет сейчас в новых условиях. Бурный рост хозяйства Советского Союза за последние годы выявил огромную активность и самодеятельность всех слоев населения, в том числе в национальных объединениях. Эта обстановка выдвинула ряд вопросов, вытекающих из особенностей данной национальности в новых условиях сегодняшнего дня. Задача фактического уравнивания всех населяющих Советский Союз наций в хозяйственном, культурном и политическом отношениях особенно остро стала ощущаться именно теперь, когда страна в целом начала переходить в полосу созидания. Теперь более чем когда-либо становится необходимым соразмерять темп роста отдельных частей Союза, дабы не получилось резких провалов, так характерных для царизма. В противном случае может нарушиться трудовое сожительство национальностей Советского Союза.

Складывающиеся в настоящих условиях новые взаимоотношения хозяйственных элементов в национальных объединениях настоятельно требуют серьезного политического анализа и реагирования. Возникающие в ряде республик недоразумения и национальные раздоры на почве земельных и иных тяжб тоже требуют немедленных указаний по партийной линии как местам, так и центрам, которые особенно повинны в забвении национального вопроса. Точно также вполне своевременно нормализовать разрешение национального вопроса, а также оформить и уточнить права национальных объединений. Не менее остро стоит и вопрос о положении национальных меньшинств, не входящих в те или иные национальные объединения.

Кроме этих вопросов, есть еще длинный ряд вопросов, общих для большинства национальностей, по которым необходимы прочные принципиальные указания партии и специальный обмен мнениями и опытом националов.

Однако, уверенные в том, что Центральному Комитету все эти вопросы достаточно известны, мы обращаемся с этой краткой запиской через Вас в ЦК с просьбой созвать в возможно скором времени очередное совещание националов при Центральном Комитете ВКП(б).

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.147—148. — Ксерокопия.

55. Из меморандума следственных материалов на К.Г.Мухтарова

31 октября 1928 г.

Сов. секретно

Показания Акима Муслумова

13 июля 1927 г.

Один раз я посетил квартиру Султан-Галиева, где были Енбаев, Фирдевс, Мухтаров; была выпивка, деловых разговоров не было.

Крымские «правые» непосредственно были связаны в Москве с так наз. «татарской группой» в лице Султан-Галиева, Енбаева, Мухтарова, Мансурова и при приездах в Москву Вели¹ и др. постоянно устраивались встречи и обсуждения различных крымских и пр. вопросов. В последнее время к этой группе прибавился ушедший из Крыма Фирдевс. Обыкновенно при приездах Вели из Крыма, последний (Фирдевс) постоянно находился при нем, писал ему доклады и пр., а в случаях, когда он (Вели) здесь задерживался, посылались как из Крыма, так и отсюда в Крым специальные курьеры с различными материалами. Фактически Фирдевс руководил Крымом из Москвы. Из таких «совещаний», на которых обсуждались крымские и пр. вопросы, могу припомнить:

1. Совещание на кв. Памукчи в Крымпредставительстве в 1927 г., во время вечеринки по случаю восстановления в правах Акима Муслимова, где были, как я уже показывал в своих показаниях от 16 октября с.г. — Султан-Галиев, Фирдевс, Енбаев, Памукчи, Муслимов, Мустафин (зав. тогда «Массандры»). Я лично на этом совещании не присутствовал, но Аким Муслимов мне рассказывал, что тогда разговор шел о последних выборах в Обком ВКП Крыма (докладчик Мустафин) и о том, чтобы добиться отправки обратно в Крым Фирдевса.

2. В том же 1927 г. (кажется в апреле) в квартире Султан-Галиева, по случаю 2-х летия процесса Муслимова, была устроена вечеринка, на которой были Фирдевс, Мухтаров, Мансуров, Енбаев, Султан-Галиев, Баширов и Муслимов. О чем там шел разговор, я точно не знаю, но Аким Муслимов мне рассказывал, что у него осталось «прекрасное впечатление» от «вечеринки» и что перед отъездом он скажет Султан-Галиеву и Енбаеву, чтобы они вполне доверились мне и передавали через меня все, что будет относиться к Крыму. В связи с моим отъездом из Москвы, мне оправдать это «доверие» не пришлось и через меня для Крыма ничто не проходило.

3. Однажды я, Вели Ибраимов и Хайсеров сидели в комнате крымпредставителя Умерова. В это время вошел Султан-Галиев, и Вели встретил его словами: «Ты до нас не дошел, но до тебя почти дошли или дойдем». Тогда Хайсеров задал в разговоре вопрос Султан-Галиеву о том, как при «настоящих обстоятельствах» разрешится национальный вопрос. На это Султан-Галиев ответил, что «или надо организовать подпольную работу, создать свою организацию для того, чтобы через нее оказать давление в сторону разрешения нацвопроса и, если из этого ничего не выйдет, то совершенно уехать отсюда». В тот же вечер Вели и Хайсеров выехали в Крым.

4. В марте 1927 г. кажется, числа 18—20, в квартире Баширова состоялось заседание, где присутствовали Фирдевс, Мустафин, Юнусов, Енбаев, Султан-Галиев и Памукчи. Я об этом знаю от Памукчи, которому об этом оставил записку Фирдевс, а также от А. Муслимова, который рассказывал мне об этом. О чем тогда на этом заседании шла речь — я не знаю.

5. Аким Муслимов в 1927 г. мне рассказал, что Султан-Галиев, Мухта-

¹ Здесь и далее: имеется в виду В.Ибраимов

ров, Енбаев хотели устроить Баширова на службу в Крыму, на Южном берегу. Об этом они послали через Акима Муслюмова письмо представителю «Крымтреста» Мустафину с просьбой, чтобы последний обязательно устроил Баширова на службу у себя и отправил его на постоянную работу на Южный берег. По словам Акима, посылка Баширова была связана с тем, что тогда стоял вопрос о создании «партии восточных работников» (совместно с б/партийным), почему предполагалось центром партии и первого организационного съезда сделать Крым, именно Южный берег. При этом исходили из тех соображений, что такая работа на Южном берегу Крыма не вызовет никаких подозрений, ибо на Южный берег летом едут все отдыхающие, почему выезд туда Мухтарова, Енбаева, Султан-Галиева и др. делегатов оргсъезда будет вне всякого подозрения и пройдет совершенно незаметно. Баширов же, постоянно находясь там, был бы как бы их «представителем» до созыва I-го съезда. С другой стороны, Крым избирался центром будущей партии, потому что: а) имеет удобное географическое положение — курорты, отсутствие подозрений и т.д.; б) считают крымских работников более сильными по сравнению с работниками др. нац. республик и вообще Крым — достойный быть центром «национальных чаяний» и в) Крым имел, по их мнению, почву для такой работы Центра, ибо «такая почва постоянно создается в связи с колонизацией Крыма евреями» (слова Султан-Галиева, переданные мне Муслюмовым). Муслюмов передавал, что этот вопрос решен Московской татгруппой, но что он еще не согласован с Крымом — Озенбашлы, Чапчакчи, Вели Ибраимовым, Хаттаповым и др., от них ничего еще не получено, но что московская группа уверена, что «крымские товарищи» их поймут и в этом деле примут активнейшее участие». Ставился ли этот вопрос кроме Крыма, перед другими нац. районами — я не знаю. В связи с арестом Муслюмова и последующими событиями в Крыму вообще, мне кажется, что эта работа не была доделана до конца, ибо об этом я больше не слышал. Что тогда удалось московской группе сделать в этом направлении — я не знаю.

Таковы известные мне факты о связи крымской «правой» с московской группой Султан-Галиева, а о попытках непосредственной связи с «М.Ф.» Озенбашлы и др. с Москвой, я говорил в связи с той ролью, какую в связи Крыма с Москвой пытался играть Муслюмов.

Показания Хайсерова Амета

25 октября 1928 г.

У доктора Файка Абдулла был диплом о его медподготовке, полученной в Турции. Не знаю зачем, ему понадобилось иметь советский диплом. Это получить в Крыму было невозможно. Чапчакчи — тогдашний наркомздрав — написал об этом записку Турупчи, а последний с этой запиской через Мухтарова (член Коллегии НКЗ) устроил получение советского диплома Файку.

Показания Турупчи

27 октября 1928 г.

У Файка был диплом о медподготовке, полученный в Турции. По советским законам люди, не имеющие советского диплома, не имеют права зани-

маться частной практикой. Поэтому Файк стал хлопотать через Чапчакчи о получении советского диплома. Чапчакчи просил меня устроить это дело через Мухтарова. Я к последнему не обращался, но если Хайсеров говорит, что диплом Файком был получен, то значит Мухтаров действительно это сделал по просьбе из др. источников. Возможно, что его просил Чапчакчи или Вели.

Показания Чапчакчи Хелин

21 ноября 1928 г.

Файк — один из получивших звание доктора в Турции. Приблизительно в 1925 г. или в 1926 г. он приехал в Крым врачом с полным стажем и обратился ко мне (тогдашнему НКЗдраву Крыма) с просьбой дать ему службу врача, так как он желает оставаться и работать у себя на родине, в Крыму.

Ввиду того, что диплом медицинского факультета Турецкого университета подлежал обмену на диплом в русском университете, то НКЗдрав Крыма через Наркомздрав РСФСР проделал эту формальность, и Москов. университет обменял Файку его диплом.

Файк был назначен врачом Татарской амбулатории. Как по отзыву врачей-коллег, так и по отзыву больных, он проявил себя опытным и знающим врачом.

Вопрос: Поручили ли Вы Турупчи обратиться к Мухтарову об обмене диплома Файка?

Ответ: Диплом Файка был через регистратуру НКЗ Крыма послан в НКЗ РСФСР, так как Турупчи находился в Москве и дело обмена диплома, в целях предоставления работы врачу Файку, было срочное, то я просил Турупчи сходить в Наркомздрав по этому вопросу, и так как по делам Наркомздравов национальных республик обращаются к члену Коллегии НКЗ РСФСР т. Мухтарову, по настоящему вопросу было обращено к нему.

Показания Хайсерова Ажета

4 ноября 1928 г.

Ваширова я лично не знаю, но помню, как-то раз, когда я сидел в Москве у Мустафина, к нему зашел казанский товарищ-студент, который просил устроить его на службу в Крыму и принес с собой записку от Еябаева или Мухтарова, точно не помню. Что было в записке и принял ли он его на службу к себе в Крым — я не помню.

Того же

11 ноября 1928 г.

На квартире Мухтарова было устроено заседание Московского центра, на котором Вели был сделан доклад о положении Крыма и о работе, проведенной после ухода Дерена. На этом заседании, как мне после него рассказывал Вели, участвовали Мухтаров, Еябаев, Султан-Галиев, Фирдевс, Дерен-Айерлы, Памукчи и др., страсти сильно разгорелись, и заседание протянулось до утра. В результате дебатов было принято постановление проводить до пленума Крым.ОК, который в скором времени предполагался к созыву, точку зрения Вели, а после

такового взять твердый курс на проведение линии, выдвинутой Фирдевом и Дерен-Айерлы, т.е. добиться перед ЦК проведения в жизнь земельного и рабочего вопросов в постановке крымской «правой», а так же снятия Петропавловского и возвращения Дерена. Заострение вопроса о возвращении Дерена, а если это не удастся — Фирдева в Крым было сделано Моск. центром, потому что он считал их значительно более сильными, наиболее законченными «правыми», имеющими большой опыт в политике, чем Вели.

Таким разрешением вопроса Моск. центром Вели был недоволен, и мне говорил, что Фирдевс и Дерен-Айерлы заинтересованы не общим делом, а возвращением в Крым.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.149—153.— Ксерокопия.

56. Из меморандума следственных материалов на А.М.Енбаева

31 октября 1928 г.

Сов. секретно

Показания Авуджи Амета

29 сентября 1928 г.

После освобождения Муслюмова в доме Крымпредставительства была устроена вечеринка, на которой присутствовали: Султан-Галиев с женой, Енбаев с женой, Амет Хайсеров, Фирдевс, Авуджи с женой, Турупчи с женой, Вели Ибраимов, Ольга Артуровна и Муслюмов. Во время ужина Султан-Галиев, Фирдевс, Енбаев и др. перешли в соседнюю комнату, где Султан-Галиев произнес речь о туранизме, рьяно доказывая целесообразность освобождения турецких народов с целью создания единого государства.

Показания Хайсерова Амета

6/8

У крымских «правых» тат.коммунистов, кроме личных встреч, была еще и постоянная письменная связь, в частности, с Москвой — Енбаевым, Мухтаровым, Сабировым. Непосредственных писем к Султан-Галиеву я не помню, но думаю, что все вопросы могли к нему проходить через указанных москвичей. В постоянной переписке с ними были Фирдевс и Ногаев.

Показания Озенбашлы Амета

18 октября 1928 г.

Вели Ибраимов поддерживал личную связь с рядом работников в Москве: с Шагимардан Ибрагимовым, Енбаевым, Касымовым и Султан-Галиевым.

Показания Муслюмова Акима

13 июля 1927 г.

Во время ужина на вечеринке в доме Крымпредства Султан-Галиев, Енбаев, Фирдевс, Мустафин вышли из компании и вошли в смежную комнату, я остался с гостями. Они пробыли в этой комнате около часу, о чем они

там говорили, я не знаю. Один раз я посетил квартиру Султан-Галиева, где были Енбаев, Фирдевс, Мухтаров и была выпивка, деловых разговоров не было.

Показания Памукчи

1 октября 1928 г.

На вечеринке Акима Муслимова были: Султан-Галиев с женой, Муслимов, Фирдевс, Турупчи, Авуджи, Енбаев, курсистка Валя, Ольга Артуровна, крымчанка Айша, на вечеринке выпивали, между прочим, во время ее я как-то зашел в соседнюю комнату и там сидели Султан-Галиев, Фирдевс и др., шел ли тогда разговор о туранизме и пр., кто о чем говорил, я не помню, но после этого как-то раз Авуджи спрашивал у меня о том, что означает слово «туранизм».

Показания Турупчи

29 октября 1928 г.

Как-то я был у Енбаева по какому-то вопросу. Какой был этот вопрос, я никак не мог вспомнить, но, во всяком случае не личного порядка, а имеющий отношение к общественной работе. Но точно помню, что Енбаев мне заявил, что решить вопрос он один не сможет и что ему необходимо переговорить с членами группы. Я тогда понял эти слова именно в том духе, что Енбаев не может самостоятельно решить, пока не обсудит его группа Султан-Галиева в целом.

В 1926 или 1927 году Енбаев тогда работал, кажется, в Центральном совете кооперативов, должен был выехать в восточные районы, в частности на Северный Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию с целью инструктирования в области кооперации. Про эту поездку Аким Муслимов мне рассказывал, что Енбаев очень умный человек и что поездку эту думает использовать для того, чтобы нащупать почву возможности создания партии восточных коммунистов. На мой вопрос, что эта партия должна представлять из себя, Муслимов разъяснил, что мысль о создании особой партии у Московской группы зреет давно, и цель создания такой партии диктуется необходимостью того, чтобы восточные работники шли не за коммунистической партией, а рядом с ней.

Само собой разумеется, что основная разница между обеими партиями заключалась в практике работы, особенно по национальному вопросу, и в создании единого фронта всех восточных окраин.

Показания Турупчи

27 октября 1928 г.

При помощи Хаттагова, Озенбашлы, Чапчакчи (бывший представитель Шеркета), я действительно получал стипендию из Крымсельсоюза в размере 60 рублей в месяц в 1923—1924 гг. После приезда в Москву стипендию эту за счет «Крымсельсоюза» я получал из «Плодовинсоюза», где членом правления был (и есть) Енбаев. Это было сделано при содействии Енбаева, которого просил «Крымсельсоюз». Кто персонально — я не знаю. Я утверждаю,

что Енбаев знал мою националистическую деятельность и связи с миллифирковцами, т.к. взять хотя бы такой факт: он, Енбаев, говорил Муслухому «вот человек, который больше всех горел за тебя, когда ты сидел». Вообще Енбаев знал меня и видел во мне подающего надежды национального деятеля и поэтому оказывал мне помощь. Такая же помощь, в том числе и материальная, оказывалась мне и со стороны Озенбашлы, Чапчакчи и Хайсерова. Все они знали, в том числе и Енбаев, кто мне помогал. О том, что Енбаев помогал мне именно как нацколонисту, показывает хотя бы то, что Енбаев не мог не знать, что Озенбашлы, лидер «М.Ф.», помогает мне как своему по политическим убеждениям человеку. С Енбаевым я встречался часто, говорили о крымских делах и т.д.

Показания Хайсерова

25 октября 1928 г.

Кроме выполнения наших крымских поручений, Турупчи информировал нас обо всем, что делалось в Крымском правительстве и в Москве вообще. О делах правительства он знал от Авуджи, а о московских делах вообще от Енбаева, с которым постоянно был связан и был в близких отношениях.

Показания Памукчи

23 октября 1928 г.

По вопросу о связях Москвы с Крымом я могу показать, что: московская группа состояла из Султан-Галиева, Енбаева, Магсурова, Мухтарова и Фирдева. Обыкновенно, когда приезжал из Крыма Вели Ибраимов — он в первую очередь шел к кому-нибудь из них или кто-нибудь из них приходил к нему и, таким образом, осуществлялась взаимная информация о крымских и московских делах. Эти встречи и разговоры о крымских «правых» и «левых» и прочих были обыкновенным явлением, так что вспомнить сейчас конкретные факты, когда и где было — совершенно невозможно. Я только помню, как в один из приездов Вели в Москву у кого-то на квартире (как рассказывал мне сам Вели) было совещание (или собрание) указанной московской группы, на котором обсуждался вопрос о конфликте, происшедшем между Вели и Дерен-Айерлы по вопросу о необходимости выступления первого на Обкоме партии против тогдашнего секретаря Петропавловского и за отзыв последнего. (Вели должен был, по мнению Дерен-Айерлы, выступить открыто за отзыв из Крыма Петропавловского и за оставление в Крыму Дерен-Айерлы, что Вели не сделал, и из-за этого произошел конфликт между ним и Дерен-Айерлы.) Вели мне рассказывал, что на этом совещании ни к чему определенному не пришли и вопрос остался открытым. Из того, что Вели был постоянно занят связями с указанной московской группой Султан-Галиева и из приведенного мною факта совещания, на разрешение которого был поставлен «крымский конфликт», можно считать, что крымские вопросы, как в данном случае, разрешались на заседаниях московской группы. Выходила ли связь московской группы с крымской «правой» за пределы обсуждения только крымских вопросов, ставились ли в московской группе вопросы работы «правых» против нацрайонов и, наконец, ставился ли, как показывает Турупчи, вопрос о создании какой-то «организации восточных работников» — я не знаю и ни от кого о том не слышал.

Помню только, что разговор о Баширове между мной и Енбаевым был и проходил, кажется, в конце 1926 или начале 1927 г. (когда я был крымпредставителем) в той плоскости, что Енбаев просил меня устроить Баширова на службу в Москве, а когда я сказал, что мест нет, он спрашивал, можно ли устроить его в «Крымвинтресте» и не сможет ли это сделать Мустафин, я ответил, что это может знать Мустафин и что лучше говорить об этом непосредственно с ним. Говорил ли он с Мустафиным об этом и удалось ли ему устроить на службу в «Крымвинтрест» Баширова — я не знаю.

После этого разговора с Енбаевым приходил ко мне сам Баширов, спросил, говорил ли о Баширове мне Енбаев, и когда я подтвердил, он представился, что он Баширов, и спросил меня, как обстоит дело с работой для него здесь и в представительстве. Я ответил то же, что и Енбаеву. О поездке в Крым в «Винтрест» он мне сам ничего не говорил.

Вообще я нередко встречался с Султан-Галиевым, Енбаевым, говорил о «правых», «левых» в Крыму и т.д., но ни разу в разговорах со мной он не ставил вопрос о необходимости создания какой-то «организации» и т.д. Знаю, что он в 1927 г. выезжал на отдых в Крым, был у Вели, где я его и встретил, но разговор об этом не было при мне, и о чем они говорили, не знаю. Он тогда зашел сперва ко мне, спросил, где Вели, и когда я сказал, что он в кабинете, попросил провести, и они остались там вдвоем. Долго ли они говорили, о чем говорили, повторяю — я не знаю, ибо при их разговоре не присутствовал.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.166—171.— Ксерокопия.

57. Из меморандума следственных материалов на И.К.Фирдевса

30 октября 1928 г.

Сов. секретно

Показания Хайсерова Амета

10—16 августа 1928 г.

Мне неоднократно приходилось присутствовать у Вели Ибраимова, когда к нему приходили Фирдевс, Рашид Ногаев, Умер Ибрагимов, Сеит Ягья Умеров и др. Когда они собрались, то нередко разговаривали о групповой борьбе среди тат.сектора /чл.ВКП(б)/. Больше всего они собирались перед партийными конференциями и съездами Советов. Все собравшиеся у Ибраимова, по его словам, принадлежат к правой группировке.

Идеологическим вождем правой группировки являлся до последнего времени Фирдевс. Он всецело руководил правой группировкой, иногда писал разные заявления и т.п. для Вели Ибраимова, но т.к. Фирдевс в последнее время жил в Москве, то проводниками его идеи в Крыму являлись Вели Ибраимов и Дерен-Айерлы.

Показания Хайсерова

1 октября 1928 г.

Миллифирковский центр поддерживал группу «правых» коммунистов. Фирдевс, Вели Ибраимов и др., которые, в свою очередь, поддерживали миллифирковцев. Так, например: при выборах в Советы в центре кандидатуры

«Милли фирка» поддерживались «правыми», а на местах кандидатуры «правых» — миллифирковцами.

Фирдевс был связан с одной женщиной — Сейфи и к ней послал со мной письмо о том, чтобы она поддержала в Москве вопрос о восстановлении в правах члена ВКП(б) Ногаева (он был исключен и потом восстановлен).

Показания Авуджи

29 сентября 1928 г.

На вечеринке Муслимова, среди участников, во время речи Султан-Галиева о туранизме был и Фирдевс.

Показания Акима Муслимова

1927 г.

На вечеринке в доме Султан-Галиева среди присутствующих был и Фирдевс.

Показания Озенбашлы Сеита

1928 г.

Перед последним съездом Советов в Крыму г.Симферополь представлял какой-то муравейник весной: все работники сосредоточенно ходили по улицам, собирались друг у друга, на горизонте появился Фирдевс, который приехал будто бы за тем, чтобы полечиться в Симферополе и Севастополе, но который, по моим сведениям, тоже принимал участие в происходящем.

Показания Озенбашлы Амета

б/д

Я счел своевременным осветить историю эмиграции татар в Румынию, Болгарию и Турцию в виде отдельной брошюры; по составлении ее передал Наркомпросу, оттуда передали Госиздату, Госиздат передал на проверку Бекирову Осману. Потом Госиздат передал ее особой комиссии в составе Мустафина, Фирдевса.

Показания Хайсерова

29 октября 1928 г.

Вождем и руководителем «правой» группы был Фирдевс, который постоянно жил в Москве, непосредственно сам был связан и входил в московскую татарскую группу и от ее имени поручал Вели им составленные и разработанные доклады и пр. для официальных выступлений в ЦК, ЦИЖе и т.д. Всякие большие крымские вопросы окончательно разрешались Фирдевсом в московской группе, а Вели давались для исполнения, как например: земельный вопрос, снятие с Крыма Дерен-Айерлы и пр. По последнему вопросу, когда Вели не согласился с мнением Фирдевса, Дерен-Айерлы и московской группой о необходимости протестовать и уйти в отставку за отказ ЦК вернуть в Крым, Дерен-Айерлы даже было дано задание Москвой провести в Крыму агитацию против Вели и очернить его как «предателя» татарских интересов.

1 ноября 1928 г.

Не то в конце 1924 г., не то в начале 1925 г. зашла речь о голоде, Фирдевс выразился тогда, приблизительно, в следующем смысле: что же известное дело, что голод в Крыму поддерживался искусственно, как же иначе объяснить тот факт, что продовольственная помощь, посланная Крыму турецким правительством, была выгружена не в крымских портах, а в Новороссийске, откуда она была переслана в рабочие районы в Москву.

«Проект Фирдевса в связи с переселением в Северный уезд Крыма трудящихся евреев. В начале упомянутого события Фирдевс выбросил лозунг, подхваченный и распространявшийся Умером Ибрагимовым, Ногаевым Репидом и др. о том, что ввиду наличия в северных уездах Крыма значительного [количества] немецкого населения, целесообразнее образовать там немецкую автономную республику с тем, чтобы в южной части Крыма, таким образом, обеспечить большинство татарским населением».

Показания Озенбашлы

б/д

Небезынтересен следующий факт, источник которого я склонен относить к Фирдевсу или через него к группе Султан-Галиева, снабжавшего Крым подобного рода слухами, фактами, теориями, приводившие в конце концов нас, в частности меня, оказавшегося более податливым упомянутым инсинуациям, к тюрьме.

Факт это следующий: по приезде Чобан Заде в Крым после Бакинского съезда по латинскому алфавиту, Умер Ибрагимов рассказал мне, как он вызывал к себе на квартиру Чобан Заде и хорошенько отчитал и пристыдил его за то, что он, будучи профессором, становится орудием в деле отрыва тюрко-татарских масс от своей культуры, проповедуя латинский алфавит, и таким образом способствует русификации своего народа.

«Признайся, Чобан Заде — спросил я его — говорил далее Умер Ибрагимов, — много ли ты получаешь за эту работу из секретного фонда?» — и уверял меня, что все более или менее серьезные работники такого, как он, мнения.

Что у Умера Ибрагимова вообще никакого мнения не было, а тем более по культурным вопросам, для меня было бесспорным и зная его как рупор Фирдевса я принял все изложенное как авторитетное мнение последнего из его московской группы.

Показания Хайсерова

4 ноября 1928 г.

После получения сейдаметовской директивы милли-фирковцами о необходимости равнения на Москву Вели был убежден, что линия его и крымской «правой» о равнении на Москву верно по всему вопросу. Он вел разговоры с работниками «правой» и «М.Ф.», доказывая, что он оказался прав по этому вопросу. Когда мы с Вели в 1926 г. приехали вместе в Москву, здесь пришел к нам в гости в «Ливерпуль» Фирдевс, и Вели в разговоре в моем присутствии поднял вопрос о крымских делах и поручил Фирдевсу написать

в ЦИК доклад по земельному вопросу. При этом разговоре, когда зашел вопрос об отсутствии в ЦК партии крымских вопросов, Фирдевс сказал, что сколько бы мы ни говорили по нашим вопросам в ЦК, все остается без результатов и получается, что мы впустую бьемся об эту стену. Выходит, что мы работаем, а развить нашу работу дальше того, что положено этой стеной, не можем. Вели же, не говоря, конечно, что излагает точку зрения Сейдаметова, доказывал, что нужно равняться же на Москву и что он в этом вопросе прав и убежден. Здесь, т.е. по привычке, Вели зарабатывал себе чужой годовой капитал. Из этого разговора у меня осталось впечатление, что Фирдевс недоволен ЦК и ищет выходов для развития «своей» работы далее границ, определенных ЦК, и что он склонен или совсем отказаться от работы, или создать такие условия, при которых ЦК партии считался бы с мнением татаротработников, вернее, чтобы татаротработники могли работать так, как они хотели. Я до конца этого разговора не досидел и ушел, и о чем в дальнейшем говорили — не знаю.

После я под свежим впечатлением этого разговора Фирдевса спросил у Вели: не шатается ли Фирдевс, и что он предполагает сделать. На это Вели ответил, что от этого можно ожидать что угодно. Вообще в это время Вели был недоволен Фирдевсом и московским центром и жаловался, что московский центр разрешает крымские вопросы, дает директивы, а как только дело коснется конкретной работы, — они увиливают и остаются в стороне, почему приходится выносить все удары только на себе. При этом он привел пример, когда по постановлению московского центра крымский земельный вопрос во ВЦИК должен был защищать Вели и татарин, работавший во ВЦИКе — член правительства или секретарь, должности не помню (кажется, до Кульвежирова занимал его должность), а на заседании тот не выступил, а Вели, оставшись один, не смог выполнить решения московского центра и провалил этот вопрос.

По вопросу о тех выводах, о которых говорил Фирдевс при указанном разговоре Вели с ним, я слышал уже в 1927 г., когда я скрывался на квартире Вели, от него, и он мне рассказал, что московский центр поставил вопрос об объединении крупных татарских наработников всех республик, что в это объединение войдут только известные руководители, т.к. на всех нельзя положиться, ибо они могут изменить и вообще подвержены шатаниям. Он здесь приводил факт того, что известный дагестанец Коркмасов начал шататься, проявил присущую интеллигентскую трусость, и что теперь московским центром делается ставка на другую крупную дагестанскую фигуру — Самурского, на которого и возлагаются известные надежды. Тут же по своей привычке похвастаться он добавил, что из-за того, что Самурский — большая фигура и в последнее время начал активно защищать дагестанские вопросы, на последнем съезде СССР дали отвод в ЦИК СССР: ему и Вели. Он этот пример привел как показатель того, что нельзя полагаться на всех наработников и что можно ввести в предполагаемое объединение деятелей востокраин только известный, зарекомендовавший себя руководящий актив. Кто из крымских работников должен был войти в это объединение, какая конкретная работа в этом направлении была сделана и т.д. — я не знаю и у Вели не спрашивал. Из разговоров Вели о том, что он в Москве всегда бывал у Мухтарова и из того также, что «новости» Вели привозил после приездов из Москвы, я предполагаю, что обо всем он знал от него и Фирдевса. Думаю, что в курсе

московских совещаний по этим вопросам был Памукчи, который, будучи тогда крымпредставителем, был посредником во всяких таких делах.

Баширова я лично не знаю, но помню, как-то раз, когда я сидел у Мустафина, к нему зашел казанский татарин студент, который просил устроить его на службу в Крыму, принес с собой записку от Енбаева или Мухтарова, точно не помню, что было в записке и принял ли он его на службу к себе в Крым — я не знаю.

Кроме того, как-то один раз после приезда из Москвы Умеров Сеит-Ягъя рассказывал при мне в кабинете на квартире Вели Решиду Ногаеву и Вели о том, что он был по порученным ему крымским вопросам (какие вопросы он ездил проводить — я не помню) у Рыскулова, которого информировал о своих вопросах и просил поддержать мнение Крыма, причем он сказал Рыскулову, что обращается к нему, зная его точку зрения по нацвопросам. Рыскулов на это улыбнулся и спросил: «Откуда Вы знаете о моих взглядах по нацвопросу?» На что Умеров ответил, что знает это по его прошлой работе. Рыскулов обещал поддержать в ОКК или ЦИКе умеровские вопросы. На эту информацию Умерова, не помню, Ногаев или Вели, сказал, что Рыскулов не хотел, наверное, говорить, потому что не знал достаточно Умерова, почему и не мог довериться. Сталкивались ли крымчаки еще когда с Рыскуловым — не знаю. Я этот факт вспомнил случайно, и входил ли Рыскулов в московский центр и вообще какое имел отношение к работе последнего, не знаю. Умеров тогда при разговоре не сказал, кто его направил к Рыскулову.

Показания Хайсерова

8 ноября 1928 г.

В 1927 г. Вели Ибраимов мне как-то говорил, что он связался с Каспаровой — видной оппозиционеркой — и что сейчас очень удобный момент проводить в ЦК те и т.п. вопросы. Ибо сейчас идет сильный нажим со стороны оппозиции, и ЦК в этот момент будет принужден пойти на уступки по нацвопросу. Все это он передал мне при разговоре как-то неясно, конкретно в чем дело не сказал, и я из этого понял, что какие-то разговоры по этому поводу где-то, возможно, в Московском центре, были и что Вели не понял сам сути дела, а мне передал все это от своего имени, чтобы показать свое «я». Думая, что эти разговоры об оппозиции и уступках по нацвопросу были в Московском центре или с Фирдевсом, потому что Вели об этом мне говорил после приезда из Москвы, а сам он дойти до этого своей головой не был в состоянии.

Показания Хайсерова Амета

30 ноября 1928 г.

В конце 1925 г. или в начале 1926 г., я, будучи в Москве, заходил к Ногаеву Решиду, приехавшему из Крыма ходатайствовать о восстановлении себя в рядах ВКП(б). Как-то раз во время моего такого посещения Ногаева у него застал Фирдевса и Султан-Галиева, разговор между ними шел первоначально вокруг крымских вопросов, а затем перешел на тему о восстановлении Ногаева в партии, при этом Султан-Галиев говорил, как и через кого нужно ему ходатайствовать, к кому обращаться и т.д. Потом была затронута

тема о латинизации, которая в то время была актуально поставлена партией для разрешения. По этому вопросу были оживленные разговоры, ибо еще как «правые», так и «М.Ф.», не имели твердого мнения, как практически провести в массах работу по срыву этого мероприятия, выдвинутого ЦК ВКП(б). Выступивший Султан-Галиев дал такую оценку вопросу, что ЦК постановкой вопроса о латинизации добивается раздробления татарских культурно-научных сил на два лагеря с тем, чтобы легче было ему (ЦК) проводить свою политику в татарских районах, отвлекая в то же время этих работников от более актуальных политико-экономических вопросов текущей жизни. Исходя из этой предпосылки, Султан-Галиев даже говорил, что постановка вопроса ЦК о латинизации носит строго политический характер, преследуя цель отрыва татар от влияния культуры других мусульманских народов, проживающих за пределами СССР, и что проведением латинизации ЦК добивается «растворения» мусульманской культуры в общей русской культуре, поэтому этот акт следует рассматривать как русификаторство, последователем которого явится регресс татарского народа и его культуры. Далее Султан-Галиев говорил, что он по вопросу о латинизации выступал на собраниях казанских студентов татар, где проводил вышеуказанную точку зрения, которая встретила со стороны учащихся сочувствие.

Исходя из этого опыта — сочувствия учащихся старому арабскому шрифту, на этом совещании у Ногаева было решено, что вокруг борьбы с латинизацией необходимо организовать учащуюся молодежь, в первую очередь ее коммунистическую и комсомольскую часть, среди которой и провести широкую кампанию, и уже затем, имея за собой кадры сторонников, выступать при каждом удобном случае на собраниях, совещаниях и т.д. против латинизации, вовлекая к этим выступлениям противников введения латинизации из «М.Ф.», и вообще общественных работников татар.

Такая установка всеми участниками полностью разделялась, и после возвращения Ногаева в Крым «правыми» широко были использованы в борьбе с латинизацией методы, выработанные в Москве, в результате проведения которых удалось добиться значительных успехов. Об этих успехах свидетельствует, в частности, то что на проведенном совещании учителей в Симферополе, на котором его организаторами имелось в виду добиться принятия латинизации, «правыми» и «М.Ф.» было проведено под руководством наркомпроса Крыма Балича как раз противоположное постановление, осуждающее введение латинизации. Но, кроме этого «успеха» (что не в меньшей степени важно), «правым» удалось в вопросе о латинизации сгруппировать вокруг себя значительные слои общественности, поднять свой авторитет вообще и выступить перед татарским населением «монопольными» защитниками его интересов.

Припоминаю, что во время разговоров у Ногаева по вопросу о латинизации Султан-Галиев говорил, что в других татреспубликах этот вопрос также встречает сильное противодействие, и что если везде он встречает отпор при своем проведении, то ЦК будет вынужден от обязательного его введения отказаться, оставив его на разрешение научных татработников. Из этого можно заключить, что московский центр по вопросу о латинизации давал директивы своим сторонникам и в другие татрайоны, но конкретно в чем они выражались — мне неизвестно.

Как я ранее уже показывал, после снятия по постановлению ЦК ВКП(б) Дерен-Айерлы с поста председателя СНК внутри руководящей крымской «правой» между Вели с одной стороны и Фирдевсом и Дерен-Айерлы и др. — с другой, происходили разногласия по вопросу об отношении к Петропавловскому и возвращению обратно в Крым Дерена. Группа Фиржевса — Дерена держалась в то время политики нажима на ЦК по линии снятия Петропавловского, возвращения в Крым Дерена и проведения в жизнь выдвинутых «правой» группой перед ЦК вопросов земельного строительства, табачного и др. Вели в то время данную постановку вопроса считал преждевременной и выдвигал вопрос примирительного отношения к Петропавловскому, делая упор на накопление сил «правой» группы. Тогда Фирдевсом данное разногласие было поставлено перед московским центром для разрешения. В это время я приехал вместе с Вели в Москву, здесь было устроено на квартире Мухтарова заседание московского центра, на котором Вели был сделан доклад о положении Крыма и о работе, проведенной после ухода Дерена. На этом заседании, как мне рассказывал Вели, участвовали Мухтаров, Енбаев, Султан-Галиев, Фирдевс, Дерен, Памукчи и др., страсти сильно разгорались и заседание протянулось до утра. В результате дебатов было принято постановление проводить до пленума Крымского ОК, который в скором времени предполагался к созыву, точку зрения Вели, а после такого взять твердый курс на проведение линии, выдвинутой Фирдевсом и Дерен-Айерлы, т.е. добиться перед ЦК проведения в жизнь земельного и рабочего вопросов в постановке крымской «правой», а также снятия Петропавловского и возвращения Дерена. Заострение вопроса о возвращении Дерена, а если это не удастся — Фиржевса — в Крым было сделано Московским центром, потому что он считал их значительно более сильными, наиболее законченными «правыми», имеющими большой опыт в политике, чем Вели.

Таким разрешением вопроса московским центром Вели был недоволен и мне говорил, что Фирдевс и Дерен-Айерлы заинтересованы не общим делом, а возвращением в Крым.

Как-то раз в скором времени после этого в номер к Вели при мне приходил Фирдевс и добивался, чтобы он поставил какой-то уже решенный ЦК в неблагоприятную сторону для «правых» вопрос, добившись его благоприятного разрешения. Вели решительно возражал, рассердился на Фирдевса и говорил, что они его толкают на конфликт. Тут же он сказал Фирдевсу, что «Если Вы этого добиваетесь, то на мой партбилет, или дай свой, и я отнесу его в ЦК и скажу, что мы не согласны с его линией и пусть нас не считают членами партии».

После получения известного письма Дж.Сейдаметова перед «правыми» встал вопрос о необходимости создания авторитета своим сторонникам среди работников, в частности, это относится к Фирдевсу, который, с одной стороны, является идейным руководителем «правой» группы, звеном для связи с московским центром, с другой — он, как не имевший связи в прошлом с татнационалистами, не имел в их среде достаточного для руководителя «правых» авторитета. Вели мне как-то говорил, что необходимо Фир-

деву такой авторитет создать, особенно среди миллифирковцев, поэтому и в разговорах с Озенбашлы и др. доказывал стопроцентный национализм Фирдевса, приводя в подтверждение этому ряд самых разнообразных примеров. Была ли данная мне директива Вели в отношении поднятия авторитета Фирдевса им в свою очередь получена из московского центра — не знаю, но сам лично считаю, что она исходила из общего курса «правой» группы, а тем самым и московского центра. В то же время необходимость создания авторитета «правых» исходила из общей установки, выдвинутой Дж. Сейдаметовым в его письме, что национальные вопросы в Крыму могут быть проведены лишь через «правых» татарских коммунистов «М.Ф.».

Показания Хайсерова Амета

19 ноября 1928 г.

В протоколе от 18 ноября я указывал, что «М.Ф.» в период работы Дерен-Айерлы в «Ширкете» значительно с ним сблизилась, и он фактически участвовал в то время во всей ее деятельности. Вместе с тем, потеря Дерена как одного из руководителей ОК после его снятия оттуда шло вразрез с интересами миллифирковцев, которым с уходом Дерена из ОК затруднялось влияние на политику последнего. Поэтому «М.Ф.» среди коммунистов и татарского населения вела усиленную агитацию по поднятию авторитета Дерена и более широкого его использования на политической деятельности. Правда, с уходом Дерена из ОК членом последнего был Вели Ибраимов, который также был связан с «М.Ф.» и проводил их линию, но все же «М.Ф.» ему постоянно, как Дерену, не доверяло как связанному с группой Фирдевса (с которой контакт в деятельности «М.Ф.» установился несколько позднее). Через непродолжительное время посредством Вели Дерен был назначен председателем Ялтинского РИКа, поводом к этому назначению, в частности, послужило происшедшее к тому времени сближение Дерен-Айерлы с группой Фирдевса, с которой он до этого времени был не в особо близких отношениях. Во время работы Дерена в Ялте им там была проведена некоторая «очистка» соваппарата от аблаевской группы, в этой работе он был связан с местными деятелями «М.Ф.» — работниками «Шеркета».

В период нахождения Дерена в Ялте в Крыму разгорелась борьба группы Фирдевса с казанскими татарскими работниками, занимавшими там во главе с Саид-Галиевым (председателем Крымского СНК) наиболее крупные должности по советской линии и имеющими крупное влияние в ОК ВКП(б); в этой борьбе группа Фирдевса пользовалась поддержкой султангалиевской группы в Москве и татарских работников (крымчаков) в Крыму, в частности «М.Ф.», т.к. в то время все местные работники сходились на общей платформе борьбы с казанскими татарами. Султан-Галиев и его сторонники поддерживали это общее течение крымских татарских деятелей, поскольку у них с Саид-Галиевым были конфликты еще по прежней работе в Татарской Республике в Казани. Дерен-Айерлы разделял общую точку зрения необходимости борьбы с «казанцами», поскольку через эту борьбу (в которой группа Фирдевса имела большое превосходство) он рассчитывал занять более видное положение. Во время этой борьбы Фирдевс имел в виду после «победы» над

«казанцами» выдвинуть на пост председателем СНК Умера Ибрагимова, находившегося под сильным его влиянием. Данная точка зрения Фирдевса не разделялась Вели и «М.Ф.», которые были за выдвижение Дерен-Айерлы, эту точку зрения Вели удалось провести в севастопольской делегации на происходившей конференции во главе с Носовым, бывшего в оппозиции к руководству ОК, и поскольку симферопольская часть конференции в ее татарской части также разделяла эту установку, постольку и было достигнуто почти полное изменение в руководстве ОК, Носов был избран секретарем ОК и на основе прежней его договоренности с Вели и Дереном. Первый был оставлен в должности председателя Крым. ЦИКа, а второй назначен председателем СНК. Добившись назначения на пост председателя СНК — Дерен-Айерлы еще ближе сблизился с «правыми» таткоммунистами, стал организовывать ядро «правых», бывших до этого в разрозненном состоянии.

Вместе с тем, бывая часто в Москве, он более близко сблизился с Султан-Галиевым и его группой, и по предложению последней в Крыму была создана «тройка» для руководства крымскими «правыми», в которую вошли Фирдевс, Дерен-Айерлы и Ногаев, эта тройка являлась в своем роде высшим организующим ядром правой части таткоммунистов Крыма, отражала полностью платформу этой группы, вела работу по сколачиванию своих единомышленников, выступала в ОК и правительственных органах по тем или иным вопросам с заранее подготовленной точкой зрения, которая часто предварительно обсуждалась в Москве с султангалиевской группой. В общем и целом эта «тройка» фактически руководила политикой Крыма и была за эту деятельность ответственна перед Москвой.

С назначением Дерена председателем СНК, он, оставаясь вместе с Вели по-прежнему фигурами, которые были связаны с «М.Ф.», несколько отошел, но поскольку вся политика «правых» полностью удовлетворяла «М.Ф.» как отвечающая ее стремлениям и общей платформы строительства Крыма, постольку Дерен по-прежнему оставался на руководящей политической работе весьма приемлемым лицом, тем более что этот период времени «правые» поддерживали «М.Ф.» так же, как и последние их. В круге вопросов, которые в то время проводились Дереном и оставались «М.Ф.», мною было уже освещено в предыдущих показаниях.

Ранее я уже указывал, что в период борьбы с Петропавловским — зажитником в которой и идейным руководителем был Дерен-Айерлы — после того, как ему не удалось добиться отказа Вели от работы в Крым. ЦИКе, на почве чего между ними происходила борьба и ставился вопрос перед московским султангалиевским центром, Дерен по приезду в Крым вместе с Фирдевсом вели усиленную агитацию среди населения и таткоммунистов, дискредитируя Вели, стремясь добиться его ухода и также ведя работу среди татинтеллигенции, работавшей в соваппарате, за ее уход от работы в знак протеста против отстранения Дерена от руководства СНК. В частности, в этой работе Дерен прибегал к помощи «М.Ф.», особенно Озенбашлы, через которого делал нажим, чтобы тот добился ухода (снятия) Петропавловского.

58. Из меморандума следственных материалов на О.Г.Дерен-Айерлы

1 ноября 1928 г.
Сов. секретно

Показания Озенбашлы

25 июля 1928 г.

Когда Аким Муслимов был арестован, мы: Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы и др.—обсуждали, как помочь Муслимову, ибо по уверениям Дерен-Айерлы, инкриминируемое Муслимову обвинение не обосновано.

Показания Хайсерова Амета

3 октября 1928 г.

Беспартийные татработники — миллифирковцы — поддерживали в работе «правую» группу крымских коммунистов Дерен-Айерлы, Вели Ибраимова, Ногаева и др., старались создавать им среди населения авторитет, а «правые», считая их хорошими беспартийными работниками, не мешали их работе и держали в соаппарате на таких крупных должностях, как замнаркомфина, наркомздрава и т.д.

Показания Озенбашлы Амета

6/8

Со слов Дерен-Айерлы получалось, что как партия в целом, так и ее программа по над.вопросу — это одно, а то, что проводит секретарь ОК Петропавловский — несколько другое. Для предотвращения дальнейших осложнений Дерен-Айерлы предлагал апеллировать в центр.

Показания Чапчакчи

17 августа 1928 г.

Подходя к изложению развертывания борьбы между отдельными татарскими группировками, необходимо дать картину возникновения и работы так называемой крымской «правой» группы в лице Дерен-Айерлы, Фирдевса, Вели Ибраимова и др. Они берут свое начало от Рашида Медиева и большинство происходит из народных учителей или газетных работников. В период Татпарламента в 1917 г. и ранее они были социалистами (так называемые социалисты, очень близкие к русским эсерам), и в Татпарламенте их группа составляла «левое» крыло.

В последнее время, в 1920 г. частично и раньше они вошли в партию и, таким образом, пришли к власти одновременно с нами, с нашей группой. В борьбе нашей группы с «левыми» «правые» не шли против нас, и таким образом, получилась пассивная поддержка нашей группы с их стороны, за что мы поддерживали их при выборах в советы и др. учреждения и организации, путем агитации за их кандидатов.

Сближение нашей группы с правой группой и взаимоподдержка опреде-

дьялись знанием о прошлом как общественных деятелей, их опыта, и обратно, их знакомством с нашей группой как старыми работниками. Таким образом получилось такое положение, что: а) борьба шла между нашей группой и «левыми»; б) в середине, пассивно нас поддерживая и в то же время резко не расходясь с «левыми», находилась «правая» группа.

Показания Озенбашлы

15 ноября 1928 г.

Об Османе Дерен-Айерлы как о храбром и бесстрашном вожаке красно-зеленых отрядов я услышал впервые в 1919 г. от Омера Турупчи, который учительствовал тогда в деревне Мансихор — в районе деятельности Дерен-Айерлы. Когда я вышел из подполья по приходе в Крым советской власти и переехал в Севастополь, меня с ним познакомил Чобан-Заде, охарактеризовав его как единственного свободного от свойственной другим татарским коммунистам желчности, нетерпеливости по отношению к татарской интеллигенции коммунистом. Дерен тогда был членом знаменитой крымской тройки — тт. Бела Куна, Самойловой (Землячки) и Дерен-Айерлы. Действительно, Дерен выказывал себя таким, каким его охарактеризовал Чобан-Заде. Так, например, узнав о том, что в Ялте арестован Сабри Айвазов, Дерен поехал туда на выручку Айвазова, которого и привез в Симферополь на автомобиле тройки. Хотя я в описываемый период был в тени, и Дерен большую часть совещался с Чобан-Заде и Хаттатовым, но я знал о том, что он работал в полном контакте с нашими товарищами, у которых он, между прочим, справлялся о вредных элементах среди татарского общества, подлежащих высылке. Этот контакт стал рельефнее, когда стал дебатироваться вопрос о схеме правления в Крыму: в то время как Фирдевс с Маметовым отстаивали автономную республику, Дерен вместе с тогдашним ОК (при Акулове) стоял за автономную область, что поддерживалось и нашими товарищами, чтобы удержать у власти Дерена, так как Фирдевс и Маметов были тогда враждебно настроены к группе миллифирковцев. Дерен стал еще ближе к последним в момент беспартийной конференции, когда он был секретарем Татарского бюро ОК. Как в своих выступлениях, так и в том участии, которое он принимал в выработке резолюции конференции, Дерен-Айерлы развивал ту точку зрения, что крымско-татарскому народу вместе с его трудовой интеллигенцией нужно твердо стать против империализма и за советскую власть — защитницу угнетенных ранее народов, и что нужно в резолюциях отразить все пожелания, не боясь ничего, ибо советская власть удовлетворяет угнетенные народы почти полностью, это вполне импонировало всем нам, и результатом такой его агитации было то, что мы приехали в Москву с такой резолюцией, требующих от Москвы для Крыма чуть ли не птичьего молока. Ясное дело, что после таких заявлений Дерен стал героем дня не только в наших глазах, но и в глазах всей конференции, тем более, что он не покинул, как сделали другие коммунисты, зала собрания, когда вслед за «Интернационалом» запели песню Челебиджана «Ант Эткомон». Чем дальше, тем теснее и интимнее становились наши взаимоотношения с Дерен-Айерлы, и к периоду Шеркета он уже стал почти непременным членом нашего круга. Когда же при Саид-Галиеве Дерен был снят с Татарского бюро, он был кооп-

тирован как член правления Шеркета, где принимал активное участие в работе, одновременно участвуя почти во всех совещаниях группы миллифирковцев, происходивших как в Шеркете, так и на квартирах.

Когда Дерен-Айерлы вторично стал секретарем Татарского бюро, он в качестве такового приезжал на курсы, которыми я заведовал, и в своих речах, как перед партийной, так и беспартийной частью курсантов говорил о политике советской власти и партии по отношению к угнетенным народам, ни словом не обмолвился о классовом расслоении.

Когда Дерен-Айерлы получил назначение председателя Ялтинского исполкома, он в таком же контакте работал с ялтинской группой миллифирковцев, состоя, к примеру сказать, членом совета товарищества садоводов, которое было организовано миллифирковцами. Приезжая по делам службы в Симферополь, Дерен-Айерлы часто посещал товарищей и нередко принимал участие в их совещаниях.

По приезду в Симферополь председателем СНК Крыма он опять вошел в нашу среду, и когда перед отъездом Чобан-Заде в Баку было найдено целесообразным коллективное руководство в «Милли-Фирка», то такое было сконструировано номинально в составе Озенбашлы, Хаттатова и Дерен-Айерлы, а фактически было наоборот, т.е. Дерен, Хаттатов и Озенбашлы, ибо Чобан-Заде перед отъездом, отдавая прощальный визит Дерену, заявил, что он признает только его руководство и, во-вторых, его положение обязывало нас к подчинению его руководству и указаниям.

К этому периоду относится муссирование рассматриваемого вопроса, в постановке которого в партийных и правительственных сферах Дерен-Айерлы принимал активное участие. Присутствовал ли он при чтении письма Сейдаметова — не помню, но Дерену оно не могло остаться неизвестным, ибо от него ничего не скрывали. Дерен не раз корректировал рукопись «Крымских трагедий», и он же содействовал выходу названной книги в свет. Когда всплыл процесс Муслюмова, Дерен принимал не меньшее участие в смысле сведения процесса на нет и облегчения тогдашней участи Муслюмова, уверял и меня в честности и невиновности Акима.

Как во время процесса, так и вслед за ним тянулась борьба татаротников с Петропавловским. [В нем] есть за 90% автор[ство] и идея Дерен-Айерлы, который, кстати сказать, обладает, как я теперь это себе уяснил, очень болезненным самолюбием и большим самомнением, вследствие чего он никак не мог простить Петропавловскому свое удаление из Крыма. Приезжая во время отпусков в Крым, он неустанно будоражил как партийную часть, так и беспартийную часть татарских работников, уговаривая и убеждая их в необходимости объединенного наступления против Петропавловского, о чем я говорил уже в предыдущих показаниях.

Считаю нужным отметить особо, что за время деятельности Дерен-Айерлы в Крыму и не только не видел и не слышал, чтобы он придерживался старого отточенного классового подхода в вопросах политики и экономики края. Наоборот, у него, так же, как у т.Гавена, все время на устах были слова «татарский народ», и вместо того, чтобы он постоянно приучал бы нас к мысли о необходимости отмежевания от верхушечных слоев татарских деревень и большего приближения к бедняцко-средняцким слоям, он развивал мысли вроде того, что нужно стремиться к обогащению татарского крестьянства, что нужно взять курс

на создание крепкого, культурного татарского мужика, и что задача интеллигенции состоит в том, чтобы растолковать татарским крестьянам эту необходимость, и что, наконец, он, Дерен, мыслит наше дальнейшее развитие по пути усвоения буржуазных навыков и начал.

Показания А.Хайсерова

18 ноября 1928 г.

Лично с Дереном я познакомился в 1922 г. во время моего приезда в Симферополь. В то время через миллифирковцев я узнал, что Чобан-Заде через Дерен-Айерлы был представлен Бела Куну их докладная записка о легализации партии «Милли фирка» и допущении к работе в соваппарате татарской интеллигенции. До этого времени существовало приблизительно следующее положение: миллифирковцы, являясь в 1918 г. участниками в той или иной противосоветской работе, боялись репрессий со стороны советской власти и не доверяли некоторым татарским коммунистам, с которыми были в 1918 г. конфликты и которые в это время были у власти. Выгодное исключение из общей массы миллифирковцев представлял Чобан-Заде, приехавший в Крым в 1919 г., работавший в прошлом в Венгрии с т.Бела Куном и не запятнавший себя никакой антисоветской работой, являясь в то время лидером «Милли фирка». Чобан-Заде, таким образом, как лицо, близко стоящее к советской работе и с первого момента приезда Дерен-Айерлы установивший с ним знакомство и контакт, мог таким путем добиваться приема в соваппарат остальных деятелей «Милли фирка» и татарской интеллигенции вообще. Окончательное решение о совместной работе с советской властью было принято на известной беспартийной всекрымской татарской конференции, созванной тогда по инициативе «Милли фирка» с санкции московской комиссии по делам Крыма. Фактически эта беспартийная конференция явилась в своем роде продолжением и последним созывом татарского Курултая, где татарские националисты решили признать советскую власть и работать с нею; вместе с этим конференция в лице «Милли фирка» как бы хотела ее созывом сказать татарскому населению, что они лишь готовы исполнять волю этого населения (отсюда и постановка перед центром ряда принципиальных вопросов) и с другой стороны — имелось в виду гарантировать себя от репрессий. Фактически руководителем этой конференции от ОК был Дерен-Айерлы, поддерживающий на ней точку зрения работы татарской интеллигенции с советской властью.

С привлечением к советской работе «Милли фирка» Дерен стал значительно ближе с ними сталкиваться по совместной работе, причем некоторое время еще существовало такое положение, когда «Милли фирка» преимущественно с ним была связана через Чобан-Заде, что объясняется тем обстоятельством, что Дерен по своему характеру человек весьма самолюбивый, любящий, чтобы с его точкой зрения все остальные считались, поэтому нужен был человек, могущий оказывать на него влияние, каковым в первую очередь был Чобан-Заде, с другой стороны — «Милли фирка» старалась скрыть перед Дерен-Айерлы, что он ими используется в проведении политики «Милли фирка», поэтому и было решение иметь связь через Чобан-Заде. К числу вопросов, когда «Милли фирка» использовало Дерена, был вопрос об использовании сил «Милли фирка» в редактируемой им газете «Ени-Дунья», когда к нему в редакцию был кооптирован Айвазов Садри.

Более близкое сближение Дерен-Айерлы с работниками «Милли фирка» относится к моменту его ухода из Татбюро, когда ОК его направляло для работы в «Шеркет», где он и участвовал в работе такового, проводя общую работу «Милли фирка» этого периода. На сближение Дерена с «Милли фирка» значительное влияние имело то, что снятие его с работы секретаря в Татбюро, редактора газеты и члена ОК теряли свое влияние на политику последнего, почему и были заинтересованы в восстановлении прежнего влияния Дерена в парторганах и среди населения, в силу чего и развили работу по поднятию авторитета Дерена. Для чего, в частности, был использован Вели Ибраимов, через которого удалось в партийных кругах поднять авторитет Дерен-Айерлы и он был назначен председателем Ялтинского РИКа.

Показания Турупчи

18 ноября 1928 г.

О связях Дерена-Айерлы с «Милли фирка». Насколько мне известно, Дерен-Айерлы связан с «Милли фирка» с 1920 года, в бытность его руководителем отряда в крымских лесах во время господства в Крыму белых — Деникина и Врангеля. По-моему, его привлек в «Милли фирка» А. Муслумов, который имел с ним непосредственную и ближайшую связь. Находясь фактически в лесах Крыма, он, Дерен-Айерлы, каждый день бывал у А. Муслумова в д. Кучук-Озень, где однажды в 1919 г. я лично встретил его в квартире Муслумова в д. Кучук-Озень, где я был гостем. В последней я тогда участвовал.

После прихода советской власти в Крым 1920 г. мне известно, что он имел с «Милли фирка» связи и работал с ними рука об руку. Мне помнится, что перед тем, как отправить письмо (через Шукри-бея) Дж. Сейдаметову, я с Дерен-Айерлы говорил, который тогда находился в Москве по делам службы, кажется, тогда он состоял Председателем СНК Крыма.

В о п р о с: Как относился Дерен-Айерлы к вопросу о реэмиграции татар из Турции в Крым?

О т в е т: Насколько мне известно, Дерен-Айерлы в реализации этого вопроса принимал самое горячее участие. Будучи в Москве, он по этому вопросу был в НКВД, и НКВД вопрос был отклонен.

В о п р о с: Как относился Дерен-Айерлы к вопросу об устройстве евреев в Крыму?

О т в е т: По-моему, он относился весьма отрицательно, и, будучи у власти, всеми силами боролся, противостоял этому. Теоретически оказывал ему посильную помощь Фирдевс, в последнее время очень подружился также с С. Меметовым. На заседании на квартире Муслумова, где обсуждался вопрос с письмом Д. Сейдаметова, Дерен-Айерлы не присутствовал, но он знал о том, что говорилось на этом заседании, ибо имел самую близкую связь с Озенбашлы.

В о п р о с: Знал ли Дерен-Айерлы о связях «Милли фирка» с крымскими эмигрантами в Турции, знал ли, в частности, о том, что миллифирковцы подерживают эту связь через Османа Мамута?

О т в е т: По-моему, знал через Османа Мамута. Он был с ним тесно связан, а о связи через О. Мамутова знал ли он или нет — мне неизвестно.

59. Показания М.Х.Султан-Галиева об отношении «правых» татарских коммунистов к оппозиции

27 декабря 1928 г.

Отсутствие фракционной дисциплины среди членов групп особенно четко сказалось в вопросе определения нашего отношения к оппозиции. Взгляды московских товарищей по этому вопросу, в том числе и мой (не помню только, был ли в тот момент в Москве тов.Мухтаров) сводились к тому, что и по этому вопросу мы должны сохранить свою самостоятельную физиономию. Мы не разделяли взглядов оппозиции по крестьянскому вопросу, а также по вопросу китайской революции. Их позицию в этих вопросах мы находим неправильной, в особенности по последнему вопросу. Позицию эту мы оценивали как ультралевую и нежизненную. Это было еще до появления общей платформы оппозиционного блока. К тому же нахождение в рядах оппозиции таких «теоретиков» по национальному вопросу, как тов.Пятаков и таких «практиков» его, как тов.Преображенский (от розог которого в свое время сильно пострадали наши спины в Башкирии), настораживали нас к известной осторожности в наших отношениях к оппозиции. В силу указанных соображений нами было решено не поддерживать оппозиции и не блокироваться с ней, а подготовиться к самостоятельному выступлению перед ЦК партии по нацвопросу с изложением требований по этой линии.

В этом смысле был дан нами ответ тов.Памукчи, приезжавшему летом 1927 г. в Москву от имени крымских «правых» узнавать мнение московских работников по вопросу о том, следует ли крымчанам блокироваться с оппозицией или же нет. Памукчи говорил по этому вопросу со мной и с тов.Енбаевым, остальных товарищей в Москве не было. Как вам известно, крымские работники не сочли для себя обязательным наше мнение, часть из них блокировалась с оппозицией (по крайней мере одно время), а другая часть во главе с Вели Ибраимовым даже выступила с поддержкой ЦК и против оппозиции. Нам еще тогда были известны внутренние мотивы, заставившие Вели выступить с признанием своих ошибок.

Встречи московских товарищей между собой происходили большей частью на квартирах тов.Мухтарова и Енбаева. Причем не всегда они сопровождались разговорами политического характера. Обыкновенно играли или в карты (преферанс), или в пинг-понг, в мяч (тов.Мухтаров спортсмен, и почти всегда у него можно было встретить того или иного из его друзей по этой части). Разговоры политического характера происходили обыкновенно в отсутствии посторонних и касались главным образом текущих тем политического дня (международные сообщения и пр.). Специально татарские темы в плоскости обсуждения отдельных активных вопросов политической жизни Татарии ставились, обыкновенно, без меня. Об их результатах я узнавал уже потом, через тех или иных товарищей.

Взгляды или мнения отдельных товарищей по обсуждаемым вопросам не всегда отличались единством. Так, например, по вопросу о латыни тов.Сабиров и тов.Мансуров стояли одно время на точке зрения ее признания. Имелось даже решение, принятое еще осенью 1927 г., продискутировать этот вопрос еще раз внутри у себя, на местах и в центре, провести его, однако, мы не успели. Вопрос об отношении к латыни мы не ставили как программную

нашу установку. Признаком «правизны» мы ее не считали и допускали поэтому нахождение в наших рядах и сторонников латинизма. Отрицательное отношение наше к латыни истекало не столько из убеждения ее непригодности для поволжских татар и вообще для тюркских народностей, сколько из мотивов неприемлемости методов ее проведения (кучая и однобокая дискуссия без участия в обсуждении вопроса непосредственно самых широких масс и административный нажим) и неправильной постановки вопроса в целом, поскольку отдельные «идеологи» латинизма причины культурной отсталости тюркских и вообще восточных народностей сводили к наличию у них арабской письменности и отсюда делали такой же однобокий вывод о кардинальном значении перемены письменности у этих народностей в смысле изменения условий культурного их развития. Мы считали, что причина культурной отсталости тюркских народов и прочих народов мусульманской культуры вовсе не заключается в системе их письменности или в системе их мировоззрения (идеологии ислама), а прежде всего и раньше всего в их подчиненном, подневольном положении в системе международного империализма, определяемой как колониальная зависимость их от метрополий, и вытекающей отсюда отсталости их экономики и общественных форм развития. Исходя из общей нашей оценки, вопросы культурной эмансипации, культурного освобождения тюркских и прочих народностей арабской культуры (в смысле письменности и религии) мы связывали и ставили в органическую зависимость от международной социальной революции, т.е. от рационального и полного разрушения и полного уничтожения империализма как колониальной системы хозяйствования. В отношении же тюркских народностей Советского Союза мы считали, что одна лишь латынь как таковая, одна лишь перемена письменности не разрешают всей проблемы культурного развития тюркских народностей в целом, поскольку мероприятия в этом направлении не связываются с системой мероприятий по организации и насаждению в соответствующих районах основных элементов материальной культуры вообще: промышленности, транспорта, технических усовершенствований в сельском хозяйстве, школ, больниц и т.д. Мы находим, что без надлежащей организации этих мероприятий лозунг о культурной революции среди тюркских народностей через замену существующей их письменности (арабской) какой-либо другой (латинской или русской) остается пустым лозунгом, лозунгом без содержания, мало чем отличающимся от аналогичного лозунга тюркских или персидских радикал-националистов (хотя бы тех же кемалистов или мусаватистов), способного вызвать лишь ни к чему не нужное раздражение широких беспартийных масс. По моей инициативе было создано одно заседание.

Созвано оно было по настоянию тов.Фирдевса и носило характер товарищеского суда над Фирдевсом и Дереном. Участвовали в нем: тов.Фирдевс, я, Дерен и тов.Енбаев. Был ли еще кто-нибудь пятый, не помню. Происходило оно на квартире Енбаева. Поставлен был этот вопрос мною потому, что, будучи как-то в гостях у меня зимой 1926—1927 г. тов.Дерен и Ногаев с одной стороны и тов.Фирдевс — с другой, сильно рассорились. Рассорились по сути из-за пустяков. Тов.Ногаев и Дерен слегка подтрунивали над Фирдевсом, тот разобиделся и ответил Дерену сильным моральным оскорблением. Поскольку все это происходило у меня на квартире, я считал своим нравствен-

ным долгом принять все меры к их примирению и попросил казанских товарищей вмешаться в это в той или иной форме. Это, однако, ни к чему не привело. Тов.Фирдевс весь вопрос сводил к политическим разногласиям, к обвинению тов.Дерена в неправильной политической установке («персональный вождизм»), а тов.Дерен, наоборот, к обвинению его в мягкотелости. Мы требовали уступок со стороны тов.Фирдевса, т.к. считали, что Дерен в основном прав. Переговоры эти, однако, ни к чему не привели. Второй раз этот вопрос поставлен был уже по инициативе самих крымских работников в один из приездов в Москву Вели Ибраимова. Собрание происходило на квартире Бикбавова. Присутствовали на нем со стороны крымских работников: Фирдевс, Дерен и Вели Ибраимов, а со стороны казанских работников — Енбаев, Мухтаров и я. Были ли на этом собрании тт.Сабилов и Мансуров, не помню. Однако и на этом собрании к единому решению товарищи не могли прийти. Предложено было Дерену прервать его сепаратное сношение с лидером «левых» — Меметовым, а Фирдевсу — сепаратные же переговоры с Петропавловским об отступлении. Если не ошибаюсь, постановка была такая: в конце собрания со стороны Вели было выставлено требование к казанским работникам, чтобы они больше не вмешивались во внутренние дела крымских «правых». Требование это было выставлено в силу того, что Вели было известно, что казанская группа работников в вопросах тактики борьбы поддерживала Дерена. Реальных результатов это собрание, однако, не дало. Трещины, образовавшиеся на организме «правых» в Крыму, оказались более глубоки, чем мы предполагали.

Последнее собрание с крымскими работниками происходило на квартире тов.Енбаева, кажется, в сентябре или октябре 1927 года, хорошенько не помню, во всяком случае до выступлений оппозиции на улице. Присутствовали на нем из нас: тт.Мухтаров, Сабилов, я, Енбаев, кажется, Г.Мансуров, а из крымчаков — Вели Ибраимов, Дерен и, кажется, Мустафин, точно не помню. Попал я на него случайно. Дело в том, что мы с тов.Енбаевым в это время подготавливали по линии Центрального коопсовета большую докладную записку в ЦК партии о состоянии кооперации в национальных республиках и областях и намечали основные ее контуры и содержание, и целыми ночами занимались над ней. И в этот день мы сидели над этим докладом. Затем явились крымские товарищи, а позже, после телефонных вызовов, и московские.

Заседание это наше, последнее по счету, я называю похоронным заседанием, т.к. по своему содержанию и по духу, царившему на нем, это напоминало именно похороны.

Основным вопросом, который явился предметом обсуждения собрания, явился вопрос об определении нашего отношения к оппозиции. Возник он в связи с обсуждением поведения Вели, подавшего в это время, насколько мне помнится, заявление вместе с группой других товарищей с признанием своих ошибок по крымскому вопросу. Вели объяснил это как результат того, что вопрос об отношении к оппозиции представителем в ЦК в Крыму был поставлен ребром в форме исключительной: или с оппозицией, или с ЦК. Общее мнение выступавших после сообщения Вели сводилось к оценке этого их выступления как успешного и преждевременного. Вернее, оно рассматривалось как выступление сепаратное и несогласованное, а потому срывающее первоначально взятую нами установку в этом вопросе. Тем не менее, по-

сколько выступление было уже совершено, большинством собрания было решено не возражать в дальнейшем продолжать взятого Вели Ибраимовым нового курса.

После такого решения обсуждение вопроса об окончательном определении нашего отношения к оппозиции нашло уже скорее формальный характер, чем по существу, т.к. для всех было ясно, что поскольку товарищи санкционировали, хотя и задним числом, совершившийся акт отказа группы крымских работников от блока с оппозицией (так нужно было понимать выступление Вели и др. работников в Крыму), то нельзя уже было ставить его иначе для Татарии и других районов.

При обсуждении вопроса голоса разделились. Мухтаров и Сабиров выступили как решительные противники блока с оппозицией, но ничего не сумели предложить ясного в отношении второй части вопроса о том, нужно ли одновременно с этим признать правильной позицию ЦК и поддерживать его в борьбе с оппозицией. Если поддерживать, то в какой именно форме.

Дерен высказался против блока с оппозицией и развил ту мысль, что национальным работникам вообще не следовало бы вмешиваться во внутренние споры и во внутрипартийную борьбу русских коммунистов.

Тов. Енбаев остался при старом мнении — не поддерживать оппозиция, а выступать с самостоятельными тезисами по нацвопросу с изложением действительной нашей позиции по этому вопросу.

Вели высказался, если не ошибаюсь, не только против оппозиции, но за выступление против нас. Гасым Мансуров и я развили ту точку зрения, что нам необходимо изменить самую постановку вопроса, т.е. обсуждать вопрос не в плоскости определения нашего отношения к оппозиции, а наоборот, их отношения к нам и независимости от того, решить вопрос о блоке или борьбы с ним. Конкретно мы предлагали поэтому немедленно войти в переговоры с лидерами оппозиции и ребром поставить перед ними вопрос, согласны ли они целиком и полностью принять нашу установку в национальном и колониальном вопросах или нет, и лишь после получения прямого и самого ответа от них (платформа оппозиции по нацвопросу нас не удовлетворяла), решить вопрос в сторону оппозиции или же в сторону ЦК.

Свою постановку мы считали наиболее ясной и революционной.

Наша постановка не прошла. Товарищи ее поняли как предрешение вопроса о вступлении в блок с оппозицией и отвергли.

Как компромисс была принята позиция тов. Енбаева. Я лично считал эту постановку гнилой постановкой. Решение это, однако, как вам известно, не получило осуществления.

Наоборот, даже на местах отдельные работники выступали против оппозиции, некоторые с оговорками (Казань — Брундуков и еще кто-то), а другие без оговорки (Вели и Ногаев).

Таким образом, попытка национальной оппозиции в рядах коммунистической партии выступить на арену политической борьбы со своим собственным лицом потерпела перед XV партсъездом такое же поражение, какое потерпела она и перед XII партсъездом.

По крайней мере, покидая то последнее наше совместное заседание, я думал в душе: «Кажется тов. Сталин нанес нам окончательное поражение»...

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.218—224.— Ксерокопия.

**60. Докладная записка заместителя председателя ОГПУ
Г.Г.Ягоды и начальника ВО ОГПУ Я.Х.Петерса в ЦК ВКП(б) и
Президиум ЦКК ВКП(б) об антипартийной и антисоветской
деятельности К.Г.Мухтарова, А.М.Енбаева, Г.Г.Мансурова,
Р.А.Сабилова, И.К.Фирдевса, О.Г.Дерена-Айерлы**

29 мая 1929 г.
Сов. секретно

Деятельность «Милли фирка» и крымские «правые»

Материалы следствия и показания некоторых участников Ибраимовского процесса в Крыму указывали на то, что уголовно-бандитская группа, возглавляемая «коммунистами» Вели Ибраимовым, Мустафой и др. не была самостоятельной, а являлась орудием в руках более сильной и более строго законспирированной организации.

В дальнейшем специальная разработка Восточного отдела ОГПУ установила тесную связь их с подпольной буржуазно-националистической организацией «Милли фирка» в Крыму.

В процессе разработки «М.Ф.», мы документально установили, что все вопросы партийно-советского строительства Крыма предварительно обсуждались и разрешались в миллифирковском центре, что «М.Ф.» систематически проводила целый ряд мероприятий по срыву партийно-советской работы в Крыму, что в процессе борьбы с нами она связалась с закордонным эмигрантским центром в Константинополе и на местах в Крыму, создала свои ячейки — в общем систематически проводила упорную работу по захвату совещательного аппарата и подмене Соввласти и влияния компартии своим влиянием и своими ставленниками. Эта систематическая подрывная деятельность «М.Ф.» в течение ряда лет — с момента советизации Крыма до разгрома в 1928 г. — была бы невозможной и крымский контрреволюционный гнойник был бы своевременно вскрыт, если бы в работе «М.Ф.» активнейшее и даже в известной мере руководящее участие не принимали т.н. «правые» таткоммунисты в лице Дерена-Айерлы, Фирдевса, Вели Ибраимова и др., взгляды которых по нацвопросу полностью отождествлялись со взглядами «М.Ф.», в результате чего они и растворились в миллифирковской организации, входя в ее местные ячейки и руководящее ядро.

Арестованный лидер «М.Ф.», бывший наркомфин Крыма Озенбашлы говорит:

«...Перед отъездом Чобан-Заде в Баку было найдено целесообразным организовать коллективное руководство в «М.Ф.», и таковое было сконструировано номинально в составе Озенбашлы, Хаттатова и Дерена-Айерлы, а фактически наоборот, т.е. Дерена, Хаттатова и Озенбашлы ...» (подчеркнуты везде коммунисты).

Дальше:

«... Когда Аким Муслимов (видный деятель «М.Ф.», расстрелянный нами) был арестован, мы: Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы и др. обсуждали как помочь Муслимову ...»

И дальше:

«...На ряде совещаний, происходивших на квартире у Вели, с участием Де-

рена, Хаттатова, моим, Чапчакчи, иногда Одабаша, Тулеева (все миллифирковцы), совместно искали выхода из положения, создавшегося в связи с поднятой секретарем ОК тов.Петропавловским кампанией против «М.Ф.»....»

Главарь бандитской террористической группы «М.Ф.» Хайсеров говорит: «...Миллифирковский центр поддерживал группу «правых» коммунистов: Фирдевса, Ибраимова, Ногаева, Умерова Б., Умерова Сеит Яхья, Дерен-Айерлы и др. ...,¹ которые, в свою очередь, поддерживали миллифирковцев. Так, например, при выборах в Советы в центре кандидатуры «М.Ф.» поддерживались «правыми», а на местах кандидатуры «правых» — миллифирковцами. Это происходило по директивам Озенбашлы, Чапчакчи ...»

Член руководящего центра «М.Ф.», бывш.наркомздрав Крыма Чапчакчи говорит:

«...Мы были заинтересованы в том, чтобы «правые» остались у власти и проводили совместно с нами вопросы Крыма. Отсюда, когда вставал вопрос о снятии кого-нибудь из «правых», в частности Дерен-Айерлы, мы говорили, что в связи с этим вопросы будут тормозиться и что нужно сохранить Дерена в Крыму и добиться оставления его на работе. Для этого мы решили: а) договориться с работниками Крыма — не татарами — об оставлении Дерена в Крыму; б) провести по всему Крыму избрание его в сельсоветы, что и было сделано. Это должно было показать, что за оставление Дерена в Крыму стоят работающие в Крыму работники — не татары — и оставления Дерена в Крыму хочет все крымское крестьянство...»

Таким образом, руководители крымских «правых» таткоммунистов: Фирдевс, Вели Ибраимов, Ногаев, в особенности Дерен-Айерлы, в своей повседневной работе были активными участниками и проводниками миллифирковской политики. Кроме того, принимая активное участие в контрреволюционной деятельности миллифирковского подполья, они прикрывали, даже и содействовали своим служебным положением в установлении и поддержке связи (как через инопосольства, так и путем командирования специальных курьеров) «Милли фирка» с закордонным белогвардейским центром, связанным с польской контрразведкой.

Лицо, специально выделенное «М.Ф.» для сношений с Туркпосольством в Москве — член «М.Ф.» Турупчи говорит:

«... Мне помнится, что перед тем, как отправить письмо (речь идет о письме, отправленном Турупчи через Туркпосольство в Константинополь руководителю крымской организации Д.Сейдаметову), я с Дерен-Айерлы говорил ... он тогда находился в Москве по делам службы ... кажется, тогда он состоял пред. СНК Крыма ...»

Об этой же связи Озенбашлы говорит:

«...К этому периоду относится муссирование реэмиграционного вопроса, в постановке которого Дерен-Айерлы принимал активное участие. Присутствовал ли он при чтении письма Сейдаметова, не помню, но Дерену оно не могло остаться неизвестным ...»

И дальше:

«...Мы стремились добиться переселения эмигрантов крымских татар из Турции, Болгарии и Румынии обратно в Крым.

¹ Так в документе.

Когда Вели информировал нас о решении Москвы переселить в Крым евреев, нами было решено как-нибудь дать знать татарам Турции о том, что бы они своевременно представили заявки. Так как Дж. Сейдаметов как для нас, так и для татар, живущих в Турции, была известная личность, то было решено написать ему письмо с изложением вещей в Крыму. Письмо было написано мною и отправлено через турка Исляма, а ответ был получен через Хайсерова ...»

Хайсеров говорит:

«...Показания Озенбашлы о том, что письмо по еврейскому вопросу было послано крымскими миллифирковцами первыми Дж. Сейдаметову в Константинополь, а потом уже через турка Исляма и меня был получен от него ответ — верны...»

«...потом было послано Турупчи из Москвы, через турецкого журналиста Шукри-Бея, другое письмо Сейдаметову, в котором, как он мне сам рассказывал, он писал по еврейскому и др. вопросам положения Крыма и, в частности, высказывал недовольство уходом Чобан-Заде из Крыма в Баку...»

Дальше:

«...Я припомнил еще факт наличия такой переписки у Вели Ибраимова с Сейдаметовым, через Ибраима Ибраимова (бывш. торгпред. СССР в Турции, бежавший в Париж). Помню, как-то в Москву приезжал Вели, где однажды в моем присутствии в 1927-м г. в Доме Советов передал Ибраиму Ибраимову письмо для Дж. Сейдаметова. Содержание письма точно не помню, но оно было информационного характера, и в нем, в частности, Вели проводил параллель между таткоммунистами 1918 года и тем периодом, когда писалось письмо, доказывая, что коммунисты теперь стали «мягче» и с ними можно работать, что таторганизация значительно — и количественно и качественно выросла и что Фирдевс не тот Фирдевс, который был в 1918 году. Далее Вели в этом письме касался земельного и реэмиграционного вопроса...»

«М.Ф.», крымские «правые», московский султангалиевский центр и закордонная тюрко-татарская эмиграция

При дальнейшей разработке дела мы натолкнулись на наличие руководства над «М.Ф.» со стороны московской группы татарских работников, членов ВКП(б): Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабирова и Фиржевса и б/партийного Султан-Галиева (быв.член ВКП, исключенный в 1923 г. за создание подпольного центра, связь с басмачами и т.д.), причем эта группа лиц фактически являлась своеобразным центром, объединяющим и руководящим подпольной работой антисоветских групп и течений не только в Крыму, но и в Татарии, Башкирии и в других районах, населенных тюрко-татарами. При этом значительное влияние на направление деятельности и методов работы этой группы оказывал Султан-Галиев.

Представитель «М.Ф.» для связи с туркпосольством в Москве Турупчи (устроенный на стипендию «Плодовинсоюза» членом султангалиевского центра Енбаевым) показывает:

«...крымские «правые» непосредственно были связаны в Москве с т.н. «татарской» группой в лице Султан-Галиева, Енбаева, Мухтарова, Мансурова и приездах в Москву Вели и др. постоянно устраивали встречи и

обсуждения различных крымских и пр. вопросов. В последнее время к этой группе прибавился ушедший из Крыма Фирдевс. Из таких «совещаний», на которых обсуждались крымские и проч. вопросы, могу припомнить:

1) совещание в квартире Памукчи в Крымпредставительстве в 1927 г. во время вечеринки по случаю восстановления в правах Акима Муслюмова, где были Султан-Галиев, Фирдевс, Енбаев, Памукчи, Муслюмов. Разговор шел о последних выборах в Обком ВКП(б) Крыма (докладывал Мустафин) и о том, каким путем добиться отправки обратно в Крым Фирдевса.

2) в том же 1927 г. (кажется в апреле) в квартире Султан-Галиева была устроена вечеринка по случаю 2-х-летия процесса Муслюмова, на которой были: Фирдевс, Мухтаров, Енбаев, Султан-Галиев и Муслюмов.

3) Аким Муслюмов после этого мне рассказывал, что Султан-Галиев, Мухтаров, Енбаев хотели устроить Баширова на службу на Южном берегу Крыма. По его словам, посылка Баширова была связана с тем, что тогда стоял вопрос о создании «Партии восточных работников» (совместно с беспартийными). Центром партии и первого организационного съезда предполагалось сделать Крым, потому что Крым как курорт является наиболее удобным местом для обеспечения конспирации, и выезд туда Мухтарова, Енбаева, Султан-Галиева и др. делегатов оргсъезда будет вне всякого подозрения и, кроме того, Крым имел, по их мнению, почву для такой работы центра, ибо «такая почва постоянно создается в связи с колонизацией Крыма евреями» (слова Султан-Галиева, переданные мне Муслюмовым)...

Хайсеров говорит:

«...После снятия по постановлению ЦК ВКП(б) Дерен-Айерлы с поста пред. СНК внутри руководящей крымской «правой» между Вели с одной стороны и Фирдевсом и Дерен-Айерлы и др. — с другой, происходили разногласия по вопросу об отношении к секретарю ОК Петропавловскому и возвращении обратно в Крым Дерена. Группа Фирдевса — Дерена держалась в то время политики нажима на ЦК по линии снятия Петропавловского, возвращения в Крым Дерена и проведения в жизнь выдвинутых «правой» группой перед ЦК вопросов земельного строительства, табачного и др. Вели в то время данную постановку вопроса считал преждевременной и выдвигал вопрос примирительного отношения к Петропавловскому, делая упор на накопление сил «правой» группы. Тогда Фирдевсом данное разногласие было поставлено перед московским центром для разрешения ... на заседании, происходившем в квартире Мухтарова, как мне после него рассказывал Вели, участвовали Мухтаров, Енбаев, Султан-Галиев, Фирдевс, Дерен, Памукчи и др. ... Страсти сильно разгорелись и заседание затянулось до утра ... В результате дебатов было принято постановление провозгласить до пленума Крым ОК, который в скором времени предполагался к созыву, точку зрения Вели, а после такового — взять твердый курс на проведение линии, выдвинутой Фирдевсом и Дерен-Айерлы.

Быв. крымпредставитель при ВЦИКе, член «М.Ф.» Памукчи говорит:

«...Московская группа состояла из Султан-Галиева, Енбаева, Мансурова, Мухтарова, Фирдевса. Обыкновенно, когда приезжал из Крыма Вели Ибраимов, он в первую очередь шел к кому-нибудь из них или кто-нибудь из них приходил к нему, и таким образом осуществлялась взаимная информация о крымских и московских делах. Эти встречи и разговоры о «крымской пра-

вой», «левой» и пр. были обыкновенным явлением, так что вспомнить сейчас конкретные формы, когда и где это было, совершенно невозможно».

«...Было совещание указанной московской группы, на котором обсуждался вопрос о конфликте, происшедшем между Вели и Дерен-Айерлы по вопросу о необходимости выступления первого на обкоме партии против тогдашнего секретаря Петропавловского и за отзыв последнего...»

Авуджи говорит:

«...После освобождения Муслимова в доме Крымпредставительства была устроена вечеринка, на которой присутствовали: Султан-Галиев с женой, Енбаев с женой, Амет Хайсеров, Фирдевс, Авуджи с женой, Турупчи с женой, Вели Ибраимов, Ольга Артуровна и Муслимов. Во время ужина Султан-Галиев, Фирдевс, Енбаев и др. перешли в соседнюю комнату, где Султан-Галиев произнес речь о туранизме ...»

Султан-Галиев говорит:

«...Я лично присутствовал на 2-х крымских совещаниях... Первый раз — в августе 1926 г. на квартире у Дерена и второй — на обратном пути с Южного берега Крыма в том же году у Ногаева...»

Дальше:

«...После этого по моей инициативе в Москве было созвано одно заседание. Созвано оно было по настоянию Фирдевса и носило характер товарищеского суда над Фирдевсом и Дереном. Участвовали на нем Фирдевс, я, Дерен и Енбаев ...»

Дальше:

«...Обсуждали косвенно вопрос о землеустройстве в Крыму, в связи с вопросом переселения евреев. Конкретно вопрос шел о нашем содействии организации движения за переселение в Крым среди татарского населения внутренних (русских) губерний РСФСР. Вопрос был поставлен приехавшими тогда в Москву двумя крымскими работниками — Мустафиным и работником Крымсельхозбанка Юнусовым. Вопрос обсуждался весной или в начале лета 1927 г. у т.Енбаева в квартире Башировых. Обсуждение вопроса происходило в отдельной изолированной комнате с участием тт.Енбаева, Мустафина, Мухтарова, меня, Юнусова и, кажется, Сабирова. Был ли Гасым Мансуров, не помню. Крымские работники поставили вопрос вообще об оживлении работы «московского центра», находили, что мы ничего не делаем, а «спим», что о нас «не слышно ни слуху, ни духу» и предложили нам заняться хотя бы вопросом организации движения среди татар внутренних районов РСФСР за переселение их в Крым. Московские товарищи принципиально против переселения татар внутренней России в Крым не возражали и заявили, что нужно будет поговорить по этому вопросу с работниками соответствующих районов; только Мухтаров и Енбаев опасались провала и говорили: «массы двинем, а на деле окажется, что двинули-то их напрасно», — вот мотив, который выдвинули эти товарищи.

«...Встречи московских товарищей происходили большей частью на квартирах Мухтарова и Енбаева. Разговоры политического характера происходили обыкновенно в отсутствии посторонних и касались, главным образом, текущих тем политического дня...»

«...Последнее собрание наше с крымскими работниками происходило на квартире т.Енбаева, кажется, в сентябре или в октябре 1927 г. ... Присут-

ствовали на нем из нас: гг. Мухтаров, Саттаров, я, Енбаев, Г. Мансуров, а из крымчаков: Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы, Мустафин...»

«...Одно время основное ядро руководства принадлежало Мухтарову, Енбаеву и мне (Султан-Галиеву). После же того, как Мухтаров и Сабиров «сдрейфили» на рыскуловском совещании, образовался блок внутри руководящего ядра в составе Г. Мансурова, Енбаева и меня, который сохранился почти до последнего нашего заседания...»

Не останавливаясь на ряде других заседаний и совещаний, имевших место как в Москве, так и в Крыму, отметим, что особая активность была проявлена в противодействии переселению трудящихся евреев в Крым и связано с этим проведением земельной реформы, когда крымские «правые», совместно с «М.Ф.», по принятому в Москве решению, провели широкую антиеврейскую кампанию в деревне, пытаясь ее распространить и на другие над. районы (Татария, Башкирия, Дагестан и пр.). Это объясняется тем, что переселение евреев в Крым затрудняло разрешение основной установки «М.Ф.» — создания количественного перевеса татар над остальными национальностями, населяющими Крым, между тем как вопрос «проблемы количества» татарского населения в Крыму являлся для «М.Ф.» основным политическим вопросом, вытекающим из понимания «временности» совласти и установки на создание после ее поражения татарской национально-демократической власти, опирающейся на татарское большинство населения. Для осуществления этого «М.Ф.» в течение ряда лет проводила практическую работу по искусственному повышению процента татар, не раз пыталась провести массовую (десятки тысяч) реэмиграцию крымских татар, живущих в Турции, Румынии и Болгарии.

Московский султангалиевский центр не только руководил общей кампанией по противодействию переселения трудящихся евреев в Крым, но неизменно принимал участие в обсуждении и составлении многочисленных протестов крымских «правых», адресованных в высшие советские и директивные органы, причем наиболее важные документы по этому вопросу были одновременно направлены в константинопольский эмигрантский центр с целью привлечения к ним внимания «общественного мнения заграницы». Из числа более 20-ти важнейших документов, переправленных за границу, ныне опубликованы белогвардейцами:

1) доклад, составленный московским центром на основе совершенно секретных материалов Крымского обкома ВКП(б), подписанный Вели Ибраимовым и поданный в ЦК ВКП(б), о размерах земельной площади, определенной для переселения трудящихся евреев;

2) материалы Комиссии по переселению;

3) совершенно секретные постановления пред. ВЦИК от 19.02.27 г.

Из этих документов доклад Вели Ибраимова, с текстом, буквально сходным с опубликованным в мусаватском журнале «Азери-Тюрк» № 20, был обнаружен в черновом наброске у Султан-Галиева при изъятии части архива московского центра.

Султан-Галиев по этому поводу показывает:

«... По еврейскому вопросу я имел еще разговоры с Вели Ибраимовым в 1926 и 1927 гг. в Москве в один из его приездов сюда, когда он позвал меня, не помню через кого, к себе в гостиницу, кажется, «Париж». Как выясни-

лось, он вызвал меня для того, чтобы я ему помог отредактировать докладную записку по еврейскому вопросу в ЦК партии от имени Крым.обкома ВКП(б)».

Связь с оппозицией

В процессе собирания сил и искания себе союзников московский центр также неоднократно вел переговоры с оппозицией. Султан-Галиев говорит:

«...В выработке программы оппозиционного блока по нацвопросу принимали участие Мухтаров и Гасым Мансуров, связавшиеся по этому вопросу с Сафаровым. Кроме того, велись переговоры о формах блока с Зиновьевым (Мансуров) и Бабаханом (Сабиоров) ...»

Дальше:

«...Основным вопросом, который явился предметом специального обсуждения собрания, был вопрос об определении нашего отношения к оппозиции. Возник он в связи с обсуждением поведения Вели Ибраимова, подавшего в это время, насколько мне помнится, заявление вместе с группой других товарищей с признанием своих ошибок по крымскому вопросу. Вели объяснил это как результат того, что вопрос об отношении к оппозиции представителем ЦК по Крыму был поставлен ребром в форме исключительной: или с оппозицией, или с ЦК. Общее мнение выступавших после сообщения Вели сводилось к оценке этого их выступления. Вернее, оно рассматривалось как выступление сепаратное и несогласованное, а потому срывающее первоначально взятые нами установки в этом вопросе...»

Работа в нацрайонах и политические кампании, проведенные султангалиевским центром в этих районах

«Московским центром» широко использовались служебные возможности для поездок в нацрайоны, с целью выявления оппозиционных сил, собирания и организации их. Результаты таких поездок, обыкновенно, по возвращении выезжавшего, коллективно обсуждались. Так, Султан-Галиев говорит:

«Из докладов, сделанных членами московской группы «правых» Мухтаровым, помню его информацию о поездке в Казахстан. Сообщение это было сделано на квартире Енбаева. Присутствовали: Енбаев, я, Гасым Мансуров и др. Вынесено было решение предложить Мухтарову пойти в ЦК партии по этому вопросу... Из докладов Енбаева в колонии я помню его информационное сообщение о поездке в Татарскую республику перед одной из татарских конференций, когда по инициативе, кажется, Шаймарданова, был поставлен вопрос о блоке между «правыми» и «левыми» против руководства Хятаевича.

В 1926 г. на даче Сабиорова велись переговоры с бабработниками Халиковым, Кушаевым и Абдуллой Гисмати. Из татарских «правых» были: Сабиоров, Мухтаров и Гасым Мансуров...»

О массовых кампаниях, проведенных султангалиевским центром или его местными филиалами для укрепления рядов своих сторонников на местах — в Татарии, Башкирии, Крыму и привлечении на свою сторону кадров б/партийной националистической интеллигенции, говорят следующие показания:

а) Хайсерова:

«...После получения известного письма Дж.Сейдаметова, перед «правыми» встал вопрос о необходимости создания авторитета своим сторонникам среди наработчиков, в частности это относится к Фирдеву, являющемуся идейным руководителем правой группы и звеном для связи с «московским центром»...

Поэтому «М.Ф.» провела агитационную «кампанию» по деревням Крыма за поднятие его авторитета...»

Дальше:

«...В 1926 г., будучи в Москве, заходил к Ногаеву, у которого застал Фирдева и Султан-Галиева; разговор между ними шел вокруг крымских вопросов, а затем перешли на тему о латинизации. На этом совещании было решено, что вокруг борьбы с латинизацией необходимо организовать учащуюся молодежь, в первую очередь — ее коммунистическую и комсомольскую часть, среди которой и повести широкую кампанию и уже затем, имея за собой кадры сторонников, выступать при каждом удобном случае на собраниях, совещаниях и т.д. против латинизации, вовлекая в эти выступления сторонников из деятелей «М.Ф.» и вообще общеизвестных работников татар...»

б) Султан-Галиева:

«... Мне известен случай передачи т.Мухтаровым бывш. наркомздраву Татарии Ф.Мухамедьярову проекта обращения беспартийной татинтеллигенции к соввласти по вопросу о латинизации...»

В результате этого и появился известный протест «82-х»¹ в Казани против латинизации. Нет надобности останавливаться на других проведенных московской группой кампаниях, как, например, против переселения евреев в Крым (освещенной выше), выступление «39-ти»² ответработников татар в 1924 году и рабочих татар казанских фабрик в 1925-м году с требованием возвращения группы Мухтарова к власти в Татарии и т.д. Последнее было подготовлено (по собственному признанию) Султан-Галиевым и проведено через Булышева³, и только с изъятием архива султангалиевского центра удалось точно восстановить все детали «подготовки» к вышеуказанным кампаниям (несколько вариантов текста письменных заявлений, заготовленных для собирания подписей рабочих и т.д.).

Работа по оформлению султангалиевской организации в самостоятельную политпартию и деятельность подпольных кружков, руководимых султангалиевским центром

Основная установка «Милли Фирка» о временности соввласти разделялась, как выше мы отмечали, московским центром, ставившим перед собой проблему создания Туранской буржуазно-демократической республики, объединяющей все тюрко-татарские районы.

Султан-Галиев говорит:

«...Я предвидел два пути ликвидации соц.революции в России: первый путь — это постепенное сползание коммунистической партии и соввласти

¹ См.: документ №147.

² См.: документ №146.

³ Так в документе, следует: Булушев.

путем различных вынужденных уступок на внутреннем и внешнем фронтах на рельсы госкапитализма и буржуазной демократии; второй путь — это крах революции на основе вооруженного военного столкновения Соввласти с мировой буржуазией...»

И дальше:

«...Исходя из этих трех факторов, я выдвигал положение о необходимости подготовки образования так называемого Туранского государства как федеративной Сов.соц.республики в составе Советского Союза и как народно-демократической республики на основе госкапитализма».

Для организационного вовлечения тюрко-татарской антисоветской интеллигенции в практическую работу по осуществлению идеи Туранской республики и для внедрения этой идеи в тюрко-татарские массы султангалиевский центр подготовлял создание политической партии восточников, должностовавшей быть основным ядром проектируемого IV (Колониального) интернационала. Так Султан-Галиев говорит:

«...Социальной базой будущей нашей партии «Колониального Интернационала» мы определяли рабочих, крестьян и мелкую буржуазию. Тактически мы стояли за использование также прогрессивной части крупной национальной буржуазии (промышленной буржуазии).

Партия должна была строиться по организационным принципам большевизма, т.е. представлять централизованную партию на основе демократического централизма и включать в себя представителем всех по возможности тюркских (на первое время народностей)...»

Дальше:

«...Как я уже указал, основные кадры новой партии должны были образоваться из «правых» и перешедших или переходящих в их лагерь «левых» туземных коммунистов, причем «правые» должны были оставаться и в компартии».

И дальше:

«...Партию эту я мыслил как массовую рабоче-крестьянскую социалистическую партию, основные кадры которой должны состоять из замаскированной части «правых» туземных коммунистов. Актив ее должен был вербоваться из среды туземных рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, главным образом учащейся молодежи».

По вопросу о программе своей организации и об основных тезисах по идеологическому оформлению политической платформы и программы «партии восточников» Султан-Галиев говорит:

«... Программные задачи «правых», как я уже говорил об этом, ограничивались требованием реализации и осуществлением на деле решений XII партсъезда по нацвопросу. Сам по себе лишь нацвопрос, несмотря на свою относительную узость, не является, конечно, вопросом, где исключена возможность «расширения» задач за пределы основ и принципов социалистической революции и соввласти. «Расширение» здесь возможно было так же, как и в других областях политики. Разве не расширились рамки задачи общей оппозиции от критики партруководства, до призыва к рабочим массам к выступлению против соввласти? Если такое «расширение задач» могло произойти у людей, которые ни о чем другом не думали, как лишь «об интересах пролетариата», то было бы абсурдно порицать возможность аналогичного

же расширения задач у людей, ставших в оппозиции к компартии по линии вацвопроса...»

И дальше:

«...Разговоры с выражением недовольства моей тактикой (и тактикой «правых» вообще) и вообще требование большей активности в работе ставились со стороны Бакиева, главным образом после его приезда из Казани; требования эти шли по следующим линиям:

а) необходимость фиксирования на бумаге программы и вообще выработки этой программы и ее уточнения (кто мы: социалисты или националисты, наша соц.опора, основные цели и задачи и т.д.).

б) необходимости пересмотра моей тактики и тактики татарских коммунистов вообще. Конкретно предлагалось бросить всю эту словесную шумиху и «словесную борьбу» со всякими Хатаевичами и Петропавловскими, оставить их в покое и заняться «углубленной работой среди масс». Позднее Бакиев стал развивать мысль о необходимости ухода туземных коммунистов вообще из партии... У меня постепенно созрело решение создания самостоятельной партии на основе ревизии марксизма и ленинизма по колониальному и национальному вопросам. Этому способствовала также та чрезвычайная тяжелая обстановка, которая была создана тогда вокруг так называемых «правых» татарских и отчасти башкирских коммунистов.

Результатом этого явилось составление мною первоначального наброска части тезисов «о некоторых вопросах экономического и культурного развития тюркских народностей Европы и Азии»¹. В них я хотел обосновать противопоставление коммунистическому лозунгу о национальном самоопределении — лозунга колониального радикализма «освобождение колоний через диктатуру колоний над метрополиями». Коммунизм, по моему анализу и новому пониманию, рисовался мне как новая и прогрессивная на первое время форма европейского национализма, понимая под этим полетику консолидации и объединения материальных и культурных сил народов метрополий под эгидой пролетариата. В дальнейшем я намеревался расширить эти тезисы по колониальному вопросу вообще, положив в основу их радикальную ревизию ленинской теории об империализме в сталинском ее толковании. Я говорю совершенно откровенно, т.к. хочу иметь перед Вами, перед историей, в конце концов, одно лицо, а скрывать мне его нечего. Из моей постановки вытекала возможность в теории и практике существования социалистического или коммунистического империализма.

Я прочел выдержки из моих тезисов тов.Будайли из Татарской Республики, дал прочесть также тт.Мухтарову и Енбаеву, показывал их т.Дерен-Айерлы. Читая или давая прочесть тезисы, я указывал товарищам, что они представляют лишь черновой набросок моих взглядов на развитие революционного движения в тюркских районах Европы и Азии. Товарищи соглашались в основном (с некоторыми поправками в анализе тюркского мира, в системе мировой экономики и политики)...»

Дальше:

«...Выслушав меня, товарищи поставили передо мной ряд вопросов, требующих уточнения и ясности постановки:

¹ См.: Султан-Галиев Мирсаид. Избранные труды.— С.525—538.

а) о классовой опоре и внутреннем социальном содержании проектируемой нами республики: на основе диктатуры какого именно класса она должна быть организована: пролетариата, крестьянства, буржуазии или блока.

Я им ответил, что поскольку вопрос о создании самостоятельного государства может возникнуть реально лишь после поражения социалистической революции, то нечего и мечтать о возможности сохранения диктатуры пролетариата на таком крестьянском «островке», каковыми являются тюркские районы СССР, и что принцип этот придется заменить лозунгом «блока классов» с преобладанием в нем влияния крестьянства;

б) об отношении к интеллигенции. Не придется ли нам изменить наше отношение к отдельным группам интеллигенции, в частности, к духовенству, поскольку известные его крути будут в состоянии влиять на крестьянские массы. Я им ответил, что отношение к туземной интеллигенции должно быть в этом случае тактическое, что в создаваемую нами партию должна быть включена только трудовая интеллигенция и что по отношению буржуазной интеллигенции, в том числе к духовенству, может стоять лишь вопрос о диктатуре над ними.

Вот тот круг вопросов, который был затронут на этом нашем собрании. Решено было все затронутые вопросы в ясной и точной формулировке и с необходимым их обоснованием за и против, как вопросы, подлежащие общему нашему решению, перенести на предполагаемый нами к созыву зимой 1928 г. или к весне 1929 г. съезду или конференции в Москве, о котором я уже говорил».

Кроме имеющихся и ранее сложившихся отдельных групп т.е. «правых» татаркоммунистов, входящих в состав султангалиевской организации, следствием установлено наличие сети подпольных кружков из б/партийных, из коих пока выявлено: 2 — в Москве, 3 — в Казани и 1 — в Астрахани. Кружки создавались из учащихся отдельных учебных заведений, из интеллигентов — совслужащих, вокруг известных активистов организации и под их руководством по принципу троек-пятерок.

Так Хафизов Сафа, бывший анархист, активист казанского кружка, задержанный нами при попытке перехода границы в Турцию, показывает:

«...Я начал посещать этот нелегальный кружок, состоящий из 3—4 человек...

По положению этого кружка я не должен был знать знакомых ни Бакиева, ни Урманчеева, также они не должны были знать моих знакомых. Вождем своим мы признавали Султан-Галиева, но по уставу мы не должны были знать, есть ли в центре люди, кроме Султан-Галиева и есть ли там центральная организация; Бакиев мне говорил, что по уставу я не должен об этом их спрашивать...»

Султан-Галиев по поводу дальнейших перспектив подпольной работы говорит:

«...Обсуждение нами вопроса о созыве конференции происходило в номерах на Зацепе у приехавшего из Астрахани члена астраханского кружка Бадамшина. Присутствовали на совещании: Бадамшин, Бакиев, Шамсутдинов, я. Обсуждался один вопрос о созыве конференции имеющихся на местах кружков; местом конференции определили Москву, временем — по возможности рождественские каникулы 1928 г. или весну 1929 г., когда бывают

свободны студенты. Основным вопросом конференции определили программный вопрос, точное определение наших целей и задач, тактики и стратегии и методов организационной и агитационно-пропагандистской работы. Должны были быть составлены и доклады с мест о состоянии, природе и работе соответствующих кружков. Кроме того, отдельные работники на местах должны были разработать рефераты по отдельным вопросам экономического и культурного развития отдельных тюркских племен, а также по вопросу борьбы с т.н. панрусизмом...

Связь с кружками осуществлялась путем выездов работников московской группы на места и встреч там и в Москве с отдельными активистами подполья. Кроме того, для осуществления более регулярной связи и руководства местными ячейками Султан-Галиевым и Енбаевым специально для этого был устроен разъездным инструктором «Всекопромсоюза» один активист подполья Сафа Бакиев».

Логика борьбы не остановила султангалиевцев на этом и заставила скатиться к таким вещам, как переброска своих людей за границу и соучастие в укрывательстве бандитов. Так Хафизов показывает, что Султан-Галиев ему говорил:

«...Я дам тебе записку для передачи знакомому мне человеку в Тифлисе, он поможет тебе устроиться в одной удобной деревне или вообще там устроиться. Можно будет отправиться тебе в ту сторону весной, если к этому времени ты подготовишь путь к переходу границы. Но перед отъездом сообщи мне об этом, может быть, будет какое-либо поручение. Или сам ты приедешь перед отъездом сюда в Москву. По его совету я должен был устроиться около г.Ахалцик...» («Знакомым человеком» был Фирдевс, но записка, в силу ряда обстоятельств, передана ему не была — н/прим.).

Здесь же необходимо особо отметить участие султангалиевцев в укрывательстве известного крымского бандита Хайсерова, о чем Султан-Галиев показывает:

«...Вели повел меня к себе, где я увидел за столом группу неизвестных мне людей, человек 6 или 7. Я не знал, за кого их принять. Они были похожи и на чекистов, и на бандитов. В числе их был Амет Хайсеров.

Вели взял с меня слово: пока вопрос о Хайсерове не разрешится в центре, никому об этой встрече не говорить ...

Тем не менее я все же рассказал об этом, правда в общей форме, Сабинову, когда он недели две спустя после этого приехал на Южный берег Крыма ...

Впоследствии об этом говорил и Гасым Мансурову ...»

Следовательно, члены ВКП(б), ответственные работники — Мансуров, Сабиров, возможно и остальные, как Мухтаров и др., зная точно о том, где и у кого скрывается разыскиваемый нами по всему Союзу бандит Хайсеров, сочли необходимым, подчиняясь своей внутренней дисциплине, скрыть это от совласти и тем самым представили Хайсерову возможность бежать в Турцию, где он собирался выступить с разоблачением «сущности» нацполитики ВКП(б).

Об этом Хайсеров говорит:

«...Я предложил Озенбашлы капитулироваться, выехать в Турцию. Чем же займемся в Турции, то (я сказал) это разрешится после переговоров с Сейдаметовым.

Озенбашлы и все др. миллифирковцы в вопросах крымских националистов считали Сейдаметова авторитетом, и он был и остается вождем для крымских националистов. Вопрос о формах, в каких будет продолжаться борьба после выезда в Турцию, мог быть разрешен только с Сейдаметовым».

Озенбашлы говорит:

«...Хайсеров говорил, что конца этому гонению не будет, поэтому лучше заблаговременно выехать, пробраться за границу и там разоблачать в печати нездоровые моменты в нацполитике на окраинах. Хайсеров говорил, что при посредстве Сейдаметова, благодаря его связям, я, Озенбашлы, как журналист, мог бы выполнить эту задачу...»

Выводы:

1. Члены ВКП(б), бывшие работники Татреспублики в лице: 1) Мухтарова Кашафа, 2) Енбаева Арифа, 3) Мансурова Гасыма и 4) Сабирова Рауфа, несмотря на решения IV нацсовещания ЦК ВКП(б) по вопросу о султангалиевщине, продолжали тесную связь с Султан-Галиевым и с момента их снятия с работы в Татарии и приезда в Москву активно собирали силы как из состава национал-уклонистов внутри ВКП(б), так и б/партийных буржуазных националистов для борьбы с национальной политикой партии. Таким образом создали своеобразный центр, объединяющий мелкобуржуазные антисоветские националистические элементы тюрко-татарских районов СССР.

2. В этой работе заблокировались с татарской буржуазно-националистической организацией «Милли фирка» в Крыму и встали на путь создания подпольной антисоветской организации, отдельные ячейки которой выявлены в Москве, в Казани и Астрахани.

3. Объединение антисоветских сил значительной организованности и широкого охвата масс достигло в Крыму, где работа проводилась «М.Ф.» при полной поддержке и участии коммунистов в лице Вели Ибраимова, Фирдеса и Дерен-Айерлы, где по существу сов.аппарат был в руках «М.Ф.» и творил различнейшие безобразия, как издевательство над бедной и т.д., что ныне достаточно ярко вскрыто делом Вели и последовавшей часткой Крыма. Дерен-Айерлы при этом входил в руководящий центр «М.Ф.», в то время как Фирдес являлся представителем крымских уклонистов и «М.Ф.» в Московском султангалиевском центре.

4. Указанные в п.1—3 члены ВКП(б) организовали и участвовали в проведении антисоветских кампаний, как, например, против переселения трудящихся евреев в Крым, против латинизации тюрко-татарского алфавита, против снятия «правых» из Татарии и т.д., вовлекая в эти кампании членов подпольных кружков создаваемой султангалиевской организации.

5. Принимали активное участие в составлении всевозможных протестов крымских уклонистов в высшие советские и директивные органы по земельному и др. вопросам. Эти протесты проникали через Озенбашлы и Хайсерова в эмигрантскую печать. Дерен-Айерлы, кроме того, знал и не препятствовал связи «М.Ф.» с эмиграцией.

6. Сабиров Рауф и Мансуров Гасым, зная об укрывательстве бывшим

пред. Крым. ЦИКа Ибраимовым бандита Хайсерова, не сообщил об этом соответствующим органам и партии.

Из членов ВКП(б), имевших отношение к «М.Ф.» и султангалиевщине, арестованы и осуждены бывший наркомюст Крыма Ногаев Решид и бывший наркомпрос Крыма Балич.

Об антипартийной и антисоветской деятельности членов ВКП(б) Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы — ОГПУ сообщает в ЦК ВКП(б): на предмет разрешения вопроса о дальнейшем пребывании их в рядах ВКП(б) и привлечению их к ответственности.

Зам. пред. ОГПУ
Начальник Восточного Отдела ОГПУ

Ягода
Петерс

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л. 229—246.— Ксерокопия.

61. Из меморандума следственных материалов на К.Г.Мухтарова

1 июня 1929 г.
Сов. секретно

Показания Султан-Галиева

18 января 1929 г.

Москва. В работу «правых» тат.коммунистов я долго не вмешивался совершенно. Втянулся я вновь в их среду лишь после ухода их из власти в Татарии. Связь моя с центральными работниками возобновилась с осени 1924 г., по приезду в Москву Мухтарова, Гас.Мансурова и Енбаева. Руководящая роль, видимо, принадлежала Мухтарову. Но руководство это не было активным. Этому, может быть, способствовало отсутствие ясности и четкости в принципе организационного построения группы и его руководящего ядра. Принцип руководства был анархический по системе произвольно возникающих блоков внутри ядра. Так, одно время основное ядро руководства принадлежало Мухтарову, Енбаеву и мне (по крайней мере, мне так казалось). После же того, как Мухтаров и Сабиров «сдрейфили» на рыскуловском совещании, образовался блок внутри руководящего ядра в составе: Гас.Мансурова, Енбаева и меня, который сохранился почти до последнего нашего заседания. К этому блоку перед последней партдискуссией примкнул было и Сабиров (в отношении требования организационной четкости в работе и большей активности в смысле связей с другими районами), но потом быстро отошел обратно и сблокировался с Мухтаровым.

Отсутствие четкости в организационном построении «центра» сказало и в отношении распределения функций — внутренних и внешних — между отдельными членами московской колонии. Распределения функций не было. Может быть, оно и было, но мне об этом неизвестно. Не было поэтому организованности и в распределении ролей между членами колоний. «Работали» как-то стихийно, неорганизованно, кустарно. Элементы некоторой организованности вносились лишь приездами работников с мест, которые требовали от московских работников конкретного ответа на конкретные вопросы. Таким конкретным вопросом был и вопрос об определении нашего отношения к оппозиции.

В общем, каждый работал, как говорится, на свой страх и риск.

Я и Гас.Мансуров представляли в колонии наиболее анархические элементы в смысле несогласованности отдельных наших выступлений с остальными членами колоний. Сюда я отношу, например, выступления Гасыма Мансурова в газете «Эшче» с известным отрицательным кивком на мою сторону. Не согласовывал он и основных своих постановок брошюр «О татарских провокаторах», «Татары в революции 1905 г.» и др. на татарском языке, ограничившись лишь чтением некоторых выдержек из них.

Я, например, не согласовывал ни с кем моих заявлений в ЦК. Советовался с товарищами лишь по вопросу об ответе на предложения ЦК. Не согласовывал я ни с кем и своих выступлений в печати с отдельными статьями. Не было согласовано и мое выступление на дискуссии по вопросу о латыни.

В «руководстве» со стороны Мухтарова активности не было. Наоборот, его приходилось толкать. Тянуть, наставлять, на что он поддавался очень туго. Он саботировал собрания и не всегда их посещал. Саботировались им и отдельные решения. Саботажем мы считали его уклонения от выступления на рыскуловском совещании (вместе с ним и Сабирова). Саботажем считали мы уклонения его от выступления в СНК РСФСР по крымскому земельному вопросу (кажется, в конце июля или в начале августа 1927 г.), когда он должен был выступить, по данному им крымским работникам обещанию, с защитой их предложений.

Саботировал он и решение большинства колонии (Гас.Мансуров, я и Енбаев, Сабирова в Москве не было) о подготовке платформы по нацвопросу к XV партсъезду.

Связь с другими районами систематического характера не носила. Возник этот вопрос, как конкретная практическая задача, лишь перед XV партсъездом в связи с решением о выступлении с самостоятельной платформой по нацвопросу. Предполагалось под платформу взять подписку, помимо работников Татарии, работников Крыма и некоторых работников Башкирии, Дагестана и Казахстана. С работниками Башкирии переговоры вели по этому вопросу Гас.Мансуров и А.Енбаев, с работниками Дагестана — т.Енбаев. Велись ли переговоры с работниками Казахстана и др. нацрайонов, кто с кем их вел, мне неизвестно. Если велись, то их могли вести лишь тт.Сабиров и Мухтаров, которые были связаны с ними по своим выездам в Казахстан в 1925 году (Сабиров) и 1927 г. (Мухтаров).

Показания Султан-Галиева

20 января 1929 г.

Из докладов, сделанных членами колонии московской группы «правых» тов.Мухтаровым, помню его информацию о поездке его в Казахстан, в Дагестанскую губернию. Сообщение это было сделано на квартире у тов.Енбаева. Присутствовали — тт.Енбаев, я и Гас.Мансуров, Мухтаров и кто-то из Крыма, а кто именно — не помню. Кажется, Мустафин, присутствовал ли Сабиров — не помню. Информация была довольно подробная и содержала указания насчет работы киселевской комиссии вообще, позиции казахских работников и самого тов. Мухтарова. Вынесено было решение предложить тов. Мухтарову войти в ЦК партии со своим мнением по этому вопросу. Особое же его мнение выражалось в поддержке по этому вопросу позиции казахских работников. Сделал ли это тов.Мухтаров — не помню.

IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. Общий вид зала заседаний. Июнь 1923г. Москва

М.Х. Султан-Галиев. 1919 г.
ЦГА ИГД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.36

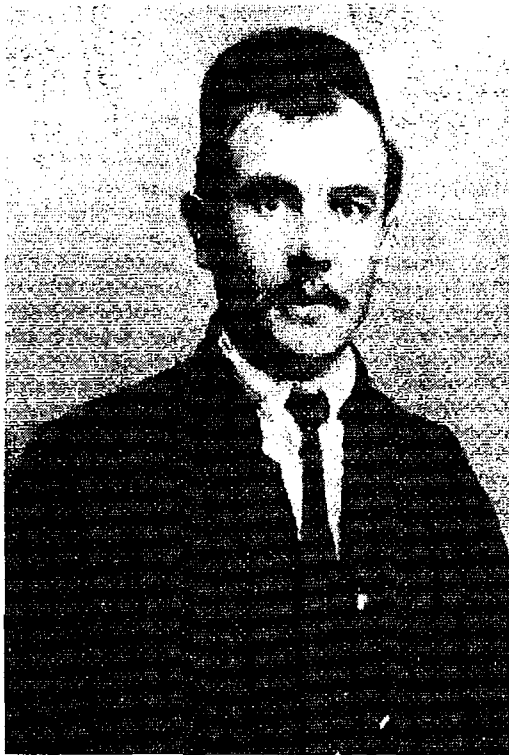
Г.Г.Мансуров. 1923 г.
НА РТ. — Оп.4. — № 3137а

К.Г.Мухтаров. 1923 г.
ЦГА ИГД РТ.— Ф.8146.— Инв.№ 305

Р.А.Сабиров
ЦГА ИГД РТ.— Ф.30. Оп.3.— Д.881

Ю.Н.Валидов
ЦГА ИГД РТ.— Ф.30.— Оп. 3.— Д.175/2

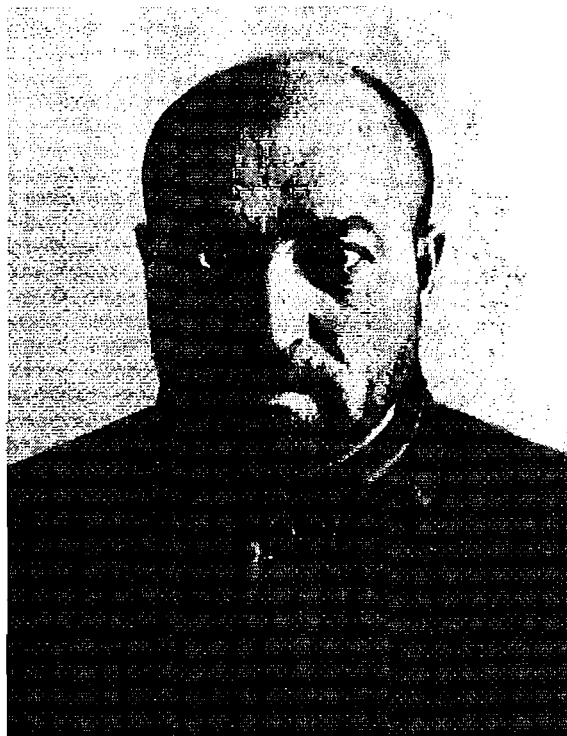

А.М.Енбаев. 1923 г.
ЦГА ИГД РТ.— Ф.8146.— Инв. № 305

М.Ю.Брундуков. 1922 г.
ЦГА ИПД РТ.—Ф.8146.— Инв. № 5

М.Г.Будайли. ЦГА ИПД РТ.— Ф.30.—
Оп. 3.— Д.125/1

И.К.Фирдевс. 1919 г.
ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.36

Президиум III съезда Советов ТАССР. 1922 г.
ЦГА ИПД РТ.— Ф.8146.— Инв. № 5

ПРЕЗИДИУМ ТРЕТЬЕГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ А.Т.С.С.Р. 1922 г. 5/11

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Отдел Восьми Секретариата

№ 21493/

12.01.23 г. Индекс 8237

Т. т. Сталину, Султан-Галиеву, Сарису.

Выписка из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП от 11/1-23 г. № 86.

С л у ш а л и: П о с т а н о в л е н и я:

10. О тов. Султан-Галиеве, тов. Куйбышеве

1/ЦК РКП решительно осуждает поведение тов. Султан-Галиева, выразившееся в выступлениях на заседаниях Б. Коллегии НКВД, предостерегающих мест в присутствии без партийных и предложивших, а также в разрез о подтасованном Фракции РКП X-го Съезда Советов по адресу Союз Республик.

2/Считать нецелесообразным дальнейшее участие тов. Султан-Галиева в коллегии НКВД. Предложить ЦКПЦУ т. Сталину пропустить его решение через Б. Коллегию НКВД.

Handwritten signatures and initials, including a large signature that appears to be 'Kuybyshev' and another 'Nikolay'.

1400/

Правила о порядке хранения см. на обороте.

Выписка из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б). 12.01.23 ЦГА ИЛД РГ. - ф. 8237. - Оп. 1. - Д. 5. - Л. 15. Копия

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммугатор ЦК. Тел. 1-05-27, 1-05-28, 1-05-29, 1-05-30.

При печати учитывать по числу X, число в Отдел.

Г. СЕВЕР
И. Н. В. Д.
Гос. полит. управление
БАШКИРСКИЙ ОТДЕЛ.
11 апреля 1933 г.
№ В/сс.
У ф. а.

Гор. Москва.

Москва

В. оружно. С. секретно.
И в ч и о

НАЧ. ВОСТОЧНОГО ГОСПОЛТРУПРАВЛЕНИЯ
ТОБ. П. ТЕРЕС.

В дополнение к выш. телеграмме № 47/м от 11/IV-33 г. препровождаю при сем подлинник шифровки и дешировку письма СУЛТАН ГАЛИЕВА Цирсиджа, имеющего данное письмо подделанное передаче Башкирскому отделу АДДАГАМОВУ и случайно вместе с письмом на имя жены ТАРДЖИМАКОВА попала в руки одному товарищу, который 10/IV-33 г. его представил в БООПТУ, при чем этим товарищем было заявлено, что письмо он обнаружил у одного своего знакомого, некоего гр. /девушки/ ЮСМА ДОВА Исканья вернувшегося из гор. Москвы, где ему 1-го апреля с. г. ТАРДЖИМАКОВИ, инициальным представителем Центрального Исполнительного Духовного Управления при ЦК Последовала, были вручены прилагавшие при сем два пакета — один адресованный жене Тарджимакова и другой без адреса, пропечатанный в трех местах судругачи, с шифром от письма Султан Галиева. Ввиду того, что вся указанная корреспонденция по сложившимся обстоятельствам, будучи представлена нам в распечатанном виде и с подчеркнутыми переписками Тарджимакова, не могла быть передана по назначению, нами приняты меры законспектирования того, что она доставлена в БООПТУ.

После ряда усилий письмо Султан Галиева нами удалось своим средствами расшифровать — шифры и дешировку всего при сем подлагается на Ваше распоряжение. Письмо было сообщено что оно явилось из Москвы от ТУХВАТЗЕИНА получена телеграмма, в которой при сем прилагалась до вызова в Москву Ермаковарова АДДАГАМОВА. Последний в случае его выезда в г. Москву будет сопровождать нашими разведчиками и передаст под наблюдением агентам БООПТУ.

Не лишне указать, что в связи с неполучением до сих пор времени этой телеграммы лица, упомянутые в докладе за март и-й с. г. сильно волновались и накануне перед получением телеграммы, поинтересовались /по данным агентами: наружи, наблюдения/ собрались на общее частное совещание, на не присутствии на последние и нашего осведомителя вопросы обсуждения пока выявить не удалось. По личному наблюдению Нач. БООПТУ 10-го апреля с. г. перед заседанием Совваркома, в наличие Пред. Совваркома сообщались ХАЛИНОВ, АДДАГАМОВ, БИНАВОВ и другие, где обсуждался какой-то вопрос, особенно заволнованный указанными лиц, что даже было заметно внешне и так как наступило время открытия заседания, то БИНАВОВ и другие, как не имеющие отношения к заседанию, Совваркома, быстро удалялись. Кты Предпоселение, что в этот день АДДАГАМОВИ было получено из г. Москва через кого-либо сообщение от Султан Галиева, возможно предпринятое о посланном им шифровкой письма, которое было было вручено по назначению.

Принимая во внимание сущность содержания шифрованного письма Султан Галиева, необходимо отметить, что, по имеющимся у нас сведениям из личного доклада Исполнительного по Зинлаирскому кантону и из почто-т телеграммы ПО ПТУ по КСФ за № 1401/а от 24/III-33 г. видно, что на границе ВСОГ и НСОГ обнаружена организация по закупке оружия, прироводившего в г. г. Антмоиски и друг. местности. На этот отчет намил, чтобы судить вестись и контакте с ПО ПТУ по КСФ, для чего Исполнительному БООПТУ по Зинлаирскому кантону сделано соответствующее распоряжение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.

НАЧ. БООПТУ: Б. КОЛУГОВ
Врид. Нач. СОЧ: Б. КОЛУГОВ
Нач. СО: Калинин

В е р н о : *Васильев*

Телеграмма Башкирского отдела ГПУ о расшифровке письма М.Х. Султан-Галиева А.Г. Адигамову. 11.04.23
ЦГА ИПД РТ. — Ф. 8237. — Оп. 1 — Д. 5. — Л. 39. Копия

Центральная Контрольная Комиссия В. К. Ц. (Большевиков)

Москва, 1923 г.

Выписка из протокола № 6 заседания партколлегии ЦК РКП(б) 4/5-23

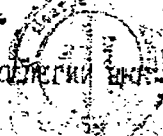
Слушали: Постановили:

1. Письма Султана ГАЛКЕВА, а также и личное объяснение его, свидетельствуют о том, что он пытался связать всех рабочих национала для борьбы с центром, при чем одним из них Султан Галиев даже напоминает о необходимости связаться с Галиевым, при своей борьбе иметь виду поднимавшееся из национальной партии ирредентизм и басмачество и т.д.

2. Султан Галиев из партии исключить как антипартийный и антисоветский элемент. Снять со всех партийных и советских постов. Между того, что часть материала не объяснена - дело доследовать в отношении Султана Галиева - передать в ГПУ.

/Прис. Султан Галиев/

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОЛЛЕГИИ ЦК: *М. Шмаринов*

Выписка из протокола заседания Партколлегии ЦК РКП(б). 04.05.23
ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.5. — Л.50. Копия

Российская Коммунистическая Партия Большевиков. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Отдел: И. Д. Секретариата

16 мая 1923.

СОВ. СЕКРЕТНО.

Председателю СНК тов. МУХТАРОВУ
копия Секретарю Татаркома РКП тов. ИВАНОВУ.

В ответ на Ваше заявление от 8-го Мая с.г. сообщая Вам для сведения:

1. Постановлением ЦКК от 4-го Мая с.г., с которым ЦК РКП согласился, Султан-Галиев исключен из партии с устраниением от всех ответственных советских постов.

2. Дальнейшее расследование по делу Султан-Галиева передано постановлением ЦКК в ГПУ.

Секретарь ЦК: *М. Молотов*

Письмо секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова председателю СНК ТАССР К.Г. Мухтарову о М.Х. Султан-Галиеве. 16.05.23
ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — Оп.1. — Д.857а. — Л.141. Копия

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Утерянное удостоверение не возобновляется.
Видом на жительство служить не может.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ
Беломорско - Балтийского
исправительного - трудового
лагеря

Предъявитель сего бывш. заключен. Беломорско-

Балтийского исправительно-трудов. лагеря НКВД

Султан-Галиев Мирсан Халидар Галиевич

1892 г. р. м. п. франск. из с.п.ч. Батуми Груз.

м.п. Батуми у Вадимов Сер. Колчаковский

по профессии Струнный цом

в армии (красной, старейшей) — служил

осужден Касси 13 января 1931 г.

по ст.ст. 88, 2, 4, 6, 11. УК к заключению

в исправ. трудов. лагеря на 10 лет (год) с 11 де-

кабря 1928 года и окончавшем,

Отдел У-700
Л. Г. Чойдаев 1937 г.
№ 1769/В

Авиль
У/10 - 700.
С.м. Колтыков
25-10-37 Опер. № 109

в соответствии телеграфного
44970 НКВД от 4/11-37

по распоряжению УСО
за № 10834.

освобожден из ББЛАТ досрочно

всего 3 месяца

следует в г. Саратов

где и обязан явиться в Управление

№ 4 - Крестьянской Медицины

для замены настоящего удостоверения

общегосударственный вид на

жительство.

На проезд выданы требования

№ 5 за № 20835/60

до ноября 1937 г.

Настоящее удостоверение действует

на до 10 декабря 1937 г.

Начальник Управления 19 ББЛАТ

Нач. У. В. Вильям

Вильям О. № 1

Форм. 25901-10000

Удостоверение бывшего заключенного Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря НКВД М.Х.Султан-Галиева. 17.11.34
ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.10. — Л.184. Копия

УТВЕРЖАЮ
Зам. Нач. Упр. НКВД
Директор Сар. ЦА
14 марта 1937 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Саратов 1937 г. марта 19 дня
Я, Полковник милиции П.А.ЕЗ отдели 6-го отдела
4-го Управления Государства Безопасности НКВД по Сар. обл.
рассмотрев следственный материал по делу № 3855 и приняв во внимание
что гр. СУЛТАН ГАЛИЕВ Мирсид Хайдар Галиевич 1893 г.р. рожд., быв. жител
МХКВ, по национальности татарин, в наст. судим, гр. и СССР, это имеет под
новки Саратов. Лазаревского, проживает в Саратове, Клинический пост, Новоузе
ский переулок, дом № 15.
достаточно известно в том, что проводит контр-революционную деятельность
степени двухлетней, т.е. в преступлении виноват и признан ст. 58 п.п.
1 и 11 УК СССР

ПОСТАНОВИЛ:

гр. СУЛТАН ГАЛИЕВ М.Х. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.
58 п.п. 10 и 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда
избрать содержание под стражей при Саратовской тюрьме.

и/о. Уполномоченный Г. Милоцкий (И.П.А.С.)
исполнитель Нач. У. Седина (И.П.А.С.)
Держанин Г.Е. (И.П.А.С.)
Милиционер Нач. 4-го отдела У.Е. У.И.С. (И.П.А.С.)
по Саратов. ЦА ЦА НКВД
Настоящее постановление вступает в силу с 19 марта 1937 г.

Подпись обвиняемого М. Султан-Галиев

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения М.Х.Султан-Галиеву. Саратов, 18 марта 1937 г.

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Особый фонд. — Дело Султан-Галиева Мирсида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.2

Ордер на арест М.Х.Султан-Галиева. Саратов, 19 марта 1937 г.

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Особый фонд. — Дело Султан-Галиева Мирсида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.4

по Саратовскому краю

ОРДЕР № 85

Выдан 19 марта 1937 г.

Добывателем 1-го отдела

Сотруднику 4-го отдела

Тов. Успенский

Вам поручается произвести обыск
и арест гр. Султан Галиев
Мирсида Хайдар-
Галиевича

Проживающ. в Саратове
Клиническом новом
Новоузенском переулке
дом № 15

Нач. У.Е. Успенский
Нач. Оборода Успенский

Всем органам Советской Власти
и гражданам СССР подлежит оказывать
законное содействие при исполнении
ордера, при выполнении им
возложенных на него функций.

Handwritten notes and signatures at the bottom of the order.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Султан-Галиев
 2. Имя и отчество Мирсаид Мирсаидович
 3. Дата рождения: число 19 и месяц Июль год 1896.
 4. Место рождения Саратовская губерния, Саратов районный уезд, ст. Монастырь
 5. Место рождения (район) Саратов, Коммунистический район, Ново-Мон. ВСОА № 4, ул. Кирова № 9, кв. 15.
 6. Профессия и специальность Инженер; Железнодорож.
 7. Место службы и должность или род занятий Саратовский Областной отдел милиции, К. Кадомцевский район
указать по возможности название учреждения, организации и характер профессии
 8. Поступил в армию в 1935 году в качестве рядового
 9. Социальное происхождение отец - рабочий, инженер, мать - др. работница, все - рабочие в коммунальном хозяйстве
 10. Социальное образование Среднее и высшее специальное образование
 а) до революции Высшее
 б) после революции Среднее
 11. Образование (общее и специальное) Специальное - железнодорожное, Высшее - Среднее
 12. Политическая принадлежность и занятия в прошлом - член ВКП(б), сейчас - беспартийный
 13. Наименование и принадлежность организации (банки); Инженер / Ташкент. Банк); Чл. - фракции ВКП(б)
в настоящее время ФСО Особый фонд - ЦСМММ - Ташкент Мирсаид Хайдаргалиевич - Т. 1 - Л. 7 об.

Анкета арестованного М.Х.Султан-Галиева. Саратов. 19 марта 1937 г. ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р-38555. — Особый фонд. — Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т. 1. — Л. 7, 7об.

14. Категория воинского учета забросил и где состоит на учете. не в учете
 15. Служба в армии и др. к-р. поимка, участие в боях и полученных ранениях (указать по числу и характеру ран).

16. Какие репрессии подверглись при Сталинском культе, арест и др. (указать органы и на что). Арест 1937. За убийство жд. машин Мираидаи Е. Е. в августе 1937 года (железнодорож. милиции), убийство жд. машин (железнодорож. милиции), убийство жд. машин (железнодорож. милиции) в августе 1937 года.

17. Состав семьи. в Саратове - дочь Раиса Султан-Галиевна, работница; в Саратов в Коммунистическом районе - брат, Радик Султан-Галиев; в Москве - брат, Мирсаид М. Х. в 1937 г. в Саратове, в настоящее время.

Подпись арестованного М. Султан-Галиев

3. Особые письменные примечания
 4. Как и когда арестован 14 марта 1937.
 5. Где содержался под стражей Саратов. тюрьма
 6. Особые замечания

Подпись сотрудника, заверившего документ Шевалев
 20 марта 1937 г.

Примечание: Анкета заполняется лично и раздается со всей ответственностью и при добросовестности.

УТВЕРЖДАЮ

8.11.1939 [Signature]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об изменении ^{квалификации} состава преступления)

1939 г. Мая 31-го дня. Город Москва
я. ст. опер. Смиаков от-ния 4 отд. 2 отд.
(должность и фамилия)

Главного Управления Тосуд. Бюро НКВД
рассмотрев дело № 2389 по обвинению гр. Султан-Галиева
Мирсаида Хайдар-Галиевича

по ст. ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приняв во внимание, что
Султан-Галиев на протяжении ряда лет являлся одним из идеологов и руководителей антисоветского кадетско-княжеского подполья в СССР и поддерживал тесные личные и штильские связи турецкими, иранскими, а также восточными кругами и мажарской белой эмиграцией — ПОСТАНОВИЛ:

принять в откосении гр. Султан-Галиева Мирсаида Хайдар-Галиевича обвинение по ст. 58 п. 10

наказать по ст. ст. 58 п. 10, 58 п. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР

ст. опер. Уполномоченный 4 отд. 2 отд. Т.И. Смиаков
„СОГЛАСЕН“ Нач. 4. Отделения 2 отд. Т.И. Смиаков

Настоящие обвинение или обвинение № 2389 в деле Султан-Галиева Мирсаида Хайдар-Галиевича № 2389 — Особый фонд.

Постановление об изменении квалификации состава преступления М.Х.Султан-Галиева. Москва. 31 мая 1939 г.
ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Особый фонд. — Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т. 1. — Л. 2а

В И П И О Н А

НЕ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
ОСОБА ООР

№ 6/20/00

20 ЯНВАРЯ 1940 Г.

Г. МОСКВА

О К У Ш А Л И К: 76. Ходатайство о помиловании Султана-Галиева Мирсаида Хайдара Галиевича, осужденного 6 декабря 1939 года приговором военной коллегии Верховного Суда Союза ССР к вводу в дело наказания по ст.ст. 58-1 "а", 58-2 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайство о помиловании Султана Галиева Мирсаида Хайдара Галиевича отклонить.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА ССР
М. ВОЗНИКОВ (МАЗУРОВ)

ВЗ

Выписка из протокола
заседания Президиума
Верховного Совета
СССР

ЦАФСБ РФ. — Ф.Р. 38555. —
Особый фонд. — Дело
Султан-Галиева Мирсаи-
да Хайдаргалиевича. —
Т.1. — Л.152

076013

151
Секретарь

СПРАВКА

Приговор о расстреле Султан Гали

Мирсаида Хайдар Галиевича

судимый в СССР
днем в год. ноябрь 28 I 1940

Акт с приложением приговора в исполнение хранится в
особом архиве 1-го Службы НКВД СССР том № 19
лист № 118

Справка о приведении в
исполнение приговора о
расстреле М.Х.Султан-Га-
лиева

ЦАФСБ РФ. — Ф.Р. 38555. —
Особый фонд. — Дело
Султан-Галиева Мирсаи-
да Хайдаргалиевича. —
Т.1. — Л.151

НАЧ. 12 отд-ния 1 СЛУЖБЫ НКВД СССР
Дополнительное государственное

И. В. Сидорова

КРИВИЦКИЙ

КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

Форма № 36
СЕКРЕТНО
Экз. № 2

№ 376013
В Особ. Особ. Служб.
МВД СССР

15 ноября 1956 г.

№ 0014/56

Воронежского, д. 13

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ
У МВД ПО САРАТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ
НАЧАЛЬНИКУ I СПЕЦОТДЕЛА МВД СОЮЗА ССР
ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

03/1068

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче
свидетельства

свидетельства
о смерти её (матери) отца СУЛТАН-ГАЛИЕВА М.Х.

Сообщаю, что СУЛТАН ГАЛИЕВ Мирсаид Хайдаргалеевич

1992 года рождения, был
сужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 8 ноября
1939 года и, отбывая наказание, умер 14 сентября 1943 г.

Гр. ЛУДНИЦА Р.И. проживает по адресу:

село Пижмы Банковья, Болотовского района, Саратовской области.

257064
4 Зам. Председателя Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИНИЦ
5-1108-38

Судейский секретарь
Военной Коллегии Верховного Суда СССР
555069
15.11.56

/В. ВОРИСОГЛЕВСКАЯ/

Был ли сделан аналогичный доклад тов. Сабировым после поездки его в 1925—1926 г.г. в Казахстан (по разрешению спорных вопросов между Казахстаном и Оренбургом) — не знаю. Но мне известно, что докладная записка по этому вопросу тов. Сабирова в ВЦИК составлялась тов. Мухтаровым. Содержание этой докладной записки не знаю.

Тов. Сабиров вообще прибегал к помощи отдельных товарищей по составлению отдельных его докладных записок и статей. Так, его статья, направленная в «Правду» в 1927 г. в связи с совещанием уполномоченных ВЦИК по районам, но [не] напечатанная, была составлена по его материалам мною. Составлял я статьи и для тов. Енбаева. В последнем случае общая установка вырабатывалась сообща предварительно.

Из докладов т. Енбаева в колонии я помню информационное его сообщение о поездке в Татарскую республику перед одной из татоблпартконференций, когда по инициативе, кажется, ультраевых (Шаймарданова и др.) был поставлен вопрос о блоке между «правыми» и «левыми» против руководства т. Хатаевича.

О связи с беспартийными работниками Татарии т. Мухтарова мне известен (через т. Енбаева) случай передачи т. Мухтаровым бывшему татаркомздраву Фатыху Мухамедьярову проекта обращения беспартийной татарской интеллигенции к Советской власти по вопросу латыни.

Показания Баширова Али

23 января 1929 г.

В период, когда Енбаев жил у меня, его посещали Мухтаров, Султан-Галиев, Сабиров, Мансуров Гасым, Фирдевс и др., которых я не помню. Из этих лиц через Енбаева произошло мое знакомство с Мухтаровым, Сабировым и Мансуровым, остальных двоих знаю еще по работе в Крыму.

Показания Султан-Галиева

30 января 1929 г.

По служебным командировкам на места выезжали тт. Г. Мансуров — на Урал и Сибирь в 1926 г. для проведения совещаний по вопросам просвещения нацмен, т. Сабиров — в Сибирь (1926 или 1927 гг.) для проведения краевого совещания по работе среди нацмен, в Казахстан (1925 г.) по пограничному спору между Оренбургом и Казахстаном и на Северный Кавказ (кажется, два раза: в 1927 г. и 1928 г.), т. Мухтаров — в Казахстан по земельным спорам и Джетысу и т. Енбаев — в Дагестан (начало 1927 г.), в Башкирию (в конце 1927 или в начале 1928 г.). Во время работы в Плодовинсоюзе т. Енбаев, кажется, съездил один или два раза и в Крым. Эти служебные выезды начинались лишь с июня 1928 г. Я был два раза в Татарии (первый раз проводил областное собрание уполномоченных охоткооперации Татарии, Чувашии, Маробласти), второй раз — для организации закрепления Татохотсоюза в его периферии Всеохотсоюзом. Третья моя командировка предусматривала посещение Казани, Маробласти, Вот. области (Ижевск и Глазов) и Башкирии (Уфа и все кантонные центры). Успел я свою командировку осуществить лишь в отношении Казани, Краснококшайска, Ижевска и Глазова. Накануне выезда в Башкирию я был арестован вами.

ЦГА ИЦД РТ. — Ф. 8237. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 154—165. — Ксерокопия.

1 июня 1929 г.

Сов. секретно

Показания Султан-Галиева

Гасым Мансуров — народный учитель, некоторое время — рабочий. В партию вступил в 1917 г., до октября. Работал в органах Чека в Средней Азии. Примкнул к нам в 1920 г. после объявления Татареспублики. Работал в Татарии вначале в качестве татаркомвнудела, а по возвращении из Средней Азии вел партийную работу по линии Обкома партии. Будучи отозван в Москву, работал сначала в Центроиздате, а затем в НКПросе в качестве зав. совнацмена, в настоящее время ведет научную работу. Автор нашумевшей в свое время брошюры на татарском языке «О татарских провокаторах».

Показания Султан-Галиева

б/д

Вели объяснял мне, что он заманил к себе на квартиру Амета (Хайсерова) обещанием амнистии, т.к. в горах, где он скрывался, началось скопление разных темных элементов и одновременно брожение среди населения, и что он действительно входит в переговоры с центром об амнистии Амету. Со слов Вели выходило, что он уверен в том, что рано ли, поздно ли он добьется этой амнистии. В подкрепление своей уверенности он сослался, во-первых, на то, что по его сведениям, якобы, было, наоборот, нападение на самого Амета, а во-вторых, на заслуги Амета в 1921 г. по ликвидации бандитизма в горах.

Относительно того, почему он пустил его к себе на квартиру, Вели объяснял, что это условие, как гарантия безопасности, выставлено было при переговорах с Аметом. Людей, присутствующих за обедом, Вели выдал за людей, которые помогли ему заманить к нему Хайсерова.

Вели взял у меня слово для того, пока вопрос о судьбе Хайсерова не разрешится в центре, никому об этом не говорить. «Иначе все может расстроиться», — подкрепил он свое требование.

Тем не менее я все же рассказал об этом, правда в общей лишь форме, Сабирову, когда он приехал недели на две позже этого на Южный берег Крым. Помнит ли он это — не знаю: мы оба были тогда под сильным влиянием винных паров.

Впоследствии, уже во время суда над Вели, я как-то рассказал об этом эпизоде Гасыму Мансурову.

Показания Хайсерова Амета

18 января 1929 г.

Во время приезда Султан-Галиева в 1927 г. я скрывался на квартире у Вели Ибраимова, там же и произошла моя с ним встреча. Это было при следующих обстоятельствах:

У Вели на квартире собрались Осман Джелиялов, Мустафа Абдулла (убит), Алимка Измаил и, кажется, Бродский, но не помню точно, заходил ли он только в кабинет, или был в столовой, тут же был и Вели, который пришел после остальных и мальчик, живший у Вели — не то Рауф, не то Эскандер. Сидели, выпивали, вели разговор о сопровождении меня на Кавказ.

10 апреля 1929 г.

Гасым Мансуров, бывший народный учитель, рабочий, в партии с 1917 г. с дооктябрьским стажем. Знаю его с 1918 года. В 1919 году во время II-го съезда комнарвостока был против нац. «левых» в нацвопросе. При поддержке русских работников Казани, противников объявления Татареспублики (Ходоровский, Ендаков и др.) был выдвинут членом ВЦИКа от Казани. Пришел к нам после разрыва с Саид-Галиевым на почве их конкуренции между собой. Слабой его стороной является неуживчивость его характера. По исключении меня из партии требовал от «правых» отмежевания от меня, а также от Валидова. Постепенно, однако, отказался от этого своего требования. Работой московской колонии «правых» был недоволен, находя ее слабой и бессодержательной. Требовал большой организационной четкости и большой активности в установлении и закреплении связи с работниками других нацрайонов. Постановка у него сводилась к требованию:

— или работать, но работать как следует; или же надо идти в ЦК партии и договориться с ним. «Середины» в этом отношении он не признавал. О его отношении к оппозиции я уже говорил. По вопросу о правой опасности мне с ним не удалось говорить, но я знаю, что он стоит за борьбу с этой опасностью. Последний раз я его видел в октябре, заходил к нему сам. В разговоре коснулись вопроса о программе Коминтерна по колониальному вопросу, принятой VI Конгрессом КИ и опубликованной лишь в сентябре или октябре. Разговор был короткий, но вразумительный:

— Ну как, читал программу Коминтерна по колониальному вопросу? — спросил Гасым.

— Читал, — я говорю, — но пока поверхностно и еще не углубился.

— Ну, а как понравилась? — спрашивает он меня повторно.

— Понравилась, — говорю.

— Программа хорошая, — заключает Гасым, — можно их поздравить.

Разговор был серьезный, без смеха и шуток. Искреннее признание «за спиной Коминтерна» его безусловной победы по тюрко-колониальному вопросу.

В душе же я подумал: по-видимому, это есть заключительный аккорд моих попыток противопоставить Коминтерну «новую» теорию по колониальному вопросу.

Я думаю, что приведенный разговор лучше всего иллюстрирует действительное лицо и действительное моральное состояние Гасыма Мансурова за последние месяцы нашей «правой жизни».

Показания Ерзиной Закие

18 декабря 1928 г.

Султан-Галиев все время расспрашивал, продолжаю ли я работать в ГПУ, я ему отвечала, что нет, он не верил и все упрекал, что я, как будто работая в ГПУ, скрываюсь от него.

Характерно, что до этого времени он и его товарищи вообще приглашали нас всегда к себе, вообще мы входили в их круг, а с этого момента отношения совершенно изменились. Первое время они по традиции старались нас (с мужем) приглашать к себе, но при разговорах мужчин, как Мухтарова, Мансу-

рова, Енбаева, Муртазина (работал в Академии Генштаба), Брундукова, Ганиева — из Татарии, Фирдевса, Дерен-Айерлы — из Крыма и др., — они выходили в другие комнаты. Потом они нас совершенно перестали приглашать к себе и даже Мирсаид Султан-Галиев и его жена Фатима перестали заходить к нам.

Показания Султан-Галиева

6/8

Я лично присутствовал на двух крымских заседаниях. И оба раза случайно. Первый раз — в августе 1926 г. на квартире у т.Дерен-Айерлы, к которому меня повел тогда один из молодых товарищей, кажется из московских коммунистов. И второй раз — на обратном пути из Южного берега в том же году, у т.Ногаева, у которого я остановился ночевать. Это был момент кризиса крымской «правой», когда она в связи с отзывом из Крыма тов.Дерена, а также Фирдевса раскололась на две фракции: деревовскую и фирдевскую. На первом заседании я непосредственного участия не принял, я сидел в соседней комнате. Кто был на этом собрании, не знаю. Мне сказали потом, что это была группа «правых» крымских товарищей, недовольных снятием Дерена из Крыма и ставивших вопрос об организации кампании за возврат его в Крым. Оставшиеся после заседания товарищи, среди них я помню тт.Дерена, и, кажется, Аблямитова и Сейдаметова, информировали меня о сущности вопроса и спросили мое мнение по этому вопросу. Вопрос шел, если не ошибаюсь, об отношении к тактике «передышки», выдвинутой тов. Фирдевсом после ухода из Крыма Дерена и необходимости вступления в известное соглашение с т.Петропавловским. В противовес этому товарищи выдвигали, наоборот, тактику «наступления» на Областком по отдельным конкретным вопросам крымской жизни.

Второе заседание, на котором я оказался таким же невольным участником, было заседание уже противной стороны — т.Фирдевса. На нем участвовали, насколько помнится, тт.Гумер Ибрагимов, Фирдевс, Ногаев, Сейдамет — он успел перейти в это время в эту фракцию (и еще один или двое товарищей, фамилии которых не помню). «Заседание» состояло в том, что товарищи обрушились на меня и на казанских товарищей вообще, обвиняя нас во вмешательстве в их внутренние дела, и требовали от нас воздействия на Дерена и солидарности с ним товарищей в том направлении, чтобы они отказались от своей тактики «наступления».

Показания Султан-Галиева

18 января 1929 г.

После отзыва из Казани Мухтарова, Гас.Мансурова и Енбаева руководство «правыми» перешло в руки Сабирова, Багаутдинова, Фасхи, Брундукова, Ганиева и Будайлы.

Причем Сабиров тянулся к сближению с пришедшими к власти бывшими левыми эсерами — Гал.Ибрагимовым и его группой и их ставленником Гибадуллиным.

Последнее обстоятельство вызвало недовольство как со стороны части местных работников, так и центральных. В результате Сабирову было предъявлено

требование выступить на V съезде Советов против Гибадуллина с угрозой исключения из группы «правых» в противном случае. Это был тактический маневр по отношению к Сабирову в целях изоляции его от непосредственного руководства на казанскую группу «правых». Нам было ясно, что результатом его выступления против Гибадуллина будет снятие его с поста председателя Тат.ЦИКа и отзыв в Москву, что и произошло в действительности.

Показания Султан-Галиева

22 февраля 1929 г.

Я знаю лишь один случай, когда московские товарищи обсуждали косвенно вопрос о землеустройстве в Крыму в связи с вопросом переселения евреев. Конкретно вопрос шел о нашем содействии организации движения за переселение в Крым среди татарского населения внутренних (русских) губерний РСФСР, причем этот вопрос был поставлен экспромтом приехавшими тогда в Москву двумя крымскими работниками — Мустафиным и работником Крымсельхозбанка Юнусовым. Вопрос обсуждался весной и в начале лета 1927 г. у т. Енбаева в той его квартире, где он столуется, т.е. у Башировых. Мы были приглашены т. Енбаевым на ужин. Обсуждение вопроса происходило после ужина в отдельной изолированной комнате с участием тт. Енбаева, Мустафина, Мухтарова, меня, Юнусова и, кажется, Сабирова. Был ли Гасым Мансуров, не помню. Крымские работники поставили вопрос вообще об оживлении работы московского центра (мы впервые услышали тут этот термин), находили, что мы ничего не делаем, а «спим», что о нас «не слышно ни слуху, ни духу» и предложили нам заняться хотя бы вопросом организации движения среди татар внутренних районов РСФСР за переселение в Крым.

Тон задавался по всему этому вопросу Мустафиным. Московские товарищи в ответ на последнее предложение указали, что они принципиально против переселения татар внутренней России в Крым не возражают, но затрудняются сказать, насколько возможно практическое осуществление этого дела, т.к. вопрос этот совершенно не изучен и ни разу среди нас не поднимался и что можно будет поговорить по этому вопросу с работниками соответствующих районов. Я же в своем выступлении указал, что по моим наблюдениям (я подразумевал мои разговоры с выходцами на отхожие промыслы из этих районов до и после составления мной моей анкеты о состоянии татарской деревни, но о самой анкете умолчал), это дело можно организовать и организовать в широких размерах, опираясь исключительно лишь на кустарей, ремесленников и сезонных рабочих (строителей и пр.) и вообще отхожее население в городах, в частности, в Москве. Постановка о широкой организации этого дела встретила, однако, возражение со стороны Мухтарова и Енбаева, указавших, что постановка эта, при отсутствии уверенности в том, что сагитированное население действительно найдет необходимую поддержку на месте и сумеет устроиться, может дать лишь обратные результаты.

«Массы двинем, а на деле окажется, что двинули-то их напрасно», — вот мотив, который выдвинули эти товарищи.

Решено было все же прозондировать почву.

63. Из меморандума следственных материалов на А.М.Енбаева

1 июня 1929 года
Сов. секретно

Показания Баширова Али

3 января 1929 г.

Остальные документы, обнаруженные у меня при обыске (разн. материалы, записки и проч.) принадлежат тов.Енбаеву, который после переезда на новую квартиру оставил свои бумаги в моем письменном столе и с тех пор (1927) они хранились у меня. Он столуется у меня, часто бывает у меня, а также иногда приглашает ко мне и других товарищей, как напр. Мухтарова, который бывал у меня раза 2—3.

Заявление Булушева т.Сталину и т.Молотову оставлено у меня им самим для напечатания на машинке, что я и сделал, а он не успел отправить по адресу. С Булушевым я в дружеских отношениях, так же, как с Енбаевым, с которым вместе жил и учился в Харькове, и являюсь тем самым другом с детства.

Показания Турупчи

12 января 1929 г.

Письмо об организации постоянной партии было написано Енбаевым или Султан-Галиевым в Крым Мустафину для подготовительной работы к созыву съезда в Крыму. Предполагалось послать туда Баширова. Для соответствующей конспирации этого последний должен был поступить служащим Крым-винтреста и поехать для работы по этой линии в Крым. Соответствующие переговоры в Москве об устройстве Баширова в Крым были между Енбаевым, Мустафиним, Муслюмовым, Фирдевсом, но в связи с тем, что стало известно, что ГПУ знает об этом, это не было произведено. Я помню, что я присутствовал при разговоре Баширова с Муслюмовым (на квартире первого) и у меня осталось впечатление, что они друг друга знают очень хорошо. Тогда же на квартире у Баширова между ним и Муслюмовым шел разговор об устройстве Баширова на службу в «Массандру», находящуюся в Крыму в двух верстах от Ялты.

Показания Баширова Али

22 февраля 1929 г.

В 1925—1926 гг. мне часто приходилось слышать разговоры Султан-Галиева, Енбаева и, возможно, других лиц по вопросу о землеустройстве и вообще политике по земвопросу в Крыму, причем они отрицательно относились к вопросу переселения некрымского населения (евреев) в Крым и тем методам разрешения земельного вопроса, который предполагался центром. Помню, как-то я спросил у Енбаева, почему он и другие татработники (у меня тогда сложилось такое убеждение, что кроме них аналогично на этот вопрос смотрели и Мухтаров, Сабиров, Мансуров и др.) относятся отрицательно к вопросу переселения евреев, то он мне объяснил это так — необходимо первоначально удовлетворить земельные нужды местного населения, а потом ставить вопрос о переселении со стороны.

К этому периоду, между прочим, относится учащение встреч Енбаева с крымскими работниками: так, я помню, что как-то в Крымпредставительстве была вечеринка, на которой участвовал и Енбаев, о чем он мне сам рассказывал, кажется, на этой же вечеринке был и Султан-Галиев. По какому поводу устраивалась вечеринка — не знаю.

Показания Султан-Галиева

10 апреля 1929 г.

Ариф Енбаев — бывший левый эсер в общей русской организации. Знаю его с 1918 г. по его работе в общем (а не мусульманском) в Окружном казанском военном комитете. Во время разгона Мусульманского военного съезда занимал примиренческую позицию, стараясь разрешить этот конфликт по возможности безболезненно. Это была общая точка зрения вообще всех левых эсеров, вплоть даже до максималистов (Шахид Ахмадиев). Позднее я соприкасался с ним по работе его в Центральном мусульманском комиссариате в отделе наробраза, а затем в Центромусвоенколлегии. В коммунистическую партию он вступил, кажется, в 1919 году. Знаю его также по работе в Татреспублике в период нахождения у власти «правых». Во время пребывания его в Москве находился в постоянной связи с ним, особенно после устройства моего на работу в ЦКС. С переходом моим во Всекохотсоюз связь эта ослабела. Считаю его одним из крупных работников, могущих работать во всесоюзном масштабе. Человек, безусловно, преданный советской власти и партии. В кооперативную работу окунулся «с головой». Работал, не жалея сил. Неутомимый и энергичный работник. По вопросу об отношении к правой опасности стоял за необходимость борьбы с этой опасностью, но с тем, чтобы поставить перед партийными органами вопрос об изменении нацполитики по линии усиления темпа хозяйственного и культурного строительства в нацрайонах. Правую опасность мы с тов. Енбаевым реально ощущали и испытывали на своей спине по линии кооперации, особенно сельскохозяйственной, где работали реальные «творцы» соц. экономической базы этой опасности, как Садырин, Избеков и др. идеологи кулацкого хозяйства из «беспартийной» русской интеллигенции.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.68—70, 75—77.— Ксерокопия.

64. Из меморандума следственных материалов на Р.А.Сабирова

1 июня 1929 года
Сов. секретно

Показания Султан-Галиева

18 декабря 1928 г.

Сабиров Рауф — рабочий, с партийным стажем, кажется, с 1917 г. или 1918 г. Примкнул к нам в момент прихода нашего к власти в Татреспублике в 1921 г. Был пред. ЦИКа Татарии с 1921 по 1925 г., а после отъезда в Москву работает в отделе национальностей при ВЦИКе.

23 января 1929 г.

В период, когда Енбаев жил у меня, его посещали Мухтаров, Султан-Галиев, Мансуров Гасым, Сабиров, Фирдевс и др., которых не помню. Из этих лиц через Енбаева в разное время произошло мое знакомство с Мухтаровым, Сабировым и Мансуровым, остальных двоих знаю еще по работе в Крыму.

Показания Султан-Галиева

24 января 1929 г.

По поводу тенденций тов.Сабирова к отрыву от нас, вернее от меня, сообщаю следующее:

Как-то весной я вместе с т.Ганеевым зашел к тов.Рамзи. Тов.Ганеев уезжал после съезда Кустпромкооперации в Казань и зашел к Рамзи за своими вещами. У Рамзи сидели тт.Сабиров, Фатхи Бурнаш, Рамзи и Фарзильслам Агеев. Все товарищи были навеселе. Особенно тов.Сабиров. Предложили выпить и нам, но мы отказались. Завязался разговор о газете «Эшче». Завел его тов.Рамзи в форме вопроса: «У нас стоит вопрос об улучшении газеты «Эшче» («у нас» в смысле работников «Эшче»), как вы думаете на этот счет, товарищи?» Разговор с начала же принял форму перебранки. Причиной этого явилось то, что я вначале же шутя заявил: «Какой же может быть разговор о газете «Эшче». Это разве газета? Это просто мешок для сплетен».

Я видел, что присутствовавшие товарищи не в состоянии вести серьезный разговор.

Мое заявление вывело тов.Сабирова из себя. Началось с указания, какое я имею право вмешиваться в их разговоры и вообще каким образом я попал к Рамзи и почему потом оказалось, что Рамзи при содействии тов.Сабирова назначен секретарем газеты «Эшче» и уже работает там (я об этом до того времени не знал) и, очевидно, мое шутовское заявление обидело Сабирова. И он почему-то назвал меня «татарским Шульгиным» и заявил, что у него и у группы других товарищей (он указал на Рамзи и Ф.Бурнашева) имеется решение отколоться от «правых», что ими твердо решено принять целиком программу и тактику руководящей группы партии — ЦК партии и т.д. Заявлено было также, что ими политика тов.Хатаевича в Татарии целиком разделяется.

Сравнение меня с Шульгиным повлияло и на меня, и я, обидевшись, ответил Сабирову, что, очевидно, его решение разрыва с нами продиктовано, если только это верно, не тем, что у него вдруг переменялись взгляды и он стал ярким сторонником ЦК, а, видимо, желанием вернуться в Татарии и занять вновь пост председателя ТатЦИКа. Это вызвало новую ругань со стороны Сабирова по моему адресу, а затем он занялся уговариванием Ганеева перейти в их «новую» группу. Все это я воспринял как «очередное» пьяное выступление тов.Сабирова, т.к. в пьяном виде он иногда выступал против меня и моей тактики. Ганеев же только посмеялся.

В разговор хотел вмешаться Ф.Агеев, но его остановил, в довольно резкой форме, тов.Ганеев. Присоединился потом к нему и сам тов.Сабиров и потребовал от Агеева оставления им собрания. Агеев, изрядно выпивший, отка-

зался. Тогда Сабиров увел его с собой из комнаты и занялся его уговором в коридоре. Потом они вернулись обратно, Агеев выпил еще рюмку водки и ушел. Фатхи Бурнаш все время лежал на постели и в разговор не вмешивался. Все, что им было сказано, это было краткое — «бросьте ерундовские ваши разговоры».

После ухода т.Ф.Агеева мы с Ганеевым тоже вскоре ушли, т.к. ему надо было ехать на вокзал. Поехал с нами же и Сабиров.

Из этого эпизода я сделал вывод о том, что, очевидно, в связи с назначением в Татарии тов.Разумова и переговорами с ним тов.Сабинова (в одном из предыдущих своих показаний я указал, что переговоры должны были вестись Сабировым и Мухтаровым, с общего нашего согласия, участвовал ли в нем в действительности Мухтаров и велись ли вообще эти переговоры — я не знаю) намечается линия на раскол «правых» с отходом от них части товарищей на основе блока с группой бывших левых эсеров (еще до этого блока этот предлагался через тов.Сабинова группой работников Башкирии во главе с Гасымом Касимовым, бывшим левым эсером, всей группе «правых» в связи с конфликтом Гасыма Касимова, а также Кушаева и, кажется, Гисматуллина, с секретарем Обкома Башкирии т.Юревичем). Говорю о группе бывших левых эсеров потому, что, по моим предположениям, Сабиров имел с ними более или менее тесное соприкосновение по линии его близости к тов. Габидуллину, а также к Гал.Ибрагимову.

Показания Султан-Галиева

10 апреля 1929 г.

Сабиров Рауф — рабочий-шахтер. В партии с 1917 или 1918 года. Познакомился с ним в 1921 году после разрыва его с Саид-Галеевым и «левыми» и назначения его Пред. ЦИКа Татареспублики. Обстоятельства этого его разрыва с «левыми» мне неизвестны. В нашу среду втянулся в процессе практической работы в Татареспублике. Человек способный, имеет хорошее чутье и нюх. Хороший практический работник. Единственный и индивидуальный недостаток — это его некоторое пристрастие к вину. Политическим его недостатком является, по-моему, неустойчивость в политической борьбе и вытекающая отсюда приспособленность к тому течению или группе, которое обещает быть сильным. Отсюда его критическое отношение, в частности, ко мне. Меня он считал упрямым и непримиримым человеком, неспособным к лавированию и приспособлению. Отношение у него к совласти и партии, по моему мнению, честное и преданное. Мое вмешательство в дела татарских «правых» ему не нравилось, может быть, потому что обыкновенно оно направлялось в большинстве случаев против его оппортунистических, по моему мнению, постановок. Когда он стал блокироваться одно время (в 1924 г.) с Габидуллиным и его группой и наши товарищи поставили вопрос об исправлении его линии, то я поддерживал тактику жесткого нажима на Сабирова. Он поэтому справедливо считает, что в его отзыве из Татарии есть и моя доля «вины». Признание ошибочной политической линии «правых» у Сабирова созрело раньше, чем у всех других. Он еще летом в резкой форме ставил передо мной вопрос о необходимости покончить с нашей групповой борьбой и примкнуть безоговорочно к тов.Сталину, т.е. к генеральной линии ЦК

партии. Я думаю, что это его заявление отражало искреннее его настроение, а не перемену тактики в борьбе.

Последний раз виделся с ним летом 1928 года у Рамзи, о чем я уже писал. Должен был зайти к нему еще за день — за два до отъезда в Казань. В последний раз созвонился было с ним, но, занятый делами, не успел.

По моему мнению, если к нему подойти правильно, из него выйдет преданный сторонник руководящей группы большинства ЦК партии. Надо будет только потребовать от него, чтобы он бросил пить и послать его на некоторое время для восстановления и укрепления его пролетарских чувств на производство, хотя бы в Донбасс.

Показания Султан-Галиева

29 декабря 1928 г.

Со Средней Азией, Казахстаном, Северным Кавказом и т.д. никаких связей у нас не было. Вопрос об установлении связи с этими районами поднимался мной и т.Сабировым в разговоре между нами летом 1927 года в Крыму во время нашего нахождения на курорте. Тогда сильно развила свою работу оппозиция, и мы, разговаривая с ней о нашем положении, приходили к выводу, что у нас нет четкости, организационное состояние работы крайне слабо и отсюда говорили о необходимости изменения методов и форм, связях с другими, кроме Крыма и Татарии, районами и т.д.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.5.— Л.87—92.— Ксерокопия.

65. Из меморандума следственных материалов на И.К.Фирдევса

1 июля 1929 г.

Сов. секретно

Показания Султан-Галиева

13 декабря 1928 г.

К моему делу 1923 года никто из них никакого отношения не имел, за исключением Фирдევса, которому тогда мною было послано секретное письмо, о чем я в свое время дал подробные показания.

Показания Султан-Галиева

14 декабря 1928 г.

Второй случай, когда приезжали ко мне на квартиру Вели Ибраимов сам, летом 1927 г.— вместе с ним тогда приехали ко мне Фирдევс и, насколько помню, Памукчи или С.-Я.Умеров.

Показания Султан-Галиева

14 декабря 1928 г.

Один раз, когда я ездил в Крым в 1926 г., я встретился с Фирдევсом, остановился у него на квартире, но говорить с ним много не пришлось: днем он был занят на службе, а вечером уходил — куда не знаю.

Петерс: «Когда Вы приезжали в Крым, у кого Вы останавливались?»

Султан-Галиев: «В 1926 г. я останавливался у Вели».

Балдаев: «С кем вы там встречались?»

Султан-Галиев: «Я не помню. В 1925 г. я жил у Фирдевса и никуда не ходил ... дома никаких разговоров по поводу крымских дел у нас не было. Кажется, на другой или третий день, когда не было тов.Фирдевса, заходил Вели. Я тогда был очень болен и хотел отдохнуть. Во второй раз, я когда находился там, остановился на квартире Вели. Это было в 1926 г. Кажется, в то время приехали к нему тт.Ногаев и Дерен».

Балдаев: «Во время своего приезда в Крым Вы останавливались всегда у Вели?»

Султан-Галиев: «Нет, иногда у Фирдевса».

Балдаев: «В свои приезды в Крым Вы останавливались или у Фирдевса, или у Вели и там встречались с местными работниками?»

Султан-Галиев: «Когда я там был в 1927 г., я останавливался у тов.Фирдевса».

Показания Султан-Галиева

18 февраля 1929 г.

Измаил Фирдевс. Народный учитель, кажется, сын бедняка-крестьянина. С дооктябрьским партийным стажем. В партию вступил еще в марте 1917 года. Если не ошибаюсь, в октябрьские дни или позже состоял одно время секретарем Областного комитета партии в Крыму. Человек, открыто решительно выступивший в 1918 году во время столкновения татарских националистов в Крыму с Советской властью против национализма. Личный друг Миллера, работавшего тогда в Крыму по освобождению его от Врангеля. Насколько мне помнится, т.Бела Кун, по крайней мере в 1921 г., был положительного о нас мнения: работал т.Фирдевс членом Коллегии Центрумускомисариата, заведовал в одно время Политотделом Центрумусвоенколлегии, организовал в 1919 году военные курсы для подготовки командного состава для Красной Армии из татар и башкир в Казани в качестве политкомиссара школы. Перед объявлением Татреспублики состоял членом Бюро обкома партии и членом коллегии Губчека. Участник подавления контрреволюционного восстания татарского крестьянства в пределах восточной части нынешней Татарии и западной части нынешней Башкирии, руководимого, как известно, русской черной сотней и туземным кулачеством. Я это хорошо помню, потому что мы с тов.Фирдевсом вдвоем согласовали тогда план подавления этого восстания лично с покойным тов.Дзержинским. С объявлением Татреспублики тов.Фирдевс состоял некоторое время татнаркомиссаром, а в Крыму еще при Саид-Галиеве — наркомюстом.

Я знаю тов.Фирдевса как одного из честнейших революционеров и преданнейшего сторонника соввласти. Заявляю об этом совершенно открыто и в полном согласии со своей революционной совестью. Знаю я это, потому что однажды, делаясь своими впечатлениями о революции, о ее затруднениях и перспективах дальнейшего развития, мы как-то затронули вопрос о том, а где бы мы были, если бы произошла катастрофа революции и татарский национализм оказался бы против соввласти. Беседа велась на квартире у Сейфи, с

которой тогда жил тов. Фирдевс, не помню лишь, в ее ли присутствии. Это было, когда тов. Фирдевс был отозван из Крыма и находился, кажется, без работы. И я считал себя несчастнейшим человеком в мире, т.к. был безработным и не имел возможности даже обедать (и тов. Фирдевс меня ежедневно кормил обедом). И мы тогда сказали себе: как бы нас ни преследовали за наш радикализм в национальном вопросе, как бы нам ни приходилось тяжело временами, тем не менее, в ответственный момент, в момент кризиса революции, когда на карту будет поставлен вопрос о существовании или гибели соввласти, мы все же, несмотря на наши разногласия с партией по национальному вопросу, с оружием в руках голосуем за соввласть, за коммунистическую партию.

Пользуясь случаем, подчеркиваю, что вся установка являлась и продолжает являться основным стержнем и главным рычагом принципиальной политической линии и принципиальной программной позицией всей группы «правых» татарских коммунистов.

Показания Баширова Али

11 января 1929 г.

Очутившись без работы, я обратился к своему хорошему знакомому Енбаеву с просьбой оказать мне содействие устроиться где-либо на службе по винному делу, последний мне порекомендовал обратиться к Фирдевсу. Писал ли Енбаев ему по этому поводу записку с просьбой об оказании мне содействия — не помню, но когда я пришел к Фирдевсу, он о цели посещения знал. Фирдевс мне знаком по прошлой совместной работе в 1920 г. в Крыму, когда мы работали в Облтатбюро, и я находился в его подчинении. Встретившись с Фирдевсом в Крымпредставительстве, я рассказал о причине моего посещения.

Показания Турупчи

1929 г.

Письмо об организации восточной партии было написано Енбаевым или Султан-Галиевым в Крым Мустафину. И для подготовительной работы к созыву съезда в Крыму предлагалось послать туда Баширова. Для соответствующей конспирации этого последний должен был поступить служащим Крымвинтреста и поехать для работы по этой линии в Крым. Соответствующие переговоры в Москве об устройстве Баширова в Крым были между Енбаевым, Мустафиным, Муслимовым, Фирдевсом, но в связи с тем, что стало известно, что ГПУ знает об этом, это не было проведено. Я помню, что я присутствовал при разговоре Баширова с Муслимовым (на квартире первого), и у меня осталось впечатление, что они друг друга знают хорошо. Тогда же на квартире у Баширова между ним и Муслимовым шел разговор об устройстве Баширова на службу в «Массандру», находящуюся в Крыму в 2-х верстах от Ялты.

Показания Султан-Галиева

18 февраля 1929 г.

После прихода к власти «правых» в Крыму в 1925 г. руководство находилось вначале в руках Дерена, Ногаева и Умера Ибрагимова, а затем, с переиз-

дом в Симферополь Фирдевса, и последнего. Причем внутри руководства происходили время от времени перегруппировки в связи со стремлением к вождизму с одной стороны Дерена, с другой — Фирдевса и с третьей — перешедшего в лагерь «правых» Вели Ибраимова. В результате в одно время там было «трехликое» руководство: тройка в составе Дерена, Ногаева и Умера Ибраимова, вторая тройка в составе Фирдевса, Дерена и Ногаева и третья тройка в составе Вели Ибраимова, Фирдевса и, кажется, Дерена или Ногаева. Кризису в отношениях между Дереном и Фирдевсом послужил вопрос об отношении к секретарю обкома Носову. Фирдевс настаивал на его сохранении в Крыму, а Дерен, как это я понял, был против.

Показания Хафизова Сафы

23 марта 1929 г.

Сказал я ему, Султан-Галиеву, о своем намерении поехать на Кавказ и добавил при этом, что при наличии удобного случая поеду я в Турцию. Но последнее мое решение он нашел преждевременным и сказал: «Что там ты сделаешь? Ты ведь не сможешь перейти и границу. Ты сделай так: не уезжай в этом году и оставайся на Кавказе вблизи границы, занимая какую-либо должность вроде учителя. За это время ты познакомишься со способами перехода границы. Ты можешь остаться в неудобном положении, доверяя разным несерьезным людям (речь идет о турках). Я дам тебе записку для передачи знакомому мне человеку (Фирдевсу) в Тбилиси, он поможет тебе устроиться в одной удобной деревне или вообще там устроиться. Можно будет отправиться тебе в эту сторону весной, если к этому времени ты подготовишь путь к переходу. Но перед отъездом сообщи мне об этом, может быть, будет какое-либо поручение. Или сам приедешь перед отъездом сюда в Москву».

По его совету я должен был устроиться около города Ахалциг. Дал он мне записку следующего содержания:

«Этот парень близкий нам человек, ты постарайся устроить его в удобном месте». Но подписи здесь не было и потому поводу он говорил, что люди его подозревают и поэтому он не подписывается.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.96—101.— Ксерокопия.

66. Справка секретаря Партколлегии ЦКК ВКП(б) Е.М.Ярославского об антипартийной и антисоветской деятельности К.Г.Мухтарова, А.М.Енбаева, Г.Г.Мансурова, Р.А.Сабирова, И.К.Фирдевса, О.Г.Дерен-Айерлы

*7 июля 1929 г.
Сов. секретно*

Материалами ОГПУ по делу Вели Ибраимова, крымской контрреволюционной организации «Милли фирка», Султан-Галиева и других устанавливалось наличие в Москве центра в составе: Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы, руководившего антипартийной и антисоветской деятельностью так называемых «правых» коммунистов в Крыму, Татари и связанной с нею беспартийной интеллигенцией.

По всем вопросам партийно-советской работы в этих национальных районах московский центр имел специальное суждение вместе с представителями мест, выносил определенные решения и в качестве директивы передавал местам, одновременно, путем использования своего служебного положения, принимал меры к надлежащему проведению своих вопросов через высшие партийно-советские инстанции. В круг этих вопросов входили: земельный вопрос в Крыму, вопросы переселения и расселения татар, вопросы землеустройства грядущих евреев в Крыму, вопросы латинизации тюрко-татарского алфавита, вопросы индустриализации и культурного строительства в тюрко-татарских районах, вопросы внутрипартийной борьбы в Татарии и Крыму и т.д.

Эти решения московского центра передавались на места, где и проводились в противовес линии партии и Советской власти организованными группами сторонников московского центра, состоящих из так называемых «правых» татарских коммунистов и беспартийных националистов, имеющих, как, например, в Крыму, свою подпольную контрреволюционную организацию «Милли фирка», действовавшую по директивам московского центра через тех же «правых» коммунистов и работавших в советском аппарате националистов.

Здесь же нужно отметить, что «Милли фирка», одновременно со связями с московским центром через «правых», имела связи и получала руководство от тюрко-татарской эмиграции в Константинополе, куда посылали соответствующую информацию о положении дел, различные добываемые через «правых» государственной важности секретные документы и т.д. В практике эта антипартийная и антисоветская работа доходила до фактов прямого устройства членами партии, под воздействием миллифирковцев, заведомых шпионов на советскую службу, укрытия от партии и соответствующих органов бандитов, преследований, издевательств и террора над беднотой.

Кроме этого, наряду с крымской «Милли фирка», руководимых московским центром группами «правых» татарских коммунистов в Татарии, Москве, Астрахани и Ташкенте существовали подпольные группы националистической молодежи, связанные с членом московского центра Султан-Галиевым и руководимые им через устроенного другим членом московского центра Енбаевым разъездным инструктором Воскопромсоюза [...]¹.

Эти группы в своей контрреволюционной работе дошли до выпуска анти-советских воззваний [рассылки]² писем с угрозами террора... т.Разумову.

Во всей этой антипартийной и антисоветской работе московского центра исходил из основных установок Султан-Галиева:

1) [преобладание]³ великодержавного шовинизма в партийно-советской практике в национальных районах;

2) необходимости отсюда объединения национальных сил для борьбы с [великодержавным шовинизмом, а также создания партии восточников из партийной и беспартийной интеллигенции;

3) неизбежность падения советской власти в силу внутренних противоречий или в результате столкновения с капиталистическим миром и необходимость отсюда]⁴.

¹ Фамилия не прочитывается.

² Затухающий текст.

³ Затухающий текст.

⁴ Затухающий текст.

Своевременного оформления и укрепления партии восточников и создания IV колониального Интернационала;

4) необходимости всей этой работы по созданию партии восточников и IV колониального Интернационала для создания т.н. Туранского буржуазно-демократического государства после распада СССР и организации борьбы колониального Востока против метрополий (Запада и «красного империализма»).

Эта программа Султан-Галиева, с которой были знакомы Мухтаров, Енбаев, Дерен-Айерлы и др. члены московского центра, в своей практической части на сегодняшний день ставила задачей собирание сил под флагом борьбы стопроцентного проведения решений партии по нац. вопросу¹, мобилизации общественного мнения, направленного против великодержавно-шовинистической практики партийно-советской работы в нацрайонах, внедрение своих людей в партийно-советский аппарат, использование оппозиции для борьбы с партией (переговоры Сабинова с Бабаханом и Мансурова с Зиновьевым, Сафаровым) и т.д.

В борьбе за проведение этих задач текущей работы московский центр и его сторонники на местах доходили не только до создания групп, фракций и разложения партийно-советского аппарата, но даже до проведения специальных политических кампаний против мероприятий партии и в масштабе не только одного нацрайона, но и всех тюрко-татарских республик (кампания за освобождение Муслимова в Крыму, кампания против переселения трудящихся евреев в Крым, кампания против нового тюркского алфавита и др.).

На основании этих материалов ОГПУ комиссия ЦКК потребовала объяснений от Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабинова и Дерен-Айерлы, предъявив им, каждому в отдельности, все вопросы сначала в общей форме (Фирдев вызван из Ростова и пока не появился). На первичные вопросы комиссии только Дерен-Айерлы открыто подтвердил правильность поставленных вопросов, прямо заявил о том, что он вместе с «М.Ф.» и в составе ее руководящего ядра, а потом и в составе московского центра вел на протяжении ряда лет контрреволюционную работу, дал и дает подробное положение этой работы и просит сохранить его в партии, с тем, чтобы он на какой угодно работе смог доказать свою преданность партии и исправить прошлые ошибки. Сабинов сначала категорически отрицал все поставленные ему вопросы и лишь под давлением документов принужден был признать достоверность указываемых фактов, давая им соответствующие [неверные]² объяснения. Мухтаров, Енбаев и Мансуров категорически отвергли предъявленные вопросы, отказались признать достоверность предъявленных документов, причем даже сделали при мне намеки об изготовлении их в лабораториях ГПУ и в заключение недвусмысленно указали на то, что их делом должен заниматься Центральный Комитет и вся партия, с участием работников-националов, путем созыва национальных совещаний, а не комиссия ЦКК.

Таким образом, несмотря на решения IV Нацсовещания ЦК ВКП(б) по вопросу о Султан-Галиеве и султангалиевщине, указанные члены партии не только не порвали с ним связи, но до последнего времени вместе с ним вели подпольную антипартийную и антисоветскую работу, и когда партия потре-

¹ Так в документе.

² Затухающий текст.

бовала объяснений, основная тройка — Мухтаров, Енбаев, Мансуров — выступили не только с голым отрицанием, но и организованной группой с обвинениями против самой комиссии ЦКК.

Ярославский

ЦГА ИГД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.105—108.— Ксерокопия.

67. Опрос Г.Г.Мансурова комиссией ЦКК ВКП(б)

22 июля 1929 г.

Р.Зенькович. Тов.Мансуров, нам бы хотелось слышать о работе вашей за последний период после того, как вы перекочевали в Москву из Татарской республики. В показаниях арестованных татарских работников имеются материалы, которые вас опорочивают в довольно значительной степени в антипартийных действиях, недопустимых, когда рядом с пребыванием в партии идут действия, выходящие очень далеко на путь национально-социалистического движения, связанного с враждебными, чуждыми элементами. Если эту линию продолжать, то весьма неприятные вещи получатся. Здесь комиссия ЦКК, которая хочет разобраться в вопросе в партийном порядке. Мы хотели бы слышать от вас откровенное сообщение обо всех этих действиях.

Тут вопрос об отношении к Татарской республике, Окружкому и к национальным работникам. Общие пути программного оформления вопроса о будущем татарских национальностей, об объединении как отдельной группы, решение московских работников и др. работников, которые приезжали сюда из других районов. В постановлении национального совещания 1924 г. совершенно определенная постановка была дана, что все постановления по национальным вопросам должны идти партийным путем.

Мансуров. Конечно, сейчас отвечать на эти общие вопросы очень трудно сразу и, кроме того, опасно ошибиться хронологически. Когда я приехал сюда и чем занимался? Если можно, то я могу рассказать: я был снят из Татарской республики в распоряжение ЦК, работал в Центроиздате народов Востока, затем работал в НКПресе, потом перешел в Научный институт и институт Технических¹ (национальных) культур, но поскольку эта работа плохо оплачивалась, я занимался в трех учреждениях: в Центральном бюро краеведения, в МГУ, где являлся доцентом и членом бюро этнографического отделения. Я работал во всех трех отраслях, проводил партийную линию по линии борьбы на идеологическом фронте. Если вы знаете, Центральное бюро краеведения находится под крылом Академии наук. Идет большая борьба в этой области, и я, как коммунист, являюсь редактором, равноправным в этой области, все-таки могу сделать чрезвычайно мало.

Р.Зенькович. А в области национального вопроса?

Мансуров. На этнографическом факультете мне было поручено преподавание советского строительства в национальных республиках. Я занимался со студентами 3—4 курса, пока никаких возражений и претензий ко мне не было, и в этом году они приглашают меня продолжать эту работу.

¹ Опечатка, следует: этнических.

Р.Зенькович. По части колебаний и шатаний?

Мансуров. У меня никаких колебаний и шатаний не было. Ни по каким докладам я не выступал, ни на каких совещаниях я не был.

Р.Зенькович. Участие в обработке платформ не принимали, переговоров не вели, поручений соответствующих не получали?

Мансуров. Никаких, и даже я хорошо знаком с Сафаровым, говорят, что он является одним из руководителей одной платформы, но я не знаю, кто составлял.

Васильев. Он с нами не беседовал по этому вопросу, когда вырабатывал платформу.

Мансуров. Нет, не беседовал.

Васильев. Вы Султан-Галиева знаете?

Мансуров. Знаю хорошо Султан-Галиева, знаю с 1918 года.

Петерс. Встречались с ним в последнее время?

Мансуров. Каждый год. Примерно с осени прошлого года я его не встречал.

Петерс. Вы были с ним на каких-нибудь вечеринках за последние 2—3 года, где обсуждались партийные вопросы?

Мансуров. Я на вечеринках его не встречал, а встречал на улице, в учреждениях, у товарищей, у т.Енбаева я видел его один раз, больше я его не видел.

Петерс. Обсуждались партийные вопросы?

Мансуров. Никаких партийных вопросов не обсуждалось.

Петерс. Как же вы встречались с товарищем, о чем же вы говорили?

Мансуров. Я захожу, они сидят, не могу я знать, какие вопросы.

Петерс. Он имеет основания вас оклеветать.

Мансуров. Я не знаю, это уж дело его совести. Раз человек сидит...

Петерс. Но вы с ним встречались после того, как он сидел?

Р.Зенькович. С беспартийными, имеющими темное прошлое.

Мансуров. Я работал в издательстве, я знал, что он нуждается, я давал ему переводы, он давал рецензии о книгах на русском языке. Можно эти номера взять и проверить. Все было сделано по поручению Дим...¹, с согласия его заместителя Великовского, который был во главе издательства. Это было уже давно, он закончил работу по переводу татарских книжек, и мы эти переводы частично использовали.

Р.Зенькович. У вас работа касается национальных районов?

Петерс. Вы работой интересовались или у вас было тут полное безразличие?

Мансуров. Нет, я очень интересовался судьбой Татреспублики.

Петерс. А судьбой Крыма, Башкирии?

Мансуров. Я сейчас интересуюсь всеми республиками. Я написал от имени Центрального управления целое обращение, чтобы посылали материалы.

Петерс. Вопрос о классовой линии в работе вас интересует, или вам безразлично, какая бы организация ни выступала?

Мансуров. Есть общества в национальных республиках, которые не носят национального характера.

Петерс. А какие националистические группировки вы знаете, например, в Крыму?

Мансуров. Я не знаю никаких группировок.

Петерс. И с членами их не сталкивались?

¹ Так в документе.

Мансуров. Я не знаю никаких националистических группировок или контрреволюционных группировок.

Петерс. С Султан-Галиевым у вас не было никакой ссоры?

Мансуров. У меня не было дружбы, но не было и ссоры.

Петерс. А почему он говорит: после того, как ...¹ сдрейфили, образовалось бюро в составе Султан-Галиева, Мансурова.

Мансуров. Ничего такого не было.

Р.Зенькович. Какая же цель у человека говорить?

Мансуров. У человека фантазия очень богатая. Вы же знаете материалы IV совещания.

Р.Зенькович. Вы просвещенный человек, в той попытке, в которой Султан-Галиев набросал свою платформу, он даже не был оригинален, он только частица того, что подсовывается им руками эмиграции, он является только рупором. Это фантастика политическая и фантастика чуждых классов.

Мансуров. Я не так ставлю вопрос, я ставлю вопрос теоретически. Может ли быть реальной вещью, если бы была создана такая организация. Это, может быть, нужно только для эмиграции, ориентирующейся на националистическое движение, духовенство, «правую» националистическую интеллигенцию. Это есть.

Петерс. А тезисы Султан-Галиева вы видели?

Мансуров. Какие тезисы? Я не видел.

Петерс. (Читает.) Платформа о создании восточной партии, где говорится о так называемом ленинизме, о так называемом марксизме.

Мансуров. Пусть он пишет что угодно, а я разве так мыслю? Такие организации можно устраивать, но кем она может питаться? Она ни на кого не может опереться. Мне приходилось получать из отдела печати материалы, я знаю это течение, но если бы была попытка создать такую организацию, это было бы писано вилами по воде.

Р.Зенькович. А «правые» коммунисты?

Мансуров. Я знал «правых» коммунистов и «левых» коммунистов, мы с ними боролись, а здесь я не веду национальной работы, я веду общую работу.

Петерс. Но он показывает целый ряд моментов. Какой смысл Султан-Галиеву вас во всем оклеветать? Он себе ничего на этом не приобретает. Он сам писал это письмо.

Мансуров. Султан-Галиев давно считал себя вождем и изображает себя вождем татарской массы, очевидно, и сейчас это продолжается.

Р.Зенькович. А если показания Султан-Галиева сходятся с показаниями другого, третьего, четвертого, пятого?

Мансуров. Если у меня есть какой-нибудь шифр или антипартийный документ, или связь ...² я работаю 5 лет на глазах у всех.

Р.Зенькович. Но вы на квартире такого-то обсуждали вопросы такие-то, в составе таком-то. В другой раз на другой квартире обсуждали другие вопросы. И когда люди, не связанные между собою совершенно, говорят об этом, то как это объяснить, что же они все сговорились: люди, которые не имеют против вас никакой злобы, ненависти, люди, которые стараются добросовестно все изложить?

¹ Так в документе.

² Так в документе.

Мансуров. Меня не особенно долббливают всюду.

Р.Зенькович. Башкирские вопросы вы решали?

Мансуров. Никогда не решал. Знаю несколько фамилий башкирских работников. Никогда в Уфе не был, башкирские работники у меня лично бывали некоторые.

Я хочу сказать о таких фактах, например, я выпустил книгу о татарском ...¹. Тогда к книгопродавцу кто-то пришел, ему сообщили, что эти книжки запретили. Я писал в ЦК партии, через несколько времени из ЦК мне ответили, что ничего подобного нет, но кто это выдумывает? Может быть, теперь Султан-Галиев арестован, а дальше, значит, я буду арестован.

Петерс. Значит, есть какая-то связь.

Мансуров. Да, но должны быть факты для этого.

Петерс. (Читает.) «Запирались в другой комнате и вели секретные разговоры». А вы не видели никаких тезисов? Это ложь?

Мансуров. Это ложь. Пусть покажут мне эти тезисы.

Петерс. Никогда вам не передавали, что видели у Вели Ибраимова Хайсера?

Мансуров. Какого Хайсера — бандита? Нет.

Петерс. Вы отрицаете, что у вас была связь с беспартийными, что вы с ними вопросы обсуждали, что вы нарушали постановления национального совещания?

Р.Зенькович. И двойственности в отношении партии не проявляли?

Мансуров. С беспартийными я имел самую большую связь, например, с Агеевым, — старый литератор, который работает в Наркомате в качестве переводчика. Но о судьбе какой-то организации я ничего не знал. Иначе я должен был бы какой-то документ подписать, на каких-то собраниях участвовать, а я вам говорю, что я не участвовал, никаких тезисов не видел.

Р.Зенькович. Вы все это отрицаете, а вот пишут, что в эту платформу вы перед самым ее опубликованием вносили поправки.

Мансуров. В большую платформу перед съездом?

Петерс. К Сафарову к З...² не ходили?

Мансуров. Нет. Я с Сафаровым виделся, но не говорил об оппозиционных вещах.

Я очень поражен, что нас оклеветали таким образом. Я 13 лет работал в партии, но никогда не мог думать, что дойдет до такого состояния. Я чаще раскрывал организации.

Я знаю, что Султан-Галиев ходил в ЦК, собирался вступить в партию.

В прошлом году весной я выступил в печати по поводу того, каким образом султангалиевщина была побита.

О крымских делах я знаю только то, что было написано в газетах. Отношение крымских работников не особо дружелюбное к татарским. Султан-Галиев там работал, проводил кулацкую линию, после этого отношения недружелюбные.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.112—115.— Ксерокопия.

¹ Так в документе.

² Так в документе.

**68. Заявление К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова и Р.А.Сабирова
секретарю ЦК ВКП(б) В.М.Молотову с протестом против
предъявленных им обвинений ЦКК ВКП(б)**

срочно
30 июля 1929 г.

22 июля с.г. мы были вызваны в помещение ЦКК на заседание комиссии тов.Радус-Зеньковича. Там нас поодиночке вызывали в комнату заседания, где члены комиссии гг.Радус-Зенькович, Петерс и Васильев, а также заседавшие тут же следователи и сотрудники ОГПУ предъявили нам чудовищные обвинения, в коих якобы мы были повинны. При этих допросах нам ставилось полное требование, чтобы мы признали и подтвердили такие поступки, которые нам впервые стали известны только на этом заседании из уст допрашивающих. Допрос все время сопровождался угрозой принять другие меры и перенести все дело в ГПУ, где якобы заставят нас иначе отвечать на вопросы. Все это было в такой степени неожиданно, что никто из нас не мог даже усвоить всю сумму нагроможденных нелепых и невозможных обвинений. И даже теперь, после заседания, мы не можем понять, каким это образом и кто мог выдумать столько вымысла и небывлицы. К тому же нас никто сколько-нибудь полно и четко даже не пытался посвятить в дело, а все свелось к тому, чтобы на чем-то поймать, уличить. И действительно, весь допрос носил характер желания во что бы то ни стало навязать нам признание этих совершенно не бывших и вымышленных «историй» и «фактов». Характерно, что при этом убеждении прибегали даже к таким методам, как отношение показаний предыдущего товарища с признанием виновности допрашиваемого, тогда проверка потом показала, что этого в действительности не было. Кратко говоря, мы были лишены какой бы то ни было возможности обсуждения вопроса в объективных условиях. А если это заседание имело своей задачей производство дознания и следствия над нами, мы и в этом случае были лишены условий к спокойным возражениям и объяснениям по всем пунктам допроса. Видимо, материал, представленный о нас — членах ВКП(б) — националах — со стороны ОГПУ являлся для комиссии абсолютно правдоподобным.

Стоит только перечислить сумму обвинений, которые были выдвинуты против нас, чтобы сразу признать полную их несовместимость со всем нашим прошлым, нашей активной революционной работой начиная с первых дней Октября и нашими трудами по созиданию, развитию и росту социалистического советского строительства. Среди этих обвинений были: организационная и скрытая от партии антипартийная работа, связь с националистическим и пантюркистским движением среди тюркских народностей, связь с буржуазной интеллигенцией, желание распространить свою непартийную связь на ряд республик, связь с крымской контрреволюцией и даже участие в создании программы отдельной мусульманской коммунистической партии.

Нас глубоко возмущает даже возможность таких обвинений, не говоря уже о полной их вздорности и надуманности. Мы категорически протестуем против таких огульных обвинений. Мы считаем, что имеем все права требовать от партийных центров объективного разбора и тщательного изучения

всех инкриминируемых «фактов», а не подходить к нам так, как иногда подходили некоторые великодержавные коммунисты, полагавшие, что аванье члена ВКП и выходца из угнетенной национальности есть вещи вообще несовместимые.

Нас ЦК ВКП знает по нашей повседневной преданной работе и в рядах ВКП, и в рядах строителей советского государства в течение ряда лет. Мы в рядах ВКП с первых дней Октябрьской революции, мы — участники красных фронтов Гражданской войны, мы — активные строители большевистской партии и Советов в ряде районов и никогда и ни при каких условиях не допускали даже мысли о себе и своей работе против партии и против советской власти. Работа наша в бытность в Татарской Республике проходила по непосредственным директивам секретарей ЦК ВКП, и последующие констатации и решения ЦК только подтверждали правильность проведенной нами там политической работы. В дальнейшей нашей работе в Москве мы тоже с немалым успехом участвовали в самой активной и продуктивной советской и партийной жизни, отдавая все силы и знания на дело социалистического строительства. В периоды самых сложных переживаний в партии мы неизменно и стойко защищали решения партии от всяких нападков. Мы никогда не участвовали ни в какой оппозиции против руководства и линии партии. Наоборот, в своей партийной и советской жизни всячески разоблачали сущность этих оппозиций и выступали за единство руководства ЦК и за его линию. За все это время мы были верными проводниками партийной программы и немало сделали в деле вовлечения в орбиту партийной и советской жизни огромных слоев ранее угнетенных национальностей.

Мы надеемся, что вы учтете всю серьезность созданного для нас положения и примете меры к прекращению этого недоразумения и создадите условия для объективного и разностороннего освещения всего дела, касавшегося нас.

Мы очень просим Вас не отказать в приеме нас в ближайшие дни и лично выслушать наш справедливый протест.

Член ВКП(б) с 1918 года

Член коллегии НКЗдрава РСФСР *К. Мухтаров*

Научный сотрудник Научно-исслед. института народов Востока, доцент I МГУ, член ВКП(б) с 1917 г. *Мансуров*

Член ВКП(б) с 1918 года

Зам. зав. отделом нац. ВЦИКа *Р. Сабилов*.

В самые последние дни нам стало известно, что член ВКП(б) — член правления Всекопромсоюза т. Енбаев, вызывавшийся совместно с нами в комиссию т. Радус-Зеньковича, арестован ГПУ. Совершенно теряясь в оценке этого акта, мы тем убедительнее просим Вашего вмешательства¹.

К. Мухтаров

ЦГА ИПД РТ. — Ф. 8237. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 117—119. — Ксерокопия.

¹ Вписано от руки за подписью К. Мухтарова.

**69. Заявление К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова и Р.А.Сабирова
членам ЦК ВКП(б) с протестом предъявленных им обвинений
ЦКК ВКП(б)**

7 августа 1929 г.

22-го июля с.г. мы были вызваны в помещение ЦКК на заседание комиссии тов.Радус-Зеньковича. Там в присутствии гг.Петерса, Васильева и сотрудников ОГПУ нам предъявили ряд весьма серьезных обвинений, в коих якобы мы были повинны. Этот допрос затем был повторен еще несколько раз. Поскольку можно было понять, нам предъявлялись примерно нижеследующие обвинения: участие в антипартийной группировке, которая ставила задачу давать скрытно от партии директивы работникам национальных республик, связь с пантюркистским движением, связь с Султан-Галиевым и участие с ним в создании программы отдельной мусульманской коммунистической партии, участие в разработке раздела национального вопроса в программе оппозиции и даже связь с крымской контрреволюцией. Весь допрос каждый раз протекал в чрезвычайно тяжелой обстановке, от нас просто требовали признания во всех указанных деяниях. В полном сознании того, что мы должны всемерно помочь партии правильно и объективно изучить все это дело, мы старались дать исчерпывающие объяснения по всем касающимся нас моментам дела.

Единственное, в чем мы должны признать себя виновными — это сохранение нами личной связи с Султан-Галиевым после исключения его из рядов ВКП(б). Как выясняется сейчас из хода допроса, этот поступок наш чреват был опасными последствиями, ибо был использован Султан-Галиевым в его работе против партии. Но мы абсолютно откровенно и честно уверяем, что о злоупотреблении доверием советской власти и о попытке сколотить какую-то пантюркистскую организацию со стороны Султан-Галиева мы ничего не знали и не подозревали. Сохранение же личного знакомства и связи с Султан-Галиевым произошло по той простой причине, что он с первых же дней нашего приезда в Москву буквально осаждал каждого из нас своим желанием восстановиться в рядах ВКП, говорил, что им подано заявление в ЦК и ЦКК, что он был принят т.Сталиным и что т.Сталин ему обещал поддержку его ходатайства. И его устройство на работу в кооперации он объяснил нам происшедшим на основании указаний ЦК ВКП. Таким образом, не только у вас, но и у многих других националов и русских работников создалось определенное впечатление, что Султан-Галиев серьезно хочет вернуться на путь партии и хочет быть полезным ей. Только в этом и надо искать причину усыпления нашей бдительности по отношению к Султан-Галиеву. Но вместе с тем, сохраняя наше личное знакомство с Султан-Галиевым, при всех наших выступлениях и всей работе мы всегда отмежевывались от политической линии Султан-Галиева, осужденной на IV национальном совещании. Об этом могут свидетельствовать не только организация по нашей инициативе в Казани национального совещания в 1923 году специально для проработки вопроса о мерах борьбы с султангалиевщиной, и наши там выступления и предложения, положенные в основу решений совещания, но также целый ряд наших статей, докладов, тезисов и даже отдельных книг, где изложены наши взгляды на политику партии и советской власти по национальному вопросу. Наши взгляды в этих письменных документах настолько четко изложены, что даже самый строгий критик не сможет найти в них какое-либо отклонение от общепартийной линии, ибо у нас с партией не

было абсолютно никаких разногласий. Если мы иногда выступали с критикой того или другого конкретного явления по линии практики национального строительства на местах (а нездоровых показаний в области осуществления национальной политики в республиках и теперь еще достаточно много), то при всех этих случаях мы всегда исходили из того, что руководство ВКП не только может, но и должно поправлять эти изъяны и всегда рекомендовали апеллировать в ЦК ВКП(б) и лично к секретарям ЦК тт. Сталину и Мологову. Среди фактов нашего партийного участия в освещении и обсуждении практики национально-го вопроса имеются и прямые обращения в ЦК партии, куда мы сообщали или по отдельности делали в разное время те или иные предложения, волновавшие и занимающие нас. Так что местом постановки своих сомнений мы всегда считали только ВКП и ничего больше. Среди выступлений, характеризующих наше отношение к Султан-Галиеву, мы могли бы указать и на статью тов. Мансурова в органе татаро-башкирского бюро при ЦК ВКП(б) «Эпче» от 5/II-1927 г. В этой статье юбилейного, тысячного, номера «Эпче» тов. Мансуров дает четкое осуждение Султан-Галиева и занимаемых им позиций. А вся наша практическая работа, поскольку она прямо или косвенно соприкасалась с национальной проблемой, всегда и во всех случаях правильно отображала линию партии, и в ней красной нитью проходила борьба против султангалиевщины и иных уклонов от правильной партийной линии. Кроме того, нам думается, что обвинения «вождем», которым, очевидно, выставляется Султан-Галиев¹, сами по себе являются нереальными. И действительно, только такие оторванные от живой жизни, мечтательные и болеющие вождизмом люди, как Султан-Галиев, могут хвататься за такую авантюру, как создание пантюркистского движения и, провалившись, дают показания, изображая за действительное свое воображение.

В современных условиях, когда Октябрьская революция в корне изменила в СССР межнациональные отношения, а буржуазные кемалистские революции в Турции окончательно ликвидировали дореволюционное отношение тюрков-османлы в Турции к тюркским народностям Советского Союза, можно ли серьезно думать о пантюркизме. Органам, разбирающим и изучающим политические группировки в тюркском мире, должна быть известна азбучная истина, что еще в дореволюционное время, перед империалистической войной, пантюркизм уже изжил себя и уступил свое место национализму, как в свое время панисламизм сменился пантюркизмом. Всем известно, что в результате Октябрьской революции, с образованием национальных советских республик национальное самосознание отдельных народностей было разбуждено настолько, что даже такие общепринятые термины, как «татаро-башкирин» получили уточнения: «татарин» и «башкирин». Носителями этой дифференциации у ряда тюркских национальностей (казахов, узбеков, башкиров, крымчаков) стала не только буржуазная интеллигенция, которая строила свои отношения на основе старых обид и конкуренции с казанской татарской буржуазией и мусульманским духовенством, которая поэтому недружелюбно относилась к казанским татарским работникам, но, что особенно характерно, такое же отношение нередко приходилось встречать даже со стороны коммунистов этих народностей. При таких фактических отношениях можно ли серьезно думать об объединении тюркских народностей. Ведь в дореволюционное время пантюркисты представ-

¹ Так в документе.

для объединения тюркских народностей во главе с Турцией на основе общности интересов, претворение в жизнь которых требовало общую борьбу против русского царизма и европейского империализма в целом, и осуществление пантюркизма мыслилось путем создания общетюркского литературного языка. Октябрьская революция постепенно ликвидировала внедренный вместе с восточной культурой язык «тюрки» и способствовала развитию языков каждой национальности в отдельности. После Октябрьской революции казанский, башкирский, казахский, узбекский и крымский языки сильно отличаются друг от друга, и уже один язык не понятен широким слоям населения другой народности и тюркам-османлы. Так же и турецкий язык, подвергшийся уже большим изменениям, мало понятен для других тюркских народов. Не только язык, терминология, орфография, но и все культурное и хозяйственное строительство в каждой тюркской советской республике имеет свое особое лицо в системе трудового сожителства народов СССР и развивается в увязке только с одной общей задачей строительства социализма. Мы не говорим уже о быте, нравах и обычаях, которые под влиянием революции подверглись колоссальным изменениям. Узбекские, башкирские учебники на языке «тюрки» с большой примесью татарского казанского наречия после революции были вытеснены окончательно национальными учебниками на узбекском и башкирском языках.

Узбекская, казахская и башкирская национальности, приобщавшиеся до революции к европейской культуре через татарский язык, татарскую школу, теперь общаются непосредственно с русским языком, с русской культурой. Конечно, этот процесс еще не закончен, но он все больше и больше развивается, и партии, как думается, теперь необходимо зорко следить за тем, как бы этот процесс не был использован националистически настроенными слоями для национального замыкания и заторможения классовой борьбы в городе и деревне.

Национальная политика нашей партии на опыте прошлых лет полностью оправдала свою правильность. В области культурного и хозяйственного строительства среди разных народов достигнуты огромные успехи. Вот почему в тюркских советских республиках пантюркизм не сможет найти никакой почвы, и всякая такая затея всегда будет обречена на провал. Особенно если учесть, что вместо антагонизма и бывшей великодержавной нации все больше растет процесс доверия и содружества к трудящимся русской национальности, как посетительнице идей Октябрьской революции. Рост этой смычки, безразличия к расовой принадлежности имеет настолько ясные примеры, что надо быть абсолютно слепым и глухим, чтобы не видеть всю безжизненность пантюркизма в наших условиях Советского Союза.

Поэтому мы даже мысленно не могли допускать организацию такого движения. Наконец, если разобрать вопрос об ориентации тюркских народов на Турцию, то можно увидеть, что это царское пугало тоже уже изжило свой век. Турецкие деятели сами при каждом удобном случае, выступая, заявляют, что у турок-османлы слишком устали плечи от того, что носили на себе заботу о северных тюрках (татарах, крымчаках, азербайджанцах и пр.). Поэтому недавно турецкие общественные деятели на страницах печати развивают не идею пантюркизма, а идею народничества и западничества. Бывшие заманчивые идеи пантюркизма не дают покоя лишь отдельным эмигрантам, но и они, по-видимому, не верят в осуществление когда бы то ни было в жизнь этих идей, а лишь используют по мере возможности исключительно для самовнушения

против советской действительности. И вот если такая авантюра была допущена каким-то фантазером, так при чем же тут мы? Или кто же серьезно может допустить такую мысль, чтобы эмиграция ориентировалась на нас — партийных татарских работников, активных строителей советской власти.

Это же сплошной абсурд и нам кажется, что вскрывает полную неосведомленность политических органов о современном состоянии сил в классовой борьбе среди тюркских народностей в городе и на селе.

Такой же искусственностью отдают и все другие обвинения, и объективный и серьезный анализ их может только еще больше убедить всякого здравомыслящего человека, что приписывание таких обвинений нам является совершенно непонятным недоразумением.

Взять хотя бы вопрос об оппозиции. Кто знает нашу работу в Казани, тот знает, что в 1923 г., в самый разгар троцкистской оппозиции, когда секретарь обкома т. Пинсон выступил за оппозицию, единственными твердыми и последовательными защитниками линии ЦК ВКП остались мы и сумели сохранить эту линию ЦК в организации. И к позднейшим формациям оппозиции мы относились с той же отрицательностью, прекрасно зная и учитывая их действительную антипартийную сущность. Мы вообще никогда не участвовали ни в какой оппозиции против линии партии и ее руководства. Достаточно перечислить лиц, возглавлявших оппозицию, и изучить их программу, чтобы знать, что ленинских постановок национального вопроса в них нет и в помине. В партии наша ориентация на тов. Сталина предопределялась всей нашей прошлой работой, когда под его руководством, [с] указаниями, помощью и участием творилась наша работа среди национальностей. Мы — выходцы из его школы разрешения и применения национального вопроса в нашей партии, и мы имели длительный опыт этого руководства, и, исходя из этого испытанного опыта, мы никак не могли не видеть, куда фактически гнет оппозиция, у которой вся платформа никак не вязалась с их интересом к национальному вопросу.

И на примере этого обвинения мы еще раз можем доказать всю искусственность его и неприложимость к нам. Стоило понаблюдать хоть немного за нашей работой в ячейках или на своих служебных постах, чтобы убедиться, что не за оппозицию, а против нее была направлена вся наша деятельность. Работали мы столько, сколько было у нас сил, по линии укрепления социалистического строительства в Советском Союзе.

Нас во всем этом деле особенно огорчило и обидело то, что, как оказалось, органы политического управления в течение целого ряда лет систематически собирали всякие материалы на нас, но ни разу ни одного из нас не вызывали, не предупреждали, дабы если бы были и ошибки, чтобы мы их исправили. Да и комиссия т. Радус-Зеньковича нас не посвятила в дело более или менее подробно, чтобы мы могли продумать и дать по каждому пункту конкретные объяснения и опровержения, а вместо этого весь допрос сводился к улавливанию и уличению в вещах, которые нам впервые становились известными из уст допрашивавших.

Нам казалось, что мы имеем все права на лучшее, чем вышеуказанное, отношение к себе. Нам казалось, что прошли те времена, когда звание коммуниста некоторые ретивые головотяпы считали несовместимым со званием национала.

Нас ЦК ВКП знает по нашей преданной повседневной работе и в рядах

ВКП, и в рядах строителей советского государства в течение ряда лет. Мы в рядах ВКП с первых дней Октябрьской революции, мы — участники красных фронтов Гражданской войны, мы — активные строители большевистской партии и Советов в ряде районов и никогда и ни при каких условиях не допускали даже мысли в себе, в своей работе против партии и против диктатуры рабочего класса. Все, кто творил Октябрьскую революцию, знают, какие дополнительные трудности выпали на долю первых коммунистов из среды остальных национальностей при осуществлении и внедрении революции в среду этих народностей. Стойко и с большими хорошими результатами мы провели свои 11—12 лет в большевистских рядах. В течение ряда лет мы стояли во главе руководства партийной и советской жизни одной из солидных республик. И эта наша работа в Татарской республике в последующих решениях ЦК ВКП получала положительную оценку. В дальнейшей нашей работе в Москве мы тоже с немалым успехом участвовали самым активным и продуктивным образом в советской и партийной жизни, отдавая все силы и знания на порученных нам постах.

В периоды самых сложных переживаний в партии мы неизменно и преданно защищали решения партии от всяких нападок. За все это время мы были верными проводниками партийной программы и немало сделали в деле вовлечения в орбиту партийной и советской жизни огромных слоев ранее угнетенных национальностей.

Кроме всего, достаточно обозреть наши биографии, чтобы видеть, что в партию мы пришли не случайно, а что вся наша дооктябрьская борьба, начиная от борьбы с мусульманской религией, с отсталым бытом, с узким национализмом, за приобщение к интернациональной культуре, труду и жизни, подготовляла из нас тех, кем мы стали с первых дней Октября — членами большевистской партии.

За эти 11—12 лет мы проделали большой общественно-революционный путь, начиная с рядовых участков и до ответственных постов в рядах партии и государственного аппарата.

Мы никогда не мыслили себя вне большевистской партии, вне той большой среды партийных товарищей, с которыми рука об руку прошли испытания борьбы на фронтах войны, хозяйства и голода. И нам бесконечно тяжело, когда ставится прямая угроза нашей честной партийной репутации.

Мы еще и еще раз изъявляем свою полную преданность партии и обещаем резко и абсолютно заглазить каким угодно партии путем в своей дальнейшей работе ту нашу ошибку, которая выразилась в сохранении наших связей с Султан-Галиевым.

Мы очень просим Вас заинтересоваться нашим делом и оказать Вашу личную поддержку в разрешении созданного для нас чрезвычайно тяжелого положения.

Член ВКП(б) с 1918 года

Член коллегии НКЗдрава РСФСР *К. Мухтаров*

Член ВКП(б) с 1918 года

зам. зав. отделом нац. ВЦИК *Р. Сабиров*

Член ВКП(б) с 1917 года

Научный сотрудник Института народов Востока и ЦВК *Г. Мансуров*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.120—134.— Ксерокопия.

70. Показания И.К.Фирдевса с изложением мнения о вопросе публичного выступления М.Х.Султан-Галиева и группы «правых» татарских коммунистов с признанием своих ошибок

9 августа 1929 г.

После приезда моего из Ташкента в 1926-м году осенью (ноябрь-декабрь, точно не помню) я поставил перед товарищами вопрос о том, что необходимо решить вопрос о Султан-Галиеве.

История этого вопроса такова:

Уехал я в Ташкент в октябре, после того как в Крыму взяла верх линия Дерена при общем содействии товарищей из Москвы. Измученный, усталый трениями, ссорами, борьбой.

Езда длилась 5—6 суток. По дороге я все думал о создавшемся положении вещей.

У меня возникла мысль написать большое подробное письмо Султан-Галиеву с изложением моих мыслей на создавшееся положение и категорическим предложением о том, чтобы он оформил свое положение. Я имел в виду подачу им заявления в ЦК партии с покаянием и признанием ошибок и второе: в случае неудачи, официальное (общественное) по доброй его воле удаление из нашей среды. Я этого письма, к моему сожалению, не написал, но по приезде все эти мысли ему самому открыто высказал (говорил о мысли о письме). Он согласился с моими доводами, и потом поговорили с остальными товарищами: Енбаевым, Мухтаровым, Ногаевым (он был в Москве в момент обсуждения этого вопроса — приезжал хлопотать о восстановлении себя в партии). Тогда мы собрались на квартире Енбаева в указанном составе. Как помнится, никого из других товарищей не было.

Мое предложение о том, что Султан-Галиев должен принять шаги о восстановлении себя и выступить с открытым заявлением в печати (конечно, с разрешения ЦК) с покаянием и признанием ошибок, было всеми принято. Приступили реально к составлению самого текста заявления. После этого опять собирались для заслушивания текста в том же составе. Султан-Галиев составил невероятно длинное заявление, где отводилось очень много места вопросам Коминтерна. Пришли к выводу, что нужно написать короткое заявление в точных рамках тех обвинений, которые ему были предъявлены при исключении. Насколько помню, один из пунктов было поручено сформулировать мне. Все это было сделано.

Одновременно, естественно, возник вопрос о том, что ведь личное выступление Султан-Галиева с признанием ошибок не ценно. Ведь мы должны будем также реагировать на это. Решено было опять поступить так: Султан-Галиев подаст заявление с признанием своих ошибок с покаянием. Мы тоже потом поддерживаем его признания, но предварительно идем в ЦК к Сталину лично и выясняем вопрос о том приблизительном контуре заявлений, который может быть целесообразным и тактичным с точки зрения ЦК. Как мне помнится, готовый текст заявления Султан-Галиева в черновике все-таки был готов.

При обмене мыслей по этому вопросу вставал вопрос о том, не слишком ли поздно вообще все это. Не утратило ли дело Султан-Галиева общественно-

политического значения. Общая точка зрения была та, что не утратило, и поэтому пришли к выводу, что этот шаг необходимо сделать. Почему это дело не было доведено до конца, не помню. Вообще каждый раз, когда вставал вопрос о восстановлении Султан-Галиева, он упирался в вопрос о покаянии и признании ошибок не только со стороны его, но и вообще «правых». В узком кругу с этим соглашались, а потом как-то вопрос сам по себе медленно исчезал с горизонта. Как случилось и на этот раз.

Фирдес.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.135.— Ксерокопия.

71. Показания М.Х.Султан-Галиева об обстоятельствах составления и обсуждения «Тезисов об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы»

13 августа 1929 г.

1. При каких обстоятельствах возникла у меня мысль написать тезисы по вопросу о национально-освободительном движении тюркских народов, я уже освещал, и повторяться не буду. Скажу лишь то, что эти тезисы, во-первых, представляли лишь черновой и первоначальный набросок их и в дальнейшем должны были быть подвергнуты ряду изменений и уточнений, в особенности во вступительной части, где я формулирую положение о замене лозунга «диктатура пролетариата» в национально-колониальном вопросе лозунгом «диктатура колоний над метрополиями». Во-вторых, я думал расширить эти тезисы и сделать его не только вопросом национально-освободительного движения колоний и полуколоний. Объяснил я и причину задержки продолжения мною этой работы. Основная причина — это постепенное закрадывание сомнения в меня о правильности моей концепции по национально-колониальному вопросу вообще.

2. Тезисы эти я показывал тт.Мухтарову, Енбаеву и Дерену, каждому в отдельности. Мухтарову и Енбаеву дал прочитать (напечатанную на машинке часть) в конце 1925 или в начале 1926 года. Дерену — в конце 1926 года. Читал я еще выдержки из тезиса Будаили зимой 1925 года (а может быть, весной 1926 г., точно не помню) в Москве. Общий обмен мнений по этому вопросу между нами происходил зимой 1925 г. у т.Мухтарова. Был там и Енбаев. Мухтаров указал, что тезисы написаны слишком обще, и что следовало бы их иллюстрировать статистическими данными, цитатами и т.д. К первой части тезисов он отнесся отрицательно и взял под большой вопрос мое положение об установлении «диктатуры колоний над метрополиями». Больше он ни о чем не говорил. Тов.Енбаев повторил то же самое, что сказал и тов.Мухтаров, но вступил со мной в довольно длительную дискуссию по вопросу указанного выше лозунга, доказывал, что лозунг социалистической революции и диктатуры пролетариата целиком и полностью покрывает вопросы экономического, социального и политического освобождения колоний и полуколоний, т.е. ликвидирует в корне империализм. Тов.Енбаев уверенно выставлял положение, что установление диктатуры пролетариата на

Западе как раз и будет обуславливать необходимость индустриализации колоний и полукolonий, что столкновения экономических интересов между освободившимся от капитализма западноевропейским пролетариатом и индустриализующимися колониями не произойдет, т.к. индустриализация колоний поставит вопрос не о «демобилизации» промышленности метрополий, а о его реорганизации и реконструкции на более высокой технической базе и новых функций. Короче говоря, т.Енбаев отрицал коллизию экономических интересов в будущем между социалистическим Западом и освобожденными от ига империализма индустриализующимися колониями и, наоборот, допускал полную гармонию этих интересов. При этом тов.Енбаев ссылаясь на одно из произведений В.И.Ленина, кажется, на его «Империализм как новейший этап капитализма». В общем товарищи мне указали, что раз я взялся за такую работу, то не лишне будет, если я ее продолжу, иллюстрируя ее примерами и данными, и переработаю коренным образом вступительную часть. Больше мы к этому вопросу не возвращались.

3. С основными установками тезисов (также печатная часть) Дерен согласился, но также он заявил, что необходимо переработать вступительную часть. Не помню, до этого ли или после, во время отъезда Дерена из Крыма, в номере у него (он занимал общую комнату с Вели Ибраимовым в номерах на углу Столешникова переулка и Петровки) между мной, Дереном и Фирдевсом возник вопрос на тему о будущих судьбах колоний и полукolonий, т.е. вопрос о путях развития революции в колониальных и полукolonияльных странах: пойдет ли национально-освободительное движение колоний по пути буржуазно-демократической революции или же по пути пролетарской революции. Я и тов.Фирдевс полагали, что развитие колоний в ближайшем будущем пойдет по пути буржуазно-демократических революций, т.к. находили, что при современных условиях их экономического, социального и политического положения и при наличии относительной стабилизации капитализма на Западе данных для пролетарской революции в колониях еще не имеется. Дерен сомневался в правильности нашей постановки и допускал возможность установления диктатуры трудящихся и в колониях, исходя из того положения, что «ведь там промышленные и торговые предприятия все равно принадлежат в большинстве иностранному капиталу», и что поэтому национализация средств производства и обращения в колониях нашла бы положительный отклик не только среди трудящихся масс, но и среди «оппозиционной» буржуазии. Главный вопрос, на который мы упирались при этом, был вопрос о движущих силах национально-освободительных революций в колониях. Ни одному из нас «не хотелось», чтобы этой силой была туземная буржуазия. Я и Фирдевс допускали возможность «блока» в этом вопросе между трудящимися и «революционной частью» туземной буржуазии с преобладающим влиянием пролетариата и крестьянства, Дерен не сомневался вообще насчет «революционности» туземной буржуазии.

М.Султан-Галиев.

72. Показания М.Х.Султан-Галиева по поводу показаний О.Г.Дерен-Айерлы о разговорах среди московских «правых» татарских коммунистов в связи с рыскуловским совещанием

13 августа 1929 г.

По поводу различных разговоров среди московских «правых» в связи с рыскуловским совещанием могу сообщить следующее:

1. Ни на одном совещании, о котором говорит Дерен, ни подготовительном, ни заключительном, по вопросу о рыскуловском совещании я не участвовал и потому не могу сказать что-либо о том совещании с участием московских и крымской части казанских работников, о котором говорит Дерен. Частично вопрос об этом совещании мог возникнуть при различных совместных встречах у тов.Енбаева, когда мы разбирали конфликт между Дереном и Фирдесом. Но я не помню, чтобы на этих совещаниях вопрос о рыскуловском совещании ставился в той широкой форме, о которой говорит Дерен. Насколько я помню, вопрос этот ни на одном нашем совещании не ставился. Видимо, совещание это, если оно только было, происходило без моего участия.

2. Говоря о том, что на этом совещании ставился вопрос о подготовке «правых» к выступлению на XV партсъезде или к этому съезду, тов.Дерен, видимо, путает наше совместное совещание московских «правых» с крымскими «правыми» на квартире у т.Енбаева в сентябре или октябре 1927 года, когда мы ставили вопрос об определении отношения «правых» к оппозиции, связывая с этим вопрос о нашем выступлении по нацвопросу перед XV партсъездом. В какой плоскости велся тогда разговор между нами, я уже освещал в своих предыдущих показаниях. Действительно, на этом совещании было принято решение выделить несколько человек для составления платформы «правых» по нацвопросу, поскольку большинством было принято решение о том, что «правые» не должны поддерживать оппозицию, а должны выступить самостоятельно. Свою кандидатуру я тогда отвел и участия в дальнейшем составлении этой платформы не принял. Решение это, в общем, осталось на бумаге.

3. Разговор о необходимости «измененной» постановки нацвопроса вообще между мной и Дереном велся у него в номерах в Бол. московск. гостинице или Манинском подворье, когда он мне дал для ознакомления написанный им проект статьи для «Большевика» по этому вопросу. Статью эту я передал тов. Мухтарову. Разговор тогда шел, однако, не о том, что «устарели постановления XII партсъезда» и поэтому надо какую-то другую установку, а о другом, а именно: что в связи с переходом соцстроительства в СССР на реконструктивный период и градозной промышленной стройкой, национальный вопрос и постановления XII партсъезда по этому вопросу приобретает новое и более актуальное значение и требуют коренной ломки практики соцстроительства в нацрайонах в сторону усиления темпа их индустриализации.

4. Разговоры между отдельными нацработниками на тему о «перегибе палки» в сторону большей индустриализации русских районов в ущерб поддержки развития промышленности в нацрайонах происходили тогда вообще. Об этом выступал, кажется, и сам Дерен на рыскуловском совещании. Возникали они и позднее в связи с известным «декларативным» заявлением тов.Рыскулова в 1926 г. на съезде Советов РСФСР о том, что нацрайоны в

основном должны и впредь сохранять положение сырьевых баз для промышленности СССР и что соввласть поэтому должна взять курс не на их индустриализацию, а на «развитие кооперации» в этих районах. «Правые» и вообще националы считали такую постановку нацвопроса тов. Рыковым отступлением от решений X и XII съездов партии по нацвопросу. Специально же обсуждения этого вопроса среди нас не было. Этого и не требовалось, т.к. установка по нацвопросу «правых» таткоммунистов уже была достаточно полно определена, и не требовалось дополнительных специальных обсуждений этого вопроса в их кругу. Какова была эта установка, я уже подробно освещал этот вопрос в своих первоначальных показаниях.

5. О совещании у Баширова. Совещания такого у Баширова не было. Помню, мы собрались как-то в гостях у Енбаева на квартире у Баширова. Никаких разговоров политического характера за столом, где присутствовал и Баширов с женой, не было. Частичные разговоры происходили в другой, отдельной, комнате, куда Баширов не заходил. Но совещания там не было. Это был перерыв, когда конфликт между Дереном и Фирдевом достиг, так сказать, своего апогея. Весьма возможно, что разговор мог возникнуть вокруг этого вопроса. Помню, действительно т. Фирдевс, когда на него «набросились» в полуплутливом тоне отдельные работники — Мухтаров, я и Енбаев, заявил в нервном тоне по адресу Дерена: «Я знаю, куда вы хотите нас тянуть, вы хотите нас тянуть в болото миллифирковцев, но знайте, что в решительный момент мы с Султан-Галиевым будем на стороне революции». Заявил это Фирдевс, по-видимому, в связи с предшествовавшим между мной и им разговором на квартире у тов. Сейфи (присутствовала ли она, уже не помню) о том, что в решительный момент, если наступят осложнения в революции (нападение империалистов), мы будем на стороне социреволюции, хотя бы для этого пришлось «порывать» кое с кем, несмотря на то, что нас продолжают третировать как «националистов». Перебранку такого характера между Дереном и Фирдевом я помню.

Проект статьи для «Большевика» по нацвопросу тов. Дерен передал мне для ознакомления и передачи ее остальным московским товарищам из «правых» с тем, чтобы они «внесли свои поправки и если найдут это нужным, передали бы в «Большевик». При беглом ознакомлении я указал тов. Дерену, что, по моему мнению, тов. Дерен в своей статье высказывает, хотя и в путаной форме, довольно здравые мысли.

М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.138—140.— Ксерокопия.

73. Выписка из протокола № 93 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

15 августа 1929 г.

Строго секретно

СЛУШАЛИ:

О «Милли фирка» (т.т. Ярославский, Радус-Зенькович, Петерс, Васильев).

ПОСТАНОВИЛИ:

а) немедленно снять со всех постов Мухтарова Кашафа — члена коллегии Наркомздрава, Енбаева Арифа — члена правления «Всекопромсоюза», Ман-

сурова Гасыма — проректора Института этнических культур Востока, Саби-рова Рауфа — зам. зав. п/отд. нацмен ВЦИКа и Фирдевса Исмаила — инст-руктора Наробраза.

б) вопрос в целом заслушать после его рассмотрения Президиумом ЦКК.

Секретарь ЦК *Молотов*.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.143.— Ксерокопия.

74. Обращение И.К.Фирдевса в ЦКК ВКП(б) и ЦК ВКП(б) с признанием своих ошибок

17 августа 1929 г.

К началу 1926 г. относится поражение правительства «правых» в Крыму и снятие Центральным Комитетом партии т.Дерена с поста председателя СНК Крыма. К моменту полного развала этого относится мой добровольный уход из Крыма по собственному заявлению в ЦК. Сейчас же после этого события в рядах «правых» начались трения и расхождения. Основой к разногласиям и трениям послужил вопрос о продолжении или прекращении группировочной работы. Я стал решительно на точку зрения ликвидации группировок и необходимости проведения в жизнь постановления ЦК партии и совместной работы с Петропавловским после того, как ЦК выразил свою линию снятием Дерена. Тов.Дерен стал на точку зрения продолжения борьбы путем расширения ее базы, выдвинув проект лево-правого блока.

После этого я стал на путь сепаратных действий и решил путем раскола «правых» создать условия спокойной работы с Петропавловским и вступил с ним в переговоры. Вначале это мне удавалось. Часть товарищей перешли на точку зрения совместной дружной работы с Петропавловским, потом создалась буферная группа, которая перетянула «соглашателей» на сторону Дерена. Это было к середине 1926 года. В это дело были втянуты некоторые московские работники, в частности Султан-Галиев. Окончательное оформление лево-левого блока привело к полнейшей моей изоляции от крымских дел и вопросов, и с тех пор (с середины 1926 г.) я никакого участия в руководстве практической работы крымских «правых» не принимал, я сохранил только некоторую деловую связь с отдельными товарищами, и то крайне слабую, по личным делам и вопросам.

По возвращении из Крыма, в сентябре-октябре я уехал на работу в Ташкент, где пробыл 1—2 месяца и вернулся опять в Москву. К этому времени относятся моя попытка поставить перед московскими товарищами вопрос об идейном и организационном разоружении и признании ошибок и выступлении в печати, обращении в ЦК.

Процесс раскола «правых» сопровождался резкой борьбой, и в части своего устава каких-либо официальных изложений она не носила обязательных решений для всех участников, но тем не менее после согласования каждый считал своим долгом придерживаться этого при отдельных встречах или беседах на квартирах у отдельных товарищей. Мы часто беседовали на темы вовлечения работников в учреждения, назначения отдельных кан-

дидатур [...] ¹, реализации татарского языка, о многом другом из практических вопросов ежедневной работы, но поскольку все согласованные вопросы почти на 100% принимались партийными и советскими органами и претворялись в жизнь, я не считаю наш поступок антипартийным, тем более такая групповая обработка происходила и у других товарищей.

Но у меня часто возникала мысль о необходимости прекращения таких сборищ, и у меня не хватило смелости отдельно выступить против целого ряда крупных тогда работников.

У меня были по некоторым вопросам большие разногласия с Валдиновым, часто спорил я с Брундуковым и Бикбавовым по отдельным вопросам, поскольку их взгляды не проводились в жизнь и как споры также все выходило наружу. Например, Валдинов высказывался за переселение части русского населения за пределы ТССР, но эту точку зрения он начал открыто проповедовать, когда уже его сняли с работы.

В результате нашей замкнутой групповой политики мы все более отрывались от масс. Кроме того, это [...] ² контрреволюционных дел Султан-Галиева. Партийная конференция осудила деятельность правительства и нас [...] ³ сняли с работы. Я был оставлен на должности председателя УИКа и кооперирован в новый состав ОК.

После отъезда Мухтарова и др. групповая работа затихла, но совсем не прекращалась. Мы продолжали встречаться и обмениваться мнениями по отдельным вопросам на злобу дня.

К этому моменту «правые» уже численно стали гораздо меньше. С уходом Мухтарова и др. ушли и перекочевали к «левым» многие работники центра и кантонов. Сохранились лишь те, которые во время направления деятельности «правых» были свободны от всей той окраски, которую оно приняло в 1927 году.

Переходя конкретно к ошибкам правых до 1926 г., я должен остановиться на группировочной работе 1925 года, в период Петропавловского.

Ведь и ЦК, и ЦКК прекрасно известно, что крымская организация в целом не хотела принять Петропавловского и, что называется, почти восстала против него, в этом участвовал в гораздо большей степени русский актив, в особенности севастопольская организация, и поэтому группировка против Петропавловского в 1925 г. была не исключительно делом татарских работников и не исключительно на почве нац. вопросов и не была группировочным делом «правых».

Переходя после этого к признанию своих ошибок, я должен заявить следующее:

Самым основным, первородным грехом «правых», в том числе меня, была нелишняя подозрительность и недоверие к нац. политике партии и соввласти в целом, обосновываемые нами следующим образом:

По национальному вопросу в рядах партии и в ЦК и Политбюро существует так называемое великодержавное течение (тенденция) левого и правого пошиба, смыкающееся на практике работы госаппарата, и особенно центрального РСФСРовского, с шовинизмом и диктаторским устремлением рус-

¹ Неразборчиво.

² Неразборчиво.

³ Неразборчиво.

ской высше-технической интеллигенции, оценивавшей государственную историческую роль коммунистов и соввласти как новых собирателей земли русской, вкладывавших в централизаторские тенденции соввласти агрессивный смысл и содержание в своей практической работе против существования национальных автономий и вообще конституции Союза, в основе имея задачу восстановления «единой неделимой России» или единого русского государства (но не Союза).

Мы находили, что ЦК партии не дает должного отпора этим глубоко реставраторским тенденциям по линии нац. политики. Мы в своей слепоте возлагали ответственность за эти нездоровые тенденции на все руководство в целом и только теперь, в связи с открытой борьбой с правым уклоном как идеологической тенденцией (системой) по линии всех основных вопросов революции, для меня стало ясно, что партруководство в целом в этом не было повинно, а в особенности тов. Сталин, а это было делом рук как раз современных столпов правого уклона во главе с т. Бухариным и что еще на IV совещании националов я придерживался подобной же точки зрения, что было мною и тогда высказано в моем выступлении (по поводу Бухарина и бухаринцев).

В рядах же «правых» возобладало мнение, что руководство почти в целом терпеливо относится к этому явлению и главные удары направляются на головы националов, что формулировалось как курс по линии наименьшего сопротивления.

Вопрос о т. Сталине в особенности выделялся ввиду того, что националы весь этап революции по оформлению госуд. политического положения националов как государственной системы (Союз) прошли под его руководством, и необоснованные обвинения отдельных «правых» касались главным образом т. Сталина.

Я сам лично еще на IV совещании националов главного виновника нездоровых тенденций по линии нац. политики видел в лице тов. Бухарина и так называемого актива РСФСР и в этом оказался прав и именно по этой причине в 1926 г. и позже в 1929 г. выдвинул вопрос перед товарищами в связи с борьбой ЦК против правого уклона о выступлении в печати и перед ЦК с идейным и организационным саморазоружением и самоликвидацией.

1. Признаю себя виновным в основном в группировочной работе так назыв. «правых националов» в 1925 г. и в начале 1926 г., направленной к изменению руководства в Областкоме против Петропавловского до 1926 г. и замене его местным секретарем от севастопольской организации.

2. Основной своей ошибкой признаю участие вообще в «правой» группировке националов до 1923 г., которое, по-моему, было ликвидировано IV нац. совещанием, после которого вплоть до 1925 года не было группировочной работы.

3. Основную идеологическую ошибку свою и «правых» вижу в том, что я и «правые» вообще в своем доверии к так называемой «беспартийной националистической интеллигенции» переходили грани партийной этики и партийной дисциплины и этим самым теряли классовое чутье и классовое лицо.

4. Признаю себя виновным в том, что идеологически проснувшись раньше других товарищей в отношении ложности нашей, понял свои ошибки,

появлял необходимость идейного и организационного разоружения, не проявил достаточного партийного мужества и твердости и выжидал, пока мне удастся убедить всех или группу товарищей.

5. Признаю своей большой ошибкой то, что я сам по своей инициативе не явился в ЦКК после крымского дела Вели Ибраимова и не выявил своего отношения к этому делу путем выступления в печати. Меня пугало, тошнито и претило уголовно-бандитское содержание этого дела и, кроме того, я не знал, как не знаю и до сих пор, подробно фактического хода дела, так и той обстановки, в которой оно развивалось.

К тому же со стороны ЦКК не было запроса ко мне по данному вопросу и кроме того, из всего изложенного вытекает, что я не чувствовал себя ни участником, ни виновником в тех конкретных преступлениях, в которых Вели обвинялся, и считал себя морально не связанным с этим политическим направлением, какое взяли крымские татарские работники после моей изоляции и разрыва со мной в 1926 г.

Сознавая себя виновным перед партией во всем вышеизложенном, я обращаюсь в ЦКК и ЦК с глубоким и искренним раскаянием и о прощении моих партийных преступлений, совершенных мною изволью в глубоко искреннем заблуждении, прошу протянуть руку помощи и дать возможность изжить совместно со всей партией и в рядах ее для пользы партии и революции мои идеологические ошибки, уклоны и вывих, обещаю с своей стороны честным упорным трудом и работой над собой идеологически обновиться и слиться со всей партией и искупить свою вину перед ней.

Считаю своим партийным долгом призывать всех моих бывших единомышленников сплотиться вокруг партии и ЦК и влиться в начавшийся процесс консолидации и укрепления рядов партии в тот центростремительный поток, который происходит — настоящий этап развития партии и пролетарской революции, на основе глубокого недрового подъема революционной волны в СССР и на Западе, укрепления государственной системы диктатуры пролетариата, подхода новых кадров рабочих и широких слоев крестьянства, развала и разложения оппозиционных течений в Коминтерне и саморазоблачения и самоликвидации оппозиции в рядах ВКП(б).

И.Фирдевс

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.144—149.— Ксерокопия.

75. Обращение Р.А.Сабирова к членам ЦК ВКП(б) с отказом от заявления в ЦК ВКП(б) от 7 августа 1929 г.

позднее 20 августа 1929 г.¹

7-го августа я вместе с тт.Мухтаровым и Мансуровым подписал заявление на имя ЦК ВКП(б), в том числе лично Вам, о привлечении нас Комиссией ЦКК к ответственности. Настоящим я заявляю, что все то, что написано в указанном заявлении, является прямой ложью в отношении определения характера нашей деятельности, в особенности характера отношений с Сул-

¹ Дата определена по содержанию документа.

тан-Галиевым. Подробно об этом я писал в ЦКК от 19—20 августа, копии своих заявлений при сем прилагаю.

Я отказываюсь от вышеуказанного заявления и снимаю свою подпись.

Р.Сабиров

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.150.— Ксерокопия.

76. Докладная записка и предложения специальной комиссии ЦКК в ЦКК ВКП(б) по делу «правых» татарских коммунистов-султангалиевцев

21 августа 1929 г.

Секретно

Дело о Мухтарове, Мансурове, Енбаеве, Сабирове, Фирдевсе и Дерене возникло в связи с тем, что арестованные ОГПУ члены подпольной буржуазно-националистической организации «Милли фирка» в своих показаниях, подробно обрисовывая работу «правых» тат.коммунистов в Крыму как тесно спаянную с «М.Ф.» и как совершенно лишенную классово-пролетарского содержания, в то же время указывали на работу московской группы «правых» татар-коммунистов (бывших работников Татари и Крыма) как центра султангалиевской группировки. Арестованный осенью 1928 г. Султан-Галиев дал подробные и обширные показания о работе своей группы за все время до его ареста. Тат.коммунисты, вопрос о которых разбирается партколлективом ЦКК ВКП(б), указываются и в показаниях Султан-Галиева, и в показаниях «М.Ф.», причем приводится целый ряд фактов их антипартийной и антисоветской работы и до IV нац.совещания, и непосредственно за ним, и вплоть до самого последнего времени. Мухтаров, Енбаев, Сабиров и Мансуров являются работниками Татари, Дерен и Фирдевс — работниками Крыма, причем Фирдевс появился в Крыму в конце 1920 года из Татари же.

Откровенно признание Дерена (с первого же опроса), Фирдевса (после ареста и очных ставок), признание основных фактов и обвинений со стороны Енбаева (тоже после ареста и очных ставок). Признание Сабирова (под давлением показаний Дерена, Фирдевса и Енбаева) и отдельные невольные признания Мухтарова и Мансурова (в основном же оба последние упорно и все пытаются отрицать) не только полностью подтверждают материалы, полученные от арестованных «М.Ф.» и Султан-Галиева, но и пополняют их и дают возможность видеть деятельность соответствующих организаций в связанном виде и со значительными деталями. Поэтому недостаточная искренность или даже отказ от показаний со стороны отдельных привлеченных не может уже ослабить силу падающих на них обвинений, и степень искренности в показаниях может определяться ближе лишь личной судьба того или иного привлеченного.

Что устанавливается Комиссией ЦКК из имеющихся материалов?

1. Нарушены привлеченными¹ основные требования и указания IV нац.совещания, сформулированные в особом постановлении по Султан-Галиеву как

¹ Так в документе.

обязательство: систематической и решительной идейной борьбы за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклона к национализму; строжайше следить за тем, чтобы не только организационные, но и идейные границы партии строго ограждались; не допускать, чтобы какая-либо часть парторганизации растворялась в национальных и даже в националистических настроениях; бороться за те или иные изменения национальной политики коммунисты могут не иначе как через посредство парторганизации и строго партийным путем.

Устанавливается полное тождество «правой» группировки тат. коммунистов и султангалиевщины (показания Дерена, Фирдесва, Енбаева, Сабирова, не говоря уже о показаниях самого Султан-Галиева и показаниях «М.Ф.»). «Правые» Татарии и после IV нацсовещания, и после своего отъезда из Татарии (1924 г.) продолжали свою групповую работу. Фирдесв так определяет положение вещей: «В 1923 году это постановление нас ударило по голове, но не привело нас в себя и не пришло, и это я объясняю тем, что началась оппозиция». Султан-Галиев являлся неизменным участником совещаний, политическое общение с ним не прерывалось, без его участия не разрешался ни один существенный вопрос. Упорно «правые» держатся за мысль о возвращении Султан-Галиева в партию и делают неоднократные попытки к этому, попытки легализовать таким образом его и свою группировку. Нахождение в Москве ряда отозванных из Татарии и Крыма работников создало благоприятные условия для превращения их в центральную группу, которая тянулась к роли центра, направляющего и координирующего усилия отдельных напесублик и областей и к которому, в свою очередь, тянулось внимание единомышленников из нацобластей и республик.

На территории Крыма бывшему работнику Татарии — Фирдесву принадлежит основная роль в оформлении течения «правых», переноса методов их работы и оформление этой группировки на идейных установках той же султангалиевщины.

Еще на IV нацсовещании в заключительном слове т. Куйбышева обращалось внимание на то, что выступления Фирдесва, Мухтарова и Енбаева по вопросу о Султан-Галиеве и султангалиевщине совершенно неудовлетворительны: «Они хотели представить положение так, что Султан-Галиев все время работал в рамках нашей партии, не совершал никаких преступлений... и вдруг споткнулся»; «они не отмежевались от Султан-Галиева целиком и полностью», «Енбаев фактически защищал Султан-Галиева»; «направление работы и мысли Фирдесва, Мухтарова и др. может при известном своем продолжении привести к тем последствиям, которые уже выходят за пределы партии, пролетарского государства, вообще являются противными интересам и пролетариата, и вопросам национального освобождения в целом». И вот в настоящее время Енбаев, например, характеризуя работу «правых» султангалиевцев и свою собственную, признает, что «она не только выходила за пределы партии, но даже и за советские рамки».

2. Политический облик тат. коммунистов особенно явственно выступает по Крыму. Интересны в этом отношении показания Дерена, как непосредственно переживающего и олицетворявшего тесное сращение «правых» с подпольной националистической партией «М.Ф.». Этому сближению особенно содействовало то, что в начальные годы советизации Крыма (конец

1920—1923 гг.) разрешались основные вопросы строительства советской власти и социалистического строительства в Крыму (вопрос о республике, земельный вопрос, коренизация аппарата и др.) и с особой остротой протекали вопросы об основных персональных назначениях (кандидатуры предсовнаркома и секретаря обкома).

Материалами ОГПУ о «М.Ф.» документально установлено, что все вопросы партийного и советского строительства Крыма предварительно обсуждались и разрешались «М.Ф.» в центре, что «М.Ф.» систематически проводила целый ряд мероприятий по срыву партийной и советской работы в Крыму, что в процессе борьбы она связалась с зарубежной эмиграцией в Константинополе и на местах, в Крыму создала свои ячейки и в общем систематически проводила упорную работу по захвату советского аппарата и подмене соввласти и влияния компартии своим влиянием и своими ставленниками. Эта систематическая подрывная деятельность «М.Ф.» в течение ряда лет — с момента советизации Крыма и до самого разгрома ее в 1928 году — была бы невозможной и крымский контрреволюционный гнойник был бы своевременно вскрыт, если бы в работе «М.Ф.» активнейшее и даже в известной мере руководящее участие не принимали так называемые «правые» татарские коммунисты в лице Дерена, Фирдевса, Вели Ибраимова, Ногаева и др., взгляды которых по национальному вопросу полностью отождествлялись со взглядами «М.Ф.», в результате чего они не только растворились в миллифирковской организации, но, входя в ее местные ячейки и руководящее ядро, вели, опираясь на нее, систематическую борьбу с партийной линией.

В показаниях Дерена выпукло выступает процесс идейного и классового выхолащивания «правых» тат. коммунистов и стирания их партийного лица настолько, что они рабски плелись за «М.Ф.» в хвосте в деле постановления и разрешения основных практических задач.

«Оценка положения крымских татар и оценка проводимой политики в Крыму со стороны членов ВКП(б), принадлежавших к «правым», почти в точности совпадали с определениями националистов «М.Ф.»... Из коммунистов никто ни в печати, ни в устной дискуссии не выступал принципиально против джигитизма (особая теория национального героизма, особенно развивавшаяся Чобан-Заде), несмотря на то, что Чобан-Заде и др. националисты эту идею широко агитировали как в печати, так и в устных докладах... Особенно страдали теоретические обобщения и анализы важнейших проблем с марксистской, большевистской точки зрения, в то время как миллифирковцы [под] всяким важнейшим явлениям и проблемам подводили свою теоретическую базу. Все стороны общественно-политической жизни татарского населения развивались под покровом националистически-шовинистской идеологии... Классовая борьба, интересы диктатуры пролетариата отодвигались на самый задний план. Разжигать классовую борьбу среди татар на данном уровне их развития считалось преступлением. Считали, что это задержало бы культурное развитие татар, ослабило общий фронт татар против русского шовинизма; считали, что среди татар совершенно мало помещиков и кулаков, что каждый русский или немецкий середняк по своему хозяйству может превосходить татарского кулака, и поэтому не следует вносить классовую борьбу в татарскую деревню... Задачи, выставляемые «правыми» по существу ставились против линии партии: любой вопрос, который выс-

тавлялся «правыми», всегда встречал поддержку «Милли фирка»... Почти каждый «правый» в той или другой степени был связан организационно с «М.Ф.».

«После установления сов. власти (ноябрь 1920 года) я впервые почувствовал, что татарская работа отделена от общей работы... Только и слышал всевозможные жалобы и протесты со стороны татарских работников партийцев о несправедливости отношения партии к татарам... В это же время (февраль, март 1921 г.) выдвинулся общекрымский политический вопрос о республике.

Как Дерен позже узнал от Булупшева, тогдашнего представителя Наркомнаца в Крыму, все материалы о необходимости республики составлялись исключительно «М.Ф.». В представительстве Наркомнаца работали Хаттатов и Айвазов — два виднейших миллифирковца. Для составления тезисов о республике привлекались в Татсекцию при Татбюро ВКП(б), секретарем которого состоял тогда Фирдевс и др. миллифирковцы. Кроме того для ведения агитации в пользу республики посылались в деревню многие миллифирковцы. Представительство Наркомнаца послало своего инструктора для агитации в деревнях и в качестве такового состоял не кто другой, как Аким Муслюмов. Подчинение всех вопросов вопросу о республике привело к тому, что националисты открыто возглавляли массу, а тат. коммунисты плелись в хвосте. Пример с вопросом о республике раскрывает подлинную роль, какую играла «М.Ф.» в деле разложения татарской части парторганизации в борьбе с компартией и сов. властью... Националисты и «правые» в равной мере брали под большое сомнение, что пролетарское государство сумеет оказать существенную помощь бывшим колониям, а также подвергали сомнению возможности в отношении Востока от диктатуры пролетариата на Западе ...¹ Фактически существовал единый фронт «правых» и «М.Ф.» в важнейших вопросах политической и экономической жизни Крыма. Совершенно не случайно, что по ряду законодательных актов и мероприятий совершенно отсутствует четкая классовая линия (земельный закон, татаризация аппарата, вовлечение в партию, культурно-просветительная работа и работа по народному образованию, переселение крестьян из горных и предгорных районов и др.). Татаризация аппарата проводилась за счет не рабочего и не батрацкого элемента, наоборот, в аппараты устраивались сыновья буржуазии, духовенства и т.п. В первую же очередь в аппарат попадали националистические элементы... Лидером «правой» группы был Фирдевс. Группа систематически собиралась, обсуждала важнейшие политические вопросы; решения свои группа не объявляла, но в конечном итоге решения группы устанавливали руководящую линию в спорных вопросах среди татарских коммунистов. На этих собраниях Фирдевс часто говорил, что теоретические установки марксизма и Ленина о близости мировой пролетарской революции не оправдываются, русская революция не могла зажечь Европу, поражение под Варшавой означало поражение русской революции, она зашла в тупик и т.п.

Уже в 1924 году надежным образом было застопорено осуществление классовой линии. Земельный вопрос — основной, на котором, как на оселке, настойчиво указывал Ленин, крымской парторганизации надлежит заострить и выявить классовый разрез советского строительства и линию партий-

¹ Затухающий текст

ного руководства, — земельный вопрос благополучно был похоронен, а интересы татарского кулачества и тат. буржуазии были максимально сохранены и удовлетворены. Режим Вели Ибраимова являлся родным детищем и ярким проявлением этой системы работы, когда прямое откровенное удушение бедняка и батрака стало правилом, и для этого было использовано все, вплоть до групп по борьбе с бандитизмом.

Дерен приводит пример с постановкой вопроса реэмиграции и вселения евреев в Крым как доказательство того, в какой мере «М.Ф.» являлась подлинной вдохновительницей всей политики «правых». Этой явной авантюрой с реэмиграцией отводили глаза от подлинного разрешения земельного вопроса, тешили нац.самолюбие, играли на нем. Этот вопрос предварительно обсуждался в Москве в султангалиевском центре. Все «правые» одобряли реэмиграцию. За нее повели агитацию и в других республиках. В Москву специально по этому вопросу несколько раз приезжал Вели Ибраимов, и там неоднократно обсуждался вопрос о реэмиграции в связи с переселением еврейских трудящихся. Фирдевс был одним из ярых вдохновителей реэмиграции.

Делом «правых» была организация травли против секретаря обкома Петропавловского. Недовольство Петропавловским существовало именно на почве тех вопросов, за осуществление которых «правые» боролись все время. «М.Ф.» в этой борьбе целиком одобряла линию татарских «правых» коммунистов. Крымские вопросы обсуждались в московском центре с участием Енбаева, Мухтарова, Сабирова, Мансурова, Вели Ибраимова, Султан-Галиева и Дерена в плоскости оценки правильности линии Петропавловского и обкома. Вели Ибраимов докладывал о положении Крыма после снятия Дерена.

Одновременно существовала тесная связь, постоянные налаженные сношения с эмигрантским центром в Турции, и письма Джафара Сейдаметова приносили инструкции, основа которых сводилась к тому, что национальный вопрос в Крыму может быть проводим лишь через «правых» таткоммунистов и «М.Ф.». Московский султангалиевский центр не только руководил общей кампанией по противодействию переселению трудящихся евреев в Крым, но неизменно принимал участие в обсуждении и составлении многочисленных протестов крымских «правых», адресованных в высшие советские и директивные органы, причем наиболее важные секретные документы и постановления партии и правительства одновременно оказывались в распоряжении зарубежного эмигрантского центра и появлялись в зарубежной печати.

Только арест и расстрел Вели Ибраимова, сосредоточенная борьба и организация работы на новой основе и дальнейшие аресты миллифирковцев и самого Султан-Галиева значительно подбили этот «правый» захлест всей партийной советской и общественной работы, но, нет сомнения, не добились еще. Значение настоящего дела в том, что оно, демонстрируя роковую слабость воинствующего национализма, обнаруживает и всю глубину падения партийной организации и работы. Только теперь, когда Крым оправляется от последствий господства «правых» и «велиибраимовщины» — только теперь видно, какой непрестанной угрозой и прямым удушением бедноты являлся режим Вели Ибраимова в атмосфере полной бесконтрольности и систематического использования личного влияния и вверенной ему партией власти для борьбы против бедноты, непрерывного дискредитирования соввласти и партии, для защиты кулаков и помещиков.

3. Аналогично складывалось положение и в Тат. республике.

Приведу выдержки из показаний Дерена и Фирдева.

Из показаний Дерена: «Так называемые «правые» султангалиевцы, в какой бы республике они ни существовали, безусловно, выражали интересы нац. буржуазии ... Такое долгое пребывание «правой» группы в ВКП(б) можно объяснить, очевидно, тем, что в тех республиках, где они имели значительное влияние, почвой к существованию их служило своеобразие условий развития этих республик. Если взять Татарию и Крым, то мы видим, что как раз в этих республиках нац. движение до Октябрьской революции было наиболее сильным, в то время как классовая борьба нац. пролетариата в этих республиках была наиболее слабой. В Татарии и Крыму масса долгое время находилась под влиянием нац. буржуазии, и это обстоятельство является основной причиной возникновения в этих республиках «правой» группы и долгого ее существования... С массой «правые» связаны через нац. буржуазию, через нац. буржуазную интеллигенцию ...

Насколько приходилось слышать о работе «правой» группы в Татарии, у меня создалось такое же представление, как о работе в Крыму. Как у нас в Крыму, неправильная линия приводила к столкновению с линией партии и к борьбе против руководителя организации. Борьба «правой» группы в Татарии велась также вокруг земельного вопроса, вокруг вопросов руководства массой и т.п. Не классовый, чисто националистический подход к общественно-политическим вопросам является общим для «правых». Судя по той линии, которую они проводили в своей работе, связь со своими националистами, несомненно, должна быть у них. Не случайным является тот факт, что еще в 1924—1925 году в Татарии религиозные школы успешно конкурировали с советскими школами. Не случаен и тот факт, что в кампании против латинского алфавита коммунисты Татарии действовали единым фронтом вместе с беспартийными. В Татарии совместная работа с беспартийными допускается не только «правыми», но и «левыми», а среди нац. литературы самое видное место занимают как раз произведения Алимджана Ибрагимова¹, который является одним из лидеров «левых». Он является главным противником латинского алфавита, он же в своих произведениях предсказывает буржуазный путь развития татарскому народу... В том же убеждает факт наличия в важнейших вопросах единого фронта коммунистов и беспартийных. Борьба с «левыми» также являлась одним из основных вопросов «правых» в Татарии. Характерно, что как раз в то время, когда в Крыму «правые» и «левые» попытались говорить о едином фронте против Петропавловского, в это время также в Татарии «левые» вели переговоры с «правыми» об объединенном выступлении против секретаря обкома Хатаевича...

Фирдевс в своих показаниях говорит о Татарии и о современном положении в ней:

«Начавшийся децентралистический процесс внутри партии в 1923 г. (выступление Троцкого) коснулся своим дуновением нас немного раньше — в 1922 году. Первым почувствовавшим его и захлебнувшимся им был Султан-Галиев. Удар по нему остановил процесс на точке замерзания. Движение к сползанию от общего массива партии было задержано, но обратного движе-

¹ Галимджан Ибрагимов.

ния и притяжения к общей глыбе — партии также не получилось... Получилось колеблющееся положение... Такова же картина и в Татарской республике в отношении положения «правых», только тут большая глубина социального объема скрывает этот процесс до поры до времени. Но активного поворота в сторону партийного руководства тоже нет. Состояние политической протрапии к партийному руководству продолжается до сих пор еще у всех «правых» и в Татарской республике... Общая картина подтверждается и в показаниях Султан-Галиева по поводу характера установки к оппозиции (шатания, отдельные связи то с одним крылом, то с другим, выступления против оппозиции в 1923 г., а в 1926 г. — сползания)... Если можно извлечь какой-либо урок, полезный для партии и сов. власти из этого ужасного дела крымских работников, то это будет и должно заключаться в том, чтобы немедленно заняться оздоровлением Татарской республики; чтобы спасти ее от спалзывания в то болото, куда мы пришли в Крыму, в результате долгого упорства в своих ошибках, в закоренелых методах группировочной борьбы».

4. О работе московского центра.

Кроме показаний Султан-Галиева и миллифирковцев, работа московского центра выпукло обрисовывается в показаниях Дерена, подтверждается и дополняется показаниями Фирдөвса, Сабирова, Енбаева. Из имеющихся материалов видно, что чисто подпольная работа перекрепчивается причудливо с записками в ЦК по отдельным вопросам как метод давления на парт. руководство; тут же рядом имеются параллельные конспиративные шаги, например, передача текста заявления о латинке в Казань после обсуждения его в Москве с беспартийной татар. интеллигенцией. Записки в ЦК составлялись и писались или Султан-Галиевым, или при его ближайшем участии. Тут же мы имеем и оформление платформы «правых» султангалиевцев, подготовку к XV партсъезду самостоятельного выступления по нац. вопросу, переговоры с оппозицией, ставку на Каменева-Зиновьева (их вмешательством и настоянием против т. Сталина объясняли IV нац. совещание и факт «мягкой» судьбы Султан-Галиева), ставку на Троцкого, в параллели с утверждением о том, что т. Сталин чем дальше, тем все более сходит с правильного пути на путь великодержавного шовинизма. Ни один вопрос текущей работы в основных нац. республиках, ни одно мероприятие по линии партруководства не оставались без откликов со стороны московского центра. В постоянный состав центра входили и наиболее активными фигурами в нем были: Мухтаров, Мансуров, Енбаев, Султан-Галиев. Собрания московского центра с обсуждением крымских вопросов происходило много. Но в московском центре обсуждались не только крымские вопросы, обсуждались также вопросы о Татарии и других республиках; всегда члены московского центра были в курсе дела относительно проводимой политики в республиках, о ходе борьбы групп и т. д. Хотя этот центр состоял исключительно из бывших работников Татарии, но он был центром «правой» группы именно потому, что все члены его были связаны с Султан-Галиевым. Султан-Галиев принимал ближайшее участие в работе и являлся одним из руководителей. Московский центр был непосредственно связан с «правыми» группами Татарии и Крыма, вмешивался в дела этих республик, как в свои групповые дела, руководил делами этих республик с точки зрения интересов «правой» группы. Решения московского центра не были обязательными, но они фактически определяли линию «правых»

в этих республиках, ибо «правые» группы этих республик сами охотно подчинялись этим решениям, являвшимся наиболее правильными решениями с точки зрения «правой» идеологии; члены Московского центра, находясь в Москве и будучи в курсе дела в ЦК ВКП(б) и в курсе общей политики партии, наконец, будучи в курсе дела в отдельных республиках, могли найти самый правильный путь решения с точки зрения общего интереса «правых».

Во время рыскуловского совещания состоялось собрание в квартире Енбаева. Присутствовали: Енбаев, Мухтаров, Сабилов, Султан-Галиев, Мансуров, Дерен, также, по-видимому, был Фирдевс и один или два работника из Татарии. Обсуждался вопрос о ходе совещания Рыскулова и о подготовке материалов на V нац. совещание. Говорили о V совещании как о решенном уже вопросе: предполагалось перенести постановку его на очередной партсъезд. Намечалась новая по сравнению с XII партсъездом постановка нацвопроса; все сходится на этом; связывалось это с усложнившейся обстановкой и новыми задачами при переходе от восстановительного периода к периоду реконструкции. Подготовка материалов была поручена Мухтарову, Енбаеву, Сабирову и Султан-Галиеву; самую большую часть работы для обоснования постановки нацвопроса по-новому (взяли на себя Енбаев, Султан-Галиев и Мухтаров; у Енбаева и Султан-Галиева в черновике уже была готова часть тезисов), но ввиду незаконченности их не обсуждали. Даже Дерен разрешился статьей, поскольку решено было также поднять литературную кампанию и вызвать серьезное внимание партии; статья — путаная и пустая, на шести страницах голо утверждает о преимущественной важности нацвопроса; была оставлена Султан-Галиеву и Енбаеву для замечаний московских «правых» и для помещения в «Большевик».

Дерен утверждает, что работа Московского центра не была случайной, а велась систематически и шла по стопам событий в республиках и центре; в общем, ни одно важное событие в республиках, имеющее отношение к политике партии, затрагивающее в той или иной степени работу «правых», не проходило без того, чтобы не обсуждалось в Московском центре. В отношении связи с отдельными республиками широко использовались личные связи Султан-Галиева, Енбаева, Мухтарова, Мансурова и Сабирова; поездки по служебным делам в нацреспублики и районы были одним из средств связи. Султан-Галиев имел широкие связи с работниками-националами, ходил к ним также, когда они приезжали в Москву на съезды, совещания и пр.

Что касается организации собраний Московского центра, то в распоряжении комиссии имеется записка Сабирова к Султан-Галиеву от конца 1927 года относительно необходимости обсудить вопрос о назначении Живова («нап» Живов) секретарем Тат. обкома и вопрос об отношении к оппозиции. В записке предлагалось собраться завтра у Енбаева и сообщалось, что Кашаф (Мухтаров) тоже заходил к Султан-Галиеву и просил Сабирова подтвердить Султан-Галиеву необходимость обсуждения указанных вопросов. Собрание завтра состоялось, и имеются показания о составе его и принятых решениях; о составе его и относительно порядка дня невольно проговаривается даже Мухтаров.

5. Отношения с оппозицией и попытки к оформлению платформы «правых»

«Дуновение оппозиции мы почувствовали раньше, чем оппозиция высту-

пила на стену», — так поэтически выражается Фирдевс. Он тут верно передает и объективную необходимость и субъективную настроенность в сторону связи с оппозицией. Поскольку к 1926—1927 годам ясно определилось положение изоляции «правых» тат. коммунистов — этой группы интеллигентов — и полная безнадежность раздуть самостоятельно сколько-нибудь близкое массам движение, Фирдевс в связи с битой ставкой «правых» по отношению к Петропавловскому об этой же поре формулирует положение несколько иначе: «Мы в своем ожесточении против политики партии в национальном вопросе, как базе практической работы, дошли до последней грани, уперлись в стену, в тупик. Дальше некуда идти. Предстоят два пути: или подполье и восстание (Фирдевс каким-то удивительным путем тешил себя мыслью, что до 1926 г. деятельность «правых» протекала еще в легальных рамках), или же поворот в сторону партийной линии и в корне изменить нашу линию поведения в партии».

Выше приведено замечание Фирдевса о том, что удар от постановления IV нацсовета он признает ослабленным тем, что «появилась оппозиция». Так что и в ту пору «правые» сыграли, можно сказать, под оппозицию и в расчете на ослабление внимания партии. В 1926/27 г. они действуют уже активно в сторону организационной связи с оппозицией; еще с поры IV нацсовета в их среде популярна была версия о том, что самое это совещание обязано было тому, что Каменев и Зиновьев настояли на нем в противовес т. Сталину. От поры 1923 г. также оставались следы надежд на Троцкого, связанные с его якобы обещаниями Султан-Галиеву. Султан-Галиев так говорит об этом: «В 1923 г. после XII партсъезда накануне моего ареста и татарские, и крымские товарищи высказывались под моим влиянием за блок с Троцким по нацвопросу. Не чужда была тогда эта мысль и азербайджанским «правым». Все это подошло, во всяком случае, кстати и было реставрировано; вопрос относительно связи с оппозицией обсуждался на специальном собрании Московского центра в присутствии Енбаева, Сабирова, Мухтарова, Вели Ибраимова, Султан-Галиева, Мансурова и ряда др.; выявились большие разногласия; Мансуров и Султан-Галиев были за присоединение к оппозиции; мотивировалось это необходимостью решиться в конце концов на активную политику и присоединиться к какой-либо общероссийской политической силе; указывалось, что если русский великодержавный шовинизм покончит с последними остатками революционных элементов в партии и в стране, тогда он окончательно укрепит свое положение и свою диктатуру, и татарские и угнетенно-малые народы безвозвратно будут обречены на окончательную ассимиляцию. Но и другие «правые», настроенные осторожно-выжидательно по отношению к оппозиции, отнюдь не стояли на партийной точке зрения, а стояли на необходимости выступления с собственной платформой правых по нацвопросу. Переговоры с оппозицией все же велись. С Сафаровым вели переговоры Мухтаров и Мансуров, последний — также с Зиновьевым, и от него получена была платформа оппозиции (утверждает Сабиров), Сабировым — с Бабаханом (и тоже была получена платформа). Имеются также указания об участии «правых» в выработке национальной части платформы оппозиции и что Мансуров вносил поправки в текст национальной программы в духе установок «правых». Это подтверждает и Дерен, ссылаясь на разговор об этом на собрании, где обсуждалось отношение к

оппозиции; о выработке оппозицией национальной программы говорили также на собрании.

Попытка к оформлению программы «правых» была ранее. Так, все московские «правые» знали, по словам Дерена, о программе Султан-Галиева, об этом ему говорил Фирдевс и сам Султан-Галиев; Султан-Галиев перечисляет также, когда и кому давал читать и знакомиться с наброском платформы и также относительно общего обсуждения ее, наличия споров и замечаний против теории о диктатуре колоний над метрополией, но и о приемлемости ее в основном и о поручениях ему относительно доработки. Со слов Султан-Галиева известно, что наброски платформы и основные ее мысли относятся еще к 1919—1921 г. Программные установки Султан-Галиева (организация восточных коммунистов, федерация восточных татарских республик, о четвертом Интернационале) не оригинальны, повторяют установки зарубежной пантюркистской прессы; оригинально, может быть, причудливое смешение мотивировок от предрешенной гибели советской власти и компартии (с 1919—1921 года) с одновременными уверениями о задачах неизбежности подготовки новой и уже окончательно победоносной революции и т.д. Во всяком случае, как это явствует из очной ставки, например, Султан-Галиева с Енбаевым, основные оппортунистические установки Султан-Галиева против марксизма-ленинизма и против способностей пролетарской диктатуры разрешить национальный и колониальный вопросы как будто возражений со стороны «правых» тат. коммунистов не встретили; точно так же и в отношении утверждения о единственной силе самостоятельного национального движения тат. народностей. Вместе с тем попытка Султан-Галиева обособить свою платформу и идею туранизма в отличие от идей пантюркизма очень неубедительна.

На деле султангалиевщина, логикой борьбы и самого положения группы, поневоле изолированной от текущей массовой политической работы и движения, толкалась на путь перерождения, поисков связи и неизбежного сращивания с крайними националистическими группами, вплоть до утраты классовой линии; также неизбежно уходили в среду беспартийных, судорожно искали возможности вести кружки среди учащихя и создавать таким путем видимость массы или выпуск подпольных воззваний и открывали путь для любого проявления антисоветского и явно контрреволюционного характера. Так на деле и было, судя по материалам ОГПУ. Тот же Джафар Сейдаметов лично связан с Пилсудским, и ни для кого не тайна, что действиями татарской эмигрантщины руководит более сильная рука основных врагов СССР из лагеря мировых империалистов.

Итак, еще в конце 1927 года «правые» ищут самостоятельного оформления: программного и организационного, ставка на оппозицию — это прежде всего ставка на лишнее осложнение в партии, чтобы нажать на партруководство и лучше выиграть. О сдаче позиций, о припадке раскаяния, о сознании провала и проч., — о чем хочет теперь повествовать и уверять Фирдевс, — в эту пору нет и речи. Да и сам Фирдевс под влиянием собственного панического состояния погрешил, перепутал факты и в свете настоящего своего состояния поглядел на состояние и настроение всей группы «правых» в пору 1926/27 года.

б. О «покаянных» настроениях.

В эту сторону внимание комиссии упорно толкает Фирдевс, склоняющий-

ся в свете личного самочувствия оценивать не только настоящее, но и прошлое. В 1926 году он, Фирдевс, поднял речь перед «правыми» (перед Московским центром) о коренном изменении линии поведения в отношении партии. Он утверждал, что общественно-политическая роль «правых» изжита; их историческая функция была в организации республики; в годы 1918—1920 «правые» выдвигали перед центром целый ряд общеполитических (всесоюзных) вопросов в плоскости национальной политики. После же создания республик положение в корне изменилось. «Правые» в течение 1923/25 годов и т.д. годов не выдвинули перед ЦК ни одного большого вопроса. Создание республик замкнуло их в рамки большой внутренней экономической и культурной работы, и отсутствуют какие-либо общие межреспубликанские вопросы. Но как-то из этих мыслей конкретно оформилось у Фирдевса только предложение Султан-Галиеву о легализации в партии. Султан-Галиев соглашался, Енбаев, Мухтаров, Ногаев (тоже приезжал хлопотать о восстановлении в партии) поддержали. Стали обсуждать. Султан-Галиев дал длинный текст, в котором очень много места отведено вопросам Коминтерна. Остальные настаивали на коротком заявлении общего характера, Султан-Галиев не соглашался. Стали коллективно подрабатывать. «Одновременно из показаний Фирдевса естественно возник вопрос о том, что ведь личное выступление Султан-Галиева с признанием ошибок не ценно. Ведь мы-то должны будем также реагировать на это. Решено было опять поступить так: Султан-Галиев подает заявление с признанием своих ошибок и покаянием. Мы тоже потом поддерживаем его признание, но предварительно идем в ЦК к Сталину лично и выясняем вопрос о том приблизительном контуре заявления, который может быть целесообразным и тактичным с точки зрения ЦК. Как мне помнится, готовый текст заявления Султан-Галиева в черновике все-таки был готов.

При обмене мыслей по этому вопросу вставал вопрос о том, не слишком ли поздно вообще все это, не утратило ли дело Султан-Галиева общественно-политическое значение. Общая точка зрения была та, что не утратило, и поэтому пришли к выводу, что этот шаг необходимо сделать. Почему это дело не было доведено до конца, не знаю. Вообще каждый раз, когда вставал вопрос о восстановлении Султан-Галиева, он упирался в вопрос о покаянии и признании ошибок не только со стороны его, но и вообще «правых». В узком кругу с этим соглашались, но потом как-то вопрос медленно сам по себе исчезал с горизонта. Так случилось и на этот раз».

Что же случилось на самом деле? В том-то и дело, что мысль была о легализации Султан-Галиева, и только. О расквядации «правых» вопрос совсем не стоял, меньше всего им думалось о ласкаении и тому подобных вещах. Султан-Галиев вносит в рассказ Фирдевса существенные поправки: «Решения о том, что после моего выступления «правые» пойдут к Сталину и договорятся с ним, также и о выступлении остальных «правых», не было. По крайней мере, я этого не помню. Если об этом и говорилось, то вопрос этот мог ставиться лишь в плоскости возможностей. Поднимался вопрос, насколько мне помнится, о другом, а именно что «правые» пойдут в ЦК после моего выступления по вопросу о моем восстановлении в партии, если обстоятельства потребуют этого». Расспрос Султан-Галиева в присутствии Фирдевса дал новые и очень интересные подробности. Султан-Галиев высказывает замечание, что к вопросу

о его заявлении «правые» подходили формально и «очевидно, они не хотели, чтобы я выступил с признанием своих ошибок на все сто процентов; товарищи полагали, что это будет полной сдачей позиций, и это вызвало бы полное разоружение; я лично из всего этого понял, что они сами на точке полного разоружения не стояли». На вопрос: «И хотели продолжать эту работу дальше?» Султан-Галиев отвечал: «Да». И дальше Султан-Галиев совсем разоблачает «современную» ложь Фирдева: «Фирдевс в своем показании указывает, что они как будто передо мною ставили вопрос в такой плоскости, что если я не выступлю, то в дальнейшем в их рядах я не могу находиться. Определенно заявляю, что мне такого указания не делалось».

Итак, речь, видимо, шла о попытке легализации Султан-Галиева с целью очередного обмана партии и обеспечения себе выигрыша для свободного продолжения антипартийной работы «правых»; причем все это надлежало продолжать не только без риска самим «правым» попасть под удар, но и с выигрышем для них и усилением их за счет некоторой легализации. Это важно помнить, чтобы оценить действия московских «правых» в апреле 1929 г., когда тот же Фирдевс, уже окончательно сметенный происпешдшими арестами, предложил новый текст раскаяния Енбаеву и Мухтарову; в обсуждении участвовал и Сабиров. «Сначала я говорил о раскаянии с Енбаевым, потом мы пошли к Мухтарову, и нам пришлось свое заявление изменить. Был составлен окончательный текст и этот текст немного отличался от того, который был первоначально, принципиальная же установка была та же самая» (Фирдевс). Оказывается, что и в этом случае на деле было иначе. «Когда мы пошли к Мухтарову, он был против, сказал, что это не годится, что здесь нужно ввести изменение. Изменение было внесено. Вопрос был сглажен и такие ошибки, которые могли привести к скверным последствиям, были сглажены. Мы указали, что у нас были ошибки, но они вытекали из ошибок внутри партии». Вопрос: «Вы говорили, что прекращаете антипартийную работу». Енбаев: «Мы говорили так, а Мухтаров сказал, что это слишком». Фирдевс: «Да, он говорил, что так далеко заходить нельзя. Он был осторожен. По его словам, так сделать нельзя было потому, что в таком случае этот документ, вместо положительного документа для партии, станет отрицательным». Вопрос: «Не для партии, а для Вас?». Фирдевс: «Смысл был такой, что наша задача заключается в том, чтобы открыть разницу между правым уклоном и нами; если же мы поступим так, как хотели, то, по словам Мухтарова, мы, вместо выяснения этой разницы, сами попадем под удары. В тексте говорилось, что правый уклон, который имеется в национальном движении, не может быть сравнен с правым движением ВКП(б), потому что правое национальное движение является отрывкой великодержавничества». Вопрос: «Речь о признании ошибок и сдаче позиций была?». Енбаев: «Нет, этого в тексте не было». Фирдевс: «Почему ты дипломатничаешь? Говори открыто, как был факт. Было сказано, что мы раскаиваемся, и ты согласился с этим текстом, но когда мы пришли к Мухтарову, он сказал, что не нужно в таком разрезе ставить вопрос о раскаянии, что слово «раскаяние» нужно выбросить». Енбаев сознается, что он пробовал солгать. Из сочиненного документа ничего не вышло. Брундуков, участвовавший в совещании, увез проект заявления в Казань, и дальше все замолкло.

О чем все это говорит? О том, что еще в апреле 1929 г. и речи о раскаянии не шло, наоборот, было упорство на сохранении группы «правых».

Поэтому наивное стремление Мухтарова, Мансурова и Сабирова в направляемых ими в ЦК и членам партколлегии ЦКК заявлениях доказать, что Султан-Галиев во зло использовал их доверие и товарищеское отношение к нему и что о его работе против партии и проч. им ничего не было известно, является очередным очковтирательством и попыткой обмануть партию. Во всяком случае, Сабиров пришел уже (16—19 августа) в комиссию ЦКК с откровенным признанием в группировочной антипартийной борьбе в течение 9 последних лет, не остановленной и не поколебленной постановлением IV нацсовета; заявления в ЦК и членам партколлегии ЦКК Сабиров определенно называет лживыми и сожалеет, что он не мог раньше высвободиться из-под зависимости от Мухтарова и Мансурова; он же подробно излагает, как происходили их сговоры относительно того, как обманывать комиссию ЦКК и проч. Это дорисовывает лишь глубину политического падения Мухтарова и Мансурова и полную их чуждость партии.

Что касается Фирдевса, то у него ничего не получилось, и он не принес партии свое раскаяние и не расстался с «правыми». Очевидно, и тут действовал инстинкт самосохранения. «На путь индивидуального, личного обращения и решения вопроса я не мог стать. У меня не хватило на это решимости, воли. И, наконец, я думал, что оно было не ценно и с точки зрения общественно-политической». Хотя Фирдевс уверяет дальше, что от «правых он отошел» «молча» и «бежал из Крыма», но это противоречит фактам, очной ставкой с Султан-Галиевым было удостоверено обратное, а письмо Фирдевса к Вели Ибраимову от января 1928 г., проникнутое жгучим интересом к работе «правых» в Крыму, в Москве, в Татарии и проч. и стремлением обратно в Крым, подтверждает это. Фирдевс в данном случае тот же, как и во всей работе «правых» — старая хитрая лиса и интриган до мозга костей.

Но все же у него вырываются формулировки, достойные внимания остальных «правых»: «В чем надо быть особенно твердым и неуклонным — это, во-первых, в том, чтобы мы все «правые» до единого — осознали свои ошибки, одумались и внутренне ликвидировали свою оппозицию к партии и ее руководству. И второе, самое главное — чтобы «правые» не вернулись когда бы то ни было на свои старые позиции, от них надо потребовать полнейшего разрыва со своими беспартийными союзниками вроде милдифирковцев. Отныне борьба с националистами должна лечь на плечи «правых». Если с этой задачей «правые» не справятся или будут лениво проводить, то это надо будет считать не выздоровлением, а болезненным состоянием. Борьба с националистами должна быть отныне лакмусовой бумагой по определению степени отречения «правых» от своих ошибок и идеологических вывихов».

Правда, цена этого призыва снижается заметно тем, что обращение с ним связывается с уговором партии не вступать в отношении «правых» на путь репрессий.

7. Как вели себя привлеченные при опросах в комиссии ЦКК?

На этом необходимо остановиться, так как из 6 привлеченных только Дерен стал сразу говорить правду, просил быть снисходительным к отсутствию у него в ту пору всякого развития и выражал удовлетворение перед лицом подталкивания его на откровенность со стороны комиссии ЦКК. Все остальные проявили в отношении комиссии резкое предубеждение, вели себя не достойнейшим образом, не лучше, чем в участке, пытаюсь обманывать,

уговариваясь о показаниях, или, вернее, об отмалчивании и голом отрицании до нелепости или вызывающе ехидно упрасывая показать уличающие их протоколы, постановления о выборах их в состав московского центра и проч. Фирдевс и Енбаев стали говорить только после ареста и очных ставок. Однако Фирдевс в такой мере сознавал свою вину, что (по словам Мансурова) накануне появления в ЦКК советовался с Мухтаровым и Мансуровым, являться ли ему, не задержат ли его, не покончить ли самоубийством; это не помешало, однако, ему, приходя в комиссию, пытаться лгать и выезжать на краснобайстве. Сабиров, находясь под влиянием Мухтарова и Мансурова, только на 4-м опросе, и то под впечатлением показаний Дерена, Фирдевса, Енбаева, выговорил признание в антипартийной группировочной работе, пытаясь все же ослабить свою вину тем, что-де с конца 1927 г. он разошелся с Султан-Галиевым, но замалчивая при этом, что с султангалиевщиной-то он не разошелся до последнего дня и был одним из тех даже, которые все время упорно толкали Султан-Галиева в партию.

ВЫВОДЫ КОЛЛЕГИИ ЦКК ВКП(б)

1. Партколлегия ЦКК ВКП(б) констатирует несомненный антипартийный и антисоветский характер работы каждого из шести привлеченных и всех их вместе взятых как членов группы «правых» — султангалиевцев. Вопреки прямому запрещению и указаниям IV нацсовещания, привлеченные не только не порвали, но, наоборот, даже закрепили связь с Султан-Галиевым, организовали и вели фракционную работу, систематически подрывающую партийное руководство, классово искажающую основные установки партии в области партийного, советского и хозяйственного строительства, охотно цеплялись за связь со всякой оппозицией в видах отягчения положения для партии и советской власти, скатывались до связи с отъявленными националистами и зарубежными вдохновителями борьбы против советской власти и компартии. До последнего момента привлеченные отстаивали сохранение и целостность своей группы, отбрасывали всякую мысль о раскаянии и только в процессе партийного следствия удалось разбить упорство 4 из них.

2. Партколлегия ЦКК ВКП(б) отмечает совершенно узкий и в основном интеллигентский состав группировки «правых», оторванность их от политической жизни и от практического проведения национальной политики, наличие у них несомненного элемента инерции от поры первых послереволюционных годов, когда в специфических условиях национальных окраин и районов роль национальной интеллигенции, в том числе и в деле формирования партийных кадров, была особенно велика.

Привлеченные в своем ослеплении просмотрели происшедшие за истекшие годы резкие перемены — именно, что выросло в национальных районах и растет неудержимо классовое движение бедноты, батраков, рабочих, что поднялся и растет и воспринимается усилиями партии значительный слой молодых татработников — действительных интернационалистов, что путем низового выдвижения и периодических чисток от чуждых элементов обновляется госаппарат и что массовое движение под лозунгами диктатуры рабочего класса стало фактом и в национальных окраинах и областях.

3. Партколлегия ЦКК ВКП(б) усматривает основное объяснение живучести у татинтеллигенции стремления к противоположению себя партии и совет-

ской власти и живучести националистических возжеланий в том, что в условиях совершенной глубокой работы социалистического строительства, сосредоточенного классового наступления пролетариата и неизбежного обострения классовой борьбы и классового сопротивления неизбежно же дифференцируются политически и ближе определяются ряды интеллигенции, в том числе и партийной, вышедшей из среды мелко- и среднебуржуазной, порой из среды дореволюционного чиновничества.

Если в первую пору после Октября эту интеллигенцию объединяла с партией и в ряды партии захватывала реализация идей национального самоопределения и настойчивая борьба с проявлениями колонизаторства; если она в ту пору с охотой опиралась на революционный опыт и организованную силу пролетариата передовых районов в борьбе против пережитков национального гнета и неравенства, то в отношении борьбы против собственных эксплуататорских верхов эта интеллигенция и тогда давала перебои; на дальнейших же ступенях социалистического строительства, когда Октябрьская революция доходит в своих осязательных проявлениях и острых экономических мероприятиях (земреформа, сельхозналоговая кампания, экспроприация баев, реконструкция сельского хозяйства и проч.) до глубокой деревни (аула, кишлака), когда ломаются и гибнут сложившиеся родовые и групповые отношения, нарушается полуфеодалный, полупатриархальный быт, массовое движение под руководством пролетариата становится фактом и в национальных окраинах растет новый слой работников-интернационалистов и т.д., неизбежны со стороны национальной интеллигенции, в процессе классового ее определения, проявления элементов раздумья, отставания, отхода, разложения, перехода к прямой борьбе с партией и советской властью.

Национальная интеллигенция в ходе социалистического строительства и развернутой классовой борьбы неизбежно выделяет из себя слои, группы, отдельных лиц, классово определяющихся сначала на позициях консерватизма, но скатывающихся постепенно и неизбежно на позиции откровенной реакции и контрреволюции. Таковой именно является султангалиевщина и «правая» группировка среди татарских коммунистов. Велиибрагимовщина в Крыму может послужить прекрасной демонстрацией того, что на практике рождается воинствующий национализм и какое классовое лицо он несет в себе. Только с ликвидацией Вели Ибрагимова¹ и усиленным вытравливанием из работы велиибрагимовщины беднота и батрачество крымской деревни вздохнули свободно, подлинно советское и партийное лицо получила вся работа, растет и крепнет парторганизация.

Если борьба с идеологическими и классово чуждыми проявлениями составляла существенную важную и неотъемлемую часть политической воспитательной работы в национальных районах, то в настоящую пору эта сторона получает особенную остроту. Рядом с этим необходимо особо заостренное внимание парторганизации уделить подбору работников, проверке классовой выдержанности работы аппаратов, непосредственно связанных с обслуживанием широких масс в первую голову, работе по интернациональному воспитанию кадров молодежи.

Крупной задачей в деле ликвидации течения «правых» среди татарских коммунистов (в особенности Татарии и Крыма) является сосредоточение на нем,

¹ Так в документе, следует: Вели Ибрагимов.

по материалам настоящего дела, внимания широкой партийной общественности как на течении, несущем элементы классовой чуждости и враждебности, в силу прямой зависимости и отражения в нем влияния национальной буржуазии.

4. В отношении привлеченных партколлегии ЦКК ВКП(б) постановляет:

а) Дерена-Айерлы, как бывшего рабочего и во внимание к отсутствию у него какого бы то ни было образования, крайней слабости политического развития в момент связи с «Милли фирка» и считаясь с его откровенными показаниями и проявленным им раскаянием, считать возможным сохранить в рядах ВКП(б), объявить ему строгий выговор с предупреждением и направить на низовую работу в промышленный район, предложив практической работой загладить совершенное в отношении партии преступление и оправдать оказываемое ему доверие;

б) Мухтарова, Мансурова, Енбаева, Фирдевса, Сабирова, независимо от данных тремя последними показаний и раскаяний — как основных руководителей и проводников всей практической работы «правых» — султангалиевцев, приводившей к срыву партийной и советской работы, срастанию с крайними националистическими группами, в сплошной полосе на протяжении ряда лет действий антипартийных и антисоветских, как создавших оформленный подпольный центр параллельного партии руководства национальным движением на основе самостоятельных связей с национальными республиками и областями, — из рядов ВКП(б) исключить;

в) для Сабирова, ввиду проявленного им раскаяния, учитывая у него наличие вообще колебаний и общую его меньшую активность и безвольное подчинение влиянию Мухтарова, Мансурова и Енбаева, открыть возможность вступления в будущем в ВКП(б), при условии низовой работы на протяжении ряда лет в промышленном районе и приема в партию через рабочую ячейку;

г) материал настоящего дела осветить в «Правде», «Большевике» и местной руководящей печати в национальных республиках и областях. Провести на основе его разъяснительную работу в широких массах трудящихся Татарии и Крыма. Показания Дерена переработать в брошюру и издать в расчете на массового читателя, снабдив предисловием с политическим освещением материалов о «правых» — султангалиевцах.

ЦГА ИПД РТ. — Ф.8237. — Оп.1. — Д.10. — Л.151—166. — Ксерокопия.

77. Постановление ЦКК ВКП(б) по делу об антисоветской и антипартийной деятельности К.Г.Мухтарова, Г.Г.Мансурова, А.М.Енбаева, Р.А.Сабирова, И.К.Фирдевса и О.Г.Дерен-Айерлы

23 августа 1929 г.

Строго секретно

СЛУШАЛИ:

1. Мухтаров Кашаф Гильванович, член ВКП(б) с 1918 г., г.р. 1896 (п.б. № 10921), служащий, образование — незаконченное высшее. В Красной Армии был с 1919—1920 г. на политработе, бывш. председатель СНК Татарской республики. В момент привлечения — член коллегии НКЗдрава РСФСР.

2. Мансуров Гасым Гатич, член ВКП(б) с 1917 г. (п.б. № 792627), г.р. 1894,

сын учителя, учитель, окончил 4 класса городского училища. В момент привлечения — проректор Института трудящихся этнических культур Востока.

3. Фирдевс Исмаил Керимович, член ВКП(б) с 1917 г. (п.б. № 33613), г.р. 1888, из крестьян, служащий, учитель (6 лет). В момент привлечения — инструктор Сев.Кав.КрайОНО.

4. Енбаев Ариф Мухамеджанович, член ВКП(б) с 1919 г., в 1917—18 гг. был левым с.-р., г.р. 1892, из крестьян, служащий, образование незаконченное высшее. В момент привлечения — член правления Всекопромсоюза.

5. Дерен-Айерлы Осман Абдул Гали, член ВКП(б) с 1918 г. (п.б. № 892862), г.р. 1898, из крестьян, рабочий до революции, образование низшее. Окончил курсы марксизма при Комакадемии в 1927—29 гг.

6. Сабиров Рауф Ахметович, член ВКП(б) с 1918 г., г.р. 1894, из крестьян, служащий, образование среднее. В момент привлечения — зам. зав. п/отд. национальностей при ВЦИКе.

Обвиняются в том, что вышеназванные члены партии под руководством исключенного из партии за антипартийную и антисоветскую деятельность Султан-Галиева выработали чисто буржуазную, явно контрреволюционную программу, направленную против программы ВКП(б) и Коминтерна и рассчитанную на подрыв диктатуры пролетариата, причем некоторые из них были связаны непосредственно с подпольной контрреволюционной буржуазно-националистической организацией «Милли фирка», через которую связаны были также с зарубежными белоэмигрантскими центрами, передавая туда для широкого осведомления отдельные секретные документы и постановления партии и советской власти, которыми они могли пользоваться, занимая весьма ответственные посты.

ПОСТАНОВИЛИ:

Заслушав сообщение специальной комиссии ЦКК в составе тт. Радус-Зеньковича, Петерса и Васильева, выделенной для расследования настоящего дела, а также объяснения обвиняемых членов партии Мухтарова, Мансурова, Енбаева, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы, ЦКК ВКП(б) постановляет:

1. Признать обвинения доказанными.
2. Мухтарова, Мансурова, Фирдевса и Енбаева из рядов ВКП(б) исключить за участие в антипартийной группировке Султан-Галиева.
3. Дерен-Айерлы О.А.-Г. исключить из рядов ВКП(б); но, принимая во внимание, что он с самого начала расследования дела признал все свои ошибки, откровенно рассказал обо всей своей работе и о работе организации и что он бывший малограмотный рабочий и крайне слабо был политически развит в момент связи с организацией «Милли фирка», партколлегия считает возможным рассмотреть вопрос о его возвращении в партию через год по ходатайству рабочей ячейки.
4. Сабирова Р.А. из партии исключить, но, принимая во внимание то, что он принимал наименьшее участие в этой организации, а также то, что он признал целиком свои ошибки и помог ЦКК выяснить деятельность этой антипартийной организации, ЦКК считает возможным рассмотреть вопрос о его вступлении в партию через год по ходатайству рабочей ячейки.
5. Настоящее постановление опубликовать и осветить в печати.

78. Из письма И.В.Сталина Л.М.Кагановичу

13 сентября 1929 г.

Здравствуйте, т.Каганович!

Насчет Султан-Галиева и прочей банды я не вполне с Вами согласен.

Конечно, можно и нужно открыть печатную кампанию против их нового кредо, не дожидаясь моего приезда.

Но я против того, что из-за таких мерзавцев созвать новое нац. совещание. Дело обстоит не так плохо. У нас есть уже теперь марксистские кадры в нац. областях и республиках, которые сумеют дать сокрушительный удар буржуазным националам.

Жму руку.
И. Сталин

РГА СПИ.— Ф.81.— Оп.3.— Д.99.— Л.3 об.

Гасырлар авазы.— Эхо веков.— 2000.— № 1/2.— С.262—263.

79. Стенограмма обсуждения резолюции по делу М.Х.Султан-Галиева на заседании Бюро Татарского обкома ВКП(б)

26 сентября 1929 г.

Разумов. Надо ли читать резолюцию? (с жеста: *Надо*). Будем читать.

Семенов (*читает резолюцию по делу Султан-Галиева*).

Разумов. Как будем дальше, будем ли разбирать ее по пунктам или сначала обменяемся мнениями по этой резолюции, а затем уже перейдем к обсуждению по пунктам?

Рахматуллин. В том месте, где говорится, что султангалиевщина нашла почву, не нужно ли оттенить ярче, что среди известной части татарской буржуазии эта почва была найдена, но одновременно часть, и даже большая часть, советской интеллигенции не поддавалась идеологическому влиянию и отошла от султангалиевщины, что этот переход совершается. Я думаю, это нужно отразить в нашей резолюции. Не думает ли также и комиссия?

Разумов. Начнем, товарищи, с общего обмена мнениями по резолюции, а затем уже перейдем по пунктам.

Ганеев. Я считаю, что крепче, яснее и полнее того, что написано в резолюции, никто не напишет и не скажет. Та основная установка, которая здесь взята, дает полное основание полагать, что если мы на деле будем так же крепко и четко проводить мероприятия, намеченные этой резолюцией, будет проводить их вся наша партийная организация, то нам действительно удастся окончательно выкорчевать все остатки султангалиевщины, которые имеются еще у нас в различных прослойках населения ТР, действительно удастся, так сказать, в интернациональном виде воспитать партийную и комсомольскую организацию и все трудящиеся слои и те решения, которые приняты были на XIV партконференции, удастся еще решительнее провести в жизнь, еще решительнее изжить остатки групповщины. На прошлом заседании тов. Бажанов высказал некоторое сомнение относительно моего выступления. Как знают присутствующие здесь товарищи, до XIV партконференции у меня

бывали по основным вопросам с нашей татарской парторганизацией споры и расхождения по практическим вопросам, касающимся практической жизни нашей ТР. Мое отдельное выступление по этим вопросам определено толковалось целым рядом товарищей как групповая борьба; не отрицаю того, что такие моменты, которые были тогда и которые ничего общего с султангалиевщиной не имеют, могут, конечно, отразиться на работе нашей партийной организации. Поэтому я заявляю, что принятие этой резолюции на бюро по существу, а также дальнейшее проведение мероприятий, как говорили вначале, наряду с достижениями воспитания в интернациональном духе отсталых татарских масс даст еще более сильное сплочение вокруг ОК, вокруг линии партии всего актива, всего, что имеет наша партийная организация. Я полагаю, что, приняв в основном эту резолюцию, можно перейти к конкретным замечаниям.

Галеев. Мы не можем ограничиться только тем, что мы напишем постановление на бумаге и выскажем мнение, касающееся тех товарищей, которые были так или иначе связаны с правой группой. Я считаю, что среди нас имеются товарищи, которые были довольно тесно связаны с правой группировкой. Мы на заседании бюро, и на прошлом, и на сегодняшнем, не слышали, по крайней мере, ни от одного из этих товарищей чистосердечного признания своих ошибок, это во-первых, во-вторых, бюро вправе потребовать от этих товарищей признания и доказать на деле свой отход от правой группы. Что значит, товарищи, сказать, что резолюция хороша, что я, мол, имел спор с организацией до XIV партконференции, что у меня были большие расхождения и прочее, а вот с момента XIV партконференции разногласий у меня нет. Означает ли еще это, что человек окончательно отошел от своих убеждений, и в такой ли форме нужно сделать этот отход. Значит ли это, что в дальнейшем будут прекращены всякие группировки и организация может спокойно работать. Мы слышали на прошлом заседании бюро от тов. Ганеева о том, что Ганеев боролся с организацией потому, что в организации была такая установка, которая давала повод и возможность бороться. Но эта установка на XIV партконференции переменялась, и все условия этой почвы, почвы для групповой борьбы, уничтожились. Может ли член партии тов. Ганеев оправдывать свою групповую борьбу тем, что до XIV партконференции установка в организации была такова, что вызывала эту групповую борьбу. Ведь руководство до XIV партконференции поддерживалось ЦК, руководство нашей организацией было не что иное, как отдельное руководство ЦК и всей партией, и это руководство не уходило в сторону от партийной линии ЦК. Таким образом, повод пытаться оправдать свою групповую борьбу установкой партии, борьбу, которая была и которая огняла у партии много внимания и времени от практической работы, я думаю, сегодня при принятии такой серьезной резолюции является аргументом несерьезным и не может являться доказательством того, что товарищ отходит от своих мнений и не может служить окончательной ликвидации группировок, как «правых», так и «левых». Бюро ОК вправе потребовать от товарищей, которые не осознали своих ошибок и не признались в них, не дают перед организацией искреннего отказа от своих ошибок, не заявляют откровенно о том, что они будут бороться со всякими проявлениями групповщины, более решительной формы, более решительного заявления или поставить вопрос о них иначе. Это

будет шуткой, а наша партия не шутит, мы должны более твердо и решительно поставить сегодня вопрос об этих товарищах.

Ахмадуллин. В резолюции, которая является программой решительного наступления нашей парторганизации, недостаточно отнеены моменты борьбы с экономической базой султангалиевщины, борьбы с частным капиталом, главным образом в татарской части. Если мы хотим привлечь внимание широких рабоче-крестьянских масс на борьбу с султангалиевщиной, мы должны рассказать прежде всего о борьбе национальной буржуазии, духовенства и кулачества с партийной организацией, это во-первых; во-вторых, если здесь выступал тов. Галеев, то он должен был рассказать о султангалиевщине, о связи с ней, рассказать все, что могло бы пролить более яркий свет на все дело султангалиевщины. В части Ганеева я слышал такое словечко, сказанное им, что Мухтаров и остальное является фокусом, о котором говорил тов. Разумов (*Ганеев: Когда это я говорил?*), идя домой с заседания бюро. Верно это или не верно, я уверить не могу, мне передал это один товарищ (*Разумов: Кто это передал?*) — Еникеев. (*С места Ганеев: Что мы сегодня будем — обсуждать резолюцию или говорить о Ганееве.*) Мы сейчас принимаем серьезную резолюцию по делу Султан-Галиева, и если сейчас мы не услышим со стороны бывших правых искреннего признания своих ошибок, то вряд ли мы сможем в будущем решительно бороться с султангалиевщиной. Мы должны требовать на сегодняшнем заседании решительного отказа от этих «правых» товарищей, от борьбы с партией, должны требовать, что они сами будут также решительно бороться со всякой групповщиной. А это может быть только тогда, когда парторганизация в резолюции, а не только на словах зафиксировала это.

Ахметов. Впечатление от резолюции у меня такое. Резолюцию нужно разделить на две части: политическая часть, в которой изложена вся политическая суть, а затем вторая часть — это выводы. Что касается политической части, то здесь сказано достаточно хорошо и полно. Но что касается второй части, где перечисляются выводы от событий, мне кажется, что она противоречит первой части и недостаточно соответствует политической части. В резолюции говорится, что эта контрреволюционная организация, здесь говорится, что отдельные члены нашей татарской парторганизации были связаны с султангалиевщиной, а раз так, раз указывается о членах партии, то, я думаю, нужно открыто сказать кто эти члены. Иначе получается, что физиономии у этой резолюции нет. Я считаю, что скрывать этих товарищей нечего, что нужно открыто назвать эти имена и, я думаю, раз здесь указывается на членов партии, что они известны и нечего скрывать. Я думаю, что имена эти должны быть известны и ясны (*с места: А какие имена?*). Я думаю, что тов. Разумов скажет это.

Резолюция составлена, наверное, не со слов и не со слухов, а по известным материалам и документам. Я не знаю этих материалов, но поскольку мы говорим об отдельных лицах, то я думаю, что они известны и их нужно выявить. Здесь говорится о товарищах, связавших себя с султангалиевщиной, и, я думаю, что эти товарищи знали, что Султан-Галиев поставил перед собой цель организацию буржуазной власти на случай падения советской власти. Члены партии, связавшиеся с организацией, имеющие такую программу, как султангалиевщина, я думаю, знали и прежде, что эта контррево-

люционная организация, и нельзя говорить, как мягко выражаются здесь некоторые товарищи, что эта связь — ошибка. Это не ошибка, а сознательная контрреволюция.

Что значит ошибка? Ошибки могут быть по принципиальным вопросам, а ведь это контрреволюционное дело, поэтому и нужно резолюцию составить более крепко и не так, как говорится здесь, что должна способствовать процессу отхода, должна сплотиться к усилению отхода, ибо такая формулировка не соответствует первой части резолюции. До тех пор, пока мы не поставим этот вопрос более решительно, а будем давать только такие формулировки, я думаю, султангалиевщины и групповщины мы не изживем, это мягкая формулировка. Затем я думаю, что мы должны предъявить требования: если члены бюро связаны с лицами, имеющими тесное соприкосновение с султангалиевщиной, этим товарищам рассказать партийным организациям, как они были связаны, в чем выражалась эта связь, и в резолюции мы должны дать оценку деятельности этих товарищей. Мы не можем оставить безнаказанной их деятельность, говорить о несознательности. Мне кажется, что последняя часть резолюции этого решительного требования от товарищей, которые были связаны с контрреволюционной организацией, — нет, я считаю, что принять эту связь за ошибку мы не можем, поэтому мы и должны потребовать от этих товарищей ясного освещения вопроса о том, как они связались, как сложилась эта связь между членами нашей организации и султангалиевщиной. Эти товарищи должны рассказать все это парторганизации, и тогда мы можем дать оценку их деятельности. Только тогда мы сможем узнать всю сущность этой организации, принять соответствующие выводы, иначе же у нас все будет сказано только в общих чертах.

Богаутдинов. Мое письменное заявление говорит об искреннем отходе от всякой групповщины, и в этом направлении, в борьбе с групповщиной я помогаю партийной организации. Затем удивительно, когда касаются правых товарищей, указывают с султангалиевщиной...¹ Все это, думаю, связано с султангалиевщиной, с которым он имеет дружбу. Нельзя рассматривать повестку ... как простое чаепитие, где не велось разговоров на политическую тему.

Я считаю, что тут нужно сравнивать... в отношении Будаили, я имел разговор сегодня в Парттройке... до XIV партконференции, он был не согласен с линией ОК в национальном вопросе, но ведь это значит быть несогласным с политикой партии, а с XIV партконференции отношения у него изменились, т.к. политика стала правильной. Я считаю, что если бюро ОК проводило линию, которую признала партия и ЦК правильной, а член партии не согласен с этой политикой, то это значит, что такой товарищ не может состоять в партии, и я думаю, что мы должны дать о таких товарищах определенную, ясную политическую оценку как выступление, которое происходит только тогда, когда уже товарища приперли к стене. Мы должны потребовать от таких товарищей ясного ответа на вопрос — какая связь у него была с султангалиевщиной, насколько сильно вкоренилась эта султангалиевщина, как можешь ты исправиться и как в дальнейшем будешь проводить линию и политику ОК. Относительно воспитания в интернациональном духе, я думаю, включить в резолюцию нужно.

¹ Здесь и далее: так в документе.

Гарифуллин. Тот политический анализ, который делает султангалиевщине резолюция, я думаю, вполне ясен и достаточен, но вместе с тем в резолюции, мне кажется, имеется некоторое несоответствие между первой и второй частью. Мы должны сейчас отметить две стороны: с одной стороны, это дело контрреволюционное, с другой стороны, «правая» группировка, которая до сих пор существовала и которая до сих пор является базой этой султангалиевщины. В резолюции освещена сущность султангалиевщины, но вместе с тем недостаточно полно и осторожно подчеркнут вопрос отношения «правой» группировки в отношении татарской организации. Почему нужно этот момент отметить? Потому что дело султангалиевщины является завершением формы «правой» группировки татарской организации. Это самое верное видоизменение окончательной формы того течения, которое мы называли «правым» течением, «правой» группировкой. Мне кажется, что этот момент недостаточно проанализирован и в резолюции нужно четко сказать, что это является завершением формы той борьбы, которая велась под видом правой группировки в ТР. С другой стороны, наряду с вскрытием сущности султангалиевщины и одновременно нашими резолюциями на XI, XII и на остальных партконференциях нужно более четко сказать в отношении тех товарищей, которые считались в групповщине до последнего времени и не порвали связи с этой групповщиной, и тем более способствовали созданию султангалиевщины. Я считаю этот момент весьма серьезным. Другой момент — я хотел бы, чтобы в резолюции было более полно отражено и в отношении левой группы. В резолюции говорится об этом вскользь, тут говорится (*читает*). Кто пытается, наличие этих попыток имеется. Возьмите выступление Бурнашева на прошлом заседании бюро, Сагидуллина — его выступление. Я считаю, что это есть попытки, попытки яркие, под видом борьбы с султангалиевщиной оправдать свою прежнюю групповую борьбу. Я считаю, что этот момент нужно поставить в резолюции более четко, чтобы отбить у товарищей охоту в дальнейшем на эти попытки, чтобы правильно информировать парторганизацию.

Третий вопрос — это в отношении популяризации национальной политики партии. Об этом, может быть, говорится там, где сказано о проведении наших директив в жизнь, я считаю поставить такое добавление, что необходимо более широкое.

Тимофеев. На совещании в 23 году членов ОК и ОКК ясно был поставлен вопрос о том, что султангалиевщина является контрреволюционным делом. В ходе¹ обсуждения этого дела отдельные члены партии — участники совещания совершенно обоснованно² разоблачили наличие в составе руководящих работников Татарской Республики³ элементы султангалиевщины⁴, в частности персонально указывали на Бурундукова, Исакова⁵ и других. Несмотря на это, несмотря на имевшиеся уже ясные постановления ЦК⁶ о султангалиевщине, бывшие «правые» считали возможным, зная о контрреволюционной

¹ Написано от руки поверх слова «итоге».

² В первом варианте словосочетание «совершенно обоснованно» отсутствует.

³ Слово вписано от руки.

⁴ Поверх «щины» написано «цы».

⁵ Фамилия Исакова зачеркнута от руки.

⁶ «ЦК» вписано от руки.

сущности Султан-Галиева, замазать необходимость борьбы с ней и взять под защиту таких султангалиевцев как Бурундуков, Мухтаров¹ и Ёнбаев. В этом отношении весьма характерно выступление тов.Ганеева. Вот что говорит в своем выступлении тов.Ганеев, зная, что имеются люди среди руководящих работников, связанные с султангалиевщиной: «создается такое впечатление, как будто ОК Татареспублики заражен султангалиевщиной. Я не знаю, товарищи, для тех коммунистов, которые сидят в областной организации, насколько аттестация, которая дается со стороны некоторых товарищей, верна»². Между тем речь шла о том, что Бурундуков, Ёнбаев и Мухтаров замешаны в султангалиевщине³ и ведут контрреволюционную работу. В этой же речи тов.Ганеев говорил еще следующее: «и момента левизны и правизны в нашей организации я не наблюдал, не наблюдал, чтобы наши работники доходили до того, чтобы нарушить партийную этику. Повторяю, если так называемая султангалиевщина есть, то она доходит до рамок партийной этики, партийной дисциплины». Это после того как партсовещание в Москве под руководством ЦК ясно установило, что султангалиевщина по своему существу является контрреволюционным делом, что среди работников ТР имеются лица, бесспорно подверженные султангалиевщине. Я думаю, что это известно было тов.Ганееву и другим бывшим правым, выступавшим подобно тов.Ганееву. Это положение дает основание при обсуждении данного вопроса потребовать от каждого персонально⁴ решительного признания своих ошибок. Мне кажется, что совершенно уместна постановка такого вопроса на прошлом заседании, и заявление тов.Ганеева является совершенно неудовлетворительным. Я думаю, что при такой постановке вопроса нужно признать, что в резолюции формулировка «разоблачение султангалиевской организации должно способствовать каждому до конца уяснить себе истинный смысл той борьбы, которая велась с правой группой на протяжении ряда лет в татарской организации, должна способствовать усилению отхода от прежних позиций и окончательному и полному разрыву с групповщиной и групповыми традициями...» является недостаточной и нечеткой. Эта формулировка не соответствует тем задачам, которые мы ставим сейчас, эта формулировка дает возможность сохранить легально свои позиции с правой установкой, потому что в ней говорится только об усилении процесса. Я думаю, в этой части резолюции нужно ясно записать так, что никакие сроки не даются для сохранения «правых» позиций, что бывшие правые должны немедленно отказаться от прежних позиций по каким бы то ни было вопросам⁵.

Теперь о кадрах. Сейчас чистка партии и советского аппарата подвергает⁶ и доказывает, что благодаря отсутствию достаточно внимательного подхода в решении целого ряда персональных вопросов, благодаря отсутствию достаточной проверки отдельных работников некоторые работники, связанные с султангалиевщиной в течение длительного периода находились на руководящей работе,

¹ Слово «Мухтаров» написано от руки поверх слова «Исхаков».

² Здесь и далее цитаты из высказываний Ганеева написаны от руки.

³оборот «замешаны в султангалиевщине» написан над текстом вместо зачеркнутого «обвинения в том, что они».

⁴ Словосочетание «от каждого персонально» вписано от руки.

⁵ От слов «что бывшие...» до конца предложения вписано от руки.

⁶ Так в документе, следует, вероятно: подтверждает.

как, например Будайли и Бурундуков. Поэтому нам нужно более четко и ясно записать, чтобы в дальнейшем был обеспечен более строгий подход к работникам, в смысле контроля и проверки проведения ими классовой линии, более строгая проверка работников с точки зрения социальной и т.д.

Немного о комсомоле. Султангалиевщина имела широкие корни и в комсомольской организации. В течение длительного периода в Татарской Республике комсомолу пришлось решительно заниматься устранением элементов султангалиевщины. Я думаю, что сейчас в целях прекращения влияния султангалиевщины на отдельных членов комсомольской организации, которые бесспорно имеются, судя по материалам, которые были оглашены т.Кандыбиным на прошлом заседании, в резолюции нужно более четко подчеркнуть необходимость освещения изучения этого вопроса в комсомольской организации, необходимость проведения более широкого воспитания в интернациональном духе и более решительной борьбы с проявлениями элементов султангалиевщины и туземного национализма.

Разумов. Замечание тов.Ахметова, когда он говорил о несоответствии двух частей резолюции, комиссия находит совершенно правильным и считает, что вторая часть не соответствует первой.

Семенов. Мне кажется, что представленная на обсуждение бюро резолюция с точки зрения анализа социальной сущности султангалиевщины, с точки зрения политической оценки в разрезе национальной политики нашей партии, несомненно, правильна. Я считаю совершенно правильной резолюцию в той части, где дается политическая оценка объективной роли бывшей «правой» группы в нашей ТР, которая поддержала султангалиевщину в нашей партийной организации. Я считаю: объективно в этом основном пункте резолюция совершенно правильна, может быть, здесь нужно внести кое-какие директивы.

Мне хотелось бы, как и предыдущим ораторам, остановиться на выступлении тов.Ганеева. Мне кажется, что бюро должно сказать сегодня т.Ганееву, что политическим младенцем мы его не считаем, мы должны дать сегодня совершенно правильную и ясную аттестацию того, что мы думали до сих пор. Мы думали и считаем, что тов.Ганеев не политический младенец, поскольку этот человек умеет вести борьбу с партией, умеет разбираться в политическом процессе, происходящем в стране, зная значение этих процессов. Поэтому заявление тов.Ганеева, как на прошлом заседании бюро, так и сегодня никоим образом мы не можем считать удовлетворительным, не можем принять его как отказ от своей прошлой работы, от участия в работе в «правой» группировке, которая ничего общего не имела с султангалиевщиной. Что это значит? После разъяснения всей сущности султангалиевщины это значит признать себя политическим младенцем, сказать, что «правая» группировка не поддерживала и не пыталась поддерживать Султан-Галиева. Наконец, мне вспоминается заявление Ганеева на прошлом заседании бюро, он пытался оправдаться, ссылаясь на развитие ТР, но я полагаю, как можно говорить об этом, ссылаясь на социальную культуру, на экономику ТР, когда как здесь документально доказал тов.Тимофеев еще на совещании 23 года, на котором присутствовал тов.Ганеев, было черным по белому написано, что тогда, в 23 году, Султангалиев был признан как контрреволюционер и сегодня, несмотря на такие доказательства, Ганеев все же не дает искреннего признания, не хочет признать, что правая группировка объективно поддерживала Султан-

Галиева, что связь с султангалиевщиной здесь вполне ясна. Я считаю, что такое заявление не может удовлетворить бюро ОК, что мы должны потребовать более решительно от тов. Ганеева его отхода и его искреннего признания, потребовать искреннего отхода так, как это говорил тов. Вольфович, что Ганеев в ближайшее время должен отказаться на деле, путем разоблачения работы некоторых товарищей, которые имеют, может быть... может быть отказались от работы, но на самом деле работают по-прежнему.

(см. следующую страницу — Касымова)¹

Рубинштейн. Я хочу обратить внимание бюро на реплику, которую бросил Ганеев сегодня. Он сказал: «Разумов, что будет сегодня — обсуждение резолюции или моего выступления?», и эта реплика, может, как нельзя лучше характеризует его. Тов. Ганееву хочется, чтобы о нем говорили меньше. Мы понимаем все значение принципиальных вопросов и, конечно, сегодня мы будем обсуждать нашу резолюцию, а вместе с ней придется говорить и о Ганееве. Я не был на прошлом заседании бюро, не слышал выступления, но я считаю, что сегодня выступление тов. Ганеева — это позорное заявление, мы присутствуем в момент разбора важнейшего документа нашей партии, и человек, который причастен к этому документу, к событию, о котором мы говорим, может еще так выступать, как т. Ганеев, если он хочет работать вместе с партией. Ганеев сегодня сказал то, что он принимает эту резолюцию, что резолюция очень хороша. Если т. Ганеев говорит сегодня, что он не был связан с султангалиевщиной, что «правая» группировка не имеет связи с султангалиевщиной, то это значит идти не только против фактов, которые, как мы знаем, всегда неопровержимы, но идти и против той установки, которая ясна всей организации. Тов. Ганеев в своем выступлении не дал нам искреннего раскаяния, не дал искреннего обещания отказаться от своих групповых тенденций и помочь нашей организации, не дал раскаяния в полном смысле, а не на словах. Мы должны поставить перед тов. Ганеевым вопрос, нет ли в словах тов. Ганеева маневра, а мы, как партийная организация, должны здесь сказать, что маневры под флагом принятия политических резолюций и вместе с тем сохранения своих кадров нам хорошо известны. Требования, которые мы должны предъявить всем товарищам из группировок, заключаются не только в принятии резолюции, но в раскаянии, отходе их от своих убеждений и в приближении всех тех, кто искренне дает это раскаяние и на деле доказывает его. В сегодняшнем заявлении тов. Ганеева как раз этого раскаяния мы не слышим, он говорил нам об усилении интернационального воспитания, но это не значит говорить об отходе, он заявляет, что до XIV партконференции у него были споры и расхождения с партией и если тов. Ганеев сегодня хотел дать искреннее признание своих ошибок, то должен был сказать, что мы вели правильную линию, но он только говорил о своем несогласии.

Я думаю, что здесь в резолюции о султангалиевской организации сказано недостаточно...², что надо решительно требовать, чтобы они отмежевались от султангалиевщины, отмежевались от правой группировки, ибо деятельность ее связана с султангалиевщиной. И если вы, товарищи, хотите это сделать, то будьте добры сказать о своей деятельности, как «правых»... в материалах

¹ Текст выступления Касымова отсутствует.

² Здесь и далее: так в документе.

ЦК... это необходимо требовать. Я считаю, что сейчас мы имеем факт, когда бывшие или «правые» ведут организованные выступления, я беру на себя смелость заявить, что выступления Бурундукова за Будаيلي, Беганского за Исакова — это выступления исключительные, желание сохранить свои кадры. Вот почему мы должны сегодня в резолюции, которую я считаю важнейшим документом, сказать, что все то, что ей не охватывается... требовать освещения этих лиц. Мы не можем допустить сохранения этих кадров под видом маневра принятия резолюции. Я хочу сделать добавление к резолюции в том смысле, что мы должны усилить борьбу с правым уклоном, как и вся партия ведет борьбу с правым уклоном. Если тут связь не организационная, то во всяком случае имеется связь с теми проблемами, которые стоят перед правым уклоном. Я хочу указать, что в связи с борьбой с «правыми», у нас... «левые» тенденции... Бурнашев и другие, то может быть на деле это просто зигзаг. Я считаю, что, обсуждая сегодня выступление т. Ганеева, мы должны требовать более жестокого подхода и, если эти выступления были не так дружны, то все же мы должны предъявить максимум требований к этим товарищам в смысле признания их ошибок, их раскаяния.

Ганеев. Товарищи, я еще раз заявляю, что я не отрицаю той групповой борьбы, которая велась в ТР. Заявление, которое я сделал на XIV партконференции относительно условий, создающих эту групповую борьбу, я заявляю и сделал это, глубоко продумав все те моменты, которые стоят перед партией и перед страной в целом. После этого заявления, стоя на довольно ответственном посту работы, поскольку у меня хватало сил и кругозора, я выполнял и старался выполнять все, что заявил на XIV партконференции. Товарищи, мы принимаем резолюцию, и я являюсь членом ОК, и я говорю, что эта резолюция, по существу, совершенно правильна и я согласен, по существу, с этой резолюцией, как здесь говорили выступающие товарищи, когда я получил проект этой резолюции, то я думал, делать ли мне выступление, или в этой резолюции сказано вполне достаточно и не требуется каких-либо дополнений с моей стороны? Если есть такие подозрения, подозрения предполагать, как т. Рубинштейн, опасаться... о том, что в ТР была групповая борьба, того, что «левыми» и «правыми» велась борьба и эта борьба по сути превратилась в борьбу против парторганизации, я это положение не отрицаю... Если бы такие сомнения были у меня, то я, конечно, давно мог обсудить бы и отказаться от них и, во всяком случае, не мог бы вести той работы как до сих пор. В своем выступлении я сказал о том, какова была линия до XIV партконференции и после и, во всяком случае, я не имел в виду борьбы против партии. Товарищи может быть, здесь слишком резко бросали упреки. Я не отрицаю, что я знаком с теми людьми, которые, как оказалось, были замешаны в султангалиевщине, в частности с Мухтаровым; я говорил, что я беседовал и говорил по политическим вопросам нашей парторганизации, но я заявлял тогда и заявляю сейчас, что я никогда не подозревал, [что они] связаны с контрреволюционной организацией, которая ждет не сегодня завтра свержения советской власти, которые на протяжении 11—12 лет ведут борьбу против партии. Я, товарищи, повторяю, что если бы я хоть на йоту знал и подозревал это, что они участвуют в такой организации, то я не только бы пошел к ним, но я первый бы разоблачил их деятельность. Я заявляю, что та резолюция, которая была принята, она, по существу, поможет разоблачить

всю ту сущность, которая есть в султангалиевщине. Я не знаю, что хотят потребовать от меня и что могут потребовать, но если есть какие-либо подозрения у организации, то я считаю, что это дело нужно поручить ОКК, чтобы она занялась этим делом, и я готов принять какое угодно наказание. Я искренне заявляю, что никаких моментов связи с контрреволюционной деятельностью у меня не было.

Исмаев. В связи с раскрытием контрреволюционной деятельности султангалиевщины перед нами встает ряд вопросов: во-первых, показать сейчас перед массами вредность и сущность султангалиевщины задача не трудная, поскольку эта организация контрреволюционная и таких контрреволюционных организаций выявили сейчас уже достаточно много; во-вторых, ударить по «правой» группе, особенно по руководящей части группы, разъяснить, кто шел с этой группой и тем самым помогал султангалиевщине и мешал нашей организации, и третья задача, которая стоит перед нашей организацией, — это поставить вопрос о ликвидации групповой борьбы в нашей организации, о ликвидации раз и навсегда и правых, и левых. Ахметов в своем выступлении поставил вопрос так, что первая часть резолюции его удовлетворяет и что вторая часть не совсем конкретна, что, касаясь «правой» группировки нужно перечислить в резолюции имена. Мне кажется, что такая постановка совершенно неправильна, мне кажется, что правильно был поставлен вопрос тов. Разумовым, что не все из этой группы — сознательные участники в султангалиевщине и что рассматривать всех участников «правой» группы нельзя. Здесь есть товарищи, которые сознательно шли, сознательно были связаны с султангалиевщиной, и были лица, которые были слепым орудием султангалиевщины. Резолюция ставит правильно вопрос относительно той части товарищей, которые были слепым орудием в руках этой организации, что эта часть уяснила значение этой групповой борьбы и что она отказалась от своих ошибок и действительно проводит линию партии. В этом отношении резолюция совершенно правильна. Ведь подходить одинаково ко всем участникам «правой» группы нельзя, ведь «правая» группа не заключается в 5—6 или 10 человек, имелись люди и в кантонах, и есть такие, которые не смогли разобраться в этом политическом вопросе и являлись просто слепым орудием. Мне кажется, что в резолюции должна быть четко выражена необходимость ликвидации остатков этих групп. Мы знаем, что были и «правые», и «левые», что велась отчаянная борьба в течение ряда лет. Мы имели ряд групп, я помню: один из участников «левой» группы на одном собрании, когда мы постановили о вредности этой групповой борьбы, вышел, сознался в своих ошибках и рассказал все то, что он знает, отказался раз навсегда от групповщины, и партия признала это как искреннее раскаяние товарища, этот товарищ уяснил вредность групповой борьбы, ибо она ведет к тому, что мешает нашей партии и ведет к разложению партии, срывает программу нашей партии. Я хотел бы, чтобы здесь, в резолюции было определенно указано, чтобы из этого дела были сделаны соответствующие выводы и другими товарищами, которые были замешаны в левогруппировке. Мне кажется, необходимо, чтобы эти товарищи определенно перед организацией поставили вопрос о том, что в дальнейшем они не на словах, а на деле поведут определенную борьбу против появления групповщины. Только в том случае, мне кажется, мы можем считать, что, с одной стороны, когда султан-

галиевщина будет разоблачена до конца перед трудящимися ТР, с другой стороны — будет полная ликвидация или, вернее, будут приняты по отношению неисправимых «правых» и «левых» вплоть до исключения из партии, а те, которых мы считаем исправимыми, помогут в дальнейшем не на словах, а на деле бороться с этой групповщиной и сознательно на деле исправят свои ошибки, можно считать, что с той задачей, которая возникает перед партией, мы справимся.

Бурнашев. Я не знаю, откуда берет Гарифуллин, на каком основании заявляет, что я использовал свое выступление как бывший «левый». Я думаю, что нет никакого основания заявлять так. Я говорил, что сущность султангалиевщины... об этом свидетельствует резолюция 23 года, что Султан-Галиев был и есть контрреволюционер, об этом я говорил. Дальше я помню несколько случаев... Разумов, наверное, помнит, что я говорил с ним, когда мы ехали вместе. Я считаю, что если я на прошлом заседании бюро не говорил, что нужно вести борьбу, то это не значит, что я не хотел вести борьбы, я и сегодня заявляю, что борьбу эту нужно вести, что не нужно давать использовать эту султангалиевщину в каких-либо целях. Я полагаю, что на прошлом заседании бюро стрелы были направлены против меня, неправильно, если для бюро это требуется, то я категорически заявляю, что групповая борьба вредна и что с групповщиной нужно бороться. Теперь в отношении резолюции. Я считаю, что резолюция, безусловно, в основном правильна и охватывает все моменты. Одновременно я согласен с Ахметовым и Терским, что в первую часть нужно усилить конкретными моментами. Как говорил тов. Семенов, султангалиевщина считалась правой группировкой. Насчет второй части — ее нужно усилить и там, где говорится о яналифе, нужно вставить фамилии, а не номера. Ибрагимов возглавлял антисоветскую группу по введению яналифа¹, я считаю, что здесь во второй части не вышло бы так, что кто-то из принадлежащих к «левой» группировке являлся также участником султангалиевщины. Дальше я считаю выступление т. Гарифуллина, если он берет на себя монополию безгрешности (*Гарифуллин: Веру*), может быть, это есть безгрешность, но если ты был в 17 году не в..., то очевидно, ты был бы где-нибудь среди левых или правых, во всяком случае брать на себя монополию безгрешности и обвинять других не следует, и у тебя нет на это никакого основания.

Рахматуллин. Вопрос, освещаемый в резолюции, обсуждался на прошлом заседании бюро, и тогда было постановлено конкретизировать эту резолюцию. Сейчас Бюро ОК должно решить ответ на те события, о которых говорится в резолюции, но, с одной стороны, возникают некоторые сомнения при обсуждении пунктов этой резолюции, может быть, некоторые из этих пунктов нужно добавить. Мы здесь должны отметить, насколько верно сформулированы эти пункты в резолюции. Мне кажется, в этой части никаких сомнений не должно быть. Основное замечание было то, что здесь достаточно крепко сказано в отношении борьбы с правым уклоном. Касымов цитировал, что борьба должна вестись главным образом с той группировкой, которой питалась султангалиевщина, в то же время в резолюции сказано, что нужно ока-

---

¹ Очевидно, ошибка стенограммы. Г. Ибрагимов постоянно обвиняется в сопротивлении введению яналифа. Возможно, здесь следует не «по», а «против».

зывать помощь всем, кто хочет вернуться к партии, я думаю, в этом отношении замечаний не может быть, разумеется, можно внести дополнения к этой резолюции, хотя надо иметь в виду, что на основании этой резолюции, которую мы сейчас принимаем, должен последовать ряд постановлений Бюро ОК и ОКК. Очевидно, этот ряд постановлений будет вынесен после резолюции, мы должны здесь решить вопрос в основном, а затем перейти к практической работе. В парторганизации должна будет проводиться разъяснительная кампания, кроме организационных выводов. Сегодня, безусловно, эти дополнения должны быть сделаны, должны быть указаны конкретно лица, которыми питалась султангалиевщина. Эту часть, очевидно, нужно дополнить.

Последний вопрос — я хотел бы остановиться на выступлениях т.Ганеева. Последнее его выступление на сегодняшнем заседании несколько лучше, чем первое его выступление, однако и оно во всяком случае точки над «i» не ставит, во всяком случае не дает основания полагать, что эту точку над «i» он ставит. Может быть, внутренне тов.Ганеев и очень искренен, но мы все же должны иметь объективные данные, что это действительно искреннее заявление. У Вас получается очень странно сознательно, или не сознательно это, когда Вы говорите о своем приближении к партии, хотите его доказать, у Вас получается обратное, какое-то недовольство. Я помню Ваше полное согласие на XIV партконференции. Тов.Разумову пришлось судить о Вашем выступлении на основании исправленной стенограммы. Вы, тов.Разумов, судили уже на основании исправленной тов.Ганеевым стенограммы, товарищу же Егорову пришлось судить на основании устного выступления. Что сказал тов.Ганеев, может быть, это вырвалось случайно, он сказал, что с тем докладом, который был на XIV партконференции, он согласен, что с постановкой XIV партконференции он согласен. Отсюда напрашивается вопрос, а какая же постановка была до XIV партконференции, с которой Вы не согласны, может быть, эти слова у Вас вырвались не случайно и отсюда возникает сомнение о Вашем заявлении об отходе, что это заявление от такого лица, как тов.Ганеев, который сыграл такую крупную роль, недостаточно. Вам следовало бы сказать, что делали Вы, что делали другие, нужно помочь партийной организации вскрыть все дело султангалиевщины и правой группировки, помочь узнать, до чего дошла эта группа. И если Вы сделали бы это раньше, то, может быть, от Вас потребовалось бы меньше, но Вы этого не сделали, а поэтому от Вас требуется теперь больше, требуется искреннее признание, которое чем-либо нужно подтвердить. Вы говорите, что Вы не знали о связи «правой» группировки с султангалиевщиной, но здесь можно сомневаться, что Вы действительно этого не знали, такое получается впечатление, и это мнение не только людей, которые не хотят признать Ваше заявление вынужденным, но это мнение всей организации. Вы были связаны с Мухтаровым, а он и другие были связаны с султангалиевщиной, а Вы, я думаю, знаете, что всегда в таких случаях бывает и модно думать о связи с главными руководителями, т.е. с султангалиевщиной. На основании этого Вы должны понять, что, если не на все 100%, хотя бы на 50% связь с султангалиевщиной тут есть. Взять хотя бы постановление совещания 23 года, и я думаю, что после всего этого, если Вы хотите, чтобы мы верили в искренность Вашего заявления, Вы должны сказать в своем заявлении больше, чем Вы сказали, но мы от Вас этого не слышали. Чем больше скажут в таких случаях, тем быстрее и лучше разрешат вопрос для себя, иначе получается впечатление, что это при-

знание вынужденное и, во всяком случае, не искреннее. Чем больше Вы скажете, тем скорее может организация отделить исправимых, а такое заявление и так признание было видно только со стороны тов.Богаутдинова, от других мы такого признания не слышали и искренности в этих признаниях не чувствуется. Это не искреннее признание, и неясность усложняют дело.

Зарилов. В резолюции совершенно правильно говорится по разъяснению вопроса султангалиевщины среди комсомола, и нам известно, что перед конференцией тов.Будайли убеждал некоторых из членов комсомола, что сейчас нужно перед XIII конференцией поставить вопрос о привлечении татарской молодежи и вообще освещал эти вопросы с точки зрения «правой» группировки, этот вопрос был поднят перед Пленумом, а затем об этом было сообщено и в ОК... Теперь в отношении выступления Ганеева. Рахматуллин говорит, что он считает второе выступление лучше, чем первое, я лично считаю, что различия между первым и вторым выступлением нет, каково первое выступление, таково же и второе. В отношении выступления на XIV партконференции тов.Ганеев говорит, что до этой конференции он был не согласен с организацией и что на это имелись причины, и что после XIV партконференции он стал проводить линию партии и стал совершенно согласен с директивами, которые проводит ОК. Но здесь товарищи, считают Ваше заявление не искренним и на то есть многие причины. Мало ведь признаться в своих ошибках, но их нужно раскрыть и сказать, конечно, не только то, что сказали Вы. Мне помнится выступление тов.Богаутдинова и его признание, Богаутдинов говорил, что с ним мало считались, что «правая» группировка не связана с правым уклоном всесоюзным, а что же получилось, получилось контрреволюционное дело. Я считаю, что Вам нужно было сказать о тех ошибках, которые Вы сделали, а не говорить только о том, что теперь Вы согласны с руководством партии, иначе Ваше признание не будет искренним. Нужно рассказать о «правой» группировке, о том, какую связь она имела с султангалиевщиной, вот в этой плоскости и так серьезно нужно поставить вопрос, и его требует вся наша татарская организация.

Теперь в отношении выступления тов.Ахметова. По-моему, он прав, что требует перечисления фамилий товарищей. Скрывать тут нечего, ведь все равно, когда в организациях нам будут задавать вопросы, кто же эти отдельные товарищи, которые связаны с султангалиевщиной, мы должны будем назвать фамилии.

Кандыбин. То, что мы сейчас обсуждаем, представляет серьезный вопрос, и не только актив, но и вся парторганизация интересуется этим вопросом, интересуется решением, которое мы должны принять и обсудить на предстоящем нашем Пленуме. Мы видим, что те товарищи, которые участвовали¹ к этому делу, на которых ложится вина в этом, тоже представляют это дело не так, как представляет его вся наша организация, это мы можем здесь констатировать. По этому делу решением ЦК исключены из партии ряд ответственных товарищей, часть этих исключенных сидят под арестом, и очень странно, что в нашей организации находятся люди, которые не желают понять всей серьезности этого вопроса. Это не случайно. Мы наблюдаем не только недопонимание, но определенное нежелание некоторых товарищей

¹ Так в документе, следует, вероятно: причастны.

понять то, что сейчас происходит. Что мы сейчас видим? Когда ставится вопрос о Будаيلي во время чистки, мы видим выступление Бурундукова, выступление декларативного порядка. Затем, когда ставится вопрос о Исакове, мы наблюдаем, что находятся защитники по отношению к Исакову. Такое недопонимание кажется особенно странным. Если партия, вся наша партия признала в 23 году деятельность Султан-Галиева контрреволюционной, в наших рядах есть еще люди, которые говорят, что Султан-Галиев лоялен, находятся советские работники, как Будаили, признать, что он не контрреволюционер. И у таких товарищей, как Будаили, находятся защитники.

Перехожу теперь к вопросу Ганеева. Ганеев и сейчас не хочет рассказать нам искренне... когда роль Мухтарова теперь всем ясна, выступление Ганеева недопустимо. Вы защищали Исакова на майском совещании, когда Разумов раскрыл Исакова по материалам, где вполне выяснилась роль Исакова по материалам центра. Вы и после этого не отмежевались от него. Вы берете под защиту в своем выступлении и Максудова. После всего этого как не могут возникнуть всякого рода сомнения относительно Вас, Ваши выступления до XIV партконференции, когда была оформлена Ваша «правая» группировка, когда Вы открыто выступали и защищали свои взгляды, считали, что линия бюро ОК неправильна, в то время как ЦК эту линию оправдывал и не подвергал проверке, и вы заявляли, что с этой линией вы не согласны. Вы легально и открыто высказывали свои взгляды, расходились до XIV партконференции с линией ОК, открыто в «правой» группировке выступали против организации, а вместе с тем и против ЦК. После XIV партконференции Вы от открытых выступлений перешли к нелегальной форме, по материалам ЦК мы знаем, что в Москве существовал центр организации, а также и в ряде национальных республик имелись кадры, представляющие правую группировку. Комиссия ЦК констатирует, что в каждой национальной республике были руководящие кадры. И если мы возьмем нашу татарскую организацию, то в материалах ЦК ей отводится почетное место. В связи с этим извините за то, что у Бюро ОК будет иметься сомнение в Вашей искренности до тех пор, пока от Вас и других товарищей мы не получим доказательства, которое бы вполне удовлетворило нас. Мы видим самое искреннее заявление тов. Богаутдинова, мы знаем, что на протяжении одного-двух лет отношение к Богаутдинову, что он стоял ближе к нам, чем к «правым», и затем отошел от «правых», что процесс отхода формировался 3—4 года, у него не хватало только смелости оформить этот процесс отхода. До приезда Разумова я считал некоторые заявления в ОК, эти заявления курам на смех, это полный обман нашей партии, нашей организации, и мы не поддадимся этому обману, потому что это дело серьезное.

Заканчивая свое выступление, я хочу сказать несколько слов в отношении резолюции. В основном резолюцию мы должны принять, придется внести только некоторые коррективы и, вероятно, утвердить не ранее как во вторник. Я хотел бы в резолюции вставить место... на основании IV национального совещания. Некоторые моменты в этой резолюции нужно будет подкрепить, поскольку мы разошлись. В отношении Бурундукова вопрос передать в ОКК и проверить. Абзац на 4-й странице (*читает*) нужно переделать, поскольку он редактирован не так, как формулировал его Разумов. В основном резолюцию мы должны принять, передать в комиссию и ко вторнику ее приготовить.

Чанышев. Читает выдержки из 4-го национального совещания и делает выводы.

Гарифуллин. Я дам справку тов.Бурнашеву, жаль, что не было записи на прошлом заседании, Бюро, ко примерно Бурнашев сказал так, что «левые» возникли потому, что были «правые», примерно такое содержание выступления Бурнашева, и если ты не веришь мне, то можешь поверить другим, ведь против тебя выступали и многие другие. Теперь по поводу заявления Бурнашева о том, что Гарифуллин был М... «Шуро», это абсолютное безобразие, нужно иметь факты и тогда только говорить, а если нет фактов, то говорить такие вещи ни в коем случае нельзя, это просто пользоваться старым оружием из арсенала левых. В 18 году я был членом «Шуро» в течение трех с половиной месяцев, а в марте я был уже в Чистополе и в апреле был председателем группы бедноты. По-моему, заявлять такие вещи — безобразие.

Разумов. Товарищи, должен сказать, что разработка резолюции в комиссии заняла несколько заседаний, работа была чрезвычайно трудная. На первых двух заседаниях мы старались подойти к этой резолюции, к этим вопросам, фразам и словам так, чтобы меньше возникло споров по ним, мы старались наиболее четко в этой резолюции формулировать те вопросы, которые связаны с султангалиевщиной. Нам кажется, что постановка этих вопросов совершенно правильна. Мы особенно тщательно и особенно долго занимались той частью резолюции, в которой, если вы помните, говорится о руслах, откуда шла работа султангалиевщины. Почему мы на этом особенно тщательно останавливались? Потому что мы считаем, что перед нами и перед ОК стоит сейчас задача сохранения значительных кадров, среди которых есть много ценных, действительно исправимых, над воспитанием которых наша партия много работала. Эту часть группы «правых» мы считаем нужным для организации и для партии сохранить, но вместе с тем, когда мы говорим, что они являлись крепким орудием в руках классового врага, мы не говорим еще, что это были политические младенцы, которые ничего не понимали. Мы понимаем хорошо, что есть такие, которые не являются политическими младенцами, которые являются людьми с уровнем культурно-политического развития не ниже среднего в нашей партийной организации, когда мы говорим, что подавляющая часть правой группы была слепым орудием в руках наших врагов... под влиянием которых они находились. Вот, товарищи, мы считаем необходимым дифференцированно подойти ко всем товарищам, которые принадлежали к «правой» группе. Вот почему ЦКК удовлетворилась искренним и полным признанием тов.Сабилова, несмотря на то, что он принадлежал к руководителям султангалиевской организации. Приговор, расценивающийся как мягкий, не совсем понятен организации. Второе — почему мы считаем необходимым дифференцированно, осторожно подходить к тем товарищам, которые были в этой группе, это то, что... очевидно, по мнению всей нашей организации, это мы не раз говорили, не раз останавливались на этом вопросе и записывали в постановления наших пленумов и XIV партконференции, что процесс отхода от группы, процесс отхода от султангалиевского влияния в значительной части «правой» группы за последние несколько лет, несомненно, был налицо. Было бы смешно, если было иначе, если бы в продолжении 10 лет работы нашей партии над воспитанием выходцев из мелкобуржуазной среды, из среды буржуазной татарской

интеллигенции, пришедших в партию, подверженных национализму, мы, приближая их в течение 10 лет к партии, не добились бы значительных результатов, не изучили бы очень многих товарищей...

Вот, товарищи, подходя с такого угла зрения к этому вопросу, нужно сказать, что заявление, которое сделал тов. Ганеев здесь сегодня, оно совершенно, естественно, удовлетворяет нас не может. Почему? Я приведу выдержки из отчетов национального совещания в Казани, откуда мы можем сделать выводы об ошибках. Особенно характерна речь Бурундукова. Вот два места (*читает*). В другом месте заявление гораздо более категорическое (*читает*). Но в том и штука, что эти слова у Бурундукова не выходили из глубины его политического сознания, это была формулировка, которая в дальнейшем привела уже к работе, как здесь сегодня правильно отметил тов. Рубинштейн, что под флагом принятия политической резолюции здесь старались сохранить кадры, здесь признания полного своих ошибок не было и это является причиной того, что через несколько лет, как мы знаем, сформировалась не только «правая» группа, но и султангалиевщина в рядах нашей организации. Замечательно то, что сейчас не 23 год, что мы имеем первый опыт султангалиевщины, что мы имеем сейчас выращенные кадры из пролетарской и полупролетарской среды, мы должны поставить этот вопрос гораздо серьезнее, чем он ставился в первый раз.

В чем сейчас ошибка, которую допускает Ганеев? (*читает*). Вот несколько слов из показаний одного участника — члена Московского руководящего центра по вопросу о линии, которую проводили в деле татаризации и коренизации аппарата, линия была совершенно не классовая (*читает*). Нужны ли тут какие-нибудь комментарии, я думаю, что нет. А вот вторая выдержка (*читает*). Это, товарищи, выдержка из того, что говорит один из активнейших участников. Эта выдержка свидетельствует о том, что такая постановка могла вылиться только из желания вместо того, чтобы организовать мнение на поддержку партии, ослабить работу партии. Этот вопрос для всей организации является спорным, бесспорно также и их отношение и к троцкистам, и вопрос о том, как нужно относиться к правой оппозиции, обсуждался, причем здесь решение сводилось к одному так или иначе, той или иной оппозиции ослабить работу партии. Были такие представители, которые присоединились ко всем группам, активно поддерживали их точку зрения, исключительно только в целях ослабления работы партии. Можно было бы привести и такие факты, как, например, сбор денег в национальных республиках, в частности в нашей республике, для Султан-Галиева. Все эти обстоятельства говорят нам о том, что здесь имеется наличие султангалиевской руки, что связь здесь налицо. Для нас было совершенно достаточно сказать, что рука султангалиевщины была направлена во все национальные республики. Поэтому, когда мы сейчас говорим в резолюции об ошибках тех или иных товарищей и требуем чистосердечного их признания, об ошибках, которые для нас ясны, мы вполне понимаем, насколько серьезно сейчас признать политические ошибки, чтобы нам не пришлось вернуться в третий раз к изучению султангалиевщины.

Теперь два слова относительно Бурнашева. Немного казенщиной бьет твое выступление, никто тебя не подозревает в том, что ты не искренне отошел от групповщины. Я верю, что Бурнашев искренне признался, верю не только

потому, что убедился в его словах, но он дал целый ряд доказательств на прошлом бюро. Почему Бурнашев был именинником на прошлом заседании, а потому, что не подумав, не сверившись с документами, повторил то, что сказал в своем выступлении С...¹, что «левые» существовали потому, что существовали и «правые» и что иначе, может быть, погибла бы и партия. Если теперь..., то другие захотели бы сказать, что «левые» существовали потому, что были «правые». Вот твоя ошибка. Насколько я помню, когда мы... не нужно было поднимать целый ряд вопросов вчера и сегодня. Затем твое не товарищеское отношение к Гарифуллину, которого мы все знаем и которого партия проверяла. Я думаю, что вопрос о «левых» и о их роли совершенно правильно поставлен в резолюции. Конкретные факты: как, например, яналиф, подгруппы, кто тут был, фамилий поставить можно очень много и это, бесспорно, верно. Мы знаем ибрагимовскую, габидуллиновскую группы, мы знаем Ибрагимова в национальной культуре, мы знаем, что это самое «правое» из «правых» позиций... Я думаю, что об этом вопросе хорошо было сказано в 23 году, была такая постановка вопроса, что «левые» существовали только потому, что были «правые». Когда мы говорим о роли «левых», о признании своих ошибок, то это совсем не значит, что мы опасаемся возрождения этих групп. Я не могу усматривать возражения и думаю, что в ТР этой опасности нет, больше того, мы можем сказать, что этой опасности в нашей организации не существует, но вместе с тем мы должны сказать, что из опыта султангалиевщины мы должны выкорчевать все корни, из которых могла бы возродиться групповая борьба и султангалиевщина. Я думаю, что в этом отношении мы двигаемся вперед. По тем выступлениям, которые мы слышали, у нас не остается сомнения в том, что часть товарищей, которые состояли в группировках, отошли от них. Два выступления — Кудоярова и Богаутдинова мы можем рассматривать как декларативные выступления и из них мы можем сделать выводы. Затем выступление тов. Чанышева ...

Резолюцию сейчас, я думаю, мы опубликовывать не будем и не можем, мы можем сейчас облечь резолюцию в конкретный вид. Нам нужно вместе с резолюцией дать и более или менее исчерпывающий материал, а это мы можем сделать не так скоро.

Теперь по вопросу о фамилиях — записать сегодня фамилии. Тут говорили, что на собраниях [у] нас будут спрашивать фамилии. Я думаю, что это не совсем верно. Мы очутились бы в гораздо более неловком положении, если бы сообщили фамилии, не имея тех решений, которые должны быть вынесены в отношении отдельных товарищей. Нам ничего не стоит разъяснить, что нужно применить жестокие меры не только идеологического, но и организационного порядка, эти пункты написаны не только для красоты, но и для того, чтобы ОК на основании этой резолюции вынес ряд постановлений. Одно дело дать справку на собрании, сказать о том, как идет дело в отношении этих товарищей, а другое — записать фамилии, это значит не только дать политический приговор, но это значит и дать... После разбора материала, который уже имеется, можно будет внести эти фамилии и это будет не поздно, если эти фамилии будут известны через одну, две недели.

В качестве справки я могу сообщить. Вопрос Бурундукова был поручен

---

¹ Так в документе, имеется в виду Сагидуллин

ОКК и нужно только с прискорбием сказать, что ОКК до сих пор еще не рассмотрела его. Мы требуем... партколлегии. Все материалы, которые были в распоряжении комиссии Кандыбина, мы передадим. Что касается вопроса о Будаيلي, то, я думаю, никаких сомнений в этом отношении не может быть.

Есть предложение принять эту резолюцию в основном. Письменные заявления могут быть поданы сейчас в комиссию, и окончательно мы можем принять эту резолюцию во вторник. Я буду голосовать. *(Резолюция в основном принимается единогласно.)*

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.670.— Л.40—76.

80. Из протокола заседания Бюро Татарского обкома ВКП(б)

26 сентября 1929 г.

Секретно

СЛУШАЛИ:

7. Утверждение резолюции по вопросу о Султан-Галиеве.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) в основном утвердить, поручив комиссии на основе обмена мнений ее окончательное редактирование. Внести на утверждение бюро ОК. Имеющиеся у отдельных товарищей поправки сообщить комиссии;

2) обязать всех товарищей, и в первую очередь членов ОК и имевших отношение к татарской «правой» группе, сообщить ОКК все известное им по вопросу о работе Султан-Галиева и лиц, привлеченных вместе с ним, а также об их работе и связях в Татарии.

п.п. Ответственный секретарь ОК Разумов

Верно: Секретарь бюро ОК Гройсман

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.635.— Л.128 об.

81. Резолюция по вопросу о султангалиевщине, рассмотренная на заседании Бюро Татарского обкома 26 сентября и утвержденная на заседании Бюро

1 октября 1929 г.¹

Сов. секретно

Заслушав сообщение о раскрытии антипартийной и антисоветской организации, созданной исключенным в 23 году из партии Султан-Галиевым и о соучастии с Султан-Галиевым в этой организации членов партии Мухтарова, Мансурова, Сабирова, Фирдевса, Дерен Айрлы², Енбаева, бюро ОК постановляет:

1. Проявление воинствующего буржуазного национализма, как султангалиевщина, является неотъемлемой составной частью общего процесса обо-

¹ Дата: 1 октября — указана на заголовке документа.

² Так в документе, следует: Дерен-Айрлы.

стрения классовой борьбы в стране. Развернутое пролетариатом в союзе с бедняцко-средняцким крестьянством и трудящимися массами угнетенных прежде народов социалистическое наступление против всех остатков капиталистических и полуфеодальных отношений в стране неизбежно вызывает упорное и все обостряющееся сопротивление со стороны прежде господствовавших классов. Показателями этого сопротивления являются не только борьба кулачества против наших деревенских мероприятий, факты вредительства в промышленности и на транспорте, антисоветские выступления буржуазно-реакционной части интеллигенции и не только обострившаяся борьба империалистического окружения против Советского Союза. Проявлением этого буржуазного сопротивления, социалистической реконструкции являются и попытки «правых» элементов среди националистической интеллигенции и даже отдельных членов партии, выходцев из буржуазно-кулацкой среды, организовать борьбу против ломки родовых, полуфеодальных и капиталистических отношений в национальных республиках, борьбу против социалистического строительства и его носителей — подлинно интернационалистических кадров трудящихся. Султангалиевщина есть часть общего буржуазного фронта, она выполняет в условиях национальных республик работу по подрыву братского союза между трудящимися угнетенных прежде национальностей и революционным пролетариатом для того, чтобы облегчить победу реакции и контрреволюции. Межнациональное сплочение всех трудящихся под руководством революционного пролетариата является одним из необходимейших условий существования советской власти и культурно-хозяйственного развития прежде угнетенных империализмом народов. Поэтому коммунистическая партия и советская власть должны вести беспощадную борьбу не только против кулаков, духовенства, вредителей в промышленности, но и против буржуазного национализма, как одного из отрядов контрреволюции. Преодоление буржуазного национализма должно протекать и протекает параллельно со всей борьбой, которую ведет наша партия, против всех пережитков и попыток возрождения буржуазной идеологии, в том числе и против великодержавного шовинизма. Бюро ОК полностью одобряет и приветствует поэтому меры, принятые партией и органами советской власти для решительного разгрома султангалиевской организации.

2. Дело султангалиевской организации ставит во весь рост перед татарской партийной организацией задачу развертывания широкой, непримиримой борьбы против всех проявлений национализма.

Эта задача стоит особенно остро перед Татарской партийной организацией, поскольку ТР была основным районом распространения султангалиевщины.

На примере султангалиевщины нужно разъяснить всем трудящимся ТР контрреволюционную сущность право-националистических элементов, ставящих ставку на реставрацию капитализма, на ликвидацию пролетарской диктатуры, на восстановление власти помещика, фабриканта, купца, кулака и муллы над трудящимися. Партия должна до конца разоблачать султангалиевщину как носительницу идей социального закрепощения татарских трудящихся масс.

Гнусное лицо предателей, связавшихся с поддерживаемым английским империализмом белогвардейской эмиграцией и бухарско-туркестанскими басмачами должно быть показано всей массе трудящихся.

Идеологическое преодоление всех остатков султангалиевщины должно способствовать дальнейшему усвоению широкой массой основных принципов ленинской национальной политики и обеспечить четкое проведение линии партии в национальном вопросе на всех участках нашего строительства. Всем членам партии должна стать яснее необходимость сочетания классовых и национальных моментов в нашем строительстве. На практике должна быть обеспечена борьба с извращениями классовой линии при проведении работы по коренизации аппаратов, подъему хозяйственного уровня татарского крестьянства, строительству национальной культуры и т.д.

На борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма наша партийная организация должна добиться дальнейших успехов в деле интернационального воспитания трудящихся, в деле сплочения и укрепления партийной организации. Успехи нашей партийной организации в деле подтягивания хозяйственного уровня татарских крестьянских хозяйств, создания кадров национального пролетариата, коренизации аппаратов, строительства национальной культуры, разрешения крымского вопроса, выращивания кадров татарского рабоче-крестьянского актива и изживания имевшей ранее место групповой борьбы, наши неоспоримые достижения в деле укрепления межнационального союза создают обстановку политической изолированности султангалиевщины, обуславливают полное отсутствие у нее каких бы то ни было связей с трудящимися массами ТР, как и с трудящимися других национальных республик. Дело султангалиевской организации должно быть использовано теперь для окончательного выкорчевывания всех националистических пережитков в среде трудящихся, для полного размежевания в рядах беспартийной татарской интеллигенции, окончательного разоблачения и изоляции реакционно-националистического крыла.

Обострение классовой борьбы оживляет и великодержавный шовинизм, делает его боевым знаменем классового врага, и последний стремится этим путем подчинить своему влиянию отсталые слои русского крестьянства и пролетариата. Партия должна быть во всеоружии против этой опасности, являющейся идеологическим прикрытием враждебного рабочим и крестьянам классового влияния со стороны великорусских слоев новой буржуазии, духовенства, деревенского кулачества и остатков дореволюционного чиновничества и реакционной интеллигенции.

Попыткам великодержавного шовинизма использовать борьбу партии против султангалиевщины в целях снижения темпа реализации национальной политики партии и ослабления межнациональной сплоченности партийной организации и беспартийных трудящихся Татарская организация даст железный, сокрушительный отпор.

ОК со всей решительностью подчеркивает, что одним из условий, обеспечивающих успешную борьбу с национализмом, выкорчевыванием его корней является борьба с великодержавным шовинизмом и самое настойчивое проведение в жизнь ленинской национальной политики партии. Отсюда задача — развернуть еще более широкую и углубленную работу по проведению национальной политики партии и обеспечить смелую и строгую критику всех недочетов нашей работы в области практического осуществления национальной политики.

3. Уроки султангалиевщины должна прежде всего извлечь и усвоить пол-

ностью Татарская партийная организация. Борьба султангалиевцев против партии привела их к предательским поискам союзов с явно контрреволюционными силами. Это путь, на который неизбежно скатывается всякая борьба с партией, если она своевременно не пресекается ростом активности партийных масс и укреплением большевистской дисциплины в партии.

Султангалиевщина стремилась к усилению своего идейного и организационного влияния на места в национальных республиках двумя путями. С одной стороны, делались попытки к созданию нелегальных, строго законспирированных, по существу, контрреволюционных ячеек, преимущественно из представителей буржуазно-белогвардейской молодежи. Ячейки эти мыслились как основа будущей мусульманской антисоветской партии. С другой стороны, предпринимались все меры к использованию в антипартийных целях буржуазно-националистических настроений в среде беспартийной татарской интеллигенции и подверженных националистическим влияниям элементов в партийных организациях. Последнее было особенно важно для султангалиевской группы, т.к. создавало ей опору внутри партии, легальную базу для борьбы с классовой и национальной политикой партии, легальную трибуну для пропаганды буржуазно-националистических идей. С этой целью султангалиевская группа через своих доверенных людей, как оказалось, обманывающих партию, в татарской и некоторых других партийных организациях в течение ряда лет разжигала и направляла борьбу правой группы, стремясь к разрушению партийной дисциплины, подрыву партийного руководства, дискредитации мероприятий партии в области национальной политики, ослаблению связи партии с массами, поддерживая националистические предрассудки, и выступали нередко единым фронтом с махровыми представителями буржуазного национализма.

Таким образом, разоблачение султангалиевской организации должно способствовать каждому до конца уяснить себе истинный смысл той борьбы, которая велась правой группой на протяжении ряда лет в Татарской организации и повести к окончательному и полному разрыву с групповщиной, групповыми традициями тех из примыкавших к правой группе, которые под влиянием буржуазно-националистических предрассудков не понимали того, что в ряде вопросов являются орудием в искусных руках врагов партии.

Вскрытие султангалиевской организации требует от нас не только решительной идеологической борьбы с национализмом в партийной и беспартийной массе, но и организационной борьбы с неисправимыми носителями буржуазно-националистической идеологии.

Партия требует от всех примыкавших ранее к «правой» группе и искренне осознавших теперь свои ошибки решительного и недвусмысленного отмежевания от идеологии и практики султангалиевцев и от групповых традиций, прикрывавших султангалиевщину, активной борьбы с султангалиевщиной и султангалиевцами, подтверждая действительную искренность своего окончательного разрыва с групповщиной. Только выполнение этого условия может обеспечить им доверие партии.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что разоблачение султангалиевщины с исключительной полнотой показывает Татарской партийной организации вред и опасность, которую несет с собой всякая групповщина и фрак-

ционность, под какой бы вывеской она ни выступала. Всякая фракция, противопоставляющая свою линию и внутреннюю дисциплину линии и дисциплине партии, неизбежно ведет к откатыванию от партийных позиций и создает благоприятную обстановку для проникновения влияний враждебных сил. Об этом ярко свидетельствуют такие факты в жизни татарской организации, как беспринципные блоки, заключавшиеся между «левыми» и «правыми» группировщиками против партийного руководства на отдельных этапах групповой борьбы, безыдейная борьба, которая велась «левыми» против партийного руководства, фракционная дисциплина, противопоставлявшаяся дисциплине партии, что вело к подрыву практической работы партии по реализации ленинской национальной политики и выполнению организацией общих задач социалистического строительства. Не случайным является также смык¹ значительной части «левых» с «правыми» в таких важных политических вопросах, как яналиф, национальная культура, а также отдельные случаи смыкания «левых» группировщиков с антисоветскими элементами (Мухамедзянов и Илиодоров в Буинске).

Наконец, неизбежным следствием всякой групповой борьбы является семейственность, замазывание, извращения классовой линии в силу фракционно-групповой солидарности.

Татарская партийная организация нашла в себе достаточно сил, чтобы положить предел этой групповой борьбе.

14-я партконференция констатировала огромные успехи в деле решительного изживания групповой борьбы и предложила всем членам партии окончательно ликвидировать остатки групповой солидарности и традиций.

Султангалиевщина должна еще раз напомнить всем гибельность групповщины, должна послужить толчком к полному изживанию всех остатков групповых традиций, должна заставить полностью пересмотреть свою позицию тех товарищей, которые еще не избавились до конца от идейного наследства «левых» или «правых» группировок. Тем более суровый отпор должны получить те, кто попытается использовать борьбу с султангалиевщиной для возрождения или даже оправдания в прошлом групповой борьбы.

Бюро ОК призывает всю Татарскую партийную организацию к активной борьбе за ленинскую линию партии в национальном вопросе, к дальнейшей работе над межнациональным сплочением широчайших масс трудящихся для полного выкорчевывания остатков капиталистических отношений в городе и в деревне и победоносного социалистического строительства. Дружными и сплоченными рядами под руководством Ленинского Центрального Комитета партии будет Татарская партийная организация работать над осуществлением общепартийных задач социалистической реконструкции, которые одни только обеспечивают интересы трудящихся всех национальностей. Решительно будет бороться Татарская партийная организация со всеми, кто будет сворачивать с ленинского пути в болото великодержавного шовинизма, национализма и групповщины.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.635.— Л.132—134.

¹ Так в документе, следует, вероятно: смычка.

82. Протокол собрания партактива Верхне-Городского района г.Казани

12 октября 1929 г.

Председательствует т.Моисеев.

Моисеев. Товарищи, собрание районного актива считаю открытым.

Сегодня на собрании т.Разумов сделает информационное сообщение о султангалиевщине. Слово предоставляется т.Разумову.

Разумов. Товарищи, само собой разумеется, что сегодняшний доклад является лишь предварительным. Постановка вопроса, более широкая постановка, большая конкретизация вопроса будет иметь место на пленуме ОК, тем более, что некоторые вопросы султангалиевщины, которые сейчас являются не совсем понятными и ясными, получают к тому времени полную ясность и освещение.

Товарищи, в настоящее время мы переживаем период обострения классовой борьбы вокруг осуществления задач социалистического строительства, и совершенно ясно, что в этот период классовый враг стремится влезть в каждую пору, использовать все возможности для усиления своей работы против нашей партии, против социалистического строительства. Мы видим на фронте классовой борьбы чрезвычайно большое многообразие форм этой борьбы и проявления активности классового врага в борьбе с нашей партией. Мы знаем, что самой разнообразной формой этой работы является вредительство в нашем хозяйстве. Мы знаем целый ряд фактов такого рода, как шахтинское дело, экономическое вредительство в ленинградском судостроительстве и целый ряд мелких случаев. Мы видим проявление активности классового врага, усилившуюся против нас борьбу в вопросах международной политики: обострение наших отношений с Англией и то положение, которое мы наблюдаем сейчас на китайской границе. Все это является одной из разнообразных форм борьбы против нашей партии, против нашего государства, которая ведется против нас могущественным врагом. Мы видим проявление этой активности также и на фронте хлебозаготовок в форме саботажа сдачи хлебных излишков, в форме террора, проявляющегося нашим классовым врагом против тех представителей партии и советской власти, которые на местах энергично проводят в жизнь и выполняют директивы органов нашей партии. Мы видим попытки классового врага через реакционную профессию овладеть политическим настроением учащихся, студенчества, воспитать его в буржуазном духе, сделать из него врага советской власти, напитать его буржуазной идеологией. Мы видим проявление этой активности и в таких вопросах, как статистика, где специалисты, сидящие в нашем аппарате, составляют такие цифры, которые бы посеяли панику в нашей стране, неуверенность в рабочем классе, что положение безнадежное, что крах советской власти неминуем и так далее. Все эти попытки борьбы с нами классового врага имеют целью и, прежде всего, вбить клин между рабочим классом, крестьянством, создать условия, при которых был бы неизбежен разрыв рабоче-крестьянского союза.

В условиях национальных республик мы имеем, товарищи, еще две дополнительные формы проявления активности наших классовых врагов — это, во-первых, великодержавный шовинизм, который, бесспорно, усиливается в моменты общего обострения классовой борьбы в нашей стране. Было бы

нелепо, если бы наш хитрый и умелый враг не использовал бы одного из старых испытанных орудий, с помощью которого сеется рознь между трудящимися. Вторая дополнительная форма проявления активности классового врага — это усиление буржуазных, националистических настроений, имеющих целью оторвать трудящихся отсталых наций от общей работы рабочего класса, от общей работы нашей партии, особенно в момент решения серьезных задач по переустройству народного хозяйства.

Одним из таких серьезных и организованных проявлений контрреволюции на фоне общего обострения классовой борьбы является султангалиевщина.

Товарищи, большинство присутствующих здесь, очевидно, знает, что султангалиевщина представляет явление не сегодняшнего дня, что она имеет свою историю, что эта история насчитывает весьма значительную давность. Султангалиевщина в течение всей своей истории представляла и представляет организованную действующую против нас националистическую буржуазию, [действующую] против советского строя, против классовых принципов, противодействующую нашей партии в наступлении [против] классового врага, против буржуазии. Султангалиевщина пережила несколько фаз своего развития, переросла постепенно, в течение ряда лет, [в] открытую контрреволюцию. Причем, чем уже становится база, на которую опиралась султангалиевщина, чем меньше становилась ее опора в массах, тем быстрее становился процесс перерастания в открытую действующую контрреволюцию. Товарищи, султангалиевщина представляет собой организованный протест буржуазии против политики нашей партии, султангалиевщина есть не что иное, как организованное проявление буржуазного национализма. До укрепления советского строя ряды буржуазного национализма были едины, для всех их в одинаковой степени являлось непримиримой программой нашей партии, программа Советов. Они в этот период до укрепления советского строя стремились осуществить буржуазно-националистическую политику, искали союзников где угодно, но только не в лице нашей партии. Только после того, как для всех стало совершившимся фактом, что советская власть в нашей стране упрочилась, что без нее и помимо нее осуществление национальной политики немислимо, лишь в этот момент началось переустройство рядов буржуазного национализма. В этот период ряды буржуазного национализма распались примерно на три части, на три отряда. Во-первых, явился отряд Гаяза Исхакова, который оказался самым непримиримым из всех националистов, который оказался наиболее последовательным из всех националистов. Когда для него стало окончательно ясно, что советская власть в стране окрепла, исхаковская группа укрепляется за границей и оттуда продолжает непримиримую борьбу с советской властью и с нашей партией. Второй отряд буржуазного национализма — это отряд Заки Валиды¹, вождя Башкирии, главного деятеля буржуазного национализма Востока. Заки Валиды не пошел сразу по пути Гаяза Исхакова. Он оказался несколько более гибким, более хитрым, чем Гаяз Исхаков. Он дольше всех других оставался на территории Советского Союза, сначала как активный деятель против советской власти, против партии. В своей борьбе против партии, в поисках союзников за осуществление национальной политики на буржуазных началах он зак-

¹ Здесь и далее так в документе, следует: Валиды.

лючает один блок за другим. Он заключает блок с атаманом Дутовым, который в 1918 г. был в Оренбурге, сражаясь против советской власти, стараясь выторговывать кое-что для себя в национальной политике, в случае если *(Пропуск из-за отсутствия света)*.

Таким образом, товарищи, султангалиевщина являлась тем отрядом из буржуазии, из буржуазных националистов, который оказался гораздо более гибким и раньше других понял необходимость сближения с партией, позже других пошел на разрыв [с] парти[ей]. История султангалиевщины делится примерно на три периода. Первый период, общий с буржуазным национализмом,— это до укрепления советской власти. Второй период начинается с момента, когда султангалиевская группа приходит к необходимости стать помощником нашей партии и заканчивается примерно в 1923 г., когда она постепенно перерастает в контрреволюционное движение. Рост рабоче-крестьянских кадров внутри нашей партии, постепенная потеря влияния в массах совершенно естественно клонили и должны были толкать Султан-Галиева и его друзей искать новых союзников для борьбы с партией, при помощи которых можно было бы пересмотреть нашу партийную линию в национальной политике, союзников, которые бы разделяли национальную политику на буржуазный лад и, наконец, третий период, который становится особенно ярким [в] последние годы до 1928 г., до момента, когда султангалиевщина перерастает в явную контрреволюцию, ищет и находит себе союзников в лагере наших злейших врагов. Султангалиевщина перерастает в контрреволюцию, когда вместе со своими союзниками ставит открытую задачу свержения советской власти, свержения диктатуры рабочего класса в нашей стране. В той или иной мере, в большей и меньшей степени программа султангалиевщины на протяжении всех этих трех периодов представляет собой программу буржуазного национализма. Основными моментами в этой программе, идеологии султангалиевщины являлось, во-первых, отрицание классов в отсталых националь[остях]. Отсюда основной вывод, что классовая борьба в национальных республиках не должна иметь место, что национальная политика нашей партии, направленная к подъему отсталых национальных масс, к культурному росту их, к укреплению их благосостояния, должна быть направлена как в сторону бедноты, так и в сторону буржуазного класса. Отрицание классовой борьбы, ее ненадобность среди отсталых национальностей ведет к целому ряду дополнительных выводов.

Когда буржуазные националисты толка Султан-Галиева и Заки Валиды подходили к разрешению важнейших вопросов национальных республик, они подходили к ним как буржуазные националисты, подходили к разрешению важнейших вопросов на основе отрицания существования классов среди отсталых народностей, отсюда вопрос в отношении буржуазной интеллигенции, вопрос о роли, которую должна играть в национальных республиках буржуазная интеллигенция, отсюда совершенно иное понимание вопроса, иное отношение к духовенству, отсюда вообще целый ряд важнейших вопросов политики и практики, из которых нужно отметить такие вопросы, как коренизация. К этому вопросу султангалиевцы подходили не так, как подходим мы. Они стремились к тому, чтобы сблизить аппарат с массами, вовлечь татар, бедноту из крестьян и ставили перед собой задачу этого вовлечения совсем не так, как ставили мы, имея в виду и рабочих и крестьян. В таких

вопросах, как национальная культура, как яналиф, буржуазные националисты — султангалиевцы подходили к разрешению таким образом, что в результате имели не сближение трудящихся различных национальностей, а борьбу с партией и разъединение трудящихся.

Султангалиевщина к 28 году является, следовательно, законченной контрреволюционной программой, она является не только контрреволюционной идеологией, но вместе с такой контрреволюционной программой является действующей, ведущей самую ожесточенную борьбу с основами Советского государства организацией. Причем в программе, в каждом слове этой программы в дополнение к тем делам, которые нам известны из показания Султан-Галиева, его причастность к заграничным контрреволюционным силам видна чрезвычайно убедительно, чрезвычайно убедительно подтверждается эта связь, оформившаяся и окрепшая в 28 году. Мы видим, что работа султангалиевской группы направлялась с того же самого центра, из которого направлялась и направляется работа белогвардейской исхаковской группы в Берлине, откуда направлялась вся контрреволюционная работа против нашей партии. Я ознакомлю вас с основными пунктами программы Султан-Галиева в 28 г. Первым и основным пунктом этой программы является необходимость свержения советского строя, борьба за свержение этого строя в нашей стране. Султан-Галиев арестован в ноябре 28 г. и, находясь в течение этих 11 месяцев в соответствующем учреждении, имел много времени для того, чтобы рассказать, как и какую он вел работу после 1923 г., после того момента, когда он за свои преступления в 23 году был исключен из партии. Партия дала ему возможность раскаяться и исправить свою ошибку, находясь вне партии и на свободе. Такой основной вопрос, как отношение к советской власти, к нашей партии, Султан-Галиев ставит таким образом (*читает*).

Таким образом, вы видите, что Султан-Галиев и его группа, ведя вместе с нашими врагами контрреволюционную борьбу объединенным фронтом за свержение советской власти, вместе с тем готовят Туранское государство, подготавливают организацию Туранской национальной республики.

Что имеет в виду султангалиевская группа, говоря о том, что в момент гибели советской власти нужно будет немедленно учредить это Туранское государство, что мыслится под этим Туранским государством? Может быть, тоже советская республика, но только под другим названием. Из показаний Султан-Галиева видно, что его организация имела в виду создать такое государство, социальной базой которого будут являться рабочие, крестьяне и мелкая национальная буржуазия. Одним словом, все слои населения, все классы. Далее султангалиевская организация ставит перед собой мысль: организованное Туранское государство после гибели советской власти будет находиться в капиталистическом окружении. Как должны быть построены отношения Туранского государства с империалистическими державами? На этот вопрос они отвечают соответствующим пунктом своей программы, они стараются построить эти отношения таким образом, чтобы империалистические державы были довольны Туранским государством, они стараются быть угодными империалистам, чтобы последние согласились поддерживать это государство, согласились терпеть это государство, иными словами, программа Султан-Галиева является программой полной капитуляции перед

империалистическими государствами. Эта программа отдаст трудящихся национальных республик в полную кабалу, в полное угнетение империалистам. Для того, чтобы осуществить свою программу, приспособить ее к осуществлению, чтобы в достаточной мере обеспечить борьбу с советской властью и партией, чтобы успешно бороться с нашей партией, чтобы в момент гибели советской власти можно было немедленно приступить к организации буржуазного Туранского государства, практическая работа султангалиевской группы была направлена прежде всего к тому, чтобы создать партию, в данное время нелегальную, партию, которая вела бы работу по осуществлению этой султангалиевской работы. Как представляет Султан-Галиев эту партию, как организовать эту партию, как построить ячейки этой будущей партии, которые уже начали строиться, лучше всего сказать его собственными словами: «социальные базы будущей нашей партии» (*читает*).

Таким образом, товарищи, из этих слов Султан-Галиева совершенно ясно видно, что те ячейки, которые Султан-Галиев и его сторонники строили как основу будущей партии, должны были представляться как партия, резко враждебная нашей компартии.

Чрезвычайно характерн[ыми] в программе Султан-Галиева являются несколько пунктов, свидетельствующих о неразрывной связи — идеологической и организационной, существующей у Султан-Галиева с центральными международными контрреволюционными организациями, ибо он повторяет ту же самую установку и оценку нашей партии, ее политику в нашей стране, которая делается и нашими врагами. Я цитирую опять самого Султан-Галиева (*читает*).

Я думаю, товарищи, что эти и многочисленные справки и выдержки из показаний самого Султан-Галиева совершенно достаточны для того, чтобы представить общую картину контрреволюционной сущности, которую представляет собой к 28 году, к моменту раскрытия, султангалиевская группа.

Если, товарищи, в 23 году партия могла простить хотя и тяжелые преступления со стороны Султан-Галиева и его близких друзей, его сознательных сторонников, то, само собой разумеется, что после этого урока 23 года, в 28 году партия не могла простить Султан-Галиева, превратившегося вместе со своими друзьями в явных контрреволюционеров. Никакого прощения, никакого смягчения за всю их вину против партии. Султан-Галиев имел сторонников и союзников не только за границей, не только в организациях национально-буржуазных, но и в рядах, к несчастью, нашей партии. Сам Султан-Галиев пишет таким образом о бывшей своей партии: «Эту будущую партию я мыслил как массу рабочих и крестьян» (*читает*).

Вот, товарищи, то, что написано самим Султан-Галиевым о том, что основными кадрами его будущей партии должны быть замаскированные коммунисты, находящиеся сейчас в рядах нашей партии, заслуживает особенно внимания при исследовании этого вопроса. Мы должны сделать соответствующие выводы, независимо от того, написал это или не написал Султан-Галиев. Для каждого не секрет, что были такие члены партии, что имена их не представляют секрета. ЦКК в августе и в начале сентября, после тщательной разработки и исследования султангалиевщины в ПИУ, привлекла к ответственности ряд членов партии, имена которых для Татарской организа-

ции являются небезызвестными. Это Мухтаров, Ямбаев¹, Мансуров, Сабилов, Фирдзев², Дайрен³ — бывший председатель СНК Крымской республики. Что представляет собой эта группа? Эта группа представляет собой Московский центр султангалиевщины, центр, который поставил себе задачу, прежде всего распространение внутри партии, в парторганизациях национальных республик идей султангалиевщины и его программы, вербовку сознательных и бессознательных единомышленников и помощников в распространении своей идеологии. ЦКК сейчас установлено, что этот московский султангал[иевский] центр сыграл весьма серьезную роль, направляющую роль в отношении группы правых коммунистов в Татарской [республике] и ряде других национальных республик, когда шла борьба вокруг вопроса яналифа, национальной культуры, о том, какова должна быть линия в национальной политике. Один из активных участников этого Московского центра, привлеченный к ответственности, сообщает, что основной задачей Московского центра в части руководства известными группами и коммунистами в национальных парторганизациях было стремление всегда и во всем охватывать партию в каждом вопросе национальной политики, организовать оппозиционное построение среди широких кругов: как беспартийных, в первую очередь интеллигенции и учащихся, а также и среди широких кругов партийцев; с этой целью на места султангалиевский восточный центр направлял на работу, поддерживал и руководил на местах «правых» коммунистов в национальных парторганизациях. Причем, совершенно естественно эта группа состояла из двух частей. Материалы по этому делу говорят нам о том, что с одной стороны были ряд людей, большинство которых не знало о том, что представляет собой этот Московский центр, эти люди не знали всей сути султангалиевщины и бессознательно лили воду на мельницу классового врага, убаюкивая себя тем, что они ничего плохого для партии не делают, что они только находятся в оппозиции, что они хотят по-деловому повести вопрос, исправить линию партии. С другой стороны, в этой группе были и должны были, естественно, быть люди, которые совершенно сознательно представляли собой агентуру султангалиевского центра. Наряду с той работой, которая проделана центральными органами нашей партии по выявлению султангалиевского центра, для того, чтобы избавить партию от таких людей, которые продолжают оставаться — хотя и находятся в нашей партии, — врагами нашей партии, желающими и пытающимися взорвать партию изнутри, перед внешними⁴ национальными организациями, прежде всего перед Татарской организацией, стоит практическая задача выявить и освободиться от тех людей, которые представляют собой сознательных агентов султангалиевского центра. Есть ли такие у нас? Очевидно, нужно признать, что есть.

Вы, наверно, читали на страницах «Красной Татарии» постановление одной из комиссии по чистке. Это постановление об исключении из партии Будаили, основным преступлением которого является то, что в течение ряда лет он поддерживал и поддерживает теснейшую связь с Султан-Галиевым,

¹ Так в документе, следует: Ембаев.

² Так в документе, следует: Фирдзев.

³ Так в документе, следует: Дайрен-Айерлы.

⁴ Так в документе, следует: «нашими».

обсуждал с ним политические вопросы, защищал те идеи, которые выдвигал Султан-Галиев и ни одним словом не промолвился об этом нашей партии. Больше того, когда рассматривался этот вопрос в ЦКК, когда допрашивались активисты-с[ултан]галиевцы, когда в силу необходимости и очевидности некоторым из этих активистов пришлось рассказать о той работе, которую вели они, как, например, Сабиров, то Будаили называл таковых не иначе как провокаторами, изменниками, несмотря на то, что для каждого из нас ясно, что человек, хотя и поздно, тот или другой из бывшей той или иной группировки, поможет партии разобраться или, как в данном случае, поможет раскрыть султангалиевщину, ничего не скрывая, вполне искренне для каждого ясно, что это не провокатор и не изменник... Точно так же вопрос, который решается сейчас парторганами Татарской организации, — это вопрос об Исхакове (зам. председателя Госплана), в отношении которого летом этого года стало известно, что он знает, что такое представляет Султан-Галиев, знал, что он в 23 году был исключен из партии, очевидно знает, чем дышит Султан-Галиев в настоящее время, считал все же необходимым иметь с ним неоднократно политические беседы, получать политические директивы, советуясь с ним по целому ряду вопросов, обсуждая с ним, что выгоднее для националистов быть вместе с партией, против правого уклона или, наоборот, быть вместе с правым уклоном против партии. Характерно, что члены Московского центра или отдельные агенты в национальных парторганизациях во время каждого уклона ставили этот вопрос на обсуждение Султан-Галиева, как относиться к оппозиции, что даст союз с той или иной оппозицией для национальной группы в национальных парторганизациях. Я не знаю точно, каково будет решение соответствующих парторганов, но я знаю, что комиссия по чистке членов в СНК постановила Исхакова за эти факты, за установленную его связь с Султан-Галиевым из партии исключить.

Совершенно естественно, товарищи, что люди, которые знали, что еще в 23 году, после раскрытия султангалиевщины, Султан-Галиев считается контрреволюционером, что ему нет места в партии, что он погибший для революционной работы, что от него нужно избавиться, и которые вместе с этим С[ултан-]Гал[иевым], скрывая от парторганов, поддерживают идеологическую и политическую связь вполне согласно его программы — эти люди не заслуживают никакого снисхождения со стороны партии за свои проступки, ибо с 23-го по 28-й год было много времени и возможностей для того, чтобы идеологически и организационно окончательно порвать всякую связь с султангалиевщиной, встать твердыми ногами на позиции нашей партии, совершенно естественно, что в 29 году [к] такого рода проступкам подход должен быть и будет гораздо жестче, чем в 23 году, ибо сейчас мы имеем огромный рост пролетарских кадров в национальных парторганизациях, ибо сейчас мы решаем огромнейшую задачу соц[иалистического] строительства, и тем людям, которые, несмотря на все это, сидят замкнутыми в рамках буржуазного национализма и ничего не видят, им не место в нашей партии, им не по пути с нашей партией.

Теперь, товарищи, разрешите коротенько остановиться на важнейших уроках, которые должны быть сделаны в связи с султангалиевщиной. Во-первых, серьезнейший урок, который дает нам с[ултан]галиевщина, — это урок «правым» групповщикам, которые примкнули к «правой» группе, работали

под руководством султангалиевского центра, сплошь и рядом не сознавая того, что они льют воду на мельницу классового врага. Уроком для них прежде всего должно быть то, что они должны раз и навсегда окончательно порвать связь со всякой групповщиной, изжить остатки этой групповщины, остатки националистических настроений, ибо султангалиевщина как нельзя лучше показывает, куда ведет, куда привело в конце концов активное состояние в этой группе. Второй урок — это урок другого сорта, групповщика, которые были и которые еще остались в нашей парторганизации, групповщинам, характерные особенности которых являлась «левая» критика [султан]галиевщины, групповщинам, называющимися «левыми» или «ультралевыми», для которых [султан]галиевщина является наилучшим орудием.

Товарищи, «левые» в нашей парторганизации, как и в других парторганизациях национальных республик, всегда говорили о том, что они существуют, и отдельные остатки этих групп и сейчас пытаются еще так поставить вопрос: существуют и существовали для того, чтобы бороться с «правыми». В решениях партии и в целом ряде решений наших партконференций неоднократно констатировалось, что такого рода суждения являются продуктом националистических настроений. Я не буду говорить о том, что неоднократно говорили и указывали национальным парторганизациям тт. Ленин, Сталин и другие товарищи о том, что левые беспринципные крики, что левое ребячество...¹ Товарищ Ленин неоднократно говорил, что эти левые крики, борьба «левых» с националистическими стремлениями есть лучшая помощь буржуазному национализму, ибо эта левая групповщина отвлекала внимание партии и тем самым делалась объектом для успешной политической эксплуатации... нашего классового врага. Это дополняло вербовку сторонников султангалиевщины внутри нашей парторганизации. Кроме того, о какой борьбе с «правыми» могла идти речь со стороны называющих себя «левыми», когда эта левизна была только фразами, а практика дела сплошь и рядом мало отличалась от практики дел правой группы. Мы знаем из истории нашей парторганизации целый ряд случаев заключения блоков между «левыми» и «правыми», разнообразных блоков для совместного выступления, для борьбы с партией против руководства партией. Я не буду перечислять эти случаи, ибо большинство присутствующих их знает в достаточном количестве. Я укажу конкретный случай — это назначение Исакова зам. председателем Госплана, то было сделано вопреки воле парторганизации в результате того блока, который был заключен между левыми и правыми, назначение в качестве директора Вахитовского завода Алимова, что тоже являлось продуктом блока «левых» и «правых», причем «левые», чтобы получить поддержку, сами являлись проводниками таких решений, раз это было выгодно для них. Затем поддержка «правых» в таких вопросах, как яналиф, как вопрос национальной культуры. В значительной части те товарищи, которые считали себя членами левой группы, они в этих вопросах абсолютно не расходились с «правыми». Целый ряд лидеров членов Московского центра сейчас заявляют, что вопросы яналифа, национальной культуры «правые» считали наиболее ясно и четко отражающими их установку в той формулировке, которая давалась лидерами «левых», вроде Г.Ибрагимова. Мы знаем целый

¹ Здесь и далее: так в документе.

ряд случаев когда, выступая против руководства партии, применялись различные приемы вроде секретаря Буинского канткомма Мух..., который прибегал к услугам юрисконсульта Илиодорова, который... в 29 г. был снова осужден и расстрелян. Мух... ва пользуется его услугами, чтобы составлять декларацию против партии.

Наконец такой факт более позднего происхождения, как обнаружение буинской Смоленщины, оценка которой давалась со стороны отдельной товарищей «левых», что никакой смоленщины в Буинске нет, что эта буинщина есть везде, что к ней нужно относиться терпимо и примиренчески. Товарищи, почему мы сейчас говорим о таких вещах, почему мы решили... в резолюцию. Потому что имеются различные попытки, по крайней мере двух человек, одного человека, который выехал в Москву, Муслимова, попытки, использовать ту борьбу, которая ведется сейчас против султангалиевщины, и известные вам выступления Ибрагима Галеева на Пленуме Нижне-Городского райкома, который долгое время сидел и которого за полтора года я почти не знал. Здесь выступления Галеева Ибрагима, а в Москве такие же попытки делает Муслимов.

Наконец, третий — товарищ Сагидуллин говорит, что мы пахали, что осуществляли борьбу с буржуазно-националистическими элементами; значит, существование левой группы было естественно необходимым для борьбы с «правыми» и, значит, в дальнейшем, поскольку будут существовать буржуазно-националистические настроения, наше существование левой группы является необходимым для партии.

Товарищи, таким выскочкам, таким попыткам составить себе совершенно незаслуженный политический капитал, оправдать разлагающее влияние групповщины в дальнейшем должно дать дружный отпор, поскольку такие попытки имеются, ясное дело, обязанностью, нашей партии и руководящих органов нашей организации является разоблачение действительной сущности всех «заслуг» левой групповщины в борьбе с султангалиевской идеологией, ибо их существование служит усилением султангалиевщины и тормозит борьбу нашей партии.

Я бы менее всего хотел, что из того, что я сказал, вы сделали пространные выводы. Эти выскоки¹ отдельных товарищей еще до сих пор, до 29 года не понимающих вреда групповщины, которые они ведут на протяжении долгого ряда лет, не должны быть отнесены к тем товарищам, которые в разное время примыкали к левому толку [в] борьбе с нашим руководством, в борьбе с партией, тем товарищам, которые состояли в левой группе, но искренне и всерьез отошли и разорвали всякую связь с групповщиной, есть такая группа товарищей, бывших активных групповщиков, которым ОК считает возможным оказывать полное доверие исходя из того, что они искренне признали свои ошибки, но тем более решительный отпор со стороны ОК и всей парторганизации встречают и будут встречать попытки тех групповщиков, которые до сих пор не желают исправиться, которые хотят вести обстрел из пушек по тем товарищам, которые исправились, признали свои ошибки, называя их изменниками, примиренцами, провокаторами, эсерами, называя их негодным элементом, продажными людьми, за портфель: а вот, мол, честные Галеев

¹ Так в документе.

Ибрагим, Муслимов и другие никогда не изменят ленинским знаменам партии, эти будут оставаться непримиренцами по отношению к партии. 2—3 выступления последнего времени не следует, конечно, рассматривать как какую-нибудь угрозу единству нашей партии, а нужно рассматривать как доказательство того, что эти 2—3 человека не поняли урока и остались такими же политическими уродами, как и другие групповщики. Очевидно, нужно сказать: рассчитывать на то, что эти товарищи станут полезными членами нашей партии, такими членами, которые содействуют сплочению организации в дружной работе по выполнению задач нашей партии — рассчитывать не приходится. Дальнейшая работа наша заключается прежде всего в искоренении всех остатков групповщины, и это серьезнейший урок, который мы должны сделать из султангалиевщины. Проявить более решительную борьбу со всеми остатками групповщины, чем до сих пор, в силу того, что мы знаем, что султангалиевщина представляет наглядные доказательства того, какой огромный вред представляет групповщина для нашей партии.

Третий урок и практическая задача, которая должна быть поставлена перед нашей организацией во всю ширь, — это работа с беспартийной национальной интеллигенцией, на основе классового расслоения этой интеллигенции. Мы должны принять меры к тому, чтобы вовлечь интеллигенцию в борьбу с султангалиевщиной, к идеологической борьбе всех, кто когда-либо примыкал к султангалиевщине и, прежде всего, мы должны потребовать это от членов нашей партии, которые недостаточно понимают, что они делают и кому они помогают находясь в правой группе. Мы должны требовать самой решительной борьбы против организационной и идеологической султангалиевщины в условиях ТР.

Четвертая задача — последняя, на которой я хочу остановиться. Это самая важная и серьезная задача, я говорю о ней в конце не потому, что она последняя по значимости, а потому, что именно на нее нужно сосредоточить больше всего внимания нашей парторганизации. Эта задача — самая решительная борьба со всякими проявлениями великодержавного шовинизма как в рабоче-крестьянских массах, так и внутри нашей парторганизации.

Мы имеем огромные достижения в области национальной политики, но ни на секунду наша организация не должна успокаиваться этими достижениями, а наоборот, развить еще больший темп в деле проведения национальной политики, в условиях ТР. Мы должны обеспечить все возможности для свободной критики всех наших недостатков для того, чтобы с помощью этой критики добиться больших результатов в смысле проведения национальной политики. Почему эта задача является главной задачей? Во-первых, потому, что мы коммунисты, что мы как часть партии обязаны проводить ту часть программы нашей партии, которая считается самой серьезной и важной; во-вторых, потому, что мы, коммунисты, должны проводить в жизнь один из заветов Ленина, осуществлять завет Ленина о скорейшем подъеме культурного уровня отсталых национальностей, что недостаточное проявление борьбы, недостаточная решительность в деле осуществления национальной политики играют на руку нашему классовому врагу, создают условия, благоприятные для националистов и внутри нашей партии, а особенно среди рабоче-крестьянских масс. Нет никакого сомнения, что это важнейшая задача, это урок, стоящий перед партией, в связи с раскрытием султангалиевщины, уяс-

нятся и будут выполнены, что раскрытие султангалиевщины послужат делу дальнейшего сплочения и оздоровления нашей парторганизации (*аплодисменты*).

Моисеев. Товарищи, есть предложение сделать пятиминутный перерыв, объявляю перерыв на пять минут.

Моисеев. Слово для ответа на вопросы представляется т.Разумову.

Разумов. Товарищи, вопросов немного. Прежде всего несколько вопросов можно скомбинировать, в них говорится — скажите открыто — кто из членов бюро и Секретариата сочувствовал или сочувствует и как ведут себя в бюро ОК товарищи Ганеев, Богаутдинов, которые являлись активными группировщиками.

Скрывать нечего, и я не намерен скрывать. Я сообщил довольно откровенно все то, что нам известно по этому вопросу. Я забыл только сообщить о Брундукове, который представляет собой самого главного участника, который встречался с Султан-Галиевым, получал от него директивы. Брундуков находится сейчас под политическим надзором. О тех, кто состоит в Бюро, тех, кто были в правой и левой групповщине, об их работе и политическом поведении мы ничего плохого сказать не можем. Что касается вопроса отдельных товарищей, как, например, тов.Богаутдинов: сочувствовал он или сочувствует, то я должен сказать совершенно твердое мнение ОК, что хотя он и сочувствовал в свое время правой групповщине, был активным участником правой группы, то он не отдавал себе ясного отчета в том, что он, состоя в группе, работает в пользу султангалиевщины, — это во-первых. Во-вторых, тов.Богаутдинов за последние два года, находясь в ОК и Бюро ОК дал большое количество доказательств того, что он идейно отошел от группы, порвал с ней всякую связь, мы проверяли десятки раз т.Богаутдинова, и по всем вопросам политического характера, он всегда давал вполне правильные и объективные ответы, нисколько не проявляя солидарности с групповщиной, он одинаково решительно выступал против групповщины, нисколько не считаясь с тем, находились ли товарищи в групповщине или находятся и сейчас. Он одинаково решительно выступал вместе с ОК против искривления парт. линии. Вот что я могу сказать относительно т.Богаутдинова.

Когда мы обсуждали вопрос и заслушали... то мы заслушали и заявление Богаутдинова, которое считали вполне удовлетворительным. В отношении т.Богаутдинова каких-либо замечаний нет, и хорошо будет, если и у вас их не будет.

Дальше вопрос: «Как вы считаете, является ли «Платформа 39-ти» султангалиевщиной?»

Должно быть, здесь говорится о заявлении, которое было подано ЦК. Это заявление являлось продуктом творчества Московского центра, в составлении этого заявления активное участие принимал...

Он считал это заявление весьма важным, поскольку вокруг этого заявления можно было всколыхнуть значительную часть организации, поскольку это заявление являлось платформой, вокруг которой можно было организовать не только партийную, но и беспартийную часть. Естественно, поскольку это заявление имело такие результаты, оно, конечно, сыграло в пользу султангалиевщины и во вред партии.

В чем выражается связь ВОПИ с султангалиевщиной? Очевидно, вопрос

надо понимать по-другому, не связь с ВОПИ, а какое влияние оказала султангалиевщина на студенчество. Там существовала ячейка Султан-Галиева. Что представляют листовки, которые были распространены в техникумах, в которых агитировалось то, что пишут за границей Т... Эти листовки были составлены Султан-Галиевым... Эти листовки были распространены и в Кзыл Орде ячейкой и людьями, которые имелись там.

В чем заключается вмешательство «левых» в борьбе с султангалиевщиной? Я не знаю, о чем спрашивает товарищ. В своем докладе я достаточно подробно останавливался на этом вопросе и осветил его, думаю, что если еще я буду говорить в продолжение нескольких минут, то и это товарищу будет мало. Может быть, товарищи, выступающие в прениях, помогут уяснить роль «левых» в борьбе с султангалиевщиной.

Давно ли замешан Мухтаров с султангалиевщиной и если давно, то почему он допускался на ответственную работу.

Во-первых, если бы знали, что султангалиевщина примет такую форму, как в 28 г., то, конечно, Султан-Галиев не гулял бы на свободе. Я думаю, он перестал бы гулять, как и теперь, когда стала известна его работа. Точно так же и в отношении Мухтарова. Когда партийным органам стало известно, что он является соучастником Султан-Галиева, его сняли с работы.

Что значит Туранское государство, термин «Туранская». Я не являюсь специалистом, а поэтому и не могу точно разъяснить это слово. Когда-то туранский народ населял территорию нашего союза. Под словом «Туранское» Султан-Галиев имел предположение создать государство из восточномусульманских народностей, населяющих СССР: Татреспублики, Баштреспублики, Казахстана и Средней Азии. Название Туранский — это старое историческое название народностей, которые населяли СССР, вышедших из Средней Азии.

Тут еще говорится о Мратхузине. Я не знаю, откуда товарищ взял это. Тов. Мратхузин не замешан ни в каких группировках.

Моисеев. Перейдем теперь к прениям. Слово представляется т. Резванову.

Резванов. Здесь, на собрании актива приходится сказать, что информация как актива, а тем паче низовой партийной массы у нас зачастую задерживается, и о тех или иных событиях мы узнаем только уже из газет, после совершившегося факта. Точно так же и информация о султангалиевщине нам дается после того, когда окончательно уже установлена ее контрреволюционность. Это дает повод некоторым из товарищей говорить, что у нас совершенно не ведется борьба с «правыми» в ОК. Я могу лишь сказать такой факт, не буду указывать на фамилию. Мне встречается человек, который был ярым «правым», и говорит, что сейчас борьбы с султангалиевщиной не ведется. Это был ярый, сознательный «правый». Может быть, он сделался таковым стихийно, по своей неграмотности, но, во всяком случае, он был сознательным правым уклонистом, и он говорит, что ОК не ведет борьбы с «правым» уклоном. Затем другой товарищ выступал против «левых», защищал линию ОК, а затем, когда перешел на партийную работу, то он слился с «левыми». Вот такие случаи можно отметить у некоторых партийцев, ибо они не знают как следует историю этих группировок, не знают историю Татарской парторганизации, и у этих товарищей могут возникнуть сомнения. Я делаю вывод, что актив нужно было собрать пораньше, и пораньше инфор-

мировать о султангалиевщине, и это необходимо не только для татарской части актива, но и для русских товарищей. Особенно для молодых, которые не знают еще истории и сути султангалиевщины. Это первое, что я хотел сказать. Во-вторых, насчет «левых». Я думаю, что как среди «правых» были такие люди, которые стихийно несознательно поддерживали и помогали работе султангалиевщине, так и среди «левых» были такие, которые, теперь отказавшись от групповщины, искренне помогают партии и рабочему классу, которые, будучи в группировке, несознательно пошли под влияние лидеров «левых», а теперь окончательно освободились от влияния и пришли к правильной линии ОК. Но сегодня среди таких товарищей замечается некоторое недоразумение. Как это так, в 23 году мы боролись против султангалиевщины, а теперь нам говорят, что мы поступали неправильно, что мы помогли Султан-Галиеву. Беда «левых» заключается в том, что они искривляют линию и открывают группировочную борьбу с партией. Если среди «левых» есть полезные работники, то, во всяком случае, оправдывать свою группировочную борьбу за пять-шесть лет существования султангалиевщины нельзя.

Третье, на чем я хочу остановиться, это следующее: среди султангалиевцев были такие, которые несознательно подпали под влияние Султан-Галиева и шли в правую групповщину, не зная сущности султангалиевщины. Если такие элементы были и если они искренне стараются исправиться, то, конечно, парторганизация должна им в этом помочь, но тем, кто сознательно шел в правую групповщину, конечно, нельзя делать поблажек. Те товарищи, которые, не зная программу Султан-Галиева, пошли в групповщину, вели борьбу, должны теперь активно рассказать про всю свою борьбу и не должны быть пассивными в борьбе с султангалиевщиной. Они должны принять самое активное участие в деле искоренения султангалиевщины.

Каримов. В своем выступлении я хочу сообщить о следующем: не знаю, верен или не верен этот слух. Я слышал, что отсюда некоторые из «правых» ездили в Краснококшайск на совещание. Если это действительно правильно, то, во всяком случае, нельзя уже сказать, что эти товарищи несознательно участвовали в султангалиевщине. Это участие в совещании указывает, что они были активными участниками и, конечно, вполне знакомы с программой султангалиевщины, что им были известны планы. Это тайное совещание или съезд дает нам повод думать, что они сознательно участвовали в султангалиевщине, сознательно шли в правую группу, отдавая себе полный отчет в том, что они делают.

Тухватуллин. Первый оратор тов. Резванов отчасти правильно сказал, что многое зависит от того, когда ставится информация, потому что само по себе нужно признать, что султангалиевщина не является массовым движением. Я знаю очень много коммунистов, которые совершенно не знают об этом деле, правда, стыдно говорить здесь, на собрании актива, что мы не знаем о султангалиевщине, более или менее, активные партийцы, в частности, скажу про себя, те результаты, которые получились от султангалиевщины и о которых сообщалось сейчас, даже с момента 23 г. мне лично неизвестны. Эти политические результаты не известны также и многим другим, неизвестна ни программа султангалиевщины, ни их линия, ни их углубленная работа. Все это как-то сразу выявилось, а тем паче это неизвестно русскому активу. Происходит, конечно, это оттого, что, во-первых, мы не были информирова-

ны, во-вторых, оттого, что, уйдя всецело в практическую работу, мы не замечаем того, что происходит. Не замечаем тех товарищей, которые уходят в политику и, так или иначе, искривляют линию нашей партии в тех или иных вопросах. Так получилось и с правой группой, дошедшей до открытой контрреволюции. Я считаю, что мы в таких случаях недостаточно боремся. Я не имею достаточных материалов и фактов сказать что-либо против нашего партруководства в нашей организации, но все-таки думаю, что более резкой постановки этого вопроса у нас не было. Надо было более резко хлестать по тем товарищам, которые искривляют линию партии и углубляют групповую борьбу. Постановка и реагирование на такие вопросы я лично считаю неудовлетворительными. Из сообщения о султангалиевщине, из тех фактов, которые мы слышали, видно, что султангалиевщина переросла всякую групповщину и превратилась в открытую контрреволюцию, потому что Султан-Галиев и те, кто был связан с ними, они имеют тесную связь с буржуазией. Вели не только идеологическую, но и вполне ясную организационную работу, как, например, организация ячейки [в] Казани. Вот почему я и думаю, что надо было поступить более резко в этом вопросе, поступить более резко по отношению к тем, кто состоял в группе. Я считаю, что этот вопрос нужно перенести в обсуждение нашей организации и дать правильную установку. Наша организация имеет известный иммунитет. Мы знаем, что наша парторганизация имела правильную установку в отношении проявления различных групп и уклонов. Мы знаем, что, несмотря на различного рода закидывания удочек со стороны троцкистов, парторганизация сумела так поставить дело, что у нас не было ни одного троцкиста. Если мы хотим взять правильную установку в деле борьбы с групповщиной, с султангалиевщиной, нам нужно поставить этот вопрос более резко. Если мы будем ослаблять внимание к этому вопросу, то это будет на руку той или иной группе, из-за повседневной деловой практической работы мы мало обращаем внимание на групповщину. Я думаю, среднему активу нужно будет помочь в этих вопросах, помочь разобраться, и я ставлю вопрос о том, что у нас недостаточно проводится работа с активом в части информации, а также в смысле воспитания актива. Эту работу нужно проводить своевременно. В таких случаях, как султангалиевщина, мы должны проводить бешеную работу. Сейчас обнаружено, что идея султангалиевщины существует среди партийцев, а также среди беспартийных. Эти уклоны и возжелания мы можем встретить хотя бы из такого примера: мне приходилось слышать разговоры о последних событиях в Палестине между арабами и евреями. Я заявляю здесь, что со стороны партийцев мне приходилось слышать такие реплики, что наших братьев арабов режут. Ведь что это — это тоже своего рода султангалиевщина, и такое мнение порождается среди наших партийцев и, конечно, оно может иметь свои результаты. Я считаю султангалиевщину, как контрреволюционную организацию, мы должны изжить и вырвать с корнем, повести работу по борьбе с султангалиевщиной более резко.

Малышев. Товарищи, я не возьмусь говорить относительно оценки настоящего положения групповой борьбы, потому что она идет, несомненно, на затекание и если имеет место тенденция так или иначе осложнить эту борьбу, то это связано с общими нашими затруднениями, с одной стороны, и, с другой стороны, с усилием нажима на классового врага. Сегодня мы долж-

ны договориться о том, чтобы усилить нашу работу внутри организации, усилить нашу взаимную поддержку в работе среди коммунистов национала, а также и среди русских партийцев. Откуда черпается почва для шовинистических настроений? Эта почва черпается из разговоров базарных, мещанских и, может быть, эти базарные, мещанские разговоры недооцениваются нашими товарищами. Мы могли бы сделать больший нажим или большее ослабление этих разговоров, если бы не было двух обстоятельств. Зачастую мы наблюдаем подозрительность со стороны русских партийцев к татарской части или просто отмахивание. И такое отношение, конечно, рикошетом отражается в борьбе с шовинистическими настроениями. Я думаю, что, покончив с такого рода разговорами, с такого рода отношениями, мы могли бы достигнуть больших результатов в деле изжития шовинистических настроений.

Один из товарищей здесь сказал, что многие не понимают вредности групповщины. Среди русских товарищей, даже средних, моего возраста поступления в партию в период гражданской войны видели, где корень правой групповщины. Я здесь говорю о Мухтарове и др., которые стояли у кормила управления. Теперь поздно уже об этом говорить, но среди русских товарищей есть такие, которые не понимают социальных корней левой групповщины. Как и всякая групповщина, левая поставлена на фразеологии, это только почва для борьбы с партией. Но, конечно, это не умаляет необходимости борьбы с левой группировкой. Нам нужно заострить внимание на разрывании нашей работы. Что касается борьбы с султангалиевщиной, то сейчас нужно поставить вопрос о разоблачении, и я думаю, что необходимые мероприятия по этой части будут приняты, особенно среди интеллигенции, как русской, так и татарской. Нам нужно разоблачить султангалиевщину с тем, чтобы лучшую часть нашей интеллигенции еще ближе приблизить к партии, и не только татарскую, но и русскую. Я думаю, что корни султангалиевщины заложены не только в татарской части, но также и в русской. Здесь дело не в чалме. И русская интеллигенция ищет так же смычки, как и всякий классовый враг и, несомненно, это разоблачение этой султангалиевщины среди русской интеллигенции должно занять известное место в нашей работе.

Тычкин. Сегодня актив должен сказать определенное слово об окончательном изжитии как правой, так и левой групповщины, и если они существуют до сих пор, то мы должны заклеить их позором, особенное внимание мы должны уделить ликвидации отдельных индивидуумов султангалиевщины, а такие индивидуумы у нас есть. Об этом говорит нам происходящая чистка партии, и комиссии по чистке нужно обратить на это внимание. Я хочу здесь сказать о следующем. У Валея Исхакова есть брат — председатель Татотдела союза работников земли и леса, должно быть, он идет по пути своего брата, он начинает окулачиваться, строит дом, и когда ему задают вопрос, почему не идет в колхоз, то он говорит: «если будет организован колхоз, то я пойду». Поскольку брат является султангалиевцем, постольку и он идет в правый уклон и на деле осуществляет его. Султангалиевцы имеются также и среди специалистов. Когда комиссия по чистке приступила к проверке двух специалистов, то они сейчас же стали говорить, что их притесняют, а между тем их подписи фигурировали в числе 39-ти против яналифа. Я думаю, что идеологическая связь тут имеется, и нашим партсекциям нужно разделить специалистов на пролетарских и буржуазных.

Дальше о коренизации аппарата. Коренизировать нужно, но не так, как это делается у нас. Я приведу такой факт: на днях был вычищен из... Тюмев, он оказался бывшим помещиком из Сибири, разложил все дело, не выдал вовремя премиальные, а теперь кредиты на них НКФином уже закрыты... Вот такой случай имелся по линии коренизации. Поэтому я считаю, что нужно дать директивы по линии РТЯ, чтобы она направляла работников в аппарат из рабочих и крестьян, но не из буржуазии. Такие случаи нужно отметить, ибо они имеют большие результаты. Дальше мы говорим, что султангалиевщину нужно выгнать, но нужно обратить внимание и на то, чтобы будущие беспартийные не попали опять на ответственные посты. Мы видим, что вычищенные опять принимаются на ответственные посты, ОК должен следить, чтобы выгнанные из партии не попали снова на ответственную работу, чтобы снова не вели своих контрреволюционных дел. Мы знаем, что некоторым удалось удрать в Москву, где, конечно, они опять будут вести контрреволюционную агитацию, поэтому я ставлю вопрос, чтобы пресечь их работу, чтобы они не могли удрать, не могли вести агитацию, их нужно оставить здесь, и это послужит лучшим залогом, что султангалиевщина у нас будет изжита.

Рамазанов. Я думаю, что нам пора изжить этот гнойник, с которым мы боремся несколько лет, и если мы хотим действительно изжить его, то нам нужно здесь на настоящем собрании открыто отметить всех, кто не может отказаться от групповщины, кто до сих пор держит связь с группами. Выступления т. Резванова и второго товарища проявляется¹ до некоторой степени недоразумение, и мы не изживем групповщины и султангалиевщины, если открыто не скажем персонально, а не абстрактно имена групповщиков. О султангалиевщине мы знаем давно, и мы изживем ее только тогда, когда мы сразу оторвем корни ее, на основании работы того или иного товарища будем давать то или иное наказание, так надо поставить на сегодняшнее заседание этот вопрос. Если мы будем продолжать разговоры о том, что где-то что-то говорится, то у нас ничего не получится. Товарищ Тухватуллин говорил, что многие из партийцев не знают детальной сути султангалиевщины, я думаю, что это не совсем правильно. Этот гнойник у нас продолжается уже 7—8 лет, и я думаю, что до некоторой степени он известен всем, неизвестны могут быть только детали. Изжить этот гнойник мы сумеем, когда будем, указывать конкретно и персонально.

Вольфович. Товарищи, у каждого большевика в борьбе есть горячее сердце, но оно регулируется холодным рассудком, которое нам сегодня говорит, что доставлять радость султангалиевщине мы не должны, а эта радость будет, если султангалиевщина хотя бы на мгновение сможет почувствовать как контрреволюционная организация, что мост, который в своих контрреволюционных целях буржуазный национализм перекинул между собой и нашей партией, еще не окончательно и бесповоротно погиб. Я говорю о том, что если бы она могла считать, что такая организация, как наша татарская, в данном случае мы говорим о султангалиевщине, что групповщина продолжает существовать в том виде, в каком она была в лучшее для себя время. Мы эту радость не можем предоставить султангалиевщине, ибо мы сегодня присутствуем перед фактом ликвидации султангалиевского течения, ибо султангалиевское

¹ Так в документе, вероятно, следует: «вызывает».

течение есть организация классовой борьбы национальной буржуазии против советского государства за Туранское государство. Так прямо и надо поставить вопрос. Ведь групповщина была оружием классового врага, оружием буржуазии, кулаков и мулл для их контрреволюционных возделений¹. Так что когда говорят о султангалиевщине, то нельзя искать ее в партии, эти корни нужно искать в буржуазно-националистических возделениях за буржуазную республику, за объединение всех восточных республик.

Никакой пролетарской идеи в султангалиевщине нет, это идея Константинополя, и, если хотите, султангалиевщину можно найти в русской белогвардейщине, у которой есть также цель дробления пролетарской страны. Единый фронт можно найти между русской белогвардейщиной и буржуазно-националистической контрреволюцией. Султангалиевщина существовала совсем не в 28 г., в 28 г. она дошла до своего контрреволюционного оформления, она играла на групповщине тогда, когда наша партия давала отпор этой групповщине, блокировала между «правыми» и «левыми». Султангалиевщину нужно искать главным образом в правом уклоне, который является лучшим отражением этого течения, который ближе всего к султангалиевщине. Теперь нам нужно сказать, что султангалиевщина в партии трахнула, тогда, когда этот мост единством парт. организации был разрушен и все групповщички потеряли свое законное право на существование. Говорить сейчас о реальном существовании султангалиевщины — значит доставлять ей радость и эту радость мы не должны доставлять, ибо реально групповщина в том виде, в каком она была у нас, не существует. Но что же товарищи есть? Есть среди правых группировщиков часть таких элементов, которые были не только мостом, но тесно связали себя с программой Султан-Галиева, которые видели в Султан-Галиеве вождя до конца, которые шли к нему на совет, за директивами и исполняли эти директивы целиком и полностью, которые если бы это течение развилось и усилилось и одержало верх, может быть, стали бы рыцарями Туранского государства. Такие отдельные люди у нас есть и их наша организация выкорчевывает. Те, кто имели возделение Султан-Галиева, должны быть изъяты из нашей партии. Но, выкорчевывая этих людей, сподвижников Султан-Галиева, этих бывших активистов, связанных с Султан-Галиевым, нельзя сказать, что мы объявляем борьбу бывшим «правым», никакой борьбы с групповщиной не может быть, ибо групповщина ликвидирована постановлением двух партконференций и как таковая не возрождалась до сегодняшнего дня. Поэтому кричать, что каждый «правый» — султангалиевец, что ни одного «правого» нельзя оставлять, даже говоря о руководителях бывшей правой группировки, требовать их изгнания — это большая честь для султангалиевщины, потому что наша партия кое-что имела во время троцкизма. Вовремя вернуться к борьбе, разрубить мост, который лежит между нами и султангалиевщиной, выкорчевать остатки, связанные с Султан-Галиевым, изгнать их из партии или строгим выговором заставить окончательно порвать эту связь — это совсем не значит, что мы объявляем борьбу совсем не существующей групповщине... Что нужно понимать под групповщиной? Нужно поним... а не подносить как в рассказе Чехова жареного рябчика им в рот. Но бывает, что партия храпнет по хреб-

¹ Здесь и далее: так в документе.

ту, и после этого они исправляются. Некоторые ругали Хатаевича, но теперь они должны благодарить его как избавившего их от того вреда, который они могут принести партии своей групповщиной. Так что нельзя обвинять всех, одно дело Исхаков, другое дело Богаутдинов. Один не только визитировал, но и принимал у себя Султан-Галиева, а другой после постановления партконференции стал честно на борьбу, сжег свой группировочный мост. Так что партия выкорчевывает корни горячим сердцем, но она и не теряет своего холодного ума, чтобы напрочь свои силы в этой борьбе и отделить виноватых от тех, которые могут исправиться и быть полезными для партии.

Хочу одной минуты — ответить т.Гимранову насчет «левых». У «левых» есть своя беда. Есть такие «левые», которых «Красная Татария» назвала непримиренцами (*Разумов: Так назвал сам себя Галеев...*) Я считаю, что умнее всех будет Сагидуллин, а остальные, это просто крикуны, которые кричат, что султангалиевщина заполонила все и нам остается только распластаться перед ней. По-моему, мы говорим о борьбе на два фронта. Совершенно правильно, но не против Вас, если у Вас нет никакого желания встать снова групповщиком. Мы Вас не будем трогать, но мы будем звать Вас на борьбу с Вашими товарищами, которые мечтают о борьбе с султангалиевщиной. Возьмите Сагидуллина, он опровергает статью Шацкина, говорит, «что нужно бороться с мещанским подхалимством»..., а все остальное ерунда. Когда мы указали ему, что это возвращение группировки, что это нарушение партийных традиций, он дал в ОКК обещание..., что это неправильно понимают, что он все время боролся с султангалиевщиной и эта борьба будет продолжаться, пока будет султангалиевщина. Получается так, что слава, дескать, мол, богу, что существует султангалиевщина и что мы, мол, можем бороться с султангалиевщиной, что, мол, такие рыцари как мы, только и способны бороться с султангалиевщиной, поэтому, «левые», имеют законное основание называться спасителями, что вся организация спасовала бы перед султангалиевщиной и вот только «левые» оказались в силах бороться с ней, против такого оправдания, против такого поведения нужно бороться и никакого ущемления национ. большевикам тут нет, а это есть борьба татарской организации против всякого рода действительного левого ребячества по Ленину, потому что не чем иным, как ребячеством, этот крик не является. Этот крик на радость Султан-Галиеву, особенно когда мы присутствуем при крахе султангалиевщины. Мои слова заносятся в стенограмму и я, отвечая за них, говорю, что мы присутствуем при крахе султангалиевщины, но мы попутно должны обратить внимание... ибо как мы можем бороться с султангалиевской контрреволюцией, мы можем бороться только на базе полного партийного единства, против контрреволюционного султангалиевского течения, имеющего место всегда, ибо классовая борьба не кончится до тех пор, пока социализм не восторжествует окончательно, всегда будут иметься буржуазные возделения, а возделения национальной буржуазии никогда не могут быть иными, как контрреволюционными, ибо понятие в... Исхаков и Султан-Галиев имеют в конечном счете одно и то же — протест против гегемонии пролетариата, против Советского государства, имеют связь с Константинополем. Так что в этом отношении нельзя борьбой с Султан-Галиевым, борьбой с правым уклоном оправдать непримиренчество «левых». Прицеплять здесь султангалиевщину к организации нельзя.

Нельзя так говорить, как выступил здесь т.Гимранов, который перестал быть левым...

Скоба. Тов.Гимранов неправильно поставил вопрос, когда он всю парторганизацию разделил только на «правых» и на «левых». Я помню, когда я был секретарем до момента ликвидации групповщины тов.Сагидуллин и Бурнаева, которые ходили на нашу фабрику, они старались распространить свое влияние на рабочих, но когда Гимранов говорит, что он вполне здоровый коммунист, я считаю его выступление неправильным и отмахиваюсь от этой линии.

Иманкулов. Наши большевики — татарские, татарские национальные кадры, мне думается, создаются не так, как говорилось здесь, только в борьбе с султангалиевщиной и с каким-нибудь уклоном, по-моему, это неправильная установка. Тов.Гимранов старался оправдаться какими-то специфическими татарскими условиями, история татарской организации одинакова с любой другой организацией, из его выступлений выходило, что борьба султангалиевщины велась только «левыми», что эта группа левых появилась только потому, что была султангалиевщина, отсюда можно сделать вывод, что руководство ОК было недостаточно, и только «левые» могли одержать¹ эту борьбу. Верно ли это, по-моему, неверно, и об этом говорит борьба с троцкистами и с другими уклонами, троцкисты точно так же стараются доказать, что они правы, что они являлись сигнализаторами с правым уклоном, а партия вела неправильную оппортунистическую линию. Я считаю, что такая платформа неправильна. И не только неправильна, но антипартийна, и поэтому мы бьем «левых». Вы боролись против султангалиевщины, и это правильно, но неправильно то, что Вы имели группу, то что вели групповую борьбу, которая ослабляла нашу борьбу с султангалиевщиной, и если отдельные проявления султангалиевщины есть, то наша организация сумеет дать решительный отпор этим проявлениям. Во-вторых, какова причина того, что в нашу организацию, в наш советский аппарат были перенесены корни султангалиевщины, об этом выступающие товарищи говорили вполне ясно, в первую очередь это объясняется недостатком национальных кадров из пролетариата. Нам придется в связи с султангалиевщиной поднять вопрос о выращивании кадров из татарского пролетариата. У нас пролетарского элемента очень мало, и если мы возьмем цифры для сравнения, то мы увидим, что мы имеем всего только две-три тысячи, но над ними еще нужно поработать, нужно воспитать.

Дальше нам нужно орабочить наш аппарат, наши вузы, ибо тут черпают для себя базу буржуазные националисты. В наших учреждениях сидят буржуазные интеллигенты и в них находят свою базу султангалиевщина. Для того, чтобы успешно бороться с султангалиевщиной, нужно укрепить пролетарские кадры в вузах и в нашем советском аппарате.

Рамазанов. Мне кажется, что левых коммунистических партий нет и быть не может, выступление т.Гимранова напоминает мне выступление Аралова на Крымской партконференции. Выступая на 14-й партконференции, Аралов говорил, что «левые» помогли изгнать «правых», я считаю, что такое выступление никуда не годится. Товарищу Гимранову очень правильно ответил т.Вольфович. Я не собираюсь возражать т.Вольфовичу, но остатки «левых» и «правых» необходимо выкорчевывать. Выступление Гимранова, как мы видим, не

¹ Так в документе.

ново. То же говорил на пленуме Нижне-Городского райкома Галеев. Как и «правые», «левые», безусловно, помогали султангалиевщине, также эта помощь была оказана в Крыму Ибрагимовым. Нам нужно поднять политический уровень наших партийцев, в ЦК и райкоме этот вопрос стоит очень остро. Тогда можно будет правильно понимать уклоны и отличить правильную линию от неправильной.

Моисеев. Наша организация представляет очень большой отряд. Свыше 3 тысяч членов и кандидатов, поэтому наша организация в достаточной степени должна отдавать себе отчет о политической жизни партии, о политической жизни Татарской организации. Руководящие кадры Верхне-Городского райкома в большинстве знают историю Татарской организации, и не надо особенно далеко заглядывать в эту историю, чтобы сказать, как мы в процессе нашей работы должны будем отнестись к султангалиевщине. Я хочу остановиться на выступлении двух товарищей — Резванова и Тухватуллина, которые сказали, что вопрос о султангалиевщине поставлен несвоевременно, т.е. несколько поздно. Тухватуллин даже сказал, что он сам не сведущ в деле султангалиевщины и живет в каком-то неведении. Я думаю, что такая постановка вопроса не вяжется с тов. Тухватуллиным. Очень характерный случай нужно привести. Когда мы были... были на чистке Исхакова... таким близоруким..., а эта близорукость не должна быть, особенно среди руководящих кадров нашей организации, которые знают историю нашей организации, знают задачи сегодняшнего дня. Надо быть более открытым. Здесь один из товарищей говорил о совещании в Краснококшайске, а вот мы спросим, что сделал он, чтобы парализовать это совещание, я думаю, что ничего. Очередной задачей нашей организации и является не составление одних резолюций, а нужно иметь политический нюх, чтобы констатировать факт не после его совершения, а уметь предупредить. Я полагаю, что в борьбе с правым уклоном нам нужно быть беспощадными, а чтобы правильно вести эту борьбу, мы должны взять правильное решение. Здесь многие говорили об Исхакове, которого знает вся ТР, но есть люди, которые говорят о нем, как о... Такая близорукость неуместна и не имеет оправдания, и нам нужно бить по ней самым решительным образом.

Дальше нужно сказать о «левых», я думаю, что наш актив самым решительным образом осудит заскок на пленуме Нижне-Городского райкома со стороны Галеева Ибрагима, пытавшегося набросить тень на ОК, на татарскую парторганизацию. Подумаешь, какие пророки, которым красная цена — грош. Я несколько не удовлетворен сегодняшним выступлением Гимранова. Его удельный вес гораздо больше и он мог бы сказать гораздо больше, чем он сказал по отношению к таким товарищам, как Гимранов, совершено открыто... Нужно прямо и решительно отмежеваться от всех zigзагов, которые продолжают идти со стороны оставшихся «левых». Я полагаю, что наша организация и наш актив будут вести самую решительную борьбу со всякими проявлениями групповщины, и не только вести борьбу, но и вырачивать новый актив.

Разумов. Есть один вопрос, или вернее предложение: издать все материалы о султангалиевщине в специальной брошюре. Товарищи, нет сомнения, что в истории нашей партии, а тем более в истории нашей парторганизации, а также и других национальных республик султангалиевщине будет

уделено самое почетное место (с места: В учебниках) не только в учебниках. Но, очевидно, сегодня это сделать невозможно, ибо все факты, о которых я сегодня говорил, все эти данные не могут сделаться достоянием широких масс, не могут быть освещены, ибо нет окончательного решения центральных парторганов, ибо следствие по выявлению отдельных лиц и моментов еще не закончено, и это является помехой к опубликованию.

Несколько замечаний по выступлениям. Относительно совещания в Краснококшайске. Слух был, он дошел и до нас. Но, насколько я знаю, такого совещания не было. Мне известно, что Султан-Галиев был летом 28 г. в Казани, он приходил и ко мне в ОК, разговаривал по какому-то вопросу. Что он ездил в Краснококшайск, это тоже верно, был слух, что туда ездил один товарищ, но в отношении этого товарища факт остается недоказанным. Но это не имеет никакого значения, мы знаем десятки таких совещаний, десятки людей, которые участвовали на этих совещаниях. По сравнению с этим количеством и качеством этот факт совещания в Краснококшайске, было оно или не было, не имеет никакого значения.

Несколько слов относительно задержки информации. Решение ЦКК было в первой половине сентября, причем это решение партколлегии ЦКК, которое должно быть рассмотрено в Президиуме ЦКК и которое должно быть согласовано с ЦК.

Насколько я знаю, даже сегодня окончательной санкции в центральных органах еще нет относительно султангалиевщины, но мы взяли на себя инициативу те факты, которые мы считаем возможным поставить сегодня на обсуждение. Поставить этот вопрос в печати сегодня мы считаем пока невозможным. Сегодня в татарской газете была помещена статья, другая будет помещена завтра, а затем завтра будут две статьи в «Красной Татарии». Я предупреждаю, что эти статьи могут показаться страшными, в статьях нет фамилий, там лишь говорится об организации султангалиевщины в 23 году. Эти фамилии не упоминаются не потому, что мы не считаем нужным говорить об этом, а потому, что официально ставить этот вопрос мы не можем до тех пор, пока не будет окончательного решения ЦК. Естественно, когда Султан-Галиев сидел в тюрьме, когда от него добивались показания, когда был открыт его центр в Москве, стало возможным информировать уже о доказанных фактах, наконец, последняя справка о том, что резолюция ОК окончательно утверждена только во вторник на прошлой неделе и никто из нас, из членов ОК не мог и не должен был выступать по этому вопросу раньше принятия этой резолюции. Мы можем выступать только после того, когда уже установлено мнение организации партийных органов. Эту резолюцию нельзя было принять в два-три дня, ее нужно было детально проработать.

Теперь т. Вульфович... вредность и неправильность установки... что мы должны разоблачать всех товарищей, кто примыкал к групповщине... зачастую не понимая того, что они делают. Я присоединяюсь к т. Вульфовичу в том, что в момент, когда партия занимается ликвидацией групповщины, ставить вопрос о поголовном исключении тех товарищей, которые исправились и за длительный период показали, что они стоят на правильном пути, эта установка неправильна.

Теперь замечания вскользь, замечания по выступлениям. Один товарищ сообщил факт, что в результате коренизации в НКЗеме оказался бывший

помещик. Нужно сказать, что этот факт не может опарачивать¹ или замедлять наших стремлений по проведению коренизации. В отношении не только татар, но и по отношению к русским работникам, мы еще не могли добиться того, чтобы если не все 100%, то хотя бы 50% в нашем аппарате были представители рабочих и крестьян. Чистка показывает, что число вычищенных из русских не меньше, чем из татар или других национальностей.

Теперь разрешите остановиться на выступлении т.Гимранова, которое является гвоздем настоящего собрания. Он долго думал, стоит ли ему сделать сегодня именинником и, наконец, решился. Когда он не говорил о султангалиевщине, я не имею основания с ним не соглашаться, но дальнейшее его выступление мне показалось странным. Он подчеркивает, как это можно было подумать, что «левые» заняли неправильную позицию, борясь с Султан-Галиевым, всегда понимали всю вредность и сущность султангалиевщины и т.д. Как будто бы вся партия не понимала этой сущности и вот только одни левые могли выдвинуть борьбу с султангалиевщиной. Тов. Гимранов говорит о выступлении Галеева, напел его антипартийным. Но кто согласится с ним, разберемся, в чем заключается антипартийность выступления Галеева, я думаю, в том, что он говорил: «мы все время боролись с султангалиевщиной, и нас за это называли «левыми», осуждали нас, устраивали гонение на нас», что вообще было специфического в выступлении Галеева. То, что он в 29 году, несмотря на урок, продолжает, как попугай, твердить то, что левые групповщики твердили в течение целого ряда лет. Он пытался доказать, что левые были правы, что их не оценили как хороших большевиков, стоящих на правильной линии, стремящихся вести всю организацию по правильной линии. Мне кажется, что это неверная мысль, которая была у Галеева, есть и у Гимранова. Я читал резолюцию, которую предлагал Галеев на пленуме Нижне-Городского райкома. Формулировка этой резолюции совершенно совпадает с той формулировкой, которую давал сегодня в своем выступлении Гимранов. Поэтому мне непонятно, как можно называть выступление Галеева антипартийным, а самому повторять его слова. Не знаю, имел ли время т.Гимранов продумать все это до сегодняшнего дня, но думаю, что он найдет время продумать это после. Гимранов говорит и считает ошибкой, что я в своем докладе свалил в одну кучу и «левых» и «правых» в борьбе с султангалиевщиной.

Я думаю, что со стороны ОК была взята правильная установка по отношению к группам вообще, ибо как здесь говорил правильно тов. Вольфович, что всякая групповщина есть мост [для] проникновения в партию антипартийных людей. Я считаю, что та установка, которая давалась мною в докладе, не моя установка, а установка ОК, тщательно записанная в резолюции, и это есть установка правильная и четкая, которая целиком и полностью была поддержана парторганизацией. Я хотел бы внести тактическую поправку в речь тов. Гимранова, выразить недоумение по поводу того, что речь Гимранова в части приведения фактов из истории нуждается в поправках. Гимранов знает, очевидно, историю партии, а говорит вместо...

Я думаю, что так играть с историей партии нельзя, ибо парторганизация в конечном счете настолько выросла, что этой игрой ввести ее в заблуждение нельзя. Целый ряд выступлений: и т.Вольфовича, и другие выступле-

¹ Так в документе, следует: «опорочить».

ния — свидетельствуют о том, что история партии Верхне-Городским районом усвоена хорошо. Во-первых, русские большевики выросли в борьбе с меньшевизмом, это верно, но неужели Вы не понимаете слов тов. Сталина. И нельзя это выражение применять совсем в ином смысле, как Вы. У Вас выходит, и Вы прямо это заявили, большевизм вырос в борьбе с меньшевизмом, так татарские большевики выросли в борьбе с султангалиевщиной, отсюда нужно понимать, что татарские большевики вырастают не в партии, а из султангалиевщины, что они растут из «левых». Или это у Вас сорвалось с языка, или нужно формально понимать это так, как Вы сказали. Разве всегда меньшевики выступали так, как «правые» или под видом троцкизма, проповедующие, что «левые» есть подлинные коммунисты. И до социальной революции Ленин в течение не одного десятка лет вел партию в борьбе с уклонами, с теми уклонами, которые выступали явно оппортунистически. Так точно и теперь наша партия сплотилась в самой жестокой борьбе с троцкизмом и уклонами, стремящимися исправить линию партии. Вся история Коминтерна и история работы компартий, и западных и восточных, говорит нам о том, что эти партии страдали левым ребячеством в борьбе с уклонами, и только после того как нашей партией и целому ряду иностранных партий удалось покончить с уклонами, создались благоприятные условия для сплочения партии, для правильной борьбы с уклонами.

Моисеев. Товарищи, есть предложение заслушать решение ОК. (С места: *Возражений нет*). Разрешите его зачитать (*читает резолюцию ОК по вопросу о султангалиевщине*).

Я думаю, что к этому решению ОК наш актив самым решительным образом соединится и не только будет поддерживать его, но и самым решительным образом будет выполнять. Какие будут предложения. (С места: *Принять*.)

Я буду голосовать: кто за то, чтобы целиком и полностью одобрить это решение (*принимается единогласно, при отсутствии против и воздержавшихся*).

Разрепите объявить заседание закрытым.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.670.— Л.1—39.

83. Из речи М.О.Разумова на III пленуме Татарского обкома ВКП(б)

3 ноября 1929 г.

Под знаменем национальной политики Ленина. Уроки султангалиевщины

Перед нашей организацией во весь рост встал сейчас вопрос об окончательном преодолении и разоблачении султангалиевщины. Резолюция бюро ОК, опубликованная в печати, статьи и другие материалы дают возможность всем товарищам составить себе ясное представление об этом вопросе. Поэтому детально останавливаться на нем на пленуме, очевидно, нет необходимости. Суть вопроса заключается в том, что болтавшиеся в течение ряда лет между революцией и контрреволюцией Султан-Галиев и его организация за последние годы крепко и бесповоротно завязли в контрреволюции.

Основой программы султангалиевщины является ставка на гибель советской власти. Исходя из неизбежности гибели советской власти, султангалиевская организация считала необходимым заранее подготовиться к этому путем создания так называемого Туранского государства, опирающегося «на все классы», то есть эксплуататорского государства, которое закабалит рабочих и крестьян.

Султангалиевская идеология есть законченная программа капитуляции перед империализмом, ибо она основана на сокровенной мечте всего империалистического лагеря о свержении советской власти, и предвидела новое вовлечение освободившихся от империализма наций в орбиту империалистического влияния. В проекте Султан-Галиева это нашло свое выражение в ставке на сотрудничество и «хорошие отношения» будущего Туранского государства с империалистическими державами и в том, что султангалиевская организация на практике связалась с заграничной белогвардейщиной и империалистическими штабами. Султангалиевщина последних лет все крепче и крепче идейно срачивалась, все больше и больше организационно оформляла свой блок с заграничными контрреволюционными силами. Султан-Галиев ставил перед собой ближайшей задачей подготовку кадров для будущей «Восточной партии» и «Колониального интернационала». В качестве основы своей будущей партии Султан-Галиев создавал нелегальные кружки, в том числе и у нас в Казани. Значительная часть участников этих кружков уже установлена, причем выявлено, что они не имели никакой связи в массах. Дело ограничилось несколькими запугавшимися интеллигентами и студентами из буржуазной среды. Наряду с попытками создать собственную нелегальную организацию, султангалиевский центр стремился к использованию легальных возможностей, к использованию буржуазно-националистических пережитков в среде интеллигенции. Вы знаете, что одной из основных задач султангалиевского центра являлось разжигание националистической борьбы в отдельных национальных республиках и внесение разлада в партийные организации отдельных республик.

Задачи нашей парторганизации в борьбе с султангалиевщиной определяются и сейчас в значительной степени основными директивами партии, данными по этому вопросу IV национального совещания. Я прочитаю две выдержки из решения IV национального совещания, которые должны являться и сейчас для нас основной директивой в борьбе с султангалиевщиной внутри парторганизации: «Коммунистические организации в республиках и областях должны строжайше следить за тем, чтобы не только организованные, но и идейные границы партии строго ограждались. Если партийная организация должна считаться не только с национальными особенностями, но и с настроениями, поскольку они захватывают народные круги, то, с другой стороны, она не должна допускать, чтобы какая-либо часть ее растворялась в этих настроениях. Борьба за те или иные изменения национальной политики коммунист может не иначе как через посредство партийной организации и строго партийным путем».

Само собою разумеется, товарищи, что эту директиву национального совещания нужно рассматривать не только как директиву партийным организациям национальных республик в целом, не только как директиву парткомитетам, но и как обязательную директиву для каждого члена этих партийных организаций.

И второе постановление национального совещания, которое указывало на обстоятельство, способствующее развитию султангалиевщины, и вместе с тем дало директивную установку на будущее: «Совещание не может вместе с тем не отметить, что антипартийная и антисоветская работа Султан-Галиева могла бы быть предупреждена или, во всяком случае, своевременно обезврежена партийным порядком, если бы в восточных республиках, особенно в Татарии и Башкирии, где султангалиевщина получила некоторое распространение, велась самими же местными работниками систематическая и решительная борьба с уклоном к национализму».

Подходя к вопросу о борьбе с султангалиевщиной сейчас, после всего того, что обнаружилось в отношении султангалиевской организации в 28—29 гг., мы должны прежде всего поставить вопрос: как выполнялись партийными организациями в целом и отдельными звеньями партийных организаций эти важнейшие директивы IV национального совещания. Сейчас, в 28—29 гг., когда обнаруживается новый обман Султан-Галиевым нашей партии и советской власти, мы совершенно естественно требуем к ответу всех, кто эту директиву IV национального совещания не проводил, кто своей работой способствовал распространению султангалиевских идей, кто помогал ему сколачивать кадры в рядах национальной интеллигенции и даже рядах партийных организаций, кто, организуя постоянную оппозицию партии по вопросу национальной политики, способствовал тому, что султангалиевщина находила отзвуки своим программным установкам в партийной и беспартийной массе. После IV Всесоюзного совещания вопрос о султангалиевщине обсуждался на национальном совещании в Казани, и сейчас чрезвычайно ценно вспомнить речи некоторых товарищей. Так, Г. Мансуров говорил тогда: «Вопрос о вождях исчерпывается очень просто. Исчерпывается пулей красноармейца. Я могу привести массу примеров, которые говорят за «справых» и «левых», и я думаю, что вопрос о Султан-Галиеве должен стоять в такой плоскости: «...теперь его нет, раз он похоронен — о нем речи быть не может, а надо говорить о султангалиевщине. Если есть его поклонники, то о них нужно говорить персонально».

В том же духе высказывался Брундуков:

«Теперь, когда Султан-Галиев официально дошел до точек контрреволюции, мы его осуждаем, клеймим позором и говорим, что ничего общего у нас с таким элементом не имеется. Мы будем бороться с султангалиевщиной» и т.д.

«С Султан-Галиевым нужно покончить. Был Султан-Галиев коммунистом, стал контрреволюционером — следовательно, его для нас не стало».

Вы видите, что непосредственно вслед за Всесоюзным национальным совещанием товарищи заявили о том, что они становятся на пути выполнения директив этого совещания, что они берут на себя обязательство борьбы с султангалиевщиной. Сейчас в отношении очень многих из тогдашних друзей Султан-Галиева можно констатировать, что эти их заявления и обещания были лицемерными, что в тот же день, когда они заявляли публично о том, что отмежевываются от Султан-Галиева, они продолжали работать по его директивам, их политическая дружба с Султан-Галиевым не прекращалась, вместе с Султан-Галиевым продолжало осуществляться руководство так называемой правой группой в национальных республиках. Вместе с Султан-Галиевым эти люди организовывали антипартийную борьбу, борьбу групп

против партии, против партийных установок в общих вопросах, в частности и в особенности в вопросах национальной политики. Сам Султан-Галиев в 29 году дает оценку работы этих группировщиков, лучше всего показывавшую, насколько полно отражали они в своей деятельности планы Султан-Галиева на протяжении ряда последних лет. В своих указаниях Султан-Галиев, там, где он говорит о своей будущей партии, которая должна работать в контакте с крупной национальной промышленной буржуазией, заявляет, что основой этой будущей антисоветской партии должны явиться замаскированные туземные правые коммунисты, имеющиеся сейчас в национальных партийных организациях. Совершенно естественно, что при наличии этих фактов второго мнения по вопросу о том, как мы должны подойти к борьбе с султангалиевщиной, быть не может. Ясное дело, что основная задача, прежде всего, заключается в том, чтобы партийную организацию от элементов, проводящих и могущих в дальнейшем проводить султангалиевские идеи, освободить самым решительным образом. Некоторые конкретные носители султангалиевщины — Будаили, Брундуков, Исхаков, Максудов — прошли перед организацией за последнее время.

Вы знаете, что первые трое уже исключены из партии и что, судя по ходу проверки Гаязя Максудова, по мнению комиссии, его, очевидно, со всей неизбежностью ждет та же участь. Я хотел, т.т., отметить несколько моментов, которые показывают, какой огромный вред политике и авторитету нашей партии в массе приносят эти люди. Недавно мне пришлось беседовать с группой человек в 10—15 беспартийной татарской советской интеллигенции, людей, близких нам, проверенных на практической работе. Они совершенно резонно ставили передо мной вопрос о том, что обязанностью парторганизации является добиваться того, чтобы в ее рядах не было замаскированных националистов, которые сплошь и рядом дезориентируют беспартийную татарскую интеллигенцию. Они заявили в отношении Максудова и отчасти Будаили: «Мы их слушали, им верили, слушали и верили не им лично, но потому что знали, что они члены партии, слушали и верили зачастую и тогда, когда они неправильно ориентировали нас в вопросах партийной линии. Из-за этого, говорили они, мы часто попадали на неправильный, на антипартийный путь». Их мнение, что представители партии, работающие в их среде, должны действительно отображать партийную линию. Это, товарищи, лишний раз подчеркивает правильность той линии, которая взята организацией по решительной чистке своих рядов от султангалиевских элементов. Мы знаем в последнее время случаи, когда беспартийные татарские интеллигенты тому же Максудову после длительных принципиальных споров заявляли: «Ты совершенно зря состоишь в партии и не можешь воспринять политическую установку. Лучше всего тебе из партии уйти». Характерно, товарищи, что во время проверки Максудова на широком собрании выступал ряд представителей советской беспартийной татарской интеллигенции, которые разоблачали антипартийную работу Максудова как конкретного проводника султангалиевских идей в моменты, когда перед парторганизацией Татарии стояли важнейшие политические вопросы, как, например, вопрос о яналифе. То, что раньше было предположением, сейчас является доказанным фактом: организация беспартийных против яналифа направлялась из султангалиевского центра, руководилась теми коммуниста-

ми, которых Султан-Галиев считает основой своей будущей партии. Можно было бы сообщить еще множество фактов о деятельности агентов султангалиевского центра в рядах нашей партии за последнее время: примеры того, как Исхаков ходил советоваться по важнейшим вопросам нашей политики с Султан-Галиевым, как Брундуков по поручению Султан-Галиева писал заявление «правых» в ЦК, как Будаيلي вместе с Султан-Галиевым обсуждали тезисы и программу Султан-Галиева. Все это, товарищи, свидетельствует о том, что вопрос о борьбе с Султан-Галиевым прежде всего упирается в необходимость чистки рядов нашей парторганизации от элементов, которые сами разделяют султангалиевские установки или восприимчивы к ним, которые помогали Султан-Галиеву и его организации сколачивать кадры, добиваться поддержки известной части нашей парторганизации.

Но, товарищи, этой задачей, хотя она и является важнейшей и первоочередной, не исчерпывают выводы, которые мы должны сделать из султангалиевщины. Наряду с выполнением этой задачи перед нами стоит сейчас более сложная задача усиления работы с беспартийной татарской интеллигенцией с тем, чтобы добиться максимального расщепления, добиться того, чтобы ее революционная, подлинно советская власть, которая, несомненно, составляет большинство, стала на путь активной борьбы, активного разоблачения в своей среде султангалиевских элементов. Перед нами стоит также большая и сложная задача — выявить и разоблачить проявления султангалиевщины в нашей практической повседневной работе на таких участках нашего строительства, как коренизация аппаратов, разрешение земельного вопроса, культурное строительство и т.п.

Я должен представить на усмотрение пленума решение, принятое Бюро ОК о выводе из Бюро ОК одного члена Бюро — тов. Ганеева. Бюро считало, что сейчас несколько преждевременно решать вопрос о тов. Ганееве во всем объеме, но в нашем распоряжении имелось достаточно материалов, свидетельствующих о связи тов. Ганеева с султангалиевщиной для того, чтобы поставить вопрос о его выводе из Бюро ОК, тем паче что тов. Ганеев не выполнил до сих пор тех требований о разоблачении султангалиевщины, которая предъявила ему Контрольная Комиссия.

Султангалиевщина — крах всякой групповщины

В связи с султангалиевщиной в печати и в партийной организации было уделено много внимания вопросу об оценке роли «левых» группировок, существовавших в нашей партийной организации. Мы считаем, что вопрос о «левых» группировках как в резолюции, принятой Бюро ОК, так и сейчас, на этом пленуме нельзя обходить молчанием — потому что одним из важнейших уроков султангалиевщины является крах всякой групповщины, в том числе и «левой». И плохи были бы мы, [если бы] не извлекли этого серьезного урока и не использовали его для правильного воспитания партийной организации. Нам приходилось и приходится говорить по этому вопросу еще и потому, что в связи с султангалиевщиной на политической арене появились люди, пытающиеся спекулировать, вынырнули отдельные активные участники «левых» группировок со старым багажом и со старыми идеями, с попытками оправдать всю свою работу в прошлом, с попытками на-

жить капитал на том, что якобы они всегда сигнализировали и предупреждали партию об опасности султангалиевщины, а партия никакой борьбы с султангалиевщиной не вела и «нас, проводивших единственно правильную линию, хотят за это преследовать». Они считают, что разоблачение султангалиевщины является неопровержимым доказательством полезной роли «левых» групп на протяжении всего прошлого периода. Мы не можем прохорить молча мимо таких установок. Мы обязаны эти вопросы разъяснить, тем более что они поднимаются и выдвигаются в печати и на собраниях. Укажу, например, на статьи т.Сагидуллина и Муслюмова и на выступление тов. Ибрагима Галеева на пленуме Н-Городского района. Мы считали и считаем, что подобным выступлениям надо дать надлежащий отпор.

Один товарищ, беседуя со мной в последние дни, ставил вопрос таким образом: «Вы сваливаете всех в одну кучу — что мы, что они — все равно. Вы тем самым ослабляете борьбу с султангалиевщиной». Товарищи, вы знаете, что мы все в одну кучу не сваливаем, что мы каждому воздаем по заслугам. Товарищ Сталин на IV национальном совещании сказал: «Борьба с правыми и левыми элементами в наших окраинных организациях нужна и обязательна, иначе мы не вырастим марксистски подготовленные кадры из местных людей. Отсюда позиция нашей партии в борьбе на два фронта против обоих уклонов».

В последнее время, когда об этом идут разговоры, отдельные тт. (таких товарищей, категорически повторяю, — очень немного), ну, скажем, Муслюмов — ставят вопрос таким образом: «То, что говорил Сталин на национальном совещании, это верно, но это относится к Шамигулову — а вот такие «левые», как мы, не заслуживают того, чтобы их ругали». Они считают, что борьба этих «левых» была и остается положительной, ибо основной их заслугой в прошлом и в настоящем является непримиримая борьба с султангалиевщиной, сигнализация партии об этих опасностях, и сейчас вся борьба партии против султангалиевщины развернулась благодаря «левым». Я прочту еще две выдержки из речи докладчиков на Всесоюзном национальном совещании. Тов. Куйбышев — тогдашний Председатель ЦКК, сделал на этом совещании два предупреждения «левым».

Я знаю из своего опыта работы в некоторых республиках, что грань между «правыми» и «левыми» часто крайне неопределенна, в особенности в национальном вопросе. В чисто национальном вопросе при определении взаимоотношений между партией и местными национальными организациями, между работниками Центра и мест, между СССР и отдельными автономными областями в этих вопросах часто «правый» становится «левым», и наоборот, и с левизной, в смысле, о котором говорил т.Сталин, в смысле близорукости при анализе классовой и социальной обстановки, — с этой левизной должна быть борьба такая, какую мы ведем и в общих рядах РКП».

Бесспорно то, что говорил тогда тов. Куйбышев, оказалось пророчеством в отношении многих «левых» и в частности Татарской партийной организации, которая, как устанавливают резолюции ОК, в ряде важнейших политических вопросов, действительно стирала всякую грань между собой и «правыми». Мы знаем, что именно так обстояло дело по таким серьезным политическим вопросам, как вопрос о яналифе, о национальной культуре.

При характеристике этого момента — падения Султан-Галиева — гово-

рится о том, что не только его идеи привели его в эту пропасть, но что его привела в эту пропасть и логика антипартийной, тайной от партии работы. Она всегда приводит туда, куда отдельные товарищи не хотели бы попасть. Логика тайной работы всегда приводит к противопоставлению организации себя партии в целом. Я боюсь, что если бы Саид-Галиев и его группа, о которой он говорит совершенно определенно, если бы они продолжали работать и дальше, то логикой этой тайной от партии работы они также пришли бы к конфликту с партией в целом — такова логика нелегальной борьбы.

И второе предупреждение, которое было сделано партией — в лице т.Куйбышева: товарищ Саид-Галиев и ряд других товарищей своевременно учли это предупреждение тов.Куйбышева, но многие из «левых» этого не учли. Поэтому сейчас, когда «левые» заявляют, что они всегда были единственными последовательными борцами против султангалиевщины, мы должны напомнить о фактах, которые свидетельствуют о том, что не все товарищи учли предупреждение партии на Всесоюзном национальном совещании и что эти товарищи на ряде этапов попадали в положение группы, явно борющейся против партии, явно стоящей на партийных позициях.

Разве не оправдалось предостережение т.Куйбышева на фактах блоков между «левыми» и «правыми», которые заключались для совместной борьбы против партийной линии и партийного руководства?

Я приведу Вам некоторые из этих фактов. Во-первых, факт, сообщенный товарищем Богаутдиновым, который в прошлом был активным участником «правой» группы в Татарской организации. Богаутдинов сообщает о том, что перед 12-й и 13-й партконференциями происходили совещания между лидерами «правых» и «левых». На этих совещаниях обсуждались вопросы о блоке, о совместных действиях на основе определенной программы против партийного руководства. Ряд других фактов настолько интересен, что я думаю вы мне разрешите зачитать полностью материалы, нигде еще не печатавшиеся. Это сообщение т.Кудоярова (*читает*): «В особо кризисные моменты групповой борьбы «левых» против парторганизации, когда «левая» группа раскололась на две части («ультралевые» и просто «левые») и одна часть (просто «левые») временно перешла на позиции областкома, ряды «левой» группы сильно поредели. В поисках союзников «ультралевые» с одной стороны, правые — с другой, как-то незаметно, шаг за шагом стали приближаться друг к другу. Некоторые правые (Вали Исхаков) стали захаживать к т.Шаймарданову для переговоров. «Левые» стали выдвигать отдельных правых на ответственные посты (Алимов на завод Вахитова, Вали Исхаков — в Госплан). На партсобраниях, пленумах ОК по отдельным вопросам «правые» и «левые» стали голосовать вместе. Все это мотивировалось необходимостью срабатывания.

Насколько это похоже на принципиальную борьбу с правыми элементами — понятно для каждого. Дальше, во время XIII партконференции, когда всем стало ясно, что т.Хатаевича ЦК не снимает, опять левые и «ультралевые» совместно с «правыми» добивались созыва совещания исключительно татарских работников. Нуждается ли этот факт в комментариях? Не свидетельствует ли он о том, что в отдельных случаях товарищи, которые хотели бороться с национализмом, сами попадали под его влияние? И еще (*читает*): «В конце 26 или в начале 27 года в Москве, в моем номере в гостинице

«Париж» я и Алимов сошлись как два хозяйственника и как «срабатывающиеся» «левый» и «правый». В это же время в Москве находились Брундуков и Шаймарданов. Для закрепления наметившегося в Казани «срабатывания» Шаймарданов и я решили встретиться с Мухтаровым, это я сообщил Алимову, а он — Брундукову. По телефону я и Алимов сказали Мухтарову, чтобы он на следующий день зашел к нам. Сказал ему также, что придет и Г.Шаймарданов. На следующий день, часов в 8 вечера, перед самым приходом к нам гостей (Мухтарова и Шаймарданова) к нам явились два студента, которые ни в коем случае не должны были видеть Мухтарова и Шаймарданова вместе и которых необходимо было во что бы то ни стало выпроводить. Пока мы возились с этими студентами, Мухтаров и Шаймарданов пришли, но не зашли в номер, а прятались в уборной до тех пор, пока эти незваные гости (пьяные студенты) наконец ушли».

Не знаю, товарищи, боролись они там в уборной или «срабатывались», но этот факт особенно подтверждает, что логика групповой борьбы со всей неизбежностью приводила к тому, что хорошие товарищи, честные коммунисты в отдельных случаях скатывались на антипартийные позиции, вели свою работу таким образом, что объективно лили воду на чужую мельницу.

Один товарищ говорил мне в последние дни, что напрасно отдельные факты, касающиеся отдельных товарищей, приписываются всем «левым». Товарищи, речь идет о лидерах организации, и надо же, в конце концов, иметь мужество нести моральную ответственность перед парторганизацией не только за свои личные поступки, но и за действия той группы, той фракции, в которой ты состоял. Иначе обстояло бы дело, если бы кто-нибудь сказал, что он, узнав о связи и подготовке совместного выступления «правых» и «левых», разорвал с последними, отмежевался от них, сообщил об этом партии — тогда другое дело. Эти товарищи могут быть освобождены от моральной ответственности за это выступление, но если этого не было, если, несмотря на это, товарищи продолжали оставаться в «левой» группе, допускали еще целый ряд подобных ошибок, то какое же основание ставить вопрос таким образом, что это не касается всей «левой» группы?

Товарищи, мы считали и считаем необходимым самым решительным образом отметить в резолюции, принятой Бюро ОК, что у всех товарищей, принадлежавших когда-нибудь к «левой» группировке, есть и должен быть один путь — путь категорического признания своих ошибок, сделанных в прошлом, путь категорического отказа от повторения этих ошибок. Бюро ОК в резолюции констатировало, и я думаю, что другого мнения не будет у пленума, что подавляющее большинство принадлежавших раньше к «левой» группировке всерьез от нее отказалось, учло урок группировочной борьбы, особенно в связи с проработкой в партийной организации вопроса о султангалиевщине. Я должен отметить здесь, что отдельные товарищи, которые называют себя как-то очень мудро — «левыми непримиренцами», по мнению Бюро ОК, встали на совершенно неправильный, недопустимый путь организации травли и попыток дискредитации ряда товарищей, которые искренне и честно встали на правильные партийные позиции. Такие попытки имели место в отношении тт.Кудоярова, Альми, Атнагулова и кое-кого других, которых и вся парторганизация и товарищи, пытающиеся их сейчас дискредитировать, знают ряд лет. Это совершенно недопустимые поступки, которые должны встретить со стороны партий-

ной организации самый решительный отпор. Мы должны оградить товарищей, крепко вставших на путь осуждения группировочных ошибок, оградить от выходов одного-двух неисправимых группировщиков, именующих себя «левыми непримиренцами». Должен отметить, что такая же примерно линия проводится сейчас в отношении т.Богаутдинова за то, что он задолго до сегодняшнего дня, в течение длительного периода до разоблачения султангалиевщины, считал необходимым выступать против групповых ошибок, отмежевываясь от своей группы по целому ряду важнейших политических вопросов на заседаниях Бюро ОК. Проверка Максудова, разговоры в ОКК с Брундуковым, проверка Исхакова и т.д. показали организованное стремление к тому, чтобы дискредитировать т.Богаутдинова, чтобы изобразить его ошибки в прошлом в десятки и сотни раз ужаснее, чем это было на самом деле, и отомстить ему за то, что он стал на правильную партийную линию.

Несмотря на отдельные уродливые проявления групповщины, имевшие место, политическое состояние парторганизации в этом разрезе вполне удовлетворительно. Мы считаем, что организации не угрожают никакие потрясения, мы считаем, что организация сейчас по этому вопросу более здоровая, чем когда бы то ни было, и что султангалиевщина содействовала сплочению всей организации для решительной борьбы с проявлениями буржуазного национализма. Кампания по борьбе с султангалиевщиной, несомненно, проводится нами удовлетворительно. Обсуждение вопроса охватило довольно широкий круг и имело огромное воспитательное значение. К сожалению, этот вопрос особенно недостаточно проработан еще в кантонах, в силу того, что в течение последних месяцев значительная часть руководящих работников партийных кантонных организаций не находилась на местах. Очевидно, сейчас нужно будет восполнить в первую очередь этот пробел.

Кампания по борьбе с султангалиевщиной, бесспорно, способствует созданию благоприятной обстановки для развертывания практической работы по осуществлению национальной политики партии и по борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национализмом. ОК правильно в своей резолюции заострил вопрос и на необходимости предупреждения всяких попыток великодержавного шовинизма использовать борьбу с султангалиевщиной для ослабления национальной политики. И мы считаем, что эта ставка, ставка классового врага на использование султангалиевщины в целях саботажа национальной политики — бита.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.633.— Л.20—27.

84. Из резолюции III пленума Татарского обкома ВКП(б) по докладу Бюро ОК

позднее 26 сентября 1929 г.

Пленум целиком и полностью присоединяется к решениям ЦКК по вопросу о султангалиевщине.

Резолюция Бюро ОК от 26 сентября, дающая исчерпывающую политическую характеристику султангалиевщины, ставящая перед организацией четко все уроки и задачи, вытекающие из этого дела, должна быть глубоко разъяс-

нена в широчайших, в первую очередь татарских массах рабочих и крестьян и трудовой интеллигенции ТР, должна служить постоянным руководством при проведении национальной политики для всех наших организаций.

Пленум констатирует, что Бюро ОК своевременно развернуло организационно-политическую кампанию против султангалиевщины, проведя решительную идейную и организационную борьбу против местных агентов султангалиевщины. Бюро правильно взяло курс на изгнание из партийной организации тех, кто идейно и организационно связан с султангалиевщиной, и помощь тем, кто искренне порвал с групповщиной и на практике доказывает свою преданность партии.

Пленум констатирует, что в результате этих мер вся организация еще более сплотилась вокруг ОК, что в результате роста партийных кадров из националов, правильного классового воспитания организации и значительных успехов в практическом осуществлении национальной политики султангалиевщина не только не получила поддержки в организации, но наоборот, в первую очередь татарская часть организации с особым единодушием выступила против султангалиевщины, дав сокрушительный отпор и осколкам «левых» групповщиков, желающих использовать борьбу с султангалиевщиной в своих фракционных интересах.

Практическое осуществление ленинской национальной политики было и остается центральной задачей всей организации. Надо добиться такого положения, чтобы каждая партийная, профессиональная, советская организация имела конкретный план проведения национальной политики у себя, план, который был бы широко популяризирован в массах, пользовался бы поддержкой масс, план, за осуществление которого несли бы партийную и советскую ответственность руководители этих организаций. Широчайшая партийная и беспартийная масса должна чувствовать моральную ответственность за проведение этого плана.

Пленум ставит в обязанность всем партийным организациям усиленно заняться разработкой и практическим проведением максимально возможных мероприятий по увеличению кадров и переквалификации татарского пролетариата, выращиванию и воспитанию кадров научных работников и специалистов из националов, по быстрой ликвидации хозяйственно-культурной отсталости татарских трудящихся масс.

В условиях роста культурности масс приобретает огромное значение развитие всех форм национальной культуры, накопление культурных ценностей на татарском языке для интернационального классового воспитания татарских трудящихся масс. Внимание к татарскому театру, искусству, татарской музыке, печати должно быть усилено с одновременным развертыванием борьбы против чуждой националистической идеологии в художественном творчестве. Пленум предлагает ускорить организацию в Казани научно-исследовательского института татарской культуры.

Особо актуальное значение имеет работа по яналифу. К 10-й годовщине окончательное устранение из жизни арабского алфавита остается нашей задачей. Пленум констатирует, что за последние месяцы внимание к яналифу ослабло, что грозит срывом плана перехода на яналиф. Предстоящие месяцы до 10-летия Татарской республики должны быть месяцами борьбы за яналиф в каждой деревне, волости, каятоне, предприятии и учреждении.

Борьба с султангалиевщиной, практическое проведение национальной политики могут быть успешными только тогда, когда вся партийная организация с беспощадной решительностью обрушится против всех и всяческих форм и фактов великодержавного шовинизма. Надо усилить борьбу с теми, кто, на словах поддерживая национальную политику партии, в действительности скрыто тормозит и не принимает всех возможных и необходимых мер к практическому проведению национальной политики, рассматривая эти факты как доподлинное выражение великодержавного шовинизма.

Разъяснением, открытым и широким, среди русских трудящихся национальной политики партии и практики ее проведения, с одной стороны, и суровым отпором великодержавным шовинистам — с другой, мы должны добиться повышения интернациональной сплоченности всех трудящихся ТР.

Идейный и организационный разгром султангалиевщины не обозначает прекращения борьбы против национализма. пленум призывает всех членов партии выкорчевывать остатки султангалиевщины, усилить борьбу с националистическими предрассудками в отсталых массах, разоблачать конкретных проводников султангалиевской идеологии, которые еще имеются в наших аппаратах.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.15.— Оп.2.— Д.633.— Л.146—147.

85. Письмо А.Богданова в ЦК ВКП(б) о необходимости принятия неотложных мер по борьбе с султангалиевщиной

8 марта 1930 г.
Строго секретно

Раскрытие контрреволюционной организации султангалиевщины, чистка рядов партии и борьба против правой опасности и «левых» загибов открывает все новые и новые моменты и обнаруживает ряд серьезных явлений среди коммунистов-националов, в частности татар-башкир, на которые следует обратить особое внимание ЦК и ЦКК.

Дело в том, что как в прошлом, так и до настоящего времени Султан-Галиев и его группа (Мухтаров, Енбаев, Мансуров, Сабиров и др.) были весьма тесно связаны по работе и лично с большой группой татаро-башкирских работников и широкой беспартийной массой рабочих и крестьян, также студенчеством в различных республиках и районах.

В Казани и Москве султангалиевщина имела идейный и организационный центр. Такой широкой связи, с одной стороны, способствовали занимаемые положения активных сторонников Султан-Галиева (Мухтаров и др.), и с другой стороны — чрезвычайная слабость борьбы и временами замазывание борьбы против султангалиевщины и правого уклона как со стороны партийных организаций Татарской и Башкирской республик, так и Центрального татаро-башкирского Бюро ЦК и МК.

До последнего времени Тат. обком ВКП(б) и органы КК (в частности, их бюро) и органы правительства составлялись по признакам представительства от групп правых, «левых» и русских (конечно, неофициально), и, несмотря на это, происходила ожесточенная борьба в момент составления Бюро ОК.

Тат.организация не только не сигнализировала о султангалиевщине, но и сама опоздала с борьбой. Это можно подтвердить тем, что лишь на предпоследнем Пленуме ОК и ОКК был выведен из Бюро и Пленума ОК Ганиев, один из лидеров «правых» и сторонников Султан-Галиева, несмотря на то, что постановление ЦКК о султангалиевщине было в начале ноября 1929 года, а борьба против других лидеров, быв. правых, как-то Бурундуков, член рев.комиссии ОК, Бурнаш Ф., Исхаков, Будаيلي и др., началась также с большим опозданием. А между тем контрреволюционные прокламации о республике «Туран» в Казани появились еще летом 1929 г.: в начале мая, что конечно, было известно Тат.обкому, а также было известно многим работникам ОК и ОКК и то, что активные сторонники Султан-Галиева (Брундуков, Бурнаш, Ганиев, Исхаков и др.), будучи коммунистами, приезжая в Москву по тем или другим вопросам, каждый раз виделись и советовались с Султан-Галиевым, Мухтаровым и получали от них директивы.

Эти же люди, как до ареста Султан-Галиева, также и в особенности после между собой собирали пожертвования в его пользу и посылали ему через специальных курьеров или даже привозили сами, как это выяснилось потом. Это было известно также многим работникам ОК и ОКК. Областному комитету должно было быть известно и то, что две группы («левые» и «правые») неоднократно заключали между собой блок-договор для совместной борьбы против обкома. Недавно (февраль и март 1930 г.) происходившие события в Татарской организации также заслуживают серьезного внимания. Член ЦКК, председатель ОКК Гали Галиев на последнем объединенном Пленуме ОК и ОКК выступил против линии партии по вопросу коллективизации и ликвидации кулака как класса. Его поддерживал предсовнаркома Исмаев (ныне оба сняты с работы). Если посмотреть на прошлое Гали Галиева (помимо того, что он сын крупного кулака и старшины в татарском ауле бывшей Пермской губернии) и на то, что он все время был тесно связан с Султан-Галиевым и Мухтаровым, будучи еще студентом Плехановского института в Москве, поддерживал их среди студента, а также замазывание в Казани борьбы против Султан-Галиева и «правых» председателем ОКК, то такое поведение в линии Гали Галиева напрашивается на весьма серьезное подозрение. Кроме того, следует еще обратить внимание на то, что арестованный вместе с Султан-Галиевым студент Курмеев всегда был тесно связан с Г.Галиевым и все время они поддерживали друг друга. Курмеева Галиев выдвинул в ревкомиссию издательства «Нашприят», а Валиева, очень близкого человека к «правым», пригласил к себе в Казань на работу. Галиев некоторое время работал на военной работе с Султан-Галиевым, когда последний занимал должность председателя Мусульманской военной коллегии и восточного отдела ПУРа.

Особый интерес представляет линия и поведение Татбашкбюро, которое, как правило, всегда избиралось из представителей «правых» и «левых» групп. В последний его состав входили от «левых» трое: Бурган Мансуров, С.Садыков, от «правых» — Сабиров и близкие к «правым»: Шафиев, Салихов, Юмагулов и Сагиев, и несколько позже кооптирован Динмухамедов. Вначале никому не примыкали, а впоследствии, кроме Салихова, все остальные примкнули к группам. Сагиев — сначала к «правым», а после — к «левым», Юмагулов — к «левым», Динмухамедов всегда стоял близко к «правым» и всячески поддерживал их.

Если проанализировать работу этого бюро (приходится констатировать, что у бюро никогда не было правильной партийной линии, всегда внутри бюро были разногласия и склока, доходившие до... безобразий, а руководство его работой было главным образом со стороны, — то переходило оно то к лидерам «правых», то «левых», т.к. секретари были слабы и несамостоятельны.

Тов. Дименштейн хотя и принимал меры к изжитию этих ненормальностей, но они продолжались до последних дней, т.е. до ликвидации этого бюро в связи с реорганизацией аппарата ЦК.

Тот же Ибрагимов Ш., занимавший руководящее положение в работе татар-башкирских организаций, в частности бюро (он состоял членом бюро почти всех созывов), и имеющий авторитет среди большинства работников, часто старался эти болезни изжить внутренним порядком, делая уступки то одной, то другой стороне. Даже в то время, когда разгорелась групповая борьба, он не стоял на стороне принятия более решительных мер по отношению к более вредным склочникам и группировщикам, а применял методы сглаживания.

Его такое отношение и «бережный» подход к работникам как «правые», так и «левые» хорошо использовали и все больше усиливали групповую борьбу. Совершенно непонятно и то, что Ибрагимов был слишком мягким по отношению к Халимову, который на совещании татарского актива при МК выступил с защитой султангалиевской идеологии. Ибрагимов почему-то поддерживал и Галли, когда в газете «Эшче» появилась статья, разоблачающая антипартийные и антисоветские поступки Галли (он ныне исключен из партии, как чуждый элемент партии и за контрреволюционность в Саратовской губернии и в Башкирии).

Непартийную линию татарбашбюро можно охарактеризовать в 5 весьма серьезных фактах из его деятельности за последний период (а раньше их было тоже немало).

1. Бюро слишком поздно начало борьбу против правых уклонов и все время замазывало ее, в то время как на практике везде был правый уклон с конкретными его носителями, и газета «Эшче» (орган ЦБ ЦК) почти до лета 1929 г. не была использована для борьбы на два фронта, и в особенности против правой опасности. Мало того, газета нередко допускала ряд грубейших ошибок в отношении партийной установки в борьбе против «правых» и «левых». Весьма неблагоприятно обстояло и обстоит дело в Ср. Волжском крае, где за прошлое время в татарских аулах было несколько восстаний и демонстраций мулл против соввласти. А среди работников-коммунистов как края, так и отдельных округов (Кузнецк, Бугуруслан, Ульяновск и др.) не только были конкретные носители правого уклона, но активно проводили правый оппортунизм на практике (Давыдов — Кузнецкий окр., Ю. Шарки — бывший редактор краевой татаргазеты). Секретарь бюро Динмухамедов, обследуя этот край специально на выявление болезненного состояния и др. ненормальностей в крае, ни в крайкоме, ни в бюро ЦК не поставил вопроса о борьбе против правой опасности и ее конкретных носителей. Мало того, им не был дан отпор Ю. Шарки, который выступал на заседании бюро по докладу Динмухамедова и сказал: «Если у нас были пара восстаний и волнений и несколько «правых», так зачем Вам этими фактами так спекулировать и зачем разду-

вать и т.д.» (Он это сказал против моего выступления, а также т.Таипова). У Динмухамедова такая линия, конечно, не случайна и не от его политической близорукости. Как результат такого руководства бюро мы уже имели в Средне-Волжском крае существование и действие националистических организаций во главе с султангалиевцами (см.приложение).

2. В борьбе же против султангалиевщины бюро также значительно опоздало и взяло неправильный путь борьбы, замазывало и не освещало отдельных деятелей как в Москве, так и на местах.

Это, конечно, тоже не случайно. О султангалиевщине на бюро был поставлен вопрос задолго после¹ ареста главарей султангалиевщины, и благодаря нажиму через аппарат ЦК на Динмухамедова, который поставил этот вопрос в плоскости исключения из состава бюро Сабирова как участника контрреволюционной организации. На этом заседании были предложения начать борьбу против султангалиевщины и поставить в известность татарскую часть организации о раскрытии этого дела. Но Динмухамедов на это не согласился. А некоторые (М.Мансуров и др.), пользуясь такой позицией его, предложили вообще не вмешиваться в это дело, а о влиянии султангалиевщины на многих татбапроботников, в том числе и на само бюро, уже было известно.

3. Практическая работа Татбюро была в весьма неблагоприятном состоянии: среди рабочих Донбасса, Урала и Москвы никакая работа не велась. В Донбассе во время праздника Ураза-байрам в ряде рудников большие группы рабочих по несколько дней не выходили на работу. Не велась также работа по приему их в партию и привлечению на производственные совещания и хоз. общественные организации.

4. Линия и поведение Татбюро МК во главе с Шафиевым с начала до конца была правооппортунистической и фактически оно прикрывало и замазывало султангалиевщину, т.к. секретарь бюро Шафиев, будучи лично связанным с семьей Султан-Галиева, всегда привлекал его сторонников на активную работу бюро и Центрального клуба. Сабиров и Гасым Мансуров были постоянными докладчиками на самых крупных заводах Москвы, и недаром, когда Султан-Галиев, Мансуров, Сабиров были арестованы, среди рабочих фабрики «Трехгорная мануфактура» собирали пожертвования арестованным и на заводе «Красный Богатырь» на собрании рабочих несколько комсомольцев выступали с защитой Султан-Галиева и требовали не принимать суровых мер по отношению к нему и его сторонникам. Сочувственные к Султан-Галиеву настроения были среди рабочих и на других заводах. А центральный татклуб был фактически в руках султангалиевцев, и через клуб они развивали свою работу. Все это было известно Татбашбюро ЦК, которое не только не принимало решительных мер к устранению этих безобразий, но и само принимало активное участие в бюро МК, клуба и привлекало к работе султангалиевцев.

5. Остальные лидеры султангалиевщины, как тов.Гасым Мансуров, Сабиров, в бюро занимали влиятельное положение, и свои дела они делали через соваппарат (Наркомпрос и ВЦИК) под флагом Татбюро ЦК и тем самым на местах насаждали султангалиевщину и его агентуру (в частности на Урале, в Астрахани и Средне-, Нижневолжском крае). Ярый и активный султангалиевец Галли (ныне исключен из партии за контрреволюционные действия),

¹ Так в документе.

вопреки имеющимся в бюро секретным материалам, был выдвинут на ответственную работу в Наркомпрос.

Безусловно привлекает к себе внимание также личная связь Динмухамедова с султангалиевцами (Мухтаровым, Мансуровым и Галли) через Мухтарова и Галли он [...] их услуги. Также привлекает к себе серьезное внимание «работы» «левых» коммунистов татар. Прежде всего о составе актива «левых» — Саид-Галиев, Шаймарданов, Атнагулов, Сагидуллин, Дивиев, Бор. Мансуров, Алмаев, Тарпищев и др. Все эти лица тесно связаны между собой лично и по работе. Ведут бешеную групповую борьбу, имея организационный и идейный центр в Москве, также в Казани. Социальная сущность «левых», конечно, также мелкобуржуазная, как и у «правых». Они («левые») делают такие же антипартийные выступления, как и «правые». Часто они скрывают принадлежность к «левым», они именуют себя «интернационально настроенной частью таткоммунистов» и якобы только они ведут правильную борьбу против «правых» и султангалиевцев, по их мнению, против султангалиевщины и «правых» боролись только «левые», а партия стояла в «стороне» (выступление Шаймарданова в «Советской Степи» от 30 января 1930 г.), Шаймарданов в своей статье «Энблещи Казак» от 24 января 1930 г. на партию бросает еще другую клевету: якобы партия о султангалиевщине как контрреволюционной организации знала давно, но она терпела их до поры до времени, исходя из тактических соображений и т.д. Шаймарданов в своей статье делает еще несколько серьезных ошибок, которые, конечно, не к лицу инструктору ЦК ВКП(б). Существование левой группы можно подтвердить еще тем, что летом 1929 г. в газете «Кызыл Татарстан» выступал Сагидуллин со статьей, сводящейся к тому, что не состоящие в одной из двух групп коммунисты — партийные обыватели и т.д. Газета «Эшче», когда временным редактором был «левый» Сейфи (в отсутствие Агипева), не дала никакого отпора этому выступлению Сагидуллина. Это, конечно, было не случайно. И когда вся партия боролась на два фронта против правой опасности «левых», то газета «Эшче» во время Н.Сейфи и газета «Игенчеляр», где был редактором «левый» Б.Мансуров, всегда замазывали борьбу против левых загибов и печатали тенденциозные статьи. Б.Мансуров же, как отъявленный группировщик, что часто ведет борьбу открытую против «левых». Еще другой факт. Чистка обнаружила у Дивеева весьма грязное прошлое и службу у генерала Сулькевича, на основании чего он был повлечен из партии комиссией с подтверждением РК (а 1926 г. татар [...] ² сделала ему строгий выговор за скрытие службы у генерала Сулькевича); на почве чистки этого Дивеева разгорелась форменная групповая борьба: на собраниях и других местах почти все «левые», зная все грязное прошлое Дивеева, выступали с защитой его, т.к. он тоже «левый», и добились в МКК восстановления его в партии (Дивеев — сын крупного буфетчика в Одессе и никогда с партией не был связан). Если принять во внимание и то, что эти «левые» договорились с «правыми» о совместной борьбе против партии, то станет ясно, насколько эти именующие себя «интернационалами» далеко стоят от партии и интересов пролетариата.

¹ Текст замазан.

² Не разборчиво.

Следует обратить внимание на работу по линии нынешнего состава работников Татарской областной организации, где имеется немалое количество лиц, которые раньше были активными эсерами в Уфе и которые еще в 1928 г. в Башпресреспублике проводили эсеровскую политику (Касимов Газим, Рамеев, Альмухамедов и др.). В свою очередь эти эсеры тесно связаны с татарскими «левыми», даже в одно время лидер этих эсеров Галимджан Ибрагимов руководил в Казани всем «левым» движением.

Есть сведения, что в данное время московские, казанские «левые» устраивают конспиративные совещания, принимают решения по тем или другим вопросам и намечают свои планы действия и т.д. (Если ЦКК будут интересоваться подробностями работы «левых» до 1929 года, то это можно осветить особо).

«Левые» также имеют своих людей и сторонников на местах, с которыми тесно связаны московские и казанские «лидеры».

Поэтому заявление некоторых «левых» — Атнагулова, Тарпищева, Альмухамедова об отказе от групповой борьбы нельзя рассматривать как искреннее заявление, это, очевидно, является лишь маневром.

Совершенно непонятна линия поведения бывшего председателя СНК ТР Габидулина Х., который, работая на ответственной работе в Москве (член малого Совнаркома) и имея положительную известность среди националов, нигде ни разу не выступил о султангалиевщине и борьбе против опасности «левых» загибов, а между тем т.Габидулин не оторван от татарской среды и имеет большую связь с националами. Словом, Габидулин держит нейтралитет.

В Средней Азии и Казахстане Султан-Галиев имеет также своих сторонников и проводников своей идеологии. Некий Булушев Зейнула, бывший эсер, старый и активный султангалиевец, по поводу выступления Халикова М. на совещании МК заявил следующее: «Поскольку Халиков так выступал, значит, имел какие-то факты и основания, тем более, что он работает в области финансов, должно быть, знает, что творится на окраинах и насколько на окраины обижены в финансировании» и т.д. (Булушев принят в партию в 1921 году по рекомендации Султан-Галиева).

В Казахстане среди алаш-ордынцев и сторонников Саид-Вакасова Султан-Галиев пользуется определенным авторитетом и поддерживается его идеология «Туран».

Таким образом, все это, вместе взятое, дает основание констатировать о том, что [1.] султангалиевщина имеет глубокие корни в нацрайонах, в частности среди татаро-башкирских работников, и что султангалиевщиной заражено весьма солидное количество людей, в том числе коммунисты, борьба против которых ведется слабо.

2. Борьба против правой опасности «левых» уклонов среди националов, в частности среди татар и башкир, также слаба, что соответствующие национальные партийные организации часто сами болеют этими болезнями и нередко проводят на практике правый оппортунизм и «левые» загибы, что сигнализирует о неблагоприятном состоянии национальной части парторганизации.

3. Групповая борьба и национализм среди националов не прекращалась, а усиливается, тем самым ослабляется борьба за генеральную линию партии.

4. Пролетарские кадры и подлинные большевики среди националов явно незначительны при наличии влияния мелкобуржуазной идеологии на коммунистов, рабочих, батраков.

Все это в целом, на мой взгляд, требует серьезного внимания и принятия неотложных организационных и воспитательных мер и усиления борьбы за генеральную линию партии.

Ставя об этом в известность ЦК и ЦКК

Чл. ВКП(б) с 1917 г.

п/б 1027

А.Богданов

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.169—177.— Ксерокопия.

86. Заявление М.Х.Султан-Галиева председателю коллегии ОГПУ В.Р.Менжинскому, копия: секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину,— в связи с вынесением приговора коллегией ОГПУ

30 января 1931 г.

В связи с вынесением коллегией ОГПУ приговора в отношении меня о расстреле с заменой десятью годами заключения в концлагере, что означает заставить меня поплясать еще несколько лет «танец Шамиля» с приставленным к виску дулом револьвера с поднятым курком (я уже отплясывал его в течение этих двух лет моей тюремной жизни, и не без удовольствия,— сказалась привычка к сильным ощущениям за годы революции), прошу коллегию ОГПУ ознакомить меня с ее решением по делу татарских «правых» и оказавшихся причастными к этому делу туземных работников отдельных нацреспублик и областей (Крым, Татария, Башкирия, Азербайджан, Туркестан и т.д.), так как реагировать на это Ваше решение в том или ином смысле — психологически и политически — лишь на основании постановления обо мне самом я лишен возможности. Поскольку же Вы в данный момент отказались от приведения в исполнение Вашего приговора о моем расстреле, предоставив решение этого вопроса мне самому (т.к. это будет зависеть главным образом от моего личного поведения в дальнейшем), я имею право поставить перед Вами этот вопрос.

Характер моей подпольной революционной работы против царизма в 1913—1914 гг. в Башкирии и в 1915—1916 гг. в Баку, за что я при тогдашних условиях должен был бы получить виселицу, если бы попался, характер и значение моей революционной деятельности во время Октября и в годы Гражданской войны (я проявил исключительную энергию во время октябрьского переворота в Казани, возглавлял борьбу татарских социалистов против татарского вооруженного национализма в Поволжье в 1918 г., когда последний в союзе с русской буржуазной контрреволюцией готовил нападение на советскую власть; принял энергичное участие в подавлении мятежа «гарнизонного собрания» в Казани в июньские дни 1918 г. в период организации Савинковым восстаний наподобие Ярославля; не менее энергично участвовал в подавлении и ликвидации «муравьевщины» и эсеровщины в дни левоэсеровского мятежа — об этом хорошо известно т.Межлауку, работавшему тогда в Казани в качестве губвоенкома; энергично выкачал и снабдил голодающие пролетарские центры 5—6 миллионами пудов хлеба из Татарии в период чехословацкого восстания,— об этом известно Дмитрию Малютину,

работавшему тогда по этой же линии в Казани по поручению самого В.И. Ленина); последующая работа в армии на Востфронте, а затем в ЦК партии и в НКНаце на ответственном фронте мобилизации трудящихся масс народов Востока вокруг революции и т.д. и, наконец, мое поведение в последнем моем процессе, когда я вопросы моего политического разоружения и разоружения работавших со мной работников провел исключительно лишь под знаком революционной целесообразности, а не узкой личной заинтересованности, включая сюда и момент отказа с моей стороны подписать предъявленные мне обвинения по ст. 58-2, 58-4 и 58-6 Уголовного кодекса, поскольку я считал, что частичные обвинения по этим статьям могут быть предъявлены ко мне лишь формально, а не по существу, т.к. основное, чем я руководствовался в своей политической деятельности в последние годы, — это было стремление воздействовать на политику партии по нац. вопросу, поскольку она казалась мне неправильной и поскольку все другие средства борьбы у меня уже были исчерпаны, — все это в совокупности дает мне право продолжать считать себя политическим работником, хотя вы и вычеркнули меня вашим постановлением из числа таковых.

Небезызвестный вам татарский революционер покойный Юныс Валидов в подобных случаях, т.е. когда человек начинал перечислять в минуты обиды свои заслуги в прошлом, со свойственным ему природным юмором говаривал: «Хвастаться своими былыми прелестями — это дело старых проституток»; но я считаю, что одно дело, когда говорит о своих «былых прелестях» старая проститутка, продававшая эти «прелести» свои за деньги, и другое дело, когда вспоминает о своих заслугах перед революцией приговоренный к расстрелу политический работник, о заслугах, которых он не продавал и за которые не требовал награды, а отдавал их от чистого сердца и безвозмездно и вычеркнуть которые из истории политической жизни этого человека не в силах даже могущественная организация, как ОГПУ.

До получения ответа на это мое обращение остаются в силе все сделанные мною политические заявления в ОГПУ в процессе следствия надо мной и моими товарищами, а именно:

а) полный отказ с моей стороны от пропаганды идеи Туранского государства;

в) признание политической ошибкой позиции татарских «правых» и моей собственной позиции по нацвопросу и оценке путей развития соц. революции в СССР и в колониях и возникших в партии за последние годы различных антипартийных течений и группировок, в том числе султангалиевщины;

с) готовность выступить в печати с признанием своих политических ошибок с разъяснением перед широкими массами их действительного содержания и значения и с призывом к поддержке партии и сов. власти;

д) готовность искренне сотрудничать, и не только на словах, но и на деле с партией и Соввластью по линии строительства социализма в СССР и борьба с международным империализмом.

Заявляю, что найду в себе достаточно гражданского мужества, чтобы открыто выразить вам свои мысли, чувства и решения после получения ответа на это мое обращение, хотя бы даже результатом этого явился пересмотр Коллегией ОГПУ своего решения обо мне в худшую для меня сторону.

Одновременно с этим прошу объяснить мне, чем вызвано ваше решение о

высылке из Москвы моей семьи и касается ли оно только жены моей или же двух детей моих — девочки 11 лет и мальчика 6 лет. Во время следствия надо мной мне было заявлено, что высылать жену мою из Москвы не будут, и мотивировалось это именно тем, что у ней на руках «малый ребенок». Постановление ваше в этой части мое непонятно, т.к. я считаю, что оно не соответствует сегодняшней фактической силе и могуществу сов. власти.

М.Султан-Галиев

P.S. Прошу ответить, будет дан ответ на это мое заявление или нет.

М.С.-Г.

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.10.— Л.178—181.— Ксерокопия.

87. Справка 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о привлечении к ответственности и аресте М.Х.Султан-Галиева

18 марта 1937 г.

4-м отделом УГБ УНКВД по Саратовской области установлено, что Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, будучи контрреволюционно-националистически настроенным, проводит работу по сколачиванию из башкир контрреволюционно-националистической организации для борьбы с советской властью и ВКП(б).

Султан-Галиев, обработав и завербовав в контрреволюционную националистическую организацию Баталова — студента КСХИ, башкира, и Явкаева — директора сельмага из Перелюбского района, использовал последних для связи в контрреволюционных целях с башкирами Перелюбского района Казахстана и Башреспублики.

Султан-Галиевым также были даны указания Баталову и Явкаеву по пропаганде среди башкир контрреволюционных идей о необходимости выделения башкир в самостоятельное, независимое от СССР государство и вербовке единомышленников в контрреволюционную националистическую организацию. С этой же целью Султан-Галиев и Баталов в 1936 году выезжали в башкирские населенные пункты Перелюбского района, где ими был завербован в контрреволюционную организацию ряд единомышленников.

Все вышеуказанное подтверждено показаниями арестованных нами: Баталова Д.Н., Явкаева М.А., и свидетельскими показаниями Ермакова и Ишкалова.

На основании вышеизложенного Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, 1892 г. рожд., б/член ВКП(б), татарин, женат, судим, гр-н СССР, экономист-плановик облпотребсоюза, подлежит привлечению к ответственности и аресту по ст.58, п.10 и 11 УК РСФСР.

Помощник оперуполномоченного (Щепаев)

«Согласен» Начальник

Особого отделения 4-го отдела УГБ УНКВД
лейтенант (Корнеев)

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р. 38555. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича.— Т.1.— Л.1.

88. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения М.Х.Султан-Галиеву

19 марта 1937 г.

Город Саратов 1937 г., марта 18 дня. Я, пом. оперуполномоченного Цапаев отделения 6-го отдела 4-го Управления Государственной Безопасности НКВД по Саратовской области, рассмотрев следственный материал по делу № 9370 и приняв во внимание, что гр. Султан-Галиев Мирсеид¹ Хайдаргалиевич, 1892 г. рожд., быв. член ВКП(б), по национальности татарин, женат, судим, гр-н СССР, экономист-плановик Саробластного потребсоюза, проживает: Саратов, Клинический пос., Новоузенский переулоч, дом № 15, достаточно изобличается в том, что проводит контрреволюционную националистическую деятельность, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.58, п.10 и 11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛ:

гр. Султан-Галиева М.Х. привлечь в качестве обвиняемого по ст.58 п.10 и 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при Саратовской тюрьме.

п/о уполномоченный (Цапаев)

«Согласен» начальник 6-го отделения

Лейтенант ГБ (Корнеев)

«Согласен» начальник 4-го отдела УГБ

УНКВД по Саратовской области — капитан ГБ (Грицелевич)

Настоящее постановление мне объявлено 20 марта 1937 г.

Подпись обвиняемого (М. Султан-Галиев)

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р. 38555. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.2.

89. Ордер на арест М.Х.Султан-Галиева

19 марта 1937 г.

По Саратовскому краю

ордер № 85

Выдан 19 марта 1937 г.

Действителен 1 сутки

Сотруднику 4-го отдела

Тов. Цапаеву

Вам поручается произвести обыск и арест гр. Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича

Проживающего г.Саратов, Клинический поселок, Новоузенский переулоч, дом № 15

Начальник Управления НКВД

по Саратовскому краю

Начальник оперода

¹ Так в документе.

Всем органам советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера, при исполнении им возложенных на него поручений.

Ордер на арест мне предъявлен 19 марта 1937 г. М. Султан-Галиев¹

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.4, 4 об.

90. Протокол обыска в доме М.Х.Султан-Галиева

19 марта 1937 г.

Я, п/оп. Уполномоченного Цапаев, на основании ордера Управления НКВД по Саратовскому краю за № 85 произвел обыск у гр. Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, проживающего в Саратове, по улице Новоузенский переулок, дом 15.

При производстве обыска присутствовали гр.Ляшин Сергей Степанович и Жукова Лидия Николаевна.

Согласно полученных указаний задержан гр. Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич.

Изъято для представления в 4-й отдел НКВД следующее:

Опись вещей, ценностей и документов

Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
Паспорт № 081921	1	Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу вещей, ценностей и документов не заявлено.
билет № 204773	1	
билет ОСО № 341250	1	
пачка писем	1	
пачка разных записей, сочинений	1	
пачка фотокарточек	52	
портфель	1	

В протокол все записано правильно, таковой нам прочитан, в чем подписываемся:

Председатель домоуправления².

Производивший обыск

Копию протокола получил

М.Х.Султан-Галиев

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол для подписания. После подписи никакие жалобы и заявления не принимаются.

¹ Написано рукой М.Х.Султан-Галиева на обороте бланка ордера.

² Подписи неразборчивы.

2. С запросами обращаться в 4-й отдел УГБ по адресу¹:

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.6, 6 об.

91. Протокол обыска рабочего стола М.Х.Султан-Галиева

19 марта 1937 г.

Я, п/оп. Уполномоченного Цапаев, на основании ордера Управления НКВД по Саратовскому краю за № 85 произвел обыск рабочего стола Султан-Галиева М.Х., проживающего в Саратове по улице Ленинской, № 81, кв. №.

При производстве обыска присутствовали гр. Мальченков И.З., Кудряшов Н.Г. и Шанарев Г.Г.

Согласно полученных указаний задержаны гр. ...²

Изъято для представления в 4-й отдел НКВД следующее ...³:

Опись

вещей, ценностей и документов

Алфавит с записями Султан-Галиева 1

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве о пропавших вещей, ценностей и документов не заявлено.

В протокол все записано правильно, таковой нам прочитан.

Подписываемся:

Председатель домоуправления⁴

Производивший обыск

Копию протокола получил

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены для подписания. После подписи никакие жалобы и заявления не принимаются.

2. С запросами обращаться в 4-й отдел по адресу⁵:

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.5, 5 об.

92. Анкета арестованного М.Х.Султан-Галиева

20 марта 1937 г.

1. Фамилия — Султан-Галиев

2. Имя и отчество — Мирсаид Хайдаргалиевич

3. Дата рождения: число 22, месяц июль, год 1892

4. Место рождения — Башреспублика, бывший Стерлитамакский кантон, дер. Шипаево

¹ Адрес неразборчив.

² Графы не заполнены.

³ Перед этим пометка «Читал 19.03.1937» за подписью М.Х.Султан-Галиева.

⁴ Подписи неразборчивы.

⁵ Адрес неразборчив.

5. *Место жительства (адрес)* — г. Саратов, Клинический поселок, Новоузенская ул., Новоузенский переулок, д. № 15

6. *Профессия и специальность* — журналист, экономист

7. *Место службы и должность или род занятий* — Саратовский облпотребсоюз, экономист по капиталовложениям

8. *Паспорт*¹

9. *Социальное происхождение* — отец — народный учитель; мать — домохозяйка; оба умерли

10. *Социальное положение*

а) *до революции* — служащий

б) *после революции* — служащий

11. *Образование (общее и специальное)* — специальное-педагогическое; общее среднее

12. *Партийность (в прошлом и настоящем)* — в прошлом — член ВКП(б), сейчас — беспартийный

13. *Национальность и гражданство (подданство)* — татарин (татаро-башкир); гражданство — гражданин СССР

14. *Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете* — освобожден по возрасту

15. *Служба в белых и др. к.р. армиях, участие в бандах и восстаниях против соввласти (когда и в качестве кого)* — нет

16. *Каким репрессиям подвергался при соввласти: судимость, арест и др. (каким органом и за что)* — 1) апрель 1918 г. — за убийство лидера мусаватистов доктора Оруджиева; 2) и за туземный национализм (45 дней); 3) декабрь 1928 г. — за националистическую контрреволюцию по ст.58

17. *Состав семьи* — в Саратове — дочь Росида Султан-Галиева, учащаяся пединститута; в Башкирии в Стерлитамаке — брат, учащийся техникума; в Москве — Бол. Татарск. ул., д. № 24, кв.1 — дочь 17 лет.

Подпись арестованного

1. *Особые внешние приметы*²

2. *Кем и когда арестован* — 19 марта 1937 г.

3. *Где содержится под стражей* — Саратовская тюрьма

4. *Особые замечания*³

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.7, 7 об.

93. Протоколы допросов М.Х.Султан-Галиева в УГБ УНКВД по Саратовской области

20 марта 1937 г.

Вопрос: Вы арестованы за активную контрреволюционную националистическую работу, проводимую вами вплоть до последнего времени. Признаете ли вы себя в этом виновным?

¹ Графа не заполнена.

² Графа не заполнена.

³ Графа не заполнена.

Ответ: Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю. А должен заявить следствию, что после моего освобождения из концлагерей (в 1934 г.) я полностью разоружился перед партией и советской властью и имел искреннее желание дальнейшей честной работой искупить свои прошлые преступления.

Вопрос: Расскажите, с кем вы были в прошлом организационно связаны по контрреволюционной и националистической работе?

Ответ: В прошлом по контрреволюционной националистической работе я был организационно связан с:

1. Мухтаровым Кашафом — б. зам. наркомздрава РСФСР;
  2. Ембаевым¹ Арифом — б. зам. председателем Воскопромсоюза;
  3. Мансуровым Гасимом² — б. членом коллегии НКП РСФСР;
  4. Сабировым Рауфом — б. заведующим подотделом ВЦИК РСФСР;
  5. Врундуковым Мидкатом — б. наркомпросом Татареспублики;
  6. Ганиевым — б. председателем Совнаркома Татареспублики
  7. Бакиевым С — б. литературным работником;
  8. Урманчеевым Гади — б. этнологом;
  9. Мурзабулатовым — б. наркомюста Башпреспублики;
  10. Адигамовым — б. наркомпросом Башпреспублики;
  11. Тляубердиным — б. председателем одного из райисполкома Башпреспублики;
  12. Ибраимовым Вели — б. пред ЦИКа Крыма;
  13. Дерен-Айерлы Осман — б. предсовнаркома Крыма;
  14. Фирдевсом Измаилом — б. прокурором Крыма;
  15. Ногаевым — б. прокурором Крыма;
  16. Бадамшиным — б. защитником (Астрахань);
  17. Булушевым Зейнуллою — б. работником сельпроуда Татарии;
  18. Балбековым — б. работником кооперации;
  19. Будейли³ Махмутом — б. директором Резинотреста
- (показываю, что я перечислил лиц, являвшихся основными участниками проводимой мною и моими единомышленниками организации контрреволюционной националистической работы).

Вопрос: После своего досрочного освобождения из концлагеря в 1934 году с кем-либо из своих единомышленников по контрреволюционной националистической работе вы имели какую-либо связь?

Ответ: Никакой связи с бывшими своими единомышленниками по контрреволюционной националистической работе по выходе из концлагеря я не имел.

Вопрос: А делал ли кто-либо из них попытки связаться с вами?

Ответ: Нет.

Вопрос: Следствие считает ваш ответ не соответствующим действительности. К этому вопросу мы вернемся потом. А сейчас расскажите, с кем вы были знакомы из числа татар и башкир в г.Саратове.

Ответ: В г.Саратове в разное время я познакомился со следующими лицами: Ромаевым, членом ВКП(б), татариним; Явкаевым, кандидатом в

¹ Так в документе, следует: Ембаевым.

² Так в документе, следует: Гасымом.

³ Так в документе, следует: Вудайли.

ВКП(б), башкиром; Баталовым, членом ВКП(б), башкиром; заведующим Ершовским заготконторой (фамилии не помню сейчас), бывшим членом ВКП(б), татарин; Байбековым, сотрудником экспертно-сырьевой конторы Облпотребсоюза. Кроме того, я несколько раз встречался с Саид-Галиевым, членом ВКП(б), работавшим начальником политотдела Саратовского [...] Саид-Галиева я знаю с 1918 года.

Вопрос: Вы нам назвали всех лиц из числа ваших знакомых татар и башкир?

Ответ: Да, всех.

Вопрос: Расскажите, где и когда вы познакомились с Ромаевым?

Ответ: С Ромаевым я познакомился в 1935 г. через своих сослуживцев Гусинскую и Денисова. Это было в парке культуры и отдыха 1 Мая или июне месяце.

Вопрос: А в последующем вы с Ромаевым встречались?

Ответ: Да, встречался. Всего у меня с ним было 3—4 встречи. Две встречи были на улице, одна — в радиокомитете, где он в то время работал, и одна в (последний раз) — в Облпотребсоюзе. Все эти встречи были случайны, за исключением моего посещения Ромаева в радиокомитете, куда я пришел по предварительной с ним (Ромаевым) договоренности.

Вопрос: А еще где-либо с Ромаевым Вы встречались?

Ответ: Нет.

Вопрос: Какие у Вас были беседы с Ромаевым?

Ответ: При первой встрече Ромаев спросил у меня, тот ли я Султан-Галиев, который возглавлял так называемую султангалиевщину. Я ответил утвердительно. В дальнейшем разговоре Ромаев сообщил мне, что в Саратове из татарских работников имеется Капкаев, исполняющий обязанности начальника милиции одного из районов г.Саратова, прибывшего из г.Астрахани. Ромаев интересовался условиями моей работы в Облпотребсоюзе. В конце нашей первой беседы Ромаев спросил меня о том, знаю ли я [о] том, что мои товарищи продолжают сидеть в Соловках. Я ответил ему, что каких-либо сведений по этому вопросу я не имею. Вспоминаю, что в начале беседы Ромаев мне рассказал, что он — бывший работник НКВД. При следующей встрече с Ромаевым в 1936 году я, узнав о том, что он работает в радиокомитете, спросил, могу ли я перейти на работу в радиокомитет. Ромаев мне ответил, что, по его мнению, мне, очевидно, удастся устроиться на работу в радиокомитет. Мы договорились, что о работе в радиокомитете я или зайду к нему, или ему позвоню. В третий раз я встретился с Ромаевым в радиокомитете. Ромаев мне сообщил, что он будет говорить о моей предполагаемой работе в радиокомитете со своим начальником Юдиным. Последняя моя встреча с Ромаевым была в Облпотребсоюзе в этом году дня за два, за три до моего ареста. Я зашел в секретариат Облпотребсоюза и там застал Ромаева. Ромаев мне сообщил, что он из радиокомитета ушел и собирается работать по хозяйственной линии. Зачем он пришел в Облпотребсоюз, я его не спрашивал. Больше каких-либо разговоров с Ромаевым, а также встреч с ним у меня не было.

Вопрос: Вы продолжаете утверждать то, что больше у вас с Ромаевым не

¹ Слово написано неразборчиво.

было каких-либо разговоров, а также и то, что вы с ним встречались только четыре раза?

Ответ: Да, я это еще раз подтверждаю.

Допрос прерывается.

М. Султан-Галиев
Допросил (подпись)

21 марта 1937 г.

Вопрос: Когда и как вы познакомились с Явкаевым?

Ответ: С Явкаевым я познакомился в Облпотребсоюзе в начале 1936 года. В это время при Облпотребсоюзе были организованы курсы для директоров сельмагов. Я встретил Явкаева в здании Облпотребсоюза и с ним разговаривал. С этого и началось наше знакомство.

Вопрос: Бывал ли Явкаев у вас на квартире?

Ответ: Да, бывал. Заходил он ко мне примерно в первый раз в августе 1936 года и ночевал у меня. Меня в это время дома не было, так как я находился в Семигловом — [у] моря. В последующем Явкаев был у меня еще три раза в моем присутствии и ночевал у меня. Кроме того я встречался один раз с Явкаевым на квартире у Баталова. Остальные встречи с Явкаевым у меня были в Облпотребсоюзе.

Вопрос: Значит, до поездки вашей в Перелюбский район Явкаев на вашей квартире не был?

Ответ: Нет, не был.

Вопрос: Расскажите более подробно о посещении вас Явкаевым на квартире.

Ответ: Как я уже говорил выше, первый раз Явкаев был у меня на квартире и ночевал одну или две ночи в моем отсутствии. Второй раз (примерно в сентябре 1936 г.) Явкаев по своему приезду в Саратов в Облпотребсоюз был приглашен мною на квартиру и пробыл у меня две ночи. В третий раз Явкаев был примерно в октябре и пробыл по пути в Москву двое суток и когда ехал из Москвы — тоже двое суток. Больше Явкаев у меня не ночевал и на квартиру не приходил, хотя в Саратов и приезжал.

Вопрос: По каким делам ездил Явкаев в Москву?

Ответ: Со слов Явкаева я знаю, что он ездил в Москву по делам сельмага: для закупки товаров.

Вопрос: Давали Вы Явкаеву в Москву какие-либо поручения или просьбы?

Ответ: Нет.

Вопрос: А у кого останавливался Явкаев в Москве?

Ответ: С его слов я знаю, что он ночевал в Доме крестьянина.

Вопрос: Разве директора сельмагов ездят в Москву за товарами?

Ответ: Нет, я считаю, что директора сельмагов в Москву не должны ездить за товарами.

Вопрос: Как же так получилось, что Явкаев, будучи директором сельмага, все же поехал в Москву за товарами, а вы, работник Облпотребсоюза, не указали ему на невозможность на его (Явкаева) поездки.

Ответ: Я спросил у Явкаева, имеет ли он право на поездку в Москву и согласовал ли с кем-либо вопрос о его поездке. При этом я добавил, что если он не имеет соответствующего удостоверения, то его просто не пустят в Мос-

кву. Явкаев мне ответил, что с Райпотребсоюзом вопрос о его поездке в Москву согласован, и поэтому он имеет право ехать в Москву. Со слов Явкаева я знаю, что ему удалось закупить в Москве какие-то промтовары и посуду.

Вопрос: Вы утверждаете, что Явкаев ездил в Москву только для закупок товаров для своего сельмага и что он больше никаких вопросов в Москве не разрешал?

Ответ: О целях поездки Явкаева в Москву я был посвящен на основании его собственных слов. Что касается меня лично, то я ему никаких поручений или просьб не давал.

Вопрос: Следствие снова считает необходимым указать вам на неискренность ваших показаний. К этому вопросу мы вернемся позже. А сейчас скажите, когда и как Вы познакомились с Баталовым.

Ответ: С Баталовым меня познакомил Явкаев в здании Облпотребсоюза примерно в апреле 1936 г.

Вопрос: Вы что же, просили Явкаева познакомить вас с Баталовым?

Ответ: Нет, об этом я Явкаева не просил. Он меня познакомил с Баталовым по своей личной инициативе без каких-либо поводов с моей стороны.

Вопрос: Как часто Вы встречались с Баталовым после знакомства с ним?

Ответ: С Баталовым я виделся раза 4—5 до моей поездки в Перелюбский район в августе 1936 года. Встречи с Баталовым были как у меня на квартире, так и у него. Лично я был у Баталова на квартире раза 3—4. После моего приезда из Перелюбского района Баталов был у меня также несколько раз. При моем содействии Баталов перебрался в мою бывшую комнату, откуда я перешел на новую квартиру. Последний раз Баталов был у меня в октябре 1936 года.

Вопрос: Кто присутствовал при посещениях как вами Баталова, так и Баталова — вас?

Ответ: Обычно при моих посещениях Баталова присутствовали: я, Баталов и его жена. Один раз был Явкаев и сестры Баталова, приезжавшие из района к брату в гости. Раз был также студент ВПСХИ, проживавший вместе с Баталовым в одной квартире. При посещениях Баталовым меня обычно присутствовали: я, Жукова, Баталов и его жена. Один раз присутствовал мой квартирохозяин Родионов и его квартирант — студент Сергей Степанович с женой.

М. Султан-Галиев
Допросил (подпись)

14 апреля 1937 г.

Вопрос: Работая в Саратове, Вы кому-либо рассказывали о своей прошлой контрреволюционной националистической работе?

Ответ: Да, я кратко рассказывал в личных разговорах о моей прошлой контрреволюционной националистической работе моим сослуживцам в Облпотребсоюзе Величко, Петрову, Ляшкову, а также Саид-Галиеву, Ромаеву, Баталову, Явкаеву. Ромаеву я говорил о том, что я разоружился и решил прекратить борьбу с соввластью. С остальными также я говорил о некоторых подробностях моей контрреволюционной деятельности, одновременно указывая, что я стал на путь полного разоружения перед советской властью и партией.

Вопрос: В ваших разговорах с вышеназванными лицами (или с кем-либо

из них) о вашей прошлой контрреволюционной националистической деятельности не было таких случаев, когда Вы по отдельным вопросам оправдывали свою борьбу против партии и соввласти?

Ответ: Нет, таких высказываний с моей стороны вышеуказанным лицам не было. Это я категорически подтверждаю.

Вопрос: Вы даете нам неискренние показания. Рекомендуем статью на пути правдивых ответов на задаваемые Вам следствием вопросы.

Ответ: Я еще раз заявляю, что даю правдивые показания.

Вопрос: Следствие располагает вполне проверенными и исчерпывающими данными, говорящими о том, что Вы, работая в Саратове, не прекратили своей борьбы с соввластью и партией. В частности, нам достоверно известно, что Вы неоднократно высказывали всякие контрреволюционные взгляды по вопросам политики партии и соввласти, особенно по национальному вопросу, одновременно оправдывая свою прошлую борьбу с партией. Категорически настаиваем на правдивых и искренних показаниях.

Ответ: Я Вам даю правдивые показания, так как после своего освобождения из концлагеря никакой контрреволюционной работы я вести не думал и не вел.

Вопрос: Следствие рассматривает Ваш ответ как прямое желание скрывать не только свою, но и отдельных соучастников контрреволюционную националистическую работу, проводимую Вами вплоть до последнего времени. Следствие располагает абсолютно точными и правдивыми данными, свидетельствующими о том, что Вы занимались не только контрреволюционной пропагандой националистических идей, но и проводили соответствующую работу по созданию контрреволюционной организации. Поймите бесполезность Ваших заперательств и перейдите к искренним показаниям.

Ответ: Я снова вынужден заявить, что обвинение меня в проведении какой-либо националистической контрреволюционной работы, тем более работы по созданию организации, является неверным.

Вопрос: Напрасно утверждаете. Нами арестован ряд людей, которых Вы со своей стороны обработали в контрреволюционном националистическом настроении, и с другой — которых Вы вовлекли в состав националистической организации. Причем они арестованы, ставши на путь правдивых показаний, дали полную картину проводимой Вами контрреволюционной националистической работы. Поэтому Вы будете полностью разоблачены их показаниями. Но прежде чем перейти к разоблачениям, мы вам еще и еще раз рекомендуем перейти к разоружению.

Ответ: Добавить что-либо к своим показаниям я ничего не имею.

Вопрос: Хорошо. Арестованный нами Баталов Д.М.¹ в своих показаниях от 2—5 марта с.г. сообщил нам: «Султан-Галиев рассказывал мне, что он был исключен из ВКП(б) и осужден на 10 лет за активную работу, направленную на отделение Башреспублики от Советского Союза... При этом Султан-Галиев обвинил сталинское руководство в зажиме надменьшинств, входящих в состав РСФСР, и в угнетении их». Правильны ли эти показания Баталова?

Ответ: Эти показания Баталова совершенно неправильны.

¹ Так в документе, вероятно, здесь: Баталов Д.Н.

Вопрос: Дальше Баталов показывает: «Султан-Галиев призывал, что всякие попытки национального проявления на самостоятельность беспощадно подавляются и что организация во главе с ним и Заки Валидовым была разгромлена сталинским руководством, потому что она (организация) была малочисленна, и что отдельными выступлениями положительных результатов добиться невозможно, так как они заранее обречены на поражение». Что Вы имеете сказать?

Ответ: В такой форме у меня разговора с Баталовым не было. Это выдумки.

Вопрос: Кроме того, Баталов показывает, что Вы ему доказывали, что для создания «самостоятельного Башкирского государства» необходимо сейчас создать «мощные повстанческие кадры и что в борьбе с соввластью необходимо иметь связь с другими организациями, ведущими борьбу против партии и соввласти». Категорически предлагаю бросить попытку обмана следствия.

Ответ: Эти попытки Баталова — сплошная выдумка.

Вопрос: Но, кроме Баталова, такие же показания дает и еще ряд нами арестованных ваших единомышленников. В частности, Явкаев. Также целиком подтверждает все вышеуказанные показания Баталова.

Ответ: Я снова вынужден категорически это отвергнуть.

Допрос прерывается.

Записано с моих слов верно и мною прочитано. *М.Султан-Галиев.*

Допросили: (подписи)

21 апреля 1937 г.

Вопрос: До сих пор вы упорно отрицали проводимую вами вплоть до вашего ареста контрреволюционную националистическую работу. Мы вам оглашали часть показаний арестованного нами вашего соучастника Баталова Д. В дополнение этого оглашаем вам выдержку из показаний Явкаева М. от 8 марта 1937 г.: «Я, Явкаев, подпал под контрреволюционное влияние Султан-Галиева и стал на путь контрреволюционной националистической борьбы с советским правительством и ВКП(б). Султан-Галиев, убедившись в этом, начал меня использовать в контрреволюционных целях для завязывания связей с башкирами Перелюбского района и в городе с Баталовым Дм.— студентом саратовской ВПП». Правильны ли эти показания Явкаева М.?

Ответ: Никакой контрреволюционной обработки Явкаева М. я не вел, а следовательно, не давал ему каких-либо указаний в части завязывания контрреволюционных связей. В частности, когда у меня с Явкаевым шел разговор относительно моей поездки в Перелюб, то я его (Явкаева) даже просил, чтобы он никому обо мне, о моем прошлом не рассказывал.

М.Султан-Галиев¹

Вопрос: Вы утверждаете, что перед своей поездкой в Перелюбский район вы говорили Явкаеву, чтобы он никому ничего не говорил, как о вас, так и проводимой вами националистической деятельности против советской власти и партии?

¹ Здесь и далее: под запротоколированным ответом допрашиваемого подпись М.Х.Султан-Галиева.

Ответ: Да, я это категорически утверждаю. Речь идет о работе, проводимой мною в прошлом¹.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Зачитываем Вам следующую выдержку из показаний Явкаева М.: «Когда Султан-Галиев собирался приехать в башкирские населенные пункты Перелюбского района, он дал мне указание оповестить об этом башкир и рассказать им, кем он, Султан-Галиев, был раньше и за что боролся и борется сейчас, то есть разъяснить башкирам, что Султан-Галиев проводит работу по организации башкир за выступление против соввласти и за выделение Башпресублики в самостоятельное, независимое от СССР государство. Султан-Галиев просил меня создать необходимую обстановку и условия для наиболее эффективной работы по вербовке участников контрреволюционной националистической организации». Что вы теперь можете сказать?

Ответ: Это абсолютная ложь.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Следствие снова Вам указывает исключительную неискренность ваших показаний. Вам зачитывается выдержка из показаний гражданина Ишкулова Г.З. от 2 февраля 1937 года: «Султан-Галиев нам сказал, что он борется за отделение Башпресублики от Советского Союза, хотел, чтобы башкиры сами строили свою жизнь и не подчинялись бы русским, но его за это, как он сказал, «сажали в тюрьму». И далее Ишкулов передает следующие ваши разговоры: «Нам надо уезжать в Башпресублику, стараться отделиться от русских, иначе нас русские всех задавят». Был ли у вас такой разговор с Ишкуловым во время вашей поездки в Перелюбский район?

Ответ: Таких разговоров у меня не было.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Ваше упорство исключительно. Вы будете подвергнуты разоблачению последующими показаниями. А сейчас продолжу зачитку Вам показаний Ишкулова от 2 февраля 1937 г.: «На эту контрреволюционную агитацию Султан-Галиева я сказал: «Я в Башпресублику не поеду, в 1920 году я в Башкирии работал сторожем, а сейчас зав. МТФ. Мне и здесь неплохо», на что Султан-Галиев сказал: «Вы темные люди, ничего не понимаете» и рассмеялся над моим ответом». Категорически предлагаем бросить несерьезное и бесполезное запирательство и говорить правду.

Ответ: Показания Ишкулова я отвергаю.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Хорошо. Послушайте показания гражданина Ахметова С.А. от 30 января 1937 года: «На второй день утром я пригласил [к] себе завтракать Явкаева Г., его сына Шашарифа, Данмухаметова З., Нигматуллина А. и Султан-Галиева. После окончания завтрака я остался один с Султан-Галиевым и спросил его, за что он осужден. Он мне сказал: «Я боролся за ваши интересы, за башкир, за автономную Башкирскую республику, которая не

¹ Последнее предложение вписано рукой М.Х.Султан-Галиева.

подчинялась бы Советскому Союзу и не входила бы в Советский Союз. Вместе со мной боролся Заки Валидов, он был старше меня, руководил этим делом. За это меня арестовали и осудили, а Заки Валидов уехал до этого за границу». Ахметов тоже показывает неверно?

Ответ: Допустимо, что у меня с Ахметовым мог быть разговор относительно моей прошлой контрреволюционной националистической работы. Но если я Ахметову что-либо и говорил, то в смысле порицания и осуждения своей прошлой деятельности против партии и совласти.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Значит, у Вас были разговоры в Перелюбском районе с рядом лиц из числа башкир, которым Вы рассказывали о своей прошлой контрреволюционной националистической работе?

Ответ: Да, разговоры о моей прошлой контрреволюционной националистической работе среди башкир Перелюбского района имели место. Но я рассказывал об этом тогда, когда меня кто-либо из присутствующих об этом спрашивал. Добавляю, что я обычно говорил о националистической работе в общих чертах.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Для какой-то цели Вы говорили о своей прошлой контрреволюционной националистической работе?

Ответ: О своей прошлой контрреволюционной националистической работе я говорил для того, чтобы меня никто не мог обвинить в том, что я ее (работу) скрываю.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Вы настаиваете на том, что при разговорах о своей прошлой контрреволюционной работе вы ее порицали и осуждали?

Ответ: Да.

М.Султан-Галиев

Вопрос: Чем же Вы объясняете, что ряд людей, выдержки из показаний которых мы Вам огласили, сообщили следствию о том, что Вы, с одной стороны, не только не порицали свою прошлую контрреволюционную работу, а наоборот, ее всячески превозносили, а с другой — что Вы им доказывали необходимость продолжения борьбы с совластью и разжигали национальную рознь?

Ответ: Показания Баталова и Явжаева в отношении моей лично контрреволюционной агитации и пропаганды я считаю недобросовестными и недостоверными и объясняю я это тем, что они хотели, давая обо мне показания, облегчить свое положение перед следствием. В отношении остальных, я считаю, что их показания являются результатом неправильного понимания смысла моих разговоров.

М.Султан-Галиев

Вопрос: В своем стремлении обмануть следствие вы впали в противоречие. Кто же вам поверит, что обвиняемые Баталов и Явжаев якобы для смягчения и облегчения своего положения показали о совместной с Вами орга-

низации контрреволюционной националистической работы. Еще раз категорически настаиваем на даче следствию искренних показаний.

Ответ: Я считаю, что в моих показаниях противоречий нет.

М.Султан-Галиев

Допросили: (подписи)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.10—25.

94. Постановление 4-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей М.Х.Султан-Галиева¹

8 мая 1937

Утверждаю Зам. начальника УНКВД по

Саратовской области

Директор милиции (Макарьян)

Я, помощник оперуполномоченного IV отделения IV отдела УГБ УНКВД по Саратовской области Цапаев, рассмотрев материал следственного дела № 9370 по обвинению по ст.58 п.10 УК РСФСР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, 1892 г. рождения, бывшего члена ВКП(б), по национальности татарина, гр. СССР, ранее судимого, экономиста-плановика Саратовского областного потребсоюза

НАШЕЛ:

Султан-Галиев М.Х., будучи контрреволюционно националистически настроенным, проводил к.-р. националистическую деятельность, направленную на сколачивание к.-р. национальной организации и что по данному делу, в связи с арестом других членов к.-р. националистической организации, требуются дополнительные следственные мероприятия, а срок ведения следствия и содержание под стражей Султан-Галиева истекает 19 мая 1937 года.

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича на один месяц, т.е. до 19 июня 1937 года.

Копии постановлений направить заместителю облпрокурора по спецделам и начальнику 8 отделения УНКВД по Саратовской области.

Помощник оперуполномоченного 6 отделения IV отдела

УГБ УНКВД по Саратовской области (Цапаев)

помощник начальника IV отдела УГБ УНКВД и

начальник 6 отделения IV отдела УНКВД

Лейтенант ГВ (Корнеев)

СОГЛАСЕН: помощник начальника IV отдела УГБ УНКВД

по Саратовской области, капитан ГВ (Грицелевич)

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.38555. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.8.

¹ На верхнем правом углу документа надписано: «Читал М.Султан-Галиев (подпись). 7 июля 1939 г.

**95. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области
о возбуждении ходатайства перед Президиумом ЦИК СССР
о продолжении срока ведения следствия и содержания
под стражей М.Х.Султан-Галиева**

29 мая 1937 г.

Я, помощник оперуполномоченного IV отдела УГБ УНКВД по Саратовской области Цапаев, рассмотрев материал следдела № 9370 по обвинению по ст.58, п.10 УК РСФСР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, 1892 г. рождения, бывшего члена ВКП(б), по национальности татарина, гр-на СССР, ранее судимого, экономиста-плановика Саратовского областного потребсоюза

НАШЕЛ:

Султан-Галиев М.Х., будучи контрреволюционно националистически настроенным, проводил к.-р. националистическую деятельность, направленную на сколачивание к.-р. нац. организации, и что по данному делу в связи с выявлением к.-р. связей с султангалиевцами, проживающими в Татарской Республике и Киргизии, требуются дополнительные следственные мероприятия, а срок ведения следствия и содержания под стражей Султан-Галиева истекает 19 июня 1937 г.

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о продлении срока ведения следствия и содержание под стражей Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича на один месяц, т.е. до 19 июля 1937 г.

Копии постановлений направить заместителю облпрокурора по спецделам и начальнику 8 отделения УНКВД по Саратовской области.

помощник оперуполномоченного 6 отделения (Цапаев)

зам. начальника 6 отделения (Кулаков)

СОГЛАСЕН: Начальник 4 отдела УГБ УНКВД

по Саратовской области капитан ГБ (Грицелевич)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.75.

**96. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области
о выделении материалов по обвинению М.Х.Султан-Галиева по
ст.58 п.10 УК РСФСР из общего дела в отдельное**

31 мая 1937 г.

Я, помощник оперуполномоченного VI отделения IV отдела УГБ УНКВД по Саратовской области Цапаев, рассмотрев следственное дело № 9370 по обвинению по ст.58, п.10 УК РСФСР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, 1892 г. рождения, бывшего члена ВКП(б), по национальности татарина, в прошлом судимого, гр-на СССР и др. в числе 8 человек, и принимая во внимание, что в связи с вскрытием в г.Казани контрреволюционной националистической организации, к которой Султан-Галиев имел причастие и что по распоряжению НКВД СССР от 16 апреля 1937 г. № 5245 для дальнейшего следствия последний подлежит отправке в распоряжение НКВД Татарской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

Следственные материалы по обвинению по ст.58, п.10 УК РСФСР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича из общего дела № 9370 выделить в отдельное следственное дело.

помощник оперуполномоченного: (Цепаев)
заместитель начальника 6 отделения 4 отд. (Кулаков)
СОГЛАСЕН: начальник 4 отдела УГБ УНКВД
по Саробласти — капитан ГВ (Грицелевич)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.8.

97. Постановление 4-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской области о направлении М.Х.Султан-Галиева в распоряжение НКВД ТАССР

1 июня 1937 г.

Я, помощник оперуполномоченного VI отделения IV отдела УГБ УНКВД по Саратовской области Цепаев, рассмотрев следственное дело № 9622 по обвинению по ст.58, п.10 УК РСФСР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, 1892 г. рождения, б.чл. ВКП(б), по национальности татарина, в прошлом судимого, гр-на СССР, и принимая во внимание, что согласно распоряжениям НКВД СССР от 16 апреля 1937 г. за № 5245 Султан-Галиев М.Х. подлежит отправке в распоряжение НКВД Татарской Республики г. Казань для дальнейшего следствия

ПОСТАНОВИЛ:

Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича направить спецконвоем в распоряжение НКВД Татарской Республики г. Казань.

Помощник оперуполномоченного (Цепаев)
заместитель начальника 6 отделения 4 отдела УГБ (Кулаков)
СОГЛАСЕН: начальник 4 отдела УГБ УНКВД
по Саробласти — капитан ГВ (Грицелевич)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т. 1. — Л.74.

98. Сопроводительное письмо УГБ УНКВД по Саратовской области в НКВД ТАССР¹

7 июля 1937 г.

Направляется следдело № 9622 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича для дальнейшего расследования.

Султан-Галиев 6 июня 1937 г. в порядке приказа НКВД СССР № 00404 направлен в ваше распоряжение.

¹ На верхнем левом углу документа надпись: «Читал М.Султан-Галиев (подпись). 15 июня 1937 г.».

ОСНОВАНИЕ: Шифрограмма заместителя наркома внутренних дел СССР — комкора т.Фриновского. № 1673.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Следдело № 9622 и 1 пакет с документами.
начальник 8 отд. УГБ УНКВД по Саратовской области
младший лейтенант ГБ /Боровиков/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.76.

99. Постановление 4 отдела УГБ НКВД ТАССР о присоединении следственного дела М.Х.Султан-Галиева к делу Ганеева, Магдеева и др.

27 июня 1937 г.

Утверждаю¹

Начальник 4 отд. УГБ НКВД ТР
капитан Госбезопасности Веверс

Я, начальник 3 отделения 4 отдела УГБ младший лейтенант ГБ Каменьщиков, рассмотрев следдело за № 9622 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича по ст.58-10 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР и принимая во внимание, что Султан-Галиев является идеологом и создателем контрреволюционной националистической организации, членами которой состояли обвиняемые по след.делу № 3389 — Ганеев, Магдеев, Беганский, Казаков и Фасхутдинов, что по этому делу № 9622 подлежит объединению с делом последних, — руководствуясь 117 ст.УПК

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 9622 о Султан-Галиеве присоединить к делу № 3389 о Ганееве, Магдееве и других.

Нач. 3 отделения 4 отдела УГБ
младший лейтенант ГБ

Каменьщиков

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.77.

100. Протокол допроса в УГБ НКВД ТАССР М.Х.Султан-Галиева

г.Казань

17 августа 1937 г.

Вопрос: Вы арестованы как неразоружившийся контрреволюционер-пантюркист, как один из идеологов и руководителей к.-р. пантюркизма, не прекративший борьбы с советской властью до последнего времени. Дайте исчерпывающие показания о вашей к.-р. пантюркистской деятельности.

Ответ: Я признаю, что я действительно был одним из идеологов и руководителей к.-р. пантюркистской борьбы с коммунистической партией и советской властью. Я вел организационную и агитационно-пропагандистскую пантюркистскую работу с 1923 по 1928 год. На следствии по этому вопросу в 1928 году я это признал лишь политической ошибкой, отрицал

¹ Под грифом утверждения надпись: «Читал. М.Султан-Галиев (подпись), 15 июня 1937 г.».

контрреволюционный характер этой работы. После пересмотра мною моей позиции по национальному вопросу и вопросу о пантюркизме, уже находясь в концлагерях, я пришел к выводу, что эта моя деятельность была глубоко контрреволюционной. Об этом я подал в октябре 1933 года заявление в ЦК ВКП(б), но и в этом заявлении я себя полностью не разоблачил. Мою политическую борьбу с партией и советской властью в этом заявлении я признал лишь объективно контрреволюционной. Тем самым я замазывал, не вскрывал всей к.-р. сущности не только моей продолжительной борьбы с партией и соввластью, но и оправдывал к.-р. борьбу с партией и соввластью всех «правых» националистических элементов в национальных областях и республиках, подбадривал их на дальнейшую работу.

В данный момент я признаю и заявляю, что вся моя борьба с партией и советской властью, в том числе и пропаганда идей пантюркизма и пантура-низма, являлась к.-р. деятельностью не только объективно, но и субъективно и исходила из моего несогласия с политической Коммунистической партии и советской власти по национальному вопросу.

Вопрос: Какую конечную цель Вы ставили в этой борьбе?

Ответ: Конечной целью этой к.-р. деятельности моей и «правых» в национальных республиках и областях была организация самостоятельной Туранской республики из тюркских национальных советских социалистических республик в составе: Татарии, Башкирии, Казахстана, Киргизии и среднеазиатских республик.

Вопрос: Какая политическая и экономическая основа этой республики Вами мыслилась?

Ответ: Эта Туранская республика нами мыслилась как буржуазно-демократическая республика на основе государственного капитализма.

Вопрос: Это значит расчленил нынешний Союз Социалистических Советских Республик?

Ответ: Да, Туранская республика нами мыслилась как отделение от СССР указанных мною автономных советских социалистических республик, т.е. по существу в результате известного расчленения СССР создать буржуазно-демократическую республику.

Вопрос: Кто основные организаторы и руководители этой к.-р. работы?

Ответ: Основные организаторы и руководители этой к.-р. работы я — Султан-Галиев, Юнус Валидов (умер в 1925 г.), Сулейман Мурза Булатов¹ (умер в 1929 или 1930 г.) и Осман Дерен-Айрлы².

Вопрос: Какими путями, средствами предполагалось отторжение указанных вами местностей от СССР?

Ответ: Отторжение указанных местностей от СССР и организация на их территории Туранской республики подготавливалась путем:

а) попыток создания широкой националистической контрреволюционной организации — мелкобуржуазной Туранской рабоче-крестьянской социалистической партии;

б) вовлечения в эту борьбу и сотрудничества для этого с местной националистически настроенной интеллигенцией;

¹ Здесь и далее: так в документе, следует Мурзабулатов.

² Здесь и далее: так в документе, следует Айрлы.

в) установления контакта и связей в этой борьбе с кемалистами Турции и буржуазными государственными деятелями смежных с предполагавшейся Туранской республикой среднеазиатских государств — Персии и Афганистана;

г) создания подпольных военных комитетов для захвата власти в пределах предполагавшейся Туранской республики.

Вопрос: На какие внутренние силы рассчитывали опереться в этой борьбе?

Ответ: Опору в этой к.-р. борьбе составляли татарские «правые» в рядах коммунистической партии и другие национал-уклонисты в национальных республиках и областях. Эти же татарские «правые» и другие национал-уклонисты в других тюркских республиках и должны были составлять основной костяк Туранской рабоче-крестьянской социалистической партии.

Вопрос: Когда Вы практически приступили к этой к.-р. работе и что конкретно сделали в деле организации ее?

Ответ: Практически к этой к.-р. работе я приступил в 1922—1923 гг. Мною в Москве был создан подпольный к.-р. комитет из представителей разбитых в открытой борьбе с властью различных националистических политических партий. В состав этого комитета вошли: от алашордынцев — Танащев, б. глава правительства Кокандской автономии Губайдулла Хаджаев¹, б. мусаватист и глава Горского правительства Кавказа Рашид Капланов, б. валидовец Ильдерхан Мутин, как представитель Башкирской республики и я — Султан-Галиев, как представитель татарских «правых».

Комитет этот должен был выработать программу нашего блока и будущей Туранской республики. Собрался комитет всего 2 раза, и в связи с моим арестом в 1923 году распался.

В 1924—1925 гг., уже после исключения меня из партии, я и Юнус Валидов вели переговоры об организованной борьбе с партией и советской властью за осуществление Туранской республики с рядом работников национальных республик и областей. Конкретно по этому поводу переговоры велись: с представителем закавказских республик и Азербайджана Тагиевым, с представителем Казахстана Мирза-Галиевым² и с представителем Кабардино-Балкарии Катхановым. Юнус Валидов по этому же вопросу должен был вести переговоры о совместной борьбе с властью за Туран с представителем татарских «левых» Галимджаном Ибрагимовым и националистом Гализом Губайдуллиним. На чем и как он договорился с ним, я не знаю.

В 1925 г., после смерти Валидова, я делал попытку вовлечь в эту борьбу татарских «правых»: Мужгарова и Енбаева, — но они к такой постановке мною вопроса отнеслись отрицательно.

Вопрос: Когда и какие переговоры об этом же вы вели с кемалистами Турции?

Ответ: Первый этап моих переговоров с кемалистами Турции относится еще к 1920 году, когда вопрос о Туранском государстве мною еще не ставился, а борьба велась о формах и характере автономии Татарии, Башкирии и др. национальных республик. Конкретно в то время вопрос стоял об использовании басмаческого движения в Средней Азии как орудия давления на политику ЦК в национальном вопросе. Эта мысль первый раз была подсказана Измаи-

¹ Так в документе, следует: Ходжаев.

² Так в документе, следует: Мирзагалиевым.

лом Фирдесом¹ при встрече находившемуся в то время в Москве Энвер-паше. Лично мною вскоре после этого перед Халиль-пашой был поставлен вполне конкретный вопрос: использовать его поездку в азербайджанскую Персию для реорганизации басмаческого движения в Средней Азии: вырезать стоявших во главе басмачества русских белогвардейских аферистов, заменить их турецкими офицерами и дать руководство басмачам из Турции.

Конкретные разговоры с кемалистами Турции по вопросу о создании Туранской республики я имел в 1924—1925 гг. с тогдашним полпредом Турции в Москве Мухтар-беем. С последним я, совместно с Валидовым, принципиально договорился о создании в Турции или в одном из других среднево-сточных государств подпольного комитета пантюркистов и пантуранистов. Этот комитет должен был, по нашему плану, руководить пантюркистским и пантуранистским движением в СССР из-за границы. Субсидировать деятельность этого комитета должны были кемалисты Турции. Для практического налаживания работы этого комитета или я, Султан-Галиев, или Валидов Юнус должны были выехать в кемалистскую Турцию.

По договоренности с Мухтар-беем мы должны были дать ему письменное изложение нашей программы и нашего плана действий, но в последний момент я с Юнусом Валидовым все же раздумали и этого документа Мухтар-бею не дали.

Вопрос: И больше ни с какими представителями иностранных государств вы о к.-р. работе против СССР не сговаривались?

Ответ: Нет, больше ни с кем из представителей иностранных государств я в переговоры не вступал. Мне лишь известно, что Дерен-Айрлы в 1921—1922 гг. при поездке его в Турцию связывался с Кемаль-пашой. Связи других участников к.-р. организации с другими представителями иностранных государств мне неизвестны.

Вопрос: Были ли вы связаны в своей к.-р. работе с белой националистической эмиграцией за границей?

Ответ: Лично я с эмиграцией никакой связи и контакта в к.-р. борьбе против соввласти и партии не имел. В 1926 г. при обсуждении с Дерен-Айрлы и Сулейманом Мирза-Булатовым вопроса о создании Туранской республики мы договорились, что в будущем попытаемся привлечь белую эмиграцию из националистов к этому делу. В переговорах с Мухтар-беем в 1924 году мы также указывали, что в пантуранский комитет за границей можно будет привлечь Заки Валидова из состава белой эмиграции. Кроме этого, мне известно было о связях в Крыму Вали Ибраимова² с находящимся в эмиграции бывшим министром татарского правительства в Крыму Сейдаметовым. Подробности этой связи, однако, мне неизвестны.

Вопрос: А со стороны эмиграции не было попыток установления с вами связи?

Ответ: Такая попытка была в 1927 году со стороны Гаяза Исхакова, Садри Максудова и Сейдаметова, находящихся в эмиграции, через крымско-го националиста Ахмета³ Хайсерова, но я от этой связи уклонился. В 1928 году, незадолго до моего ареста, я делал попытку перебросить за границу для

¹ Так в документе, следует: Фирдесом.

² Так в документе, следует: Вели Ибраимова.

³ Так в документе, следует: Амета.

ведения пантюркистской работы за границей члена казанской организации пантюркистской молодежи — Сафу Хафизова, обратился по этому вопросу в турецкое посольство в Москве, но последнее в какой-либо поддержке мне отказало. Попыток установления связей белоэмигрантов с другими участниками к.-р. пантюркистской организации я не знаю.

Вопрос: С какими антипартийными и к.-р. организациями внутри СССР был Вами установлен блок для борьбы с соввластью и компартией?

Ответ: В борьбе с партией и соввластью я лично стоял за использование нами внутривластной борьбы троцкистов и зиновьевцев. Среди татарских и крымских «правых» я настаивал на необходимости установления блока на основе взаимной договоренности с Троцким. Принципиально эта моя позиция московским центром татарских «правых» не была принята. Тем не менее отдельные из лидеров «правых» связь с троцкистами и зиновьевцами установили. Я знаю, что Гасым Мансуров установил связь с Зиновьевым, Сабиров через Бабахана был связан с Каменевым, Мухтаров связан был с Сафаровым, я — Султан-Галиев — лично нащупывал почву возможности создания единого блока с троцкистом-националистом Грузии Мдивани — находясь в ссылке.

Вопрос: Кто из казанских «правых» был осведомлен о ваших переговорах с Заварьянц?

Ответ: Об этом я сообщил в Казани Бурундукову¹, проф. Красному, которого как троцкиста мне рекомендовали сама Заварьянц и Урманче. Другие об этом мною в известность поставлены не были.

Вопрос: Были ли попытки блокирования с русскими «правыми» бухаринцами?

Ответ: Нет, таких попыток не было. Наоборот, борьба «правых» с ЦК партии мною была использована как прикрытие истинных целей постановки в 1928 году вопроса о создании подпольных военных организаций в советских национальных республиках и областях, которые намечались ко включению в будущую Туранскую республику. Эти подпольные военные организации мною намечались как сила для захвата власти в этих республиках и областях для перехода к буржуазно-демократической Туранской республике. Используя борьбу русских «правых» с ЦК партии и военную опасность нападения на СССР со стороны империалистических государств, я в 1927 и 1928 году поставил вопрос организации военных комитетов перед Вели Исхаковым, Брундуковым и Ганеевым как якобы необходимые подготовительные мероприятия для борьбы с возможной реставрацией капитализма в СССР в результате прихода русских «правых» к власти. Перед ними же я поставил вопрос о создании фонда средств борьбы и подготовке паспортов для ухода в подполье. Брундуков, Вели Исхаков и Ганеев принципиально со мной соглашались, высказывая лишь некоторые уточняющие детали тактического порядка.

Что практически было сделано по созданию этих военных подпольных комитетов, я не знаю, ибо вскоре был арестован.

Вопрос: Вопросы террора и диверсий также обсуждались вами как методы борьбы с соввластью и ВКП(б)?

Ответ: Нет, вопрос о применении террористических и диверсионных ме-

¹ Так в документе, здесь и далее следует: Брундукову.

тодов борьбы при мне никогда не ставился, я сторонником таких методов борьбы не являюсь.

Вопрос: Выше Вы показали, что в борьбе за создание буржуазно-демократической Туранской республики опорой являлись татарские «правые». Почему именно они?

Ответ: Потому что татарские «правые» представляли собой более организованную, спаянную под непосредственным моим руководством и влиянием к.-р. националистическую силу. Они одними из первых показали себя как активные борцы за местный национализм, одними из первых стали на путь борьбы с компартией и соввластью именно как к.-р. националисты.

Вопрос: Когда начался этот поворот татарских «правых» на позиции местного национализма и борьбу с ВКП(б) и совластью?

Ответ: Этот поворот начался еще в 1919 году. Инициатива постановки этого вопроса принадлежит Шамилю Усманову. В январе-феврале 1919 года Усманов в г.Уфе передо мной в упор поставил вопрос о том, что не сделали ли мы ошибку, разогнав Всероссийский мусульманский военный совет и татарский национальный парламент в г.Уфе, и не следует ли вновь вызвать к политической жизни разбитый нами же татарский национализм. Шамилю Усманову я дал утвердительный ответ, и между нами состоялась договоренность развернуть широкую организованную работу по созданию татарских войсковых частей, используя для этого находившуюся в наших руках Центральную мусульманскую военную коллегию, добиться объявления Татарской республики и ее слияния с Башкирией. Усманов мною был направлен к Троцкому для переговоров о создании таких частей. Добившись у Троцкого положительного разрешения этого вопроса, Усманов направился в Казань для организации татарской бригады на правах дивизии. С тех пор, вплоть до ареста «правых» в связи с покушением на Саид-Галиева, Усманов возглавлял в Казани всю работу по сколачиванию вокруг татарских «правых» националистически настроенных татарских коммунистов и буржуазных националистов. Таким образом уже в это время в Казани было создано руководящее ядро актива татарских «правых» в составе Усманова, Брундукова, Фирдевса, Юнуса Валидова, Енбаева, Гали Ганеева, Исхака Казакова и др. С объявлением Татарской автономной республики этот актив и присоединившийся к ним Кашаф Мухтаров, назначенный членом Татревкома ЦК партии, он фактически и руководил всей деятельностью находившихся у власти в Татарии татарских «правых», вплоть до прихода к власти «левых» в лице Саид-Галиева, когда по настоянию последнего были отозваны в Москву Брундуков, Фирдевс и Енбаев, а также присоединившийся к «правым» б. «левый» Гасым Мансуров.

Вопрос: Как перестроилась борьба «правых» в связи с этими изменениями в правительстве Татарии?

Ответ: В связи с этим у меня на квартире в Москве состоялось совещание татарских «правых» о методах нашей дальнейшей работы. На этом совещании создан был подпольный центр «правых» в составе меня — Султан-Галиева, Брундукова, Фирдевса, Мансурова и Шамиля Усманова, в задачу которого и вошло руководство борьбой «правых» за захват власти вновь в Татарии в свои руки, что нам и удалось добиться на II съезде Советов Татарии в 1921 году.

С этого времени и начинается мой решительный переход в национальном вопросе на позиции пантюркизма и пантуранизма как результат неверия во внутренние силы социалистической революции в России, неверия в возможность строительства социализма в капиталистическом окружении. К этому времени и относится постановка мною вопроса об организации буржуазно-демократического тюрко-татарского Туранского государства.

Вопрос: С кем Вы вели переговоры по этому вопросу?

Ответ: Переговоры по этому вопросу я вел в начале 1921 г. в Крыму с Фирдевсом, Меметовым (член Крымревкома), Зайнуллой Булушевым, в Татари — с Юнусом Валидовым и Кашафом Мухтаровым.

Булушев в то время был еще эсером и по моему заданию, в интересах более развернутой пантюркистской и пантуранской работы, вошел в компартию, установил связь с к.-р. организацией «Милли фирка» и через них фактически руководил бандитизмом татарских «зеленых» в горах. С миллифирковцами Булушев был связан через татарского писателя Сабри Айвазова, а из татарских коммунистов в Крыму был связан с Вели Ибраимовым, Умером Ибрагимовым и Меметовым.

С приходом правых к власти в Татари Булушев был мною переброшен в Татарию (1922 г.) с задачей дальнейшей пантюркистской и пантуранистской работы.

Вопрос: Кто из местной к.-р. националистически настроенной интеллигенции был вовлечен правыми в к.-р. пантюркистскую работу?

Ответ: Персональный состав всех привлеченных к этой работе представителей местной интеллигенции мне неизвестен. Из отдельных лиц я помню Самигулли Салихова и Кильмашова, работавших в Наркомземе, Фатыха Мухамедьярова, работавшего в Наркомздраве. В 1925 г. я встречал на квартире у Мухтарова Газиза Губайдуллина и сына учителя Курбангалеева, работавшего врачом в Татреспублике. В 1927 г. Мансурова посещал на его квартире профессор Абдурахман Сагди, летом 1925 или 1926 г. видел на даче у Сабирова вернувшегося из белой эмиграции профессора Терегулова. Насколько тесны были связи указанных лиц с «правыми», я не знаю, за исключением связей Мухтарова с Мухамедьяровым, через которого в 1926 г. был передан в Казань проект петиции от имени татарской беспартийной интеллигенции на имя руководящих органов ТР с протестом против введения яналифа.

Лично я в Казани одно время был связан с врачом Байбековым, имевшим, по его словам, в Казани небольшую группу к.-р. националистически настроенной татарской интеллигенции. В Казани же работали и окончившие Тимирязевскую сельхозакадемию агрономы Хантемир и Кадыр Ходжаевы, которых я с Юнусовым пытался обработать в Москве в 1925 году. Вели ли они в Казани какую-либо работу, мне неизвестно, так как в последующие годы я их уже не встречал. Оба они вместе со мною были арестованы.

В 1928 году я связался в Казани с подпольной к.-р. организацией татарской молодежи, которой руководил Гади Урманче и Хафизов. О моих связях с ними знали Брундуков и Ганеев. С этой группой меня связал работавший во Всекопромсоюзе в Москве татарский журналист Сафа Бакиев. Его же я, в свою очередь, связал с группой астраханских националистических подпольных работников: Бурханом Бадамшиным и Шамсутдиновым. На подпольном заседании с ними мы договорились о широкой пантуранистской работе и созыве

подпольной конференции для выработки программы, стратегии и тактики нашей борьбы. Вследствие моего ареста эта конференция не состоялась.

С кем из татарской националистической интеллигенции были связаны Брундуков и Ганеев, я точно не знаю. Из ряда бесед с ними они называли фамилию вернувшегося из эмиграции журналиста Кабир Бакара, Таначева, Ибниamina Ахтямова. Видимо, эта старая националистическая интеллигенция имела в Казани свою группу, с которой Брундуков и Ганеев согласовывали постановку отдельных вопросов политики и практической работы в Татарии.

Вопрос: Кто руководил к.-р. работой «правых» в Татарии после ухода их от власти в ТР?

Ответ: Руководство деятельностью «правых» в Татарии после ухода их от власти в первое время находилось в руках Брундукова, Ганеева и Сабирова. Однако Сабиров, ввиду попытки сработаться с Татобкомом ВКП(б), московским центром «правых», был отозван из Татарии, и руководство «правыми» в Татарии находилось неизменно в руках Брундукова и Ганеева, а позже — в 1927—1928 гг. к этому руководству привлечены были также Вели Исхаков и Магдеев. Во время одной из своих информаций о делах в Татарии Брундуков докладывал мне о них как о работниках, которые твердо и решительно встали на путь «правых».

Актив «правых» в Татарии в тот период состоял из следующих лиц (кроме уже названных): Богаутдинов, Фасхутдинов, Казаков Исхак, Вахитов (возглавлял Татбанк), Шангиреев, С.Еникеев, Хафиз Сайфи, Бикчантаев, Алимов (директор завода им.Вахитова), Валеев (Татторг), Фатхи Бурнаш (поэт). Из татарских «левых» всеров к правым приближался Галя Кудояров. Его обрабатывали Брундуков, Ганеев и Исхаков.

Вопрос: В чем заключалась практическая к.-р. работа татарских «правых» в Татарии в этот период времени?

Ответ: Практическая к.-р. работа правых в Татарии в этот период времени сводилась к борьбе с занявшими власть в ТР «левыми» и обкомом ВКП(б), в целях подготовки прихода «правых» снова к власти с тем, чтобы, используя это положение — приход к власти, — вновь развернуть контрреволюционную националистическую пантуранскую работу. Перед «правыми» же в Татарии я в 1928 г. ставил вопрос создания нелегальных военных комитетов, о чем я уже показывал выше. В 1928 г., в момент моего приезда в Казань, я участвовал на нелегальном совещании к.-р. организации татарской молодежи, руководимой Бакиевым и Урманчевым. На этом совещании присутствовали (в квартире Урманчева) я, Бакеев, Урманче, Хафизов и студент сельхозинститута Файзуллин. Я сделал им доклад с развитием моих взглядов по национальному вопросу вообще и Туранскому вопросу в частности. Собравшиеся в основном согласились с моими установками, вносили лишь коррективы по отдельным вопросам. Было решено все наши программные стратегические и тактические вопросы перенести на рассмотрение той конференции, которую уже намечено было созвать, как я показывал выше, по договоренности с астраханской группой туранистов.

Перед другими татарскими «правыми», с которыми я виделся в Казани, новых каких-либо вопросов к.-р. работы я не ставил, если не считать вопроса об отношении татарских «правых» к борьбе русских «правых» с ЦК партии. По этому вопросу состоялось совещание на квартире Ганеева с участием меня —

Султан-Галиева, Бурундукова, Будаيلي, Шангиреева и еще кого-то из бондюжцев, которого я до этого не знал. Я сделал им доклад о своей точке зрения по этому вопросу и точке зрения московского центра «правых», совещание решило созвать на квартире Бурундукова собрание широкого актива «правых» для обсуждения этого вопроса. Собрание это состоялось без меня и, как сообщил мне потом Бурундуков, выказалось за сохранение выжидательного отношения к русским «правым», пока «не имеется ясности в положении».

Вопрос: Находясь в лагерях и после освобождения из лагерей с кем из пантюркистов Вы поддерживали связи и вели к.-р. работу?

Ответ: За время нахождения в лагерях я встречался с Фирдесом¹ и Дерен-Айрлы. Разговоры наши сводились к пересмотру и переоценке нашей прошлой к.-р. деятельности в направлении отказа от дальнейшей борьбы и безоговорочного признания линии партии по национальному вопросу. В силу этого и после моего освобождения из лагерей я никаких к.-р. связей не устанавливал и к.-р. работы не вел.

Протокол лично мною прочитан, записано правильно.

М.Султан-Галиев.

Допросил: Нач. 4 Отдела УГБ НКВД ТАССР
Капитан ГБ

Веверс

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.80—94, 95—107.

101. Постановление 4-го отдела УГБ НКВД ТАССР о передаче на хранение личных вещей М.Х.Султан-Галиева

29 августа 1937 г.

Утверждаю

Нач. 4 отдела УГБ НКВД ТАССР

Капитан ГБ Веверс²

августа 1937 г.³

Я, начальник 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД ТР — младший лейтенант государственной безопасности Каменьщиков, рассмотрев личные документы Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, арестованного по следделу № 3389,

ПОСТАНОВИЛ:

Личные документы Султан-Галиева М.Х., а именно:

1. Паспорт НЖ № 081921 и

2. Профбилет за № 204773 —

сдать на хранение в 8 отд. УГБ НКВД ТР под расписку.

Начальник 3 отделения 4 отдела УГБ —

младший лейтенант ГБ

(Каменьщиков)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.78.

¹ Так в документе, следует: Фирдесом.

² Подпись отсутствует.

³ Дата утверждения не указана.

102. Протокол допроса М.Х.Султан-Галиева в УГБ НКВД ТАССР¹

г.Казань

27 декабря 1937 г.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что Вы, как неразоружившийся контрреволюционер-пантюркист, как один из идеологов и руководителей контрреволюционного пантюркизма, после досрочного Вас освобождения из лагерей не прекращали борьбы с советской властью и, в частности, проживая уже в последнее время в г. Саратове, возобновили свою контрреволюционную работу, в которую вовлекли ряд лиц: Явкаева, Баталова и др. Несмотря на то, что показаниями последних и очными ставками с ними Вы в достаточной мере уличены в контрреволюционной деятельности, проводимой в соучастии с ними, однако же на всем протяжении следствия Вы злобно упорствуете в даче откровенных, правдивых показаний о своей контрреволюционной деятельности и лицах, Вами вовлеченных в эту контрреволюционную работу. Намерены ли вы в данный момент дать правдивые показания и прекратить свое упорство?

Ответ: Утверждаю, что все мои показания, данные ранее по этому вопросу, правдивы. Никакой контрреволюционной работы я после освобождения из лагерей не вел. Не вел никакой контрреволюционной работы и во время моего пребывания в Саратове. Явкаева и Баталова я никогда к контрреволюционной деятельности не вовлекал.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано, в чем расписываюсь.

М.Султан-Галиев

Допросил: Оперуполномоченный 1 отделения

4 отдела УГБ НКВД ТР

лейтенант госбезопасности²

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.108, 108 об.

103. Постановление 4-го отдела УГБ НКВД ТАССР о направлении следственного дела М.Х.Султан-Галиева в 4-ый отдел 1-го Управления НКВД СССР

15 сентября 1938 г.

Я, вр.нач. 4 отдела УГБ НКВД ТАССР, ст.лейтенант Госбезопасности Марголин, рассмотрев след. дело № 3389 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича и принимая во внимание, что он по требованию 4 отдела 1 Управления НКВД СССР подлежит направлению в распоряжение последнего,

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело за № 3389 с обвиняемым Султан-Галиевым Мирсаидом Хайдаргалиевичем направить для дальнейшего следования в 4 отдел 1 Управления НКВД СССР, перечислив за ним с сего числа обвиняемого.

Копии настоящего постановления направить нач. 8 отделения УГБ НКВД

¹ На верхнем левом углу документа пометка за подписью М.Х.Султан-Галиева: «Читал. 7 июля 1939 г.».

² Подпись неразборчива.

ТР и прокурору по спецделам для сведения, начальнику тюрьмы УГБ НКВД ТР для исполнения.

Вр.нач. 4 отд. УГБ НКВД ТР
Ст.лейтенант ГВ /Марголин/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.114.

104. Постановления Главного управления Государственной безопасности о возбуждении ходатайства перед прокурором СССР о продлении срока ведения следствия по делу М.Х.Султан-Галиева¹

10 декабря 1938 г.

№1

Утверждаю:

Нач. Глав. Упр. Госбезопасности
комиссар 3 ранга Меркулов

Я, оперуполномоченный 4 отделения 2 отдела ГУГБ, мл. лейтенант государственной безопасности Симаков, рассмотрев материалы следствия по делу № 3389 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича в преступлениях, предусмотренных ст.58, п.10 и 11 УК РСФСР

Нашел:

Султан-Галиев М.Х., 1892 г.рождения, урож. с. Каркмаскалы Башкирской АССР, служащий, татарин, гр-н СССР, быв. член РКП /б/, исключен из партии в 1923 году за националистическую деятельность и тогда же арестовывался, в 1928 году был арестован вторично и осужден по ст.58 п.2, 4, 6 и 11 УК РСФСР в концлагерь на 10 лет, наказание отбывал в Соловецких лагерях, откуда в 1934 году был освобожден досрочно и работал экономистом Облпотребсоюза в г.Саратове. Арестован 19 марта 1937 года УНКВД по Саратовскому краю, следствие велось в г.Саратове, а затем — в НКВД ТАССР в г. Казани и 19 сентября 1938 года доставлен по требованию 2 отдела ГУГБ в Москву, ныне содержится во Внутренней тюрьме НКВД СССР.

В своих показаниях Султан-Галиев вскрывает антисоветскую подрывную деятельность татарских националистов и пантюркистов, одним из идеологов и руководителей которых он являлся с 1919 года, а также говорит о своих шпионских связях с турецкими правительственными кругами.

Наряду с этим показания Султан-Галиева не вскрывают полностью его антисоветскую деятельность последнего периода времени и вызывается необходимость дополнительных его допросов в этой части. Также требуется допрашивать дополнительно в отношении целого ряда лиц, связанных в прошлом с Султан-Галиевым по антисоветской работе.

Срок следствия по делу истек, а потому

¹ На верхних правых углах документов надписи за подписью М.Х.Султан-Галиева: «Читал. 17 июня 1939 г.».

постановил:

Возбудить ходатайство перед прокурором Союза ССР о продлении срока ведения следствия по делу Султан-Галиева М.Х. еще на один месяц, т.е. до 10 января 1939 года.

Оперуп. 4 отд. 2 отдела ГУГБ /Симаков/

Мл.лейтенант государственной безопасности: /Федотов/

№2

25 апреля 1939 г.

Утверждаю

начальник

следственной части¹

Зам. нач. Внутренних дел СССР

Государственной безопасности

Комиссар 3 ранга Меркулов²

Я, старший преуполномоченный 4 отделения 2 отдела ГУГБ, лейтенант Государственной безопасности Симаков, рассмотрев материалы следствия по делу № 3389 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича в преступлениях, предусмотренных ст.58, п.1 и 11 УК РСФСР,

нашел:

Султан-Галиев М.Х.: 1892 г.рождения, урож. с.Кармаскалы Башкирской АССР, служащий, татарин, гр-н СССР, быв. член РКП(б), исключен из партии в 1923 г. за националистическую деятельность и тогда же арестовывался, в 1928 г. был арестован вторично и осужден по ст.58 п.2, 4, 6 и 11 УК РСФСР в концлагерь на 10 лет, наказание отбывал в Соловецких лагерях, откуда в 1934 г. был освобожден досрочно с заменой на высылку на оставшийся срок и работал экономистом облпотребсоюза в г.Саратове. Арестован 19 марта 1937 г. УНКВД по Саратовскому краю, следствие велось в г.Саратове, а затем в НКВД ТАССР в г.Казани и 19 сентября 1938 г. доставлен по требованию 2 отдела ГУГБ в Москву, ныне содержится во внутренней тюрьме НКВД СССР.

В своих показаниях Султан-Галиев вскрывает антисоветскую подрывную деятельность татарских националистов и пантюркистов, одним из идеологов и руководителей которых он являлся с 1919 г., а также о своих шпионских связях с турецкими правительственными кругами до 1929 г.

Наряду с этим показания Султан-Галиева не вскрывают полностью его антисоветскую деятельность последнего периода времени и вызывается необходимость дополнительных его допросов в этой части. Также требуется допрашивать дополнительно в отношении целого ряда лиц, связанных в прошлом с Султан-Галиевым по антисоветской работе.

Срок следствия по делу истек, а поэтому

постановил:

Возбудить ходатайство перед прокурором Союза ССР о продлении сро-

¹ В документе слово «наркома» зачеркнуто, написано от руки «нач.Сл./ч.».

² Подпись Меркулова отсутствует, вместо него подпись Кубулова.

ка ведения следствия по делу Султан-Галиева М.Х. на 1 месяц, т.е. до 1 июня 1939 г.

Ст. оперупол. 4 отд. 2 отд. ГУГБ
лейтенант государственной безопасности /Симаков/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.115—118.

105. Постановление 4-го Отделения 2-го Отдела ГУ ГБ НКВД об изменении квалификации состава преступления М.Х.Султан-Галиева

31 мая 1939 г.

Я, старший Оперуполномоченный Симаков 4 отделения 2 отдела Главного Управления Государственной Безопасности НКВД, рассмотрев дело № 3389 по обвинению гр.Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича по ст.58, п.10 УК РСФСР и принимая во внимание, что Султан-Галиев на протяжении ряда лет являлся одним из идеологов и руководителей антисоветского пантюркистского подполья в СССР и поддерживал политические и шпионские связи с турецкими правительственными кругами и татарской белой эмиграцией. — постановил:

принятое в отношении гр.Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича обвинение по ст.58, п.10 изменить на ст.58, п.1а, 58, п.2 и 58, п.11 УК РСФСР Старший оперуполномоченный 4 отд. 2 отд. ГУ ГБ Симаков
«Согласен» нач. 4 отделения 2 отд. ГУ ГБ¹

Настоящее обвинение мне объявлено: М.Султан-Галиев

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.38555. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.2а.

106. Обвинительное заключение ГУ ГБ НКВД СССР по следственному делу по обвинению М.Х.Султан-Галиева²

11 июня 1939 г.

«Утверждаю»

Начальник следственной части НКВД СССР

Комиссар государственной безопасности 3 ранга Кубулов

В УНКВД Саратовской области в течение 1936—1937 годов поступили материалы о том, что Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, отбывающий ссылку в г.Саратове за антисоветскую работу, в Перелюбском р-не Саратовской области среди башкир ведет работу по созданию антисоветской повстанческой организации.

На основании этих данных 19 марта 1937 года Султан-Галиев был арестован.

¹ Подпись неразборчива.

² В верхнем правом углу надпись от руки: «Утверждаю. Гл[авный] в [оенный] пр[окурор] армвоенюрист 27 июля 1939 г.», подпись неразборчива.

В процессе следствия по делу показаниями других арестованных, свидетелей и личным признанием самого обвиняемого установлено, что Султан-Галиев еще в 1919 году установил непосредственную связь с турецкими правительственными кругами и резидентами турецкой и немецкой разведок панисламистами Рашид-казы Ибрагимовым, Баракатуллой и Абдурраном¹ (все в эмиграции).

Зная о связи Ибрагимова, Баракатуллы и Абдуррана с немецкой разведкой в октябре 1919 года Султан-Галиев сговорился с ними об организации совместной борьбы с советской властью на базе пантюркизма и панисламизма в целях отторжения от советской России тюрко-татарских районов и установления буржуазно-демократического Туранского государства. Вся деятельность Султан-Галиева в последующие годы являлась методической работой по осуществлению плана борьбы с советской властью в этом направлении, который он изложил при сговоре Ибрагимову, Баракатулле и Абдуррану.

(Том 2, л.д. 120—124, 138—142)

Летом 1920 г. Султан-Галиев установил прочные политические и шпионские связи с турецкими правительственными кругами в лице идеолога антисоветской организации «Идель-Урал» Юсуф-бей Акчура-оглы, доктора Фуада, Халиль-паши и Бекир-Сами, приехавших в качестве представителей кемалистской Турции, и бывших государственных деятелей Турции: Эввер-паши, Джемаль-паши и Шюкрибей², — приехавших из Верлина. С этими лицами в течение 1920—1923 гг. происходили систематические встречи Султан-Галиева и еще группы руководящих участников созданного им татарского националистического подполья на устраиваемых ими официальных и неофициальных банкетах, где вырабатывалась общая тактика борьбы за создание Туранского государства. В 1923 г. Султан-Галиевым совместно с неким Кара-Сакал, приехавшим из Турции в качестве делегата на IV Конгресс Коминтерна, были выработаны основы общей для всех тюркских народов СССР и колониальных народов зарубежного Востока политической программы, выработали шифр, установили пароль и ключики.

(Том 2, л.д. 123—126, 142—145, 147—148)

Султан-Галиев, будучи связан с турецким послом в СССР Али-Фуадам, а затем Мухтар-беем, информировал их систематически о внутрипартийной борьбе в ВКП(б) по национальному вопросу и о секретных решениях ЦК ВКП(б) по восточным вопросам. В частности, в 1922 году, узнав от своего единомышленника Брундукова, работавшего тогда секретарем тов. Сталина, о проекте секретного постановления, составленного Литвиновым об изменении политики советской власти в отношении Турции, поставил об этом в известность Али-Фуада.

(Том 2, лист дела 125, 145—146)

Тогда же на предложение Али-Фуада доставать через свои связи сведения о состоянии вооруженных сил СССР, Султан-Галиев дал свое согласие, в этих целях связался с турецким военным атташе и попытался достать эти сведения через Наби Вахитова.

(Том 2, л.д. 146—147)

¹ Так в документе, здесь и далее следует: Абдур Раббом.

² Так в документе, здесь и далее следует: Шюкри-бей.

Точно так же подробно информировал Мухтар-бея в 1923 году о XII партсъезде, сосредоточив главное внимание на происходившей на национальной секции партсъезда борьбе различных течений и взглядов по национальному вопросу, в частности, о резком столкновении на секции тов. Сталина с Троцким и Раковским.

(Том 2, л.д. 148—149)

В 1923 году, находясь на курорте в Абас-Тумане, нелегально послал письмо Бекир-Сами бею в Турцию с просьбой прислать в СССР эмиссара для выработки вместе с ним (Султан-Галиевым) политической платформы и партийной программы для всех тюркских народов. Ответа на это он не получил.

(Том 2, л.д. 147)

После исключения из партии в 1923 году и вплоть до 1925 года Султан-Галиев, систематически встречаясь с турецким послом в Москве Мухтар-беем, изложил ему свою точку зрения на организацию дальнейшей борьбы за создание Туранского государства и договорились о том, что Султан-Галиев напишет программу этой борьбы. Одновременно с этим тут же договорились относительно нелегальной переброски Султан-Галиева в Турцию в случае необходимости в этом.

(Том 2, л.д. 150—151)

К 1925 году Султан-Галиев написал эту программу борьбы под заголовком «Об основах экономического, политического и культурного развития тюркских народов», в которой выдвинул идею создания колониального интернационала, со включением в него уже сложившихся националистических политических партий и организаций, в том числе Гоминдана и «свараджистов». В колониальном интернационале, согласно теории Султан-Галиева, должен был быть создан особый комитет для руководства пантюркистским и пантуранистским движением тюркских народов в СССР, с филиалами на местах, задачей которого должна являться организация подготовки отделения тюркских республик и областей СССР от Советского Союза.

(Том 2, л.д. 151—153, 155)

Позднее, к концу 1925 года, Султан-Галиев вместе с Мухтар-беем обсуждали план полного расчленения СССР на составные его национальные части в случае военного нападения на СССР извне и поражения соввласти в этой войне.

(Том 2, л.д. 154—155)

В 1926 году приезжал из Турции в СССР к Султан-Галиеву эмиссар Кемаль-паши, с которым 2 раза встречался специально на квартире Усмана Девликамова и информировал его о состоянии и перспективах работы националистического подполья в СССР.

(Том 2, л.д. 155—158)

В конце зимы 1926—27 года передал через машинистку турецкого посольства в Москве Амину Акчурину (осуждена) в турецкое посольство стенографический отчет т.н. рыскуловского национального совещания.

(Том 2, л.д. 159)

В 1928 году вновь имел встречу с турецким послом в Москве Зеккия-беем. С этого времени Султан-Галиев непосредственную связь с турецкими правительственными кругами прекратил и поддерживал эту связь вплоть до второго ареста, т.е. до 1929 года, через работницу турецкого посольства Эми-

ну Акчурину и Абдрахмана Шафеева (в эмиграции). В частности, через Акчурину Султан-Галиев попытался перебросить за границу участника организации Хафизова (осужден) для информации лидеров татаро-башкирской белоэмиграции националистического подполья в СССР и получения от них указаний для дальнейшей работы.

(Том 2, л.д. 159—161)

На протяжении всей своей борьбы с партией и советской властью Султан-Галиев сговаривался с руководящими участниками троцкистско-зиновьевского подполья, в том числе и лично с Троцким (в 1923 году), о контактировании с ними подрывной работы. В частности, Султан-Галиев поддерживал организационную связь до 1928 года с троцкистами Буду-Мдивани, Смирновым, Шиловым и в 1930—33 г. Соловках — с Марченко, Эльценом и Залкиндом.

(Том 2, л.д. 356—369)

Отбывая наказание в Соловецких лагерях, с 1931—34 г. Султан-Галиев совместно со своими единомышленниками Енбаевым, Урманче, Бакиевым, Гляубердиным сговорились после освобождения из лагерей о создании Туранской рабоче-крестьянской социалистической партии, а позднее сговорился также с башкирскими националистами Заки-Балеевым, Тагировым и другими о создании Туранской народной партии.

(Том 2, л.д. 370—375)

В 1933 году Султан-Галиев дал задание своему единомышленнику Исхакову, отбывшему наказание в Соловецких лагерях, установить связь с лидером татарской белоэмиграции Гаязом Исхаковым, но сведений о результатах выполнения этого задания якобы не имеет, т.к. с Исхаковым больше не встречался.

(Том 2, л.д. 374 об.)

В Соловецких лагерях же Султан-Галиев сговаривался о перспективах антисоветской националистической работы по созданию Туранского государства с лидером азербайджанских мусаватистов Гаджинским (осужден).

(Том 2, л.д. 373—374)

После освобождения из Соловецких лагерей в конце 1934 года Султан-Галиев, отбывая ссылку в гор.Саратове, обработал в антисоветском националистическом духе Баталова и Явкаева (арестованы) и вместе с ними в течение 1936 года вел работу по созданию антисоветской повстанческой организации среди башкирского населения Перелюбского района Саратовской области. В этих целях он специально выезжал в указанный район, где при содействии Баталова и Явкаева провел два нелегальных собрания.

(Том 1, л.д. 26—35, 39, 44, 52—53, 58—61 и 62—73)

Будучи в Казанской тюрьме, после ареста по данному делу, в одной камере со своим единомышленником Сагидуллиным в 1938 году Султан-Галиев обсуждал план дальнейшей антисоветской работы на случай интервенции капиталистических государств против Советского Союза.

(Том 2, л.д. 378 об.— 381 об.)

На основании изложенного обвиняется:

Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, 1892 г. рождения, урож. с. Кармаскалы Башкирской АССР, служащий, татарин, гр-н СССР, быв. член РКП(б), быв. член Коллегии Наркомнаца, быв. пред. Комнарвосток, исключен из партии

в 1923 году за националистическую деятельность и тогда же арестовывался. В 1928 году был арестован вторично и осужден по ст.58, п.2, 4, 6 и 11 УК РСФСР в концлагерь на 10 лет, наказание отбывал в Соловецких лагерях, откуда в 1934 году был освобожден досрочно с заменой на высылку на оставшийся срок и до ареста работал экономистом облпотребсоюза в г.Саратове.

В том, что:

1. начиная с 1919 года и вплоть до последнего своего ареста являлся одним из идеологов антисоветского пантюркистского движения в СССР;

2. поддерживал активную политическую и шпионскую связь с правительственными кругами Турции вплоть до 1929 года, которая была прервана в связи с его арестом;

3. отбывая наказание в лагерях, а также после освобождения из него, вел работу по установлению связи с лидерами татарской беловзмиграции за кордоном и по созданию антисоветской повстанческой организации среди башкир в Саратовской области.

Означенные преступления предусмотрены ст.58, п.1-а, 58, п.2 и 58, п.11 УК РСФСР.

Обвиняемый Султан-Галиев признал себя виновным в предъявленном обвинении лишь до 1934 года, отрицая тем самым свою деятельность по созданию антисоветской повстанческой организации в Саратовской области в 1935—1937 годах. Однако полностью уличается показаниями арестованных Баталова, Явжаева и очными ставками с ним, а также показаниями свидетелей Ишкулова, Ермакова и Ахметова.

На основании изложенного следствие считать законченным и обвинение — доказанным. Дело направить на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР — по подсудности.

Ст. оперупол. 4 отд. 2 отдела ГУ ГБ
лейтенант Госбезопасности (Симаков)
«Согласен» зам. нач. 2 отдела ГУ ГБ НКВД
майор Госуд. Безопасности (Федотов)

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.120—128.

107. Протокол 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР об окончании следствия по делу М.Х.Султан-Галиева

16 июня 1939 г.

Я, оперуполномоченный 2 отдела ГУГБ, НКВД СССР следователь следственной части МВД СССР мл. лейтенант госбезопасности Мухаметжанов, рассмотрел следственное дело за № 3389 по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича в преступлениях, предусмотренных ст.58, п.1а, 58, п.2, 58, п.11 УК РСФСР.

Признав предварительное следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, руководствуясь ст.206 УПК, объявил об этом обвиняемому, предъявил для ознакомления все производство по делу и спросил, желает ли обвиняемый чем-либо дополнить следствие.

Обвиняемый Султан-Галиев М.Х., ознакомившись с материалами следственного дела в 3 томах в количестве 511 листов, заявил, что¹: считаю не соответствующими действительности мои показания от 17 марта 1938 г. (в заявлении на имя наркома Вн. Дел Татарской АССР — стр. 139—142, том № 2, дело № 3389), от 3 августа 1938 (в протоколе допроса меня наркомом Вн. Дел Татарской АССР Михайловым — стр. 122—123 и стр.129—130, том 2, дело № 3389) и от 5—23 августа 1938 г. (в дополнительном заявлении моем на имя наркома Вн. Дел Татарской АССР — стр.421—430, том № 3, дело № 3389) в отношении моего сговора с Рашид-казы Ибрагимовым и профессором Баракатуллой: никаких обещаний о ведении мною контрреволюционной работы я этим лицам, как агентам иностранных разведок, не давал, а наоборот, поставил своевременно в известность органы соввласти о подозрительном поведении Рашид-казы Ибрагимова, как агента турецкой разведки, о чем мною заявлено при передаче мною письменной характеристики тюрко-татарских эмигрантов за границей, от 20.04.— 31.05.38 в раз- деле о Рашид-казы Ибрагимове.

М.Х.Султан-Галиев

Опер. уполном. 2 отдела ГУГБ
Мл. лейтенант гос. безопасности

Мухаметшин

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.119, 119 об

108. Протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева

20 августа 1939 г.
сов. секретно

г.Москва

Председатель армвоенюрист Ульрих

Члены: бригавоенюристы Дмитриев и Кандцибин

Секретарь военный юрист 3 ранга Бычков

Участствует прокурор РККА бригавоенюрист Гаврилов

Слушали:

Дело № 00401, поступившее из ГВП РККА 4 августа 1939 г. с обвинительным заключением о предании суду военной коллегии Верховного Суда СССР Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича — по ст.58-1а, 58-2, 58-11 УК РСФСР. /доклад Гаврилов/

/содоклад Ульрих/

Определили:

Обвинительное заключение утвердить. Обвиняемого Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича предать суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР — по ст.58-1а, 58-2, 58-11 УК РСФСР.

Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

¹ Далее до подписи М.Х.Султан-Галиева включительно написано М.Х.Султан-Галиевым.

Меру пресечения Султан-Галиеву оставить прежнюю — содержание под стражей.

Председатель — армвоенюрист /В.Ульрих/
Секретарь военный юрист /Бычков/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.129.

109. Протокол закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева

8 декабря 1939 г.
сов. секретно

г.Москва

Председательствующий — бригавоенюрист Алексеев

Члены — бригавоенюрист Суслин и т.Буканов

Секретарь — младший военный юрист Мазур

В 18 часов 20 минут председательствующий открыл судебное заседание и объявил, что будет рассматриваться дело по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, преданного суду по ст.58-1а, 58-2 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый Султан-Галиев, содержащийся до суда под стражей, в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого, который на поставленные вопросы дал о себе нижеследующие биографические данные:

Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, 1892 г. рождения, уроженец Башкирской АССР, по национальности татарин, служащий. С 1917 по 1923 г. я был членом ВКП(б), но был исключен из партии за а/с¹ националистическую деятельность. Вторично в партию не вступал. Впервые я арестовывался в 1923 г., но не судился. Вторично меня арестовали в 1928 г. и органами НКВД в том же 1928 г. я был выслан на 10 лет. Наказание отбывал на Соловках, затем в 1934 году был освобожден.

Перед арестом я работал экономистом Облпотребсоюза в гор. Саратове.

Под стражей по настоящему делу я содержусь с 19 марта 1937 года.

Копию обвинительного заключения я получил 4 декабря 1939 года.

Оглашается состав суда и разъясняется подсудимому право отвода кого-либо из состава суда при наличии к тому оснований.

Отвода против состава суда подсудимый не заявил.

Председательствующий разъясняет подсудимому его права во время судебного следствия и спрашивает, имеет ли он какие-либо ходатайства или заявления до начала судебного следствия.

Подсудимый: Ходатайств и заявлений до начала судебного следствия я не имею.

Суд приступает к судебному следствию.

Председательствующий оглашает обвинительное заключение и протокол

¹ Так в документе, здесь и далее следует: антисоветскую.

подготовительного заседания военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 20 августа и спрашивает подсудимого, понятно ли предъявленное ему обвинение и признает ли он себя виновным.

Подсудимый: Предъявленное мне обвинение понятно, виновным себя в основном признаю. В отношении же ст.58-2 УК, если эта статья УК имеет в виду мою деятельность в Саратове, тогда я этот пункт обвинения отрицаю.

Председательствующий: Свои собственноручные показания, данные на предварительном следствии (том 2) вы подтверждаете?

Подсудимый: Свои собственноручные показания, данные на предварительном следствии, я подтверждаю, за исключением только тех показаний, в которых я говорил, что имел связи с агентами турецкого, германского и японского империализма.

Председательствующий: А почему же вы давали подобные показания?

Подсудимый: А вот почему. Вначале следственные органы меня убеждали, чтобы я добровольно разоружился и этим самым помог советской разведке. Я виновным себя не признавал. После этого меня поставили на конвейер, в результате которого в сентябре 1937 г. я дал вынужденно ложные показания о своей якобы шпионской деятельности. В данный момент свои показания о связях с агентами иностранных разведок с целью шпионажа я отрицаю.

Председательствующий: В чем же вы признаете себя виновным?

Подсудимый: Я признаю себя виновным в том, что до 1933 г. включительно вел борьбу против советской власти и ВКП(б). После же 1933 г. я осознал свои ошибки, осудил их, о чем написал заявление в ЦК ВКП(б).

Председательствующий: Ваше социальное происхождение?

Подсудимый: Я сын народного учителя.

Председательствующий: Какое вы имеете образование?

Подсудимый: Я окончил Казанскую татарскую учительскую школу.

Председательствующий: Когда вы связали свою судьбу с революционным движением?

Подсудимый: Свою судьбу с революционным движением я связал в 1913 году в Уфе. Нас была группа националистов и мы имели следующую программу: 1) по крестьянскому вопросу мы имели эсеровскую программу; 2) по рабочему вопросу 8-часовой рабочий день; 3) по национальному вопросу — самоопределение народов и 4) буржуазно-демократическая революция. Так мы существовали до Великой Октябрьской революции. До 1917 г. я неоднократно хотел связаться с большевиками, но не связался, так как у меня не было знакомых большевиков.

Председательствующий: В армии вы служили?

Подсудимый: Нет.

Председательствующий: Знали ли вы, Стопани был большевиком?

Подсудимый: Со Стопани я лично знаком не был, хотя и работал с ним вместе в одном учреждении. О том, что он большевик, я узнал только лишь в 1923 г., работая в Москве.

Председательствующий: Когда и где вы вступили в партию большевиков?

Подсудимый: В партию я вступил в августе 1917 года в г. Казани, работая в исполкоме Всероссийского мусульманского национального совета.

Председательствующий: К какой партии вы примыкали в период февраль-август месяца 1917 г.?

Подсудимый: В этот период времени я не примыкал ни к какой группе, но поддерживал и разделял взгляды большевиков.

Председательствующий: Чем вы занимались в период Великой Октябрьской социалистической революции?

Подсудимый: Во время революции я входил в состав революционного штаба в Казани. До занятия Казани чехословацкими войсками я работал на разных ответственных должностях, был членом Ревкома, боролся с мусульманским национализмом. В момент занятия Казани чехословацкими войсками я работал продкомиссаром. Когда они заняли город, я три дня прятался, а затем убежал из Казани, попал в состав 2-й Красной Армии. Там я был назначен начальником снабжения, а затем был направлен на подавление восстания. Затем я уехал в Москву, где работал последовательно: членом Центрального бюро ЦК Комнарвостка, комиссаром по делам мусульман в Наркомнапе, председателем Мусульманской военной коллегии и членом коллегии Наркомнапа. Наркомом работал И.В.Сталин.

Председательствующий: До какого года вы работали в Наркомнапе?

Подсудимый: До 1923 года.

Председательствующий: В период 1918—1923 гг. вы имели связь с татарскими националистами?

Подсудимый: Да, имел.

Председательствующий: Они являлись враждебными по отношению к советской власти?

Подсудимый: Некоторые из них — да. В частности, левые эсеры под руководством Ибрагимова временами сговаривались о выработке своей программы об организации самостоятельной татарско-башкирской партии.

Председательствующий: Вы когда-нибудь разделяли взгляды Ленина-Сталина по национальному вопросу?

Подсудимый: По этому поводу я могу сказать следующее: с политикой Ленина-Сталина по национально-колониальному вопросу я в некоторых моментах не соглашался. В частности, я не разделял постановления II Конгресса Коминтерна по вопросу о панисламизме и пантюркизме. Я считал, что пантюркизм в условиях Советской России не страшен. О панисламизме я думал, что его можно использовать в борьбе международного пролетариата с империализмом. Я не соглашался с политикой партии по вопросу о характере революции в отсталых в промышленном отношении колониальных и полуколониальных странах. Я считал, что в отдельных странах, как Китай, Индия, социалистическая революция немыслима без предварительного развития капитализма. Я стоял за буржуазно-демократическую революцию в таких странах.

Председательствующий: За что вы были исключены из партии в 1923 г.?

Подсудимый: Из партии я был исключен за крайне националистические проявления.

Председательствующий: После этого вы уже в партию не вступали?

Подсудимый: Да, после этого я в партию не вступал. Правда, после того, как меня исключили из партии, я ставил вопрос о восстановлении меня в партии, был по этому поводу у Сталина, последний же мне сказал, что вопрос о своей партийности я могу поставить только лишь через год, после съезда партии.

В 1924 г. я подал заявление о приеме меня в партию. Меня не приняли. Я снова пошел к И.В.Сталину, который мне сказал, что еще надо обождать.

«Подадите,— говорил он,— заявление после 14 партсъезда». Сталин предложил мне выступить в прессе с заявлением о моем отказе от националистических взглядов и признании политики ВКП(б). Я в печати с разоблачением себя не выступил. Не выступил только лишь потому, что меня уговорили не делать это некоторые лица из группы «правых» и татарских националистов.

Когда я говорил по этому поводу со Сталиным в третий раз, он снова предложил мне искренне выступить в печати о своем отходе от а/с националистических позиций. Я ответил Сталину, что подумаю.

После этого я написал черновики о своих заблуждениях и ошибках по национальному вопросу, но в печати их не опубликовал.

О том, что я был в ЦК ВКП(б), я рассказал таким националистам, как Сабиров, Мухтаров, и другим. На это Мухтаров мне ответил: «Не надо было тебе идти в ЦК, ведь подготавливается выступление оппозиции против ЦК ВКП(б)». Таким образом, хотя я и написал черновики с искренним раскаянием и признанием своих ошибок, но я их не опубликовал в печати благодаря влиянию на меня а/с националистических групп.

Так продолжалась моя антисоветская деятельность до 1928 года, до моего осуждения.

Отбывая наказание в Соловецких лагерях, я связи с а/с националистами не порывал и, кроме того, совместно с националистами Енбаевым, Бакиевым и другими договаривался, на случай поражения советской власти в предстоящей войне, с капиталистическими странами о создании так называемой Туранской рабоче-крестьянской социалистической партии.

Теоретически я допускал, что в предстоящей войне с империалистическими странами возможно будет поражение советской власти и временное установление капитализма в России. Мы говорили, что против советской власти выступать не будем, но на случай временного поражения советской власти у нас должна быть создана какая-то партия, и такой партией, мы считали, должна быть Туранская рабоче-крестьянская социалистическая партия.

Председательствующий: С троцкистско-зиновьевским а/с подпольем вы имели организационные связи по своей антисоветской деятельности?

Подсудимый: До 1923 года я очень часто встречался с Троцким по работе и в 1923 г. по указанию группы татарских националистов я посетил Троцкого с целью поговорить с ним по национальному вопросу. Наши переговоры ни к чему не привели, а вскоре я был арестован.

В последующие годы я лично сближения с троцкистами не искал. Среди татарских националистов пошло брожение, что надо выступить против троцкизма. Я их поддерживал и дал на это санкцию. В 1927 году, когда начался разговор троцкизма, башкиро-татарские «правые» без моего ведома вели разговор с зиновьевцами по вопросу выработки единых взглядов по национальному вопросу. Об этом я узнал гораздо позднее и подержал их.

После октябрьского выступления оппозиции в 1927 г. башкиро-татарские «правые» отошли от зиновьевцев и среди них пошли разговоры о том, что мы не должны поддерживать ни ЦК ВКП(б), ни «правых».

Я же, выступая перед башкиро-татарскими националистами, предлагал им или же пойти за ЦК ВКП(б), или же примкнуть к оппозиции, но не держаться в нейтралитете. В этот период времени я симпатизировал Троцкому, поэтому настаивал перед башкиро-татарскими националистами с предло-

жением стовориться с Троцким о выработке программы по национально-колониальному вопросу. Я хотел знать взгляды Троцкого по этому поводу. Мое предложение принято не было.

Председательствующий: Расскажите о ваших связях в 1920 г. с идеологом антисоветской организации «Идель-Урал» Юсуф-бей.

Подсудимый: В обвинительном заключении записано ошибочно, что Юсуф-бей приезжал в СССР из Турции в 1920 г. Он приезжал не в 1920, а в 1918 году.

При каких обстоятельствах я с ним встретился?

В 1918 г. я выступал на одном из митингов по вопросу, что такое советская власть, и одновременно критиковал политику националистов. На этом митинге присутствовал и Юсуф-бей Ачкура оглы. Вечером, после митинга, он пришел ко мне на квартиру и добился со мною свидания. Я знал его как турецкого националиста, сына крупного фабриканта, поддерживающего программу кадетов.

При встрече с Юсуф-бей я никаких контрреволюционных разговоров с ним не вел.

Зайдя ко мне, Юсуф-бей мне сказал, что он приехал из Турции по обмену пленных и что он присутствовал на митинге и слушал мое выступление. Причем ему непонятно было одно место моего выступления, касающееся политики партии в национальном вопросе, поэтому он и пришел ко мне для того, чтобы я объяснял ему это место. Я ему ответил, что все то, что я говорил по национальному вопросу — есть официальная программа коммунистической партии. Помимо этого, я указал ему на измену своему народу националистов, перешедших на сторону белых. В частности, это касалось его. После этого он ушел от меня и более с ним я никогда не встречался. Повторяю, это было в 1918 году.

Председательствующий: Расскажите о ваших связях с Кара-Сакалом.

Подсудимый: С Кара-Сакалом я познакомился в 1923 г., когда он прибыл в СССР из Турции как делегат III Конгресса Коминтерна от коммунистической партии Турции. С ним я познакомился за несколько дней до начала работы конгресса Коминтерна. Однажды, перед началом заседания конгресса Коминтерна, я рассматривал политическую карту СССР. В это время ко мне подошел Кара-Сакал и спросил у меня: «Что вы так пристально смотрите на карту?» Я ответил ему: «Вот посмотрите, где раньше жили турецкие народы, а теперь они разъединены», и тут же я высказал мнение, что хорошо бы было их объединить в одну федеративную республику.

Кара-Сакал заинтересовался моим разговором и сказал мне, что в данное время могут существовать на земном шаре только лишь крупные национальности, как английские и другие, и тут же добавил: «Для того, что бы сохранить лицо нации, надо объединить все турецкие национальности СССР с колониальными народами зарубежного Востока».

Во время работы конгресса Коминтерна я часто встречался с Кара-Сакалом, он был у меня на квартире. Во время этих встреч мною, совместно с Кара-Сакалом, и были выработаны основы политической программы, общей для всех турецких национальностей СССР и колониальных народов зарубежного Востока. Был выработан шифр и установлены пароль и клички.

Об этом мною на предварительном следствии показано совершенно верно. Но я хочу исправить свои показания, данные на предварительном следствии по этому поводу. В частности, на предварительном следствии, давая показания о

своей связи с Кара-Сакалом, я обрисовал себя как шпиона турецкого, германского и японского империализма. Это плоды моей собственной фантазии. Выбравшая программу, мы ничего ни о Германии, ни о Японии не говорили.

Председательствующий: А теперь что вы скажете относительно ваших связей с турецкими послами в СССР Али-Фуадом и Мухтар-беом?

Подсудимый: В обвинительном заключении указано, что я якобы указанных послов систематически информировал о внутрипартийной борьбе в ВКП(б). Я заявляю откровенно, что послу Али-Фуаду я ничего об этом не передавал. Послу же Мухтар-бею я возможно что и говорил о внутрипартийной борьбе в партии, так как я уже был исключен из партии.

Председательствующий: Ваши взаимоотношения с Брундуковым?

Подсудимый: Очень хорошие и близкие.

Председательствующий: О чем информировал вас Брундуков в 1922 году и кому вы передали о сущности этой информации?

Подсудимый: В 1922 году Брундуков, работавший в то время секретарем И.В.Сталина, передал мне, что имеется проект секретного постановления ЦК ВКП(б), написанный Литвиновым, об изменении политики советского правительства в отношении Турции. О существовании такого проекта я сразу сообщил послу Турции Али-Фуаду.

Председательствующий: А как вы считаете, передача секретного постановления партии турецкому послу является шпионажем или нет?

Подсудимый: Я этого не отрицаю. Я считал, что я этим делаю услугу турецкому правительству.

Председательствующий: Али-Фуад предлагал вам достать для него сведения о состоянии вооруженных сил СССР?

Подсудимый: Да, такой случай был. Когда Али-Фуад предложил мне достать для него сведения о состоянии вооруженных сил в СССР, я согласился. После этого он меня познакомил с одним турецким военным атташе, а тот в свою очередь свел меня с одним сыном казанского купца Каримовым.

После этого я задумался. Я понял, что делаюсь шпионом, мне стало противно.

Я пошел к работавшему в то время комиссаром при Всероссийском штабе Вахитову с целью взять у него сведения о вооруженных силах СССР. Придя же к нему, я начал разговор вообще, но ничего не сказал о целях моего прихода к нему. Я воздержался требовать от него такие сведения и не взял их. Таким образом, я ничего о вооруженных силах в СССР турецкому послу не передавал.

Если бы я не раздумал, я мог бы данные сведения взять от Вахитова и передать по назначению.

Председательствующий: В 1923 году вы передавали турецкому послу Мухтар-бею о решениях XII съезда партии по национальному вопросу?

Подсудимый: О решении XII съезда партии по национальному вопросу я передал не послу Мухтар-бею, а поверенному в делах Турции Нияз-бею, в то время замещавшему Мухтар-бея. Следственные органы допустили ошибку при составлении обвинительного заключения и написали, что я о решениях XII съезда партии информировал Мухтар-бея.

Председательствующий: На заседании XII съезда партии вы лично присутствовали?

Подсудимый: Да.

Председательствующий: В 1923 году, находясь на курорте в Абас-Турмане, вы посылали письмо в Турцию на имя Бекир-Сами бея с просьбой при-слать в СССР эмиссара для выработки платформы и партийной программы для всех тюркских народов?

Подсудимый: Такое письмо я писал и послал его в Турцию. Но это было не в 1923 году, а в 1922 году.

Председательствующий: В какой период времени вы встречались, та-ким образом, с турецким послом в Москве Мухтар-беем?

Подсудимый: С ним я имел связь до 1925 г.

Председательствующий: Во время ваших встреч с ним вы излагали ему свою точку зрения о дальнейшей борьбе с советской властью?

Подсудимый: Да, излагал. Я считаю, что турки делали на меня ставку, как на человека, который опирается на националистов и может им помочь в борьбе с советской властью.

В 1925 году по указанию Мухтар-бея я написал программу-черновик борьбы под заголовком «Об основах экономического, политического и культурного развития тюркских народов», в которой выдвинул идею создания колони-ального интернационала. Программа сводилась в конечном итоге к отделению национальных тюркских республик и областей от Советского Союза.

В обвинительном заключении по этому поводу записано совершенно верно.

Когда я показал эту программу-черновик Мухтар-Бею, он мне сказал, что он уже такую программу видел и что остановка только за тем, чтобы кто-нибудь начал осуществлять в жизнь эту программу.

Я понял, что имеется уже план расчленения СССР и что этот план расчи-тан не на будущее время, а что он есть план сегодняшнего дня.

Это послужило тому, что своего плана, т.е. своей программы, я туркам не передал.

В том же 1925 году (в обвинительном заключении ошибочно указано на 1926 год) я имел встречи с турецким эмиссаром Кемаль-паши, которого ин-формировал о состоянии и перспективах работы националистов в СССР.

В 20 часов председательствующий объявил перерыв.

В 20 часов 25 минут судебное следствие продолжается.

Председательствующий: В 1927 г. вы передавали через машинистку ту-рецкого посольства в Москве Амину Акчурину в турецкое посольство стеногра-фический отчет так называемого рыскуловского национального совещания?

Подсудимый: Да, передавал.

Председательствующий: Для какой цели?

Подсудимый: Для опубликования в иностранной печати.

Председательствующий: Расскажите, как вы пытались перебросить за границу участника националистической организации Хафизова и для ка-кой цели?

Подсудимый: В 1928 году татарский националист Хафизов захотел по-ехать за границу для проведения антисоветской деятельности. Я вначале не соглашался, а потом решил помочь ему, и для этой цели я обратился к поверенному в делах Турции, фамилию его не помню, чтобы он помог в пере-броске Хафизова за границу. Турецкий поверенный отказался от этого и сказал: «Бросьте вы заниматься этим грязным делом».

Таким образом, никакой помощи от турецкого поверенного я не получил. Хафизов уехал от меня ни с чем. Как я позже узнал, Хафизов пытался перейти границу без моей помощи, но был задержан и арестован.

В обвинительном заключении по этому поводу записано ошибочно, что я якобы пытался перебросить за границу Хафизова при содействии работницы турецкого посольства Акчуриной.

Председательствующий: Были ли вы связаны по антисоветской деятельности с Зиновьевым и Каменевым?

Подсудимый: Лично с Зиновьевым и Каменевым я связан не был, но с их единомышленниками я имел связи. В частности, в 1923 году на II партконференции я связался с троцкистами Буду-Мдивани, Смирновым и другими и пытался совместно с ними выработать свою программу в противовес программе ЦК ВКП(б).

В 1928 году было созвано в Москве, на квартире у Внбаева, объединенное нелегальное совещание членов московского центра татарских «правых» с крымскими «правыми», где я поставил вопрос о сговоре с Троцким по национальному вопросу. Меня не поддержали.

После же открытого выступления «правых» в 1928 году я решил прекратить борьбу с коммунистической партией по национальному вопросу. Татарские националисты меня не поддержали и приняли на нелегальном совещании резолюцию пока ЦК ВКП(б) не поддерживать и находиться в нейтралитете.

Председательствующий: Находясь в Соловках, вы поддерживали связь с такими троцкистами, как Марченко, Эльценом и Залкиндом?

Подсудимый: Да, поддерживал. В обвинительном заключении (стр.7) указано, что я сговорился с башкирскими националистами Заки Валеевым и Тагировым о создании туранской народной партии. По этому поводу я хочу сказать, Заки Валеев являлся татарским националистом, но не башкирским. В остальном же в обвинительном заключении написано правильно.

Председательствующий: Знаете ли вы [...]?

Подсудимый: [...] я знаю, как знаю и его ложные показания, данные на предварительном следствии, которые совершенно не отвечают действительности, т.к. после 1933 г. я антисоветской деятельностью не занимался.

Председательствующий оглашает показания [...] (л.д.36 — 46 т.1) и спрашивает подсудимого: «что вы скажете относительно этих показаний [...]?».

Подсудимый: Показания [...] я категорически отрицаю. Им показано абсолютно неверно. В частности, [...] на предварительном следствии показал, что якобы я ему говорил о том, что башкирская контрреволюционная националистическая организация проводит среди башкир свою антисоветскую деятельность, направленную на отделение Башкирской республики от СССР.

Вот это доказывает нелепость его показаний, т.к. башкирские националисты никогда не ставили вопрос об отделении Башкирской республики от СССР, они ставили вопрос об автономии Башкирии, но не об отделении.

Если бы я захотел проводить и в дальнейшем свою антисоветскую деятельность, я с [...] никогда бы не связывался. Для этой цели я связался бы с татарскими работниками, бывшими националистами и с бывшими башкирскими националистами, но не с ним.

Надо же быть глупым, чтобы в Перелюбском районе Саратовской области проводить работу по созданию антисоветской повстанческой организации сре-

ди башкирского населения, где преобладающее население — русские. Всего башкир в этом районе было не более 1000 человек. Это же нелепые показания, неужели я, опытный контрреволюционер, мог бы пойти на такое дело, имея в своем распоряжении около 200 мужчин башкир, годных к ношению оружия.

На такого «националиста», как [...], я никогда бы не опирался в своей деятельности. Ведь он же русский человек, о чем он во всех анкетах пишет.

На предварительном следствии по этому поводу у меня с Явкаевым была очная ставка, на которой он отрицал показания [...], следователь же, проводивший эту очную ставку, несмотря на мои протесты, это не записал.

В Перелобский район я выезжал один раз пить кумыс, пробыл там около 10 дней. Когда я прибыл в деревню, Явкаев без моего ведома организовал вечер, на котором присутствовало несколько человек башкир. Причем на этой вечеринке присутствовал председатель колхоза — русский человек, жена [...], также русская женщина. И неужели бы я в их присутствии мог допускать а/с разговоры? Это же нелепость. Ведь председатель колхоза мог бы спросить, что я говорю о Сталине и тем более о Троцком. Ложные показания.

Правда, когда я уезжал из этого района, мне Явкаев сказал, что его сильно ругали на собрании за то, что я якобы приезжал к нему для проведения контрреволюционной работы.

Председательствующий: Чем желаете дополнить судебное следствие?

Подсудимый: Отбывая наказание в Соловецких лагерях, я по антисоветской деятельности с троцкистами связан не был.

В своей работе я соприкасался с ними, в частности с Марченко. Он работал старшим конюхом, а я конюхом. Мы часто говорили о своей прошлой антисоветской деятельности, и Марченко однажды сказал мне: «Нам надо разоружаться, ибо мы, троцкисты, и вы, националисты, войдем в историю с черным именем». После таких разговоров с ним я написал заявление в ЦК с признанием и осуждением своих ошибок по национальному вопросу.

Троцкист же Эльцен неоднократно пытался вовлечь меня снова на путь антисоветской деятельности. Он часто высказывался в антисоветском духе, о чем я донес начальнику 3 отдела НКВД.

Когда я выезжал из лагерей, я дал в НКВД неодобрительную характеристику о поведении каждого отбывающего наказание троцкиста и других антисоветских элементов.

Председательствующий: Какими языками вы владеете?

Подсудимый: Хорошо знаю татарский, башкирский, русский. Могу переводить узбекский, турецкий, немецкий и др.

Председательствующий: Где вы содержались под стражей?

Подсудимый: Вначале я содержался под стражей в тюрьме гор. Саратова, затем же был переведен в тюрьму гор. Казани, где и велось следствие по моему делу. Потом же я был переведен в Бутырскую тюрьму.

Судебное следствие объявлено законченным и предоставлено последнее слово подсудимому, который сказал:

— Я полностью признаю свою вину перед партией и правительством. Я себя шпионом не признавал, фактически же получается, что я был не бордом за национальности, а шпионом.

Я отрицаю только лишь ту часть обвинения, где говорится о том, что и после 1933 г. я занимался антисоветской деятельностью.

На предварительном следствии я полностью разоружился и этим самым

помог органам НКВД ликвидировать различные тюрко-татарские антисоветские националистические группы.

Я признаю вредность проводимой мною политики по национальному вопросу.

Я разоружился полностью и принял твердое решение держаться за советскую власть и помогать ей.

Если же военная коллегия применит ко мне расстрел за мои совершенные до 1933 года преступления против советской власти, я приму эту меру наказания очень спокойно. За это я ни на кого обижаться не буду.

В 21 час. 15 минут суд удаляется на совещание.

В 23 час. 15 мин. председательствующий огласил приговор, разъяснил осужденному сущность такового и о том, что он имеет право ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о помиловании.

В 23 часа 20 мин. председательствующий объявил судебное заседание закрытым.

Председательствующий Алексеев
Секретарь Мазур

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.130—148.

110. Приговор закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу М.Х.Султан-Галиева

8 декабря 1939 г.

Именем Союза Советских Социалистических Республик военная коллегия Верховного Суда СССР

в составе:

председательствующего — бригадвоенюриста т.Алексеева,

Членов: Бригвоенюриста Суслина и тов. Буканова,

При секретаре — мл. военном юристе т.Мазур,

в закрытом судебном заседании, гор. Москве, 8 декабря 1939 года, рассмотрела дело по обвинению гр-на Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, 1892 г. рождения, урож. Башкирской АССР, по национальности татарина, служащего, беспартийного, органами НКВД в 1928 г. высланного на 10 лет за к/р деятельность — ныне в преступ., предусмотрен. статьями 58-1а, 58-2 и 58-11 УК.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Султан-Галиев с 1919 г. являлся организатором и фактическим руководителем антисоветской националистической группировки, на протяжении ряда лет ведущей активную борьбу против советской власти и ВКП(б). На протяжении 1919—1920 гг. Султан-Галиев находился в организационной связи с известными националистами, находящимися в эмиграции: Ибрагимовым, Баракатулиной¹, Абдурраном² и др., совместно с которыми договаривался об организации борьбы с советской властью на базе пантюркизма и панисламизма, с

¹ Так в документе, следует: Баракатуллой.

² Так в документе, следует: Абдур Раббом.

целью отторжения от Советской России тюрко-татарских районов и установления в них буржуазно-демократического Туранского государства.

В 1923 г. Султан-Галиевым совместно с неким Кара-Сакалом были выработаны основы политической программы, общей для всех тюркских национальностей СССР и колониальных народов зарубежного Востока, выработан шифр, установлены пароль и клички.

В период 1925 г. Султан-Галиев написал программу борьбы под заголовком «Об основах экономического, политического и культурного развития тюркских народов», в которой выдвинул идею создания колониального интернационала, с организацией в нем особого комитета для руководства пантюркистскими и пантуранистскими движениями тюркских народов в СССР, с филиалами на местах, задачей которых являлась организация подготовки отделения национальных тюркских республик и областей от Советского Союза.

Начиная с 1923 года и на протяжении ряда лет Султан-Галиев имел организационную связь с троцкистско-зиновьевским подпольем, тактируя с ними подрывную работу против ВКП(б) и советской власти.

В период 1931—33 гг. Султан-Галиев, даже находясь в Соловецких лагерях, не оставлял своей преступной деятельности в составе¹, с единомышленниками — Енбаевым, Бакиевым и др. договаривался о создании Туранской рабоче-крестьянской социалистической партии.

В том же 1933 г. Султан-Галиев дал задание националисту Исхакову установить связь с лидером татарской белоэмиграции Гаяз Исхаковым.

Наряду с указанным и преступными действиями на протяжении с 1919 по 1928 г. и с 1934 по день ареста Султан-Галиев вел большую вербовочную деятельность по созданию антисоветских буржуазно-националистических организаций и групп.

Кроме того, установлено, что начиная с 1922 г. Султан-Галиев связан с дипломатическими представителями некоего иностранного государства, которых в шпионских целях информировал о секретных решениях ЦК ВКП(б) по восточным вопросам, о секретных решениях по национальному вопросу, а также дал свое согласие на передачу сведений о вооруженных силах СССР. Он же представителю иностранной разведки в 1927 г. передал стенографический отчет т.н. «рыскуловского национального совещания».

Признавая Султан-Галиева виновным в преступлениях, предусмотренных ст.58-1а, 58-2 и 58-11 УК РСФСР, военная коллегия Верховного Суда СССР, руководствуясь ст.319 и 320 УПК РСФСР —

Приговорила:

Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: суд. секретарь военной коллегии

Мл. военный юрист /Мазур/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.149, 150.

¹ Слово вписано от руки.

**111. Постановление Президиума Верховного Совета СССР
по ходатайству М.Х.Султан-Галиева о помиловании (Из протокола
заседания Президиума Верховного Совета СССР № 6/49/сс)**

г.Москва

20 января 1940 г.

СЛУШАЛИ: Ходатайство о помиловании Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича, осужденного 8 декабря 1939 года приговором Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР к высшей мере наказания по ст.58-1а, 58-2, 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайство о помиловании Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича отклонить.

Верно: Секретарь военной коллегии Верховного Суда Союза ССР

Мл. военный юрист /Мазуров/¹

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.152.

**112. Справка 12-го отделения спецотдела НКВД СССР о расстреле
М.Х.Султан-Галиева**

позднее 28 января 1940 г.

Приговор о расстреле Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича приведен в исполнение в гор. Москве 28 января 1940. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том № 19, лист № 118.

Нач. 12 отд-ния спецотдела НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности /Кривицкий/

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.151.

**113. Заявление зам. председателя Военной коллегии Верховного
Суда СССР В.Борисоглебского начальнику Управления милиции
УМВД по Саратовской области, начальнику 1-го спецотдела МВД
СССР, Главному военному прокурору о выдаче свидетельства
о смерти М.Х.Султан-Галиева**

15 ноября 1956 г.

Секретно

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке Лупшиковой Расиде Мирсаидовне свидетельства смерти ее отца Султан-Галиева М.Х.

Сообщаю, что Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич, 1892 года рождения, был осужден военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 8 декабря 1939 года и, отбывая наказание, умер 14 сентября 1943 г.

¹ Так в документе.

Гр. Лупникова Р.М. проживает по адресу село: Нижняя Ванновка Золотовского района Саратовской области.

Зам. председателя военной
коллегии Верховного суда
Союза ССР полковник юстиции В. Борисоглебский

ЦА ФСБ РФ. Особый фонд. Дело Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича. — Т.1. — Л.153.

114. Из запроса Партийного архива Татарского обкома КПСС в КГБ ТАССР о М.Х.Султан-Галиеве [...].

3 мая 1988 г.

В связи с подготовкой к изданию книги «Очерки истории партийной организации Татарии» партийный архив Татарского обкома КПСС просит, по возможности, выслать копию автобиографии председателя Центральной мусульманской военной коллегии М.Султан-Галиева и сведения о работе Центрального мусульманского комиссариата [...].

ЦГА ИПД РТ. — Ф.30. — Оп.13. — Д.24. — Л.55.

115. Запрос Партийного архива Татарского обкома КПСС в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС о работниках Центральной мусульманской военной коллегии

27 июля 1988 г.

Партийный архив Татарского обкома КПСС просит подтвердить факт выезда из Москвы в Казань группы работников Центрального бюро мусульманских Коммунистических организаций РКП(б) и председателя Центральной мусульманской военной коллегии М.Султан-Галиева 14 апреля 1919 года.

Зав. партархивом
Татарского обкома КПСС Д.Шарафутдинов

ЦГА ИПД РТ. — Ф.30. — Оп.13. — Д.25. — Л.18.

116. Письмо Партийного архива Татарского обкома КПСС в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС о допуске к документам Центральной мусульманской военной коллегии

6 октября 1988 г.

Партийный архив Татарского обкома КПСС просит разрешить ознакомить нашему сотруднику Шарафутдинову Д.Р. с материалами о деятельности Центрального Мусульманского комиссариата, Центральной мусульманской воен-

ной коллегии за 1919 год. Это необходимо для уточнения отдельных фактов при работе над «Очерками истории Татарской областной парторганизации».

И.о.зав.партархивом
Татарского обкома КПСС Ф.Хабибуллина

ЦГА ИПД РТ.— Ф.30.— Оп.13.— Д.25.— Л.24.

117. Ходатайство Ученого совета ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, о восстановлении в партии группы партийных и государственных деятелей ТАССР, репрессированных по обвинению в султангалиевщине

15 декабря 1988 г.

Ученый совет Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР возбуждает ходатайство о восстановлении в партии исключенных из ее рядов в 1929 году и репрессированных как ярых султангалиевцев:

Мухтарова К.Г. (член партии с 1918 г.)
Мансурова Г.Г. (член партии с 1917 г.)
Фирдевс И. (член партии с 1917 г.)
Енбаева А.М. (член партии с 1919 г.)
Сабилова Р.А. (член партии с 1919 г.)
Брундукова М.Ю. (член партии с 1918 г.)
Будайли М.К. (член партии с 1918 г.)
Баимбетова Г. (член партии с 1919 г.)
Исхакова В.И. (член партии с 1919 г.)

Мы считаем, что эти люди исключены из партии за инакомыслие ошибочно.

Все они без исключения крупные партийные и государственные деятели, активные участники гражданской войны и социалистического строительства.

Как показывает анализ имеющихся материалов, они пострадали из-за того, что в процессе осуществления политики партии в национальном вопросе в условиях Татарии расходились с мнением и установками И.В.Сталина, а руководствовались программными установками, указаниями В.И.Ленина.

По существу, борьба против султангалиевщины оказалась началом жестоких репрессий против кадров национальной интеллигенции, партийно-советского аппарата республики.

Учитывая вышесказанное, Ученый совет Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР просит Вас применить меры к полной реабилитации как по гражданской, так и по партийной линии Мансурова Г.Г., Мухтарова К.Г., Фирдевс И., Енбаева А.М., Сабилова Р.А., Брундукова М.Ю., Будайли М.К., Вайметова Г., Исхакова В.И. Это необходимо для объективного исследования общественно-политической жизни республики 20—30-х годов и изучения действительного хода борьбы за разрешение национального вопроса в крае, для восстановления исторической справедливости.

Директор Института,
профессор М.З.Закиев

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.12.— Л.5—6.

**118. Ходатайство Ученого совета ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова
в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению
материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в
период 30—40-х и начале 50-х годов, о реабилитации
М.Х.Султан-Галиева**

15 декабря 1988 г.

Ученый совет Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР возбуждает ходатайство о реабилитации в гражданском и партийном порядке репрессированного в 1938 году Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича.

Султан-Галиев М.Х. (1892—1938) — активный участник революционно-го движения среди татар; член Коммунистической партии с 1917 года. Его статьи и рассказы о путях просвещения татарского народа начали появляться с 1911 года в «Уфимском вестнике», в газетах «Тормыш», «Кавказское слово», «Баку», «Кавказская копейка», в журнале «Русский учитель», в «Известиях бакинских мусульманских общественных организаций»; в 1913—1914 гг. он — участник подпольных кружков мусульманской молодежи; после февральской революции участник I-го Всероссийского мусульманского съезда в Москве (май 1917); работает во Всероссийском мусульманском национальном комитете, в июле 1917 г. примкнул к Мусульманскому социалистическому комитету; после Октябрьской революции работает в мусульманском комиссариате Казанского губисполкома, а с 1918 года возглавил Центральный татаро-башкирский комиссариат при Наркомнаде и стал членом коллегии Наркомнада: он инициатор созыва Всероссийского съезда коммунистов-мусульман (ноябрь 1918), председатель мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе, активный участник гражданской войны, член реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта, председатель фронта, председатель президиума федерального комитета по земельным делам; член редколлегии журнала «Жизнь национальностей»; после образования Татарской республики возглавил Татпредставительство; профессор Коммунистического университета народов Востока, на страницах периодической печати часто выступал со статьями по национальному вопросу и об участии татар в Октябрьской революции, гражданской войне; в 1922 году выпустил брошюру «О методах антирелигиозной пропаганды».

Решением ЦКК 4 мая 1923 г. Султан-Галиев М.Х. исключен из партии как антипартийный и антисоветский элемент и снят со всех партийных и советских постов; тогда же он был арестован, но вскоре освобожден из заключения; последующие годы занимается журналистикой, преподавательской деятельностью, работает в различных организациях, занимая незначительные должности. Начиная с 1923 года подвергается преследованиям: в ноябре 1928 г. арестован, осужден, а после непродолжительного нахождения на свободе в 1938 году снова арестован и расстрелян.

Почему же Султан-Галиев М.Х. попал в опалу? Попытаемся вкратце объяснить. В 20—30-е годы в обществе шла борьба мнений о путях развития нашей страны, были различные предложения, варианты и по решению национального вопроса.

По этому вопросу предлагали свои варианты репрессированные в разное

время Рыскулов Т.Р., Ходжаев Ф. (Туркестан), Раковский Х.Г. (Украина), Мдивани П.Г., Махарадзе Ф.И. (Грузия) и многие другие.

По вопросу о формах и методах проведения национальной политики среди народов Востока имел свое мнение, отличное от мнения И.В.Сталина, и Султан-Галиев М.Х. Более того, он пытался их реализовать. После принятия на X съезде партии резолюции «О единстве партии», эта резолюция, к сожалению, использовалась И.В.Сталиным и его окружением в корыстных целях. Вместо идейной и организационной борьбы за кадры были пущены в ход репрессивные меры против инициативных, мыслящих и принципиальных людей; выискивались «уклонисты» и среди национальных работников, сфабриковывались против них компрометирующие факты, различными методами добывались признания в якобы совершенных ими преступлениях. Одним словом, преследовалось инакомыслие. Ярким примером в этом отношении может служить разбирательство дела Султан-Галиева М.Х., как за 1923 г., так и за 1929 и 1938 годы.

Анализ имеющихся материалов заставляет усомниться в правильности инкриминированных Султан-Галиеву М.Х. преступлений.

Султан-Галиев М.Х.— сложная, противоречивая, но, несомненно, незаурядная личность. После Октябрьской революции в ответ на травлю татарской буржуазии в газете «Кояш» (21 декабря 1917 г.) он опубликовал статью, в которой заявил: «...Я верю в то, что дело большевиков — дело народное. Никто и ничто не может это выкинуть из моего сердца. Я знаю, что одни лишь большевики смогут осуществить все то, что было обещано ими в начале революции. Лишь они прекратили войну. Лишь они являлись добивающимися того, что [бы] национальностям передать их судьбы в свои руки.

Репрессированные по таким же мотивам Рыскулов Т.Р., Ф.Ходжаев, Раковский Х.Г., Мдивани П.Г., Махарадзе Ф.И. и многие другие давно уже реабилитированы и восстановлены в партии.

Исходя из вышеизложенного и учитывая, что правильность многих выдвинутых в то время Султан-Галиевым М.Х. положений подтвердила сама жизнь, Ученый совет ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова просит Вас принять меры к его полной реабилитации как в судебном, так и в партийном порядке. Это необходимо для объективного исследования общественно-политической жизни республики 20—30-х годов, изучения действительного хода борьбы за разрешение национально-го вопроса в крае, для восстановления исторической справедливости.

Директор Института,
профессор М.З.Закиев

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.12.— Л.2—4.

119. Ответ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС на запрос Партийного архива Татарского обкома КПСС о деле М.Х.Султан-Галиева и султангалиевцев

17 февраля 1989 г.

По данным учетно-партийных документов партбилет № 120822 образца 1922 г. принадлежал Султан-Галиеву Мирсаид Хайдаргалиевичу.

Партбилет № 120822 поступил погашенным от ГУГБ НКВД 1 ноября

1935 г., как изъятый у участника ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации и как на исключенного из членов партии в 1923 г. 4 мая 1923 г. Султан-Галиев М.Х. исключен из партии, как антипартийный и антисоветский элемент. (Выписка из протокола № 6 заседания ЦКК от 4 мая 1923 г. прилагается) Султан-Галиев М.Х. обращался с просьбой о восстановлении его членом РКП(б), но заседание Президиума ЦКК от 15 декабря 1924 г. отклонило его просьбу.

Направляем копию личного листка по учету кадров Султан-Галиева М.Х. Сведений о партийной реабилитации Султан-Галиева М.Х. в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС нет.

Партбилет № 0033613 образца 1926 г. был выдан Фирдевсу Измаилу Керимовичу, 1888 г.р., Краснопресненским РК ВКП(б) г. Москвы 9 марта 1927 г., с партстажем — май 1917 г.

Партбилет № 0033613 поступил погашенным от ГУГБ НКВД 1 ноября 1935 г. как изъятый у участника ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации и как на исключенного из партии.

Направляем копии личного листка по учету кадров Фирдева И.К. и выписки из протокола № 95 партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23/VIII-1929 г. об его исключении из рядов ВКП(б).

Сведениями о партийной реабилитации Фирдева И.К. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС не располагает.

Партбилет № 00325 19 образца 1926 г. был выдан Ембаеву¹ Арифу Мухаметжановичу, 1892 г.р., Краснопресненским РК ВКП (б) г.Москвы 9 марта 1927 г., с партстажем — ноябрь 1919 г. взамен партбилета № 349223 образца 1922 г.

Партбилет № 0032519 Ембаева А.М. поступил погашенным от ГУГБ НКВД 1 ноября 1935 г. как изъятый у участника ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации и как на исключенного из партии.

Направляем копии личного листка по учету кадров Ембаева А.М. и выписки из протокола №95 заседания партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23/VIII-1929 г. об исключении его из партии.

Сведениями о партийной реабилитации Ембаева ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС не располагает.

Партбилет № 0079697 образца 1926 г. был выдан Мансурову Гасыму Гатичу, 1894 г.р., с партстажем — 10 июля 1917 г., Сокольническим РК ВКП(б) Московской организации 14 марта 1927 г. взамен партбилета № 348212 образца 1922 г.

Партбилет № 0079697 Мансурова Г.Г. поступил погашенным от особого отдела ГУГБ НКВД СССР 1 ноября 1935 г. как обнаруженный в архиве и «изъятый у участников ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации, осужденных бывшей Коллегией ОГПУ к заключению в лагеря на разные сроки».

Направляем копии документов Мансурова Г.Г.: личного листка по учету кадров и дополнения к нему, автобиографии, выписки из протокола №95 заседания партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23 августа 1929 г.

Сведениями о партийной реабилитации Мансурова Г.Г. не располагаем.

¹ Так в документе, здесь и далее следует: Ембаев.

Партбилет № 0008496 образца 1926 г. был выдан Сабирову Рауфу Ахметовичу, 1894 г.р., с партстажем — 1918 г., Замоскворецким РК ВКП(б) г. Москвы 23 марта 1927 г. взамен партбилета № 348220 образца 1922 г.

Партбилет № 0008496 Сабирова Р.А. поступил погашенным от ЦКК при ЦК ВКП(б) 27 апреля 1940 г. без номера отношения как аннулированный.

Направляем копии документов Сабирова Р.А.: личного листка по учету кадров и дополнения к нему, автобиографии и выписки из протокола № 95 заседания партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23 августа 1929 г.

Сведениями о партийной реабилитации Сабирова Р.А. не располагаем.

Партбилет № 0010921 образца 1926 г. был выдан Мухтарову Кашафу Гальфановичу, 1896 г.р., с партстажем — декабрь 1918 г., Замоскворецким РК ВКП(б) г.Москвы 29 марта 1927 г.

Партбилет № 0010921 Мухтарова К.Г. поступил погашенным от особого отдела ГУТБ НКВД СССР 1 ноября 1935 г. как обнаруженный в архиве и «изъятый у участников ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации, осужденных бывшей Коллегией ОГПУ к заключению в лагеря на разные сроки».

Направляем копии личного листка по учету кадров Мухтарова К.Г. и дополнения к нему, автобиографии и выписки из протокола № 95 заседания партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23 августа 1929 г.

Сведениями о партийной реабилитации Мухтарова К.Г. не располагаем.

Приложение: на 49 л.

Зам. зав. Центральным партархивом Ю.Амиантов

Института марксизма-ленинизма

при ЦК КПСС

Научный сотрудник Подпись Н.Матвеева

120. Заявление Л.Х.Давыдовой (Шамсировой) в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, о реабилитации М.Х.Султан-Галиева

14 марта 1989 г.

Дорогие товарищи!

Вы проводите очень важную работу по восстановлению исторической правды и справедливости, ясности и четкости в политических оценках событий прошлого. Спасибо вам за это огромное!

Репрессии коснулись и нашей семьи. В частности, был репрессирован мой дядя — Султангалиев Мирсаид Хайдарович¹, о котором в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) говорится как о татарском буржуазном националисте Султан-Галиеве (стр.252).

О судьбе Султангалиева М.Х. ни моей матери (его родной сестре), ни другим близким родственникам начиная с 1937 года ничего не известно. Более того, никто из родных не решился выяснить ее даже после XXII съезда КПСС.

¹ Здесь и далее: так в документе.

Прошу вас помочь мне (а в моем лице и всем оставшимся в живых родственникам Султангалиева М.Х.) найти ответ на ряд волнующих нас вопросов. Я в свою очередь могу сообщить о дяде следующее:

Мирсаид Хайдарович Султангалиев (год рождения ориентировочно 1890—1895), выходец из с. Кармаскалы (это в 60 км от Уфы, сейчас Башкирская АССР), участвовал в революции, в строительстве советской власти, видимо, был членом ВКП(б). В 1921 году работал в Кремле: то ли в Наркомате по делам национальностей, то ли во ВЦИКе, по-видимому, как представитель татарской национальности (Татарии и Башкирии).

В 1921—1925 годах мама жила у него в Москве. Репрессировали его где-то в 1936—1937 годах, обвинив (как и многих других татар) в национализме. Был даже ярлык — султангалиевщина. Из тюрьмы написал Сталину письмо, после чего был выпущен и выслан в Саратовскую (?) область (Сарадуль?), некоторое время работал в редакции местной газеты и в потребсоюзе. В 1937 году исчез бесследно. С тех пор о нем ничего не известно.

Помогите, пожалуйста, разобраться в судьбе и политической деятельности Султангалиева М.Х. в период до и после 1937 года. Кем работал, какие посты занимал? В чем конкретно обвинялся в 1928 году (была ли вина) и в 1936—37 годах? Его судьба после высылки в Саратовскую область?

Был ли он реабилитирован, если нет, то возможно ли это в ближайшее время.

С уважением Давыдова (Шамсирова) Ляля Хазинуровна

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.3.

121. Справка Партийного архива Татарского ОК КПСС о деле Султан-Галиева

18 мая 1989 г.

Анализ документов и материалов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС и партархива Татарского обкома КПСС показал:

Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич (13.07.1892, дер. Кырмыскалы Уфимской губернии — 28.01.1940, г. Москва) родился в семье народного учителя. Окончил Казанскую учительскую семинарию в 1911 г. После этого работал учителем сельской школы в Уфимской губернии, журналистом в прогрессивной прессе г. Баку. В 1913—1914 гг. участвует как организатор и активный член в нелегальных кружках демократического направления в г. Уфе. Одновременно с этим начинает заниматься литературной деятельностью, переводит классиков русской литературы на татарский язык.

После Февральской революции принимает самое активное участие в революционном движении, консолидируя под лозунгами большевиков по вопросам войны и передачи в руки народа фабрик и заводов широкие слои трудящихся и интеллигенции. Являясь ближайшим соратником М.М. Вахитова, становится одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета. И в его рядах борется против буржуазно-националистических тенденций.

В июле 1917 г. вступает в ряды большевистской партии. М.Х. Султан-Галиев — активный участник Октябрьской революции в Казани, член Рево-

люционного штаба. Ему принадлежит большая заслуга в подавлении т.н. «Забулачной республики», которая могла превратить Казань в один из центров контрреволюционного мятежа.

В годы Гражданской войны, после гибели М.М.Вахитова, Султан-Галиев становится самой крупной политической фигурой из татарских большевиков и успешно выполняет ряд ответственных поручений ЦК РКП(б) и Совнаркома, является членом Реввоенсовета 2-й Армии, губпродкомиссаром Казанской губернии, председателем Центрального мусульманского комиссариата и Центральной мусульманской коллегии. М.Х.Султан-Галиев принимает активное участие в боевых действиях при обороне и освобождении Казани (август-сентябрь 1918 г.) и организации отпора наступлению Колчака (апрель-июль 1919 г.). В 1919 г. по поручению ЦК РКП(б) и СНК участвует в переговорах с З.Валидовым, возглавлявшим в то время башкирское националистическое правительство, закончившееся переходом башкирского корпуса на сторону советской власти. Деятельность Султан-Галиева в годы гражданской войны неоднократно получает положительную оценку центральных партийных и государственных органов.

Осенью 1919 г. по решению Оргбюро ЦК РКП(б) М.Х.Султан-Галиев отзывается в г Москву, где ему доверяется ряд важнейших постов: члена коллегии Наркомнаца, председателя Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), начальника Восточного отдела ПУРа Красной Армии, председателя Федземкома и ряд других.

М.Х.Султан-Галиев пользуется в то время большим авторитетом. Ему поручается выполнение многих заданий И.В.Сталина. Ряд вопросов, поднимаемых Султан-Галиевым, так же, как и его предложения, рассматриваются при участии В.И.Ленина (см.: Бюхроника В.И.Ленина, т.7—9). Он избирается делегатом XII съезда РКП(б) от ЦК.

В этот период в области национального строительства шли дискуссии и поиски наиболее оптимальных форм национально-государственного строительства, нередко возникали острые конфликтные ситуации. М.Х.Султан-Галиев в своих выступлениях на фракции X съезда Советов РСФСР в декабре 1922 г., а также на расширенных заседаниях коллегии Наркомнаца выдвигал ряд предложений по расширению прав автономных республик и более полного учета национальных особенностей. Некоторые из них встречали активное сопротивление со стороны И.В.Сталина и квалифицировались им как националистические. Здесь, очевидно, сыграли свою роль взгляды и конкретные действия И.В.Сталина в области национального строительства, которые имели тенденцию к жестким формам централизации и неоднократно осуждались В.И.Лениным. По отношению к М.Х.Султан-Галиеву со стороны И.В.Сталина были предприняты организационные меры, направленные на дискредитацию его как партийного и государственного деятеля (использовалась личная неприязнь некоторых деятелей к Султан-Галиеву, были попытки вывода его из коллегии Наркомнаца, установлена негласная слежка за всеми его действиями, включая личную жизнь).

4 мая 1923 года М.Х.Султан-Галиев был вызван в здание ЦКК, где ему объявили об исключении из партии и под конвоем отправили в ОГПУ. На 4-м национальном совещании делу Султан-Галиева было уделено значительное внимание, и он обвинялся в попытках установления нелегальной связи с

контрреволюционными силами, направленными на свержение советского строя, нарушения правил партийной конспирации, выразившихся в разглашении секретных сведений по национальному вопросу.

Обвинение базировалось на нескольких личных записках М.Х.Султан-Галиева, направленных ряду крупных деятелей национальных республик. О сути этих записок и о причинах, побудивших их написать, Султан-Галиев дал развернутое объяснение на имя членов Политбюро, И.В.Сталина, Л.Д.Троцкого и Президиума ЦКК, в котором, признавая опрометчивость и невыдержанность ряда формулировок и личных характеристик, он категорически отрицал их антипартийную и антигосударственную направленность.

Следует отметить, что различные стороны дела Султан-Галиева рассматривались на заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б), а также Президиума ЦКК в течение мая—июня 1923 г. 7 раз. Было признано нецелесообразным нахождение его под арестом, и он был вскоре освобожден.

Как видно из письма М.Х.Султан-Галиева в Центральную Контрольную Комиссию РКП(б) от 8.10.24 (прилагается), ему И.В.Сталиным было обещано восстановление в партии по истечении года с учетом искреннего признания своих ошибок. Однако политическая ситуация в стране после смерти В.И.Ленина существенно изменилась. В это время уже закладывались основы репрессированного мышления, на практике выразившегося в подавлении всякого инакомыслия. Стала проявляться необоснованная жесткость и при рассмотрении персональных дел. В декабре 1924 г. Президиум ЦКК отказал Султан-Галиеву в восстановлении в рядах партии.

В последующие 16 лет жизни М.Х.Султан-Галиев стал политическим изгоем и удобной фигурой для организации политических репрессий против инакомыслящих и кадров национальных республик и областей. В 1929 г., в период начала крупных политических процессов, ему и его соратникам по гражданской войне, бывшим руководителям Татарской АССР и Крымской АССР К.Г.Мухтарову, А.М.Енбаеву, Г.Г.Мансурову, Р.А.Сабирову, И.К.Фирдевсу, О.Г.Дерен-Айерлы приписывается попытка организации антисоветских заговоров, связи с иностранными разведками и зарубежными белоэмигрантскими центрами. Коллегией ОГПУ все они во внесудебном порядке приговариваются к расстрелу, который затем заменяется 10-летним сроком заключения. Некоторые из них, в т.ч. М.Х.Султан-Галиев, были освобождены в 1934—1935 гг. В 1937 г. Султан-Галиев был снова арестован, привезен в Казань из Саратова, где он жил после освобождения в 1934 г. В декабре 1939 г. его приговаривают к расстрелу. Приговор приводится в исполнение 28 января 1940 г. В период культа личности под флагом борьбы с «султангалиевщиной» были незаконно репрессированы многие честные коммунисты.

После XX съезда КПСС оставшиеся в живых коммунисты, обвиненные в султангалиевщине, и семьи расстрелянных и погибших в лагерях по этому делу начали ставить вопрос о реабилитации. Ряд пострадавших был реабилитирован.

Однако, учитывая, что в 1929 г. М.Х.Султан-Галиева и его соратников обвиняли в связи с Г.Е.Зиновьевым, Л.В.Каменевым, А.И.Рыковым и Н.И.Бухариным, им в реабилитации было отказано. Вместе с тем были и исклю-

чения. Так, например, обвиняемые как ближайшие сотрудники Султан-Галиева бывший председатель ТатЦИКа Р.А.Сабиров, бывший председатель Совнаркома Крымской АССР О.Г.Дерен-Айерлы, бывший управляющий резинтрестом г.Казани М.Г.Будайли были реабилитированы за отсутствием состава преступления органами прокуратуры и суда в конце 50-х годов, а бывший зам. председателя Госплана ТАССР В.И.Исхаков, бывший председатель Академического центра Наркомпроса ТАССР Г.Г.Максудов, бывший заведующий агентством Азиатской конторы Госбанка З.Х.Булушев и др. были реабилитированы и в партийном отношении.

Полагаем, что проводимая сейчас дополнительная проверка дела М.Х.Султан-Галиева и его соратников по обвинениям, выдвинутым против них в 1929 и 1937 гг., приведет к их юридической реабилитации, что повлечет за собой возвращение к вопросу о восстановлении их в рядах партии.

Изучение дел М.Х.Султан-Галиева и многих других лиц, репрессированных по делу т.н. «султангалиевцев», или «султанщины», показывает беспочвенность предъявленных обвинений.

Но в теоретических рассуждениях и практических действиях Султан-Галиева далеко не все бесспорно и приемлемо. Жизнь показала, что ряд выдвинутых им положений по сочетанию революционной и национально-освободительной борьбы в международном масштабе сохранили актуальность. Более того, в литературе, издаваемой за рубежом, Султан-Галиев рассматривается как крупный теоретик по проблемам национально-освободительного движения.

Этот вопрос в свете гласности и плюрализма требует специального исследования. В то же время не вызывает никаких сомнений активное участие М.Х.Султан-Галиева в революционном движении и гражданской войне, что, на наш взгляд, должно быть отмечено в публикациях по истории Татарии и ее партийной организации.

Зав. Партархивом Д.Шарафутдинов
Татарского обкома КПСС
Зав. кафедрой
марксизма-ленинизма УМЛ Б.Султанбеков

122. Письмо Главной военной прокуратуры СССР Следственному отделу КГБ СССР о направлении уголовного дела М.Х.Султан-Галиева на дополнительную проверку

9 июля 1989 г.
Секретно

В соответствии с указаниями генерального прокурора СССР и Председателя КГБ СССР № 42с/13/40с от 30 июля 1988г. направляется для проверки уголовное дело по обвинению Султан-Галиева Мирсаида Хайдаровича¹ вместе с ксерокопией поступившего из Комиссии Политбюро ЦК КПСС заявления Давыдовой Л.Х. по вопросу о реабилитации осужденного.

¹ Здесь и далее так в документе.

8 декабря 1989г. военной коллегией Верховного Суда СССР Султан-Галиев М.Х. осужден по ст.58-1а, 58-2, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества. Он признан виновным в том, что с 1919 г. до 1937 г. вел борьбу против советской власти за отторжение от Советской России тюркско-татарских народов и образование самостоятельного буржуазно-демократического Туранского государства. Был одним из основателей и руководителей националистической группировки, разрабатывал теоретическую платформу борьбы за свою идею, установил и поддерживал контакты с антисоветским подпольем. Вошел в контакт с дипломатическими представителями иностранных государств и снабдил их шпионской информацией.

Уголовное дело состоит в основном из показаний Султан-Галиева, который допрашивался следователями УГБ и ГУГБ с 20 марта 1937 г. до 23 августа 1938 г. В судебном заседании также допрашивался только подсудимый. Фактически виновным себя он не признал. Султан-Галиев показал, что до 1933 г. вел политическую борьбу против ВКП(б) по национальному вопросу, не разделяя взгляды Ленина и Сталина на решение отдельных национальных проблем. За это он отбывал наказание по ст.58-2, 58-4, 58-6 и 58-11 УК РСФСР в Соловецких лагерях. Осознав ошибочность своих взглядов, осудил их, написал заявление в ЦК ВКП(б) и прекратил политическую борьбу. Осужденный категорически отрицал обвинение в шпионаже и в подготовке восстания башкир в Перелюбском районе Саратовской области. Эти показания Султан-Галиева судом не опровергнуты. Ни в процессе предварительного следствия, ни в суде не проверялась причастность Султан-Галиева к органам иностранной разведки. Не установлен факт существования националистической организации, в руководстве которой он обвинен.

Без дополнительной проверки указанных обстоятельств нельзя принять окончательного решения по делу.

Прошу поручить провести по делу дополнительную проверку, в процессе которой необходимо выполнить следующее.

Осмотреть уголовное дело или материалы, на основании которых Султан-Галиев в 1928 г. арестован, и проверить обоснованность его привлечения к уголовной ответственности. Через соответствующие архивы проверить существование националистической организации, которой руководил осужденный, составить обзорную справку о целях и задачах этой организации, структуре, руководителях, чем закончилось ее существование. Проверить причастность Султан-Галиева к агентуре разведорганов Турции, его связь с татарской белоэмиграцией. Осмотреть уголовные дела по обвинению Батадова, Явхаева, Сагидуллина, Гаджинского, Енбаева, Урманче, Заки-Валиева, Бакиева, Тляубердина, составить по ним обзорные справки и приобщить к материалам проверки.

Выполнить другие мероприятия, необходимость в которых может возникнуть в ходе работы.

По окончании проверки материалы прошу направить в ГВП с заключением следователя.

Исполнение ожидается до 1 октября 1989г.

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р. — 38555. — Т.5. — Л.1—2.

123. Из запросов Следственного отдела КГБ СССР и справок на них о группе лиц, отбывавших наказание вместе с М.Х.Султан-Галиевым в соловецких лагерях

№ 1

Из запроса Главному информационному центру МВД СССР

9 августа 1989 г.
Секретно

[...] В материалах дела (Султан-Галиева. — *сост.*) указано, что вместе с ним в период 1931—1934 гг. в Соловецких лагерях отбывали наказание Енбаев, Урманче, Бакиев, Тляубердин, Заки-Валиев и Гаджинский. В 1938 году в одной камере с Султангалиевым в Казанской тюрьме содержался Сагидуллин. Других данных на этих лиц не имеется.

Просим дать указание проверить и сообщить полные установочные данные перечисленных лиц, сведения о их судимости, номерах и местах хранения дел, отбытии наказания и дальнейшей судьбе, а также направить в наш адрес возможно имеющиеся на них личные дела осужденных.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции

А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Т.5. — Л.4.

№ 2

Из запросов Следственному отделению КГБ Карельской АССР и следственной группе УКГБ СССР по Архангельской области

15 августа 1989 г.
Секретно

[...] В материалах дела (Султан-Галиева — *сост.*) указано, что вместе с ним в период 1931—1934 гг. в Соловецких лагерях отбывали наказание Енбаев, Урманче, Бакиев, Тляубердин, Заки-Валиев и Гаджинский. Других данных на этих лиц в деле не имеется.

Просим проверить и сообщить полные установочные данные перечисленных лиц, сведения о их судимости, номерах и местах хранения дел, отбытии наказания и дальнейшей судьбе, произвести их проверку по соответствующим учетам. При наличии уголовных дел или личных дел осужденных на Енбаева, Урманче, Бакиева, Тляубердина, Заки-Валиева и Гаджинского просим осмотреть их, обратив основное внимание на наличие и характер связи с Султангалиевым, и направить обзорные справки в наш адрес.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции *А.Г.Губинский*

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Т.5. — Л.10.

№ 3

Из справки Главного информационного центра МВД СССР

22 августа 1989 г.

На Султангалиева, Султан-Галиева сведения те же [...]

На Урманче — проходит как Ади Идрисович, 1900 г.р., уроженец д. Салтык Буинского кантона Тат. АССР. [...]

Сагидуллина без указания полных установочных данных проверить не представляется возможным.

На Тляубердина — проходит как Халфитин Зиятдинович, 1888 г.р., уроженец с. Исяново Тимясовской волости Зелаировского района Башк. АССР.[...].

На Гаджинского сведений нет.

Заки [-Валеева] без указания полных установочных данных проверить не представляется возможным.

Енбаев — есть сведения на Енбаева Арифа, 1892 г.р., Рязанской губернии Касимовского уезда Тат. волости.

ЦА ФСБ РФ.—Ф.Р.-38555.— Т.5.—Л.5 об.

№ 4

Обзорная справка КГБ Карельской АССР

31 августа 1989 г.

Секретно

По исполнению вашего отдельного поручения № 6/024 от 15.08.89 г. сообщаем, что КГБ-МВД КАССР сведениями в отношении Енбаева, Тляубердина, Заки-Валиева, Гаджинского не располагает.

По учетам ИЦ МВД КАССР:

1. Урманчиев Асхат Кирилович¹, 1914 года рождения, уроженец с. Кырел Маяк Омской области, судим военным трибуналом Сибирского военного округа 3.06.35 г. по ст.19 и 58-8, 58-11 УК на 10 лет лишения свободы; 14.02.3[?] Особой Тройкой УНКВД Ленинградской области назначена ВМН, архивное уголовное дело № 3527 для хранения направлено в УКГБ СССР по Архангельской области;

2. Бакиев Мамед Багмевич, 1909 года рождения, уроженец Туркменской ССР, 15.04.38 г. Тройкой НКВД Туркменской ССР осужден по ст.58-6 УК на 10 лет лишения свободы. Сведений о номере дела и его местонахождении не имеется.

Других сведений в ИЦ МВД КАССР не имеется.

Приложение: справки-проверки по учетам КГБ-МВД КАССР на 6 листах.

Начальник следственного отделения

Подполковник В.М.Десятков

ЦА ФСБ РФ.—Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.10 об.

¹ Так в документе.

№ 5

Из справки УВД Архангельского обл.исполкома следственной группе УКГБ по Архангельской области

7 сентября 1989.

Сведения в отношении гр. Бакиева, Гаджинского, Енбаева, Заки-Валиева, Тляубердина ИЦ УКГБ Архобисполкома не располагает. Имеются сведения об Урманчиеве Асхате Каримовиче, 1914 г.р., уроженце Омской области. [...].

ЦА ФСБ РФ.—Ф.Р.—38555.— Т.5.—Л.17.

124. Из запросов Следственного отдела КГБ СССР о фактах нарушения социалистической законности со стороны сотрудников НКВД СССР в процессе расследования дела М.Х.Султан-Галиева

№1

Управлению кадров КГБ СССР

15 августа 1989 г.
Секретно

Следственным отделом КГБ СССР проводится дополнительная проверка по архивному уголовному делу № Н-13631 в отношении Султангалиева Мирсаида Хайдаровича (он же Султан-Галиев Мирсеид Хайдар Галиевич). В связи с проверкой объективности предварительного следствия по названному делу в 1937—1939 гг. просим Вас дать указание проверить и сообщить, не имелось ли в процессе расследования дела Султангалиева фактов нарушения социалистической законности со стороны сотрудников НКВД СССР, а также выяснить их полные установочные данные, сведения о прохождении службы и дальнейшей судьбе. [...]

После проверки по соответствующим учетам Управления кадров просим направить настоящий запрос в Центральный оперативный архив КГБ СССР.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции

А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.5.

№2

Следственному отделению УКГБ СССР по Саратовской области

[...] 19 марта 1937 года он (Султан-Галиев.— *сост.*) был арестован УНКВД по Саратовской области, следствие производилось в г. Саратове, затем в НКВД Татарской АССР в г.Казани, 19.09.38 г. он был доставлен в Москву и по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 декабря 1939 года расстрелян.

В ходе судебного заседания Султангалиев показал: «На предварительном следствии ... у меня с Явкаевым была очная ставка, на которой он отрицал показания [...], следователь же, проводивший эту очную ставку, несмотря на мои протесты, это не записал». Протокол очной ставки подписан сотрудниками УНКВД по Саратовской области Кулаковым и Цепяевым.

В связи с проверкой объективности предварительного следствия по названному делу в 1937 году просим Вас дать указание проверить и сообщить, не имелось ли в процессе расследования дела на Султангалиева фактов нарушения социалистической законности со стороны сотрудников УНКВД по Саратовской области, а также выяснить их полные установочные данные, сведения о прохождении службы и дальнейшей судьбе. [...]

При наличии в возможно имеющихся на перечисленных сотрудников архивных уголовных и личных делах материалов о нарушении с их стороны соцзаконности по делу Султангалиева просим осмотреть их и направить обзорные справки в наш адрес.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции

А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.6—7.

№ 3

Следственному отделению КГБ Татарской АССР

[...] В ходе судебного заседания Султангалиев показал: «Вначале следственные органы меня убеждали, чтобы я добровольно разоружился и этим самым помог советской разведке. Я виновным себя не признавал. После этого меня поставили на конвейер, в результате которого в сентябре мес. 1937 г. я дал вынужденно ложные показания о своей якобы шпионской деятельности. В данный момент свои показания о связях с агентами иностранных разведок с целью шпионажа я отрицаю».

В связи с проверкой объективности предварительного следствия по названному делу в 1937—1938 гг. просим Вас дать указание проверить и сообщить, не имелось ли в процессе расследования дела на Султангалиева фактов нарушения социалистической законности со стороны сотрудников НКВД Татарской АССР, а также выяснить их полные установочные данные, сведения о прохождении службы и дальнейшей судьбе. [...]

При наличии в возможно имеющихся на перечисленных сотрудников госбезопасности архивных уголовных и личных делах материалов о нарушении с их стороны соцзаконности по делу Султангалиева просим осмотреть их и направить обзорные справки в наш адрес.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции

А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.20—21.

125. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Следственному отделению КГБ Татарской АССР о Сагидуллине, содержащемся в 1938 г. в одной камере с М.Х.Султан-Галиевым в Казанской тюрьме

15 августа 1989 г.
Секретно

[...] В материалах дела (Султан-Галиева.— *сост.*) указано, что в 1938 году в одной камере с Султангалиевым в Казанской тюрьме содержался Сагидуллин. Других данных не имеется. Просим проверить и сообщить полные установочные данные Сагидуллина, сведения о его судимости, номерах и местах хранения дел, отбытии наказания и дальнейшей судьбе, произвести его проверку по соответствующим учетам. При наличии уголовных дел или личного дела осужденного на Сагидуллина просим осмотреть их, обратив основное внимание на наличие и характер связи с Султангалиевым, и направить обзорные справки в наш адрес.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.—38555.— Т.5.— Л.19.

126. Из обзорной справки КГБ Татарской АССР на М.С.Сагидуллина и сотрудников УГБ НКВД Татарской АССР, производивших следственные действия и визирование документов по уголовному делу М.Х.Султан-Галиева

21 августа 1989 г.
Секретно

В 10 отделении КГБ ТАССР имеются на хранении два архивных следственных дела в отношении Сагидуллина Минигареев Сагидуллоевича, 1900 года рождения, уроженца д. Верхняя Сукса, Набережно-Челнинского района, ТАССР, татарина, журналиста, бывшего слушателя института Красной профессуры. [...]

В деле каких-либо материалов о Султан-Галиеве М.Х. и его взаимоотношениях с Сагидуллиным М.С. не имеется. [...]

[...] В КГБ ТАССР имеется обзорная справка по архивному следственному делу [...] по обвинению: Михайлова Василия Ивановича, Шелудченко Матвея Ивановича, 1898 года рождения, бывшего заместителя наркома Внутренних дел ТАССР, Марковича Эрао Моисеевича, 1902 года рождения, Юрченко Василия Сергеевича, 1905 года рождения, оба сотрудники УГБ НКВД ТАССР. В обзорной справке указано:

1 февраля 1940 года военной коллегией Верховного Суда СССР осуждены по ст.58-7 УК РСФСР Михайлов В.И. и Шелудченко М.И. к расстрелу (приговор приведен в исполнение 2.02.1940 г.).

Суд признал установленным, что Михайловым и Шелудченко проводилась деятельность, направленная на массовые необоснованные аресты партийных и советских работников, в фальсификации следственных дел и в применении извращенных методов ведения следствия.

Михайлов применял и поощрял фальсификацию и создание мнимых контрреволюционных формирований, в результате чего было сфальсифицировано ряд дел, по которым было привлечено к уголовной ответственности с обвинением в тяжких государственных преступлениях большое количество людей.

В результате преступной вредительской деятельности Михайлова и Шелудченко в органах НКВД ТАССР широко практиковалось вымогательство явно ложных показаний от арестованных, путем применения в последние физические методы воздействия, в результате которых имелись случаи смерти арестованных. При обыске 23.05.1939 г. у Шелудченко было обнаружено письмо бывшего наркома внутренних дел ТАССР Михайлова без даты следующего содержания: «т.Шелудченко! Грош цена будет делу, если не получим выхода за кордон, в частности Японию, Германию. Гааяз Исхаков является ид. рук. контрреволюционной организации «Идель-Урал», финансируемой со стороны Японии ...Требуются факты подготовки к террористической деятельности. (Возьми дня на 3—4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллинна. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли. Фриновский не возражает эту публику в крайнем случае пустить через особую сессию. Не обращай внимания на кляузы Кондратенко). Все внимание групповым делам с выходом на центр или за кордон». По поводу данной записки Шелудченко на допросе 5 июня 1939 года показал: «В январе 1936 года Михайлов выехал на первую сессию Верховного Совета СССР и так как тогда Ежовым требовался доклад о массовых операциях, а он поручил писать мне, я отправил ему нарочным фельдъегерем, с ним он мне и прислал письмо директивного характера, обнаруженное у меня при обыске, в котором писал, чтобы я не обращал внимания на жалобы Кондратенко».

На допросе 3 июня 1939 года на вопрос следователя, к кому он лично применял меры физического воздействия, Шелудченко ответил: «Я лично применял меры физического воздействия к Магдееву Каюму (бывш. НКФ), Султан-Галиеву (отец татарской контрреволюции)...».

К делу приобщен протокол допроса Крохичева Федора Алексеевича, 1899 года рождения, от 23 июля 1939 года, который показал: «... такие поразительные показатели в следствии и развороте дел явились главным образом в результате противозаконных методов следствия — избияния арестованных, не желающих давать показания. Эти методы привез Шелудченко из Москвы и вскоре вкоренил в работе 4 отдела НКВД ТАССР. До приезда Шелудченко такой метод допроса арестованных в аппарате НКВД ТАССР не применялся.... Признаю себя виновным в том, что я, как и Марголин, принимал активное участие в противозаконных методах следствия (избияния арестованных), введенных Шелудченко». [...]

Кроме того, для возможного использования направляем подборку материалов о Султан-Галиеве, напечатанных за последнее время в газетах и журналах ТАССР: копии статей из журнала «Слово агитатора», № 7, 1989 г., г.Казань; оттиск статьи из журнала «Коммунист Татарии», № 9, 1989 г. и газету «Советская Татария», № 119, за 24 мая 1989 г.

Начальник следственного отделения
подполковник юстиции Г.Гайнутдинов

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.22—26.

127. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Архиву внешней политики СССР Историко-дипломатического управления МИД СССР о приезде в Россию бывшей Германской миссии в Афганистане, граждан Турции и сотрудников посольства Турции в СССР

7 сентября 1989 г.
Секретно

В связи с производством дополнительной проверки по архивному уголовному делу

просим Вас дать указание срочно проверить и сообщить:

1. Приезжали ли в нашу страну:

— в 1919 г. бывшая германская миссия в Афганистане в составе Баракагуллы, Рашид-Казы Ибрагимова и Абдуррана¹;

— в 1920—23 гг. представители турецких правительственных кругов Юсуф-Бей Акчура Оглы (по другим данным Юсуф-Бей), доктор Фуад, Халиль-Паша и Бекир Сали-Бей (он же Бекир Самг-Бей) — официальный представитель Мустафы Кемалю;

— в это же время из Берлина бывшие государственные деятели Турции Эввер-Паша, Джемаль-Паша и Шюкри-Бей;

— в 1921—22 гг. в качестве делегата от Турецкой компартии на III или IV конгресс Коминтерна Кара-Сакал (по другим данным, Сакаллы-Джелюл);

— в 1925—26 гг. редактор турецкой газеты «Вакж»².

2. Являлись ли сотрудниками Посольства Турции в СССР:

— в 1922 г. Али Фуад (по материалам дела турецкий посол);

— в 1923—25 гг. Мухтар-Бей (турецкий посол);

— в 1923 г. Нияз-Бей (поверенный в делах Турции);

— в 1926 г. Зеккиа-Бей (турецкий посол);

— в 1926—28 гг. Амине Акчурина (по имеющимся документам машинистка Посольства Турции).

В утвердительном случае просим указать полные установочные данные перечисленных лиц, время пребывания и места жительства в нашей стране, а также причины и цели их прибытия и убытия.

Помощник начальника отдела
подполковник юстиции А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Т.5. — Л.43.

128. Справка Архива внешней политики СССР Историко-дипломатического управления МИД СССР о членах Германской миссии в Афганистане и гражданах Турции, приезжавших в Россию, и группе сотрудников посольства Турции в СССР

7 сентября 1989 г.
Секретно

Сообщаем, что в Архиве внешней политики СССР имеются следующие данные на интересующих Вас лиц:

¹ Здесь и далее: так в документе, следует: Абдур Рабб.

² Так в документе, следует: «Вакт».

Баракатулла — член Индийского национального конгресса, профессиональный пропагандист национальной идеи в Индии, профессор. Работал в Японии, США, Германии. В Советскую Россию прибыл 4 марта из Афганистана во главе неофициальной делегации, направленной младоафганцами. (Цель движения младоафганцев — восстановление полной независимости Афганистана, новый эмир Амманула-хан являлся одним из лидеров этого движения). 5 марта 1919 г. профессор Баракатулла был принят В.И. Лениным и во время этой встречи передал неофициальную просьбу афганского правительства оказать Афганистану помощь в борьбе против английского империализма.

Кази-бек — капитан турецкой армии, входил в состав делегации профессора Баракатулла.

Баракатулла и Кази-бек находились в Советской России до декабря 1919 года.

Абдурран — в АВП СССР сведений не имеется.

Юсуф Акчура-бей — представитель Османского Красного Креста. В Советскую Россию приезжал в марте 1918 г. и в феврале 1919 г. по вопросам турецких военнопленных. (Более полными сведениями АВП СССР не располагает).

Бекир Сами-бей — министр иностранных дел в первом правительстве, созданном Великим национальным собранием Турции, крупный помещик. 19 июля 1920 г. прибыл в Москву во главе турецкой правительственной делегации для проведения переговоров с правительством Советской России. 14 августа 1920 г. был принят В.И. Лениным.

Фуад-паша — по косвенным данным, приезжал в Москву в начале 1921 года.

Энвер-паша — 1881 года рождения, один из лидеров младотурецкой буржуазной революции 1908—1919 гг., по образованию военный. Женитьба на принцессе императорской крови позволила ему сделать военную карьеру и стать в 1913 г. военным министром. Он был одним из создателей общества «Единение и прогресс», в состав которого входили представители младотурецкой партии, сторонники буржуазно-демократических преобразований в Турции. Это движение фактически переросло в военную диктатуру лидеров этой партии — Энвер-паши, Джемаль-паши и Талаат-бея, которая превратила Турцию в ходе первой мировой войны в «финансового и военного вассала» кайзеровской Германии, привела к крушению Османской империи и заключению 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия, повлекшего за собой оккупацию Турции державами Антанты.

Лидеры партии младотурок вынуждены были уехать в Европу, где, прикрываясь демократическими лозунгами, пытались найти политическую и финансовую поддержку. Их идеи объединения мусульманского Востока находили поддержку в те годы у Советского правительства.

Энвер-паша под псевдонимом Али приезжал в июле 1920 г. в Советскую Россию и до своего отъезда в Батуми в июле 1921 г. проживал по адресу: Софийская наб., 14. Для поездки в Батуми ему были выданы документы на имя Бекирова. По косвенным данным, имеющимся в АВП СССР, Энвер-паша из Батуми вернулся в Европу и 1 июня 1922 г. вновь приехал в РСФСР из Германии и проживал по адресу: Гнезниковский пер., 9.

После установления добрососедских отношений с Турцией, возглавляе-

мой Кемалем Ататюрком, Энвер-паша уехал в Среднюю Азию и там воевал против Советской власти на стороне басмаческих банд. В августе 1922 г. он был убит в бою в районе кишлака Оби-Даже.

Джемаль-паша — член упомянутого общества «Единение и прогресс», активный участник движения младотурок, занимал посты губернатора Константинополя, военного министра, командующего турецкой армией, действующей в Аравии. После буржуазной революции 1908 г. он был на посту морского министра, а затем — генерал-губернатора Вейрута. После Мудросского перемирия находился в Европе и поддерживал идеи Энвер-паши о демократизации мусульманского Востока. В Москву приезжал дважды: весной 1920 г. проездом в Кабул и в июне 1922 г. из Германии под псевдонимом Сердар Ахмед. Проживал в этот период по адресу: 1-я Мещанская ул., 24. По имеющимся в АВП СССР данным, убит 28 июля 1922 г. в Тифлисе.

Халиль-паша — член общества «Единение и прогресс», дядя Энвер-паши, его единомышленник. Военный по образованию, окончил Военную академию в Константинополе. Во время первой мировой войны командовал турецко-кавказским фронтом. После оккупации Константинополя войсками Антанты бежал в Россию. По имеющимся в архиве сведениям, Халиль-паша находился в Туркестане. В июне 1922 г. прибыл в Москву из Тифлиса и проживал в гостинице «Савой».

За интересующий Вас период в АВП СССР имеются данные на трех государственных деятелей Турции по имени Шюкрю-бей:

Мидхат Шюкрю-бей — по косвенным данным, являлся генеральным секретарем партии младотурок и их общества «Единение и прогресс». Сведений о приезде в РСФСР в АВП СССР не имеется.

Али Шюкрю-бей — 1884 года рождения, окончил морское училище в Константинополе, но не сделал военной карьеры, а посвятил себя журналистике. В 1922 г. назначен главным редактором газеты «Тан». Убит в марте 1923 г. Сведений о приезде в РСФСР не имеется.

Кайя Шюкрю-бей — по образованию инженер, участвовал в движении младотурок. После Мудросского перемирия был сослан англичанами на Мальту, вернулся в Турцию в 1922 г. После возвращения занимал ряд государственных постов: член комиссии по иностранным делам, министр земледелия, в 1924—1925 гг. министр иностранных дел, в 1925—1927 гг. председатель комиссии меджлиса по иностранным делам, с ноября 1927 г. — министр внутренних дел. В июле 1937 г. посетил СССР. Сведений о поездке Шюкрю-бея в 20-е годы в нашу страну в АВП СССР не имеется.

Кара-Сакал — в АВП СССР сведений не имеется.

Ахмед Эмин — в 1925 г. главный редактор газеты «Вакт» («Вакж»), издавалась в Константинополе. Другими сведениями не располагаем.

Али Фуад-паша — родился в 1882 г. в семье известного турецкого военного, окончил военное училище при Академии Генштаба, генерал. В 1919 г. был назначен командующим турецким западным фронтом. Пользовался большой популярностью в армии, и эта популярность, беспокоящая Кемаль-пашу, послужила поводом для направления Фуад-паши на пост посла в РСФСР.

Фуад-паша прибыл в Москву 26 февраля 1921 г. и покинул свой пост 10 мая 1922 г. в связи с возбуждением дела о шпионаже сотрудников турецкого посольства против Советской России.

Фуад-паша проживал по адресу: 1-я Мещанская ул., 27.

Ахмед Мухтар-бей — в 1921 г. и.о. министра иностранных дел Турции, в конце 1921 г. был назначен полпредом Ангорского правительства в Тифлисе, осенью 1922 г. назначен послом в РСФСР и 21 ноября 1922 г. вручил верительные грамоты. 6 ноября 1924 г. был отозван.

Проживал по адресу: 1-я Мещанская, 27, а затем после переезда посольства в феврале 1924 г. проживал по ул.Герцена, 43а. (Более полными сведениями не располагаем).

Зекия-бей — 1877 года рождения, уроженец Боснии, являлся депутатом меджлиса I и II созывов, участник Лозаннской конференции. В сентябре 1924 г. был назначен послом Турции в Лондоне. Летом 1925 г. назначен послом Турции в СССР и 9 июля 1925 г. вручил свои верительные грамоты. В ноябре 1927 г. отозван с этого поста и 28 ноября 1927 г. Зекия-бей покинул Москву. Проживал по адресу: ул. Герцена, 47а.

Нияз-бей в списках сотрудников посольства Турции в Москве не значится, но в интересующий Вас период в 1923—1925 гг. в турецком посольстве работал советник по имени Эниз-бей. Покинул СССР 10 августа 1925 г. в связи с новым назначением на должность политического советника в МИД Турции.

Амине Акчурина — машинистка посольства Турции в Москве, прибыла на работу в посольство 10 июля 1923 г. Встречается в списках 1924—1926 гг. За последующие годы сведений в АВП СССР не имеется.

Заместитель начальника
историко-дипломатического управления
МИД СССР В.В.Соколов

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р. — 38555. — Т.5. — Л.44—47.

**129. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Центральному
государственному особому архиву СССР, Центральному
партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
о наличии сведений о проведении М.Х.Султан-Галиевым
националистической деятельности**

20 сентября 1989 г.
Секретно

Следственным отделом КГБ СССР производится дополнительная проверка по архивному уголовному делу в отношении Султангалиева Мирсаида Хайдаровича (по другим данным, Султан-Галиева Мирсеида Хайдара Галиевича, и Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича), 1892 года рождения, уроженца Башкирской АССР, члена РКП(б) в 1917—1923 годах, который в 1923 году арестовывался, был исключен из партии, и его деятельность в области национальной политики рассматривалась на IV совещании ЦК РКП(б) в июне того же года, а в 1928 году был повторно привлечен к уголовной ответственности и осужден по делу так называемого «султангалиевского центра». В 1937 году он вновь арестован органами НКВД по обвинению в организации и руководстве «контрреволюционной националистической органи-

зацией» и 8 декабря 1939 года приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Согласно обвинительному заключению, Султангалиеву, в частности, вменялось в вину то, что в период с 1919 года по 1937 год он «являлся одним из идеологов антисоветского пантюркистского движения в СССР, поддерживал активную политическую... связь с правительственными кругами Турции вплоть до 1929 года», «вел работу по установлению связи с лидерами татарской белоэмиграции».

В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства в 1937—1939 годах он признан виновным в проведении, начиная с 1919 года и до 1937 года, борьбы против советской власти за отторжение от Советской России тюрко-татарских народов и образование самостоятельного буржуазно-демократического Туранского государства, а также в том, что был одним из основателей и руководителей националистической группировки, разрабатывал теоретическую платформу борьбы за свою идею, установил и поддерживал контакты с антисоветским подпольем и представителями иностранных государств.

На следствии Султангалиев в общей форме указывал, что целью его основанной на пантюркизме националистической деятельности являлось стремление к созданию отдельной и независимой Туранской республики, называя ее при этом в одних случаях буржуазно-демократической, в других — народно-демократической. Для реализации этих замыслов он намеревался, по его заявлению, образовать самостоятельную подпольную политическую «Туранскую рабоче-крестьянскую социалистическую партию», предпринимая одновременно меры к «коренизации» советских и общественно-политических аппаратов, развитию национальных языков, вооружению тюрко-татарских народов путем организации национальных красноармейских частей, подготовке вооруженного восстания в тюркских республиках на Кавказе и поиску возможностей осуществления военно-политических союзов с южными приграничными государствами. Базой для создания названной партии должен был служить, как показал Султангалиев, несколько раз организуемый им совместно с другими лицами так называемый «Московский центр татарских «правых» коммунистов», а также иные националистические формирования и «подпольные контрреволюционные комитеты», в которые он входил лично. В числе таких образованных им в разное время группировок он называет следующие:

В 1920 году — подпольный центр татарских «правых» коммунистов в составе Измаила Фирдевса, Микдата Брундукова, Гасыма Мансурова и Ша-миля Усманова.

В 1922—1923 годах — подпольный центр буржуазных националистов в составе бывшего главы Кокандской автономии Губайдуллы Ходжаева, бывшего главы Горского правительства на Северном Кавказе, а затем министра народного просвещения при муссаватистском правительстве в Азербайджане Рашида Капланова, бывшего казахского алаш-ордынца и члена исполкома мусульманского национального совета Валид-Хана Таначева, бывшего члена правительства Заки Валидова в Малой Башкирии Ильдархана Мутина.

В 1924 году — новый подпольный центр татарских «правых» коммунистов в составе Кашафа Мухтарова, Арифа Енбаева, Гасыма Мансурова, Рауфа Сабирова.

В 1926 году — подпольная «тройка» в составе Османа Дерен-Айрлы и Сулеймана Мурзабулатова.

На судебном заседании Султангалиев показал, что до 1933 года вел политическую борьбу против ВКП(б) по национальному вопросу, не разделяя взгляды Ленина и Сталина на решение отдельных национальных проблем. За это отбывал наказание в начале 30-х годов в Соловецких лагерях. Осознав ошибочность своих воззрений, осудил их в заявлении ЦК ВКП(б) и прекратил политическую борьбу.

В связи с изложенным просим Вас дать указание срочно проверить и сообщить, имеются ли в архиве сведения о проведении Султангалиевым националистической деятельности и организации, руководстве или участии в перечисленных либо каких-нибудь других националистических организациях. В утвердительном случае необходимо указать их цели и задачи, структуру, руководителей и дальнейшую судьбу этих группировок.

Помощник начальника отдела

А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.38555. — Т.5. — Л.48—50, 53—55.

130. Справка Партийного архива Татарского ОК КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС о группе коммунистов татар, обвиняемых в национал-уклонизме

4 октября 1989 г.

На запрос тов. Китаева И.Н. № 1732 от 11.09.89 г.

Направляем краткую справку о группе видных коммунистов татар, обвиненных в так называемом «национал-уклонизме», деятельность и осуждение которых получила общесоюзный резонанс.

В начале 20-х годов в Татарской партийной организации, как и во многих других, особенно национальных, шла борьба между различными группами руководящих работников по ряду практических вопросов в развитии экономики и культуры в процессе социалистического строительства. Следует подчеркнуть, что «правые» и «левые», пользуясь политической терминологией того времени, вели ее в рамках признания необходимости социалистических преобразований на основе партийной программы. Эта борьба принимала нередко очень острый характер, сопровождалась навешиванием политических ярлыков, страдала отсутствием культуры политических дискуссий. Однако такое явление было не только местным.

К числу наиболее крупных лидеров «национал-уклонизма» были отнесены в первую очередь М.Х.Султан-Галиев, Р.А.Сабиров, Г.Г.Мансуров, Ю.Н. Валидов, М.Г.Будайли, А.М.Енбаев, И.К.Фирдевс, В.И.Исхаков, М.Ю.Бурундуков, К.Г.Мухтаров, З.Х.Буллушев, И.М.Казаков и другие. Все они стали коммунистами в 1917—1918 годах и принимали самое активное участие в гражданской войне, в партийном и государственном строительстве в Поволжье и Приуралье. Некоторые из указанных выше коммунистов направлялись на длительное время в Среднюю Азию, где по поручению Политбюро ЦК РКП(б) и Совнаркома внесли свой вклад в становление молодых советских республик этого региона. Среди них ряд деятелей, выполнявших непосредственное

поручение В.И.Ленина, лично ему известных (М.Х.Султан-Галиев, Р.А.Саби-ров, М.Г.Будайли), что зафиксировано в собрании сочинений В.И.Ленина и в Биохронике.

В начале 20-х годов у отдельных партийных и советских работников Татари, и в первую очередь члена коллегии Наркомнаца М.Х.Султан-Галиева, возникли разногласия с И.В.Сталиным, в основном по вопросу создания структуры союзного государства и из-за возражения против сталинского принципа «автономизации». М.Х.Султан-Галиев в своих выступлениях на фракции 10-го съезда Советов РСФСР, на национальной секции XII съезда партии, делегатом которого он был, а также ряде выступлений на коллегии Наркомнаца возражал против резкого деления республик на союзные и автономные, требовал повышения статуса автономных образований. Все это вызвало резкий конфликт с И.В.Сталиным, который сопровождался рядом организационных мер, направленных на дискредитацию Султан-Галиева как партийного и государственного деятеля. 4 мая 1923 года Султан-Галиев был вызван в здание ЦКК, где ему объявили об исключении из партии и под конвоем отправили в ОГПУ.

На 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшемся 9—12 июня 1923 года, делу Султан-Галиева было уделено значительное внимание, и он обвинялся в попытках установления нелегальной связи с контрреволюционными силами, направленными на свержение советского строя, нарушения правил партийной конспирации, выразившихся в разглашении секретных сведений по национальному вопросу.

Обвинение базировалось на нескольких личных записках М.Х.Султан-Галиева, направленных ряду крупных деятелей национальных республик и не имеющих ни антипартийной, ни антигосударственной направленности. На указанном совещании, на наш взгляд, наряду с весьма верными выступлениями и решениями, проявилась и тенденция внедрения командно-административного метода при решении национальных вопросов. М.Х.Султан-Галиев вскоре был освобожден из-под ареста. Известную роль в этом сыграла и позиция партийного актива Татарии (письма руководителей Татарии в адрес ЦК РКП(б)). Но он не был восстановлен в рядах партии и в занимаемых должностях. Следует также подчеркнуть, что различные стороны дела Султан-Галиева рассматривались на заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б), а также Президиума ЦКК в течение мая-июня 1923 года 7 раз.

Одновременно с этим из Казани были перемещены в Москву ряд партийно-государственных деятелей, разделявших взгляды Султан-Галиева по вопросам повышения роли и прав автономных республик и подписавших в апреле 1924 года заявление так называемой «группы 39-ти» в ЦК РКП(б) о грубых нарушениях ленинских принципов в решении национального вопроса. Все они стали видными работниками центральных органов: Председатель СНК ТССР, член бюро ОК РКП(б) К.Г.Мухтаров — членом коллегии Наркомздрава РСФСР и заместителем наркома Н.А.Семашко; председатель ЦИК, член бюро ОК РКП(б) и член ВЦИК Р.А.Сабиров — заместителем заведующего национальным подотделом ВЦИК; заместитель председателя ЦИК и член бюро ОК РКП(б) Г.Г.Мансуров — заведующим отделом национальных школ Наркомпроса РСФСР; заместитель наркома земледелия ТССР А.М.Ен-

баев — членом правления Всекомпромсоюза. Продолжали активную государственную работу в Татарии и за ее пределами и другие лица, обвиняемые в национал-уклонизме.

В 1928 году в связи с общим обострением политической обстановки в стране в числе других дел, по указанию И.В.Сталина, фабрикуется дело об антипартийной группировке Султан-Галиева (так называемом «московском центре»). Для создания видимости существования разветвленного «центра» и инкриминации ему связи с буржуазно-националистической организацией «Милли Фирка» в Крыму в эту группу включили и видных деятелей Крымской АССР — И.К.Фирдевса, О.А.Дерен-Айерлы.

На основе постановления ЦКК ВКП(б) от 23 августа 1929 года «Об антисоветской и антипартийной деятельности Мухтарова, Мансурова, Енбаева, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы», утвержденного Оргбюро ЦК РКП(б), все они исключаются из партии, их обвиняют в связях с Г.Е.Зиновьевым, Л.Б.Каменевым, в борьбе против коллективизации, индустриализации, связях с иностранным Генштабом и подготовке вооруженных восстаний. В центре, Татарии, Башкирии, Горьком, Крыму, Донбассе, Сибири и других районах компактного проживания татар разворачивается пропагандистская кампания по «разоблачению султангалиевщины». Так, газета «Красная Татария» только в октябре-ноябре 1929 года напечатала более 20 статей, посвященных этой теме, а в статье, опубликованной в газете «Эшче» (№ 113), Султан-Галиев называется даже фашистом. В Казани были «разоблачены» и исключены из партии «как лидеры султангалиевщины в Татарской организации» управляющий «Кожсиндикатом» М.Ю.Бурундуков, управляющий Резинотрестом М.Г.Будайли, председатель Академцентра Г.Г.Максудов и другие. Все трое в 1922—1925 годах были видными партийно-государственными работниками Татарии, членами обкома партии и подписали письмо «39-ти» в ЦК РКП(б). Широкий размах приобретает кампания по «разоблачению членов филиала султангалиевской организации» в вузах, предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах. Например, только в Восточно-педагогическом институте была «раскрыта» группа «сторонников Султан-Галиева» в количестве 15 человек.

По отношению к «антипартийной группе Султан-Галиева» были приняты репрессивные меры внесудебного порядка. В течение 30-х годов все они особым совещанием ОГПУ, а затем НКВД СССР неоднократно приговаривались к различным мерам наказания от 5 до 10 лет. Приговоры 1930 года о высшей мере наказания Султан-Галиеву, Сабирову, Мухтарову, Фирдевсу не были приведены в исполнение. Некоторые из осужденных на короткий срок освобождались, но в середине 30-х годов, в период разгула репрессий, были вновь арестованы. М.Х.Султан-Галиев, К.Г.Мухтаров, Р.А.Сабиров, А.М.Енбаев были расстреляны, многие умерли в заключениях, немногие оставшиеся были освобождены в 1954 году. В тот же период по обвинению в «национал-уклонизме» и «султангалиевщине» были репрессированы сотни представителей национальной интеллигенции, партийных и советских работников в Татарии, Башкирии и других республиках и областях.

В процессе реабилитации, в особенности после 20-го съезда КПСС, подавляющее большинство обвиненных в национал-уклонизме были реабилитированы юридически и восстановлены в партии. Среди них и те, которые

были обвинены как активные лидеры «султангалиевщины»: З.Х.Булдшев, В.И.Исхаков, И.М.Казаков, Г.Г.Максудов и другие. К середине 60-х годов процесс партийной реабилитации был замедлен.

В настоящее время Татарский обком КПСС по поручению комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30—40-х годах и начала 50-х годов, вновь вернулся к ряду сомнительных дел 20—30-х годов. На основе тщательной проверки установлена бездоказательность обвинений и восстановлены в партии решением бюро обкома КПСС от 13 июня 1989 года «султангалиевцы» Р.А.Сабиров, М.Ю.Бурундуков, М.Г.Будайли. На 1 октября 1989 года из нерассмотренных ранее дел — 345 членов ВКП(б) областной партийной организации, исключенных из партии в 30-е годы по политическим мотивам, в том числе по обвинению в «национал-уклонизме» в партии восстановлены 81 человек. Кроме того, 160 дел уже подготовлены к рассмотрению. Работа в этом направлении продолжается. По ходатайству научно-педагогической общественности и ряда деятелей культуры Татарии перед центральными органами возбуждено ходатайство о пересмотре судебных и несудебных репрессивных дел и партийных решений в отношении М.Х.Султан-Галиева, Г.Г.Мансурова, А.М.Внбаева, И.К.Фирдева, К.Г.Мухтарова.

Считаем необходимым указать, что многие деятели Татарии из числа так называемых «левых» (член партии с 1905 года С.С.Гафуров, С.Саид-Галиев, Х.Р.Палютин, М.С.Сагидуллин, С.С.Атнагулов и другие), активно разоблачавшие «национал-уклонизм», были впоследствии также репрессированы по обвинению в создании антисоветских организаций, связях с иностранными разведками и замаскированном национал-уклонизме. В настоящее время изучаются материалы по обвинению одного из ведущих «левых» М.С.Сагидулина (вплоть до конца 20-х годов работал заведующим организационным и агитационно-пропагандистским отделами обкома партии. В момент ареста учился на философском отделении института Красной профессуры), расстрелянного в 1937 году как организатор так называемой кулацкой партии «Крестьянский иттифак» — татарского филиала так называемой «кулацко-эсеровской группы Кондратьева-Чаянова». Есть основание полагать, что М.С.Сагидуллин, так же, как и многие репрессированные по этому делу, будет реабилитирован.

Партийным архивом проводится определенная работа по возвращению доброго имени видных партийных и советских деятелей, ошельмованных и репрессированных в обвинении в так называемом «национал-уклонизме». По этому вопросу партархив установил деловые контакты с Комиссией Верховного Совета ТАССР по оказанию помощи реабилитированным и их семьям, с активистами общества «Мемориал». Подготовлен ряд газетно-журнальных статей, две телевизионные передачи на татарском и русском языках продолжительностью по 40 минут, организована выставка «Архивы и гласность», которую посетили более 30 тысяч человек. В 1990 году будут изданы сборник очерков «Возвращенные имена», комплект биографических портретов видных революционеров, включая и лиц, обвиненных в прошлом в национал-уклонизме. Начата работа над «Очерками истории Татарской областной партийной организации». Заведующим кафедрой УМЛ обкома КПСС, кандидатом исторических наук Б.Ф.Султанбековым с использовани-

ем материалов партархива подготовлен доклад «Сталин и Султан-Галиев — из истории начального этапа деформации ленинской национальной политики», который включен в программу Всесоюзной научной конференции «Социалистическая революция в России — теоретические и методологические проблемы», проводимой АН СССР 23—25 октября 1989 года в Москве.

Зав. Партархивом Татарского обкома КПСС Д.Шарафутдинов

131. Справка Центрального государственного особого архива о Султан-Галиеве и Султан-Гали

11 октября 1989 г.
Секретно

В Особом архиве имеются следующие краткие сведения о Султан-Галиеве и Султানে-Гали.

В обзоре деятельности экспозитуры № 2 II отдела Генштаба буржуазной Польши среди эмигрантских организаций, входивших в объединение «Прометей», составленном Министерством национальной обороны ПНР в 1951 г. на основании хранящихся в Польше подлинных документальных материалов, сказано следующее: «Руководители татарской эмиграции, вероятно, оставались в контакте с руководителями контрреволюции в Татарской и Крымской АССР, но в документах перечисляются только фамилии своих националистов, разоблаченных советскими органами госбезопасности, — Султан-Галиева и Вели Ибрагимова».

Основание: ф.461, оп.1, д.1, л.129.

В разведбюллетене 2 бюро Генштаба Франции за 3 января 1942 г. говорится следующее: «Япония прежде всего заинтересовалась мусульманами-татарами, эмигрировавшими из России после большевистской революции. Они оказали¹ им помощь, а затем объединили в политическую организацию под названием «Мусульманская Ассоциация». Одному из них, Султану-Гали, выходцу из Узбекистана, одному из руководителей пантюркизма, была предоставлена должность профессора в Военной академии Токио. Кроме того, Япония поддерживала движения независимости в азиатских провинциях, возникавшие после революции. Одновременно ее деятельность распространялась на Китайский Туркестан — колыбель пантюркизма, с целью устранения двойного влияния Гоминдана и Коминтерна».

Основание: ф.198, оп.3, д.139, л.46.

Относятся ли эти сведения к запрашиваемому Султан-Галиеву, установить не представляется возможным.

Сведений о перечисленных в запросе националистических организациях и лицах в документах архива не обнаружено.

Директор архива А.С.Прокопенко
Зав. отделом А.И.Леонтьева

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.—38555.— Т.5.— Л.51—52.

¹ Так в документе.

132. Справка Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС о партийном билете и персональном деле М.Х.Султан-Галиева

11 октября 1989 г.
Секретно

По данным учетно-партийных документов, партбилет № 120822 образца 1922 г. принадлежал Султан-Галиеву Мирсаиду Хайдар Галиевичу.

Партбилет № 120822 поступил погашенным от ГУГВ НКВД 1 ноября 1935 г., как изъятый у участника ликвидированной в 1929 г. султангалиевской организации и как на исключенного из членов партии в 1923 г. 4 мая 1923 г. решением ЦКК (протокол № 6 заседания ЦКК) Султан-Галиев М.Х. был исключен из партии как антипартийный и антисоветский элемент. Султан-Галиев М.Х. обращался с просьбой о восстановлении его членом РКП(б), но заседание Президиума ЦКК от 15 декабря 1924 г. отклонило его просьбу. Сведениями о партреабилитации Султан-Галиева М.Х. ЦПА ИМЛ не располагает.

Одновременно сообщаем, что персональное дело Султан-Галиева М.Х. в настоящее время находится в КПК при ЦК КПСС.

Зам. зав. Центральным партархивом
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Ю.Амиантов
Научный сотрудник А.Ершов

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.56.

133. Запрос Следственного отдела КГБ СССР Главному управлению КГБ СССР о принадлежности М.Х.Султан-Галиева и группы проживавших в 1919—1920 гг. в России турецких подданных к спецслужбам иностранных разведок и проведении ими шпионской деятельности

27 октября 1989 г.
Секретно

Следственным отделом КГБ СССР производится дополнительная проверка по архивному уголовному делу № Н-13631 в отношении Султангалиева Мирсаида Хайдаровича (по другим данным, Султан-Галиева Хайдара Галиевича и Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича), 1892 года рождения, уроженца села Кармаскалы Башкирской АССР, татарина, гражданина СССР, члена РКП(б) в 1917—1923 гг., который в 1923 году арестовывался, был исключен из партии и его деятельность в области национальной политики рассматривалась на IV совещании ЦК РКП(б) в июне того же года, а в 1928 году был повторно привлечен к уголовной ответственности и осужден по делу так называемого «султангалиевского центра». В 1937 году он вновь был арестован органами НКВД по обвинению в организации и руководстве

«контрреволюционной националистической организацией», шпионаже и 8 декабря 1939 года приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Согласно материалам уголовного дела, Султангалиев имел шпионские связи с представителями иностранных государств, перечисленными ниже.

Баракатулла — член Индийского национального конгресса, профессор. Работал в Японии, США, Германии. Прибыл в Советскую Россию 4 марта 1919 года во главе неофициальной делегации, направленной младоафганцами.

Кази-бек — капитан турецкой армии, входил в состав делегации профессора Баракатулла.

Юсуф-Акчура-бей — представитель Османского Красного Креста. Приезжал в Советскую Россию в марте 1918 г. и в феврале 1919 г. по вопросам турецких военнопленных.

Бекир-Сами-бей — министр иностранных дел в первом правительстве, созданном Великим национальным собранием Турции, крупный помещик. 19 июля 1920 года прибыл в Москву во главе турецкой правительственной делегации для проведения переговоров с правительством Советской России.

Энвер-паша — 1881 года рождения, по образованию военный, был женат на одной из турецких принцесс, с 1913 года — военный министр Турции. Энвер-паша под псевдонимом Али приезжал в июле 1920 года в Советскую Россию и до своего отъезда в Батуми, в июле 1921 года, проживал в Москве на Софийской набережной, дом 14. Для поездки в Батуми ему были выданы документы на имя Бекирова. Из Батуми в Москву возвратился примерно в июне 1922 года, проживал: Гнездииковский пер., дом 9. Позже выехал в Среднюю Азию и там воевал против Советской власти на стороне басмаческих банд. Убит 4 августа 1922 года.

Джемаль-паша — занимал посты губернатора Константинополя, военно-морского министров Турции, командующего турецкой армией, действовавшей в Аравии, губернатора Бейрута. В Москву приезжал дважды: весной 1920 года, проездом из Европы в Кабул, и в июне 1922 года, по пути из Германии под псевдонимом Сердар Ахмед. Проживал в этот период в Москве по адресу: 1-я Мещанская ул., 24.

Халиль-паша — дядя Энвер-паши, окончил Военную академию в Константинополе. Во время первой мировой войны командовал турецко-кавказским фронтом. После оккупации Константинополя бежал в Россию, находился в Туркестане. В июне 1922 года прибыл в Москву из Тифлиса и проживал в гостинице «Савой».

Али-Фуад-паша — родился в 1882 году в семье известного турецкого военного, окончил военное училище при Академии Генштаба, генерал. В апреле 1919 года был назначен командующим западным турецким фронтом. В качестве посла Турции прибыл в СССР 26 февраля 1921 года. Покинул страну 10 мая 1922 года в связи с возбуждением уголовного дела о шпионаже сотрудников турецкого посольства против Советской России. Проживал по адресу: г. Москва, 1-я Мещанская ул., дом 27.

Ахмед Мухтар-бей — в 1921 году и.о. министра иностранных дел Турции, в конце 1921 года был назначен полпредом Ангорского правительства в Тифлисе, осенью 1922 года назначен послом в РСФСР. 6 ноября 1924 года

был отозван. Проживал в Москве: 1-я Мещанская, дом 27, затем с февраля 1924 года — по ул. Герцена, дом 43а.

Зекия-бей — 1877 года рождения, уроженец Боснии. В сентябре 1924 года назначен послом Турции в Лондоне. Летом 1925 года назначен послом Турции в СССР. В ноябре 1927 года был отозван с этого поста и 28 ноября покинул страну. Проживал в Москве по ул. Герцена, дом 47а.

Эниз-бей — в 1923—1925 гг. — советник посольства Турции. Покинул СССР 10 августа 1925 года в связи с новым назначением на должность политического советника в МИД Турции.

Амине Акчурине¹ — машинистка посольства Турции в Москве, прибыла на работу в Москву 10 июля 1923 года. Работала примерно до 1926 года.

В связи с изложенным просим Вас дать указание срочно проверить и сообщить в наш адрес возможно имеющиеся сведения о принадлежности Султангалиева и перечисленных лиц к спецслужбам иностранных государств и проведении ими шпионской деятельности.

Помощник начальника отдела
полковник юстиции А.Г.Губинский

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.57—59.

**134. Справка 4-го отдела Главного управления КГБ СССР
Следственному отделу КГБ СССР о результатах проверки
причастности М.Х.Султан-Галиева и группы турецких подданных
к спецслужбам иностранных разведок и проведении ими
шпионской деятельности**

9 ноября 1989 г.

Проверяемые:

1. Энвер-паша, 1871 г.р., бывший военный Турции; Джемаль-паша, 1861 г.р., бывший морской министр Турции.

Свидетельствующих о причастности к спецслужбам и проведении шпионской деятельности — сведений нет.

Материалы за 1945 год.

2. Кази бек;

Халиль-паша;

Зекия-бей;

Эниз-бей — без указания имени, года рождения, гражданства — проверить не представляется возможным.

3. На остальных сведений нет.

ЦА ФСБ РФ.— Ф.Р.-38555.— Т.5.— Л.57 об.

¹ Так в документе, следует: Акчурина.

135. Из справки Следственного отдела КГБ СССР по архивному уголовному делу ряда сотрудников НКВД Татарской АССР

31 октября 1989 г.
Секретно

[...] В деле имеется стенограмма «Совещания при секретаре обкома ВКП(б) ТАССР 8 января 1939 года», в ходе которого Коперник (иных данных не указано) сообщил, что он приехал в Казань по указанию Прокурора СССР для рассмотрения нескольких жалоб арестованных за длительность ведения следствия, применение незаконных методов и необоснованность предъявляемых обвинений. Доложив о проделанной им работе, Коперник сказал: «...Я установил из показаний обвиняемых, по всем трем расследованиям, что здесь что-то неблагополучно. С одной стороны, дела недоброкачественные, неполноценные, а с другой стороны, такие заявления арестованных. Эти выводы я обосновываю следующим: самое следствие по этим делам вызывает сомнения. Я доложил вам, что есть на самом деле: заявления арестованных через 3—4 месяца после арестов, в которых они признают себя виновными, показания бессвязные, зачеркнутые, перечеркнутые, неподписанные. Таким образом ... следствие как полагалось не велось, следствие шло лишь по такому пути, чтобы добиться лишь признаний. Таким образом, этим следствием и ограничивалось, не заботясь о доказательствах виновности ... Следующее, из чего я исходил, делая такие выводы, это то, что я располагаю данными о том, что действительно в НКВД ТАССР избивали арестованных. По делу Арбузова я имею доказательство, вплоть до того, что в 4 отделе существовала бригада сотрудников, которая ходила по кабинетам и избивала арестованных».

том 1, л.д.158—159

В ходе допроса 7 октября 1939 года обвиняемому Михайлову были приведены показания Марголина Л.Е. от 23.09.39 г., в которых, в частности, тот сообщил, что в работе Михайлова имело место «огульное избивание арестованных в стремлении заполучения «показаний» о развернутой антисоветской работе. Увлечение «шпионскими» делами, в результате чего имело место ряд сфабрикованных дел...». На это Михайлов заявил, что показания Марголина он не подтверждает, так как «...указаний о применении методов физического воздействия я не давал до получения официального документа из директивных инстанций и личного указания Федотова по делу Султан-Галиева. За все время моей работы в НКВД Татарии мною была дана лишь санкция в отношении Султан-Галиева и бывшего директора сельхозинститута...».

том 1, л.д.241

3 ноября 1939 года Михайлову была зачитана выдержка из письма, написанного им из Москвы своему заместителю Шелудченко: «...надо крепко мотать Мухаметьянова¹ на японский, а Лена на латвийский, германский шпионаж. Требуются факты подготовки террористической деятельности... Возьми дня на 3—4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли... Не обращай внимания на кляузы Кондратюка. Всех организаторов и перспективных на разворот лиц держать в изоляторе при Наркомате (почему — и

¹ Так в документе, вероятно, следует: Мухаметьянова.

сам должен понять). Взять в работу Музафарова и цепко увязать с контрреволюционными националистическими организациями Татарии...». По поводу изложенного Михайлов заявил следующее: «...В своем письме я давал указание только в части Султан-Галиева».

том 1, л.д.261—262

О Кондратюке Михайлов пояснил, что тот: «...написал письмо с жалобой на Елькина о искажениях в следствии на имя Фриновского, с ссылкой на 3 арестованных, к которым якобы применялись методы физического воздействия. Ссылкой в письме — «не обращай внимания на кляузы Кондратюка» я давал понять Шелудченко о применении физического воздействия лишь к Султан-Галиеву».

том 1, л.д.263

На листах 265—266 находится оригинал письма Михайлова к Шелудченко. Дата его написания не указана. В письме содержится уже приведенные выше выражения Михайлова. Его указание в отношении Султан-Галиева полностью выглядит так: «...Возьми дня на 3—4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до последней капли. Фриновский не возражает эту публику, в крайнем случае, пустить через Особую Сессию. (Не обращай внимания на кляузы Кондратюка)». В письме также содержатся указания по групповым делам: «все внимание групповым делам с выходом на центр или за кордон».

том 1, л.д.265—266

14 июня 1939 года обвиняемый Марголин Л.К. показал: «К тому же стало почти правилом, когда Михайлов, приезжая с бюро обкома ВКП(б), присылал записки с перечислением ряда фамилий, подчеркивая, что им интересуется Алемасов¹, и требуя справки на них. Записки эти Шелудченко передавал или в опергруппу (сотрудник Агров), или отдельным следователям, или мне, или Крохичеву для реализации, которая происходила следующим порядком: если в орггруппе материалов не было или было недостаточно, допрашивались обвиняемые на этих лиц». «...Наряду с этим имели случаи искусственного задержания освобождения отдельных коммунистов, на которых все же материалов не было. Михайлов всегда в таких случаях говорил: «Все же попробуем хоть на Особое совещание».

том 1, л.д.294—295

Тогда же, 14.06.39 г., Марголин показал: «Применение методов физического воздействия в 4-м отделе началось с приезда Шелудченко. Именно он приучил к, по его выражению, «откровенным разговорам» с обвиняемыми. Вызывал он обычно обвиняемого к себе в кабинет и часто, в присутствии следователя, применял к нему физические методы воздействия, но делал это и в кабинете у следователя. Выражение «откровенный разговор» с арестованным стало ходячим в 4-м отделе. Далее Марголин говорит, что Шелудченко зачитал ему и Крохичеву письмо Михайлова из Москвы, в котором тот сообщил, что на жалобу Кондратюка о «массовых извращениях в следствии в НКВД Татарии» не следует обращать внимания. «На меня зачтение этого письма произвело впечатление законности этих методов, тем более, что Кондратюк через некоторое время даже был уволен из органов».

¹ Так в документе, вероятно, следует: Алемасов.

Шелудченко М.И. на допросе 3 июня 1939 года показал: «Я лично применял физические меры воздействия к: Магдееву Каюму (бывш. НКФ), Байчурину Гумеру (бывш. председатель ЦИК), Андерсону (зав. ОРПО ОК ВКП(б)), Палькину (директор Сельхозинститута), Алмаеву Яхья (резидент японский), Амерханову Ибрагиму (бывш. член суда Татарии), Богатудинову Гимазу (директор КХТИ), Султан-Галиеву (отец татарской контрреволюции), Жукову (инженер завода 124), Финку (молодому), Усманову Шамилю (бывш. татарский писатель), других не помню. Вспомнил еще Тинчурина¹ (бывш. писатель)».

Тогда же Шелудченко сообщил, что письмо Михайлова из Москвы было получено им в январе 1938 года. Из письма он понял, что Михайлов переговорил с Фриновским относительно жалобы Кондратюка, «...так как его указание о Султан-Галиеве прямо говорят об этом».

10 июня 1939 года Шелудченко показал: «Применяли физические воздействия к арестованным Крохичев, Марголин, Маркович, Сигачев, Курбанов, Гатин, Фролов, Колесников, Гречишкин, Малышев, Гришин». К следователям я никаких мер не применял, но был случай, когда я сделал замечание следователю Галлямову... Я считал эти методы законными».

20 июня 1939 года Шелудченко написал заявление на имя наркома Берия, в котором, в частности, указал, что дело в отношении применения им незаконных методов ведения следствия в НКВД ТАССР ведется необъективно, так как «под сомнение взяты и такие дела, бесспорная действительность которых подтверждена не только большим следственным материалом, но и историческими и партийными материалами, не говоря уже о логике классово-вой борьбы, которая эти элементы не могла оставить в стороне». В числе таких дел он называет «Дело право-троцкистской националистической организации в Татарии», созданными известными Вам Султан-Галиевым, Мухтаровым, Енбаевым и др...». Далее Шелудченко указал: «По этому делу не имело места массовых репрессий, так как из 500—600 выявленных участников репрессировано всего около 200 человек».

23 июня 1939 года Шелудченко написал заявление в адрес Сталина, в котором, оправдывая применение им методов физического воздействия к подследственным, указал следующее: «Из директивы Вашей от 10/1 с.г. я узнал, что мое политическое чутье не обмануло меня. Я применял физическое воздействие к таким врагам, как известный Вам Султан-Галиев, который не хотел рассказать правды о своей контрреволюционной деятельности, несмотря на то, что его два раза судили. Вы говорили о нем еще в 1921 г. (об этом я читал в Вашем труде «Марксизм и национальный вопрос»), что Султан-Галиев вместо ЦК ВКП(б) сбежал в турецкое консульство. Султан-Галиев признался, что с 1919 года он стал орудием иностранных разведок и с того времени вел контрреволюционную работу во всех организациях ВКП(б)

¹ Так в документе, следует: Тинчурина.

тюрко-татарских советских республик, создавая и руководя так называемыми правыми группами. Он также признался, что через работавшего у Вас в Наркомате секретарем Бурундукова пытался выкрасть для подтверждения своей информации инаоразведкам дипломатические документы, относящиеся, кажется, к переговорам с Германией и пр. ...».

Приводит Шелудченко и другие факты избивений арестованных, называя применение таких методов воздействия целесообразными.

том 2, л.д.140—152

Обвиняемый Маркович Э.М. 20 мая 1939 года показал: «Избиение подследственных было общим явлением в отделе...Слышал, что такие же методы применялись в других отделах Наркомата».

том 2, л.д.32—33

В заявлении на имя наркома Берия, датированном 19.06.39 г., Маркович указал, что: «...протоколы...по всем делам корректировались нач. отдела Шелудченко (арестован), где он сгущал краски, т.е. вписывал не так, как говорили арестованные и не по существу шпионажа, а по ряду других вопросов. Объяснял это нам, что деятельность врага надо показывать ярче, что враг ее затушевывает».

том 3, л.д.171

По этому же вопросу 27.05.39 г. Маркович показал, что: «...протоколы обвиняемых корректировались Шелудченко, Марголиным и Крохичевым, что в протоколах значительно усиливались формулировки, обвиняющие подследственных и значастую лица, которые проходили по делу как знакомые или близкие знакомые обвиняемого, вписывались как контрреволюционные связи. Конкретно я указал факты по делу КХТИ».

том 3, л.д.88

2 июня 1939 года Маркович показал: «О том, что бить арестованных считалось «добродетельно», говорит и то, что в отделе говорили: «Битие определяет сознание», т.е. когда бьешь, получаешь сознание. Эта поговорка исходила главным образом от Марголина. Марголин после приезда из Москвы рассказывал, что в Москве также бьют, что там «изобрели» новый способ битья арестованных — кладут на стол, снимают брюки и бьют поясом по ягодицам».

том 3, л.д.106

Свидетель Каменщиков М.И. в ходе допроса 26.05.39 г. сообщил, что Марголин в 1937 году вел дело Ганеева — «султангалиевец, бывший наркомместпром Татарии». Далее Каменщиков показал, что Марголин в течение длительного времени не допрашивал Ганеева, а «...составляя громаднейшие протоколы «допроса» Ганеева на основе упомянутых выше 2—3 маленьких первичных протоколов допроса Ганеева, на основе материалов всего султангалиевского дела и на основе собственной фантазии».

том 4, л.д.227

Свидетель Галлямов В.А.— оперуполномоченный 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД ТАССР, на допросе 19.06.39 г. показал следующее: «О том, как Марголин фальсифицировал протоколы допросов обвиняемых, мне об этом, кроме общей картины, ничего не известно, т.к. я в этом лично тогда большие протоколы не составлял из-за своей неопытности в этом деле, к нему лично ни разу не заходил, насколько мне помнится, для корректировки протоколов, я всегда имел дело со своим начальником отделения, после ухода

Марголина из 3 отделения, а при нем по этому отделению аресты националистов вообще не производились и я по ним не работал, но Марголин был единственным человеком, который 80—90% всех протоколов-допросов обвиняемых откорректировал совместно с Крохичевым, с ним же они составили протокол из рукописи Султан-Галиева, анализировать существо этих протоколов я был, даже при желании, не в силах, а главное, меня и Марголин, и Каменщиков использовали в роли всебегающего, всеисполняющего и вседелающего».

том 5, л.д.93

Секретарь следственной части НКВД ТАССР Белоговская К.Ф., будучи допрошенной в качестве свидетеля, 20.06.39 г. показала: «... Султан-Галиева Мирсаида допрашивали в кабинете у Шелудченко Шелудченко и Марголин, через закрытые двери были слышны крики, но кто бил из них, не знаю...». Сообщила она и о других известных ей случаях избиений арестованных.

том 5, л.д.99

В деле имеется обзор по архивно-следственному делу на Усманова Шамиля — татарского писателя. Как видно из справки, Усманов в 1919 году примкнул в г.Казани к группе татарских «правых», а вскоре и к контрреволюционной организации «султангалиевщина» и до 1926 года активно вел контрреволюционную, националистическую работу...». Усманов в процессе следствия допрашивался 3 раза: дважды — Каменщиковым (1 и 3 допросы) и 1 раз Марголиным. Допросы проходили 9 апреля, 4 и 8 июля 1937 года. 3 декабря 1937 года Усманов умер, как указано в акте: «констатирована внезапная смерть, происшедшая, по всем признакам, от паралича сердца». Дело в отношении Усманова в связи со смертью было прекращено и сдано в архив. При осмотре тела и составлении акта присутствовали: Шелудченко, Крохичев, Марголин. В ходе следствия и судебного заседания Шелудченко признал, что Усманов умер от побоев.

том 6, л.д.138—145; том 8, л.д.311

В материалах дела находится неподписанный машинописный протокол допроса «султангалиевца» Магдеева К.Х. от 10—17 ноября 1937 года с рукописной корректировкой показаний. Кто именно ее делал, не ясно. Допрашивали Магдеева Шелудченко и Крохичев.

том 6, л.д.322—349

В ходе допроса 12 мая 1939 года обвиняемый Марголин Л.Е. на вопрос следователя о том, известны ли ему факты избиений арестованных, когда те умирали, а протоколов допросов в дни избиений не составлялось, ответил: «Чтобы вообще ничего не составлялось в таких случаях, кроме случая с Шамилем Усмановым, мне неизвестно. В случае с Еналиевым, хотя им и оставлены свои записи, но протокола допроса также не составлялось».

том 7, л.д.148

26 октября 1939 года дело в отношении Марголина Л.Е. ввиду его смерти прекращено. В постановлении о прекращении уголовного дела указано, что «согласно акту Бутырской тюрьмы НКВД, находившийся там на излечении — по поводу общего артериосклероза, миокардита, явлений истощения и депрессивного состояния арестованный Марголин Л.Е. 16.10.39 г. умер, вследствие паралича сердца в результате резкого склероза его артерий».

том 7, л.д.183

1 февраля 1940 года военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила:

1. Юрченко Василия Сергеевича, на основании ст.17-193а УК РСФСР — к лишению свободы сроком на 5 лет;
2. Марковича Эзро Моисеевича, на основании ст.17-58-7 УК РСФСР — к лишению свободы сроком на 10 лет;
3. Михайлова В.И. и Шелудченко М.И. на основании ст.58-7 УК РСФСР — к расстрелу. Приговор исполнен.

том 8, л.д.314—315

К настоящей справке прилагаются копии на 105 листах материалов, находящихся в архивном уголовном деле № Н-14990.

Следователь следотдела КГБ СССР
лейтенант юстиции М.И. Чайка

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Т.5. — Л.115—122.

136. Справка Следственного отдела КГБ СССР по архивному уголовному делу на проживающих в Саратовской области лиц, обвиняемых в участии в деятельности контрреволюционной националистической организации, возглавляемой М.Х.Султан-Галиевым

2 декабря 1989 г.
Секретно

Архивное уголовное дело № ОФ 20860 в 2 томах, хранится в УКГБ СССР по Саратовской области.

По делу к уголовной ответственности привлечены:

Баталов Дмитрий Михайлович, 1900 года рождения, уроженец деревни Байгундино Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, член ВКП(б), до ареста — студент Саратовской ВСХШ, арестованный 15 ноября 1936 года;

Явкаев Минбай Азнабаевич, 1899 года рождения, уроженец деревни Байгундино Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, кандидат в члены ВКП(б), до ареста — директор сельмага села Покровка Перелюбского района, арестованный 28 ноября 1936 года;

Явкаев Газимьян Баймитович, 1891 года рождения, уроженец деревни Байгундино Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, беспартийный, до ареста — агент «Союзпушнины», арестованный 2 февраля 1937 года;

Ибатуллин Гафьят Гатаулович, 1900 года рождения, уроженец деревни Кочумбетово Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, беспартийный, колхозник, арестованный 4 февраля 1937 года;

Ибрагимов Яват Харисович, 1906 года рождения, уроженец деревни Юдашбаевка Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, член ВКП(б), до ареста — учетчик тракторной бригады, арестованный 9 февраля 1937 года;

Богданов Зиятдин Шарафутдинович, 1887 года рождения, уроженец де-

ревни Бобровый Гай Клинцовского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, член ВКП(б), до ареста — парторг колхоза и пропагандист Перелюбского РК ВКП(б), арестованный 9 февраля 1937 года;

Яхин Камил Валеевич, 1910 года рождения, уроженец деревни Юдашбаевка Перелюбского района Саратовской области, башкир, гражданин СССР, член ВЛКСМ, до ареста — счетовод колхоза им. Сталина, арестованный 18 апреля 1937 года.

Всем привлеченным в качестве обвиняемых по настоящему уголовному делу лицам были предъявлены обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст.58-10 и 58-11 УК РСФСР. Они обвинялись в участии в деятельности контрреволюционной националистической организации, возглавляемой Султан-Галиевым М.Х., проведении среди своего окружения контрреволюционной националистической деятельности.

В деле имеются протоколы допросов обвиняемого [...] от 2—5 марта и 9 марта 1937 года, в ходе которых он показал, что в 1936 году был вовлечен Султан-Галиевым в состав возглавляемой тем контрреволюционной националистической организации, ставящей целью вооруженную борьбу с советской властью и создание единого башкирского государства на территории Башкирской АССР. [...] показал, что он, по заданию Султан-Галиева, проводил контрреволюционную работу среди колхозников Перелюбского района Саратовской области с целью массового переезда колхозников-башкир в Башкирию, смещению с руководящих постов руководителей русской национальности, представляя при этом русских как угнетателей национальных меньшинств.

Показания [...] в марте 1937 года послужили основанием к аресту Явкаева Г.Б., Ибатуллина Г.Г., Ибрагимова Я.Х., Богданова З.П., Яхина К.В. [...]

Обвинительное заключение по делу не соответствует материалам уголовного дела, так как в ходе следствия Явкаев Г.Б., Ибатуллин Г.Г., Ибрагимов Я.Х., Яхин К.В. в своих показаниях не признали своего участия в деятельности организации, якобы возглавляемой Султан-Галиевым, отрицали проведение ими контрреволюционной деятельности. Показания [...] относительно их контрреволюционной деятельности все вышеперечисленные лица назвали ложными и не соответствующими действительности.

В ходе судебного заседания названные выше лица также не признали предъявляемого им обвинения, однако все они спецколлекцией Саратовского областного суда по ст.58-10 и 58-11 УК РСФСР были приговорены к различным срокам лишения свободы.

16 марта 1938 года, рассмотрев протест заместителя Прокурора СССР, Президиум Верховного Суда СССР направил дело для дополнительного расследования и судебного рассмотрения в связи с неправильной квалификацией содеянного. Было указано, что действия всех проходящих по делу лиц следует квалифицировать по ст.58-2 и 58-11 УК РСФСР.

«Дополнительное предварительное следствие» было произведено сотрудниками УГБ УНКВД по Саратовской области. Все проходящие по делу лица были допрошены по обстоятельствам инкриминируемых им деяний и все, в том числе и [...], отказались от своих показаний, данных ими на следствии в 1936—1937 гг., мотивируя это тем, что полное либо частичное признание контрреволюционной деятельности, якобы проводимой ими, было дано под воздействием лиц, производивших предварительное следствие по делу.

20 февраля 1939 года дело было рассмотрено на заседании судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда. В ходе судебного заседания все проходящие по делу лица показаний о своей контрреволюционной деятельности не дали, а показания, данные ими в ходе следствия в 1936—1937 гг., о якобы проводимой ими контрреволюционной деятельности, назвали ложными и данными ими под воздействием следствия. Суд приговорил Баталова, Явкаяева и Богданова к расстрелу, остальных — к различным срокам лишения свободы, квалифицировав их действия по ст.58-2 и 58-11 УК РСФСР.

Сведений о исполнении приговора в материалах дела не имеется.

5 августа 1964 года архивное уголовное дело № ОФ 20860 Прокуратурой Саратовской области было направлено в УКГВ СССР по Саратовской области на дополнительную проверку, по результатам которой Прокуратурой РСФСР внесен протест (в порядке надзора) в Президиум Верховного Суда РСФСР.

23 декабря 1964 года постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР приговор Саратовского областного суда от 27—28 марта 1939 года в отношении всех привлеченных к уголовной ответственности по настоящему уголовному делу лиц отменен, и дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

К настоящей справке прилагаются ксерокопии ряда материалов архивного уголовного дела № ОФ 20860 на 21 листе.

Документальных материалов о контрреволюционной либо иной преступной деятельности Султан-Галиева М.Х., за исключением неконкретных показаний [...], от которых он впоследствии отказался, в осматриваемом деле не имеется.

Следователь следотдела КГБ СССР
Ст.лейтенант юстиции М.И.Чайка

ЦА ФСБ РФ. — Ф.Р.-38555. — Т.5. — Л.228—231.

137. Заключение Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР в отношении М.Х.Султан-Галиева по материалам его уголовного дела

28 февраля 1990 г.

«Утверждаю»

Заместитель начальника Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам прокуратуры Союза СССР

Л.Ф.Космарская

Фамилия, имя, отчество: Султан-Галиев Мирсаид Хайдар Галиевич

Месяц и год рождения: 1892

Место рождения: с. Кармаскалы Башкирской АССР, татарин, гражданин СССР (д.Шипаево Стерлитамакского района БАССР)

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета): Бывший член ВКП(б) с 1917 по 1923 годы, исключен за антисоветскую националистическую деятельность в мае 1923 г. постановлением ЦКК ВКП(б)

Место работы и должность до ареста: консультант Всесоюзного

Место жительства до ареста: г. Москва

Сведения о родственниках: жена — Фатима Ахмедовна, 28 л.; сын Мурат — 4 г., дочь Гульнара — 9 л., Расида — 13 л.

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу: Арестован 11.12.1928 г.; обвиняется по ст. 58-2, 4, 6, 11 УК РСФСР в том, что являлся одним из руководителей контрреволюционной организации «Милли Фирка», являлся членом оппозиции «правых», вел борьбу против линии партии в национальном вопросе, для чего готовил повстанческие кадры, по постановлению Коллегии ОГПУ от 28.07.30 г. подлежал ВМН, тем же органом 8.01.31 г. данное постановление аннулировано, по постановлению Коллегии ОГПУ от 13.01.31 г. ВМН заменена концлагерем сроком на 10 лет с конфискацией имущества; по постановлению того же органа от 3.08.30 г. В дополнении к постановлению от 28.07.30 г. члены семьи Султан-Галиева: жена Фатима, дети — Гульнар, Расида, Марат — лишены права проживания в 12 п. с прикреплением к определенному месту жительства на 3 г.; по постановлению Коллегии ОГПУ от 8.03.31 г. высылка семьи Султан-Галиева отменена.

Султан-Галиев Мирсаид Хайдар Галиевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

Прокурор Управления по надзору за исполнением

законов о государственной безопасности,

международным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР М.Г.Шоркин

Сотрудник следственного отдела КГБ СССР А.М.Ермаков

Сотрудник отдела КГБ СССР А.Я.Николаев

28 февраля 1990 г.

По приговору ВК ВС СССР от 8 декабря 1939 года Султан-Галиев на основании ст. 58-1а, 58-2 и 58-11 УК РСФСР расстрелян (исполнено 28 января 1940 года)

Дело проверяется ГВП на предмет внесения протеста.

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.12.— Л.49—50.— Ксерокопия.

138. Письмо первого секретаря Татарского обкома КПСС М.Ш.Шаймиева председателю Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, А.Н.Яковлеву

9 апреля 1990 г.

Уважаемый Александр Николаевич!

По поручению Вашей Комиссии начато рассмотрение дел, связанных с репрессиями против члена Коллегии Наркомнаца и Председателя Федземкома РСФСР, члена партии с июля 1917 г. М.Х.Султан-Галиева. Юридичес-

кие и политические обвинения Султан-Галиева в 1923, 1929 и 1937 годах связаны с выдвиганием им альтернативных сталинских подходов к решению национального вопроса. Они стали поводом для широкой кампании против так называемого «национал-уклонизма», в ходе которой репрессированы многие партийные и советские работники республик и представители национальной интеллигенции. После XX съезда КПСС с подавляющего большинства из них были сняты все обвинения. Однако этот процесс был замедлен в конце 60-х годов.

В принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС платформе по национальному вопросу подчеркнута необходимость восстановления имен политически ошельмованных и репрессированных деятелей, обвиненных в так называемом «национал-уклонизме». Это дает основание считать, что дело Султан-Галиева будет пересмотрено.

В связи с подготовкой к 70-летию образования Татарской АССР, которое будет отмечаться 25 июня 1990 года, мы обращаемся к Вам с просьбой ускорить работы по изучению этих материалов и принятию решения Комиссии.

М.Х.Султан-Галиев — один из видных деятелей национального строительства СССР, сыгравший также большую роль в становлении государственности татарского народа и неоднократно встречавшийся по этому вопросу с В.И.Лениным. Подобное решение имело бы положительный общественно-политический резонанс и способствовало бы снятию определенной напряженности в связи с национальными проблемами в регионе.

Приложение: Краткая справка о М.Х.Султан-Галиеве на 6 листах.

Секретарь обкома КПСС М.Шаймиев

ЦГА ИПД РТ.— Ф.15.— Оп.15.— Д.205.— Л.71, 72.

139. Обращение Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина и Партархива Татарского обкома КПСС в Секретариат Татарского обкома КПСС о рассмотрении вопроса о праздновании 100-летия со дня рождения М.Х.Султан-Галиева

6 сентября 1990 г.

Филиал Центрального музея В.И.Ленина и партархив обкома КПСС выносят на рассмотрение Секретариата обкома партии вопрос «О 100-летию со дня рождения М.Х.Султан-Галиева».

Султан-Галиев — видный революционер, крупный деятель национально-государственного строительства, общепризнанный теоретик национально-освободительного движения народов Азии и Африки. За открытые, решительные выступления против сталинской политики «автономизации» он был обвинен в так называемом «национал-уклонизме», ошельмован и уничтожен. Под видом борьбы с «султангалиевщиной» были незаконно репрессированы тысячи коммунистов национальных республик.

В мае 1990 года Комиссия Политбюро ЦК КПСС по политической реабилитации одобрило решение Пленума Верховного суда СССР от 28 марта 1990 г. о полной реабилитации и Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 11

мая 1990 г. о восстановлении М.Х.Султан-Галиева в рядах КПСС. Практически оправданы все, кто обвинялся в «национал-уклонизме» и «султангалиевщине».

Это была, несомненно, важная политическая акция в канун образования Татарской ССР, к которому Султан-Галиев причастен самым непосредственным образом. На заседании коллегии Наркомнаца, X съезде Советов и XII съезде партии именно он, в противовес сталинскому, выдвинул принцип образования союзного государства на основе равноправия всех без исключения народов, независимо от их демократического потенциала. Отсюда вытекали его предложения о непосредственном вхождении в СССР всех республик и автономных образований.

Вся жизнь М.Х.Султан-Галиева связана с национально-освободительным и революционным движением народов Татарстана, отстаиванием его суверенитета. Во время подготовки и победы Октябрьской революции он входит в состав Реввоенштаба Казанской губернии, в 1918 году является членом ревкома и революционного штаба Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казанским губернским комиссаром по делам мусульман, по продовольствию, членом Совнаркома Казанского Совета республики, Председателем Казанского мусульманского социалистического комитета.

В годы Гражданской войны после гибели М.Вахитова Султан-Галиев становится самой крупной политической фигурой из татарских большевиков. Он становится членом Реввоенсовета 2-й армии, председателем Центрального мусульманского комиссариата и Центральной мусульманской военной коллегии, председателем Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), начальником Восточного отдела ПУРа. По предложению В.И.Ленина и решением Совета Народных Комиссаров вводится в состав Комиссии по образованию Татарской АССР, работает представителем Татарии при Наркомнаце в Москве, неоднократно избирается членом Казанского губкома, ТатЦИКа.

Следует особо подчеркнуть, что Султан-Галиеву, как человеку с планетарным мышлением, удалось предвосхитить многое из того, что потом действительно свершилось в национально-освободительном движении народов бывших колоний. Не случайно лидеры национальных революций отмечали, что борцы разбуженного Востока во многом опирались на концепцию Султан-Галиева о движущих силах национально-освободительных движений. За рубежом о татарском большевике издано немало книг.

Сейчас многое делается по выполнению долга перед исторической памятью общества и партии, возвращению доброго имени Султан-Галиеву М.Х. и в нашей республике. Татарским книжным издательством издан биографический очерк о Султан-Галиеве, партархивом готовится к печати сборник его трудов. Комиссией при Казанском городском Совете народных депутатов поддержано ходатайство филиала Центрального музея В.И.Ленина, партархива ОК КПСС, общества «Ватан», Татарского общественного центра о названии безымянной площади перед Ленинским мемориалом именем М.Х.Султан-Галиева.

Широкое празднование 100-летия со дня рождения М.Султан-Галиева позволит, на наш взгляд, всесторонне проанализировать и оценить политическую деятельность и теоретическое наследие одного из [наи]более крупных деятелей национального движения XX века, станет фактом, свидетельствую-

щим о восстановлении исторической правды, возвращения [к] ленинским принципам национальной политики, данью тысячам невинных борцов за свободу.

Директор Казанского филиала
Центрального музея Р.Закиров
Заведующий партийным архивом
Татарского ОК КПСС Д.Шарафутдинов

ЦГА ИЦД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.27.— Л.8.

140. Ходатайство Татарского общественного центра, Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина, Татарского общества «Ватан» и Партийного архива Татарского обкома КПСС Исполкому Казанского городского Совета народных депутатов о названии площади именем М.Х.Султан-Галиева

1990 г.

Татарский общественный центр (ТОЦ), Общество «Ватан», партархив обкома КПСС и филиал Центрального музея В.И.Ленина обращаются с ходатайством назвать площадь, расположенную между зданиями Татарского обкома КПСС и филиалом Центрального музея В.И.Ленина, именем Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалиевича (1892—1940) — видного революционера, крупного деятеля, национально-государственного теоретика национально-освободительного движения народов Азии и Африки.

Султан-Галиев — один из последовательных сторонников ленинской национальной политики, решительно выступил против сталинских подходов в решении национального вопроса, особенно в части умаления последним прав и суверенитета национальных республик. Именно поэтому он был ошельмован и уничтожен; под видом борьбы с «султангалиевщиной» были незаконно репрессированы и сотни других татарских коммунистов, представителей национальной интеллигенции.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 марта 1990 года Султан-Галиев М.Х. полностью реабилитирован, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС 11 мая 1990 года реабилитировал его и в рядах КПСС. Практически оправданы все, кто обвинялся в «национал-уклонизме» и «султангалиевщине».

Это несомненно важная политическая акция в канун 70-летия образования Татарской АССР, к которому Султан-Галиев М.Х. причастен самым непосредственным образом. Во время подготовки и победы Октябрьской революции он входит в состав Реввоенштаба Казанской губернии, в 1918 году является членом ревкома и революционного штаба Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казанским губернским комиссаром по делам мусульман, по продовольствию, членом Совнаркома Казанского Совета республики, Председателем Казанского мусульманского социалистического комитета.

В годы гражданской войны, после гибели М.М.Вахитова, Султан-Галиев становится самой крупной политической фигурой из татарских большевиков, будучи членом Реввоенсовета 2-й армии, председателем Центрального Мусульманского комиссариата и Центральной Мусульманской военной

коллегии, председателем Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), начальником восточного отдела ПУРа, он выполняет громадную работу. По предложению В.И.Ленина и решением Совета Народных Комиссаров от 4 мая 1920 года он вместе с Саид-Галиевым вводится в состав Комиссии по образованию Татарской АССР, затем работает представителем Татарии при Наркомнаде в Москве, неоднократно избирался членом Казанского губкома, ТатЦИКа.

Следует особо подчеркнуть, что Султан-Галиеву М.Х., как человеку с планетарным мышлением, удалось предвосхитить многое из того, что потом действительно свершилось в национально-освободительном движении народов бывших колоний. Не случайно лидеры национальных революций отмечали, что борцы разбуженного Востока во многом опирались на концепцию Султан-Галиева о движущих силах национально-освободительных движений.

И через два года в нашей стране и за рубежом будет широко отмечаться 100-летие со дня рождения Султан-Галиева М.Х.

Увековечение имени Султан-Галиева М.Х. в названии одной из площадей Казани станет фактом, свидетельствующим о восстановлении исторической правды, данью тысячам невинных борцов за свободу, возвращением к ленинским принципам национальной политики.

Принятие такого справедливого решения отвечало бы чаяниям широкой общественности республики.

Председатель-координатор
Татарского общественного центра Ю.Камалетдинов
Директор Казанского филиала
Центрального музея В.И.Ленина Р.Закиров
Председатель президиума
Татарского общества «Ватан»
академик АПН СССР М.Махмутов
Заведующий партийным архивом
Татарского ОК КПСС Д.Шарафутдинов

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8237.— Оп.1.— Д.27.— Л.2—4.

141. Постановление Совета Министров Татарской АССР о присвоении площади г.Казани имени Мирсаида Султан-Галиева

№320

27 августа 1990 г.

Совет Министров Татарской АССР постановляет: принять предложение исполкома Казанского городского Совета народных депутатов о присвоении площади перед филиалом Центрального музея В.И.Ленина имени видного революционера Султан-Галиева Мирсаида Хайдаргалеевича, именовать ее площадь имени Мирсаида Султан-Галиева.

Председатель Совета
Министров Татарской АССР М.Г.Сабилов
Зам. управляющего делами
Совета Министров ТАССР Ш.А.Зарифов
НА РТ.— Ф.Р.128.— Оп.3.— Д.1959.— Л.188.

142. Постановление Совета Министров Татарской ССР о столетии со дня рождения Мирсаида Султан-Галиева

№220

11 мая 1991 г.

В июле 1992 года исполняется 100 лет со дня рождения видного революционера, государственного и партийного деятеля Мирсаида Султан-Галиева. Принимая во внимание огромный вклад М.Х.Султан-Галиева в национально-освободительное и революционное движение народов Татарстана, его политическую деятельность и теоретическое наследие в области национальной политики, Совет Министров Татарской ССР постановляет:

1. Для подготовки и проведения юбилея М.Х.Султан-Галиева утвердить организационный комитет в составе:

Хасанов М.Х. — первый заместитель Председателя Совета Министров ТССР, председатель организационного комитета

Галеев М.Г. — секретарь рескома КПСС, заместитель председателя организационного комитета

Таишев М.М. — министр культуры ТССР, заместитель председателя организационного комитета

Члены оргкомитета:

Мухамадиев Р.С. — председатель правления Союза писателей Татарской ССР

Тагиров И.Р. — заведующий кафедрой истории СССР советского периода Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина, член бюро рескома КПСС

Хамматов Ш.Ш. — председатель Госкомиздата Татарской ССР

Исхаков К.Ш. — председатель Казанского горисполкома

Хакимов Р.С. — заместитель председателя идеологической комиссии рескома КПСС

Хайруллин И.К. — председатель Гостелерадио Татарской ССР

Нагуманов Д.Н. — министр финансов Татарской ССР

Гайфуллин В.Г. — министр народного образования Татарской ССР

Закиев М.З. — директор Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского научного центра Ан СССР

Мингазов М.Г. — заведующий отделом социально-культурного развития Совета Министров Татарской ССР

Закиров Р.З. — директор Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина

Прохорова Т.М. — начальник Архивного управления при Совете Министров Татарской ССР

Шарафутдинов Д.Р. — заведующий партархивом рескома КПСС

Ашрафзянов Х.А. — директор Татарского книжного издательства

Харисов Р.М. — редактор газеты «Татарстан хәбәрләре»

Алаев Ю.П. — редактор газеты «Известия Татарстана»

Аглиуллин М.А. — редактор газеты «Социалистик Татарстан»

Лисин Е.А. — редактор газеты «Советская Татария»

Мулюков М.А. — президент Татарского общественного центра

2. Провести 13 июля 1992 года торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения М.Х.Султан-Галиева, в Татарском государственном академическом театре оперы и балета им. М.Джалиля.

3. Утвердить прилагаемый план мероприятий по подготовке и проведению 100-летия со дня рождения М.Х.Султан-Галиева.

4. Учитывая пожелания общественности, соорудить в г.Казани памятник М.Х.Султан-Галиеву.

5. Учредить фонд М.Х.Султан-Галиева.

6. Министерству финансов Татарской ССР (т.Нагуманов Д.Н). выделить в установленном порядке необходимые средства на проведение юбилея М.Х.Султан-Галиева.

Председатель Совета Министров Татарской ССР
Управляющий делами Совета Министров ТССР

М.Г.Сабиров
Н.Ф.Козырь

143. Халкыбызның атаклы улы Мирсәет Солтангалиевнең тууына 100 еллыгына багышланган тантаналы кичәдә Татарстан Республикасы президенты М.Ш.Шәймиев чыгышы

Хөрмәтле кунаклар, кадерле ватандашлар, милләтләшләр!

Без бирегә татар халкының данлы улы, XX гасырның иң зур сәяси фигураларынан берсе, илдә милли дәүләт төзелеше буенча күренекле эшлекле Мирсәет Солтангалиевнең тууына 100 ел тулуы билгеләп үтәргә җыелдык.

Мирсәет Солтангалиев дөнья җәмәгатьчеләренең иҗтимагый аңына Көнчыгыш халыкларының милли проблемаларын хәл итү өлкәсендә иң зур теоретикларның берсе, дөнья халыкларының хокукларын һәм ирекләрен яклаучы, галимнәр эйткәнчә, «өчөгчә дөньядагы революцияләренең атасы» буларак кереп калды. Солтангалиевнең әлеге революцион үзгәрешләрдәге роле гарәп дөньясының күренекле җәмәгать һәм дәүләт эшлеклесе, Алжирның беренче Президенты Әхмәт Бен-Белланың безнең тантаналы җыелышка жибергән котлавында бик дәрәҗә билгеләнгән. Ул анда, Солтангалиев исемнең һәм идеяләренең яңадан кайтарылуын хуплап, дөнья аңа зур бурычлы, дип билгеләп үтә.

М.Солтангалиев беренче булып СССР кебек буйсынулы федерация төзүгә каршы чыкты. Ул Көнчыгыш республикалар да, атап әйткәндә, Татарстан, Башкортстан, Казахстан, Төркестан, Әрмәнстан, Грузия һәм Азәрбайҗан да союз дәүләтен турыдан-туры оештыручылар сыйфатында булырга тиешлеген алга сөрүче беренче политик булды. Әмма аңа, аннары аны яклаучыларга милләтче дигән тамга тагылды. Кем белә, әгәр ул вакытта акыл тавышы тантана итсә һәм халыкларның чын тигез хокукы федерациясә төзелсә, бу тавыш Сталинның эш-гамәлләре белән тупас рәвештә өзәлмәсә, бәлкәм, союз бүген таркалмаган да булыр иде. Хәер, тарих кайчак кабатлана. 1991 елның августынан соң өзәлгән Ново-Огарево процессы да тарихи килешү мөмкинлегә вәгъдә иткән иде.

Бүгенге көн белән турыдан-туры охшашлыклар китермичә, шулай да Советлар Союзын тәртәткән һәм аның состав структураларының таралуына китергән кризис күренешләрен Солтангалиев шактый дәрәҗәдә пәйгамбәрләрчә алдан әйтте, әмма ул вакытта сәяси сафсата буларак тамгаланды.

Бүген тагын шунысын да билгеләп үтү дәрәҗә булып, күпмилләтле дәүләтнең какшамас кебек төелгән нигезләре җимерелгән, ә милли эгоизм һәм

экстремизм илнең күпләгән төбәкләрен чолгап алган бүгенге катлаулы һәм каршылыклы вакытта, Татарстан халкы, бу жиимергөч тенденцияләргә бирелмиçә, үзенең батырлык таба һәм акыллылык күрсәтә. Югары Совет 1990 елның 30 августында Татарстан Республикасының дәүләт суверенитеты турындагы акты кабул иткәннән соң, республикада булган барлык сәясый вакыйгаларның барышы шуны раслай. Моңы шулай ук республикабызда быйлның 21 мартында дәүләт статусы турында уңышлы үткән референдум да, шулай ук күптән түгел булып үткән Татарстан халыклары корылтае да һәм Бөтендөнья татар конгрессына эзерлекнең барышы да раслай.

Нәкъ бер ел элек Татарстан Президентын гомуми сайлауларда халык безгә икътисади, сәясый һәм рухи тормышның барлык өлкәләрендә реаль суверенитет юлыннан бару, аны барлык республикалар һәм, беренче чиратта, Россия белән акыллы һәм үзара файдалы интеграция белән бергә бәйләп алып бару вәкаләтләре бирде. Россия белән цивилизацияле, килешүле мөнәсәбәтләр урнаштыру сәясәтебезнең магистраль линиясе булып тора. Бу юлда без Россиядә дә һәм шулай ук дөнья берләшмәсенең башка кайбер илләрендә дә акыллы сәясәтчеләрнең һаман саен күбрәк аңлый баруына юлыгабыз. Европага, АКШ һәм Канадага булган эш визиты вакытында без моңа тагын бер тапкыр ышандык.

Кичә Россия Президенты Б.Ельцин белән сөйләшү вакытында үз позициябезне тагын бер кат белдердек һәм без сөйләшүләргә давам итәргә булдык.

СССРны унитарлаштыруның борчулы тенденцияләрен күреп, Мирсәет Солтангалиев, борчылып, тигез хокуклы булмаган союз кайчан да булса таркалчак, диде. Һәм ул хаклы булып чыкты. Эмма XX гасыр ахыры цивилизацияле дөньясының яңа шартларында без үзебездә искергән концепцияләргә һәм структураларны жиндү үз халыкларыбызга кешегә лаеклы тормыш тәэмин итү өчен көч табарга тиеш. Татарстанның юлы — суверенлыкны республикадагы барлык халыкларга тигез хокуклар бирь белән бергә кушу. Бер үк вакытта без милләтнең рухи мәдәниятенә төп компонентларын саклау һәм үстерү өлкәсендә, аның вәкилләренең кайда яшәвенә бәйсез рәвештә татар халкы алдындагы бурычыбызны да истә тотарга һәм моңа һәрьяклап булышлык итәчәкбез.

Ватаным Татарстан.— 1992.— 13 июнь.

144. Постановление главы администрации г.Казани о границах площади перед городским культурным центром, названной в честь М.Х.Султан-Галиева

№ 636

6 июля 1992 г.

Решением № 533 от 11.07.90 г. исполком Казанского городского Совета народных депутатов вышел с предложением в Кабинет Министров ТССР о присвоении имени видного революционера Мирсаида Султан-Галиева площади перед городским культурным центром. Постановлением № 320 от 27.08.90 г. Кабинета Министров ТССР предложение исполкома горсовета было принято.

В дополнение к решению исполкома горсовета № 533 от 11.07.90 г. постановляю:

Площадь перед городским культурным центром, названную в честь революционера Султан-Галиева, ограничить с севера — культурным центром, с запада — откосом благоустройства, с востока — ул. М.Красной и откосом реки Казанка, с южной стороны — линией поребрика проезжей части.

Глава администрации г.Казани

К.Исхаков

НА РТ.— Ф.Р.128.— Оп.3.— Д.1959.— Л.188.

145. Письмо Главного архивного управления при КМ РТ и Общества историков-архивистов РТ министру культуры РТ Таишеву М.М. о выполнении постановления Кабинета Министров РТ об увековечении памяти М.Х.Султан-Галиева

20 июля 1999 г.

В 1992 году государственные органы и общественность Республики Татарстан отметили 100-летие со дня рождения выдающегося политолога XX в. М.Х.Султан-Галиева. В торжествах по этому случаю и на научной конференции участвовали видные представители общественных движений и науки Российской Федерации, Республики Татарстан, дальнего и ближнего зарубежья. На торжественном вечере выступил Президент РТ М.Ш.Шаймиев, подчеркнувший, что идеи М.Х.Султан-Галиева используются в настоящее время многими странами, создающими свои национальные государства на основе федеративных принципов. Тогда же Правительство РТ приняло решение об установлении памятника М.Х.Султан-Галиеву на площади перед Национальным культурным центром «Казань», носящей его имя. В торжественной обстановке был установлен закладной камень. Однако осуществление решения Правительства РТ в силу ряда причин задержалось.

В начале 2000 г. исполняется 60 лет со дня трагической гибели М.Х.Султан-Галиева, расстрелянного 28 января 1940 г., к которому планируется проведение новой научно-практической конференции с участием широкой общественности и научных работников, а также издание сборника архивно-следственных дел «Неизвестный Султан-Галиев». В этой связи, на наш взгляд, следовало бы ускорить работу по выполнению постановления Правительства об увековечении памяти М.Х.Султан-Галиева, рассмотрев варианты решения этой проблемы к указанной дате.

Начальник Главного архивного
управления при КМ РТ,
заслуженный работник культуры РТ,
кандидат исторических наук
Д.Р.Шарафутдинов
Председатель Общества
историков-архивистов РТ,
заслуженный деятель науки РТ,
кандидат исторических наук
Б.Ф.Султанбеков

ПРИЛОЖЕНИЯ

146. Письмо группы руководящих работников ТАССР в Политбюро ЦК РКП(б) о неблагоприятных моментах в проведении национальной политики в республике («Письмо 39-ти»)

8 мая 1924 г.

В условиях Татарской Республики, где в прошлом при царско-буржуазном режиме проводилась в самой гнусной форме политика русификаторства и колонизаторства (Поволжское православное миссионерство во главе с Ильминским и Бобровниковым и прочими; братство св.Гурия; захват лучших земельных территорий у туземного населения) разрешение национального вопроса в духе программы РКП(б) имеет колоссальное значение для успеха социальной революции.

Разрешение национального вопроса в условиях Татарской Республики имеет бесконечное революционное значение и для всего мусульманского Востока в смысле революционизирования глубокого резерва западноевропейского империализма.

Всякие достижения в области культурной и хозяйственной, а главным образом в развитии революционного движения среди трудящихся татарских масс в направлении международной пролетарской революции, приковывая к себе внимание трудящихся Востока, приближают нас к социализму.

Проведение правильной линии политики национального вопроса в Татарской Республике возможно при учете социальных и экономических условий, заключающихся в наличии: 1) слабости современной промышленности и неизбежность — медленность развития таковой в ближайшее время; 2) значительной части рабочего класса, принадлежащего к великорусской национальности при сравнительной малочисленности туземного пролетариата (из 20189 рабочих русские составляют 80%, а татары — 15%); 3) абсолютного большинства туземного крестьянства (из 2646172 крестьянского населения в кантонах татары составляют 54,2%, русские — 37,7% и прочие национальности — 8,1%). В г.Казани по данным переписи 1920 года русские составляют — 73,9%, татары — 19,4% и остальные национальности — 6,7%. Таким образом, смычка между «русским городом» и «туземной деревней» является одним из основных факторов в разрешении национального вопроса в Татарской Республике.

Неблагоприятными моментами в проведении национальной политики в ТАССР являются: 1) экономическая и культурная отсталость татарского крестьянства; 2) малочисленность татарского пролетариата; 3) малочисленность коммунистов-татар, и особенно старых партийных работников, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке; 4) наличие пережитков великодержавничества и националистически-клерикальных традиций.

В Казани с его университетом в прошлом складывалась общественно-политическая жизнь под руководством торговой и промышленной буржуазии — русской и татарской, продуктом чего являются упомянутые пережитки и традиции.

В результате этого существующие вузы, научные общества с кадрами старой профессуры в своих недрах все еще продолжают оставаться носителями старой буржуазной общественности и туго поддаются советизации. Прила-

гаемые при сем официальные сведения (см. приложение № 1) ясно свидетельствуют об этом. Дух этот внедрен и в большинстве состава советского аппарата. Эти же традиции продолжают сохраняться и в условиях татарской действительности, носителями коих являются татарское духовенство и отдельные представители буржуазной интеллигенции.

Условия нэпа способствуют сохранению этих пережитков, которые приобщаются к условиям нэпа по-своему в форме сменовеховщины.

Поэтому развитие и работа коммунистической организации Татарии протекала и протекает в чрезвычайно тяжелой и сложной обстановке.

Линия партийно-политической работы в Татарской Республике в прошлом, как отмечалось решением парторганизации, не всегда выдерживалась. В 1920—1921 годы период начала организации ТАССР, как известно, был в особенности болезненным. В линии имелись резкие отклонения.

Тезисы, принятые обкомом в мае 1922 года, анализируют состояние организации таким образом: «В период военного коммунизма в ТССР со стороны некоторых русских товарищей, не вполне изживших дух господствующей нации, делались попытки выявлять свои привилегии, игнорируя фактически самоопределение национальностей, признавая его лишь формально, что выразилось в обструкции дела привлечения татарских масс в партию и советское строительство, причем создавшаяся объективная обстановка, требующая чрезвычайного напряжения сил, не давала возможности практически поставить вопрос о широком вовлечении татарских трудовых масс в партийную советскую и профессиональную работу, в результате чего создание ТССР сводилось в этот период к простому переименованию учреждений.

Такое отношение к самоопределению порождало недоверие среди татарских масс к советской власти, в частности к русским коммунистам, разлагало партийные силы татар, разбивая их в одной коммунистической семье на так называемых «националистов» и «интернационалистов». Все это не только вредило и тормозило осуществление нерушимого сотрудничества и тесного братского союза трудящихся масс татар с русскими трудящимися и вовлечение их в ряды бойцов за интернациональные идеи, а способствовало повторению и учащению тактических ошибок, порой доходивших до уклонов к явному национализму со стороны как русских, так и татарских коммунистов.

В то время кризис на почве разрешения национального вопроса был изжит правильным руководством и постановкой проведения национальной политики, усилением партийного аппарата, приближением его к туземным партийным массам — привлечением в партаппарат туземных работников, правильным определением взаимоотношения между советским аппаратом, возглавляемым преимущественно татарскими работниками, и партаппаратом.

1922 год — период после 5-й и 7-й конференций характеризуется как наиболее устойчивый в правильном проведении национальной политики и с правильной постановкой партийной работы вообще (сравнительно достаточное вовлечение в партийные и советские аппараты работников татар и перелом в настроении русской части партийной организации в сторону усвоения национальной политики и практического его разрешения, отказ от подразделения туземных коммунистов на «националистов» и «интернационалистов»).

Развивавшиеся условия нэпа, разноречивые толкования по вопросу создания СССР нервно отразились на состоянии коммунистической организации

Татреспублики. С этого времени (примерно во время X съезда Советов) стали отмечаться отдельные моменты заострения в работе и определился перелом в настроении русской части руководящего ядра в организации.

Этот перелом, в особенности в недрах ОК, вылился в форму пугливо-осторожного отношения ко всему, что относится к национальному вопросу, политиканства, формализма и педагогического отношения к татарским работникам — вместо того чтобы, как было указано в тезисах по национальному вопросу, принятых 7-й партийной конференцией: «ОК должен быть верным, чутким регулятором в смысле трезвого анализа действительного положения вещей нашей парторганизации и проводником в жизнь постановлений партии по национальному вопросу».

Благодаря созданным настроением ряд товарищей из ОК и технического аппарата ОК стали на путь упрощительства и первой обструкции.

В результате такого состояния организации плюс общих переживаний в жизни партии произошел последний кризис.

Дискуссия вскрыла наличие разложения солидной части коммунистической организации Татреспублики. Вполне справедливо отмечено было т.Зиновьевым, что в Татреспублике партийная дискуссия имела дополнительные трудности именно потому, что там вдобавок к остальным моментам спор обострялся в сильной степени национальным моментом.

Конечно, при такой обстановке правильная линия партии по национальному вопросу не могла сохраниться. Если в период военного коммунизма встречались с фактом, когда на страницах партийной прессы предлагалось трудящимся остальных национальностей чтить память миссионера Бобровникова, то в настоящее время мы встречаемся с определенно выявленным мнением, когда говорят: «нам, русским аборигенам, в высшей степени не нравится то, что вы (татары) занялись реализацией своего языка в русском городе...», «Татреспублика вообще является больной на фоне СССР» или когда по национальному вопросу ответственные и подготовленные русские коммунисты говорят: «Нам надо равняться по Западу, а не культивировать отсталую культуру и стараться ее во что бы то ни стало сохранить... Вы знаете, в Татреспублике вопрос поставлен о культивировании отставшей культуры, а не достижения высшей культуры» (формулировка Корбута, руководителя вузовских ячеек, на 7-й областной партконференции по национальному вопросу); или, импонируя подчинение русоязычающим элементам, «левствующие» татарские коммунисты говорят: «Всякое национальное уравнение необходимо и нужно, но торопиться с этим не следует. Предположим, товарища, такой случай: «Положим, по всей Европе революция, вдруг все национальности поднимают вопрос о фактическом уравнении в хоз-культурном отношении. Ясное дело, что если этим заниматься, произошла бы полнейшая гибель революции. Пока фактически к нам не примкнули все, торопиться с уравнением не следует, так как могут быть недоразумения». Или еще активное и открытое выступление профессуры по вопросу о сельскохозяйственном техникуме для татарской молодежи, сводящееся по существу к ликвидации техникума, и такое предложение становится предметом обсуждения партячеек и коммунистических студенческих организаций и, наконец, факт стремления подвести принципиальную подоплеку под разногласия среди татарских коммунистов, путем разделения их на коммунистов

крестьянского и рабочего уклонов, т.е. «правых» и «левых» (выступления тт. Пинсона и Бажанова) и выявлением отношения русских товарищей как «золотую середину».

Такое неправильное усвоение линии партии затемнило процесс практического разрешения национального вопроса на этот последний период.

При необычайно напряженных условиях удалось достигнуть:

1) привлечения известного количества работников из туземных масс в советское строительство и особенно выдвижения на партийную, советскую и профессиональную работу рабочих-татар;

2) положить прочную основу в деле государственствования татарского языка (см. приложение № 2);

3) широкой постановки партийно-воспитательной работы с привлечением рабоче-крестьянской молодежи из татар (рабфак, ТКУ, совпартшколы, см. приложение № 3);

4) мероприятий по оказанию помощи бедняцкому маломощному туземному крестьянству (земельное законодательство¹);

5) проведения ряда мероприятий, способствующих развитию местного (республиканского) хозяйства и вовлечение в дело хозяйствования местного туземного трудящегося населения;

6) сохранения имеющегося кадра национального пролетариата в голодные годы и предпосылок к дальнейшему росту по числу и по качеству и т.д. и т.п.

Все эти достижения требуют окончательного закрепления и дальнейшего углубления.

Коммунистическая организация Татреспублики в подавляющем своем большинстве является крестьянской организацией. Количество членов партии, связанных непосредственно с производством, незначительно. На август 1922 года из 3321 действительных членов партии рабочих от станка более 609 человек крестьян, связанных с землей, 657 человек и проч. 2055 человек рабочие, крестьяне, интеллигенты, работающие по партсовпрофработе, учащиеся и красноармейцы. К настоящему моменту из 5024 членов и кандидатов — рабочие от станка и по происхождению составляют 31,2%, крестьян вообще 50,5% и прочие — 18,3%. По партстажу с подпольным стажем 38 человек с 1917 года — 214 человек, с 1918 года — 582, с 1919-го — 1043, остальные 1556 человек вступили в 1920—1921, 1922 и 1923 годы. Одна из крупных организаций гор.района имела в своих рядах до Ленинска 33 человека, остальные — рабочие, крестьяне, красноармейцы и значительный процент учащихся. Ныне городская организация имеет всего 1456 человек, из коих рабочих от станка 53 человека.

Неоднородность социального состава нашей парторганизации, политическая неразвитость, что вкуче составляет более или менее прочную базу для влияния на партийную организацию мелкобуржуазной стихии, которая имеет глубокие корни в истории и экономике Татреспублики и ее социальной среде, усугубляет необходимость осторожного и бдительного отношения к вопросу национальной политики.

Дальнейшее проведение национальной политики должно неослабно происходить в духе постановлений съездов РКП(б), IV Московского националь-

¹ Так в документе, следует: законодательство.

ного совещания, 7-й областной партийной конференции Татарской Республики и плана работы парторганизации ТССР в области национального вопроса, принятых совещанием секретарей комитетов и райкомов ВКП(б) и утвержденных пленумом ОК 14 сентября 1923 года и, наконец, ранее принятого постановления ОК 1922 года «О методах партработы среди татар».

По глубокому нашему убеждению, линия, взятая на 8-й областной партийной конференции, не только не гарантирует правильное решение национального вопроса в духе вышеуказанных постановлений, наоборот, будет способствовать углублению переживаемого кризиса в рядах татарской организации. В подтверждение этого положения можно привести доводы, которые нами одновременно в ходе работы конференции, при участии тов. Петрова и Морозова, представителей ЦК и ЦКК, уже излагались в особых заявлениях (см. приложение № 4,5), а именно:

1. В начале же конференции была допущена политическая ошибка, заключающаяся в том, что при конструировании президиума конференции в него были включены все русские товарищи из старого состава бюро ОК и отведены татарские кандидатуры, чем заранее и автоматически был предreshен вопрос относительно того, [что] якобы виновником ошибок ОК старого состава является лишь его татарская часть, что являлось особенно тенденциозным потому даже, что в составе ОК татарских товарищей было значительное меньшинство, а в аппарате ОК — совершенно отсутствовали.

2. При конструировании высших партийных органов ОК и КК не были соблюдены директивы, изложенные в постановлениях ЦК и ЦКК по вопросам изживания группировок среди татарских работников путем вовлечения в руководящие партийные органы для совместной работы работников как «правого», так и «левого» течений; о выдвижении выдержанных, дисциплинированных и энергичных работников.

3. В состав ОК и КК вошли, с одной стороны, из русских товарищей, не имеющие абсолютно партийного позвоночника в постановке национального вопроса, отличавшиеся в прошлый период политиканством, формализмом, противодействием решениям партии по национальному вопросу, в особенности путем углубления розни среди коммунистов-татар (тт. Бажанов, Шварц, Жуков, Иванова) и, с другой стороны, товарищи из татар, невыдержанные, беспринципные, склочные и имеющие личные дурные качества (Гафуров, Касимов, Габидуллин Х., Гайнуллин, Гимранов).

4. Наконец, в состав ОК не было включено достаточное количество рабочих от станка и татарские работники, вынесшие все тяжести проработки национального вопроса в ТССР, могущие быть полезными в работе и в дальнейшем (Енбаев, Фасхи, Саттаров, Булушев, Бникеев, Саттар, К.Хайруллин), а также руководители высших советских органов (пред. ЦИК тов. Сабилов, предгорисполкома т. Ратехин, зам. пред. ЦИК т. Ганеев, зам. пред. СНК Мансуров).

Создавшееся положение и первые шаги нового состава ОК убеждают нас в том, что благодаря неумелому политическому маневрированию партийная организация и советская власть оказываются перед сложным переплетом. Нереагирование на великодержавнические веяния, имеющие развитие в организации, повлечет за собой возникновение национального антагонизма и полной дискредитации решений партии по национальному вопросу в глазах трудящихся масс угнетенных национальностей.

С другой стороны, недооценка национальных моментов в ТССР и учащение левых ошибок оттолкнув от сферы влияния партии и советской власти целый ряд слоев и элементов туземных масс, не приведут к положительным результатам и беспыбашная травля, ведущаяся в организации против заслуженных и испытанных товарищей татар.

Исходя из вышеизложенного, в полном сознании необходимости сохранения единства, ее здоровой и правильной мысли инициативы, а также в интересах сохранения ее авторитета в глазах туземных масс, мы, нижеподписавшиеся члены РКП(б), отв. работники, просим ЦК партии:

1. Подтвердить выдвинутые нами здесь положения, которые мы считаем абсолютно правильными.

2. Снять с работы в Татарской организации т.Бажанова, Шварца, Жукова — как элементов, противодействующих решениям партии по национальному вопросу.

3. Привлечь к ответственности виновников, способствующих своими выступлениями на IV съезде Советов Татреспублики дискредитировать в условиях национальной республики идеалы Советской власти (дела Гафурова, Габидуллина, Пинсона).

4. Привлечь к ответственности руководителей Татбашбюро при ЦК партии, которые в течение двух лет в своем органе — газете «Эшче» занимались клеветой, необоснованными выпадами (доходя в своей оценке в помещенных статьях до утери всякого различия между действительной контрреволюцией и коммунистической работой), направленными против руководителей партийно-советских организаций ТССР и против Таторганизации в целом.

5. Дать обкому и ОКК категорическую директиву ликвидировать всякую необоснованную травлю татарских работников старого состава.

6. В целях правильного и детального освещения создавшегося положения просим допустить для устного дополнительного доклада т.Мухтарова, Мансурова, Сабирова и Енбаева.

В том случае, если ЦК не найдет возможным согласиться с выдвинутыми положениями и вытекающими из них конкретными предположениями, просим ЦК партии:

1. Снять с работы ТССР и отозвать в распоряжение ЦК РКП(б) тт.Мухтарова, Мансурова, Сабирова, Енбаева.

2. А ряду работников дать возможность перейти на рядовую работу вместо ответственной в целях ограждения их третирования и нападков (в частности тт.Ганееву и Брундукову).

В заключение всего считаем необходимым сообщить, что по всем вопросам партийного и экономического характера, затронутым здесь в практике своей работы, мы каждый раз обращались предварительно либо в ЦК РКП(б) в целом, его секрет. т.Сталину, Молотову, Рудзутаку, а также приезжающим в ТР отдельным представителям — уполномоченным тт.Шмидту, Асадкину, Петерсу, Шорохову, Бауману, Лисицину, Струппе и т.д. с тем, чтобы иметь большую уверенность в правильности своих действий, и получали от них подтверждения наших постановок.

На подлинном следующие подписи:

1. К.Мухтаров, предсовнаркома и член бюро ОК РКП(б)
2. Г.Мансуров, зам. предс. СНК
3. Р.Сабилов пред. ЦИК
4. Енбаев зам. наркомзем
5. А.Ганеев зам. пред. ЦИК
6. З.Булушев управл. Промбанком
7. С.Еникеев представитель ТССР в Москве
8. М.Бурундуков наркомпрос
9. К.Хайруллин зам. НАРКИ и член ОКК
10. Ф.Бурнашев литератор-поэт, кандидат в члены ЦК
рабпечати при Всеработпросе
11. Ш.Рамзи член ОК РКСМ и редактор юнош.изданий
12. Г.Богаутдинов член бюро ОК и наркомюст — прокурор
13. М.Рафиков зав. Облсовпартшколой
14. Ш.Сагтаров зам. зав. орготдела ОК и зам. наркомюст
15. М.Шакиров член Президиума Татпрофсовета
16. Гатауллин зам.предуправлесами
17. М.Будайли зам. НКЮСТ
18. Ю.Валидов наркомзем
19. Г.Балтанов зам. наркомпроса
20. К.Хамзин отв. инструктор по реализ. тат.языка
21. Г.Максудов пред. Академцентра Наркомпроса
22. Магадеев член коллегии Наркомпроса
23. Х.Сайфи член коллегии Наркомпроса
24. Валиев директор Татторга
25. Н.Вахитов пред. правлен. Татарбанка
26. Н.Мухтаров директор Татпечати
27. И.Казаков бывш. зам. предс. Совнаркома
28. К.Рахманкулов зав. изд-вом печати
29. Г.Балтанов член коллегии Наркомзема
30. Максудов зам. зав. жилотдела
31. Алимов директор Силликаттреста
32. Амиров Наркомзем ТССР
33. Байкеев член коллегии Наркомпроса
34. А.Шакиров зам. Секр. ЦИК
35. Фасхи Г. Наркомсобез
36. Набиуллин член коллегии Главсуда
37. Заббяров
38. Богданов пом.прокурора
39. Ш.Усманов комиссар объединенной школы Комсостава
С подлинным верно К.Мухтаров

ЦГА ИПД РТ.— Ф.8233.— Оп.1.— Д.2—7176.— Т.1.— Л.191—198.— За-
веренная копия.

Эхо веков = Гасырлар авазы.— 1996.— № 3/4.— С.62—72.

147. Письмо представителей татарской интеллигенции III Пленуму Татарского ОК ВКП(б) (Письмо «82-х»)

ранее 3 ноября 1929 г.

В газете «Кзыл Татарстан» от 8 мая с.г. опубликовано постановление бюро областкома ВКП(б) Татреспублики по отчету общества латинистов «Яналиф». Бюро ОК в этом постановлении хотя и «подтверждает (п.2) прежнее постановление ОК о невозможности практического принудительного проведения латинского алфавита в ТР ввиду наличия до 40% грамотного населения на основе арабской системы алфавита и громадных неудобств для общественного и культурного обслуживания населения», однако признает «полезным и неизбежно необходимым переход и в ТР к латинскому алфавиту». Вместе с тем ОК в категорической форме предлагает фракции ЦИК и СНК, всем парторганам и органам печати ТР всеми мерами организовывать, поддерживать и расширять движение за принятие латинского алфавита; фракциям ЦИКа, СНКкома и Наркомпросу ТР в столь же категорической форме предлагается издать соответствующие постановления, отпустить средства из бюджета, ввести латинский алфавит в части учебных заведений и т.п.

Опубликование в печати подобного, больше чем резкого, постановления руководящим парторганам ТР, делающее вопрос латинизма «делом партийной дисциплины» и всякое обратное мнение и действие как бы делом контрреволюционным, было совершенно неожиданно для татарской рабочекрестьянской массы трудовой интеллигенции.

Из проводившейся в течение нескольких лет дискуссии в татарской и русской печати стало ясным отсутствие каких бы то ни было значительных объективных массовых преимуществ латинского алфавита перед существующей у громадного большинства тюркских народностей арабской системой алфавита, за исключением наружной интернациональности латинского алфавита для западноевропейских народностей, каковая практически не имеет серьезного значения при сохранении разности языков.

Итак, и это почти единственное внешнее преимущество латинского алфавита, ярко заметное и потому часто вводящее лиц, незнакомых с вопросом, в заблуждение, фактически является только громкой фразой.

Опубликование этого постановления ОК было неожиданным тем более, что происходивший всего 2—3 месяца тому назад съезд Советов Татарской республики на выступлении латинистов Веклина и Сайфи ответил только единодушным осмеиванием несерьезности их выступлений; наоборот, съезд Советов ТР своим единогласным постановлением предложил Наркомпросу ТР торопить фактическое массовое проведение идущей реформы татарского типографического шрифта.

Мы, нижеподписавшиеся, обращаем внимание Центрального Комитета ВКП(б) и ОК ВКП(б) Татарской республики на необходимость освобождения татарского населения от подобной жертвы, как фактический отказ от всей своей письменной культуры, накопившейся десятки и сотни лет, и особенно сильно растущей благодаря Октябрьской революции, и как тре-

бование переучивания заново грамоте миллионной массы грамотных из татар; на необходимость освобождения от этой дорогой и унижительной массовой жертвы, тем более приносимой для совершенно неизвестной цели.

Мы наблюдаем во всех восточных республиках фактически запрет что-либо писать против принятия латинского алфавита. Октябрьская революция, провозглашавшая право наций на самоопределение, вплоть до отделения, должна была бы предоставить возможность этим народам самостоятельно ставить и разрешать подобные чисто культурные вопросы, а не разрешать его административными и техническими мерами.

Оставление в силе подобных постановлений и соответствующей тактики парторганов и соввласти могло бы служить фактически только отрыву татарских коммунистов, проводящих соответствующую линию, от всей широкой сознательной рабоче-крестьянской массы татарского населения и вредному росту фанатизма масс.

Если в свое время были сразу отвергнуты отдельные предложения о переходе русской письменности к латинской системе ввиду аналогичной бесполезности и невозможности, болезненности проведения такового в жизнь, то эти же положения остаются верными и для тюркских народностей СССР. Их меньшая культурность ни в коем случае не может служить базой для бесцеремонной ломки наличных достижений; такая отсталость, наоборот, требует более бережного отношения к этим достижениям и культурным силам этих народностей.

Глубокое сознание своего гражданства, полное признание принципов Советской власти и преданность интересам рабоче-крестьянской массы обязывает нас, нижеподписавшихся, выступить с выражением своих убежденных мнений.

Мы думаем, что в вопросе, столь серьезном и ответственном в культурной жизни тюркских народностей, наше мнение, мнение тех, которые с первых дней революции, невзирая ни на какие материальные трудности, неутомимо работали на культурном фронте, защищая принципы революции, не может не заслужить хотя бы маленького внимания.

Подписи:

Ишмаев — педагог
Али Рахим — доцент ВПИ
Вахитов — ->-
Д.Валидов — доцент ВПИ
Закиров — ->-
А.Максудов — педагог-публиц.
Гали Хабиб — ->-
А.Максудов — врач-ординатор КГУ
Ф.Султанов — ->-
У.Бабилов — врач
Г.Тагиров — ->-
И.Пугешев — ->-
С.Мукмиев — ->-

Баканин — ->-
З.Уразаев — ->-
Рахима Мухирова — ->-
Ш.Нигматуллин — ->-
Аскар Алкия — ->-
К.Нигматуллин — ->-
Х.Гайнутдинов — студ. КГУ
М.Муратов — ->-
Ш.Хисматуллин — врач
М.Давлетшин — ->-
Р.Терегулова — биб. раб.
В.Субаев — ->-
Х.Рамаев — студент

А. Сулейманов — ->-
Б. Урманче — своб. худ.
С. Назмутдинов — ->-
Х. Биркутов — студ. КГУ
А. Ибрагимов — ->-
К. Бадамшин — ->-
Гариф Хусаинов — студент
Еникеев — лесов. агр.
Раимов — репортер
Ахтямов Буньямин — юрист
Насырова — врач
Курбан-Галиев Мухитдин — юрист
Исхаков — фельдшер
Бикулов — педагог
Г. Карам — журналист
Р. Газизов — педагог
Кутушева — студ. меж. ф.
З. Газизова — педагог
Тимрханов — студент
Кулеев — журналист
Раимов — студент
Рахматуллин — студент
Богаутдинов — педагог
Бекбулатов С. — преп. ВПИ
Ибр. Хузяханов — агроном
Садры Джалайл — журналист
Хасан Исхаков — журналист
Мостакаев — учитель

Хафиз Углы-Сафа — журналист
Губайдуллин
Абасс Сайфи — педагог
К. Хамзин
Абдулла Хабиб — журналист
Бадьгуллин — учен. секретарь Академ-
центра
С. Баширов — агроном лесов
Бикбулатов Г. — финансист
Р. Алмаев — ->-
Тюменев М. — ->-
Хабиб Хусаинов — ->-
Тюменев — служащий
З. Шараф — агроном
Султанов — ->-
Бикбулатов — агроном
К. Ходжаев — спец. по сп. делу
Г. Сабилов — студент
А. Бикбулатов
Камал Га[ли]аскар — драматург
Шайхали
М. Гали — журналист
Мухамедьяров — лектор
А. Урманчев — студент-эксп.
Бикулов — студ. КГУ
Лукманов — врач
М. Файзуллин — ст. с. х. ин-та
С. Вагапова — студ. ВПИ
Р. Мамышева — студ. КГУ

ЦГА ИПД РТ. — Ф. 15. — Оп. 2. — Д. 670. — Л. 102—106. — Заверенная копия.

**148. Из писем родственников М.Х. Султан-Галиева в
Главное архивное управление при кабинете Министров
Республики Татарстан**

№ 1

**Письмо племянника М.Х. Султан-Галиева А.В. Самцова Д.Р. Шара-
футдинову**

Уважаемый товарищ Шарафутдинов!

Извините, пожалуйста, не знаю Вашего имени, отчества.

На днях я навестил в Нефтекамске своего троюродного дядюшку Фариды Султангалиева, где был ознакомлен с последним Вашим письмом к нему.

А по возвращении в Уфу узнал об аналогичном, адресованном моей маме К.И. Кутлубаевой.

Она сказала, что собирается Вам ответить (к сожалению, о Мирсаиде она ничего заслуживающего внимания не знает), но, по-моему, соберется не скоро. Также не очень оперативен и мой дядюшка. Поэтому посылаю Вам фотокопии, которые сделал будучи в Нефтекамске в начале 1989 года, когда прочел в первом номере «Вопросов истории» публикацию Антонова-Овсеенко (Тогда же я написал ему о существовании Фариды Султангалиева. Ответа так и не получил). Я не предполагал, что к материалам Фариды в ближайшее время возникнет интерес, поэтому переснимал для себя, в «амбулаторных условиях».

Сам я врач, в последнее время увлекаюсь краеведением, публикуюсь в башкирских изданиях. Сейчас готовлю материал о роде Кутлубаевых. О моем прадеде, Мустафе Кутлубаеве, и деде, Искандере Кутлубаеве, довольно много сказано проф. Нафиговым в «Тайнах революционного подполья».

Занимаясь историческим поиском, я пришел к твердому убеждению, что благородство души, чистота помыслов людей служат притягательной силой между ними. Яркий пример тому моя бабушка — Ракия Шейхгаттаровна Кутлубаева (Губеева), заслуженный врач БАССР, РСФСР, депутат Верховного Совета СССР второго созыва, связавшая свою судьбу с Кутлубаевыми, и ее двоюродная сестра Газиза — мать Фариды, совсем юной ставшая женой отца Мирсаида Султан-Галиева.

Может быть, Вас заинтересуют эти дальние родственники Султан-Галиевых? С радостью помогу, чем смогу.

С наилучшими пожеланиями творческих успехов. Самцов.

б/д

№ 2

М.Х.Солтангалиевнең бертуган сеңелесе З.Х.Геокленованың язган хаты

[...] Мин абыемны бик аз беләм. Ченки ул Кырмыскалыга ике тапкыр килгәндә дә, 1918 яки 1919 елларда, ахры, миңа нибары 10—11 яшь кенә иде. Аның фотоларын һәм хатларын 1937 елда тентү вакытында миннән бөтенесен дә алдылар. Икенче көнне мине ГПУга чакырдылар, аның Кырмыскалыга килүе, анда кемнәр белән очрашуы турында сорадылар һәм минем аңа матди ярдәм итү-итмөвем белән кызыксындылар. Әйе, 1935 елда мин аңа Саратовка акча салган идем. Ченки ул үпкәләрен дәваларга курортка барырга тиеш иде, ә төрмәдән соң аның акчасы юк иде.

Сорау алганның икенче көнөндә мине эштән кудылар һәм мин ике кечкенә бала белән бер сынык икмәксез, эшсез калдым. (Бу Уфада булды.) Шул көннән башлап, тынычлыгым бетте һәм үз белгечлегем буенча эш күрмәдем. Башкортстанның бөтен районнары буйлап каңгырып йөрдем. Ахыр чиктә туган яklarымны ташлап китәргә һәм башка республикаларда «күздән югалдырга» карар кылдым.

1939 елда мине Төрөкмәнстан үз канаты астына алды, үз белгечлегем буенча тыныч кына эшли башладым, партиягә көрдем һәм яхшы, матур гаилә кордым.

Мирсәетнең беренче хатыны Раузадагы кызы Рәсидә, әтисен кулга алганнан соң, туганнары буенча шулай ук каңгырып йөри. Кайсыдыр елны, «халык дошманы» кызы буларак, өч ел утырып та чыга. Саратов якларында укытучы булып эшлди, ике малай үстерә. Ул авыру иде, хәзер инде бу дөньяда юк. Малайларының да кайда икәннен белмим.

Икенче хатыны Фатыйма, кызы Гөлнар, улы Мурат, ахры, Себердә югалдылар. Мурат акылдан язды.

Төгәл мәгълүматлар миндә юк, чөнки туганнар белән аз аралаштым, аеруча сугыш вакытында. Сталин үлгәннән соң кайбер туганнарымны эзләп таптым һәм шушы мәгълүматларны белдем.

Мин сезгә менә шулар турында гына хәбәр итә алам. Мин сездән, әгәр мин 1992 елга кадәр яши алсам, миңа бертуган абыем Солтангалиев Мирсәет Хәйдәргали улы турында нәшер ителгән китапны жибәрүегезне үтенеп сорыйм. Адресым сезгә мәгълүм.

Ашхабад

26 февраль 1990 ел

Сезгә хөрмәт белән
Зөләйха Хәйдәргалиевна

Социалистик Татарстан.— 1990.— 10 июнь

№ 3

Письмо племянницы М.Х.Султан-Галиева Г.Р.Письменной

Многоуважаемый Дамир Рауфович!

Согласно Вашей просьбе направляю случайно найденные фотографии Расиды — дочери Мирсаида от первого брака. Снимки любительские, конца 50 годов. Кроме того плюю ее же фотографию (визитку) 1930 года, высланную Расидой Гюльнар, а также фотографию Гюльнар с Муратом, высланную моей маме (их тете Сарвар).

Мирсаид приезжал в Стерлитамак с женой Фатимой, и несколько дней они жили у нас (год 1920 либо 1921, он приезжал из Москвы по хлебным делам).

Магитаб (сестра Мирсаида, фотокопию с надписью возвращаю) тогда была увезена ими в Москву, и она жила у него до его ареста. (Я Вам уже говорила, что когда Мирсаид был в Соловках, моя мама (Магисарвар) переписывалась с ним и посылала ему посылки).

Росида вместе с Магитаб, после высылки Мирсаида в Соловки, Фатимой были отправлены в Уфу.

Росида некоторое время жила у деда по материнской линии, а когда он вскоре умер, моя мама привезла ее из Уфы к нам в Стерлитамак. С моей мамой, с перерывами, она жила до отъезда в Саратов к отцу, где Мирсаид проживал после возвращения из Соловков.

Будучи проездом в Москве, в семье Мирсаида я была дважды: в 1934 и 1935 гг. Когда переехала в Москву (1940 г.), с детьми Мирсаида (Гюльнар и Муратом) общалась постоянно и тесно. Фатима была сослана.

Вскоре Гюльнар вышла замуж за моего двоюродного дядю Сулеймана Шагимардановича Чаяншева. Когда началась война, Гюльнар с мужем и Муратом эвакуировались в Казань.

Гюльнар и Росида были репрессированы в 1949 либо 1950 году, точно не помню. Гюльнар в ссылке погибла. Мурат умер еще в Казани в годы войны. Росида из ссылки вернулась и жила в Саратовской области. Умерла в Москве, находясь у сына (это 1975 либо 1976 г., даты любые не помню). У Росиды был и второй сын, но он при каких-то трагических обстоятельствах погиб, подробности которых не знаю.

Об Анваре Хасановиче Резяпове. Он умер в мае этого года. О чем бесконечно скорблю.

Опять возвращаюсь к Мирсаиду. Они с Фатимой жили в доме, принадлежавшем ее родителям (дом 24 на Большой Татарской ул., ныне ул.Землячки).

Большое спасибо за материалы, которые Вы мне высылаете. К сожалению, газета на татарском языке мною не читается, т.к. по-татарски, к моему стыду, не читаю и плохо говорю.

Эпизод, который опишу ниже (я Вам о нем рассказывала), мне поведали в разное время Фатима и Росида.

Сталин очень любил получать подарки. И когда Мирсаид уезжал в Татарию и Башкирию по хлебным делам, Сталин просил привезти ему подарок (тогда и приезжали Мирсаид с Фатимой к нам в Стерлитамак). В этих краях тогда был страшный голод. Однако подарок был привезен в виде человеческого черепа и двух костей. Несмотря на то, что Сталин ему доверял, за эти «подарки» Мирсаида арестовали, а по указанию Ленина на следующее утро он был освобожден.

Москва

23 июля 1990 г.
С уважением Г.Р.Письменная

Указатель имен

- Абакумов 23, 26
Абдулла 28
Абдулла М. 226
Абдур Рабб Барг 65, 368, 382, 402, 403
Аблямитов 228
Абуджи (Авуджи) А. 189—191, 193, 214
Агеев Ф. Н. 232, 233, 243
Агиев Дж. 31
Агишев 335
Аглиуллин М. А. 428
Агранов Я. 16, 75
Агров 416
Адигамов А.К. 16, 35, 42, 44, 45, 50—52, 56, 66—69, 74—79, 84, 86
Азизов А. 65
Азизовы, братья 65
Азихи Башлы См. Озенбашлы А.
Айвазов С. 202, 204, 263, 361
Акулов И. А. 203
Акчурин (Акчюра-оглы) Ю. 368, 377, 402, 403, 413
Акчурина А. 369, 370, 379, 380, 402, 405, 414
Алаев Ю. И. 428
Алексеев 373, 382
Алемасов А. М. 25, 416
Али См. Энвер-паша
Алидов 102
Алимов Н. Н. 306, 327, 328, 362, 438
Алкин Дж. С. 177
Алкин И. С. 16, 65, 177
Алкия А. 440
Алмаев Р. З. 335, 441
Алмаев Я. 417
Альмухамедов (Альми) Г. К. 328, 336
Амерханов И. 417
Амиантов Ю. 390, 412
Амиров 438,
Амманулла-хан 13, 403
Андерсон 417
Аралов 317
Арбузов 415
Арифов Н. 113, 135
Асадкин 437
Ататюрк См. Кемаль-паша
Атласов (Атласи) Х. 179
Атнагулов С. С. 105, 328, 335, 336, 410
Ахмадеев (Ахмадиев) Ш. Г. 97, 99, 101, 103, 114, 124, 125, 131, 140, 148, 149, 151, 152, 164, 165, 175, 181
Ахмадуллин 279
Ахмет-Мухтар-бей 65
Ахметов 279, 283, 286—289, 371
Ахметов С.А. 350, 351
Ахметшин 175, 181
Ахтямов И. 65, 362
Ахтямов И. А. 440
Ашрафзянов Х. А. 428
Бабахан 216, 239, 268, 359
Бабилов У. 440
Багаутдинов (Богаутдинов) Г. Б. 35, 61, 162, 228, 280, 289, 290, 293, 309, 316, 327, 329, 362, 417, 438
Бадамшин Б. И. 220, 344, 361
Бадамшин К. 440
Бадьгуллин 441
Бажанов И. М. 184, 277, 435—437
Баимбетов Г. С. 149, 386
Баимбетова З. А. 149
Байбеков Х. Е. 345, 361
Байкеев 438
Байчурин Г. 417
Баканин 440
Бакар Кабир 362
Бакгазов С. 35
Бакеев 362

- Бакиев М. Б. 397
Бакиев С. А. 219, 221, 344, 361,
362, 370, 383, 395, 396, 398
Балбеков 344
Балдаев 235
Балич 197, 223
Баллот 34
Балтанов Г. (I) 438
Балтанов Г. (II) 438
Баракатулла М. 13, 65, 368, 372,
382, 402, 403, 413
Барановский 65
Баталов 339
Баталов Д. М. 345-349, 351, 364,
370, 371, 395, 420, 422
Баттал Г. 18
Бауман 437
Бахтиева А. Ю. 27
Баширов А. А. 33, 186—188, 192,
196, 213, 214, 225, 230, 232, 237,
256
Баширов С. 441
Башкиров Ш. Г. 118, 133, 136, 156
Беганский И. И. 285, 355
Бекбулатов С. 441
Бекиров См. Энвер-паша
Бекиров О. 193
Бекир-Сами (Бекир-Сали) 368, 369,
379, 402
Белоговская К. Ф. 419
Белла Бен А. 10, 429
Белогуров 50—52, 54, 56, 59, 68
Берия Л. П. 23, 25, 26, 417, 418
Бигиев (Бигеев) М. Я. 18, 64
Бигиев Мурза 35
Бикбавов (Бикбабов, Бикбау) А. И.
44, 51, 52, 56, 69, 75, 77, 208, 257
Бикбулатов 441
Бикбулатов А. 441
Бикбулатов Г. 441
Бикулов (I) 440
Бикулов (II) 441
Бикчантаев 155, 362
Биркутов Х. 440
Блудау 145, 175, 178, 180, 181
Бобровников Н. А. 432, 434
Богаутдинов 441
Богданов 438
Богданов А. 331, 337
Богданов З. 68
Богданов З. Ш. 420-422
Бокля Г. 54
Бор 335
Борисоглебский В. 384, 385
Боровиков 355
Бродский 226
Бройдо Г. И. 33, 34, 43, 46, 63
Бронштейн 146
Брундуков (Бурундуков) М. Ю. 35,
40, 61, 136, 148, 175, 180, 181, 209,
228, 257, 271, 281—283, 285, 290,
292, 293, 309, 323—325, 328, 329,
332, 344, 359—363, 368, 378, 386,
406, 407, 409, 418, 437, 438
Бубнов 16
Будайли М. Г. 19, 219, 228, 252,
280, 283, 285, 289, 290, 294, 304,
305, 324, 325, 332, 344, 386, 394,
407—410, 438
Буду-Мдивани П. Г. См. Мдивани
П. Г.
Буканов 373, 382
Букейханов А. 16
Булушев (Булышев) З. Х. 217, 230,
263, 336, 344, 361, 394, 407, 410,
436, 438
Бурнаева 317
Бурнаш (Бурнашев) Ф. З. 62, 232,
233, 281, 285, 287, 291—293, 332,
362, 438
Бухарин Н. И. 10, 18, 20, 60, 62,
128, 258, 393
«Быстрый» 58
Бычков 372, 373
Вавилова Г. Г. 27
Вагапова С. 441
Валеев (Валиев) 332, 362, 438
Валидов А. А. 12, 14, 16, 31, 40, 44,

- 45, 59, 69, 72, 79, 80, 83, 98, 130,
300, 301, 351, 358, 370, 380
Валидов Д. 440
Валидов Ю. Н. 28, 35, 103, 109, 140,
141, 156, 173, 177, 227, 257, 338,
356—358, 360, 361, 407, 438
Варден 103
Васильев 241, 244, 246, 255
Вахитов (I) 378
Вахитов (II) 440
Вахитов (III) 179
Вахитов (IV) 179
Вахитов М. М. 12, 60, 391, 392, 425,
426
Вахитов Н. Г. 93, 362, 368, 438
Веверс Я. Я. 363
Векслин Н.-Б. З. 439
Великовский 241
Величко 347
Волленберг Н. Л. 37, 52
Вольфович (Вульфович) М. А. 284,
314, 317, 319, 320
Врангель П. Н. 205, 235
Габидуллин Х. З. 106, 144, 167, 233,
336, 436, 437
Гавен Ю. П. (Ян Дауман) 203
Гаврилов 372
Гаджинский 370, 395—398
Газизов Р. 440
Газизова З. 440
Гай Г. Д. 12
Гайнуллин Х. З. 436
Гайнутдинов Г. 401
Гайнутдинов Х. 440
Гайфуллин В. Г. 428
Галеев (Галиев) И. 95, 96, 307, 316,
318, 320, 326, 332
Галеев М. Г. 428
Гали М. В. 441
Галиев (Галеев) Г. Г. 278, 279
Галл Б. И. 136, 155, 157, 161
Галли 333—335
Галлямов В. А. 417, 418
Ганеев (Ганиев) А. Г. 61, 100, 102,
135, 140, 141, 145, 228, 232, 277—
279, 282—285, 288—289, 292, 309,
325, 332, 344, 355, 359—362, 418,
436—438
Гарифуллин 281, 287, 291, 293
Гасанов 37, 46, 53, 69, 74, 76, 78
Гатауллин 438
Гатин 417
Гафуров С. С. 93, 410, 436, 437
Геокленова З. Х. 442
Герасимов И. С. 50, 52, 69
Гибадуллин 228, 229
Гибайдуллин 103
Гиззатуллин И. Г. 39
Гимадеев 28
Гимранов 316—318, 320, 436
Гисматуллин (Гисмати) А. 31, 33—
35, 105, 216, 233
Грабовский 37
Гречишкин 417
Грицелевич 340, 352—354
Гришин 417
Гройсман 294
Губайдуллин Г. 357, 361
Губинский А. Г. 396, 398—400, 402
Гусинская 345
Давлетшин М. 440
Давыдов 333
Давыдова (Шамсирова) Л. Х. 390,
391, 394
Данмухаметов З. 350
Девиев 335
Девликамов У. 369
Деникин А. И. 205
Денисов 345
Дерен-Айерлы О. Г. 35, 36, 57, 78,
188, 189, 191—193, 198—211, 213—
215, 219, 222, 223, 228, 235—237,
239, 251—256, 260—265, 267—269,
272, 273, 275, 276, 294, 304, 344,
356, 358, 363, 393, 394, 407, 409
Десятков В. М. 397
Джалал С. (Валидов С. Х.) 441
Джафаров М. 65

Джелялов О. 226
Джемаль-паша 368, 402—404, 413, 414
Дзербжинский Ф. Э. 15, 17, 21, 55, 71, 235
Дименштейн 333
Динмухаметов Г. 332—335
Дмитриев 372
Дулат-Али М. Г. 96
Дутов 301
«Дутый» 58
Егоров 288
Ежов Н. И. 22, 23, 26, 401
Елизарова С. С. 27
Ельцин Б. Н. 430
Еналеев С. 25
Еналиев 419
Енбаев А. М. 28, 33—35, 62, 64, 85, 86, 93, 96, 106, 107, 124, 128, 131—133, 136, 137, 142, 156, 170, 171, 177, 185—192, 196, 198, 206—210, 212—216, 219, 221—225, 228—232, 236—241, 245, 251—255, 260—262, 266—271, 273, 275, 276, 282, 294, 304, 331, 344, 357, 360, 370, 376, 380, 383, 386, 389, 393, 395—398, 406—410, 417, 436—438
Ендаков М. Е. 145, 227
Еникеев Н. Ш. 440
Еникеев С. 362, 436, 438
Ерзин С. А. 42
Ерзина З. Х. 227
Ерзина Ф. А. См. Султан-Галиева Ф. А.
Ермаков 339, 371, 423
Ермолаев 51
Ершов А. 412
Живов Д. Е. 70, 81, 82, 92—94, 96, 103, 106, 108—110, 112, 119, 126, 128, 137, 154, 155, 162, 174—176, 267
Жуков 417
Жуков А. В. 436, 437
Жукова Л. Н. 341, 347

Заббяров 438
Забипцкий Е. Н. 110, 114, 130, 144, 147, 169
Заварьянец 359
Заки-Валиев 395—398
Закиев М. З. 386, 388, 428
Закиров Р. З. 426—428
Залкинд 370, 380
Зарилов 289
Зарифов Ш. А. 427
Зекия-бей 369, 402, 405, 414
Зиновьев Г. Е. 14, 15, 18—21, 43, 54, 60, 62, 115, 125—128, 134, 152, 153, 171, 216, 239, 266, 268, 359, 380, 393, 409, 434
Ибатуллин Г. Г. 420, 421
Ибрагимов 28
Ибрагимов А. 440
Ибрагимов Г. Г. 138, 141, 145, 148, 149, 165, 168, 175, 177, 228, 233, 265, 286, 293, 306, 336, 357, 375
Ибрагимов Р. 13, 368, 372, 382, 402
Ибрагимов Умер (Гумер) 192, 194, 200, 228, 236, 237, 318, 361
Ибрагимов Ш. 124, 149, 189, 333
Ибрагимов Я. Х. 420, 421
Ибраимов (Ибрагимов) И. 212, 411
Ибраимов В. 20, 21, 186—189, 191—196, 198—201, 205, 206, 208—216, 222, 223, 226, 234, 235, 237, 243, 253, 259, 262, 264, 268, 272, 274, 344, 358, 361
Иванова А. М. 184, 436
Игнатъев С. Д 23
Избеков 231
Измаил А. 227
Икрамов И. А. 19, 20
Илиодоров 298, 307
Ильминский Н. И. 432
Иманкулов 317
Ислям 212
Исмаев К. Х. 286, 332
Исхаков 440
Исхаков В. И. 148, 281, 282, 290,

305, 306, 313, 316, 318, 324, 325,
327, 329, 332, 359, 362, 383, 386,
394, 407, 410
Исхаков Г. Г. 31, 300, 358, 370, 383,
401
Исхаков К. Ш. 428, 431
Исхаков Х. 441
Ишкалов 339
Ишкулов Г. З. 350, 371
Ишмурзин А. 45
Каганович Л. М. 16, 22, 277
Кадерли 46
Кадыров З. Э. 30
Казаков И. М. 35, 62, 355, 360, 362,
407, 410, 438
Кази-бек 403, 413, 414
Калинин М. И. 16, 43
Кальченко 155
Калянский 51
Камал Г. Г. 441
Камалетдинов 158, 161
Камалетдинов Ю. 427
Каменев Л. В. 14—16, 18—21, 43,
54, 56, 60, 62, 125, 128, 151, 266,
268, 359, 380, 393, 409
Каменский А. З. 106
Каменьщиков (Каменщиков) М. И.
355, 363, 418, 419
Кандцибин 372
Кандыбин Д. Я. 283, 289, 294
Капкаев 345
Капланов Р. 357, 406
Карам Г. 440
Кара-Сакал м. Сайдаметов Дж.
Каримов 311, 378
Карпов 95
Касимов (I) 436
Касимов (II) 102
Касимов Г.С. 233, 336
Каспарова 196
Касымов 284, 287
Катханов 357
Кемаль М. (Кемаль-паша) 35, 358,
369, 379, 402, 404

Керзон 93
Кильмашов 361
Киров С.М. 16
Китаев И. Н. 407
Ключевский В. О. 26
Коба См. Сталин
Козырь Н. Ф. 429
Колесников 417
Колчак А. В. 12, 95, 96, 392
Кондратенко 401
Кондратьев 20, 410
Кондратюк 415—417
Коперник 415
Корбут М.К. 434
Коркмасов 195
Корнеев 339, 340, 352
Космарская Л. Ф. 422
Космасов И. А. 50, 66-68
Красный 359
Крестинский Н. 12
Кривицкий 384
«Крот» 57
Крохичев Ф. А. 401, 416—419
Крымов 38, 39, 41
Кудояров Г. 293, 327, 328, 362
Кудряшов Н.Г. 342
Куйбышев В.В. 15—17, 31, 60, 62,
70—72, 84—86, 106, 133, 261, 326,
327
Кулаков 353, 354, 399
Кулеев 440
Кульвежиров 195
Кумов М. 38
Кун Бела 202, 204, 235
Курбангалеев 361
Курбангалиев М. Х. 440
Курбанов 417
Курмеев М. М. 332
Кутлубаев И. 441
Кутлубаев М. 441
Кутлубаева (Губеева) Р. Ш. 441,
442
Кутлубаева К. И. 441
Кутушева 440

- Кутцев А. Б. 65
Кушаев Ф.А. 216, 233
Кушаев Х. К. 29, 42, 50
Лазарев 140, 147, 148, 150, 151, 179, 180
Лавишев Х. 30, 64, 65
Лен 415
Ленин В.И. 10, 12, 14, 15, 17—19, 43, 54—56, 61, 90, 91, 93, 96, 98, 113, 125, 149, 166—168, 178, 253, 263, 306, 308, 316, 321, 338, 375, 386, 392, 393, 395, 403, 407, 408, 424—427, 443
Леонтьева А. И. 411
Леушин М. 17
Лидэ А. 108
Лисин Е. А. 428
Лисицын 437
Литвинов 368, 378
Лукичева О. Ю. 27
Лукманов 441
Луначарский А. В. 63
Лушниковая Р. М. См. Султан-Галиева Р. М.
Ляшин С. С. 341
Ляшков 347
Мавлюдов 149
Мавмогов 40
Магадеев 438
Магдеев К.Х. 355, 362, 401, 417, 419
Магомед 40, 157
Мазур 373, 382, 383
Мазуров 384
Макаев А. 65
Макаров 163
Макарьян 352
Максимов 53
Максудов А. (I) 440
Максудов А. (II) 440
Максудов (Максуди) С. Н. 358
Максудов 438
Максудов Г. Г. 61, 290, 324, 329, 394, 409, 410, 438
Маленков Г. М. 25, 26
Малышев 312, 417
Мальченков И.З. 342
Малютин Д. П. 337
Маметов М. М. 202
Мамышева Р. 441
Манатов Ш.А. 31
Мансуров Б. 332, 335
Мансуров Г. Г. 21, 55, 61, 94, 108, 117, 122, 123, 147, 171, 186, 190, 206, 208—210, 212—216, 221—228, 230, 232, 237, 239, 247, 250, 255, 256, 259, 260, 262, 266—268, 272, 273—276, 294, 304, 323, 331, 334, 335, 344, 359—361, 386, 389, 393, 406—410
Мансуров М. 334
Мануильский Д. З. 124
Марголин Л. 364, 365, 401, 415—419, 436—438
Маркович Э. М. 400, 417, 418, 420
Маркс К. 98, 137
Марченко 370, 380, 381
Матвеева Н. 390
Махарадзе Ф. И. 14, 388
Махмутов М. И. 427
Мдивани (Буду-Мдивани) П. Г. 14, 15, 53, 55, 359, 370, 380, 388
Медиев Р. 201
Межлаук И. И. 337
Меметов С. 204, 208, 361
Мевжинский В.Р. 16, 20, 21, 71, 72, 75, 80, 337
Меркулов 23, 365, 366
Микоян А. И. 16
Миллер 235
Мингазов М. Г. 428
Мирзагалиев 357
Михайлов 108
Михайлов А. 22, 25
Михайлов В. И. 372, 400, 401, 415—417, 420
Михеев 122, 123
Моисеев 299, 309, 310, 318, 321
Молотов В. М. 16, 60, 62, 70, 230, 244, 247, 256, 437

- Морозов 436
 Мостакаев 441
 Мраткузин 310
 Музафаров 416
 Мукмиев С. 440
 Мулюков М. А. 428
 Муратов М. 440
 Мурзабулатов (Мирзабулатов) С. Г. 44, 77, 344, 356, 358, 407
 Муртазин 228
 Муртазин М.Л. 12, 35, 45, 67
 Мусабеков 20
 Мускеев 30
 Муслимов А. Я. 99-101, 131, 136, 140, 155, 164, 166
 Муслимов А. 185, 187, 189—191, 193, 201, 203, 205, 210, 213, 214, 230, 236, 239, 263
 Мустафин (Мустафа) 186—189, 192, 193, 196, 208, 210, 213—215, 224, 229, 230, 236
 Мутин И. 31, 357, 406
 Мухамадиев Р. С. 428
 Мухамедьяров 441
 Мухамедьяров Ф. 217, 225, 361
 Мухаметжанов 371
 Мухаметзянов 298, 307
 Мухаметзянов (Мухаметьянов) 415
 Мухаметшин 372
 Мухирова Р. 440
 Мухитдинов А. 64
 Мухтар-бей А. 358, 368, 369, 378, 379, 402, 405, 413
 Мухтаров К. Г. 21, 32, 35, 40, 55, 61, 64, 70, 74, 77, 85, 94, 96, 107, 136, 137, 143, 149, 157, 160, 171, 175, 176, 181, 185—191, 195, 196, 198, 206, 208—210, 212—217, 219, 221—225, 227—230, 232, 233, 237, 239, 240, 244—246, 250—252, 254, 255, 257, 259—262, 266—268, 270—273, 275, 276, 279, 282, 285, 288, 290, 294, 304, 310, 313, 328, 331, 332, 335, 344, 357, 359—361, 376, 386, 390, 393, 406—410, 417, 437, 438
 Мухтаров Н. 438
 Набиуллин 438
 Нагуманов Д. Н. 428, 429
 Назмутдинов С. 440
 Нариманов Н. Н. 14, 15, 20, 46, 53, 55
 Насырова 440
 Негметзянов (Негаметзянов, Негометзянов) 94, 143, 149
 Недачин 162
 Нигматуллин А. 350
 Нигматуллин К. 440
 Нигматуллин Ш. 440
 Николаев 133, 142, 144, 167
 Николаев А. Я. 423
 Никольский Н. В. 122
 Нимвицкий Б. Н. 69
 Нияз-бей 378, 402, 405
 Новиков 157
 Ногаев Р. 189, 192—194, 196, 197, 200, 201, 207, 209, 211, 214, 217, 223, 228, 235, 236, 237, 251, 262, 270, 344
 Ноги 64
 Носке 125
 Носов 200, 237
 Одабаш А. 211
 Озенбашлы А. 31, 55, 187, 189—191, 193, 194, 199—203, 210—212, 221, 222
 Озенбашлы С. 193
 Орджоникидзе Г. К. 14, 16, 55
 Оруджиев 343
 Павлов 115, 117, 118, 140, 145, 146, 181
 Палькин 417
 Палютин Х. Р. 154, 155, 410
 Памукчи 186, 188, 190, 191, 196, 198, 206, 213, 234
 Петерс Я.Х. 16, 17, 21, 37, 38, 46, 50, 52, 54, 59, 68, 69, 70, 184, 210, 223, 235, 241—244, 246, 255, 276, 437

- Петров (I) 347
 Петров (II) 436
 Петропавловский 189, 191, 198, 200, 201, 203, 211, 213, 214, 219, 228, 256—258, 264, 265, 268
 Пилсудский Ю. (И.)-К. 269
 Пинсон Б. Д. 249, 435, 437
 Письменная Г. Р. 443
 Плеханов Г. В. 104
 Подвойская А. 65
 Преображенский Е. А. 206
 Прокопенко А. С. 411
 Прохорова Т. М. 428
 Пугешев И. 440
 Пушкин А. С. 11
 Пятаков 206
 Радек К. Б. 14, 16, 19, 60
 Радзинский Э. 20
 Радус-Зенькович 21, 240—246, 249, 255, 276
 Разумов М. О. 233, 238, 277, 279, 283, 286, 288, 290, 291, 294, 299, 309, 316, 318, 321
 Раимов (I) 440
 Раимов (II) 441
 Раковский Х. Г. 15, 369, 388
 Рамаев Х. 440
 Рамазанов 314, 317
 Рамеев 336
 Рамзи Ш. М. 94, 179, 232, 234, 438
 Рамзин 20
 Расул-Заде М. 11
 Ратехин К. А. 436
 Рафиков М.А. 438
 Рахим А. 440
 Рахимбаев 20, 64, 65, 69
 Рахманкулов К. 438
 Рахматуллин 441
 Рахматуллин И. Ш. 95, 96, 102, 140, 277, 287, 289
 Резванов 310, 314, 318
 Резяпов А. Х. 443
 Рефатова Н. А. 27
 Ромаев 344, 345, 347
 Рубинштейн 284, 285, 292
 Рудзутак Я. Э. 60, 62, 437
 Рустем См. Султан-Галиев М. Х. Рызаев 74
 Рыков А. И. 20, 255, 393
 Рыскулов Т.Р. 14, 20, 32, 35, 36, 55, 64, 78, 85, 196, 254, 267, 388
 «Рябой» 57, 58
 Сабиров Г. 441
 Сабиров М. Г. 427, 429
 Сабиров Р. А. 61, 104, 137, 150, 151, 156, 157, 178, 189, 208—210, 212, 214—216, 221—226, 228—234, 237, 239, 244—246, 250, 255, 259—262, 266—268, 271—273, 275, 276, 291, 294, 304, 331, 332, 334, 344, 359, 362, 376, 386, 390, 393, 394, 406—410, 436—438
 Савинков Б. 337
 Сагди А. 361
 Сагидуллин М. С. 22, 103, 106, 108, 138, 143, 144, 150, 175—177, 179, 181, 281, 293, 307, 316, 317, 326, 335, 370, 395—397, 400, 401, 410, 415, 416
 Сагиев 332
 Сагитов 105, 153
 Садыков С. 332
 Садырин 231
 Саид-Вакасов 336
 Саид-Галиев С. 13, 40, 56, 90, 91, 93, 94, 96, 103, 106—109, 111, 113, 117, 124, 126, 134, 143, 149, 150, 152, 154, 157, 168, 172, 199, 202, 227, 233, 235, 327, 335, 345, 347, 360, 410, 427
 Сайдаметов Дж. (Сейдамет, Сакаллы-Джелаял, Кара-Сакал) 46, 74, 75, 78, 198, 199, 203, 205, 211, 212, 217, 221, 222, 264, 269, 358, 368, 377, 378, 383, 402, 404
 Сайратдаров 103
 Сайфи 439
 Сайфи А. (Сайфуллин Г. Ш.) 441

- Сайфи Х. 105, 438
Сакаллы-Джелял См. Сайдаметов Дж.
Салимьянов Г. К. 45
Салихов 332
Салихов С. 361
Сами-Бекир См. Бекир-Сами
Самойлова (Землячка) Р. С. 202
Самсонов 17
Самурский 195
Самцов А. В. 441, 442
Сапаров 62
Сапронов 16, 43, 75
Саттар 436
Саттаров Ш. 215, 436, 438
Сафар-Галиев 93
Сафаров Г. 21, 216, 239, 241, 243, 268, 359
Сейдаметов 228
Сейфи 193, 235, 255
Сейфи Н. 335
Семашко Н. А. 408
Семенов 123, 160, 171, 277, 283
Сердар Ахмет См. Джемаль-паша
Сигачев 417
Симаков 365—367, 371
Синюшин 147, 180
Скоба 317
Слущкий 95
Смелов 162
Смидович П.Г. 30
Смирнов 370, 380
Смолдов 146
Соколов В. В. 405
Соколовский 54
Соловьев 118, 121, 158, 160, 163
Сольц А. 68, 70
Сталин И.В. 10—23, 25, 32, 35, 40, 43, 44, 46, 47, 54—56, 60, 62, 63, 70-72, 74, 76, 77, 79, 84—88, 93, 98—100, 125—127, 131, 139, 149, 151, 165, 169, 184, 209, 230, 233, 246, 247, 249, 251, 258, 266, 268, 270, 277, 306, 321, 326, 337, 368, 369, 375, 376, 381, 386, 388, 391—393, 395, 407—409, 411, 417, 421, 429, 437, 442, 443
Стасин Е. Д. 12
Стопани А. М. 374
Струппе 128, 129, 133, 135, 136, 138, 151, 155, 172, 174, 176, 182, 437
Субаев В. 440
Сулейманов А. 440
Султанбеков В. Ф. 10, 25, 27, 394, 410, 431
Султан-Гали 411
Султан-Галиев М. М. 423, 442, 443
Султан-Галиев М. Х. 10—47, 50—56, 59—66, 68—88, 92—97, 99, 100—107, 110, 111, 113—117, 124—130, 132, 135—138, 141, 142, 144—146, 148—156, 158, 159, 164, 171, 172, 174, 180—182, 184—194, 196—200, 206, 212—236, 238, 239, 241—243, 246, 247, 250—257, 259—262, 265—273, 276, 277, 279, 282, 283, 287, 290, 292, 294, 301—305, 309—312, 315, 316, 319, 321—326, 331, 332, 334, 336, 337, 339—343, 345—360, 363—373, 382—385, 387—401, 405—417, 419—431, 441—443
Султан-Галиев Ф. Х. 441, 442
Султан-Галиева (Чанышева) Г. Р. 442
Султан-Галиева Г. М. 423, 442, 443
Султан-Галиева М. Х. 443
Султан-Галиева (Чанышева) Р. 39, 442
Султан-Галиева Р. М. 343, 384, 385, 423, 442, 443
Султан-Галиева (Ерзина) Ф. А. 228, 423
Султанов (I) 45
Султанов (II) 441
Султанов Ф. 440
Сулькевич С. 335
Суслин 373, 382
Тагиев 357

- Тагиров 94, 370, 380
 Тагиров Г. 440
 Тагиров И. Р. 23, 428
 Таджи-Бахши 37, 57, 69, 74, 76, 78, 79, 84
 Таипов 334
 Таишев М. М. 428, 431
 Талаат-бей 403
 Таначев В. 16, 28, 357, 362, 406
 Таначева 31
 Тарджиманов К. К. 44, 55, 66—69, 78, 177
 Тарпищев Х. Г. 29, 335, 336
 Терегулов Г. Х. 30, 361
 Терегулов А. (Г.) 45, 67
 Терегулова Р. 440
 Терский А. А. 287
 Тимофеев 281, 283
 Тимрханов 440
 Тинчурин К. Г. 417
 Тляубердин Х. З. 45, 344, 370, 395—398
 Толстой Л. Н. 11
 Томский 16
 Топчибашев А. 11
 Троицкий Л. Д. 10, 12, 14—16, 18—21, 43, 54, 56, 60, 62, 85—87, 111, 115, 125, 126, 128, 132—134, 136, 137, 142, 149, 151, 152, 170, 173, 265, 266, 268, 359, 360, 369, 370, 376, 377, 380, 381, 393
 Туальбаев 45
 Тукай Г. 11, 104
 Туктаров Ф. Ф. 31, 177
 Тулеев 211
 Тунгур А. 10
 Тургенев И. С. 11
 Турупчи О. 186—191, 202, 211, 212, 214, 230, 236
 Тухватуллин 311, 314, 318
 Тухватуллин Ш. Д. 31, 45, 51, 66, 67
 Тухвитуллов См. Тухватуллин Ш. Д.
- Тычкин 313
 Тюменев (I) 314
 Тюменев (II) 441
 Тюменев М. 441
 Тюрагулов 64
 Убайдулла См. Ходжаев У.
 Ульрих В. В. 372, 373
 Умеров Б. 211
 Умеров С.-Я. 186, 192, 196, 211, 234
 Уразаев З. 440
 Урманче Б. И. 440
 Урманчиев А. К. 397, 398
 Урманчиев Х. (А.) И. 220, 344, 359, 361, 362, 370, 395-397, 441
 Усманов 62
 Усманов Н. 144
 Усманов Ш. Х. 93, 94, 96, 114, 133, 136, 140, 141, 170, 175, 360, 406, 417, 419, 438
 Фаезова Г. Н. 27
 Файзи 64
 Файзуллин 362
 Файзуллин М. 441
 Файк А. 187, 188
 Фасхи Г. 228, 436, 438
 Фасхутдинов 92, 112, 144, 170, 175, 355, 362
 Фатахутдинов 66
 Федотов 366, 371, 415
 Финк 417
 Фирдевс И. К. 32, 35, 36, 46, 47, 55, 56, 69, 77, 78, 85, 95, 114, 185—196, 198—202, 207, 208, 210—214, 217, 221—223, 225, 228, 230, 232, 234—237, 239, 251—255, 276, 294, 304, 344, 358, 360, 361, 363, 386, 389, 393, 406, 407, 409, 410
 Фофанова О. В. 27
 Фриновский 355, 401, 416, 417
 Фролов 417
 Фрунзе М. В. 15, 16, 133, 134, 142
 Фуад А. 368, 378, 402—405, 413
 Хабиб А. 441
 Хабиб Г. 440

- Хабибуллина Ф. С. 386
 Хайруллин И. К. 428
 Хайруллин К. 436, 438
 Хайруллин С. 148, 179
 Хайсеров (Хайсер, Хайсерли) Амет
 186—189, 191—194, 196, 198, 199,
 201, 204, 211—214, 216, 221—223,
 226, 243, 256, 259—273, 275, 358
 Хакимзянов Р. Г. 25
 Хакимов Р. С. 428
 Халиков М. Д. 29, 42, 44, 51, 216,
 336
 Халиль-паша 358, 368, 402, 404,
 413, 414
 Халимов 33
 Халитов 114
 Хамзин К. Х. 438, 441
 Хамматов Ш. Ш. 428
 Харисов Р. М. 428
 Хасанов З. 67
 Хасанов М. Х. 428
 Хагаевич М. М. 18, 216, 219, 225,
 232, 265, 316, 327
 Хаттатов 187, 190, 202, 203, 210,
 211, 263
 Хафизов С. Х. 220, 221, 237, 359,
 361, 362, 370, 379, 380, 441
 Хисматуллин Ш. 440
 Ходжаев Г. (У.) 64, 357, 361, 406
 Ходжаев К. 441
 Ходжаев Т. 361
 Ходжаев Ф. 14, 65, 388
 Ходжаев Х. 361
 Ходжанов 127
 Ходоровский И. И. 67, 227
 Христос 172
 Хузяханов И. 441
 Хусаинов Г. 440
 Хусаинов Х. 441
 Цаликов (Цаликати) А. 11, 12,
 Цепаев 339—342, 352—354
 Чайка М. И. 420, 422
 Чанмеев 31
 Чанышев С. Ш. 443
 Чанышев Х. 94, 96, 108
 Чанышев Я. Д. 95, 96, 291, 293
 Чапчакчи Х. 31, 55, 187, 188, 190,
 191, 201, 211
 Чаянов 20, 410
 Челебиджан 202
 Чобан-Заде 55, 194, 202—204, 210,
 212, 262
 Чубарь 16
 Чуб-Чакчи См. Чапчакчи Х.
 Шабибулов 103
 Шаги Гирей 399
 Шагимарданов 29
 Шаймарданов Ш. Ш. 135, 216, 225,
 327, 328, 335
 Шаймиев М. Ш. 423, 424, 429, 431
 Шайхали 441
 Шакиров А. 438
 Шакиров М. 438
 Шамарданов 179
 Шамгулов С. 31
 Шамигулов Г. К. 63, 102, 124, 126,
 326
 Шамсутдинов В. 220, 361
 Шанарев Г. Г. 342
 Шангиреев 362, 363
 Шараф З. Х. 441
 Шарафутдинов Д. Р. 27, 39, 385,
 394, 411, 426, 427, 428, 431, 441,
 443
 Шарки Ю. 333
 Шафеев А. 370
 Шафиев 332, 334
 Шварц С. С. 82, 92, 94, 104, 105,
 122, 141, 158, 161, 175, 176, 181,
 436, 437
 Шелудченко М. И. 22, 23, 400, 401,
 415—420
 Шилов 370
 Шингареев 150, 163
 Шириязданова А. Р. 27
 Шкирятов М. 17, 59, 68, 70
 Шмидт 437
 Шорин В. И. 12

Шоркин М. Г. 423
Шорохов 437
Шукри-бей 205, 212, 368, 402, 404
Шульгин 232
Шюкрю-бей А. 404
Шюкрю-бей К. 404
Шюкрю-бей М. 404
Эйтингон 66
Эльцен Б. М. 370, 380, 381
Эмин А. 404
Энвер-паша 13, 14, 32, 358, 368,
402—404, 413, 414
Эниз-бей 405, 414
Эфендиев С. М. 46
Юдин 345
Юмагужин 44
Юмагулов Х. Ю. 332
Юнусов 186, 214, 229, 361

Юревич 233
Юровский 20
Юрченко В. С. 400, 420
Юсупов С. 65
Юсуф-бей (Юсуф-бей Акчура Оглы)
См. Акчурин (Акчура Оглы) Ю.
Явкаев Г. Б. 420—422
Явкаев М. А. 339, 344, 346, 347,
349—351, 364, 370, 371, 381, 395,
399, 420
Ягода Г. Г. 20, 21, 23, 25, 210, 223
Яковлев А. Н. 23, 423
Якубов 113, 114, 141, 175
Ярославский Е. М. 16, 17, 21, 71,
72, 237, 240, 255
Яруллин Н. Я. 103, 108
Яхин К. В. 421

Список сокращенных слов

- АВП — Архив внешней разведки
Башреспублика — Башкирская республика
БНСР — Бухарская Народная Советская Республика
ВО ОГПУ, Башотдел ОГПУ — Башкирское отделение Объединенного государственного политического управления
б/партийный — беспартийный
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВО ГПУ — Восточный отдел Государственного политического управления
воисполком — волостной исполнительный комитет
ВСНХ — Всероссийский совет народного хозяйства
ГВП — Главная военная прокуратура
горсовет — городской совет
ГПУ — Государственное политическое управление
гр.— гражданин
г.-р.— года рождения
Губком — губернский комитет
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
Дальревком — Дальневосточный революционный комитет
КИ, коминтерн — коммунистический интернационал
Коморганизация — коммунистическая организация
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
к.-р.— контрреволюционный (-ое, -ая)
Крымобластком — Крымский областной комитет
КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока
«М-Ф» — Милли Фирка
Наркомат — Народный комиссариат
Наркомзем — народный комиссариат земледелия
Наркомнац, НКНац — Народный комиссариат по делам национальностей
наркомнац — народный комиссар по делам национальностей
Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия
наркомпрод — народный комиссар продовольствия
Наркомпрос, НКПрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомюст, НКЮст — Народный комиссариат юстиции

наркомюст — народный комиссар юстиции
Наробраз — отдел народного образования
наробраз — заведующий отделом народного образования
нацвопрос — национальный вопрос
НКЗдрав — Народный комиссариат здравоохранения
НКП — Народный комиссар(иат) финансов
НКПрос — Народный комиссариат просвещения
НЭП, нэп — новая экономическая политика
ОК, обком — Областной комитет
ОКК — Областная контрольная комиссия
полпред — полномочный представитель
ПУР — Политическое управление
РВС — Революционный военный совет
ревтрибунал — революционный трибунал
РКИ — Рабоче-Крестьянская инспекция
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
соввласть — советская власть
совправительство — советское правительство
Сев.Кав.Край ОНО — Северо-Кавказский Краевой отдел народного образования
с.-р.— эсер
Татнаркомвнутдел — Татарский народный комиссариат внутренних дел
татнаркомвнутдел — татарский народный комиссар внутренних дел
Татреспублика — Татарская республика
Татпредставительство — Татарское представительство
т.н.— так называемый (-ое, -ая)
ТР — Татарская республика
ТССР — Татарская
тт.— товарищи
т., тов.— товарищ
Учраспред ЦК — Учетно-распорядительный отдел ЦК

учраспред — заведующий учетно-распорядительным отделом ЦК

Федкомзем — Федеральный комитет землеустройства

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГА ИПД РТ — Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан

Центромусвоенколлегия, ЦМВК, ЦМВКоллегия — Центральная мусульманская военная коллегия

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК, ЦеКа — Центральный Комитет

ЦКК — Центральная контрольная комиссия

ЦКС — Центральный кооперативный Совет

ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС — Центральный партийный архив Института Марксизма-Ленинизма при ЦКА КПСС

ЧК, чека — чрезвычайный комитет

Научное издание

**Неизвестный Султан-Галиев:
рассекреченные документы и материалы**

Составители: *Б.Ф.Султанбеков, Д.Р.Шарафутдинов*
Специальные редакторы: *С.С.Елизарова, Г.С.Садретдинова*

Редактор *М.С.Гатин*

Художник *Заялетдинова Л.К.*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование, компьютерная верстка *Н.Н.Мусиной*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 06.03.2001 г.

С оригинал-макета подписано в печать 28.05.2002. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсет.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл.печ.л. 33,93+вкл.1,17.

Усл.кр.-отт. 35,23. Уч.-изд.л. 36,0+вкл.0,83. Тираж 3000. Заказ Б-191.

Татарстан китап нәшрияты. 420111. Казан, Бауман ур., 19.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://www.tatarstan.ru/books/>

E-mail: tki@books.kazan.ru

Государственное унитарное предприятие Издательско-полиграфический комплекс
«Идел-Пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.